

Г 34

ГЕНКИНА М
НОСИЦКИ И Б
РАВИЛОВИЧ И Р

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

1917—1947

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР
МОСКВА • 1949

*Всесоюзный Институт Юридических Наук
Министерства Юстиции СССР*

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА
И
ПРАВА**

1917—1947

4623

Д. М. Тенкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович

347 (47)
2-34

Проверено 1957 г.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

107908 ✓
806701

код экземпляра

58794

Проверено 1968 г.

Авторы: главы второй — профессор Д. М. Генкин, глав первой и третьей — профессор И. Б. Новицкий, глав четвертой и пятой — доцент Н. В. Рабинович.

Научная редакция проведена профессором Д. М. Генкиным.

ОТ АВТОРОВ

Настоящее исследование посвящено истории важнейших институтов социалистического гражданского права за 30 лет Советского государства (1917—1947 гг.). Общий очерк охватывает основные этапы развития советского социалистического гражданского права за указанный период. Далее даются очерки, излагающие и анализирующие развитие законодательства о собственности в СССР, развитие договорных обязательств, советского семейного права, советского наследственного права.

Предпринимая это исследование, авторы не ставили задачей дать исчерпывающее исследование всех нормативных актов, изданных советской властью за 30 лет: изложены и анализированы лишь основные акты, характеризующие развитие советского социалистического гражданского права по фазам и периодам истории Советского государства. Авторы ставили задачей показать активную роль советского гражданского права в руках социалистического государства при построении социалистического общества.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Советское социалистическое гражданское право регулирует имущественные отношения между социалистическими организациями, между социалистическими организациями и гражданами и между гражданами. Оно является единым, охватывая все эти отношения в их неразрывной связи, ибо регулирование имущественных отношений граждан не может происходить в отрыве от регулирования всего имущественного строя СССР. Основным институтом советского гражданского права — социалистическая собственность — предопределяет регулирование всех других институтов, в том числе и право личной собственности граждан.

Советское гражданское право опосредствует экономику советского социалистического общества. В нем отражаются основные черты этой экономики и закономерности ее развития. Но гражданское право не пассивно воспринимает экономику. В руках социалистического государства оно является сильнейшим орудием сознательного воздействия на экономику в целях скорейшего ее развития на основе осознанных закономерностей этого развития. Советское социалистическое гражданское право во всех фазах и периодах развития Советского государства являлось и является активным орудием построения социалистического общества и постепенного перехода его к коммунизму.

Советское гражданское право во всех стадиях своего развития было социалистическим — с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. Основными началами советского гражданского права являлись и являются: социалистическая собственность и ее ведущая форма — государственная собственность как основа экономики социализма; единство политического и хозяй-

ственного руководства со стороны советского социалистического государства; социалистическая система хозяйства, базирующаяся на социалистической собственности; социалистическое планирование; исключение всякой эксплуатации человека человеком; всеобщая обязанность трудиться, право на труд и вознаграждение по количеству и качеству труда; назначение имущественных прав граждан для удовлетворения их личных материальных и культурных потребностей; сочетание личных интересов с общественными, недопустимость противопоставления личного интереса общественному. За тридцать лет истории советского социалистического государства указанные начала прошли славный путь своего развития и полного раскрытия, но все они были заложены в советском гражданском праве уже со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

Тридцатилетняя (1917—1947) история развития Советского государства делится в соответствии с учением товарища Сталина о двух главных фазах развития социалистического государства на два основных периода. Гранью между этими периодами является ликвидация эксплуататорских классов. Сообразно с этим и история советского гражданского права делится нами на две части. Первая часть охватывает время от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов; вторая — от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства, нашедшей свое выражение в новой Сталинской Конституции и продолжающей свое развитие на основе этой Конституции.

В пределах каждой из этих двух главных фаз советская экономика, политика, социально-классовый строй прошли ряд периодов.

Пройденные этапы развития советской экономики и социальных условий являются основными периодами развития советского гражданского права: в зависимости от происшедших изменений в характере социально-экономического строя изменялась и правовая надстройка, в свою очередь воздействующая на развитие экономики.

I

Начальный период истории Советского государства, который можно обозначить как период становления со-

ветской власти, — период проведения Великой Октябрьской социалистической революции, принятия первой Советской Конституции, законодательно закрепившей построение государства пролетарской диктатуры, — характеризуется завоеванием командных высот народного хозяйства и его юридическим оформлением. С первого же дня революции издается один законодательный акт за другим о переходе к государству важнейших средств и орудий производства. Уничтожается помещичье землевладение и вообще частная собственность на землю. Крупнейшие фабрики и заводы отбираются у капиталистов и передаются государству. Национализируются банки, железные дороги, внешняя торговля. Ликвидируется частная собственность на большинство городских строений. Таким образом, буржуазно-помещичий строй потерял экономическую базу и лишился питавших его источников.

Обобщественными средствами и орудиями производства нужно было овладеть, нужно было так организовать управление народным хозяйством, чтобы закрепить его переход на новые рельсы. Отсюда, с одной стороны, ряд законодательных актов, направленных на разрушение старого государственного аппарата и на создание на его месте нового, советского, на искоренение отдельных элементов старого социально-экономического уклада, обусловливавших его и обусловливавшихся им (сословности, неравенства национальностей, влияния церковности на государственную жизнь и т. д.) и на закладку первых кирпичей нового общественного и государственного строя. С другой стороны, устанавливаются общие принципы организации народного хозяйства — промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Законодательство держит курс на ликвидацию частной торговли и на установление планового распределения сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Вообще говоря, в этот начальный период революции наиболее яркие и непосредственные последствия должны были иметь место, и действительно имели место, в области вещного права. Здесь шел процесс разрушения костяка дореволюционного гражданского права — права частной собственности (за исключением трудовой собственности) и постепенного образования нового, социалистического института — права государственной социалистической собственности.

Но и в обязательственном праве первые революционные мероприятия отразились существенным образом. Национализация земли, лесов, недр, вод, заводов, фабрик, банков, железных дорог, внешней торговли, торгового флота, замена (по крайней мере, частично) торговли распределением, — все это, естественно, сузило так называемый частный оборот до крайнего минимума, можно сказать, свело его на-нет. Ибо национализация имущества имела своим следствием запрещение гражданско-правовых сделок в отношении этих имуществ.

14 ноября 1917 г. издаётся документ о рабочем контроле как первом подготовительном этапе к национализации промышленности¹. Этим декретом «в интересах планомерного регулирования народного хозяйства» вводился рабочий контроль над производством, куплей, продажей «продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия».

Тяжелое продовольственное положение заставило молодую власть взять под контроль торговлю продовольствием. Эта мера была намечена в декрете СНК 28 октября 1917 г. — о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле². В декрете ВЦИК 19 февраля 1918 г. о социализации земли³ провозглашено, что торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией (монополия внутренней торговли хлебом была осуществлена только в следующем периоде — периоде иностранной военной интервенции и гражданской войны).

Постановлением ВСНХ от 12 января 1918 г. — об утверждении секции благородных металлов ВСНХ и об установлении казенной монополии торговли золотом и платиной⁴ — из сферы частного оборота изъяты золото и платина; декретом СНК от 23 июля 1918 г. введена монополия на ткани⁵. Названным уже декретом ВЦИК 19 февраля 1918 г. о социализации земли (ст. 18) монополизировалась торговля сельскохозяйственными машинами и семенами. Еще ранее постановлением СНК 1917 г.⁶ в

¹ СУ 1917 г. № 3, ст. 35.

² СУ 1917 г. № 1, ст. 9.

³ СУ 1918 г. № 25, ст. 346.

⁴ СУ 1918 г. № 16, ст. 232.

⁵ СУ 1918 г. № 54, ст. 592.

⁶ СУ 1917 г. № 5, ст. 73.

целях обеспечения сельского хозяйства орудиями производства и обеспечения нужд трудящегося сельского населения были объявлены находящимися в монопольном распоряжении государства все изготовленные и изготавливаемые внутри страны, а также ввозимые из-за границы сельскохозяйственные машины и орудия.

Следствием всех этих мероприятий было значительное умаление удельного веса обязательственного права в старом его понимании.

Национализация банков вырвала из рук буржуазии, из рук частных капиталистов средство эксплуатации трудящихся банковым капиталом и возможность банковской спекуляции. В декрете 14 декабря 1917 г. «О национализации банков» эта мера так и мотивируется: «... в интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого народного банка Российской республики, ЦИК постановляет: 1) банковое дело объявляется государственной монополией...».

По мере распространения принципа государственной монополии все более суживалась сфера торгового оборота; проводится ряд мероприятий, подготовлявших переход от частной торговли к системе социалистического учета тех или иных предметов и их распределения. Эта система шире развернулась на следующем этапе развития (декрет СНК от 21 ноября 1918 г.¹). Но уже и в этом начальном периоде истории Советского государства она применялась к ряду товаров: текстильно-ткацко-набивным изделиям, обуви, швейным ниткам, свечам, мылу, бумаге и т. д.².

Одновременно частная торговая деятельность подвергается ряду правовых ограничений. Постановлением Народного комиссариата торговли и промышленности «О правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий», опубликованным 20/7 апреля 1918 г.³, утвержденным декретом

¹ СУ 1918 г. № 83, ст. 879; также СУ 1918 г. № 84, ст. 884 и др.

² СУ 1918 г. № 17, ст. 261; № 84, ст. 884 и др.

³ СУ 1918 г. № 32, ст. 425.

СНК¹, впредь до издания нового положения о порядке открытия, перехода и преобразования торговых и торгово-промышленных предприятий воспрещались (под угрозой закрытия предприятий и конфискации имущества) без особого в каждом отдельном случае разрешения Народного комиссариата торговли и промышленности следующие действия: 1) продажа и покупка, сдача в аренду либо в залог, переход, передача и переуступка, полностью или частично, торговых (I и II разрядов) и торгово-промышленных (I—IV разрядов) предприятий; 2) образование и открытие новых предприятий; 3) преобразование единоличных предприятий в товарищества полное или на вере и обратно, а также преобразование существующих единоличных предприятий и товариществ в акционерные общества; 4) всякие изменения состава членов товарищества и пайщиков.

Необходимо назвать, наконец, декрет СНК «О национализации внешней торговли» от 22 апреля 1918 г.² Первым разделом этого декрета постановлялось: «Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов (добывающей, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и пр.) с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица Российской республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с заграницей для ввоза и вывоза воспрещаются».

Все эти мероприятия по государственному регулированию экспроприации капиталистических элементов и обращения средств производства в общую собственность трудящихся, во всенародное достояние были закреплены первой Советской Конституцией, принятой на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г. в условиях перехода к новому этапу социалистического строительства — «от экспроприации экспроприаторов» к организационному закреплению одержанных побед, к строительству советского народного хозяйства»³.

Общая линия развития советского права на этом начальном этапе может быть охарактеризована, как орга-

¹ СУ 1918 г. № 47, ст. 561.

² СУ 1918 г. № 33, ст. 432.

³ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 210.

низационное оформление и строительство новой экономики. Право, складывавшееся на базе этой новой экономики, имело ближайшей целевой установкой проведение основных предпосылок социализма — экспроприацию буржуазии и национализацию средств производства; конечная же цель заключалась в построении коммунизма. На VII съезде партии при обсуждении вопроса об ее названии В. И. Ленин говорил: «Начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям»¹.

Значение первых декретов прекрасно обрисовано в постановлении III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов — в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа². В III разделе Декларации сказано: «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах», III Всероссийский съезд Советов подтверждает декреты о земле, о рабочем контроле, о национализации банков.

В первом периоде была выполнена первая задача социалистического строительства: расчистить для него почву, создать основные предпосылки. «Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, свергает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства — социалистическое советское государство, — отменяет помещичью ответственность на землю, передает землю в пользование крестьянству, национализирует все земли в стране, экспроприрует капиталистов, завоевывает выход из вой-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 347—348.

² СУ 1918 г. № 15, ст. 215.

ны, — мир, получает необходимую передышку и создает, таким образом, условия для развертывания социалистического строительства»¹.

II

В следующий период своего развития Советское государство вступило с полученными преемственно от предыдущего периода очередными задачами, требовавшими разрешения. Нужно было довести до конца начатую и в значительной мере уже проведенную национализацию основных орудий и средств производства, т. е. обращение их в собственность Советской республики, в общенародное достояние трудящихся, хозяйственно освоить национализированные предприятия, организовать в общегосударственном масштабе плановое распределение продуктов, превратить национализированные банки, служившие до революции базой и орудием экономического и политического господства капиталистов, в орудие новой, революционной власти.

Осуществление некоторых из этих задач осложнилось иностранной военной интервенцией и гражданской войной. Начатая советской властью гигантская освободительная работа, имевшая целью уничтожение капитализма и построение социалистического хозяйства, встретила яростное сопротивление свергнутых классов внутри страны и противодействие со стороны зарубежных капиталистов. Борьба объединившихся внутренних и внешних врагов революции вылилась в мятежи в различных местах Советского государства и в военную интервенцию ряда капиталистических государств. Началась гражданская война.

В качестве первоочередной выступила задача подавить сопротивление контрреволюции и изгнать с советской земли внешних интервентов, защитить завоевания революции. До разрешения этой задачи созидательная работа по социалистическому строительству неизбежно задерживалась.

Страна была объявлена военным лагерем; вся хозяйственная и культурно-политическая жизнь была перестроена на военный лад — под лозунгом «Все для фрон-

---

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 214.

та». Для победы над сильными и многочисленными врагами необходимо было прежде всего обеспечить снабжение армии — продовольствием и военным снаряжением, тыла — продовольствием и предметами первой необходимости.

Государство берет под контроль все стороны хозяйственной жизни.

Расширяются и углубляются продовольственные мероприятия первых месяцев советского режима. Если тогда торговля предметами продовольствия была взята под контроль государства (декрет СНК 28 октября 1917 г. «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле»¹), был организован товарообмен для усиления хлебозаготовок (декрет СНК 2 апреля 1918 г.²; декрет СНК 5 августа 1918 г.³), была открыта энергичная борьба со спекуляцией хлебом⁴ и т. д., то теперь вводится государственная монополия хлебной торговли (с твердыми ценами на хлеб), запрещена частная торговля хлебом и, что особенно характеризует этот отрезок советской истории, установлена система продовольственных разверсток. Продразверстки имели целью взять на учет все излишки хлеба и других предметов продовольствия, имеющихся у крестьян, установить обязательную сдачу этих продуктов государству, накопить таким образом некоторые запасы хлеба и других предметов продовольствия и обеспечить снабжение, в первую очередь, Красной Армии, а также рабочих, от которых потребовалась напряженнейшая работа под лозунгом «Все для фронта»⁵.

---

¹ СУ 1917 г. № 1, ст. 9.

² СУ 1918 г. № 30, ст. 398.

³ СУ 1918 г. № 58, ст. 638.

⁴ Декрет ВЦИК 9 мая 1918 г. (СУ 1918 г. № 34, ст. 468); постановление СНК 28 сентября 1918 г. (СУ 1918 г. № 71, ст. 775). Следует также упомянуть: декрет о реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов в соответствии с задачами укрепления продовольственной диктатуры от 27 мая 1918 г. (СУ 1918 г. № 38, ст. 498); декрет об организации комитетов деревенской бедноты 11 июня 1918 г. (СУ 1918 г. № 43, ст. 524).

⁵ В борьбе за хлеб необходимо отметить важную роль комитетов бедноты, через посредство которых государство ломало сопротивление кулачества, не желавшего продавать хлеб по твердым ценам (СУ 1918 г. № 43, ст. 524).

Введение хлебной монополии, система продрозверсток, строжайший учет и сосредоточение в руках государства распределения хлеба и прочего продовольствия — подробно мотивированы и в произведениях Ленина и в постановлениях партийных и советских организаций. В письме «К питерским рабочим» Ленин писал: «Кто не работает, да не ест» — как провести это в жизнь? Ясно, как ясный божий день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т. е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было»¹.

В «Очередных задачах советской власти» Ленин писал: «Без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может, возврат под иго капитализма не избежен»².

Состоявшийся в декабре 1919 г. VII съезд Советов РСФСР в постановлении «Об организации продовольственного дела в РСФСР»³ признал, что «учет и сосредоточение в руках государства необходимых населению продовольственных продуктов в целях преимущественного снабжения ими трудящихся перед нетрудящимися возможен лишь при установлении государственной монополии на главнейшие продукты питания». Наиболее целесообразным средством получения государством в свои руки продовольственных излишков, «ведущим к осуществлению государственной монополии не только на словах, но на деле», съезд считает обязательную разверстку.

Нормативные акты, в которых нашла отражение основная линия экономической политики на данном отрезке времени — система продовольственных разверсток, являются наиболее характерными для этого периода развития.

Основной декрет о продрозверстке 11 января 1919 г.⁴ ставил это дело следующим образом: определялась сум-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 27.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 450.

³ СУ 1919 г. № 64, стр. 579.

⁴ СУ 1919 г. № 1, ст. 10.

80670
107908

ма излишков сельскохозяйственных продуктов, подлежащих изъятию у крестьян; эта сумма распределялась между отдельными хозяйствами по классовому принципу; продукты должны были сдаваться по твердым ценам; при уклонении от добровольной сдачи продукты изымались принудительно и в этом случае безвозмездно.

5 августа 1919 г. издается декрет СНК «О товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов»¹. В тексте этого декрета указывается, что он издается в развитие и объединение декретов от 2 апреля и 5 августа 1918 г. о товарообмене², которые с вступлением в действие этого нового декрета утрачивают силу, и в целях сбора сырья и топлива для обслуживания и воссоздания промышленности. Декрет 5 августа 1919 г. постановляет, что все снабжение органами Народного комиссариата продовольствия и потребительскими обществами сельского населения РСФСР предметами добывающей и обрабатывающей промышленности, а также хлебом и другими продовольственными продуктами, производится лишь при условии обязательной сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промыслов.

С другой стороны, снабжение населения важнейшими продовольственными и промышленными товарами производится путем не торговли, а административного распределения по карточной системе с соблюдением строго классового принципа.

Для обрисовки общих линий развития права в области продовольственного вопроса имеет значение декрет СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах»³.

В «Очередных задачах советской власти» Ленин писал: «Социалистическое государство может возникнуть лишь, как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность...»⁴. Изданный в первом пе-

¹ СУ 1919 г. № 41, ст. 387.

² СУ 1918 г. № 30, ст. 398; № 58, ст. 638.

³ СУ 1919 г. № 17, ст. 191.

⁴ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 451.

риоде развития 11 апреля 1918 г. декрет ВЦИК о потребительских обществах Ленин характеризует как «чрезвычайно знаменательное явление, которое наглядно показывает своеобразие положения и задачи Советской социалистической республики в данный момент», как «соглашение с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения»¹.

Необходимость подобного компромисса в то время Ленин объяснял тем, что пролетариат не успел наладить учет и контроль в общегосударственном масштабе. Заключая такое соглашение с буржуазными кооперативами, советская власть конкретно определила свои тактические задачи и своеобразные методы действия для данной полосы развития. «Руководя буржуазными элементами, — продолжает Ленин, — используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоеванных позиций»².

С этим компромиссным декретом декрет СНК 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» покончил. Издание нового декрета мотивировано тем, что трудность продовольственного положения требует особой экономики, а для этого должен быть создан единый распределительный аппарат; между тем до этого декрета существовали тройкие распределительные органы (продовольственные органы, рабочие кооперативы, общегражданские кооперативы). По декрету 16 марта 1919 г. потребительские кооперативы во всех городах и сельских местностях объединялись и реорганизовывались в потребительскую коммуны. Каждый гражданин должен был быть членом потребительской коммуны и приписаться к одному из распределительных пунктов. Потребительские коммуны непосредственно или через районные союзы объединялись в губернские союзы. Единым хозяйственным центром всей этой системы являлся Центральный союз потребительских коммун (Центросоюз). Местные продовольственные органы должны были передать потребительским коммунам все дело распределения продуктов и предметов первой необходимости. К потребительским

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 452.

² Там же.

коммунам переходили и права кооперации в области заготовок. На местные продовольственные органы было возложено наблюдение за выполнением потребительскими коммунами и их союзами декретов и постановлений советской власти.

Названием «коммуна» капиталистические элементы деревни стали пользоваться для ложных утверждений, будто советская власть принудительно образует земельные коммуны, будто уничтожается всякая частная собственность в деревне и т. д. Вследствие этого 30 июня 1919 г. ВЦИК решил, оставив декрет 16 марта 1919 г. в полной силе, вернуться к прежнему названию: «потребительское общество»¹.

Расширяется проведение национализации промышленности. Под контроль государственной власти, кроме крупной промышленности, перешедшей в предыдущем периоде в руки государства, была поставлена средняя и мелкая промышленность (декрет СНК от 7 сентября 1920 г. о регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности²). Организуется строгий учет промышленной продукции.

Ближайшим образом эти меры были вызваны необходимостью для государства образовать некоторый промтоварный фонд, на основе которого можно было бы, наряду с методом продрозверсток, использовать еще путь товарообмена и получить от деревни хлеб, необходимый для обеспечения снабжения армии и трудящегося населения.

Партия и правительство, проводя изложенные постановления, разумеется, не упускали из виду радикального средства улучшения экономического положения, а именно, развитие производительных сил, увеличение общего количества всевозможных продуктов. VIII съезд РКП(б), происходивший 18—23 марта 1919 г. и принявший программу партии, записал в этой программе в числе очередных задач, подлежащих разрешению: «Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны»³. Однако условия войны с

¹ СУ 1919 г. № 34, ст. 339.

² СУ 1920 г. № 78, ст. 366; № 94, ст. 416.

³ ВКП(б) в резолюциях и решениях, 1941, ч. 1, стр. 289.

интервентами и внутренними контрреволюционерами создавали в это время неимоверные трудности для хозяйственного строительства, не позволявшие с требуемой обстоятельностью быстротой достигнуть необходимых результатов в смысле увеличения продукции промышленных предприятий и сельского хозяйства.

Для общей характеристики гражданского права периода гражданской войны, получившего название «системы военного коммунизма», необходимо еще отметить проводившийся (в особенности в конце этого периода) принцип бесплатности оказания различных услуг государственными и главным образом коммунальными органами. Относящиеся сюда мероприятия можно поставить в связь с тем обстоятельством, что параллельно с сужением сферы гражданского оборота шел процесс уменьшения значения денег. В принятой VIII съездом РКП(б) программе партии дана в этой части такая установка: «В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке, введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.»¹.

Одним из такого рода мероприятий явился переход к бесплатному оказанию так называемых коммунальных услуг и некоторых других видов обслуживания. После отдельных частных постановлений об отмене платности в отношениях между советскими учреждениями и предприятиями² принцип бесплатности обслуживания был

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях, 1941, ч. I, стр. 293.

² Декретом СНК 28 января 1920 г. «Об урегулировании взаимных расчетов между советскими учреждениями и предприятиями за освещение, водоснабжение, канализацию, газ и арендную плату» (СУ 1920 г. № 6, ст. 43) все центральные учреждения были освобождены от всякого возмещения Московскому Совету расходов по электрическому освещению, водоснабжению, канализации, газу и арендной плате за помещения; постановлением СНК 25 марта 1920 г. (СУ 1920 г.

провозглашен на более широкой основе. Именно декретом СНК от 11 октября 1920 года «Об отмене некоторых денежных расчетов»¹ дана директива применить принцип бесплатности обслуживания в более широком масштабе.

На основе этой директивы был издан в 1920 и в начале 1921 г. ряд постановлений, отменявших платность предоставлявшихся государственными органами услуг².

III

С окончанием гражданской войны Советское государство получило, наконец, возможность планомерного хозяйственного строительства. Тяжелое наследие семи лет непрерывной (империалистической и гражданской) войны настоятельно требовало огромной работы по восстановлению народного хозяйства, разрушенного во всех его отраслях. Сельское хозяйство переживало страшный упадок (в первый послевоенный год осложнившийся еще во многих губерниях неурожаем). Фабрики и заводы были в полуразрушенном состоянии, работали слабо, в большинстве вовсе стояли. На транспорте была полная разруха.

Создалось крайне тяжелое положение. Населению не хватало ни хлеба, ни других предметов продовольствия, ни обуви, ни одежды, ни других необходимейших предметов. Голод и недостаток промтоваров давали себя знать и в городе, и в деревне.

Для того, чтобы вести плодотворную государственную работу по восстановлению потрясенного в корне народного хозяйства и по подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов страны, необходимо было немедленно удовлетворить насущнейшие нужды города и

№ 20, ст. 109) была отменена оплата советскими учреждениями, предприятиями и хозяйствами пользования почтой, телеграфом, телефоном и радиографом.

¹СУ 1920 г. № 85, ст. 422.

²Декреты СНК 4 декабря, 17 декабря, 23 декабря 1920 г.; 27 января, 5 февраля, 14 февраля, 23 марта, 11 апреля, 9 мая 1921 г. (СУ 1920 г. № 93, ст. 505; № 99, ст. 531; № 100, ст. 539; СУ 1921 г. № 2, ст. 20; № 6, ст. 45, 46, 47; № 9, ст. 60; № 12, ст. 81; № 32, ст. 178; № 40, ст. 211; № 48, ст. 237). Отменена плата за продукты продовольствия, предметы широкого потребления, топливо, фураж, медицинские средства, произведения печати, жилые помещения, за коммунальные услуги, за пользование почтой, телеграфом, телефоном, транспортом.

деревни: городу — дать хлеб для рабочих, сырье и топливо — для промышленности и транспорта, деревню — снабдить промтоварами и другими предметами первой необходимости.

Учитывая преобладание в то время мелкотоварного единоличного крестьянского хозяйства и мелкособственнические настроения среднего крестьянства, партия и правительство признали необходимым допустить в известной мере частную хозяйственную инициативу, индивидуальный товарообмен. Тем самым открывалась возможность подвести хозяйственную основу под союз рабочего класса и крестьянства, установить рыночные формы смычки рабочего класса со средним крестьянством, без союза с которым нельзя было обеспечить завоевания революции¹. Одновременно признано было необходимым допустить также иностранный капитал на началах концессии (отнюдь не сдавая, однако, частному капиталу «командных высот»)². Эти меры были признаны необходимыми, чтобы оживить сельское хозяйство, укрепить промышленность, создать новую хозяйственную основу союза рабочих и крестьян, являющегося, по указанию Ленина, одним из необходимейших условий окончательного успеха социалистической революции³.

X съезд партии, состоявшийся 8—16 марта 1921 г., принял решение о переходе к новой экономической политике (нэп). Этот же вопрос был центральным в работе IX Всероссийского съезда Советов 23—28 декабря 1921 г. Для руководителей советской политики было при этом ясно, что при сложившейся социально-экономической обстановке о восстановлении государственной промышленности не может быть речи до тех пор, пока не будет достигнут значительный подъем сельского хозяйства.

---

¹ Политика прочного союза с середняком (при сохранении в этом союзе руководящей роли пролетариата) признавалась коммунистической партией и советским правительством единственно правильной и на предыдущем этапе развития; так, VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. обязал партию проводить именно эту политику.

² Нужно заметить, что еще в конце предыдущего периода был издан Советом народных комиссаров декрет от 23 ноября 1920 г. (СУ 1920 г. № 91, ст. 481), по общему своему смыслу являющийся преддверием следующего фазиса в развитии экономики, а на ее почве — политики и права, это — «Общие экономические и юридические условия концессий».

³ См. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 238.

В докладе В. И. Ленина на X съезде партии и в решении этого съезда основные линии, по которым следовало направить изменения экономической политики, обрисованы следующим образом.

Продовольственные разверстки должны быть заменены продовольственным налогом, устанавливаемым в таком заранее объявленном размере, чтобы в крестьянском хозяйстве после внесения налога оставались излишки. Эти излишки должны поступать в полное распоряжение крестьян вплоть до свободы торговли этими излишками. В докладе о продналоге на Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 г. Ленин говорил: «Мы должны дать крестьянству порядочный простор, как мелкому производителю. Без подъема крестьянского хозяйства мы разрешить продовольственное положение не сможем. Вот в каких рамках мы должны ставить вопрос о развитии мелкой промышленности на основе свободы торговли, свободы оборота. Эта свобода оборота есть средство, которое дает возможность создать между рабочим классом и крестьянством такие отношения, которые были бы экономически устойчивы»¹.

Переход к новой экономической политике должен был привести к некоторому оживлению капитализма: допущению частной торговли, разрешению мелких частных промышленных предприятий.

Такое изменение экономической политики, во-первых, было неизбежно, так как при сложившейся обстановке иначе нельзя было побороть хозяйственную разруху: необходимо было создать хозяйственную заинтересованность крестьянина в повышении производительности его труда, без чего нельзя было поднять сельское хозяйство, а следовательно, нельзя было восстановить государственную промышленность. Во-вторых, это изменение политики было и неопасно, поскольку рабочий класс твердо держит в своих руках политическую власть, внешнюю торговлю, транспорт, крупную промышленность, банки. А главное — отступление, заключавшееся в переходе к новой экономической политике, не было только отступлением; напротив, оно было задумано Лениным как накопление сил и средств для того, чтобы затем перейти в решительное наступление на капитал, чтобы таким обра-

---

¹ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 395.

зом ликвидировать всякие остатки капитализма в нашей стране. На IV Конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «Мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед.., не обеспечили себе достаточной базы»¹. Поэтому было необходимо произвести временное отступление к обеспеченному тылу.

Чтобы получить от крестьян хлеб, нужно было дать им все необходимое — предметы широкого потребления, сельскохозяйственное снабжение. Эта задача была выдвинута на первый план. В «Наказе о хозяйственной работе», принятом IX Всероссийским съездом Советов в декабре 1921 г.², говорится: «Главной и неотложной задачей деятельности всех хозяйственных органов Съезд Советов приказывает считать достижение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, прочных практических успехов в деле снабжения крестьянства большим количеством товаров, необходимых для подъема земледелия и улучшения жизни трудящейся массы крестьянства» (п. 1)³. В целях развития оборота между земледелием и промышленностью «Наказ» предписывает всем органам и учреждениям, ведающим внутренней и внешней торговлей, «шире прибегать к частнохозяйственным предприятиям в деле сбора сырья, вывоза его и всяческого развития торговли, понимая при этом роль государственных органов, как контролирующую и направляющую, и преследуя беспощадно всяческую волокиту и бюрократизм, мешающие живому делу» (п. 5). «Наказ» требует от Наркомюста, «чтобы народные суды республики строго следили за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов Республики»; народным судам предлагается обратить больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности (п. 7).

---

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 345.

² СУ 1922 г. № 4, ст. 40.

³ То же подчеркнул IX съезд в резолюции по докладу ВСНХ: «Одновременно с восстановлением перечисленных основных отраслей промышленности поставить обязательной задачей органов ВСНХ поднять производство заводов, вырабатывающих предметы широкого потребления и крестьянского обихода, в целях наибольшего удовлетворения крестьянского и рабочего населения республики».

Учитывая важность на данной стадии развития твердого проведения новой экономической политики, советская власть борется с непониманием этого дела, выявленным кое-где на местах. Постановление СТО от 26 декабря 1922 г.¹ категорически запрещает стеснять торговлю хлебопродуктами даже в тех случаях, когда конечной целью установления такого рода стеснений является желание «удержать от непрерывного роста цены на хлебопродукты или... обеспечить данную губернию хлебом путем закрепления за нею имеющихся запасов хлебопродуктов». Точно так же в резолюции IX съезда Советов по вопросам новой экономической политики подчеркивается необходимость строгого соблюдения революционной законности: «Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономической политики, — гласит эта резолюция, — должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке... Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены». Задача оживления товарообмена, промышленности, кредитных отношений была бы неразрешима, если бы право не содержало гарантии складывавшихся отношений.

Наряду с развязыванием в известных пределах внутреннего частного капитала было признано необходимым допустить для поднятия народного хозяйства также и иностранный капитал в порядке концессий.

Допущение концессионного капитала Ленин в речи 9 апреля 1921 г. о продналоге называет системой государственного капитализма: социалистическая государственная власть дает капиталисту по договору принадлежащие ей средства производства; капиталист работает как контрагент, получает на свой капитал прибыль, а Советскому государству дает определенную долю продукции. Таким образом, путем концессии Советское государство получает немедленное увеличение количества необходимых предметов; в этом положительное значение концессий. Поскольку государственная власть остается в руках рабочего класса, причем советская власть определяет, в каких пределах допустить концессии, и она же контролирует осуществление концессий, это — капитализм го-

---

¹ СУ 1923 г. № 6, ст. 105.

сударственный, не опасный для развития социалистического строя.

Переход к новой экономической политике обеспечивал прочный экономический союз рабочих и крестьян для построения социализма; в этом был гениальный замысел новой экономической политики.

Итог основных изменений в хозяйственной жизни, составляющих в своей совокупности так называемую новую экономическую политику, подводится в вводной части постановления ВЦИК от 30 июня 1921 года «О местных экономических совещаниях, их отчетности и руководстве Наказом СНК и СТО»¹.

«Переход с окончанием напряженной борьбы на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, — говорится в этом постановлении, — позволил внести изменения в хозяйственную политику советской власти. Разверстка заменена натуралогом; разрешен свободный оборот сельскохозяйственных продуктов и кустарных изделий; кооперации предоставлена большая свобода в развитии хозяйственного почина; приняты меры поощрения мелкой промышленности наряду с незыблемым сохранением основных социалистических форм народного хозяйства, крупной промышленности, транспорта, внешней торговли; поощряется всякий хозяйственный начин, могущий способствовать быстрому подъему промышленности и сельского хозяйства. Согласованная, живая, инициативная, свободная от чиновничьей узости, но точная работа всех хозяйственных учреждений Республики, и, в особенности, местных, становится важнейшей необходимостью».

Необходимо при этом иметь в виду, что параллельно с допущением частной хозяйственной инициативы государство в эту эпоху вело социалистическое строительство во всех областях хозяйства. Выдвинутой еще на предыдущем этапе развития задача хозяйственного освоения национализированных предприятий, разрешению которой в то время помешали условия гражданской войны и иностранной интервенции, теперь вновь выступила на первый план. Принимаются конкретные меры по восстановлению государственной промышленности. В этих це-

---

¹ СУ 1921 г. № 44, ст. 223. К постановлению 30 июня 1921 г. приложен Наказ Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны местным советским учреждениям.

лях из числа государственных промышленных предприятий в непосредственном управлении государственных органов (ВСНХ и его местных органов) сохраняются лишь отдельные отрасли промышленности и определенное число крупнейших и важнейших предприятий. Предприятия менее важные сдаются в аренду (кооперативным товариществам, другим объединениям, частным лицам) или же закрываются. Сосредоточенные в руках государственных органов предприятия трестируются в целях упорядочения их работы, поднятия их производительности.

Наряду с государственной большое внимание уделяется и кооперативной промышленности. Рядом законодательных актов государство открывает широкие возможности перед кооперацией в целях развития общественного хозяйственного почина.

Точно так же и в области товарооборота организуется в достаточно широком масштабе государственная и кооперативная торговля.

«Отступление» продолжалось очень недолго: принятое на X съезде партии (март 1921 г.), оно уже на XI съезде партии (27 марта — 2 апреля 1922 г.) было объявлено Лениным законченным¹. Цель отступления, говорил на этом съезде Ленин, достигнута, теперь выдвигается другая цель — перегруппировка сил для борьбы с капитализмом, для решения вопроса «кто-кого».

Новая экономическая политика в последующие годы приняла соответственно видоизмененный характер, но в основном продолжалась. Преодолевая все трудности, сметая палки, вставлявшиеся в колеса антиленинскими элементами в партии и другими врагами советской власти, напрягая все усилия для восстановления народного хозяйства, партия и правительство, продолжая проведение новой экономической политики, добились к 1925 г. ликвидации хозяйственной разрухи и поднятия народного хозяйства до его довоенного уровня.

В заключительном слове на XIV съезде ВКП(б) товарищ Сталин дал такую характеристику нэпа: Ленин «... всегда утверждал, что, допуская торговлю и капитализм и меняя политику в направлении нэпа, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных усло-

---

См. Ленин, [Соч., изд. 3-е, т. XXVII, ст. 238.

виях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма, ибо смычку мы не можем наладить теперь иначе, как через торговлю, ибо мы только таким образом можем укрепить смычку и построить фундамент социалистической экономики»¹. И дальше: «...мы ввели свободу торговли, мы допустили оживление капитализма, мы ввели нэп для того, чтобы поднять рост производительных сил, увеличить количество продуктов в стране, укрепить смычку с крестьянством»².

Переход к новой экономической политике привел к необходимости построить на новых принципах и гражданское законодательство. Этот переход отразился в области гражданского права прежде всего в смысле расширения самой сферы его действия. Параллельно с этим звучит мотив обеспечения прочности складывающихся имущественно-правовых отношений.

Признание системы продрозверсток не соответствующей требованиям сложившейся социально-экономической обстановки получило отражение в правовой надстройке в виде ряда декретов о поставках отдельных продуктов в форме налога в определенных, точно установленных размерах, с тем что все излишки сверх тех норм, которые должны были сдаваться государству в качестве налога, остаются в свободном распоряжении крестьян и ремесленников-кустарей. Как продолжение принципа перехода от продрозверстки к продналогу и как окончательное правовое выражение мыслей, заложенных в этом переходе, нужно рассматривать законодательные акты, изданные в этом периоде и предоставившие крестьянам и кустарям право продавать и обменивать первым — излишки сельскохозяйственной продукции, остающейся после выполнения продналога, вторым — их изделия.

21 марта 1921 г. ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»³.

¹ XIV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, 1926, стр. 489.

² Там же, стр. 490.

³ СУ 1921 г. № 26, ст. 147. Закон о натуральном налоге с земледельцев был принят еще 30 октября 1918 г., но в силу военных обстоятельств в жизнь не вошел. См. В. И. Ленин, Доклад о политической деятельности ЦК РКП(б) на X съезде партии (Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 217).

В примечании III к этому месту в изд. 3-ем Сочинений Ленина говорится, что В. И. Ленин имел в виду декрет ВЦИК 30 октября

В первой статье названного декрета ВЦИК следующим образом мотивирует эту меру: «Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, — разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом». Существо права, предоставленного этим декретом крестьянину, определяется в ст. ст. 8—9 названного закона. Именно, согласно ст. 8, все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота, как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах. Ст. 9 декрета устанавливает для желающих сдать излишки сельскохозяйственной продукции государству право получить в обмен предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря.

Непосредственно за этим декретом и на его основе был издан декрет Совета народных комиссаров от 28 марта 1921 г. «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку¹; 24 мая 1921 г. появляется декрет СНК «Об обмене»². Этим декретом вновь подтверждено разрешение свободного обмена, покупки и продажи остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Право обмена, по-

---

1918 г. «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом», опубликованный в «Известиях ВЦИК» № 284 от 14 ноября 1918 г.; инструкцию НКФ к этому декрету (СУ 1918 г. № 91/92, ст. 921); постановление ВЦИК 23 декабря 1918 г. о натуральном налоге (СУ 1918 г. № 99, ст. 1012).

¹ СУ 1921 г. № 26, ст. 149.

² СУ 1921 г. № 40, ст. 212.

купки и сбыта распространено также на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности, за исключением тех материалов и изделий, в отношении которых состоялись специальные постановления центральной власти. Обмен, покупка и продажа разрешены отдельным гражданам, кооперативным объединениям — потребительским, сельскохозяйственным и кустарным, притом как на рынках и базарах, так и в других местах, как с лотков и ларей, так и в закрытых торговых помещениях. Хозяйственные органы советской власти (народные комиссариаты, главки, центры, заводоуправления и т. д.) изготовляемые ими продукты или находящиеся в их распоряжении сдают для товарообмена в товарообменный фонд РСФСР; этот фонд находится в ведении Народного комиссариата продовольствия и им обращается в обмен преимущественно через кооперативные организации, а в отдельных случаях и через частных лиц, действующих на комиссионных началах.

Принцип перехода от разверстки к налогу нашел свое выражение в ряде конкретных декретов: от 21 апреля 1921 г. — о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена, на молочные продукты, на яйца¹; от 10 мая 1921 г. — на шерсть, на льняное и пеньковое волокно²; от 11 мая 1921 г. — на табак³; от 17 мая 1921 г. — на сено⁴; от 31 мая 1921 г. — на продукты огородничества и бахчеводства⁵; от 3 июня 1921 г. — на продукты пчеловодства⁶; от 14 июня 1921 г. — на мясо⁷.

Тот же принцип, какой проведен в отношении крестьянства в законах о переходе от разверстки к натуральному налогу, установлен декретом СНК РСФСР от 17 мая 1921 г.⁸ также в отношении кустарей и мелких промышленников: пункт 3 названного декрета предлагает не стеснять крестьян, кустарей и мелких товаропроизводителей в свободном распоряжении производимым ими товаром за исключением товаров, производимых из сырья

¹ СУ 1921 г. № 37, ст. 197; № 38, ст. ст. 204 и 205.

² СУ 1921 г. № 48, ст. 235; № 51, ст. 291.

³ СУ 1921 г. № 49, ст. 252. С изданием этого декрета отменялось постановление ВСНХ 12 ноября 1918 г. о государственной монопольной закупке сырья табака.

⁴ СУ 1921 г. № 48, ст. 239.

⁵ СУ 1921 г. № 49, ст. 264.

⁶ СУ 1921 г. № 50, ст. 271.

⁷ СУ 1921 г. № 51, ст. 281.

⁸ СУ 1921 г. № 47, ст. 230.

и материалов, предоставляемых государством на особых договорных условиях.

Декретом СНК 8 мая 1922 г.¹ отменена государственная монополия на торговлю сельскохозяйственными орудиями, машинами, семенами и другими средствами сельскохозяйственного производства; разрешена, наряду с государственной, общественная, кооперативная, а также частная торговля ими.

В «Наказе о хозяйственной работе», принятом IX Всероссийским съездом Советов (декабрь 1921 г.)², вновь подчеркивается необходимость широкого использования частной инициативы и предлагается строжайше карать вместе с тем «малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики». Допуская в известных рамках частную хозяйственную инициативу и частный оборот, государство рядом законодательных актов открывает перед кооперацией широкие возможности развития общественного хозяйственного почина.

Вместе с тем в период новой экономической политики активизируется государственная промышленность, в связи с чем появляются законодательные нормы, предназначенные для регулирования деятельности государственных промышленных предприятий (декрет 1923 г. о государственных промышленных трестах). Организуются государственная торговля, социалистический оборот; государственная торговля должна была постепенно вытеснить частную торговлю.

Активизация государственной промышленности выразилась, как уже указывалось выше, в частности, в том, что из числа государственных промышленных предприятий в непосредственном управлении ВСНХ и его местных органов сосредоточиваются отдельные отрасли производства и определенное число крупнейших и важнейших предприятий (а также подсобных к ним, взаимно дополняющих друг друга). Эти предприятия должны вестись на началах точного хозяйственного расчета. Предприятия менее важные сдаются в аренду кооперативам, товариществам и другим объединениям, а также частным лицам или же закрываются³. Тот же принцип хозяйст-

¹ СУ 1922 г. № 34, 399.

² СУ 1922 г. № 4, ст. 40.

³ Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики 9 августа 1921 г. (СУ 1921 г. № 59, ст. 403).

венного расчета выдвигается как основной и в постановлении Совета труда и обороны от 12 августа 1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства»¹, а затем подтвержден постановлениями IX и X Всероссийских съездов Советов (декабрь 1921 г. и декабрь 1922 г.)².

Хозяйственный расчет понимался вначале только как самоокупаемость предприятия. Государство имело в виду сохранить плановое снабжение предприятий сырьем и сдачу ими своей продукции государству. Однако организованный товарообмен на практике не осуществился и вылился в куплю-продажу. В соответствии с этим в 1922 г. хозяйственный (по терминологии того времени, коммерческий) расчет стал пониматься шире — в смысле оперативной самостоятельности.

В резолюции по вопросам государственной промышленности IX Всероссийский съезд Советов постановил, что «все предприятия, снятые с государственного снабжения, получают необходимые им средства путем реализации своей продукции на рынке... Для наилучшего использования предоставляемых предприятиям государственных ресурсов и проведения в полной мере принципа хозяйственного расчета, управления предприятиями и объединений получают все административные права по управлению и право распоряжения всеми материалами, денежными и иными ресурсами, предоставляемыми им государством, а также право реализации предоставляемой им доли продукции и специальных товарообменных фондов... Поскольку государственным предприятиям приходится для пополнения своих ресурсов обращаться к рынку, предоставить широкое право предприятиям и их объединениям вести торговые операции как между собой, так и с кооперативами и вольным рынком, учитывая при этом декрет о преимущественном праве государственных органов и кооперации...»³.

¹ СУ 1921 г. № 63, ст. 452.

² СУ 1922 г. № 4, ст. 43; СУ 1923 г. № 28, ст. 328. Ср. также декрет СНК от 16 января 1922 г. о применении на транспорте начал хозяйственного расчета (СУ 1922 г. № 6, ст. 70 и др.).

³ IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет, № 6, стр. 45.

В соответствии с этим постановлением ВСНХ от 6 апреля 1922 г. «О снятии предприятий с государственного снабжения» (СУ 1922 г.

Перевод государственных предприятий на хозяйственный (коммерческий) расчет получил завершение для данного этапа развития в изданном 10 апреля 1923 г. декрете о государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах). Трест, будучи государственным предприятием, действующим на началах коммерческого расчета, нес по своим операциям самостоятельную имущественную ответственность. Он не отвечал по долгам государства, а государство не отвечало по обязательствам треста. Декрет о трестах установил начала правовой организации государственных хозрасчетных предприятий, начала, действующие и в настоящее время. Сохраняя единство государственной социалистической собственности, декрет вместе с тем рассматривает государственный трест как самостоятельного субъекта гражданского оборота.

Принцип хозяйственного расчета не вязался с утвердившейся в эпоху военного коммунизма системой бесплатного снабжения государственных организаций и населения различными предметами, а равно бесплатного оказания услуг. Необходимость перейти к противоположной системе подсказывалась еще и другим моментом. Платность хозяйственных услуг государства, наряду с систематическим проведением налоговой политики, была признана IX съездом Советов (в резолюции по вопросам новой экономической политики, п. 3) как мера сокращения выпуска бумажных денег, а такое сокращение, в свою очередь, было необходимо для восстановления денежного обращения на основе золотой валюты, для оздоровления финансов. В этом направлении и началась законодательная работа. Декрет СНК 9 июля 1921 г.¹ устанавливает платность перевозок по железнодорожным и водным путям всех пассажиров и всяких грузов, в том числе правительственных². Декретом СНК 18 июля 1921 г.)

№ 16, ст. 155) указывает, что предприятия, целиком снятые с государственного снабжения, получают право реализовать свою продукцию на рынке полностью. Государство приобретает нужные ему от этих предприятий предметы в порядке преимущественного права покупки или по рыночным ценам, или на договорных условиях.

¹ СУ 1921 г. № 54, ст. 327.

² Однако и после этого за рабочими и служащими железнодорожного транспорта сохранялось в ряде случаев право бесплатного проезда по железным дорогам. Декретом СНК 5 января 1923 г. (СУ 1923 г. № 2, ст. 36) это право было ограничено, с одновременным уста-

установлены таксы оплаты услуг Народного комиссариата почт и телеграфов¹. Декрет СНК 5 августа 1921 г.² постановил, что за всякие предметы, отпускаемые государственными органами частным лицам и организациям, «в том числе кооперативным» (таким образом, по неудачной редакции этого декрета выходит, будто всякая кооперация есть частная организация), как-то: орудия производства, предметы потребления и домашнего обихода, всякого рода материалы, скот и т. п., обязательно взимается плата. Цены на отпускаемые товары устанавливаются Комитетом цен при Народном комиссариате финансов. Устанавливается также обязательная платность услуг, оказываемых государством частному хозяйству (за пользование машинами, случайными пунктами, ремонтными мастерскими и т. п.). Декрет СНК от 14 декабря 1921 г.³ постановляет, что за предметы питания и широкого потребления, отпускаемые государством советским учреждениям и предприятиям в порядке государственного снабжения для удовлетворения снабжаемых ими групп потребителей, а равно для технических и хозяйственных целей взимается плата в порядке, установленном декретом о расчетных операциях⁴. Государственные учреждения и предприятия, в свою очередь, отпускают своим рабочим и служащим предметы питания и широкого потребления в счет зарплаты. Бесплатно получают эти предметы армия, милиция, заключенные и др. Было издано еще несколько, более специальных постановлений в том же направлении.

Допущение в целях скорейшего восстановления народного хозяйства иностранного капитала на началах концессий также не могло не отразиться на законодательстве. Еще в конце предыдущего периода был опубликован декрет 23 ноября 1920 г. об общих экономических и юридических условиях концессий⁵. В вводной

новлением льгот в отношении проезда учащихся детей рабочих и служащих транспорта. Принцип платности перевозок по железнодорожным и водным путям повторяется затем в декретах СНК 12 января 1922 г. (СУ 1922 г. № 6, ст. 66), 16 января 1922 г. (СУ 1922 г. № 6, ст. 72).

¹ СУ 1921 г. № 56, ст. 351.

² СУ 1921 г. № 59, ст. 394.

³ СУ 1922 г. № 1, ст. 12.

⁴ СУ 1921 г. № 68, ст. 530.

⁵ СУ 1920 г. № 91, ст. 481.

части этого декрета говорилось, что Совет народных комиссаров более года назад «поставил на очередь как практическую проблему привлечение технических сил и материальных средств промышленно развитых государств». Далее в декрете отмечается: несмотря на то, что Советская республика была вынуждена в течение трех лет вести вооруженную борьбу со своими врагами, она за это время достигла значительных результатов в деле восстановления разрушенного народного хозяйства собственными усилиями и средствами. Но этот восстановительный процесс можно во много раз ускорить путем привлечения иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций других государств к делу добывания и переработки природных богатств России. На каких же условиях Советское государство может допустить иностранный капитал? В декрете 23 ноября 1920 г. они определены так. Концессионеру предоставляется вознаграждение в форме определенной доли продукта с правом вывоза ее за границу. В случае применения особых технических усовершенствований в крупных размерах концессионеру будут предоставляться торговые преимущества (специальные договоры на крупные заказы и т. п.). Для обеспечения полного возмещения концессионера за риск и вложенные в концессию технические средства сроки концессии будут, в зависимости от ее характера и условий, продолжительными. Концессионеру даются правительством РСФСР гарантии, что имущество, вложенное в предприятие, не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции, что не будет допущено одностороннего изменения какими-либо распоряжениями или декретами правительства условий концессионного договора. Наконец, за концессионером признавалось право найма для своих предприятий рабочих и служащих при условии соблюдения советского трудового законодательства или специального договора, гарантирующего соблюдение по отношению к рабочим и служащим определенных условий труда, ограждающих их жизнь и здоровье.

Концессия не подлежит свободной (по усмотрению концессионера) передаче: всякая передача концессионером объекта концессии третьему лицу как полностью, так и частично, может быть произведена не иначе, как с

безусловным соблюдением порядка, установленного для первоначального предоставления данной концессии вообще. Самовольная передача концессии недействительна, не сообщает каких-либо прав третьему лицу и влечет за собой досрочное прекращение концессии и для самого концессионера (декрет ВЦИК и СНК РСФСР 30 мая 1923 г. о порядке передачи концессий¹).

Новая экономическая политика, открывшая пути для частной хозяйственной инициативы в таких областях экономической жизни, где ранее эта инициатива была запрещена, отнюдь не означала, как сказано, отказа партии и правительства от проведения политики строительства социализма.

Характер и значение новой экономической политики ярко обрисованы товарищем Сталиным в его речи «О правом уклоне в ВКП(б)» на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г.: «Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают какую бы то ни было свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает известную свободу торговли... Но... нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках, при обеспечении регулирующей роли государства на рынке. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа. Причем эта сторона нэпа не менее, если не более, важна, чем первая его сторона. У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах. Из этого следует, что пока есть нэп, должны быть сохранены обе его стороны: и первая сторона, направленная против режима военного

¹ СУ 1923 г. № 50, ст. 499.

коммунизма и имеющая своей целью обеспечение известной свободы торговли, и вторая сторона, направленная против полной свободы торговли и имеющая своей целью обеспечение регулирующей роли государства на рынке. Уничтожьте одну из этих сторон — и у вас не будет нэпа»¹.

Таким образом, новая экономическая политика отнюдь не означала укрепления частного капитала и не была простым «отступлением» с социалистического пути. В нэпе борьба коммунизма и частного хозяйства перенесена на экономическую почву. Государство сохранило при этом за собой руководство частным капиталом, как говорится в резолюции ЦИК СССР, принятой на 2-й сессии II созыва 29 октября 1924 г. по докладу о внутренней торговле и торговой политике СССР², «в интересах уменьшения приносимого им (т. е. частным капиталом) вреда и усиления роста производительных сил страны».

Взаимоотношения на почве кредита и коммерческих связей предполагали прочность и обеспеченность положения личности и имущества. Естественно, что область действия гражданского права за этот период значительно расширяется. Однако это расширение сферы применения гражданского права не означает какого-либо преобладания в правовой регламентации частноправовых начал. Сфера проявления этих начал получила свое определение в двух важнейших законодательных актах этого периода: в законе об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, принятом 3-й сессией ВЦИК IX созыва 22 мая 1922 г., и в Гражданском кодексе РСФСР, принятом на 4-й сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. и вступившем в силу с 1 января 1923 г. В этих двух документах формулированы те крайние рубежи, до которых доведено «отступление» и от которых в последующем должно было начаться решительное социалистическое наступление. Вместе с тем в этих документах, особенно в Гражданском кодексе, давались правовые формы, открывавшие все возможности для обеспечения успеха социализма в завязавшейся

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 235—236.

² СЗ 1924 г. № 20, ст. 190.

экономической борьбе с частным хозяйством. Применение этого кодекса в последующие годы подтвердило это на практике.

Издание закона 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»¹ мотивировано в его вводящей части целями «установления точных взаимоотношений государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собой и в целях предоставления вытекающих отсюда правовых гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев». В этих целях закон открывает достаточно широкие возможности для частной инициативы: предоставляет гражданам право организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами профессиями и промыслами; иметь на праве собственности в городах и в селениях немунICIPализированные строения с правом их отчуждения (причем в городах — с передачей покупщику строения арендного права на земельный участок, занятый отчужденным строением); получать на срок до 49 лет земельные участки на праве застройки; иметь на праве собственности движимое имущество, заключающееся в фабрично-заводских, торговых и промышленных предприятиях (какие могут находиться в частном обладании), во всякого рода орудиях и средствах производства, в продуктах сельскохозяйственного производства и промышленности, товарах, не изъятых из частного оборота специальными узаконениями, в денежных капиталах, в предметах домашнего обихода и хозяйства и в предметах личного потребления; право закладывать перечисленные имущества. Таким образом, допуская в известных пределах частную промышленную и торговую деятельность, закон гарантирует гражданам и результаты этой деятельности. Признавая право собственности граждан на ряд имуществ, закон допускает также наследование в этих имуществах как по закону, так и по завещанию, ограничивая его лишь суммой 10 тыс. золотых руб-

---

¹ СУ 1922 г. № 36, ст. 423.

лей. Закон признает право граждан заключать договоры, не запрещенные законом, в том числе договоры имущественного найма, купли-продажи, мены, займа, ссуды, подряда, поручительства, страхования, товарищества (простого, полного, на вере, акционерного), векселя, всякого рода банковских и кредитных сделок. Наконец, закон признает право на изобретение, авторское право, право на товарные знаки, промышленные модели и рисунки.

Таким образом, уже в законе 22 мая 1922 г. с достаточной четкостью наметились те крайние рубежи, до которых партия и правительство признали целесообразным развязать частную инициативу, чтобы быстрее разрешить первоочередную задачу, стоявшую в то время перед партией и правительством, — развить производительные силы страны и в кратчайший срок увеличить количество всех наиболее необходимых предметов. Однако предоставляя «частнику» право заниматься торговлей и промышленностью, заключать договоры, иметь ряд имуществ на праве собственности, завершеном правом наследования, закон 22 мая 1922 г. всюду дополняет соответствующие ограничительные оговорки. Дальнейшая история советского гражданского права содержит ряд иллюстраций того, как, по мере роста социалистического строительства, пределы, отведенные для частной деятельности, суживались и тем самым ширились и укреплялись социалистические отношения.

Закон 22 мая 1922 г. являлся своего рода декларацией, провозглашавшей общие принципиальные положения, без конкретной регламентации отдельных категорий прав, признанных в этом законе. Такую развернутую (в пределах провозглашенных 22 мая 1922 г. принципиальных положений) регламентацию должен был дать Гражданский кодекс, разработка которого возлагалась заключительным (VI) разделом закона 22 мая 1922 г. на Президиум ВЦИК и Совнарком.

Проект Гражданского кодекса РСФСР был разработан в ближайшие же месяцы и внесен на следующую, 4-ю сессию ВЦИК, которой и был принят 31 октября 1922 г.¹ Основные принципы, на которых построен Граж-

¹ СУ 1922 г. № 71, ст. 904.

данский кодекс, те же, что выражены и в законе 22 мая 1922 г.

Трудности при выработке Гражданского кодекса заключались в том, что было необходимо сочетать два начала: оградить интересы рабоче-крестьянского государства, дать ему гарантии в том смысле, что те завоевания, те командные высоты, которые оно за собой сохраняет, даже при уступках новой экономической политики будут оставлены неприкосновенными в руках государства, и наряду с этим — дать возможность развиваться частной инициативе в тех пределах, которые допускаются интересами рабоче-крестьянского государства.

Гражданский кодекс отразил задачи новой экономической политики. Так, если взять один из важнейших разделов Гражданского кодекса — право собственности, то, наряду с допущением в известных пределах частной собственности, кодекс (ст. 53) твердо сохраняет в исключительной собственности государства все хозяйственные командные высоты: землю, недра, леса, воды, железные дороги, их подвижной состав. Допуская право частной собственности на строения, Гражданский кодекс (ст. 54) оговаривает, что предметом такого права могут быть лишь строения немunicipализированные. Гражданский кодекс допускает частную промышленную деятельность и частную торговлю (ст. 5), но берет эту частную деятельность под контроль государства и ставит для нее определенные рамки; например, та же ст. 54 добавляет, что в частной собственности могут находиться только предприятия, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами, т. е. только предприятия мелкие. Основной же фонд предприятий с их оборудованием остается в руках государства и не может отчуждаться частным лицам (ст. 22).

С другой стороны, кооперативная собственность наделена двумя важными преимуществами по сравнению с частной собственностью: во-первых, промышленные предприятия, организуемые и приобретаемые кооперативными организациями в порядке, установленном законами о соответствующих видах кооперации, могут состоять в собственности кооперативных организаций независимо от числа занятых в предприятии рабочих (ст. 57 ГК); этим открывалась возможность для кооперативных предприятий, являющихся хотя и не государственными, но

социалистическими, расширять свое производство и, таким образом, служить дополнительной к государству силой, ограничивающей «частника»; во-вторых, примечание 3 к ст. 59 ГК предоставляет кооперативным объединениям право, на основании специальных законов, истребовать принадлежавшие им предприятия и прочее имущество и таким путем обеспечивает им прочную имущественную базу.

По всему кодексу красной нитью проходит принцип, что предоставление частным лицам и их объединениям известной хозяйственной самостоятельности и инициативы отнюдь не обозначает пересаживания на советскую почву положений капиталистического права относительно «священного и неприкосновенного» характера права частной собственности, «свободы договора» и пр. Постановления Гражданского кодекса построены на том принципе, что частная хозяйственная инициатива и самостоятельность допускаются лишь в известных пределах и осуществляются под контролем государства.

Наряду с этим, Гражданский кодекс в ряде норм выражает еще ту мысль, что даже в тех пределах и случаях, когда право «частника» допускается, оно не рассматривается, как предоставленное ему на его неограниченное усмотрение и произвол: даже в той сфере, которая доступна по постановлениям Гражданского кодекса частным лицам и их объединениям, эти субъекты прав не должны забывать об интересе государственном и общественном и должны пользоваться своим правом так, чтобы не нарушать государственного интереса. Такая мысль выражена в общем постановлении ст. 1: «Гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Гражданский кодекс требует, таким образом, чтобы субъект права, осуществляя его, не нарушал целей, выдвигаемых социалистическим хозяйством и социалистическим строительством. Такое направление в осуществлении прав диктуется и постановлением ст. 4 о том, что сама гражданская правоспособность предоставляется гражданам «в целях развития производительных сил страны».

Издается ряд постановлений, направленных на борьбу с наносящими вред интересам Советского государства

злоупотреблениями в торговле. В этом отношении следует отметить постановление от 2 января 1923 г.¹, запрещающее участие частных посредников в сделках между государственными организациями.

Этими принципами определяется не только право собственности, но и содержание обязательственного права — как в его общих положениях, так и в конкретных нормах, касающихся отдельных отношений. Таково, например, требование ст. 162, чтобы в договоры найма национализированного или муниципализированного промышленного предприятия включалось, под страхом недействительности договора, указание минимума выработки и срока, в течение которого этот минимум должен быть достигнут, и др.

В практике Верховного суда РСФСР имеются указания, например, в области арендных отношений, что если в конкретном случае аренды государственного предприятия не только не достигается увеличение производительных сил страны, но даже снижается производительность арендуемого предприятия, договор подлежит расторжению (определение Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР по делу № 32471—1928²). А когда госорган, сдавший в аренду мельницу, не реагировал на заявление арендатора о невозможности для него эту мельницу использовать, пленум Верховного суда РСФСР определил поведение сдатчика, как «сверхбюрократизм» (протокол № 21 декабря 1927 г.³).

Кредитные правоотношения строятся на началах «коммерческого кредитования», т. е. допущения кредитования одним хозорганом другого. В связи с этим между хозяйственными организациями допускается выдача векселей и авансов. 20 марта 1922 г. издается положение о векселях. Развивается система кредитных организаций. Наряду с Госбанком создаются специальные банки (Промбанк, Торгбанк и др.), организуется кредитная кооперация, разрешается существование обществ взаимного кредита.

В этот период была принята Конституция Союза ССР

---

¹ СУ 1923 г. № 14, ст. 173.

² «Судебная практика», 1928, № 24, стр. 3.

³ «Судебная практика», 1928, № 1, стр. 4.

(6 июля 1923 г.) и на ее основе XII Всероссийский съезд Советов внес изменения в Конституцию РСФСР (11 мая 1925 г.)¹.

IV

Первые же годы борьбы за восстановление народного хозяйства дали значительные результаты. В области сельского хозяйства из года в год стала увеличиваться площадь засева и расти сельскохозяйственная продукция. Промышленность и транспорт восстанавливались и креп- ли. К 1925 г. партия и правительство добились подня- тия народного хозяйства до его довоенного уровня.

Но для того, чтобы социалистическое строительство могло идти успешно и быстрыми темпами, нельзя было удовлетворяться, в качестве предпосылки, только лик- видацией хозяйственной разрухи, одним восстановле- нием народного хозяйства в пределах довоенного уровня. Необходимо было превратить отсталую аграрную страну в передовую индустриальную, эконо- мически независимую от капиталистических государств. На XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) товарищ Сталин так прямо и указывал: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудова- ние, — вот в чем суть, основа нашей генеральной ли- нии»². Задача борьбы за социалистическую индустриа- лизацию страны была выдвинута XIV съездом партии, как очередная.

Так начался следующий период развития Советского государства — период борьбы за социалистическую ин- дустриализацию страны (1926—1929 гг.). Заново был создан целый ряд отраслей индустрии, построены новые заводы — станкостроительные, машиностроительные, автомобильные, химические; ряд новых заводов оборон- ной промышленности; заводы, изготовляющие тракто- ры, различные сельскохозяйственные машины и т. д. Все это было осуществлено исключительно на средства, полученные внутри страны с помощью режима стро- жайшей экономии, снижения себестоимости производ- ства, искоренения непроизводительных расходов, добро-

¹ СУ 1925 г. № 30, ст. 218.

² XIV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, 1926, стр. 488.

вольного вложения населением своих средств в форме покрытия внутренних займов и т. д.

Преодолев финансовые трудности, Советская страна так же успешно справилась и с политическими осложнениями, которые усиленно создавались иностранными капиталистами и внутренними врагами народа для того, чтобы сорвать или по крайней мере затормозить дело индустриализации.

В постановлении IV съезда Советов СССР «О состоянии и перспективах развития промышленности СССР» 26 апреля 1927 г.¹ отмечалось, что основной предпосылкой обеспечения успеха социалистического строительства является упрочение хозяйственной гегемонии крупной социалистической промышленности над всей экономикой страны и, в первую очередь, ее ведущая и социалистически преобразующая роль по отношению к крестьянскому хозяйству, при одновременном систематическом дальнейшем укреплении союза рабочего класса с основной массой крестьянства.

Политика социалистической индустриализации проводилась успешно.

Развитие сельского хозяйства, в особенности зернового, шло более слабыми темпами. Так, в зерновом хозяйстве валовая продукция в 1927 г. составила только 91% довоенного уровня, а товарная часть зерновой продукции, продаваемая для снабжения городов, едва доходила до 37% довоенного уровня². Это обстоятельство показывало, что в деревне продолжается дробление хозяйств на мелкие и мельчайшие, которые становятся полунатуральными, не способными дать достаточное количество товарного зерна. Нависала опасность голода для армии и городского населения. Предотвратить эту опасность можно было только путем перехода сельского хозяйства на крупное производство, с применением усовершенствованных сельскохозяйственных машин.

В соответствии со всей политикой советской власти укрупнение сельского хозяйства, естественно, предполагало создание крупных хозяйств социалистического типа. К ним могло привести, с одной стороны, добро-

---

¹ СЗ 1927 г. № 21, ст. 239.

² См. История ВКП(б), Краткий курс, стр. 273.

вольное объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства с обобществлением орудий производства, с другой — организация крупных государственных сельскохозяйственных предприятий (совхозов).

Таким образом, этот период первой фазы развития Советского государства характеризуется не только индустриализацией страны, но и борьбой за широкую коллективизацию сельского хозяйства на добровольных началах и создание системы крупного государственного социалистического сельскохозяйственного производства. Это — период и индустриализации страны и решительного перехода к коллективизации сельского хозяйства. Последняя особенность развития предreshала необходимость решительного наступления на кулачество, со стороны которого неминуемо было противодействие процессу коллективизации. XV съезд партии (1927 г.) дал директиву «развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму». Наряду с этим съезд дал директиву о составлении первого пятилетнего плана народного хозяйства. Обе эти директивы были выполнены. Страна быстро пошла по пути превращения в индустриальную. Вместе с тем, широко развернувшееся колхозное движение и наступление на кулачество вели к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

1929 год назван товарищем Сталиным «годом великого перелома». Этим годом проводится грань, за которой партия и правительство переходят к еще более широкому и решительному социалистическому наступлению вплоть до полной победы социалистической системы хозяйства. Товарищ Сталин показал, что перелом шел под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни, причём это наступление дало ряд решающих успехов в основных областях социалистической реконструкции нашего народного хозяйства. Достигнут был решительный перелом в области производительности труда, выразившийся «в развертывании творческой инициативы и могучего трудового подъема миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического

строительства»¹. В этом переломном году была в основном разрешена проблема накопления для капитального строительства тяжелой промышленности, взят ускоренный темп развития производства средств производства, созданы предпосылки для превращения советской страны в страну металлическую. Произошел коренной перелом в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию; на этот путь перехода к социалистическому земледелию вступили основные массы крестьянства. Товарищ Сталин указывает, что победа на фронте колхозного строительства объясняется, во-первых, тем, что партия в точности выполнила тактическое указание Ленина: «...ни в коем случае не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед»²; во-вторых, своевременно оказанной советской властью производственной помощью трудящимся массам крестьянства; в-третьих, тем, что дело колхозного строительства взяли в свои руки передовые рабочие страны.

Очерченное вкратце развитие народного хозяйства в эти годы непосредственно сказалось в области гражданского права. Если в предыдущем периоде гражданское законодательство, сохраняя за государством командные высоты в виде обобществления земли, фабрик, заводов, транспорта, банков, внешней торговли, ставило вместе с тем своей задачей регулирование «частной стихии», то теперь использование этой частной стихии не только перестало быть необходимым, но стало и не соответствующим общей советской политике. Развитие гражданского права пошло под знаком новых хозяйственно-политических задач, в направлении, диктовавшемся социалистическим строительством.

Социалистическая индустриализация страны требовала грандиозного промышленного строительства. Как уже отмечено выше, необходимые для этого средства Советская страна не имела возможности получить извне и должна была изыскать их внутри. В правовой надстройке эта потребность отразилась, с одной стороны, в изда-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 265;

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 252.

нии ряда законодательных актов общего, не специально гражданско-правового характера, каковы: постановление ЦИК и СНК СССР 11 июня 1926 г. «О режиме экономии»¹; в том же направлении — постановление СТО 8 марта 1929 г.², специальные постановления, направленные на усиление добычи природных богатств страны³. С другой стороны социалистическая индустриализация продиктовала развитие ряда гражданско-правовых институтов. Идет подробная правовая регламентация самого строительства, захватывающая одновременно и область административного и область гражданского права. К этой категории законодательных актов относятся, например, положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству⁴, постановление СНК СССР 23 января 1928 г. о порядке утверждения проектов строительства электростанций⁵ и ряд других.

Растущее народное хозяйство, принимающее все более плановый характер, потребовало соответствующей законодательной регламентации. На этой почве издаются такие основные законодательные акты, как постановление СНК СССР 23 апреля 1929 г. о пятилетнем народнохозяйственном плане 1928/29—1932/33 гг.⁶ и постановление по тому же вопросу V съезда Советов СССР⁷; постановление СНК СССР 5 октября 1928 г. о порядке ежегодного планирования промышленности СССР⁸ и др.; новое положение о государственных промышленных трестах 29 июня 1927 г.⁹; постановление ЦК ВКП(б) 5 сентября 1929 г. о мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия¹⁰; постановление ЦК ВКП(б) 5 декабря 1929 г. о реорганизации управления промышленностью¹¹; Положение о государственных синдикатах 29 февраля 1928 г.¹²;

¹ СЗ 1926 г. № 40, ст. 291.

² СЗ 1929 г. № 19, ст. 10.

³ СЗ 1926 г. № 35, ст. 250.

⁴ СЗ 1927 г. № 66, ст. ст. 671—672.

⁵ СЗ 1928 г. № 9, ст. 79.

⁶ СЗ 1929 г. № 29, ст. 268.

⁷ СЗ 1929 г. № 35, ст. 311.

⁸ СЗ 1928 г. № 57, ст. 508.

⁹ СЗ 1927 г. № 39, ст. ст. 391—392.

¹⁰ «Правда» 7 сентября 1929 г.

¹¹ «Правда» 14 декабря 1929 г.

¹² СЗ 1928 г. № 16, ст. 128.

положение о промысловой кооперации 11 июня 1928 г.¹; положение об акционерных обществах 17 августа 1927 г.²; устав железных дорог 24 мая 1927 г.³; кодекс торгового мореплавания СССР 14 июня 1929 г.⁴; положение о государственных подрядах и поставках 11 мая 1927 г.⁵; положение о государственных торговых предприятиях (торгах) 17 августа 1927 г.⁶.

Гражданское законодательство периода социалистической индустриализации характеризуется дальнейшим развитием начал хозрасчета как метода хозяйственных связей, борьбой за выполнение планов и за социалистическое накопление, развитием плановости в регулировании промышленности, сельского хозяйства, оборота. План становится базой для установления гражданских правоотношений.

Новое положение о трестах от 29 июня 1927 г. выдвигает плановое начало как основу деятельности треста. Трест действует «в соответствии с плановыми заданиями». На продукцию треста устанавливаются нормированные цены. Продукция треста в основном реализуется в порядке планового занаряживания. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. проводится единовременное изменение в управлении производством. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. основным звеном в промышленности признает предприятие, действующее на началах хозрасчета со строжайшим соблюдением производственно-финансовой дисциплины и с выполнением установленного для предприятия плана.

В частности, большое внимание обращается на развитие государственной и кооперативной торговли. По докладу Народного комиссариата торговли РСФСР о состоянии внутренней и внешней торговли РСФСР и о снижении цен XIII Всероссийский съезд Советов 16 апреля 1927 г.⁷ поставил перед торгующими организациями задачи быстрее вытеснения частника из товарооборота, усиления плановости в развертывании торгового обо-

¹ СУ 1928 г. № 86, ст. 567.

² СЗ 1927 г. № 49, ст. ст. 499—500.

³ СЗ 1927 г. № 30, ст. ст. 307—308.

⁴ СЗ 1929 г. № 41, ст. 366.

⁵ СЗ 1927 г. № 28, ст. 292.

⁶ СЗ 1927 г. № 49, ст. ст. 501—502.

⁷ СУ 1927 г. № 40, ст. 256.

рота и поднятия качества промышленных товаров. Развивается правительственное регулирование цен и, в частности, розничных цен на товары, причем как важнейшее мероприятие проводится политика снижения цен (постановление СТО 2 июля 1926 г.).

Появляется новая форма оптовой государственной торговли — генеральные договоры, заключаемые между государственной промышленностью и потребительской кооперацией. Эти договоры должны были, с одной стороны, обеспечить работу потребительской кооперации как единой системы, а с другой — плановый сбыт промышленной продукции.

В области сельского хозяйства издаются постановления «О коллективных хозяйствах» и «О советских хозяйствах» от 16 марта 1927 г., направленные на развитие крупных социалистических сельских хозяйств. «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 г., усиливая социалистическое строительство в сельском хозяйстве, одновременно ограничивают капиталистические элементы в деревне. Перед сельскохозяйственной кооперацией ставится задача перехода на путь производственного кооперирования (постановление ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации и ее работе»¹).

В отношении сельскохозяйственных заготовок широко применяются договоры контрактации, по которым колхозы, а также отдельные колхозники и единоличники принимали на себя обязательство сдать государственным органам различные продукты сельского хозяйства, а также выполнить систему мероприятий, имеющих целью подъем и техническую реконструкцию сельского хозяйства, его производственное кооперирование и коллективизацию.

Жилищное строительство в этот период планируется в расчете на привлечение к этому делу также и частного капитала. Постановлением СНК СССР 17 апреля 1928 г. «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала»² с изменениями 3 июля 1928 г.³ и 14 сентября 1928 г.⁴ введен в связи с этим ряд льгот

¹ СЗ 1929 г. № 61, ст. 565.

² СЗ 1928 г. № 26, ст. 231. Постановление 17 апреля 1928 г. впрочем, не получило практического осуществления.

³ СЗ 1928 г. № 42, ст. ст. 379, 380.

⁴ СЗ 1928 г. № 60, ст. 545.

для частного жилищного строительства, а именно: облегчено образование акционерных обществ без участия государственного и кооперативного капитала, имеющих целью жилищное строительство; разрешено учреждение частных строительных контор, частных обществ взаимного строительного кредита (в целях финансирования частного строительства); удлинен предельный срок застройки до 80 лет (для каменных, железобетонных и смешанных домов) и 60 лет (для деревянных домов); допущены отчуждение и залог права застройки; разрешена эксплуатация выстроенных домов на условиях по соглашению застройщиков со съемщиками, без ограничения платы какими-либо нормами и таксами; пользование площадью не ограничено нормами и заселение ее представлено самим застройщикам; установлены налоговые льготы для частных лиц (юридических и физических), осуществляющих строительство, для частных строительных контор и т. д.

V

Последний период первой фазы Советского государства (1930—1934 гг.) был периодом борьбы страны за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса. Быстрый подъем социалистической индустрии, в частности, привел к массовому производству тракторов и других сельскохозяйственных машин. Создалась техническая база для социалистического переустройства сельского хозяйства.

Коллективизация деревни приобрела характер сплошной коллективизации: желание вступить в колхозы стали выражать крестьяне целыми селами, районами, округами. Сплошная коллективизация означала переход пользования всеми землями села в руки колхоза и связывалась с ликвидацией кулацких хозяйств, ликвидацией кулачества как класса. Ликвидация кулачества как класса не могла осуществиться в предыдущие годы. Дело в том, что еще в конце двадцатых годов у государства не было достаточной материальной базы для того, чтобы ликвидировать кулачество как класс: колхозы и совхозы тогда еще не могли дать государству необходимое количество товарного хлеба, вследствие чего государству приходилось получать товарный хлеб и от кулаков. В год великого перелома (1929) картина уже измени-

лась: колхозы и совхозы дали товарного хлеба больше 130 млн. пудов, а это покрывало (даже с некоторым излишком) количество товарного хлеба, получавшегося от кулацких хозяйств; в 1930 г. колхозы и совхозы дали уже более 400 млн. пудов товарного хлеба¹.

Таким образом, отпали экономические причины, заставлявшие до этого проводить политику только ограничений кулачества, сводившуюся к таким мероприятиям, как взимание повышенных налогов, обязательная продажа хлеба государству по твердым ценам, ограничительные законы об аренде земли и применении наемного труда в единоличном крестьянском хозяйстве. Партия и правительство перешли в деревне к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Законы об аренде земли и применении наемного труда в единоличном хозяйстве были отменены.

Трудовому крестьянству было разрешено проводить так называемое раскулачивание, т. е. отбирать в пользу колхозов у кулаков их скот, сельскохозяйственные машины и другой инвентарь; сами кулаки при этом выселялись в другие районы (постановления ЦИК СССР 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»²). Этот новый революционный переворот разрешил три коренных вопроса социалистического строительства: 1) был ликвидирован самый многочисленный эксплуататорский класс в нашей стране — оплот реставрации капитализма; 2) крестьянство было переведено с пути единоличного хозяйства, рождающего капитализм, на путь общественного, социалистического хозяйства; 3) советская власть получила социалистическую базу в самой обширной, жизненно необходимой, но самой отсталой области народного хозяйства — в сельском хозяйстве³.

Такой ход развития предопределялся задачами социалистического строительства. В речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. товарищ

¹ См. История ВКП(б), Краткий курс, стр. 290.

² СЗ 1930 г. № 9, ст. 105.

³ См. Историю ВКП(б), Краткий курс, стр. 292.

Сталин указал, что нельзя «в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства», что выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, причем с советским хозяйством совместим, конечно, не капиталистический, а социалистический путь укрупнения¹.

Процесс ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации проводился, как и другие мероприятия советской власти, с учетом разнообразия условий в различных районах нашей огромной страны — и прежде всего с учетом степени подготовленности различных частей государства к коллективизации. В этом отношении огромное значение имело постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»². Для того, чтобы облегчить и ускорить процесс коллективизации, государство оказало широкую помощь колхозному строительству (сельскохозяйственными машинами, землеустройством, кредитами и т. д.). Вместе с тем партия со всей категоричностью требовала строгого соблюдения принципа добровольности вступления в колхозы. В качестве главной формы колхозов на данном этапе признавалась сельскохозяйственная артель, в которой обобществляются лишь основные средства производства (2 марта 1930 г. был издан первый Примерный устав сельскохозяйственной артели³).

Колхозное движение росло бурными темпами. Допущенные на местах искривления политики партии (нарушение принципа добровольности, стремление насадить высшую форму коллективного хозяйства — сельскохозяйственную коммуну и пр.), равно как недочеты в работе самих колхозов, были с успехом и быстро устранены. В этом деле исключительное значение имели:

---

¹ См. И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 277—278.

² В этом постановлении все области Советского Союза разделены с точки зрения темпов коллективизации на три группы, причем для последней группы окончание коллективизации было намечено к 1933 г.

³ СЗ 1930 г. № 24, ст. 255.

статья товарища Сталина «Головокружение от успехов» (2 марта 1930 г.); постановление ЦК ВКП(б) 15 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»; статья товарища Сталина «Ответ товарищам-колхозникам» (3 апреля 1930 г.). В этих исторических документах вновь самым решительным образом подчеркнута необходимость строгого соблюдения принципа добровольности в колхозном строительстве; обращено внимание на то, что на данном этапе развития основной формой колхозов является сельскохозяйственная артель, что темпы коллективизации должны сообразоваться с местными особенностями. Необходимо отметить большую роль, которую сыграли в деле колхозного строительства организованные в 1933 г. политотделы при машинно-тракторных станциях, обслуживающих колхозы.

В отчетном докладе ЦК XVI съезду ВКП(б) (27 июня 1930 г.) товарищ Сталин говорил, что поворот крестьянства в сторону социализма подготовлялся исподволь. «Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством... Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники»¹.

В 1933 г. состоялся I Всесоюзный съезд колхозников-ударников, на котором выступил товарищ Сталин, наглядно объяснивший все выгоды и преимущества общественного хозяйства по сравнению с единоличным и раскрывший широкие перспективы дальнейшего улучшения условий жизни колхозников. Это выступление товарища Сталина, открывшее глаза последним колеблющимся элементам в крестьянских массах, имело огромное

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 373.

значение для окончательного упрочения колхозного строя. В конце 1934 г. задача коллективизации сельского хозяйства могла считаться уже окончательно разрешенной.

Параллельно с успешной борьбой за коллективизацию сельского хозяйства были достигнуты дальнейшие крупные результаты в области социалистической индустриализации, в свою очередь значительно содействовавшие развитию крупного социалистического хозяйства. Выполнение первого пятилетнего плана народного хозяйства пошло за первый год с таким успехом, что был выдвинут лозунг «выполнить пятилетку в четыре года». Этот лозунг был подтвержден XVI съездом партии (июнь 1930 г.), поручившим Центральному Комитету партии добиться действительного выполнения пятилетки в четыре года. Это поручение было выполнено: первый пятилетний план был осуществлен в четыре года и три месяца. В докладе на январском пленуме ЦК и ЦКК партии в 1933 г., а затем в отчетном докладе на XVII съезде партии в 1934 г. товарищ Сталин отметил, что СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную, из страны мелкого единоличного сельского хозяйства стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства.

Таким образом, несмотря на сложность международной обстановки, несмотря на создавшиеся серьезные очаги войны — на Дальнем Востоке и в Центральной Европе (германские фашисты), отвлекавшие внимание и затруднявшие мирное строительство, партия и правительство успешно осуществили построение социализма во всех отраслях народного хозяйства. К XVII съезду партии социалистическая промышленность составляла 99% всей промышленности страны; социалистическое сельское хозяйство (совхозы и колхозы) охватывало 90% всех посевных площадей; из области торговли капиталистические элементы были вытеснены полностью. Таким образом, был окончательно построен фундамент социалистической экономики — первоклассная тяжелая социалистическая индустрия и коллективное механизированное земледелие; уничтожена безработица; уничтожена эксплуатация человека человеком; созданы условия для непрерывного улучшения материального и культурного положения трудящихся.

Констатируя эти успехи, XVII съезд поставил на следующую, вторую пятилетку еще более грандиозные задачи — окончательную ликвидацию капиталистических элементов, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе, освоение новой техники и новых предприятий, механизацию сельского хозяйства и поднятие его продуктивности.

С такими достижениями и перспективами страна вступила во вторую фазу своего развития.

«Ликвидация кулачества, как самого многочисленного эксплуататорского класса, и перевод основных масс крестьян на путь колхозов привели к уничтожению последних корней капитализма в стране, к завершению победы социализма в сельском хозяйстве, к окончательному упрочению Советской власти в деревне... В итоге выполнения первого пятилетнего плана построен в нашей стране незыблемый фундамент социалистической экономики»¹.

Эти гигантские сдвиги в социально-экономической области, естественно, нашли свое выражение и в гражданско-правовом регулировании общественных отношений.

Всемерно охраняются социалистическая собственность (в двух ее формах — государственной и кооперативно-колхозной) и производная от нее личная собственность. В целях охраны социалистической собственности, как экономической основы СССР, издается закон 7 августа 1932 г.², строго карающий посягающих на общественное достояние.

Далее, издается ряд законодательных актов, выражавших новые принципы и диктовавшихся требованиями плановости народного хозяйства. Среди таких характерных для этого периода законодательных актов одним из важнейших является постановление ЦИК и СНК СССР 30 января 1930 г. о кредитной реформе³. По мере роста социалистического строительства все шире и глубже осуществляется социалистическое планирование и, парал-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 314

² СЗ 1932 г. № 62, ст. 260.

³ СЗ 1930 г. № 8, ст. 98

лельно с этим, все последовательнее проводится хозрасчет как основной метод хозяйствования. Постановление о кредитной реформе имело в качестве основной идеи приспособление постановки кредитного дела к условиям планирования народного хозяйства, а вместе с тем — укрепление хозрасчета как ведущего начала во всей хозяйственной жизни и деятельности социалистических организаций. Основной принцип кредитной реформы — прямое банковское плановое кредитование — находится в неразрывной связи с принципом хозрасчета. В постановлении СНК СССР 20 марта 1931 г. «Об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах»¹, эта мысль прямо отражена. В этом постановлении указывается, что кредитная реформа исключает возможность непосредственного кредитования одним хозорганом другого и допускает только банковское кредитование именно потому, что этого требуют плановый характер и хозрасчетный метод ведения хозяйства. В связи с этим во внутреннем обороте страны отпадают такие институты, как вексель, авансирование и т. п.: кредитование одним хозорганом другого, в каких бы формах оно ни выразалось, признается недопустимым, так как оно затрудняет планирование хозяйства.

Признание хозрасчета ведущим началом деятельности социалистических предприятий увеличило оперативное значение договора как орудия борьбы за план. Договор становится наилучшей формой сочетания хозрасчета и плана. Данный период развития гражданского права характеризуется в связи с этим увеличением удельного веса договорного права, а это сказывается в росте нормативного материала в этой области. Из года в год издаются руководящие постановления СНК СССР о договорных кампаниях. В этих постановлениях дается ряд указаний, имеющих целью поднять качество самих договоров (в смысле их содержательности) и укрепить договорную дисциплину. Особенное внимание уделяется обеспечению надлежащего качества поставляемой по договору продукции, четкому определению в договорах гарантий исполнения (санкций), причем законодатель-

---

¹ СЗ 1931 г. № 18, ст. 166.

ство требует жесткого и неуклонного применения предусмотренных санкций. Добиваясь укрепления плановой дисциплины и усиления ответственности за нарушение договоров, закон не допускает включения в договоры условий о сложении с должника ответственности за невыполнение договора «по независящим обстоятельствам», например, ввиду неполучения необходимого сырья.

Характерное для данного периода увеличение значения договора и договорного права выразилось, с другой стороны, в постановлениях, направленных на борьбу с односторонним отказом от выполнения договора, с его односторонним расторжением или таким же односторонним изменением его условий (ст. 22 постановления СНК СССР 19 декабря 1933 г.¹).

Выполнение первой сталинской пятилетки в области промышленности и сельского хозяйства, победа колхозной и совхозной системы сельского хозяйства имели результатом расширение производства промтоваров и быстрый рост валовой продукции зерна. На этой экономической базе явилась установка сочетания метода государственных заготовок и метода колхозной торговли, прямо выраженная в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. о плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и о развертывании колхозной торговли хлебом и от 10 мая 1932 г. о плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян, а также в постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. о порядке производства колхозной торговли².

Тем же постановлением 20 мая 1932 г. было запрещено открытие магазинов и лавок частными торговцами; постановление требует «всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян».

Подъем промышленного производства, завершение коллективизации сельского хозяйства выдвинули как весьма актуальную общую проблему товарооборота между городом и деревней: необходимо было организовать снабжение рабочих предметами потребления, удовлетворить все возрастающий спрос крестьянства на про-

¹ СЗ 1933 г. № 73, ст. 455.

² СЗ 1932 г. № 38, ст. 233.

мышленные товары. Потребительская кооперация, игравшая в предыдущие годы главную роль, оказалась в новых условиях недостаточным каналом для направления расширявшегося товарооборота. В декабре 1930 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) отметил ряд существенных недостатков в работе потребкооперации, наличие «некоего нэпманского духа», — как охарактеризовал основной недостаток в работе потребкооперации товарищ Сталин в докладе на XVI съезде партии, — наличие элементов бюрократизма, оппортунизма и т. д. и признал работу Центросоюза и органов потребкооперации на местах неудовлетворительной. XV Всероссийский съезд Советов (1931 г.), исходя из директив декабрьского пленума ЦК, дал указание Центросоюзу по вопросу о необходимости изжития недостатков в работе потребкооперации, используемых, в условиях ожесточенной классовой борьбы, вредительскими элементами для срыва снабжения и для дезорганизации товарооборота. Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР и Центросоюза 10 мая 1931 г.¹ ставит в качестве очередной задачи борьбу с проявлениями в торговле нэпманского духа; советская торговля должна действительно быть торговлей «без спекулянтов — малых и больших».

Социалистическая реконструкция вовлекла широкие массы трудящихся в дело изобретательства. На развитие изобретательства, охрану прав изобретателей было направлено постановление ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. «О введении в действие Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях»².

Бурный рост промышленности и сельского хозяйства потребовал соответствующего поднятия транспорта и особенно выявил его значение в народнохозяйственной жизни. В правовой надстройке это сказалось в регламентации отношений, возникающих на почве перевозок; издаются Устав внутреннего водного транспорта 24 октября 1930 г.³, новый Устав железных дорог СССР 10 февраля 1935 г.⁴. Воздушный кодекс СССР 7 августа 1935 г.⁵.

---

¹ СЗ 1931 г. № 29, ст. 224.

² СЗ 1931 г. № 21, ст. ст. 180 и 181

³ СЗ 1930 г. № 55, ст. 582.

⁴ СЗ 1935 г. № 9, ст. 73.

⁵ СЗ 1935 г. № 43, ст. 359а.

Итак, развитие гражданского права на протяжении первой фазы развития Советского государства может быть представлено по следующим периодам, через которые прошло развитие народного хозяйства: 1) от Октября до издания первой Советской Конституции (июль 1918 г.) — период «становления», проведения революции и возведения лесов для предстоящей стройки; 2) от первой Конституции (июль 1918 г.) до весны 1921 г. — период гражданской войны, период системы так называемого военного коммунизма; 3) с весны 1921 г. до 1925 г. — период восстановления народного хозяйства до довоенного уровня (переход к так называемой новой экономической политике); 4) 1926—1929 гг. — период борьбы за социалистическую индустриализацию страны и 5) 1929—1934 гг. — период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства.

VI

С ликвидацией капиталистических элементов в городе и деревне Советское государство вступило во вторую фазу своего развития.

Новый период развития протекал под знаком непрерывного, из года в год, роста социалистической системы хозяйства. В противоположность капиталистическим странам, переживавшим, начиная со второй половины 1937 г., новый экономический кризис, новый упадок промышленности, советская промышленность из года в год неуклонно крепнет и поднимается. Подобно первому пятилетнему плану, второй пятилетний план был выполнен раньше срока (к 1 апреля 1937 г.), и с таким же успехом началось выполнение третьего пятилетнего плана (1937—1942 гг.), прерванного вероломным нападением на Советский Союз фашистской Германии.

В результате грандиозного строительства промышленность Советского государства оказалась на небывалой высоте; страна получила множество первоклассных заводов и фабрик, оснащенных первоклассной техникой.

Наряду с этим была завершена победа социализма и в сельском хозяйстве. В этом периоде колхозы и совхозы охватывают подавляющее большинство сельскохо-

зайственных земель и определяют весь характер сельского хозяйства. Делу упрочения колхозного строя и непрерывному подъему сельского хозяйства сильно содействовали принятый на II съезде колхозников-ударников (в феврале 1935 г.) и сразу приобретший огромную популярность Примерный устав сельскохозяйственной артели, а также последовавшее вслед за тем закрепление за колхозами всех находящихся в их пользовании земель на вечное и бесплатное пользование.

Коренные изменения всего социально-экономического строя привели к необходимости изменения и Основного закона страны — Конституции СССР. Картина социально-экономических отношений дана в докладе товарища Сталина о проекте новой Конституции на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР, собравшемся в ноябре 1936 г. Сопоставляя экономику и социальный строй этого времени с периодом принятия предыдущей Конституции (1924 г.), товарищ Сталин констатировал, что к 1936 г. полностью ликвидированы капиталистические элементы и восторжествовала социалистическая система во всех областях народного хозяйства. Мощная социалистическая индустрия, крупное механизированное социалистическое производство в сельском хозяйстве в виде колхозов и совхозов, государственная и кооперативная торговля, полностью охватывающая весь товарооборот, характеризуют полную победу социалистической системы народного хозяйства. Такие же коренные изменения отмечаются в докладе товарища Сталина и в отношении классового состава населения: эксплуататорские классы города и деревни ликвидированы; рабочий класс полностью освободился от эксплуатации в связи с установлением социалистической собственности на средства производства; крестьянство превратилось в зажиточных колхозников, также не знающих эксплуатации; выросла новая интеллигенция, участвующая вместе с рабочими и крестьянами в строительстве социалистического общества.

Классовые противоречия сгладились, советское общество монолитно в своем морально-политическом единстве.

Все эти коренные изменения в экономике и социальном облике Советского Союза нашли свое выражение и законодательное закрепление в новой Сталинской Конституции.

На основе новой Конституции завершается строительство социалистического общества, переживающего процесс постепенного перехода к коммунистическому обществу.

В 1941 г. Советский Союз подвергся разбойничьему нападению со стороны германского фашизма, перед тем подчинившего себе значительную часть Европы и мечтавшего подвергнуть той же участи и Советскую страну. Навязанная Советскому Союзу тяжелая война, война на уничтожение, получила значение Великой Отечественной войны. В историческом выступлении по радио 3 июля 1941 г. товарищ Сталин, говоря о мерах, необходимых для разгрома врага, указал, что «прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу»¹.

Патриотический подъем, охвативший советский народ, позволил преодолеть трудности, удовлетворить все огромные потребности фронта и тыла, параллельно с этим, не ожидая окончания войны, приступить к заживлению ран, нанесенных ею социалистическому хозяйству, и вместе с тем не прекращать дальнейшего социалистического строительства во всех отраслях народно-хозяйственной жизни.

Но само собой понятно, что главные заботы в годы войны были обращены на основное, что должно было решить судьбу поколений, — на разгром врага. Огромное напряжение всех сил страны дало свой результат: привело к полному, небывалому разгрому врага и к всемирно-исторической победе Советского Союза.

Годы Великой Отечественной войны (1941—1945), таким образом, имеют настолько существенные особенности, что их необходимо выделить в особый период.

С 1945 г. — года победы — начинается новый пе-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1948, стр. 13.

риод развития. период восстановления разрушений, нанесенных войной, и дальнейшего бурного роста социалистического хозяйства и его развития на путях к коммунизму.

VII

Пройденные этапы развития советской экономики сопровождались соответствующим развитием и советского гражданского права. В общих чертах развитие гражданского права можно обрисовать следующим образом.

Решительный и планомерный переход на путь социализма во всех областях народнохозяйственной жизни, которым ознаменовалось вступление Советского государства во вторую фазу своего развития, привел к соответствующим преобразованиям и в сфере гражданского права. Преобразование гражданского права шло под углом зрения приведения гражданско-правовых институтов в большее соответствие с новыми социально-экономическими условиями жизни и с плановым характером социалистического хозяйства.

В самом начале второй фазы развития Советского государства постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. был утвержден принятый на съезде колхозников-ударников Примерный устав сельскохозяйственной артели¹ — акт огромной важности, в частности и для гражданского права ввиду содержащихся в нем норм о колхозной собственности и о личной собственности колхозников.

Вскоре за тем издается величайший законодательный акт нашей эпохи — Сталинская Конституция 1936 г. На путях постепенного перехода к коммунистическому обществу на основе новой Конституции гражданское право приобретает окончательный облик права первой фазы коммунизма — социалистического общества: Все основные черты гражданского права подлинной страны социализма ярко выражены в Сталинской Конституции: социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства (в двух формах — собственности государственной и колхозно-

¹ СЗ 1935 г. № 11, ст. 82.

кооперативной) как экономическая основа СССР (ст. ст. 4—7); право личной собственности колхозных дворов и граждан (ст. ст. 7 и 10) в качестве производной от социалистической собственности, и, следовательно, не противопоставляемой, а сочетающейся с социалистической системой хозяйства как господствующей в СССР формой хозяйства; мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей (изживаемая форма хозяйства), основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда (ст. 9); определение и направление хозяйственной жизни СССР государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности (ст. 11) — таковы характерные черты гражданского права периода завершения строительства социалистического общества.

В соответствии с этим все более растет значение хозрасчета, еще более обращается внимание на установление надлежащего соотношения между планом и хозрасчетом, еще более поднимается удельный вес договора как формы сочетания плана и хозрасчета (например, это отражено в постановлении СНК СССР от 15 января 1936 г. «О заключении договоров на 1936 год»¹). Особенно большое значение приобрели плановые договоры поставки и подрядные договоры в области капитального строительства.

В области правомочий и обязанностей граждан последовательно проводится начало сочетания личных интересов с общественными. Из этих начал исходят Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхоза от разбазаривания».

Особое значение приобретает соблюдение дисциплины в области гражданско-правовых отношений.

Условия Великой Отечественной войны породили ряд новых и своеобразных отношений, на почве которых явились и соответствующие нормативные акты и руководящие указания пленума Верховного суда СССР.

¹ СЗ 1936 г. № 3, ст. 27.

Достаточно назвать такие факты, как перебазирование промышленности, военной и гражданской, в восточные районы, эвакуация, а затем реэвакуация граждан и связанные с этим вопросы о пользовании жилищами, о личном имуществе эвакуирующихся, временный захват врагом в начале войны ряда районов Советского государства и связанный с этим более или менее длительный перерыв сношений захваченных районов с остальными частями страны, наконец, вхождение огромных масс населения в состав Советской Армии и Флота и партизанских отрядов, чтобы понять, какие существенные сдвиги произошли за эти годы в области гражданско-правовых отношений.

Война потребовала особо строгого и последовательного проведения хозяйственной дисциплины. Было разъяснено, что война сама по себе не освобождает от исполнения обязательств, освобождают от исполнения обязательств лишь отдельные конкретные обстоятельства, вызванные военными действиями. Война затронула и вопросы истечения давности, в частности, вопрос о приостановлении течения давности (постановление пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г.). Директивным письмом НКЮ СССР от 23 февраля 1943 г. регламентируется ряд вопросов безвестного отсутствия, имевших столь большое значение в условиях войны.

В условиях войны был издан ряд постановлений, направленных на охрану социалистической собственности. Следует отметить постановление СНК СССР от 17 апреля 1943 г. «Об утверждении положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества»¹, а также постановление пленума Верховного суда СССР от 22 апреля 1942 г. о возврате совхозам и колхозам принадлежащего им скота, незаконно отчужденного во время эвакуации.

Большое значение в условиях войны приобрел вопрос о размере возмещаемого ущерба. Лица, виновные в недостаче сельскохозяйственных продуктов, отвечали в размере рыночной стоимости этих продуктов, а за недостачу промтоваров — в пятикратном размере коммерческих цен госторговли.

---

¹ СП 1943 г. № 6, ст. 98.

В области семейно-брачных отношений огромное значение имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. «Об установлении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждение ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».

Необходимо отметить также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г., расширивший круг наследников по закону и допустивший завещания в пользу посторонних лиц при отсутствии наследников по закону.

VIII

Война победоносно закончена, и страна вернулась к мирному труду.

Грандиозные задачи, поставленные перед страной четвертым пятилетним планом, открывают широкие перспективы дальнейшего развития гражданского права.

Успехи выполнения нового послевоенного пятилетнего плана нашли уже свое яркое выражение в перевыполнении планов первых трех лет пятилетки, в успехах сельского хозяйства, в обязательствах, принимаемых трудящимися о выполнении пятилетнего плана в четыре года, в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Лишь страна социализма, лишь Советское государство под руководством коммунистической партии и великого Сталина могло достигнуть таких успехов.

Грандиозный рост социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства, безраздельное господство общественной социалистической собственности и задачи ее развития и охраны, рост товарооборота, повышение материального и культурного уровня жизни советских граждан, — все это приводит к дальнейшему развитию советского социалистического гражданского права, призванного регулировать экономику социалистического общества.

Долженствующий быть изданным первый Гражданский кодекс Союза ССР, гражданский кодекс социалистического общества, отразит гражданское право победившего социализма и будет содействовать дальнейшему развитию социалистического строительства на пути к постепенному переходу к коммунизму. Гражданский кодекс СССР будет иметь огромное значение не только для нашего социалистического общества — он послужит образцом и для стран народной демократии, осуществляющих переход от капитализма к социализму.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СОБСТВЕННОСТИ

Каждой классовой общественной формации соответствует свой тип права собственности. Отношения собственности на орудия и средства производства определяют общественный строй, его классовую структуру. Класс, господствующий в данном обществе, всеми находящимися в его руках силами политической власти стремится охранить и закрепить выгодные для него отношения собственности.

В связи с этим институт права собственности является ведущим институтом для всех правовых систем, определяющим другие правовые институты. Великая Октябрьская социалистическая революция, установившая диктатуру рабочего класса, свергнувшая эксплуататорский класс, экспроприировала экспроприаторов и положила в экономическую основу советского строя социалистическую собственность. Победа социалистического строя была достигнута не сразу, и также не сразу социалистическая собственность стала безраздельно господствующей.

Советское социалистическое государство прошло в своем развитии ряд периодов, и в соответствии с этим развивались и социалистическая собственность и законодательство о ней. Право неразрывно связано с экономикой, оно не может оторваться от производственных отношений. Марксизм отвергает волюнтаристическую теорию права. В 1922 г. нельзя было, например, издать декрет о ликвидации кулачества как класса, поскольку не были созданы экономические предпосылки для сплошной коллективизации. Но успешная социалистическая индустриализация создала такие предпосылки и, как уже указывалось выше, 1 февраля 1930 г. был издан декрет «О ликвидации кулачества на основе сплошной коллек-

тивизации сельского хозяйства». Но будучи неразрывно связано с экономикой, черпая в развитии производственных отношений свое содержание, право не пассивно воспринимает экономику, не является ее простым отображением, а, в свою очередь, активно воздействует на нее. Эта возможность активного воздействия на экономику имеет особое значение в условиях диктатуры рабочего класса, когда политическая власть, когда политика государства определяются тем классом, который является основной производительной силой. История советского законодательства о праве собственности за тридцать лет существования Советского государства является историей активного воздействия социалистического государства на развитие социалистической экономики, на борьбу за победу социализма и постепенный переход к коммунистическому обществу.

Вскрыть сущность права социалистической собственности и историю его развития нельзя в отрыве от истории развития Советского государства, ибо определяющей всю совокупность отношений собственности в СССР является государственная последовательно социалистическая собственность, единым и единственным носителем которой является Советское государство. Социалистический характер кооперативной собственности, особое содержание личной собственности советских граждан предопределяются государственной социалистической собственностью — всенародным достоянием.

История права собственности в СССР за тридцатилетие на основе истории развития советского социалистического государства и советской социалистической экономики распадается на две фазы. В первой фазе мы встречаемся с различными видами собственности, соответствующими многоукладности советской экономики. Законодательство этого периода направлено на обеспечение победы социалистической собственности над остатками собственности побежденного капиталистического строя. Во второй фазе социалистическая собственность является уже безраздельно господствующим видом собственности, и законодательство направлено на всестороннюю охрану социалистической собственности и ее дальнейшее развитие.

Внутри указанных фаз развития история права собственности в СССР может быть разделена по следующим

периодам: завоевание советской власти; гражданская война и интервенция; переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства; социалистическая реконструкция народного хозяйства; период завершения строительства социалистического общества и проведения Сталинской Конституции; период Великой Отечественной войны и послевоенного социалистического строительства.

I. Законодательство о собственности периода проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Законодательство дореволюционной России, как и законодательство других капиталистических стран, признавало единый вид права собственности — право частной собственности, охватывающее в едином понятии и капиталистическую собственность на орудия и средства производства, включая собственность на землю помещиков и кулаков, и трудовую частную собственность на орудия и средства производства мелких товаропроизводителей (крестьян-середняков, кустарей и ремесленников), и право частной собственности граждан на средства потребления.

Определяющей содержание законодательства о праве частной собственности была, конечно, капиталистическая частная собственность, к ее интересам приравнивалось законодательное нормирование, к интересам предпринимателей и помещиков.

Великая Октябрьская революция — революция социалистическая. Она прежде всего должна была направить свое острие против капиталистической частной собственности на орудия и средства производства, на экспроприацию экспроприаторов. Ленин назвал период с момента совершения Октябрьской революции по февраль 1918 г. «красногвардейской атакой на капитал». Надо было сломить мощь буржуазии, завоевать командные высоты — отнять у помещиков землю, национализировать фабрики, заводы, банки, железные дороги, флот, внешнюю торговлю и т. п.

В ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. II съезд Советов принял декрет о земле¹. Этим декретом немедлен-

¹ СУ 1917 г. № 1, ст. 3.

но отменялась помещи́чья собственность на землю без всякого выкупа, и согласно крестьянскому наказу, составленному на основании 242 местных крестьянских наказов, вся земля — государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частно-владельческая, общественная, крестьянская и т. д. — была объявлена всенародным достоянием и поступала в пользование трудящихся. Право пользования землей было предоставлено всем гражданам, желающим обрабатывать ее своим трудом.

• Наемный труд не допускался. Землепользование было уравнильным, т. е. земля распределялась между трудящимися по трудовой или потребительской норме. Вся земля поступала в общенародный земельный фонд.

Через три с небольшим месяца в дополнение к декрету 26 октября 1917 г. ВЦИК издал декрет 19 февраля 1918 г. «О социализации земли»¹.

По ст. 1 этого декрета «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда», и земля переходит в пользование всего трудового народа.

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов², также провозгласила социализацию земли. «В осуществление социализации земли, — сказано в «Декларации», — частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнильного землепользования».

Первые акты советской власти о земле устанавливали ее социализацию, вводя уравнильное землепользование. По этому поводу Ленин писал: «Проводя закон о социализации земли — закон, «душой» которого является лозунг уравнильного землепользования, — большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требова-

¹ СУ 1918 г. № 25, ст. 346.

² СУ 1918 г. № 15, ст. 215.

ния большинства трудящихся должны быть изжиты ими самими; ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим»¹. Первые декреты советской власти о земле, установив социализацию земли с уравнительным землепользованием, помогли крестьянству довести до конца буржуазно-демократическую революцию, облегчили и ускорили переход к социалистической революции в деревне, к социализму в земледелии. Как указывает Ленин, «наша деревня только летом и осенью 1918 г. переживает сама «октябрьскую» (т. е. пролетарскую) «революцию»².

Установленная упомянутыми декретами «социализация», как указывал Ленин, «выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму»³. По существу провозглашенная «социализация» была пролетарской национализацией земли, поскольку частная собственность на землю была отменена. «Наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли»⁴. Отмена частной собственности на землю, исключение земли из частного оборота, запрещение частных сделок с землей: продажи, аренды, дарения, наследования и т. п. (примечание 3 к ст. 39 декрета о социализации земли), предоставление земли в пользование лишь органами государства являются основными элементами государственной собственности на землю, а потому можно утверждать, что уже первыми декретами о земле была установлена национализация земли. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» так и трактуется декрет о земле и наказ: «По этому наказу право частной собственности на землю отменялось навсегда и заменялось всенародной государственной собственностью на землю» (стр. 200). Необходимо также отметить, что земельные

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 398.

² Там же, стр. 393.

³ Там же, стр. 400.

⁴ Там же.

участки с высококультурными хозяйствами переходили в исключительное пользование государства, чем закладывалось начало крупносоциалистического сельского хозяйства. Конские заводы, племенные скотоводства, птицеводства и проч. со всем хозяйственным инвентарем, живым и мертвым, переходили в исключительное пользование или государства или общин, в зависимости от их величины и значения.

«Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и упомянутыми выше декретами отменялась также частная собственность на леса, недра и воды, и на них устанавливалась государственная собственность. Причем леса, недра и воды, имевшие общегосударственное значение, поступали в исключительное пользование государства, а мелкие реки, озера и леса переходили в пользование общин, но при условии заведывания ими местными органами государственного управления. Таким образом, в отношении недр, лесов и вод уже первыми декретами была также установлена государственная собственность.

Декрет ВЦИК «О лесах» от 27 мая 1918 г.¹ в ст. 2 постановлял: «леса... объявляются... общенародным достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Если в отношении земли, ее недр, лесов и вод была немедленно отменена частная собственность, то по отношению к промышленности советская власть первоначально стала на путь рабочего контроля на фабриках и заводах, организацию которого партия большевиков выдвигала еще до Октябрьской революции. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», подтверждая закон о рабочем контроле, рассматривала его как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность государства, первый шаг к национализации.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 ноября 1917 г.² ввел рабочий контроль во всех предприятиях, имевших наемных рабочих или же дававших работу на дом. Рабочий контроль распространялся на производство, куплю,

¹ СУ 1918 г. № 42, ст. 522.

² СУ 1917 г. № 3, ст. 35.

продажу продуктов и сырых материалов, хранение их, а также на финансы предприятий.

Решения органов рабочего контроля объявлялись обязательными для владельцев предприятий и могли быть отменены лишь постановлением высших органов рабочего контроля. Всероссийский совет рабочего контроля находился под руководством Высшего совета народного хозяйства, учрежденного декретом ВЦИК и СНК СССР от 5 декабря 1917 г.¹

Неподчинение владельцев предприятий предписанию органов рабочего контроля влекло за собой для них уголовную ответственность.

Проведение в жизнь рабочего контроля с первых шагов встретило яростное сопротивление владельцев предприятий, и уже в самые первые дни после завоевания власти советское правительство в ряде случаев перешло к национализации предприятий, обращая их в государственную собственность без какого-либо выкупа. Так, например, СНК РСФСР постановлением от 17 ноября 1917 г. объявил собственностью Российской республики фабрику товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова, так как «материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих и саботировать производство». Декретом Совнаркома от 9 декабря 1917 г.² было конфисковано и объявлено собственностью Российской республики все имущество акционерного Симского общества горных заводов за отказ подчиниться введению рабочего контроля. Декретом Совнаркома от 16 декабря 1917 г.³ было национализировано «Общество электрического освещения 1886 г.» «ввиду приведения предприятия к полному финансовому краху и конфликту со служащими». Декретом от 17 января 1918 г.⁴ национализирован Сестрорецкий металлический завод ввиду отказа заводоуправления продолжать производство. Специальными декретами были национализированы и многие другие предприятия.

Уже весной 1918 г. советское правительство перешло к национализации целых отраслей промышленности. Так,

¹ СУ 1917 г. № 5, ст. 83.

² СУ 1917 г. № 4, ст. 69.

³ СУ 1917 г. № 9, ст. 140.

⁴ СУ 1918 г. № 16, ст. 235.

постановлением ВСНХ от 7 марта 1918 г.¹ были национализированы все спичечные и свечные фабрики и предприятия по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями, причем, как указывалось в постановлении, осуществление национализации предприятий и государственной монополии по торговле рисом, кофе и т. п. возлагалось на Совет всероссийских съездов потребительской кооперации (Центросоюз). Возложение на потребительскую кооперацию осуществления национализации и государственной монополии не означало передачи ей собственности на соответствующие предприятия. Кооперация в данном случае являлась лишь организацией, осуществлявшей государственное задание. Декретом СНК РСФСР от 2 мая 1918 г.² была национализирована сахарная промышленность, декретом от 20 июня 1918 г.³ — нефтяная промышленность. Наконец, декретом Совнаркома от 28 июня 1918 г.⁴ были национализированы крупнейшие предприятия по всем отраслям промышленности, а по некоторым отраслям и все предприятия. Во вступительных словах к декрету 28 июня 1918 г. указывалось, что национализация проводится «в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты». Впредь до особого распоряжения Высшего совета народного хозяйства национализированные предприятия признавались находящимися во временном безвозмездном пользовании прежних владельцев (раздел III декрета).

Таким образом, уже в июне 1918 г. в основном завершилась национализация промышленности, и в частной собственности остались лишь мелкие и небольшое число средних предприятий. Начав с государственного контроля, советская власть быстро перешла к национализации, к переходу фабрик и заводов в собственность социалистического государства. Этим в корне подрывались экономические силы буржуазии и создавалась база для организации новой советской социалистической промышленности.

Одновременно с национализацией промышленности

---

¹ СУ 1918 г. № 9, ст. 385.

² СУ 1918 г. № 34, ст. 457.

³ СУ 1918 г. № 45, ст. 546.

⁴ СУ 1918 г. № 47, ст. 559.

Необходимо было приступить и к национализации транспорта. Уже декретом от 24 ноября 1917 г. были объявлены недействительными все сделки по продаже, закладу и по отдаче по чарте-партии русских торговых судов в руки иностранцев и запрещался вывод судов из России¹. Этим пресекались попытки судовладельцев перевести свое имущество за границу. А уже декретом 26 января 1918 г.² были национализированы судоходные предприятия, владевшие морскими и речными судами, со всем их движимым и недвижимым имуществом. Не подлежали национализации лишь суда, служившие для мелкого промысла. Национализация железнодорожного транспорта произошла несколько позднее. Общим декретом 28 июня 1918 г. о национализации промышленности были национализированы все предприятия обществ частных железных дорог и подъездных путей, как находившиеся в эксплуатации, так и строившиеся (п. 26 декрета).

Для подрыва экономической мощи буржуазии необходимо было национализировать банки. Декрет от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков»³ объявил банковое дело государственной монополией. Все частные акционерные банки и банкирские конторы были объединены с государственным банком, которому были переданы все их активы и пассивы. В дополнение к декрету от 14 декабря 1917 г. декрет от 26 января 1918 г.⁴ «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» аннулировал все банковские акции; всякая выплата по ним дивиденда была прекращена.

В отличие от банковских акций выплата дивиденда по акциям промышленных и торговых предприятий декретами от 29 декабря 1917 г.⁵ и от 18 апреля 1918 г.⁶ была первоначально временно приостановлена. Все акции, облигации и прочие процентные бумаги подлежали регистрации с поименной записью владельцев этих ценных бумаг. Система безымянных акций, облигаций и иных процентных бумаг была тем самым отменена. Сделки с ценными бумагами были воспрещены. Не зарегистриро-

¹ СУ 1917 г. № 4, ст. 55.

² СУ 1918 г. № 19, ст. 290.

³ СУ 1917 г. № 10, ст. 150.

⁴ СУ 1918 г. № 19, ст. 295.

⁵ СУ 1918 г. № 13, ст. 185.

⁶ СУ 1918 г. № 32, ст. 420.

ванные акции и другие процентные бумаги были объявлены государственной собственностью. Указанное различие между банковскими акциями, объявленными аннулированными, и акциями промышленных и торговых предприятий объясняется тем, что в отношении фабрик и заводов первоначально предполагалось провести лишь рабочий контроль, и даже по декрету о национализации предприятий от 28 июня 1918 г. (раздел III) впредь до особого распоряжения Высшего совета народного хозяйства по каждому отдельному предприятию, объявленному государственной собственностью, бывшие собственники объявлялись временными арендаторами, обязывались финансировать эти предприятия и имели право на доходы с них.

Национализация была распространена и на другие отрасли хозяйства, предприятия и учреждения, обслуживающие население.

В целях обеспечения населения продовольствием и планомерного снабжения населения декрет от 15 февраля 1918 г. объявил государственной собственностью все крупнейшие зернохранилища¹. Были национализированы и переданы больничным кассам все лечебные учреждения — больницы, амбулатории, родильные приюты и пр. (декрет 16 ноября 1917 г.²). Все предприятия и учреждения Всероссийского земского союза, имущество Красного Креста и тому подобных организаций и учреждений были объявлены государственной собственностью. Были национализированы страховые общества.

Декрет от 23 января 1918 г.³ объявил государственной собственностью имущество церковных и религиозных обществ, причем здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, могли предоставляться по постановлению органов государственной власти в бесплатное пользование религиозных обществ.

В отношении городских строений постановление НКВД РСФСР от 29 октября 1917 г.⁴ предоставило городским самоуправлениям право секвестровать все пустующие помещения и вселять в них граждан, нуждавшихся в жилье; декрет от 14 декабря 1917 г.⁵ приостановил

¹ СУ 1918 г. № 25, ст. 344.

² СУ 1917 г. № 3, ст. 34.

³ СУ 1918 г. № 18, ст. 263.

⁴ СУ 1917 г. № 1, ст. 14.

⁵ СУ 1917 г. № 10, ст. 154.

новил какие бы то ни было сделки по продаже, залогу и т. п. городских строений. Несколько позднее ВЦИК декретом от 20 августа 1918 г.¹ «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах» объявил все строения в городских поселениях с числом жителей свыше 10 тыс., стоимостью свыше предела, установленного органами местной власти, государственной собственностью и передал их в распоряжение органов местной власти. Органам местной власти предоставлялось право с разрешения центральной государственной власти выносить постановления об отмене частной собственности на строения и в поселениях, имевших менее 10 тыс. жителей, а также понижать первоначально установленный предельный размер стоимости строений, остающихся в частной собственности. Действие декрета не распространялось на строения, являвшиеся необходимой принадлежностью промышленных предприятий. Строения, занятые для нужд учреждений и ведомств государственного управления, оставались в распоряжении и эксплуатации последних.

Национализация торговых оптовых и розничных предприятий произведена позже, а именно декретом от 21 ноября 1918 г.² «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства». Первоначально постановлением Наркомата торговли и промышленности от 20 апреля 1918 г., утвержденным СНК 30 июня 1918 г.³, торговые предприятия были взяты на учет, запрещались образование новых торговых предприятий, изменение состава участников этих предприятий и всякие сделки с предприятиями. Еще более ранним постановлением, изданным в первые дни Октябрьской революции, а именно декретом СНК РСФСР 27 октября 1917 г.⁴ «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», городским самоуправлениям в городах с числом жителей не менее 10 тыс. предоставлялось право брать под надзор и руководство торговые предприятия, лавки, рестораны и тому подобные предприятия, торгующие продовольственными товарами и предметами первой необхо-

¹ СУ 1918 г. № 62, ст. 674.

² СУ 1918 г. № 83, ст. 879.

³ СУ 1918 г. № 47, ст. 561.

⁴ СУ 1917 г. № 1, ст. 9.

димости, превращая их в «агентов городской продовольственной организации». Этот же декрет предоставлял городским самоуправлениям право брать на учет и распределять все продовольственные грузы (и предметы первой необходимости), прибывавшие в город.

В отношении некоторых товаров, имеющих особо важное значение для народного хозяйства, уже в самое ближайшее время после Октябрьской революции была введена государственная монополия. Так, декрет о социализации земель 19 февраля 1918 г. установил государственную монополию на торговлю сельскохозяйственными машинами, семенами, хлебом (как внешнюю, так и внутреннюю). Постановлением 7 марта 1918 г.¹ ВСНХ ввел государственную монополию на спички, свечи, рис, кофе, перец и другие пряности и национализировал предприятия по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями.

Декретом от 20 июня 1918 г.² СНК РСФСР национализировал нефтеторговые предприятия. ВСНХ постановлением 12 января 1918 г.³ установил государственную монополию торговли золотом и платиной. В соответствии с постановлением ВСНХ 16 декабря 1917 г.⁴ «Об организации «Центроткани», а затем декретом СНК РСФСР от 29 июня 1918 г.⁵ изделия текстильного производства подлежали учету, и продажа их запрещалась без разрешения Закупочного бюро Центротекстиля.

Особое значение имело введение государственной монополии торговли хлебом. Как было указано выше, государственная монополия торговли хлебом была установлена уже декретом о социализации земли 19 февраля 1918 г. Для успеха государственных заготовок хлеба необходимо было организовать товарообмен с деревней. СНК РСФСР декретом «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок» от 2 апреля 1918 г.⁶ осуществление товарообмена возложил на местные продовольственные органы и под страхом судеб-

¹ СУ 1918 г. № 29, ст. 385.

² СУ 1918 г. № 45, ст. 546.

³ СУ 1918 г. № 16, ст. 232.

⁴ СУ 1917 г. № 9, ст. 137.

⁵ СУ 1918 г. № 48, ст. 566.

⁶ СУ 1918 г. № 30, ст. 318.

ной ответственности запретил обмен товаров на хлеб без разрешения продовольственных органов. Однако мероприятия по развитию товарообменных операций оказались недостаточными. Кулаки и всякого рода спекулянты оказывали ожесточенное сопротивление государственным мероприятиям. Борьба за хлеб была борьбой за социализм. Необходимо было объявить продовольственную диктатуру и организовать комитеты бедноты в деревне — пролетарские организации, на которые советская власть могла бы опереться в борьбе за хлеб. 9 мая 1918 г. ВЦИК принял декрет «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Этим декретом подтверждалась незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами. Все неимущие крестьяне и трудящиеся призывались к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками. Все, имевшие излишки хлеба и не сдававшие их государству, объявлялись врагами народа. Комитеты бедноты были оформлены декретом от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты»¹.

Декретом СНК РСФСР 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли»² была национализирована вся внешняя торговля. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продуктов с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей могли производиться лишь от лица Российской республики специально уполномоченными органами. Органом, ведавшим национализированной внешней торговлей, являлся Народный комиссариат торговли и промышленности.

Таким образом, период проведения Великой Октябрьской социалистической революции характеризовался национализацией земли, недр, лесов и вод, крупной и в основном средней промышленности, банков, транспорта и других важнейших отраслей народного хозяйства, недвижимости в городах, некоторых торговых предприятий, установлением монополии внешней торговли и ряда

---

¹ СУ 1918 г. 43, ст. 524.

² СУ 1918 г. № 33 ст. 432.

важнейших отраслей внутренней торговли, установлением контроля местных самоуправлений над городской торговлей, продовольствием и предметами первой необходимости, учета этой торговли и руководства ею. В руки Советского социалистического государства перешли командные высоты как экономическая база диктатуры пролетариата, как основа для социалистического строительства.

Национализация была экспроприацией экспроприаторов. На место капиталистической частной собственности на орудия и средства производства она установила государственную социалистическую собственность на орудия и средства производства. Национализация была принудительным и безвозмездным изъятием имущества от частных собственников, осуществленным в силу государственных актов. Она была не производным, а первоначальным способом возникновения нового типа собственности — социалистической. Ст. 2 декрета о национализации земли гласила: «Земля без всякого (явного или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа». В постановлениях о национализации предприятий говорится о конфискации имущества, т. е. о принудительном безвозмездном изъятии. Права Советского государства не были производными от прав бывших собственников — капиталистов, это была новая, впервые возникшая в мире социалистическая собственность.

Национализация проводилась социалистическим государством, являющимся политической организацией диктатуры рабочего класса. Этим национализация, осуществленная в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции, принципиально отличается от национализации, осуществляемой в странах буржуазной демократии буржуазной государственной властью, являющейся служанкой капитализма. Для национализации в буржуазных государствах характерно то, что она производится за вознаграждение и в тех отраслях хозяйства, которые являются нерентабельными для самих капиталистов, что она приводит к переходу предприятий в руки буржуазного государства, охраняющего право капиталистической частной собственности. Бывшие частные собственники предприятий остаются собственниками капиталов, которые они получают за национализированные предприятия. Буржуазное государство является пра-

вопреемником бывших частных предпринимателей, носителем частной собственности. В результате буржуазная национализация лишь развивает государственно-монополистический капитализм. Буржуазная национализация является производным, а не первоначальным способом возникновения собственности и не создает социалистической собственности¹.

Советская социалистическая национализация проводилась в условиях жесточайшей классовой борьбы и осуществлялась самим рабочим классом под руководством коммунистической партии и советского правительства. Городская и сельская буржуазия бешено сопротивлялась национализации: саботаж, срыв производства, прямые вредительские акты, попытки перевода предприятий на иностранных подданных характерны для этого периода. В прямой и скрытой форме борьбу против пролетарской национализации вела и интеллигенция, связанная с дворянством и буржуазией, вели и мелкобуржуазные партии социалистов-революционеров и меньшевиков.

Борьбу с советской социалистической национализацией вели и иностранные капиталисты, опираясь на буржуазные государства и, в частности, на буржуазный суд.

Законы Советского государства о национализации частной собственности имеют экстерриториальное значение. Законы эти распространяются на все имущество национализированных предприятий, банков, страховых обществ и т. д., в чем бы это имущество ни заключалось и где бы оно ни находилось (в том числе и за границей). Декреты о национализации вызвали яростное сопротивление буржуазии. Дипломатический корпус в Петрограде в феврале 1918 г. заявил, что не будет признавать их действия в отношении иностранных подданных. На Генуэзской конференции 1922 г. государства Антанты самым наглым образом предъявили требование о денационализации собственности иностранцев в советских социалистических республиках. В ряде случаев буржуазные суды удовлетворяли иски бывших собственников, обращенные на национализированное имущество, экспортированное из советских республик в капиталистические страны.

---

¹ См. А. Леонтьев, О социально-экономических основах новой демократии, «Партийная жизнь», 1947, № 17, стр. 33.

Укрепление мощи СССР, заключение ряда торговых соглашений привели к изменению этой политики. Однако до сих пор буржуазные суды, в нарушение своих собственных законов, пытаются отрицать право Советского государства на национализированное имущество, находящееся за границей в момент национализации и фактически не освоенное органами Советского государства¹. Согласно правовым началам, признаваемым во всех странах, судьба имущества иностранного юридического лица должна определяться по закону той страны, где утвержден устав этого юридического лица или находится его правление. Буржуазные суды, проводя классово враждебную политику по отношению Советского государства, отказались применить это положение к находившемуся за границей имуществу национализированных в советских республиках юридических лиц. В результате этого имущество при попустительстве иностранных буржуазных судов было расхищено белогвардейскими элементами, выдававшими себя за «директоров» предприятий.

Ст. 4 Конституции СССР говорит, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Великая Октябрьская революция создала путем экспроприации экспроприаторов и национализации новый тип права собственности — право социалистической собственности, принадлежащее советскому социалистическому государству. Тридцать лет тому назад была заложена основа того типа собственности, который в настоящее время является безраздельно господствующим. Но мало было путем национализации создавать социалистическую собственность, необходимо было создать и социалистическую систему хозяйства, обуславливающую использование социалистической собственности в целях укрепления советского социалистического государства, социалистического строительства, в интересах трудящихся масс — использование социалистической собственности как всенародного достояния. Социалистическая система хозяйства, о которой говорит ст. 4 Конституции СССР, параллельно с государственной социалистической собственностью стала создаваться тотчас же после совершения Октябрьской революции.

---

¹ См. Учебник международного частного права, 1940, § 33.

Социалистическая система хозяйства основывается на единстве политического и хозяйственного руководства, на социалистическом планировании. Социалистическое государство, являясь собственником основных орудий и средств производства, руководит и в плановом порядке направляет всю народнохозяйственную жизнь. С этой целью уже декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г.¹ при Совнаркоме был учрежден Высший совет народного хозяйства. Задачей ВСНХ являлась организация народного хозяйства и государственных финансов. На ВСНХ возлагалась выработка общих норм и плана регулирования экономической жизни страны, объединение деятельности центральных и местных регулирующих учреждений во всех областях хозяйственной жизни. ВСНХ было предоставлено право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства и распределения и в области государственных финансов. При ВСНХ были созданы центральные комитеты и главные управления, а на местах его органы — местные Советы народного хозяйства.

Национализовав землю, недра, леса и воды, крупные и средние капиталистические предприятия, Великая Октябрьская социалистическая революция не могла пройти мимо и других объектов частной собственности, в частности — мимо различного рода ценностей, принадлежавших капиталистам.

По декрету ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О ревизии стальных ящиков в банках»² золото в монетах и слитках, находившееся в сейфах, подлежало конфискации и передаче в общегосударственный золотой фонд. Находившиеся в сейфах золотые изделия подлежали также конфискации в части, превышавшей 48 золотников (постановление ВСНХ от 22 февраля 1918 г.³). Аналогичные правила были установлены для серебра, алмазов, бриллиантов. Всякая оплата купонов по акциям и облигациям была приостановлена и все сделки с ценными бумагами воспрещены; банковские же акции, как уже указывалось, были аннулированы (декреты СНК РСФСР от 29 декабря 1917 г. и от 26 января 1918 г.). Были запрещены

¹ СУ 1917 г. № 5, ст. 83.

² СУ 1917 г. № 10, ст. 151.

³ СУ 1918 г. № 29, ст. 376.

всякие сделки по продаже недвижимостей в городах (декрет СНК РСФСР от 14 декабря 1917 г.).

Постановления советской власти, обращаясь против владельцев ценностей, одновременно охраняли интересы трудящихся. Так, в декрете «О национализации банков» указывалось, что «интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены».

Национализируя капиталистическую частную собственность, советская власть должна была урегулировать и вопросы наследования и связанные с ним вопросы дарения имущества.

27 апреля 1918 г. ВЦИК издал декрет «Об отмене наследования»¹ и 20 мая 1918 г. «О дарении»². Декрет о наследовании хотя и был назван декретом «Об отмене наследования», но по существу сохранил наследование супруга, родственников по прямой нисходящей и восходящей линии, а также братьев и сестер, в том случае, если наследственное имущество не превышало 10 тыс. рублей, в частности, если оно состояло из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства (п. IX).

Что касается наследственных имуществ стоимостью свыше 10 тыс. рублей, то из этого имущества, в случае нетрудоспособности указанных выше лиц, им выдавалось содержание в размере, которое устанавливалось органами социального обеспечения и местными Советами. Все остальное наследственное имущество поступало в доход государства.

Таким образом, декрет об отмене наследования, не затрагивая интересов трудящихся, был направлен против капиталистической частной собственности.

В целях борьбы с обходом декрета об отмене наследования было запрещено и дарение имущества стоимостью свыше 10 тыс. рублей. В случае признания дарения недействительным предмет дарения переходил в собственность государства.

В результате Брестского мира Российская советская республика получила передышку с весны 1918 г. и могла приступить к выполнению стоявших перед ней организационных задач. Ленин в мае 1918 г. в статье «О «ле-

¹ СУ 1918 г. № 34, ст. 456.

² СУ 1918 г. № 43, ст. 525.

вом» ребячестве и мелкобуржуазности» писал: «Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нана национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без умения правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого умения нельзя»¹.

К этому моменту экономика страны, как указывал Ленин, характеризовалась следующими общественно-экономическими укладами: 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм². Этим укладам отвечали и соответствующие виды собственности. Наряду с возникшей впервые в результате Великой Октябрьской социалистической революции государственной социалистической собственностью — командными высотами, перешедшими в руки советской власти, существовали: капиталистическая частная собственность на ненационализированные промышленные и торговые предприятия, частная собственность на орудия и средства производства мелких товаропроизводителей. Особо должна быть выделена государственно-капиталистическая собственность. Государственно-капиталистическая собственность — это подвид капиталистической собственности, но собственности, поставленной под контроль государства, направляемой на выполнение государственных заданий. Как на пример государственного капитализма Ленин указывал на хлебную монополию, подконтрольных предпринимателей и торговцев, на буржуазные кооперативы³. Так, например, декретом СНК РСФСР от 27 октября 1917 г.⁴ городским самоуправлениям было предоставлено право брать под надзор и руководство торговые и торгово-промышленные пред-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 512.

² Там же, стр. 513.

³ См. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 514.

⁴ СУ 1917 г. № 1, ст. 9.

приятия, лавки, рестораны, трактиры, мельницы и пр., определять, что эти заведения действуют в качестве агентов городских продовольственных организаций, изменять их штат, условия труда, производства, продажи и пр. В этот период буржуазная кооперация, еще не ставшая социалистической, представляла собою также форму государственного капитализма, и кооперативная собственность являлась одним из видов частной собственности. Государственный капитализм в условиях победы Великой Октябрьской социалистической революции имел принципиально иное значение, чем государственный капитализм в буржуазном государстве, поскольку Советское государство, созданное Октябрьской революцией, явилось социалистическим государством, обеспечивавшим власть рабочих и бедноты. Вот почему при господстве буржуазии государственный капитализм есть форма сращивания монополистического капитала с государством, а государственный капитализм при советской власти, как указывал В. И. Ленин, означает шаг к социализму, «ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии»¹. Для этого вида частной собственности устанавливался и особый правовой режим.

При преобладании в стране в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции мелкобуржуазного уклада сохранилось и право частной собственности на предметы потребления, для которой возможно превращение в частную собственность на орудия и средства производства мелкого товаропроизводителя и капиталиста-предпринимателя. Но с Октябрьской революцией зародилось и право личной собственности на предметы потребления, неразрывно связанное с социалистической собственностью, являющееся результатом приложения труда в социалистическом хозяйстве, собственностью, не могущей превратиться в капиталистическую частную собственность, не могущей стать орудием эксплуатации человека человеком.

II. Законодательство о собственности периода иностранной военной интервенции и гражданской войны

Гражданская война и интервенция прервали намеченное партией и правительством осуществление планов со-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 518.

циалистического строительства, привели к военному коммунизму. Необходимо было поставить тыл полностью на службу фронту, организовать по-военному экономику страны. В декрете от 30 ноября 1918 г. «Об образовании Совета рабочих и крестьянской обороны» говорилось: «Не только в армии и во флоте, но и в продовольственном и в транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь»¹. Военный режим был распространен на все отрасли хозяйства, включая сельское хозяйство и кустарную промышленность.

В период 1918—1920 гг. продолжалась дальнейшая национализация промышленности. Выступая на VIII съезде партии с докладом о работе в деревне, Ленин указывал: «По отношению к помещикам и капиталистам наша задача — полная экспроприация»². Ряд отраслей промышленности был национализирован на 100%. Национализация распространялась и на мелкие предприятия. Если прежде были аннулированы лишь акции и облигации банков, а по акциям промышленных и торговых предприятий была только приостановлена выплата дивидендов и процентов, то декрет СНК РСФСР от 4 марта 1919 г. «О ликвидации обязательств государственных предприятий»³ аннулировал акции и паи всех акционерных обществ и товариществ, предприятия которых были национализированы, хотя бы эти предприятия не перешли еще в ведение правительственных правлений, а находились в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев. Одновременно государственные предприятия освобождались от уплаты частным лицам всех долгов, возникших до национализации. Постановление ВСНХ РСФСР от 29 ноября 1920 г.⁴ объявило национализированными все частные промышленные предприятия, имеющие рабочих свыше 5 при механическом двигателе или 10 без механического двигателя. Оставление предприятий в руках частных лиц могло иметь место лишь с осо-

¹ СУ 1918 г. № 91/92, ст. 924.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 163.

³ СУ 1919 г. № 10/11, ст. 108.

⁴ СУ 1920 г. № 93, ст. 512.

бого в каждом отдельном случае постановления президиума ВСНХ. Декретом СНК РСФСР 17 мая 1919 г.¹ ликвидируются городские и губернские кредитные общества Декретом Совнаркома «Об организации снабжения населения» 21 ноября 1918 г. в основном национализируются оптовые и розничные торговые предприятия².

Таким образом, в период военного коммунизма завершается национализация капиталистических предприятий, и государственная социалистическая собственность в промышленности и торговле становится на место капиталистической частной собственности.

Ненационализированная мелкая и кустарная промышленность была подчинена строгому учету, руководству и контролю Главного управления кустарной промышленности и его местных органов. По декрету ВЦИК и СНК РСФСР 26 апреля 1919 г.³ и декрету СНК РСФСР 7 сентября 1920 г.⁴ продукция мелких и кустарных предприятий поступала на учет и распределение Главкустпрома и его органов. Продажа на рынке разрешалась кустарям лишь при выработке изделий, изготовленных кустарями из сырья, ими самими добытого, и лишь по строго определенным видам изделий. Предприятия мелкой и кустарной промышленности обязаны были работать по заказам, распределявшимся Главкустпромом.

Таким образом, и в период военного коммунизма в промышленности в известных пределах оставалась, хотя и взятая под строгий контроль, капиталистическая частная собственность на орудия и средства производства (мелкие ненационализированные предприятия с наемными рабочими) и трудовая частная собственность мелких товаропроизводителей (кустари/без наемных рабочих).

В области сельского хозяйства проводится ряд мероприятий по обобществлению землепользования, по организации социалистических сельских хозяйств, развитию и в сельском хозяйстве социалистической собственности.

Постановлением ВЦИК 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землепользовании и о мерах перехода к социалистическому земледелию»⁵ формально закрепляет-

¹ СУ 1919 г. № 20, ст. 237.

² СУ 1918 г. № 83, ст. 879.

³ СУ 1919 г. № 14, ст. 140.

⁴ СУ 1920 г. № 78, ст. 366.

⁵ СУ 1919 г. № 4, ст. 43.

ся исключительное право государственной собственности на землю, установленное, хотя и названное социализацией земли, с первых дней Октябрьской революции. Положение о социалистическом землепользовании, указывая, что на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отжившие, считает необходимым образование крупных государственных сельских хозяйств и коммун.

Если в отношении помещиков и капиталистов проводилась полная экспроприация, то в отношении деревенской буржуазии — кулачества вопрос о полной экспроприации не ставился. «По отношению к помещикам и капиталистам, — говорил Ленин, — наша задача — полная экспроприация. Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков... Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация»¹.

В период военного коммунизма в деревне, несмотря на развитие социалистических форм хозяйства, основным видом еще оставалась мелкая частная собственность среднего крестьянства и капиталистическая собственность кулака. Но исключительная собственность государства на землю и на основные орудия и средства производства давала возможность регулировать крестьянское хозяйство и вести, опираясь на бедноту и в союзе со средним крестьянством, борьбу с кулаком.

Большие сдвиги в период военного коммунизма имеют место в отношении кооперативной собственности. К этому времени партия приобрела руководящее значение в кооперативных организациях, и прежде всего в организации потребительской кооперации. При политической власти рабочего класса, при государственной социалистической собственности на землю и на основные орудия и средства производства кооперативные организации из государственно-капиталистических, какими они были, находясь первое время после Октябрьской революции в руках буржуазных кооператоров, стали пре-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 163.

вращаться в социалистические, и кооперативная собственность превратилась в форму социалистической собственности. Но вместе с тем, в законодательстве периода военного коммунизма имели место некоторые элементы огосударствления кооперации. В резолюции «Об отношении к кооперации» IX съезда партии указывается, что сельскохозяйственные и кустарно-промысловые кооперативные организации должны быть подчинены потребительской кооперации. Потребительская кооперация должна находиться в ведении Наркомпрода и выполнять технические хозяйственные операции по его заданиям и под его контролем¹. Декретом о потребительских коммунах 16 марта 1919 г.² в последние в обязательном порядке включалось все население данной местности, и потребительские коммуны образовывали единый распределительный аппарат. Декретом 13 декабря 1920 г. кооперация переводится на сметный порядок финансирования по государственному бюджету. Ликвидируется кооперативный банк — Московский народный банк, и его имущество передается Государственному банку.

Элементы огосударствления кооперации не получили, однако, дальнейшего развития, кооперативная собственность не превратилась в государственную собственность, а при переходе от военного коммунизма к восстановительному периоду были созданы условия для дальнейшего развития и укрепления кооперативной собственности как особой формы социалистической собственности.

Получили широкое развитие государственные монополии и переход в государственную собственность различного вида имущества: сырья, изделий, ценностей и др. Так, постановлением ВСНХ от 19 ноября 1918 г.³ вводится монополия на металлы и металлические изделия; все товарные массы металлов и металлических изделий объявляются собственностью Советской республики и создается специальный орган по ведению и распределению металлов — «Продрасмета». Декретом 23 июля 1918 г.⁴ вводится монополия на ткани. Декретом 25 марта 1920 г. устанавливается государственная

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях, 1941, ч. 1, стр. 341.

² СУ 1919 г. № 17, ст. 191.

³ СУ 1918 г. № 95, ст. 957.

⁴ СУ 1918 г. № 54, ст. 599.

монополия на лесные материалы¹ и др. Все племенные животные нетрудовых хозяйств объявляются без всякого выкупа государственным достоянием. Устанавливается право государства на объявление государственным достоянием научных, литературных, музыкальных и художественных произведений и изобретений, при гарантировании личных и имущественных прав авторов (декреты 26 ноября 1918 г. и 30 июня 1919 г.). 3 ноября 1920 г. Совнарком РСФСР издает декрет «О бесхозяйном имуществе»², которым устанавливается положение, доселе не известное правовым режимам ни одного общественного строя, что всякое имущество, не находящееся ни в чьем обладании, является государственной собственностью. В социалистическом государстве нет «ничьих вещей» (*res nullius*).

Особое развитие получают государственные монополии на продовольственные продукты, в частности монополия на хлеб. Борьба за хлеб — это борьба за советскую власть, борьба за социалистическую революцию. Декретом 11 января 1919 г. вводится продразверстка³.

В дополнение к продразверстке рядом постановлений регулируются товарообменные операции в целях усиления заготовок продуктов сельского хозяйства и промыслов (декрет СНК 5 августа 1919 г.⁴).

Процесс завершения национализации и создания государственной социалистической собственности в период военного коммунизма одновременно сопровождается и установлением особого правового режима для государственной социалистической собственности. В период военного коммунизма проводится строгая централизация в управлении хозяйством и развивается планирование. В программе партии, принятой VIII съездом (март 1919 г.), как одна из основных задач указывается максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану.

Государственной комиссией по электрификации России («ГОЭЛРО»), организованной 21 февраля 1920 г., разрабатывается первый единый народнохозяйственный план — план ГОЭЛРО. В области организации народно-

¹ СУ 1920 г. № 31, ст. 153.

² СУ 1920 г. № 87, ст. 442.

³ СУ 1919 г. № 1, ст. 10.

⁴ СУ 1919 г. № 41, ст. 387.

хозяйственных связей проводится линия ликвидации частной торговли и товарно-денежных взаимоотношений. Распределение сырья и продукции производится в административном порядке, путем нарядов-приказов, выдачи ордеров. Проводятся упоминавшиеся уже выше (см. главу I) мероприятия по переходу на безденежный оборот между государственными хозяйственными организациями (бесплатное обслуживание потребительских и других нужд граждан, бесплатный отпуск населению продовольственных продуктов и предметов широкого потребления, отмена платы за жилые помещения, за пользование транспортом и средствами связи и др.).

Указанные мероприятия, вызванные особыми политическими и экономическими условиями гражданской войны и интервенции, впоследствии измененные в связи с переходом к восстановительному периоду исходили, однако, из некоторых общих начал правового регулирования социалистической собственности, получивших развитие в дальнейшем. Эти начала в основном сводились к следующему: единство политического и хозяйственного руководства; советская власть как политическая организация, опираясь на перешедшие в ее руки путем национализации командные высоты — на государственную социалистическую собственность, руководит всей хозяйственной жизнью страны; Советское государство является единым и единственным субъектом государственной социалистической собственности, через свои органы ведающим и управляющим объектами этой собственности, — отсюда единство фонда государственной социалистической собственности как всенародного достояния, плановый характер использования государственной собственности, ее распределения и перераспределения.

Законодательство периода военного коммунизма оказало огромное воздействие и на частную собственность на предметы потребления. Рядом постановлений проводятся положения, с одной стороны, ограничивающие размер этого вида частной собственности и препятствующие использованию ее как средства эксплуатации, получения нетрудовых доходов, а с другой стороны, проводятся мероприятия, охраняющие личные и имущественные интересы трудящихся.

Декретом 20 августа 1918 г. отменяется право част-

ной собственности на недвижимость в городах; строения становятся государственной собственностью, за исключением небольших жилых строений, используемых их собственниками для удовлетворения личных жилищных нужд. В соответствии с декретом 25 марта 1920 г. о государственной монополии на лесные материалы последние поступают в лесной государственный фонд, за исключением, однако, лесных материалов, заготовленных гражданами для собственного употребления и кустарями для нужд своего кустарного производства.

Согласно постановлению Наркомюста РСФСР 6 сентября 1918 г.¹, были запрещены сделки купли-продажи строений, находящихся в селениях, поскольку строение в сельских местностях может принадлежать лишь лицу, имеющему право пользоваться земельным участком, на котором находится строение.

Декретом Совнаркома 15 октября 1919 г. установлена норма скота (пять голов), не подлежащего конфискации, для хозяйств Калмыцкой степи². Согласно декрету 11 апреля 1919 г., охраняются частные пасеки и ульи, если их владелец применяет к пчеловодству только свой личный труд или труд членов своей семьи. Декретами о произведениях науки, литературы, искусства и об изобретениях, предоставляющими государству право объявлять их государственным достоянием, охраняются права авторов. В частности, в целях защиты интересов авторов объявлялись недействительными сделки с издательствами по приобретению последними права собственности на работы авторов.

Приведенные выше и другие аналогичные постановления принципиально меняли самую суть частной собственности граждан на предметы потребления. В буржуазном обществе частная собственность на средства потребления не ограничена законодательством от капиталистической частной собственности на средства и орудия производства, являющейся основой эксплуатации человека человеком, и может превратиться в капиталистическую собственность. Законодательство же периода проведения Великой Октябрьской социалистической революции и периода военного коммунизма, экспроприировав экспроприаторов и одновременно охраняя права соб-

¹ СУ 1918 г. № 65, ст. 715.

² СУ 1919 г. № 51, ст. 503.

ственности трудящихся, заложило начало нового вида собственности — личной собственности граждан, не могущей перейти в капиталистическую собственность и имеющей своей целью лишь удовлетворение личных потребительских нужд граждан, собственности, связанной с социалистической собственностью.

Надлежит, вместе с тем, отметить, что те колоссального значения преобразования в праве собственности, которые имели место в период военного коммунизма, не ликвидировали, да и не могли ликвидировать до конца капиталистическую частную собственность, поскольку не было еще предпосылок для ликвидации кулачества как класса.

Поскольку коллективизация сельского хозяйства лишь начиналась и основная масса крестьянских хозяйств была хозяйством единоличников, а промысловая кооперация была слабо развита, постольку продолжала сохранять значение трудовая частная собственность на орудия и средства производства единоличных крестьян, кустарей и ремесленников.

III. Законодательство о собственности периода перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства

После победы советского народа в гражданской войне и разгрома интервентов перед страной встали задачи перехода на пути мирного хозяйственного строительства. В результате четырехлетней империалистической войны, борьбы на фронтах гражданской войны и с интервентами хозяйство страны пришло в упадок. Необходимо было его восстановить для того, чтобы двинуться вперед в борьбе за социалистическое переустройство общества, подготовить базу для окончательной ликвидации капиталистических элементов. «Нэп, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде партии, — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капи-

талистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики»¹.

В этих целях необходимо было закрепить военно-политический союз рабочего класса и крестьянства также и экономическим союзом. Надо было восстановить и развить промышленность, поднять сельское хозяйство, развернуть товарооборот между городом и деревней на путях развития торговли. Необходимо, говорил Ленин, «строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка»². «...удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела можно двумя вещами... Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а, во-вторых, нужно достать товары и продукты»³.

Введение новой экономической политики требовало допущения в известных пределах капиталистических элементов в сельском хозяйстве, в промышленности, в торговле и в других областях народного хозяйства, но лишь в известных пределах и при условии сохранения в руках советской власти всех командных позиций, завоеванных Великой Октябрьской социалистической революцией и в годы гражданской войны и борьбы с интервентами. Земля, недра, воды, леса, крупная промышленность, транспорт, банки, внешняя торговля и основные позиции во внутренней торговле находились в руках советской власти и обеспечивали руководящее значение Советского государства в народном хозяйстве, победу в жестокой классовой борьбе, победу социалистических элементов над капиталистическими.

Правильность новой экономической политики, принятой партией, не замедлила сказаться. Начался подъем хозяйства страны. Уже в марте 1922 г. на XI съезде партии Ленин, подводя итоги первого года проведения новой экономической политики, говорил: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил»⁴.

¹ XIV съезд, Стенографический отчет, 1926, стр. 493.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 247.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 238.

Законодательство о праве собственности периода восстановления хозяйства страны полностью отражает политику партии и правительства в этот период и, подводя правовую базу под проводимые мероприятия, содействует победе социализма в поставленном вопросе «кто—кого». Основная линия в области гражданского законодательства этого периода была сформулирована Лениным при утверждении ВЦИК Гражданского кодекса РСФСР. Ленин говорил: «Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально и которое мы легализовать не хотим»¹.

Основными законодательными актами, знаменующими переход к новой экономической политике, имеющими определяющее значение для советского гражданского права этого периода, являются: декрет ВЦИК 21 марта 1921 г. о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом², декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» от 22 мая 1922 г.³, Гражданский кодекс, вступивший в силу с 1 января 1923 г. Как для указанных, так и для других законодательных актов характерны в отношении регулирования права собственности следующие три момента: сохранение государственной социалистической собственности как командной высоты, развитие кооперативной собственности как формы социалистической собственности, допущение лишь в ограниченных пределах капиталистической собственности.

В связи с этим ст. 52 Гражданского кодекса РСФСР гласит: различается собственность: а) государственная (национализированная и муниципализированная), б) кооперативная, в) частная. Ниже мы и рассмотрим, какое законодательное оформление эти виды и формы собственности получили в восстановительный период в различных отраслях народного хозяйства.

В области промышленности государственная социалистическая собственность была закреплена на крупные и

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 319.

² СУ 1921 г. № 26, ст. 147.

³ СУ 1922 г. № 36, ст. 423.

средние промышленные предприятия с их оборудованием! Причем, согласно ст. 22 ГК РСФСР, промышленные предприятия в целом, промышленные заведения, фабрики, заводы, рудники, оборудование промышленных заведений не подлежали отчуждению в собственность частных лиц и их объединений. Они могли отчуждаться в особых случаях только кооперативным организациям и притом лишь входящим в систему того или другого вида кооперации, что гарантировало социалистическую сущность этих кооперативных организаций. Передача предприятий так называемым «диким кооперативам», не входившим в систему, исключалась, поскольку такие кооперативные организации в большинстве случаев оказывались лжекооперативами, в которых под кооперативной вывеской скрывалось объединение частных предпринимателей.

Но вместе с сохранением за государственной собственностью доминирующего значения в промышленности было допущено частное предпринимательство в известных пределах и при соблюдении определенных условий. При полной национализации, муниципализации промышленности в период военного коммунизма в руках государства сосредоточились и такие предприятия, которые государство не могло снабжать сырьем и топливом, не могло их восстанавливать и управлять ими в тот период. В «Наказе» Совнаркома о проведении в жизнь начал новой экономической политики от 9 августа 1921 г.¹ говорится: «Советское государство вынуждено было непосредственно управлять громадной массой самого разнообразного типа предприятий, обслуживание которых далеко не соответствовало тем сырьевым и продовольственным ресурсам, которые находились в распоряжении государства». В связи с этим «государство в лице Высшего совета народного хозяйства и его местных органов сосредоточивают в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга». «Предприятия, не вошедшие в вышеуказанные группы, должны быть на основах, предусмотренных де-

---

¹ СУ 1921 т. № 59, ст. 403

кретом об аренде и инструкциями Высшего совета народного хозяйства, сдаваемы в аренду кооперативам, товариществам и другим объединениям, а также частным лицам». Декретом ВЦИК 27 октября 1921 г. «О национализации предприятий»¹ и декретом ВЦИК и СНК РСФСР 10 декабря 1921 г. «О предприятиях, перешедших в собственность республики»² устанавливалось, что все предприятия, фактически до 17 мая 1921 г. поступившие во владение органов государственной власти (центральной и местной), являются государственной собственностью.

Национализация считалась фактически осуществленной при наличии одного из следующих условий: предприятие было принято по акту органами власти или было организовано управление предприятием, или расходы по охране или ведению предприятия производились из государственных средств. Прочие предприятия, фактически не национализированные, считались принадлежащими их прежним владельцам, которые могли их использовать согласно существовавшим узаконениям. Президиуму ВСНХ предоставлялось право денационализировать мелкие промышленные предприятия, с числом рабочих не более 20, по ходатайству их бывших владельцев, причем понесенные по этим предприятиям государством издержки должны были быть возмещены бывшими владельцами при восстановлении их в правах. Денационализации подлежали лишь предприятия, не использованные государственными органами.

Имущество, изъятое из денационализируемых предприятий государством до возвращения их прежним владельцам, оставалось в собственности государства без возмещения его стоимости. Собственники промышленных предприятий, фактически не национализированных, должны были в трехмесячный срок подать заявление о регистрации предприятий. Бывшие собственники национализированных мелких предприятий должны были подавать заявление в шестимесячный срок. Владельцы предприятий, пропустившие эти сроки, лишались окончательно права собственности на эти предприятия. Частные же предприятия, зарегистрированные в ус-

¹ СУ 1921 г. № 72, ст. 583.

² СУ 1921 г. № 79, ст. 684.

тановленном порядке, могли изыматься от собственников лишь в порядке правил о реквизиции или конфискации имущества частных лиц (декрет ВЦИК и СНК 22 марта 1923 г. «О порядке установления прав на промышленные предприятия»¹).

Особое значение в этот период придавалось развитию кустарной и мелкой промышленности. Декретом 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности»² и декретом 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности»³ устанавливались меры по развитию кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме. Гражданам предоставлялось право свободно заниматься кустарным промыслом, а также организовывать мелкие промышленные предприятия. Мелкопромышленными признавались предприятия с числом наемных рабочих не более 10 при двигателе и 20 без двигателя.

В связи с указанными постановлениями ст. 5 ГК РСФСР, говоря о правоспособности граждан, устанавливает право их организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда. А по ст. 54 ГК предметом частной собственности могут быть орудия и средства производства, промышленные и торговые предприятия, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами.

Из приведенных постановлений следует, что допущение частной собственности на орудия и средства производства, организация кустарных и мелких промышленных частных предприятий в период восстановления народного хозяйства ставились в определенные пределы по размерам предприятия. Эти частновладельческие предприятия брались на особый учет (регистрация) и контроль. Они были обязаны соблюдать постановления, охраняющие труд рабочих.

Предприятия крупной и средней промышленности с числом рабочих выше установленного законом, а также сооружения, имеющие государственное значение, могли

¹ СУ 1923 г. № 24, ст. 285.

² СУ 1921 г. № 47, ст. 230.

³ СУ 1921 г. № 53, ст. 323.

быть предметом частной собственности лишь на основе концессии, разрешаемой правительством (ст. 55 ГК РСФСР). Концессии являлись формой государственного капитализма. В речи о продовольственном налоге Ленин говорил: «Что такое концессия с точки зрения экономических отношений? Это есть государственный капитализм»¹.

Иностранный капитал на началах концессий допускался в целях скорейшего восстановления народного хозяйства (декрет об общих экономических и юридических условиях концессий от 23 ноября 1920 г.²).

В концессионных договорах предусматривались условия эксплуатации капиталистами предприятий, выпуск ими продукции, передача ее в целом или в части социалистическому государству, недопустимость передачи концессии третьему лицу без согласия советского правительства, переход к государству через определенный срок созданного концессионером имущества и др.

С переходом к новой экономической политике принимаются меры к развитию кооперативной промышленности, к развитию промысловой кооперации. Если в дореволюционной России промысловые артели владели жалкое существование, находясь почти полностью в руках частных скупщиков, то в условиях Советского государства промысловая кооперация быстро достигла значительного развития. Уже в декрете от 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности» указывалось на необходимость поощрения мелких производителей к кооперированию и с этой целью предписывалось: выдавать заказы кооперативным объединениям преимущественно перед частными лицами, авансировать их сырьем и денежными средствами, предоставлять преимущества при приобретении инструментов, при получении помещений и др. Если вначале, после Октябрьской революции, промысловая кооперация, как и другие виды кооперации, находившиеся под руководством буржуазных элементов, могла рассматриваться как вид государственного капитализма³, то по мере перехода этого руководства в руки пролетарской власти промысловая кооперация все более

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 307.

² СУ 1920 г. № 91, ст. 481.

³ См. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 336.

становилась формой социалистического хозяйства, а кооперативная собственность — формой социалистической собственности. Специальным декретом «О промысловой кооперации» 7 июля 1921 г.¹ предусматривается объединение кустарей и ремесленников в промысловые кооперативные организации (товарищества, артели). Промысловым кооперативам присваиваются права юридических лиц, имущество их объявляется не подлежащим ни национализации, ни муниципализации. Организация промысловых кооперативов объявляется делом государственной важности. Постановлением Совнаркома РСФСР 22 июля 1924 г.² промысловой кооперации возвращаются предприятия, строения, склады и иное имущество, перешедшее к государственным учреждениям, предприятиям и потребительским кооперативным организациям.

В связи с этим, как было указано выше, Гражданский кодекс РСФСР отличает кооперативную собственность от собственности частной (ст. 52 ГК) и по ст. 57 «промышленные предприятия, организуемые и приобретаемые кооперативными организациями в порядке, установленном законами о соответствующих видах кооперации, могут состоять в собственности упомянутых организаций независимо от числа занятых в предприятии рабочих», тогда как для частных предприятий число рабочих было ограничено.

Таким образом, в период восстановления народного хозяйства в промышленности основным видом собственности являлась государственная социалистическая собственность, получила развитие кооперативная социалистическая собственность и допускалась частная собственность в основном на мелкие предприятия и в отдельных случаях, в порядке концессии, и на крупные предприятия.

В восстановительный период в основном определился и правовой режим государственной социалистической собственности. Во всех постановлениях, говорящих о государственной собственности, последняя рассматривается как всенародное достояние, а отдельные учреждения и предприятия трактуются как государственные органы, к которым государственная собственность поступает лишь в ведение и управление. Так, например, в по-

¹ СУ | 1921 г. № 53, ст. 322.

² СУ 1924 г. № 3, ст. 36.

становлении СТО 12 августа 1921 г. «Об основных положениях о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства»¹ предусматривается организация объединений крупных государственных предприятий и говорится, что «правлению объединения передаются в а в а в а н и е соответственные предприятия... Вся продукция объединения... поступает в общий государственный фонд». Декрет о трестах 10 апреля 1923 г.² указывает, что «трест владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему государственным имуществом». В постановлении СТО 5 июля 1922 г.³ говорится об изъятии предприятий из ведения губернских органов ВСНХ и передаче их в ведение объединений. В постановлении СТО 9 декабря 1924 г. «О разделении государственных фондов на общесоюзные и республиканские»⁴ и в «Положении об имуществах местных советов» 12 ноября 1923 г.⁵ устанавливается, что государственное имущество считается союзного, республиканского или местного значения в зависимости от того, в ведении каких государственных органов оно находится. Указанные, а также и другие законодательные постановления устанавливают право вышестоящих государственных органов перераспределять между предприятиями выделенное последним имущество. В частности постановление Экономического совета РСФСР 5 марта 1925 г.⁶ «О порядке учета и реализации неликвидных фондов» предприятий предусматривает, что на создаваемое центральное бюро по реализации неликвидного имущества предприятий возлагаются руководство и контроль за реализацией и самая реализация, когда она должна быть произведена в централизованном порядке. Суммы, вырученные от реализации неликвидного имущества, поступают в депозит соответствующих народных комиссариатов и расходуются ими на увеличение оборотных и основных капиталов промышленных предприятий.

¹ СУ 1921 г. № 63, ст. 462.

² СУ 1923 г. № 29, ст. 336.

³ СУ 1922 г. № 44, ст. 529.

⁴ СУ 1924 г. № 28, ст. 253.

⁵ СУ 1923 г. № 113, ст. 1046.

⁶ СУ 1925 г. № 36, ст. 252.

Из изложенного следует, что уже в первые годы советской власти были установлены основные правовые черты государственной социалистической собственности как всенародного достояния: единство фонда всей государственной социалистической собственности и определение правового положения государственных учреждений и предприятий не как отдельных собственников, а лишь как органов, ведающих и управляющих определенными частями единого фонда государственной социалистической собственности.

Из единства фонда вытекало и другое правовое начало — право вышестоящих государственных органов, согласно планам хозяйственной деятельности, перераспределять управление имуществом между подчиненными им нижестоящими государственными органами. Указанные начала правового режима государственной социалистической собственности получили в дальнейшем законодательстве всестороннее развитие.

В законодательстве периода восстановления народного хозяйства было установлено и другое начало, определяющее правовое положение государственных предприятий в гражданском обороте, исходящее из принципа хозяйственного расчета как закономерности советской экономики.

Ст. 19 ГК РСФСР устанавливает, что государственные предприятия и их объединения, переведенные на хозяйственный расчет, выступают в обороте как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица. Декрет о трестах от 10 апреля 1923 г., рассматривая трест как юридическое лицо, вводит правило, согласно которому трест не отвечает по обязательствам государства, а последнее по обязательствам треста. Вместе с тем, Гражданский кодекс РСФСР в ряде статей говорит об имуществе, находящемся в распоряжении Советского государства, как такового, и поступающем в его распоряжение (ст. ст. 147, 402 и др.), причем законодатель в этих случаях обычно употребляет термин «казна».

Таким образом, вся государственная социалистическая собственность в гражданском обороте представляется или отдельными государственными юридическими лицами — учреждениями, предприятиями, несущими самостоятельную имущественную ответственность, или государством как таковым — казной. В этом последнем случае в гражданском обороте выступают Народный комиссариат финансов и его местные органы.

В этот же период было, в связи с введением начал хозяйственного расчета, установлено правило, по которому взыскание по обязательствам государственных предприятий может быть обращено только на имущество этих предприятий, которое не изъято из оборота (ст. 19 ГК). Таким образом, основные фонды государственных предприятий (предприятия, здания, сооружения, оборудование) были изъяты от взыскания кредиторов, которое могло быть обращено только на оборотные средства.

В отличие от государственной социалистической собственности, составляющей единый фонд, кооперативная собственность рассматривалась как собственность отдельных кооперативных организаций, находившаяся в распоряжении только этих организаций. Согласно постановлению «О промысловой кооперации» 7 июля 1921 г., предприятия и их продукция принадлежат промысловым кооперативным организациям и не могут быть национализированы. Реквизиция или конфискация предприятий промкооперативных организаций может последовать лишь по специальным постановлениям суда или на основании особых о том постановлений Совнаркома.

В области сельского хозяйства законодательство периода восстановления народного хозяйства вновь подтвердило незыблемость государственной собственности на землю, леса, недра и воды. По ст. 21 ГК РСФСР земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота; владение землей допускается только на правах пользования. В дополнение к ст. 21, ст. 53 ГК подчеркивает, что земля, недра, леса, воды являются исключительно собственностью государства. В связи с объявлением земли исключительной собственностью государства и изъятием ее из оборота, в смысле запрещения под страхом уголовной ответственности продажи, залога и тому подобных сделок по распоряжению землей, Гражданский кодекс упраздняет деление вещей на движимые и недвижимые (ст. 21, примечание). Таким образом, в руках Советского государства полностью сохранялась основная командная высота, дающая возможность предопределить и направить по определенному руслу развитие сельского хозяйства.

Принятый ВЦИК 30 октября 1922 г. и введенный в действие с 1 декабря 1922 г., Земельный кодекс¹, как

¹ СУ 1922 г. № 68, ст. 901.

общее начало, устанавливал, что пользование землей предоставляется трудовым земледельцам и их объединениям. Все сооружения, постройки, посевы, растения и вообще все, соединенное с участком земли, находящимся в пользовании трудового земледельца, принадлежало ему на правах частной собственности (ст. 25 ЗК).

В связи с общей политикой партии и правительства в этот период допускалась, в целях использования земли, необходимого для восстановления сельского хозяйства, аренда земли. Допускался также и наемный труд в сельском хозяйстве, но при условии, что трудоспособные члены семьи принимают участие в работах наравне с лицами, работающими по найму (ст. 40 ЗК). Вместе с тем законодательство решительно ликвидировало имевшиеся небольшие остатки помещичьих хозяйств. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР 20 марта 1925 г. «О лишении помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах¹, те из бывших помещиков, которым было в небольших размерах (по трудовым нормам) оставлено пользование землей, лишались права на землепользование и проживание в хозяйствах.

Регулируя единоличное трудовое сельское хозяйство, законодательство уже с первых лет новой экономической политики проводит ряд мероприятий по развитию обобществленных форм сельского хозяйства, намечает линию социалистического переустройства сельского хозяйства. Так, по утвержденной СНК РСФСР 17 марта 1921 г. инструкции «О правильном использовании живого и мертвого инвентаря путем трудовой взаимопомощи, в целях обработки и обсеменения маломощных и красноармейских хозяйств» на сельские Советы были возложены учет живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря и организация использования его на началах взаимопомощи сельских хозяйств, не отменяя, однако, права частной собственности на этот инвентарь. Этим закладывалось начало образования товариществ по совместной обработке земли. Земельный кодекс РСФСР предусматривает организацию товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и коммун. Особое значение придается развитию принадлежащих государству сельских хозяйств — совхозов, которым Зе-

¹ СЗ 1925 г. № 21, ст. 136.

мельный кодекс посвящает отдельный раздел. Ст. 160 ЗК следующим образом определяет задачи совхозов: «Советские хозяйства (совхозы) представляют собой оборудованные сельскохозяйственные предприятия, имеющие своим назначением служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления».

Издается ряд постановлений о сельскохозяйственной кооперации: декрет ВЦИК и СНК РСФСР 16 августа 1921 г.¹; постановление ЦИК и СНК СССР 22 августа 1924 г.². Видя в развитии сельскохозяйственной кооперации одно из важнейших средств подъема сельского хозяйства и приобщения трудовых крестьянских масс к социалистическому строительству, указанные постановления вводили ряд мер, содействовавших ее развитию. Собственность сельскохозяйственных кооперативов как форма социалистической собственности объявлялась не подлежащей ни национализации, ни муниципализации. Ранее национализированные предприятия организаций сельскохозяйственной кооперации, а также предприятия, переданные потребительской кооперации, были возвращены сельскохозяйственной кооперации (постановление СНК СССР 22 июля 1924 г.³), Сельскохозяйственным кооперативным товариществам (артелям) и их союзам предоставлялось право приобретать в собственность орудия и материалы, открывать мастерские, заводы и другие хозяйственные предприятия по переработке и сбыту продуктов сельского хозяйства.

В целях развития горной промышленности производство поисков, разведки, добычи и переработки полезных ископаемых предоставлялось всем гражданам и юридическим лицам РСФСР на основе разрешений Главного управления горной промышленности ВСНХ по установленным правилам и при соблюдении права исключительной государственной собственности на недра и государственных монополий на золото и другие драгоценные металлы, на соль и пр. («Положение о недрах земли и разработке их» 7 июля 1923 г.⁴).

¹ СУ 1921 г. 61, ст. 434.

² СЗ 1924 г. № 5, ст. 61.

³ СЗ 1924 г. № 3, ст. 36.

⁴ СУ 1923 г. № 54, ст. 532.

Были отменены некоторые государственные монополии, в частности государственная монополия на производство рыбных промыслов (декрет СНК РСФСР 31 мая 1921 г.¹). Но вместе с тем законодательные акты этого периода со всей четкостью подтверждают неизбежность государственной социалистической собственности на морские, озерные и речные рыболовные угодья (декрет ВЦИК и СНК РСФСР 25 сентября 1922 г. «Об организации управления рыбным хозяйством РСФСР²). Введенный в действие с 1 августа 1923 г. Лесной кодекс РСФСР³ в ст. 1 подтверждает, что все леса составляют собственность Рабоче-Крестьянского государства и образуют единый государственный лесной фонд.

Основные начала восстановительного периода получили свое отражение и в области права собственности в различных видах транспорта. Кооперативным организациям, а также частным юридическим и физическим лицам было предоставлено право иметь в собственности подвижной железнодорожный состав на состоящих в их пользовании линиях и ветках, не связанных непрерывной колеей с железнодорожными путями общего пользования. Допускалась сдача в аренду указанным организациям и лицам принадлежащего государству подвижного железнодорожного состава (постановление ЦИК и СНК СССР 1 августа 1924 г.⁴). В области водного транспорта разрешалось кооперативным организациям, частным юридическим и физическим лицам, при соблюдении установленных законом условий, иметь в собственности определенного вида суда (декрет Совнаркома РСФСР 13 октября 1921 г. «О мерах к развитию торгового судоходства и судостроения на началах хозяйственного расчета»⁵). Но вместе с развитием кооперативной собственности и допущением в известных пределах частной собственности на средства транспорта законодательство обеспечивало ведущее значение в области всех видов транспорта государственной собственности и устанавливало контроль органов государства за негосударственным транспор-

---

¹ СУ 1921 г. № 50, ст. 265.

² СУ 1922 г. № 61, ст. 780.

³ СУ 1923 г. № 58, ст. 564.

⁴ СЗ 1924 г. № 3, ст. 34.

⁵ СУ 1921 г. № 68, ст. 544.

том. Так, ст. 53 Гражданского кодекса РСФСР постановляет: железные дороги общего пользования и их подвижной состав является исключительной собственностью государства.

Что касается права собственности на строения, то декретом 8 августа 1921 г.¹ коммунальные отделы обязывались пересмотреть списки муниципализированных домов и установить, исходя из государственных потребностей и возможности для коммунального отдела осуществлять хозяйственное попечение о домах, те маломерные дома, которые могут быть переданы коллективам жильцов и отдельным лицам, бывшим собственникам.

Рядом последующих постановлений было уточнено понятие маломерности строения. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 21 августа 1921 г.² маломерными признавались строения с жилой площадью для уездных городов не выше 25 кв. сажен, для губернских — 50 кв. сажен и для Москвы и Ленинграда — не выше 100 кв. сажен. При демунципализации строений в соответствующий акт включалось обязательство бывших домовладельцев восстановить дом. При невыполнении этой обязанности и при несодержании домов в сохранности дома подлежали муниципализации, как бесхозяйственно содержимые. Коммунальным отделам предоставлялось также право отчуждать маломерные дома.

Возвращая бывшим собственникам ненужные государству и коммунальным органам маломерные строения, советская власть вместе с тем соответствующими постановлениями закрепляла государственную социалистическую собственность на основной жилищный фонд в городах и в городских поселениях. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 14 мая 1923 г.³ муниципализированными были признаны все строения как формально муниципализированные, так и фактически изъятые от владельцев до 22 мая 1922 г.

В области жилищного строительства получила развитие жилищно-строительная кооперация, правовая регламентация организации и деятельности которой была ус-

¹ СУ 1921 г. № 60, ст. 409.

² СУ 1921 г. № 71, ст. 697.

³ СУ 1923 г. № 44, ст. 465

гановлена в положении «О жилищной кооперации» 19 августа 1924 г.¹ Рабочие жилищностроительные кооперативные товарищества являлись социалистическими организациями, возводимые ими строения принадлежали им на основе вещного права застройки.

С переходом к новой экономической политике особое значение приобрело развитие торговли.

Допуская в известных пределах свободную торговлю, рыночную куплю-продажу, советская власть вместе с тем всемерно развивала государственную и кооперативную торговлю, давая тем самым в руки государству рычаги воздействия на рыночную торговлю, создавая базу для вытеснения, а затем и последующей ликвидации капиталистических элементов в торговле.

Декретом Совнаркома РСФСР 24 мая 1921 г. «Об обмене»² разрешались свободный обмен, покупка и продажа остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Право обмена, продажи и покупки распространялось также на продукцию кустарной и мелкой промышленности. Торговать разрешалось отдельным гражданам и кооперативным объединениям (потребительским, сельскохозяйственным и промысловым) как на рынках и базарах, так и в закрытых торговых помещениях. Допуская в известных пределах свободную торговлю, советская власть в связи с этим отменила некоторые из установленных ранее монополий: на торговлю хлебом, сельскохозяйственными орудиями и семенами, лошадьми и др.

В целях обеспечения командного положения в торговом обороте за социалистическими организациями — государственными и кооперативными, в целях воздействия государства на торговый оборот в целом советская власть приняла ряд мер к развитию государственных торговых организаций, к вовлечению государственных промышленных организаций (трестов с объединяемыми ими предприятиями) в торговлю их продукцией и развитию кооперативной торговли.

Придавая в этом отношении огромное значение развитию торговли потребительской кооперации как соци-

¹ СЗ 1924 г. № 5, ст. 60.

² СУ 1921 г. № 40, ст. 212

алистической форме торговли, правительство издало ряд постановлений, направленных на укрепление потребительской кооперации.

Декретом Совнаркома РСФСР 26 октября 1921 г. «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций»¹ и согласно инструкции ВСНХ от 17 мая 1922 г. «О порядке возврата потребительской кооперации принадлежавших ей предприятий и промыслов»² организациям потребительской кооперации были возвращены все принадлежавшие им на праве собственности национализированные или муниципализированные предприятия и промыслы.

Был сохранен ряд государственных монополий: монополия на соль, на золото, платину, гелий, на иностранную валюту, игральные карты и др. По ст. 23 ГК РСФСР были изъяты из частного оборота оружие, взрывчатые вещества, воинское снаряжение, летательные аппараты, телеграфное и радиотелеграфное имущество, аннулированные ценные бумаги, радий, гелий, спиртные напитки свыше установленной законом крепости, сильнодействующие яды.

Переход к торговле, к введению хозрасчета был, естественно, связан с установлением платности как в отношениях между социалистическими организациями, так и в отношениях с гражданами по продаже им вещей и по оказанию услуг. Как уже указывалось выше (см. главу I), была установлена платность перевозки по железным дорогам, введена плата за товары, отпускаемые частным лицам, установлено взимание платы за услуги, оказываемые предприятиями коммунального хозяйства, введено взимание платы за предметы питания и широкого потребления, отпускаемые как учреждениям, так и гражданам, и др.

Допуская частную торговлю внутри страны, советская власть сохраняла незыблемой монополию внешней торговли. «...ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, — писал Ленин, — не может быть и речи, кроме системы монополии внешней

¹ СУ 1921 г. № 72, стр. 576.

² СУ 1922 г. № 39, стр. 446.

торговли»¹. Ст. 17 ГК РСФСР постановляет, что во внешнем торговом обороте все лица, пребывающие в пределах РСФСР, участвуют лишь через посредство государства в лице Народного комиссариата внешней торговли.

Таким образом, и в условиях новой экономической политики в области торговли социалистическая собственность, государственная и кооперативная, сохранила свое ведущее значение, обеспечившее впоследствии вытеснение частного предпринимателя советской социалистической торговлей.

Основные положения новой экономической политики о частной собственности были сформулированы в декрете от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»².

Гражданам предоставлялось обладать на праве собственности промышленными и торговыми предприятиями с числом рабочих не выше установленного законом, денежными капиталами, предметами домашнего обихода и хозяйства и предметами личного потребления; граждане могли обладать в городах и городских поселениях на праве собственности маломерными, построенными до революции, домами. Но основной формой обладания жилыми домами была установлена застройка. Объединениям и отдельным гражданам предоставлялась возможность возводить на отведенных им городских участках строения на праве застройки и пользоваться ими для удовлетворения потребности в жилье своей и членов своей семьи. Площадь, превышающую жилищную норму в размере не свыше 10%, застройщики могли сдавать в наймы, в остальной же части жилая площадь находилась в распоряжении коммунальных отделов (декрет Совнаркома РСФСР от 8 августа 1921 г.)³.

Гражданам предоставлялось право наследования по завещанию и по закону, а именно — супругам и прямым нисходящим потомкам, в пределах общей стоимости наследства в 10 тыс. рублей. В целях уточнения объектов, могущих находиться в частной собственности, и охраны

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 381.

² СУ 1922 г. № 36, ст. 423.

³ СУ 1921 г. № 60, ст. 408.

права частной собственности на них был издан 17 октября 1921 г. декрет «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ»¹. Этим декретом устанавливался перечень предметов, которые при отсутствии надлежащего разрешения подлежат сдаче государству и при несдаче подвергались реквизиции (за вознаграждение) или конфискации (бесплатно). Вне этого перечня имущество могло быть реквизировано лишь в порядке, установленном указанным декретом.

Допуская частную собственность в известных пределах и охраняя ее законом, законодательство периода восстановления народного хозяйства исходило из вышеприведенных указаний Ленина о недопущении злоупотреблений нэпом. Так, постановление о введении в действие Гражданского кодекса РСФСР предусматривает, что не пользуются правовой охраной гражданские правоотношения, возникшие до 7 ноября 1917 г. Декретом Совнаркома РСФСР 16 марта 1922 г.² специально устанавливалось, что предметы домашнего обихода не могут быть истребованы бывшими собственниками от их фактических владельцев, если эти предметы были получены в установленном порядке от государственных органов. Фактические же владельцы, принадлежащие к числу трудящихся, сохраняли вообще указанные предметы, если бывший собственник утратил владение этим имуществом не менее чем за два года до декрета 16 марта 1922 г. Следует также отметить, что распространительное толкование Гражданского кодекса допускалось только в случае, когда этого требовала охрана интересов Рабочекрестьянского государства и трудящихся масс, а следовательно, не могло быть использовано в интересах капиталистических элементов. Наконец, в этой же плоскости следует отметить ст. 1 ГК РСФСР, гласящую, что «гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Эта статья давала также возможность пресекать злоупотребления нэпом.

Законодательство о праве собственности восстановительного периода характеризуется регламентированием правового режима собственности в ее различных видах, обусловленных многоукладностью советской экономики

¹ СУ 1921 г. № 70, ст. 564.

² СУ 1922 г. № 25, ст. 283.

того периода. Это регламентирование нашло свое систематизированное выражение в Гражданском кодексе 1922 г. и в ряде других законодательных актов.

Гражданский кодекс говорил о частной собственности, поскольку в частном обладании могли быть не только средства потребления, но и орудия и средства производства, поскольку в известных пределах допускалось существование капиталистических элементов, поскольку, наконец, закон не исключал возможности перехода частной собственности на средства потребления в частную собственность на орудия и средства производства. Но уже и в Гражданском кодексе 1922 г. и в других законодательных актах этого периода были заложены правовые начала преобразования частной собственности граждан в их личную собственность, не могущую стать источником эксплуатации, получения нетрудовых доходов,— в собственность, направленную лишь на удовлетворение материальных и культурных потребностей личности. Эти тенденции отразились в постановлениях о возврате бывшим собственникам маломерных домов, предназначенных для удовлетворения потребности в жилье самого домовладельца и членов его семьи, в соответствующих постановлениях о праве застройки, о праве семьи обладать лишь одним домом и др.

В отношении государственной собственности постановлением СТО 9 декабря 1922 г. «О разделении государственных фондов на общесоюзные и республиканские»¹ и постановлением ЦИК СССР 12 ноября 1923 г. «Об имуществе местных советов»² было распределено ведение и управление единым фондом государственной собственности между Союзом ССР, союзными республиками и местными Советами. Союзными фондами были признаны фонды, находящиеся непосредственно в ведении общесоюзных наркоматов, в ведении объединенных наркоматов Союза ССР, в ведении трестов, предприятий и их объединений общесоюзного значения; импортные грузы. Фондами республиканского значения были признаны фонды, находящиеся в ведении необъединенных наркоматов подлежащих союзных республик, в ведении объединенных наркоматов подлежащих союзных респуб-

¹ СЗ 1924 г. № 28, ст. 253.

² СУ 1923 г. № 113, ст. 1046.

лик, в ведении трестов, не признанных имеющими обще-союзного значения.

Местным имуществом, находящимся в ведении местных Советов, было признано государственное имущество, в том числе предприятия, находящиеся на территории местных Советов, поскольку эти имущества не находились в ведении центральных органов СССР и союзных республик и не вошли в состав предприятий общегосударственного значения. Вместе с тем проводится различие между национализированным и муниципализированным имуществом. Национализированным считается имущество, поступившее в ведение центральных органов власти и их управление, а муниципализированным — имущество, поступившее в ведение местных Советов. В частности в декрете 30 ноября 1925 г. «О порядке распределения национализированных и муниципализированных строений и о порядке пользования таковыми»¹ национализированными строениями признаются: строения, принадлежавшие государству до 7 ноября (25 октября) 1917 г.; строения, закрепленные за центральными ведомствами, а также за учреждениями и предприятиями общегосударственного значения; строения военного ведомства. Остальные строения, составляющие собственность государства, признавались муниципализированными.

Гражданский кодекс 1922 г., устанавливая общие положения о праве собственности, определяет правомочия собственника как право владения, пользования и распоряжения имуществом (ст. 58). Вместе с тем Гражданский кодекс в примечании к ст. 58 оговаривает и специфику государственной социалистической собственности как единого фонда. Примечание подчеркивает, что органы государства не являются отдельными субъектами государственной собственности: они как органы государства лишь осуществляют распоряжение государственной собственностью, причем это право распоряжения не распространяется на основные фонды (предприятия, сооружения, здания, оборудование), а касается только оборотных фондов и притом лишь согласно положениям о соответствующих органах.

Гражданский кодекс устанавливает и охрану права собственности путем виндикационного иска (ст. 59).

---

¹ СУ 1925 г. № 86, ст. 638.

негаторного иска (ст. 59), путем установления ответственности за причиненный имуществу вред (ст. 403), путем иска из неосновательного обогащения (ст. 399). Причем, особо охраняя государственную социалистическую собственность, Гражданский кодекс устанавливает для нее неограниченную виндикацию (за исключением государственных ценных бумаг на предъявителя и банковых билетов) и не применяет к истребованию государственного имущества исковой давности (постановление пленума Верховного суда РСФСР от 29 июня 1925 г.).

Одним из способов охраны государственной социалистической собственности является установленная судебной практикой презумпция государственной собственности (постановление пленума Верховного суда РСФСР от 29 июня 1925 г.). В случае спора о принадлежности имущества государству или общественной организации, или гражданину, тяжесть доказательства права собственности в соответствующих случаях лежит или на общественной организации или на гражданине, а не на государстве. Пока не доказано иное, государство признается собственником.

Следует отметить, что Гражданский кодекс, в отличие от буржуазных кодексов, не установил особого института владения, отдельного от института права собственности, и не ввел особой владельческой защиты, исключаящей в судебном споре ссылку на право собственности. Если буржуазное законодательство в целях правового оформления рыночных взаимоотношений и главным образом в интересах торгового капитала установило особый институт владельческой защиты, то Советское государство даже в условиях нэпа отказалось от введения этого института, считая, что надо охранять действительного собственника — социалистическую организацию или гражданина, а не владельца, лишь как презумируемого собственника.

Гражданский кодекс предусматривает также институт общей долевой собственности, дающей право каждому из собственников распоряжаться своей долей и отвечать ею по своим обязательствам (ст. 61 и сл.). Поскольку, — в частности, в порядке наследования, — могла создаться общая собственность между государством и частным лицом, то это отношение не может быть признано нормальным, так как неясно, какой правовой ре-

жим должен применяться к такому имуществу — режим государственной социалистической или режим частной собственности. В связи с этим утвержденная СНК РСФСР 18 мая 1923 г. «Инструкция о наследственных пошлинах и о наследственных имуществах, переходящих к государству»¹, предусматривала раздел такого имущества одним из следующих способов: выкуп частным лицом доли государства; выкуп государством доли частного лица; раздел в натуре; продажа имущества с торгов и раздел вырученной суммы.

Наряду с общей долевой собственностью законодательство предусматривало и особый вид общей собственности — совместную собственность. Земельный кодекс РСФСР регулировал имущественное положение двора как семейно трудового объединения лиц, совместно ведущих сельское хозяйство (ст. 65). По ст. 71 ЗК имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов двора (в том числе и домохозяина), сделанные ими для своих личных надобностей. При смерти одного из членов двора наследование в имуществе двора не открывается. Таким образом был оформлен в законе другой вид общей собственности — собственности совместной, при которой у соучастника при существовании двора и при его состоянии в составе двора нет права на долю. Этим было проведено различие в отношениях собственности между семьей, занимающейся сельским хозяйством, и семьей городского типа.

Подводя итог нормированию права собственности в период восстановления народного хозяйства, можно констатировать следующее.

Исходя из многоукладности советской экономики того периода, из целей, поставленных партией и правительством по восстановлению разрушенного хозяйства страны, по обеспечению в вопросе «кто—кого» победы социалистических элементов над элементами капиталистическими, законодательство допустило в известных пределах и под контролем социалистического государства капиталистическую частную собственность, но сохранило полностью в руках государства командные высоты — государственную социалистическую собственность и приняло меры к развитию кооперативной собственности, ко-

---

¹ СУ 1923 г. № 59, ст. 565.

торая стала социалистической собственностью при наличии руководства со стороны государственных органов диктатуры рабочего класса и государственной социалистической собственности на землю и основные орудия и средства производства.

Законодательство этого периода как в Гражданском кодексе, так дополнительно в отдельных актах впервые дало кодификацию постановлений о праве собственности в условиях диктатуры рабочего класса, в условиях периода, переходного к социализму. Это — социалистическое право, созданное диктатурой рабочего класса, закрепляющее социалистическую собственность и создающее правовой режим, обеспечивающий за ней ведущее значение.

Законодательство этого периода о праве собственности предопределило в основном характерные черты видов и форм собственности в социалистическом обществе, которые впоследствии, при победе социализма в нашей стране, нашли столь яркое и четкое выражение в великой Сталинской Конституции СССР. В частности, уже в законодательстве того периода нашло свое выражение единство фонда государственной социалистической собственности, принадлежность кооперативной социалистической собственности каждой отдельной кооперативной организации и постепенное превращение частной собственности граждан в личную собственность лишь на средства потребления.

Новая экономическая политика полностью оправдала себя. Хозяйство восстанавливалось, страна крепла и политически и экономически. Уже на XI съезде партии (март 1922 г.) Лениным был выдвинут лозунг: «Подготовка наступления на частно-хозяйственный капитал»¹. К концу восстановительного периода хозяйство страны настолько окрепло, что можно было приступить к социалистической реконструкции всего народного хозяйства. В октябре 1917 г. рабочий класс победил капитализм политически. Достижения восстановительного периода поставили главную задачу — развернуть по всей стране строительство нового, социалистического хозяйства и тем добить капитализм также и экономически. Начать выполнение этой грандиозной задачи нужно было с индустриализации страны.

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 213.

IV. Законодательство о собственности в период социалистической реконструкции народного хозяйства

Проведение советской властью социалистической индустриализации страны на основе решений XIV съезда партии, борьба за всемерное развертывание коллективизации сельского хозяйства согласно директивам XV съезда партии, развернутое наступление социализма по всему фронту как в городе, так и в деревне, согласно директивам XVI съезда партии — привели к радикальному преобразованию экономики всей страны. Собственными средствами Страна Советов создала свою новую, социалистическую промышленность и прежде всего тяжелую промышленность, промышленность средств производства. Блестящие результаты политики социалистической индустриализации стали очевидными уже к концу 1927 г. Победа социализма в промышленности была решена. Задачей в области сельского хозяйства явилось социалистическое его переустройство, развертывание сети колхозов и совхозов. XV съезд партии дал директиву: «Развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму»¹. Победа социалистической индустриализации и успехи коллективизации сельского хозяйства дали возможность перейти от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса, закрепленной в постановлении ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Вопрос «кто—кого» был решен в пользу социализма и в деревне, и, выступая на XVI съезде партии, товарищ Сталин говорил, что этот съезд есть «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации»².

Социалистическая реконструкция, приведшая к победе социализма, коренным образом изменила и положение собственности в нашей стране: социалистическая собственность стала безраздельно господствующей во всех отраслях народного хозяйства.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 276.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 410.

В 1929 г. товарищ Сталин писал: «Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР, — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, уваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма»¹.

Законодательство о праве собственности периода социалистической реконструкции шло по пути укрепления и дальнейшего развития права социалистической собственности в ее двух формах — государственной и кооперативно-колхозной и по пути окончательного превращения права частной собственности граждан в право личной собственности граждан на средства потребления. В отчетном докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин, говоря о двух фазах в развитии нашего социалистического государства, указывал, что для второй фазы — периода от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции — характерна функция государства по охране социалистической собственности².

Основными постановлениями этого периода в области государственной промышленности являются: Положение о государственных промышленных трестах 29 июня 1927 г.³ и постановление ЦК ВКП(б) 5 декабря 1929 г. о реорганизации управления промышленностью. Этими постановлениями закрепляется определенный порядок управления государственной социалистической собственностью в промышленности. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. указывало, что основным звеном промышленности является предприятие, действующее на хозрасчете, для чего ему предоставляются определенные средства. Хозрасчет предприятия должен быть связан с проведением строжайшей производственно-финансовой дисциплины и с выполнением установленного для предприятия плана. Положение о трестах 29 июня 1927 г. признает трест юридическим лицом, несущим са-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 273.

² См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

³ СЗ 1927 г. № 39, ст. 392.

мостоятельную имущественную ответственность по своим операциям и не отвечающим по долгам государства. По ст. 2 Положения трест действует на началах коммерческого расчета «в соответствии с плановыми заданиями».

На продукцию треста устанавливаются нормированные цены. Продукция треста в основном реализуется в порядке планового занаряживания, путем заключения трестом договора с государственным органом, в пользу которого дан наряд (ст. 39). Учреждение, в ведении которого состоит трест, может изменить уставный капитал треста, оно утверждает распределение прибыли треста. Согласно постановлению СТО 26 июля 1931 г. «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций»¹, оборотными средствами наделяются государственные предприятия и организации для выполнения их производственных программ, установленных согласно плану. Перераспределение оборотных средств производится при утверждении годового промфинплана или при изменении последнего среди года. Инструкцией о порядке расчетов между государственными хозорганизациями, а также между ними и кооперативными организациями, утвержденной НКФ СССР 1 декабря 1932 г.², устанавливается, что предприятия со всеми их активами и пассивами переходят от одной государственной организации к другой безвозмездно, а от госорганизации к кооперации и обратно — за плату. По положению об отчислении в доход государства прибылей государственных предприятий (постановление ЦИК и СНК 3 сентября 1931 г.)³, прибыль, получаемая государственными предприятиями, в установленном проценте поступает в доход государства по общесоюзному, республиканскому или местному бюджету — по принадлежности.

Финансирование капитального строительства государственных предприятий — промышленных, торговых и других — производится в безвозвратном порядке (постановление ЦИК и СНК СССР 5 мая 1932 г. «Об организации банков долгосрочных вложений»⁴). Согласно Положению

¹ СЗ 1931 г. № 46, ст. 316.

² БФХЗ, 1932, № 56—57.

³ СЗ 1931 г. № 57, ст. 387.

⁴ СЗ 1932 г. № 31, ст. 191

о взыскании налоговых и неналоговых платежей, утвержденному ЦИК и СНК СССР 17 сентября 1932 г.¹, взыскание не может быть обращено на государственное имущество, не подлежащее по закону отчуждению, а также на сырье и топливо, необходимые для работы предприятия в течение трех месяцев.

В приведенных и ряде других законодательных актов получил дальнейшее развитие правовой режим государственной социалистической собственности, основы которого были уже заложены в советском законодательстве предшествующего периода. В резолюции XV съезда ВКП(б) говорилось: «Принципиально иной стала организационная форма народного хозяйства, поскольку — на основе национализации крупной промышленности и других командных высот — стало возможным плановое хозяйственное руководство, все более вытесняющее анархию товарно-капиталистического рынка»².

Законодательство периода социалистической реконструкции и проводит начало планового развития, распределения и использования государственной социалистической собственности. Если первое Положение о трестах 10 апреля 1923 г. говорило, что трест действует на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли, то Положение о трестах 29 июня 1927 г. подчеркивает, что трест действует в соответствии с плановыми заданиями, что он распределяет свою продукцию в плановом порядке и по установленным ценам.

Вместе с тем законодательство этого периода закрепляет положение о единстве фонда государственной социалистической собственности как всенародного достояния — положение, что единым субъектом права государственной собственности является Советское государство. Отсюда указанное выше право вышестоящих государственных органов перераспределять между нижестоящими органами как основные фонды, так и оборотные средства. Отсюда, далее, безвозмездность перехода государственных предприятий со всем активом и пассивом от одного государственного органа к другому.

В области сельского хозяйства в период социалисти-

¹ СЗ 1932 г. № 69, ст. 410.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях, 1941, ч. II, стр. 234.

ческой реконструкции произошел величайший революционный переворот. «Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке с низу со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»¹. В результате был ликвидирован класс кулаков, крестьянство перешло на путь социалистического хозяйства, создавалась доминирующая социалистическая база в сельском хозяйстве. Огромное значение в этот период имело законодательство о социалистической собственности в сельском хозяйстве, проводившее революционную политику Советского государства в этом вопросе. Постановлениями ЦИК и СНК СССР 16 марта 1927 г. «О коллективных хозяйствах» и «О советских хозяйствах»² устанавливался ряд льгот и преимуществ для коллективных хозяйств и проводились мероприятия по развитию крупных индустриализированных государственных сельских хозяйств. 15 декабря 1928 г. были изданы «Общие начала землепользования и землеустройства»³, направленные на усиление социалистического строительства в сельском хозяйстве и на дальнейшее ограничение капиталистических элементов в деревне. Большое значение для коллективизации сельского хозяйства имел закон о контрактации сельскохозяйственной продукции 7 сентября 1929 г.⁴, установивший воздействие социалистической промышленности на сельское хозяйство. Постановлением СТО 5 июня 1929 г. «Об организации машинно-тракторных станций»⁵ была создана база для строительства МТС. На основе опыта Шевченковского совхоза начали развиваться договоры между колхозами и МТС. Постановлением ЦИК СССР 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»⁶, запрещались в районах сплошной коллективизации аренда земли, наемный труд и проводились ликви-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 291—292.

² СЗ 1927 г. № 15, ст. ст. 161 и 162.

³ СЗ 1928 г. № 69, ст. 642.

⁴ СЗ 1929 г. № 65, ст. 610.

⁵ СЗ 1929 г. № 39, ст. 353.

⁶ СЗ 1930 г. № 9, ст. 105.

дация кулачества как класса, выселение кулаков и конфискация их имущества. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»¹. 2 марта 1930 г. издается первый Примерный устав сельскохозяйственной артели, создавший прочную основу для колхозного строительства². Основной, а затем и единственной формой сельскохозяйственной кооперации становятся производственные кооперативы — колхозы. Сельскохозяйственная сбыто-снабженческая и кредитная кооперация, имеющая целью в основном обслуживать индивидуальные сельские хозяйства, с победой колхозного строя ликвидируется.

В результате всех указанных мероприятий и в сельском хозяйстве социалистическая собственность в ее двух формах — государственной социалистической собственности и колхозной социалистической собственности — приобрела безраздельно господствующее положение.

В период социалистической реконструкции получают дальнейшее развитие и другие (кроме колхозов) виды кооперации: кооперация промысловая, инвалидов, потребительская и др. А в связи с этим растет и укрепляется социалистическая кооперативная собственность. 11 мая 1927 г. издается союзное положение о промысловой кооперации³, дающее широкие возможности для развития этого вида производственной кооперации. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 20 августа 1928 г. «О передаче промысловой кооперации промышленных предприятий и промыслового инвентаря»⁴ промысловым кооперативным организациям были переданы «на праве кооперативной собственности» предприятия, находившиеся в арендном или фактическом пользовании этих организаций, а также те государственные предприятия, которые не могли быть использованы по пятилетнему плану государственной промышленности. Большинство этих предприятий передавалось промысловым коопера-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 291.

² СЗ 1930 г. № 24 ст. 255.

³ СЗ 1927 г. № 26, ст. 280.

⁴ СУ 1928 г. № 115, ст. 715.

тивными организациям безвозмездно, а остальные на льготных условиях.

Руководство партии и советской власти кооперацией, оказываемая ей социалистическим государством всесторонняя помощь, социалистическое накопление, расширенное социалистическое воспроизводство обусловили быстрый рост кооперативной социалистической собственности во всех видах советской кооперации. Сбыто-снабженческая форма кооперации отходит в прошлое. Как было указано, в области сельскохозяйственной кооперации доминирующей формой является сельскохозяйственная артель, обобществляющая основные орудия и средства производства своих членов. В постановлении СНК СССР 21 мая 1928 г.¹ указывается, что «производственное кооперирование должно быть направлено к постепенному переводу кустарей-одиночек от системы домашней работы к системе работы в общих мастерских на основе максимально возможной механизации производства». Сбыто-снабженческая форма и в промысловой кооперации вытесняется производственными артелями.

Рядом постановлений партии и правительства подтверждается незыблемость права собственности каждой отдельной кооперативной организации. В постановлении ЦИК и СНК 23 июля 1932 г. «О перестройке работы и организационных форм промысловой кооперации»² указывается: «артель (товарищество) самостоятельно распоряжается собственными оборотными средствами и имуществом».

В постановлении ЦИК и СНК СССР 25 июня 1932 г. «О революционной законности»³ предписывается привлекать к строгой ответственности всех должностных лиц, виновных в произвольном распоряжении имуществом колхозов. Устанавливая принадлежность кооперативной собственности отдельным кооперативным организациям, законодательство вместе с тем в некотором отношении проводит начало единства кооперативной собственности. Так, при ликвидации кооперативных организаций по удовлетворении кредиторов и по возвращении паевых

¹ СЗ 1928 г. № 30, ст. 267.

² СЗ 1932 г. № 57, ст. 340.

³ СЗ 1932 г. № 50, ст. 298.

взносов членам остаток имущества ликвидируемой кооперативной организации поступает кооперативным центрам на общекооперативные нужды. Постановлением ЦИК и СНК СССР 10 августа 1928 г. «Об основании долгосрочного кредитования кооперации»¹ были созданы централизованные фонды кооперативных систем, образуемые в основном из безвозвратных взносов кооперативных организаций и предназначенные для выдачи долгосрочных ссуд кооперативным организациям. Централизованные фонды кооперации находились в управлении банка, выдававшего из них ссуды по указаниям центров кооперативных систем.

Всемерно содействуя развитию кооперативной социалистической собственности, советская власть одновременно вела решительную борьбу с лжекооперативными организациями, с попытками капиталистических элементов использовать кооперативную форму, попытками под флагом кооперативной социалистической собственности скрыть создание частной капиталистической собственности как орудия эксплуатации трудящихся, средства получения нетрудовых доходов. Постановлением СНК СССР 28 декабря 1928 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами»² предписывалось выявлять и ликвидировать лжекооперативные организации и привлекать к уголовной ответственности лиц, использующих кооперативную форму в капиталистических (кулацких) интересах.

В период социалистической реконструкции огромное значение приобретает развитие советской торговли. В постановлении СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза 10 мая 1931 г.³ говорилось, что «вытеснение частного и частной торговли еще не означает уничтожения всякой торговли, что, наоборот, вытеснение частной торговли предполагает всемерное развитие советской торговли и развертывание сети кооперативных и государственных торговых организаций по всему Союзу ССР». Этим постановлением объявлялась решительная борьба с «нэпманским душком» в торговле. Советская торговля — это торговля «без спекулянтов малых и больших». Постановлением о колхозной торговле 20 мая 1932 г.⁴

¹ СЗ 1928 г. № 52, ст. 451.

² СЗ 1929 г. № 3, ст. 28.

³ СЗ 1931 г. № 29, ст. 224.

⁴ СЗ 1932 г. № 38, ст. 233.

было запрещено открытие магазинов и лавок частными торговцами, предписывалось «всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян». Советская торговля периода социалистической реконструкции приобретает новые черты по сравнению с периодом восстановления народного хозяйства. Социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства обусловили абсолютное преобладание и в торговле социалистических государственных и кооперативных предприятий. Социалистическая собственность и в области торговли стала господствующей. Основные товарные массы, циркулировавшие в обороте, принадлежали государству и кооперации. Допускалась торговля отдельных граждан лишь продуктами своего труда.

С развитием советской социалистической торговли растет и плановость в организации товарооборота. В частности, в этом отношении следует отметить постановление СНК СССР 18 октября 1931 г. о ликвидации ненормальных фактов прямого товарообмена между хозяйственными организациями¹ и 8 сентября 1934 г. о порядке составления и утверждения годовых и квартальных балансов и планов снабжения материалами и оборудованием².

В области права личной собственности в период социалистической реконструкции произошли существенные изменения по сравнению с предшествующим периодом. Хотя ряд статей республиканских гражданских кодексов, допускавших в известных пределах предпринимательскую частную собственность (ст. ст. 5, 54 ГК РСФСР), формально не был отменен, но эти статьи перестали действовать. Как было указано выше, постановлением о колхозной торговле 20 мая 1932 г. частным лицам была запрещена организация магазинов и лавок, запрещалась деятельность перекупщиков. Социалистическая индустриализация исключала частную предпринимательскую собственность в промышленности; в сельском хозяйстве был ликвидирован кулак.

Источником индивидуальной собственности граждан стал их труд, их трудовые доходы, в основном получаемые от приложения труда граждан к социалистической собственности. В связи с этим был издан ряд постанов-

¹ СЗ 1931 г. № 63, ст. 414.

² СЗ 1934 г. № 47, ст. 369.

лений, расширяющих имущественные права трудящихся. Так, в частности, с 1 марта 1926 г. был отменен предельный размер наследования. Положением о государственных сберегательных кассах были установлены льготные правила для распоряжения вкладами на случай смерти¹.

В итоге социалистической реконструкции социализм в нашей стране победил, капиталистические элементы были ликвидированы, социалистическая собственность стала безраздельно господствующим видом собственности. Советское государство вступило во вторую фазу своего развития. Гражданское законодательство, отвечая задачам, стоящим в этой фазе перед Советским государством, было сосредоточено на охране общественной социалистической собственности, на всестороннем развитии социалистического хозяйства, на удовлетворении и охране интересов трудящихся в неразрывном сочетании этих интересов с общественными интересами. В постановлении ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»² говорилось: «ЦИК и СНК Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, ввиду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первой обязанностью органов советской власти».

V. Законодательство о собственности в период завершения строительства социалистического общества и проведения Сталинской Конституции

Победа социализма в нашей стране была закреплена великой Сталинской Конституцией 5 декабря 1936 г., явившейся базой и организующей силой дальнейшего развития социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму.

¹ СЗ 1929 г. № 17, ст. 140.

² СЗ 1932 г. № 62, ст. 360.

Сталинская Конституция закрепила те виды и формы собственности, которые сложились в борьбе за победу социализма в нашей стране и легли в основу экономики социалистического общества.

Экономической основой СССР являются социалистическая система хозяйства, социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком. Социалистическая собственность имеет форму или государственной собственности (всенародное достояние) или кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, кооперативных организаций).

Государственная собственность — это всенародное достояние. Она принадлежит всему советскому народу в лице его политической организации — Советского государства. Советское государство является единым и единственным субъектом, носителем этой формы социалистической собственности. Государство осуществляет правомочия собственника через свои органы — учреждения, предприятия, организации, между которыми распределяется ведение и управление отдельными частями единого фонда государственной социалистической собственности. Содержание государственной социалистической собственности раскрывается как присвоение общественного продукта социалистическим государством в интересах всего народа. Социалистическое государство, опираясь на социалистическую собственность, является само хозяином, организатором и руководителем всей народнохозяйственной жизни. Единство политического и хозяйственного руководства — вот что характеризует динамику государственной социалистической собственности в социалистическом строительстве, в социалистическом гражданском обороте. Закономерностью социалистической системы хозяйства является ее плановая организация и плановое функционирование. Лишь исходя из планового начала, можно понять и гражданско-правовые правомочия Советского государства — владение, пользование и распоряжение, правомочия, осуществляемые Советским государством через свои органы.

Государственная социалистическая собственность является ведущей собственностью, предопределяющей

содержание и функционирование как другой формы социалистической собственности — кооперативно-колхозной собственности, так и личной собственности. В руках Советского государства сосредоточены основные орудия и средства производства, основная масса товарных фондов как производственного, так и потребительского назначения. Ст. 6 Конституции СССР гласит: «Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием».

Перечисленные объекты государственной собственности или полностью изъяты из оборота, как земля, недра, воды, леса, или, как правило (прочие объекты, перечисленные в ст. 6 Конституции), являются исключительной собственностью государства. Эти объекты государство предоставляет лишь в пользование.

Исходя из начал социалистического планирования, перераспределение государственной собственности между государственными органами, управление и распоряжение ею производится в следующем порядке.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР 29 апреля 1935 г. «О передаче государственных предприятий, зданий и сооружений»¹ и постановлением СНК СССР 15 февраля 1936 г. «О порядке передачи государственных предприятий, зданий и сооружений»², передача указанных основных фондов государственным органом одного ведомства государственному органу другого ведомства производится по постановлению СНК СССР, если хотя бы один из органов является учреждением или предприятием союзного подчинения. Если оба органа республиканского или местного подчинения, то передача производится постановлением СНК союзной республики. Передача одним государственным органом другому государственному органу, подчиненному тому же ведомству, производится по распоряжению руководителя ведомства.

¹ СЗ 1935 г. № 28, ст. 221.

² СЗ 1936 г. № 11, ст. 93.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия», излишние материалы и оборудование, в зависимости от значения их в народном хозяйстве, перераспределяются в одних случаях СНК СССР, в других — народными комиссарами. Из сказанного следует, что основными фондами и излишками материалов могут распоряжаться не те органы, в непосредственном ведении и управлении которых они находятся, а лишь вышестоящие органы государственного управления вплоть до Совета народных комиссаров. Оборотные средства предприятий могут в плановом порядке перераспределяться соответствующими народными комиссариатами (постановление ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1936 г.¹). Производством государственные предприятия распоряжаются сами, согласно установленному плану. Изложенный порядок владения, пользования и распоряжения государственной собственностью вытекает из единства фонда государственной социалистической собственности.

Социалистическая собственность и ее ведущая форма — государственная собственность священна и неприкосновенна. Она охраняется мерами уголовного и гражданского права. Одной из мер охраны социалистической собственности является борьба за качество продукции, изготавливаемой социалистическими организациями. В этом отношении следует отметить утвержденную СНК СССР 29 августа 1939 г. инструкцию Госарбитража при СНК СССР «О порядке и сроках предъявления претензий при поставке товаров ненадлежащего качества одними государственными, кооперативными и общественными организациями другим»². Указом Президиума Верховного Совета СССР 10 июля 1940 г. установлена уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции. На XVII съезде партии товарищ Сталин указывал на необходимость «улучшить качество выпускаемых товаров, прекратить выпуск некомплектной продукции и карать всех тех товарищей, невзирая на лица, которые нарушают или об-

¹ СЗ 1936 г. № 43, ст. 361.

² СП 1939 г. № 51, ст. 427.

ходят законы Советской власти о качестве и комплектности продукции»¹.

Второй формой социалистической собственности по Сталинской Конституции является кооперативно-колхозная, принадлежащая отдельным колхозам и кооперативным объединениям. Ст. 7 Конституции СССР относит к объектам кооперативно-колхозной собственности общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, общественные постройки и продукцию. Как было указано выше, кооперативная собственность в основном не образует единого фонда, а принадлежит отдельным кооперативным организациям. Отсюда ряд постановлений, изданных уже в предшествующие периоды (см. выше), запрещающих кому-либо, кроме самой кооперативной организации (колхоза), распоряжаться ее имуществом. Отсюда, согласно постановлению СНК СССР 15 февраля 1936 г., переход основных фондов от одной кооперативной организации к государству и обратно совершается, как общее правило, за вознаграждение². Порядок расчетов между государственными органами и кооперативными организациями за передаваемые предприятия, здания и сооружения определяется постановлением СНК СССР 5 мая 1940 г.³. Лишь как исключение в отдельных случаях по постановлению правительства имущество кооперативных организаций может передаваться государственным органам бесплатно. Так, например, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29 сентября 1935 г. «О работе потребительской кооперации в деревне»⁴ часть имущества ликвидированных городских организаций потребительской кооперации была передана бесплатно государственным торговым организациям.

Конституция СССР, предусматривая две формы социалистической собственности — государственную и кооперативно-колхозную, — не выделяет в особую форму собственность профессиональных союзов. Последняя должна быть отнесена в целом ко второй форме собственности — кооперативно-колхозной. Однако надлежит отметить, что некоторыми моментами собственность про-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 445.

² СЗ 1936 г. № 11, ст. 93.

³ СП 1940 г. № 15, ст. 364.

⁴ СЗ 1935 г. № 52, ст. 427.

фессиональных союзов отличается от кооперативно-колхозной. В частности, в ней развиты элементы единства основных фондов профсоюзных организаций. Согласно постановлению Президиума ВЦСПС 16 июля 1935 г., ВЦСПС предоставляется право перераспределять предприятия, сооружения и инвентарь между профсоюзами, а центральным комитетом профсоюзов — внутри системы данного профсоюза, причем передача предприятий, сооружений и инвентаря от одного профсоюза другому, от одной профсоюзной организации другой производится безвозмездно.

Другим видом собственности, закрепляемым Сталинской Конституцией, является личная собственность. Конституция предусматривает две формы личной собственности: индивидуальную личную собственность гражданина (ст. 10) и личную собственность колхозного двора (ст. 7, абз. 2). Личная собственность в ее обеих формах неразрывно связана с социалистической собственностью, которая является основным источником личной собственности. Личная собственность принципиально отличается от частной собственности, ибо советские законы исключают возможность пользования ею для эксплуатации чужого труда.

В «Манифесте Коммунистической партии» говорится: «Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд»¹.

Личная собственность имеет своей целью удовлетворение материальных и культурных потребностей советского гражданина и его семьи. Ст. 10 Конституции относит к объектам личной собственности гражданина трудовые доходы и сбережения, жилой дом, подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, предметы личного потребления и удобства.

Из целевого назначения личной собственности — удовлетворение материальных и культурных потребностей граждан — вытекает недопустимость использования ее для получения нетрудовых доходов. К таким запрещенным нетрудовым доходам следует отнести: использование на основе личной собственности чужого труда, в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1948, стр. 70.

целях извлечения прибыли, спекуляцию личной собственностью, систематическую эксплуатацию личной собственности путем сдачи ее в аренду.

Гражданская судебная коллегия Верховного суда СССР признала договор между промысловой артелью и гражданами о распространении последними продукции артели за вознаграждение в процентах от суммы оплаченных заказов, как направленный на получение нетрудовых доходов, противозаконной сделкой по ст. 30 с последствиями по ст. 147 ГК¹.

Вторая форма личной собственности, предусматриваемая Конституцией, — личная собственность колхозного двора, — является собственностью, принадлежащей семейно-хозяйственному объединению, составляющему колхозный двор. Личная собственность колхозного двора неразрывно связана с социалистической собственностью колхоза. Объектами личной собственности колхозного двора могут быть лишь те предметы, которые не подлежат обобществлению и потому не должны переходить в социалистическую собственность колхоза. Круг этих объектов определен Конституцией: подсобное хозяйство на небольшом приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птица и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно Уставу сельскохозяйственной артели.

Интересы носителей личной собственности в условиях социалистического общества сочетаются с общественными интересами. Всякое противопоставление личных интересов общественным является недопустимым пережитком частнособственнических интересов, с которым советское законодательство ведет решительную борьбу. В этом отношении имеют особое значение постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» и постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) 19 сентября 1946 г. «О мерах ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В этих постановлениях указывается на абсолютную недопустимость использования колхозов в угоду частнособственническим элементам в целях спекуляции и личной нажи-

---

¹ Собрание постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 год, 1941, стр. 220.

вы, на недопустимость раздувания личного хозяйства в ущерб общественному.

Конституция СССР допускает, наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда (ст. 9). Это мелкое хозяйство основывается на остатках в нашей стране трудовой частной собственности, которая, однако, отличается от трудовой частной собственности в условиях капитализма тем, что она не может превращаться в капиталистическую частную собственность, поскольку советское законодательство исключает всякую эксплуатацию чужого труда. Имеющиеся остатки трудовой частной собственности необходимо отличать от личной собственности. Трудовая частная собственность не связана, как личная, с социалистической собственностью. Чем больше развивается социалистическая собственность, чем больше рост кооперации, тем меньше остатки некооперированных крестьян и кустарей, тем скорее исчезают и остатки трудовой частной собственности. Законодательство способствует скорейшему отмиранию этого вида собственности рядом мероприятий, содействуя процессу добровольного кооперирования крестьян и кустарей. Для крестьян-единоличников установлены более высокие ставки налогов, больший размер поставок сельскохозяйственных продуктов и др. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР 19 апреля 1938 г. «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств»¹ указывается, что недопустимо при обложении ставить единоличников в равное положение с колхозниками и тем наносить «прямой ущерб делу дальнейшего вовлечения единоличных хозяйств в колхозы». Особые правила регулируют работу некооперированных кустарей и ремесленников. Согласно правилам НКФ СССР, утвержденным СНК СССР 26 марта 1936 г.², кустари-единоличники должны выбирать особые свидетельства на свои промыслы, выдаваемые после проверки их квалификации. Это требование установлено для борьбы с перекупщиками, торгующими изделиями не своего труда, а других

¹ СП 1938 г. № 18, ст. 117.

² БФХЗ, 1936, № 11, стр. 17.

кустарей. Некооперированным кустарям запрещено заниматься рядом промыслов по выработке изделий из сырья, распределяемого в плановом порядке.

Постановления Сталинской Конституции и отдельные законодательные акты этого периода окончательно закрепили безраздельно господствующее положение социалистической собственности как основы социалистической экономики, основы плановой социалистической системы хозяйства, как источника богатства и могущества родины, основы роста материального и культурного благосостояния трудящихся. Вместе с тем Конституция утвердила и охрану законом связанной с социалистической собственностью личной собственности и ее наследования.

VI. Законодательство о собственности периода Великой Отечественной войны и послевоенного социалистического строительства

Великая Отечественная война, победоносно окончившаяся разгромом фашистской Германии, потребовала величайшего напряжения всей экономики социалистического общества, полной мобилизации средств тыла для нужд фронта. Эта мобилизация под руководством партии и правительства была проведена блестяще и доказала все огромное преимущество социалистического строя, социалистической экономики, базирующейся на социалистической собственности, на социалистической системе хозяйства и социалистическом планировании. Единство политического и хозяйственного руководства, характерное для социалистического строя, государственная социалистическая собственность на фабрики и заводы дали возможность в исключительно короткое время и в плановом порядке перебазировать советскую промышленность на восток страны. Социалистическое планирование, базирующееся на социалистической собственности, обусловило необходимое переключение государственной и кооперативной промышленности на производство продукции, необходимой для фронта. Договор в советских условиях является гражданско-правовой формой выполнения плана, а потому при направлении планирования на военные нужды, при изменении планов мирного строительства автоматически произошло изменение и в договорных отношениях. Социалистическая колхозная соб-

ственность дала возможность бесперебойно снабжать сельскохозяйственным сырьем промышленность, продовольствием Вооруженные Силы Советского Союза и удовлетворять потребности в предметах питания населения.

В связи со сказанным¹ нормативные акты, касающиеся общественной, социалистической собственности в период Великой Отечественной войны, носили характер административно-плановых постановлений по перебазированию производства, по созданию новых предприятий, по регулированию производства и распределению продукции. Вместе с тем законодательство военного периода было направлено на всемерную охрану социалистической собственности, на усиление ответственности за посягательство на нее. Так, кроме уголовной ответственности, была установлена повышенная материальная ответственность за хищения, недостачи и злоупотребления товарами. Как уже указывалось выше, за продовольственные товары была установлена материальная ответственность по рыночным ценам, а за промышленные товары — в пятикратном размере коммерческих цен. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 20 июня 1942 г. за недостачу горючего была установлена ответственность в десятикратном размере стоимости недостающего горючего¹.

По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) 12 мая 1943 г., рабочие и служащие совхозов, виновные в гибели лошадей, отвечают в трехкратном размере стоимости погибшей лошади по заготовительным ценам².

Постановлением СНК СССР 9 января 1944 г. устанавливается ответственность в трехкратном размере стоимости за виновную гибель крупного рогатого скота, свиней, овец, коз³.

Судебная практика периода Великой Отечественной войны была направлена также на охрану личной собственности граждан. Во время войны в связи с эвакуацией граждан возникло много судебных дел о возврате имущества, оставленного на хранение, о vindictae ве-

¹ «Социалистическое земледелие» от 27 июня 1942. .

² «Известия» от 13 мая 1943 г.

³ Сборник руководящих материалов для контролеров государственного контроля, 1945, стр. 454.

щей, оказавшихся в чужом незаконном владении (постановления пленума Верховного суда СССР 22 апреля 1922 г. и 7 октября 1943 г.). Во всех этих делах советский суд последовательно проводил в жизнь ст. 10 Конституции СССР, охраняя личную собственность граждан. В частности, в судебной практике возник вопрос о размере возмещения ущерба учреждениями, предприятиями и организациями за хищение, утрату или повреждение сданных им вещей. Постановлением пленума Верховного суда СССР 15 апреля 1943 г.¹ было разъяснено, что ущерб, понесенный гражданами в этих случаях, должен возмещаться исходя из повышенных цен государственной торговли и с учетом износа.

В целях усиления уголовно-правовой охраны имущества эвакуированных граждан пленум Верховного суда СССР в постановлении 8 февраля 1942 г. разъяснил, что кража личного имущества эвакуированных как в пути, так и оставленного в прежнем месте жительства должна считаться квалифицированным видом кражи, совершенной во время стихийных бедствий.

Во время войны были расширены права граждан на наследование личной собственности. Указом Президиума Верховного Совета СССР 14 марта 1945 г. был расширен круг наследников по закону (см. ниже гл. пятую).

Охраняя личную собственность и право наследования ее, советское правосудие решительно боролось с попытками частнособственнического извращения личной собственности и, в частности, с различными проявлениями спекуляции, подрывающей экономическую основу Советского государства и вносящей дезорганизацию в советскую торговлю. Пленум Верховного суда СССР указал, что признаками спекуляции являются «скупка и перепродажа или скупка для перепродажи продуктов сельского хозяйства и предметов широкого потребления в целях наживы» (постановления пленума Верховного суда СССР 10 февраля и 15 августа 1940 г.)².

Победоносно окончив войну, Советское государство приступило не только к восстановлению разрушений,

¹ Сборник действующих постановлений пленума Верховного суда СССР 1924—1944 гг., 1946, № 209.

² Сборник действующих постановлений пленума Верховного суда СССР, 1946, № 7 и 47.

причиненных войной народному хозяйству, но и к дальнейшему развертыванию социалистического строительства на пути постепенного перехода к коммунизму. Прошедшие три года с окончания Великой Отечественной войны наглядно подтвердили, что под руководством партии и правительства при трудовом энтузиазме советских граждан грандиозный план новой сталинской послевоенной пятилетки будет выполнен досрочно и перевыполнен. Гарантией этому являются закономерности развития социалистического общества, его экономики, базирующейся на общественной, социалистической собственности. Послевоенное законодательство и судебная практика попрежнему направлены на всемерную охрану общественной, социалистической собственности, исходя из указания Конституции, что «каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». На усиление борьбы с хищениями и направлен Указ Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Указ, устанавливая наказания за посягательства на социалистическую собственность, различает, когда объектом преступления является государственная собственность и когда — общественная собственность (колхозная, кооперативная, профсоюзная и др.), и устанавливает более суровые кары за посягательство на государственную собственность. Тем самым подчеркивается ведущее значение этой формы социалистической собственности.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» устанавливает за преступления против личной собственности более строгие наказания, чем они были установлены до него республиканскими уголовными кодексами. Указ идет по пути, указанному в Конституции, — по пути охраны личной собственности, являющейся результатом трудовой деятельности граждан в социалистическом строительстве.

Победоносное окончание войны с фашистской Герма-

нией и империалистическим хищником — Японией поставило перед советским гражданским правом ряд новых вопросов о государственной собственности. В порядке причитающихся Советскому Союзу репараций к Советскому государству перешел ряд предприятий, принадлежавших побежденным вражеским государствам, а также активов, принадлежавших этим государствам в странах Восточной Европы. Советская государственная социалистическая собственность приобрела большое значение и за рубежами нашей страны. Находящаяся в странах народной демократии советская государственная собственность служит одним из оснований для установления связи этих стран с Советским Союзом, содействует развитию их экономики, способствует переходу этих стран от капитализма к социализму.

В настоящее время на основании ст. 14 Конституции по постановлению Совета Министров Союза ССР создана Комиссия по разработке проекта Гражданского кодекса СССР, долженствующего заменить гражданские кодексы союзных республик, изданные еще в период восстановления народного хозяйства и рассчитанные на многоукладность экономики страны того периода. Новый Гражданский кодекс должен быть Гражданским кодексом победившего социализма, кодексом страны, вставшей на путь постепенного перехода к коммунизму. В основу Кодекса должна быть положена социалистическая собственность и прежде всего ее ведущая форма — государственная собственность.

ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

1. Договорные обязательства в период проведения Октябрьской социалистической революции

1

В процессе уничтожения социально-экономических основ царской России и создания основных предпосылок для социалистического строительства не могло остаться в своем прежнем виде и сложившееся до того обязательственное право. Сфера применения договорных обязательств в их дореволюционном понимании неуклонно сокращалась. Но за этим разрушительным процессом открывались новые горизонты, широкие перспективы развития обязательственного права уже на новой базе, на базе социалистического оборота: вступали в жизнь социалистические предприятия, взаимоотношения которых требовали определенного урегулирования на основах социалистического права; рождались новые формы отношений и между гражданами на основе трудовой собственности, и эти особенности также должны были получить свое отражение в обязательственном праве.

Само собой понятно, что в рассматриваемый первый период развития не только не могло сложиться новое обязательственное право в мало-мальски законченном виде, с ответами на вопросы новой экономики и нового быта, но и сами эти вопросы еще не получили четкой формулировки.

В первые месяцы революции законодательная регламентация гражданско-правовых отношений еще не имеет планомерного и систематического характера. Внимание законодательной власти сосредоточивается в то время на

таких крупнейших, принципиальных вопросах, как декреты о земле, о национализации промышленности, об актах гражданского состояния, о едином суде, наконец, Конституция РСФСР, имевшая огромное значение для всех вообще отраслей права.

В отношении гражданских законов свергнутых правительств в первом декрете о суде 24 ноября 1917 г.¹ было дано указание в том смысле, что судам разрешается руководствоваться этими законами лишь постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Само собой понятно, что даже независимо от этих ограничительных оговорок декрета о суде дореволюционные гражданские законы, издававшиеся на совершенно иной социально-экономической и политической базе, не могли получить сколько-нибудь широкого применения на практике, так как оказывались в большинстве случаев совершенно не соответствующими новой обстановке, новым запросам и потребностям жизни.

В декрете ВЦИК о суде № 2² революционное правосознание судьи прямо показано как источник права: «Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование» (ст. 36).

В материалах судебной практики первых лет революции имеются интересные иллюстрации применения революционного правосознания в качестве источника права. Так, по одному делу суд признал закон о неустойке пережитком старого времени, дающим оружие капиталу в его борьбе с трудом, богатому — в борьбе с бедным, что неустойка не соответствует народному правосознанию, если она не покрывает убытков, понесенных в действительности³.

¹ СУ 1917 г. № 4, ст. 50.

² СУ 1918 г. № 26, ст. 347 (номер напечатан в СУ ошибочно — «420»).

³ Приложение к отчету НКЮ за 1918 г. Материалы НКЮ, вып. VI, 1919, стр. 66—67.

Характерной чертой для обязательственного права данного периода является ограниченность сферы его применения. В течение первого года революции задача законодательства сводилась по преимуществу к выкорчевыванию корней старого, дореволюционного права. Для развертывания широкого имущественного оборота благоприятных условий не было; не могло поэтому процветать и обязательственное право.

Барометром состояния гражданского оборота и удельного веса обязательственного права может служить купля-продажа как типичная оборотная сделка. Оживление деловых имущественных отношений всегда сопровождается расширением сферы применения этого договора и заботой законодательной власти о надлежащем урегулировании взаимоотношений сторон, вступающих в такой договор. В начальную пору Советского государства, по мере того как шла национализация одной категории имущества за другой, устанавливалась государственная монополия на ряд предметов, круг действия купли-продажи все суживался. Наряду с национализацией орудий и средств производства, государство принимает ряд мер, которые должны были подготовить и осуществить переход от торговли к системе социалистического учета и распределения. Эти мероприятия, правда, еще не были проведены достаточно широко и последовательно, но самая постановка их на очередь приводила уже к существенному умалению значения обязательственного права. Наконец, ограничения гражданского оборота и сферы применения обязательственного права содержались порой в отдельных специальных постановлениях, издававшихся по отдельным частным поводам.

Если, таким образом, общая линия развития обязательственного права старой формации выявилась с достаточной определенностью в сторону сужения сферы его действия и ограничения сторон в подобного рода отношениях, то для развития обязательственного права социалистического характера еще не было достаточно подготовленных условий. Отсюда можно, определяя общий характер обязательственного права на первом этапе развития, в период становления советского строя, сказать, что отличительной чертой обязательственного права была ограниченность его содержания и узость рамок его применения.

Несмотря на ограниченность сферы применения обязательственного права в течение первого года революции, можно все-таки уже в этом периоде развития советского права отметить прежде всего несколько законодательных актов, имевших целью урегулировать некоторые, особенно требовавшие разрешения вопросы общего характера (общей части гражданского права и общей части обязательственного права).

Первые же шаги в деле экспроприации экспроприаторов поставили на очередь общий принципиальный вопрос из области договорных обязательств: в какой мере Советское государство, национализирующее капиталистические предприятия, должно принимать на себя пассив национализируемых предприятий, имеет ли место преемство по обязательствам, лежащим на предприятиях, переходящих в силу национализации от частных собственников к государству.

По этому вопросу следует различать законодательство о национализации фабрик и заводов, с одной стороны, декреты о национализации банков, с другой стороны. Именно, в связи с национализацией промышленности в законодательстве рассматриваемого начального периода развития советского права неоднократно давались указания по вопросу о преемстве в обязательствах. Законодательные акты, относящиеся к этому вопросу, по общему правилу предусматривают преемственность прав национализированных предприятий, именно — содержат оговорку, что обязательства в пользу предприятия (состоявшие на момент его национализации) сохраняют силу и переходят к новому органу управления таким предприятием. Наоборот, об обязательствах данного предприятия в отношении третьих лиц (физических и юридических) никаких указаний не дается. Из этого умолчания следует заключить, что платежи по обязательствам национализированных предприятий остаются на бывших их собственниках; в дальнейшем это было прямо подтверждено декретом СНК 4 марта 1919 г.¹, относящимся к следующему периоду.

Так, в постановлении ВСНХ, опубликованном в цент-

¹ СУ 1919 г. № 10/11, ст. 168.

ральных газетах 30 июня 1918 г.¹, «О национализации заводов, входящих в финансовую группу Сормово — Коломна» определялось (п. 6), что все обязательства частных лиц и учреждений, как перед существующими правлениями предприятий, так и перед местными заводоуправлениями, сохраняют свою силу и после национализации предприятий, причем права по этим обязательствам существующих правлений общества переходят к Центральному правлению, а такие же права существующих местных заводоуправлений — к новым заводским управлениям. Точно так же в постановлении ВСНХ «О переходе в ведение Высшего совета народного хозяйства некоторых национализированных кожевенных предприятий», опубликованном 31 октября 1918 г.², в п. 5 судьба обязательственных отношений, в которых состояло национализированное предприятие, определяется так: «Все обязательства частных лиц, организаций и учреждений, как перед существующими правлениями предприятий, так и перед другими органами управления, центральными и местными, сохраняют свою силу и после перехода предприятий в ведение указанных в пункте первом сего постановления органов, причем права по этим обязательствам существовавших ранее правлений и обществ, как равно и всех их органов и доверенных лиц, в центре и на местах, переходят к Главному комитету по кожевенным делам и к новым местным органам управления предприятиями».

Аналогичная норма содержится в постановлении ВСНХ 15 декабря 1918 г. «О переходе в ведение Российской Республики некоторых предприятий текстильной промышленности»³.

Таким образом, в законодательных актах о национализации промышленности предусматривается, как правило, только преемственность прав национализированных предприятий, но не упоминается о преемстве по долгам этих предприятий.

Преемство по долгам национализированного предприятия выражено только в постановлениях о национализации банков, но лишь в интересах демократических общественных учреждений и малоимущих вкладчиков.

¹ СУ 1918 г. № 47, ст. 560.

² СУ 1918 г. № 80, ст. 837.

³ СУ 1918 г. № 98, ст. 998.

Так, в постановлении НКФ 2 декабря 1918 г. «О ликвидации городских общественных банков» и в инструкции к этому постановлению¹ содержатся такие указания: 1) суммы, подлежащие выдаче вкладчикам и по другим пассивным операциям, выдаются с разрешения каждый раз ликвидационной комиссии Народного банка РСФСР; 2) наличность кассы, а также суммы, поступившие во время ликвидации, за покрытием расходов по ликвидации, обращаются на удовлетворение кредитов и вкладчиков в следующем порядке: а) долги Народному банку и правительственным учреждениям; б) вклады общепользных и демократических учреждений, признанных таковыми со стороны местных советских органов; в) вклады малоимущих вкладчиков.

Таким образом, здесь признается как исключение и с существенными ограничительными оговорками обязанность того советского предприятия, которое приняло имущество ликвидированного банка, отвечать по его обязательствам. Аналогично содержание декрета СНК 24 декабря 1918 г.² о ликвидации частных земельных банков.

Предметом регламентации послужил также переход торговых и промышленных предприятий, так сказать, в порядке частного оборота по частным сделкам. Декретом СНК от 27 июля 1918 г.³ определено, что всякий долг отчуждателя считается долгом по отчуждаемому предприятию, пока противное не будет доказано заинтересованным лицом (ст. 5); передача сумм или обязательств, причитающихся по сделке о переходе предприятия, не может иметь места ранее 10 дней со дня совершения договора (ст. 14). Предприятие в целом считается перешедшим к приобретателям с момента регистрации сделки. После регистрации сделка, по которой состоялся переход предприятия, может оспариваться заинтересованными лицами исключительно в судебном порядке. Обязательной регистрации (под страхом недействительности сделки как в отношении участников, так и третьих лиц) подлежат все сделки по продаже, аренде, залогу предприятий (и по прекращению этих прав), по изменению состава владельцев и т. д. (декрет СНК того

¹ СУ 1918 г. № 97, ст. 991.

² СУ 1918 г. № 99, ст. 1013.

³ СУ 1918 г. № 61, ст. 666.

же 27 июля 1918 г.¹⁾ В случае разрешения отчуждения предприятия сама отчуждательная сделка должна быть совершена в нотариальном отделе (а где нет нотариальных отделов — у нотариуса) по месту нахождения главной конторы предприятия, служащего объектом сделки, со внесением договора полностью в актовую книгу.

Из общих вопросов обязательственного права можно упомянуть еще об объявлении в первые же дни существования Советского государства (декрет СНК 11 ноября 1917 г.²⁾ моратория по векселям и исполнительным листам. Платежи по векселям и исполнительным листам, срочным с 25 октября 1917 г., были отсрочены названным декретом на два месяца. Протесты векселей, совершенные в период с 25 октября до издания этого декрета, отменены; взыскания же по векселям и исполнительным листам, находившимся в производстве в тот же период, приостановлены на срок моратория.

3

Переходя к отдельным договорам, нужно прежде всего остановиться на договорах купли-продажи и мены. Национализация орудий и средств производства была связана с запрещением распорядительных сделок относительно национализированных имуществ: земли, недр, вод, лесов и т. д. Первым же декретом о земле 26 октября 1917 г. и положенным в его основание Крестьянским наказом о земле были запрещены всякие сделки по распоряжению землей: землю было запрещено продавать, покупать, дарить, сдавать в аренду либо в залог и вообще отчуждать каким бы то ни было образом. Такой же запрет, притом не только в отношении земли, но и ее недр, вод, лесов и живых сил природы, повторен в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»³ и в декрете о социализации земли 19 февраля 1918 г.⁴ В отношении лесов дано еще постановление того же содержания в декрете ВЦИК 27 мая 1918 г. «О лесах»⁵. (ст. 4), притом с распространением этого правила и на

¹ СУ 1918 г. № 59, ст. 651.

² СУ 1917 г. № 2, ст. 27.

³ СУ 1918 г. № 15, ст. 215.

⁴ СУ 1918 г. № 25, ст. 346.

⁵ СУ 1918 г. № 42, ст. 522.

время, предшествующее изданию этого декрета: «Акты и договоры об отчуждении лесов, когда-либо и кем бы то ни было заключенные, признаются утратившими силу». В декрете о лесах, кроме того, указывается, что, поскольку отменено право частной собственности на леса, не допускается перепродажа гражданами топлива и строительной древесины; совершение таких сделок влечет за собой, сверх наказания, конфискацию древесины (ст. 37).

Декретом 14 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью»¹ приостановлены какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т. п. всех недвижимостей и земель в городах, ввиду, как указано в декрете, предстоящего обобществления городской земли. Это обобществление как городской земли, так и возведенных на ней строений, проведено декретом ВЦИК 20 августа 1918 г.² Этим декретом отменялось право частной собственности (в городских поселениях с числом жителей свыше 10 000) на все строения, которые вместе с находившейся под ними землей имели стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти. Все сделки с землей и строениями, заключенные после вступления в силу декрета «О запрещении сделок с недвижимостью», т. е. с 18 декабря 1917 г., признавались по декрету 20 августа 1918 г. недействительными и не могли служить основанием для освобождения от действия этого декрета. Те же правила распространялись и на сделки относительно строений, находившихся на арендованной земле.

В отношении купли-продажи строений, находившихся в селениях, ограничение введено постановлением Народного комиссариата юстиции 6 сентября 1918 г.³ «О противозаконности сделок купли-продажи строений, находящихся в селениях». В этом постановлении НКЮ исходит из того, что строение, не отделенное от земельной поверхности, не может быть самостоятельным объектом юридических действий, а только в связи с земельным участком, а право пользования земельным участком не может приобретаться куплей-продажей и т. п., что даже

¹ СУ 1917 г. № 10, ст. 154.

² СУ 1918 г. № 62, ст. 674.

³ СУ 1918 г. № 65, ст. 715.

при отказе пользователя от участка последний возвращается в земельный фонд и т. д. Отсюда НКЮ сделал вывод, что покупка и продажа строений, находящихся в селе, отменена и совершение таких сделок является противозаконным; лицам, желающим совершить куплю-продажу строения, должно быть в этом отказано. При отказе пользователя от земельного участка, на котором находится строение, участок вместе со строением поступает в земельный фонд в распоряжение местного совета, а отказавшееся лицо вознаграждается за труд, вложенный в строение. Местный совет может выплаченное вознаграждение потребовать от нового пользователя, которому будет передан участок с находящимся на нем строением.

К ограничению применения купли-продажи и мены приводили также и мероприятия по национализации промышленности, начиная с первого шага в этом направлении — установления рабочего контроля.

Сюда же близко примыкают и ограничения договора купли-продажи, вытекающие из установления государственных монополий на хлеб, нефть, ткани, сельскохозяйственные машины и пр.¹

Вторая группа ограничений купли-продажи явилась следствием ограничительной политики в отношении частной торговли в связи с переходом от снабжения населения необходимыми для него предметами через посредство торговли к системе социалистического учета и распределения этих предметов. Порой эти последние мероприятия переплетались с проведением монополий.

Замена торговли государственным распределением стала практиковаться сначала в области снабжения населения хлебом и другими предметами продовольствия, а затем была распространена и на другие предметы.

Декретом СНК «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле»², опубликованным 28 октября 1917 г., еще не ставится вопрос о запрещении сделок продажи продовольствия или каких-либо иных предметов, но уже намечаются ограничения, а именно — городским самоуправлениям предоставляется право своими постановлениями брать под надзор и ру-

¹ СУ 1918 г. № 25, ст. 346; № 45, ст. 546; № 54, ст. 599 и др.

² СУ 1917 г. № 1, ст. 9.

ководство все или некоторые торговые и торгово-промышленные предприятия, в том числе лавки, рестораны, трактиры, мельницы и т. д.

Ст. 19 декрета ВЦИК «О социализации земли» 19 февраля 1918 г. провозглашает принцип: торговля хлебом, как внешняя, так и внутренняя, должна быть государственной монополией (реальное проведение государственной монополии на хлеб падает уже на следующий период — эпоху военного коммунизма).

Циркуляром отдела по распределению тканей при Комиссариате по продовольствию, опубликованным 16 декабря 1917 г.¹ «для пресечения спекуляций и для введения равномерного распределения мануфактуры среди населения» была запрещена продажа мануфактуры с фабрик частным лицам.

Декретом СНК 29 июня 1918 г. «О закупке и распределении тканей»² советское правительство переходит от торговли к распределению в плановом порядке. Этим декретом постановлено приобрести в распоряжение РСФСР весь наличный запас тканей, имеющих в пределах Республики, и всю будущую выработку тканей. Для объединения всего этого дела и руководства закупками тканей учреждалось при Центральном комитете текстильной промышленности Закупочное бюро, а для распределения тканей — Совет по распределению тканей. Одновременно с изданием декрета запрещена продажа всех тканей с фабрик каким бы то ни было лицам и учреждениям, не имеющим на то доверенности от Закупочного бюро.

Отдельные частные постановления по этому вопросу были объединены и заменены опубликованным 23 июля 1918 г. декретом СНК «О монополии на ткани»³, с изданием которого действие предыдущих постановлений прекратилось.

Постановлением Высшего совета народного хозяйства 12 ноября 1918 г. «О государственной монополийной закупке сырья-махорки и сырья-табака»⁴ были воспрещены всякие частные сделки по купле и продаже сырья-табака и сырья-махорки.

¹ СУ 1917 г. № 9, ст. 134.

² СУ 1918 г. № 48, ст. 566

³ СУ 1918 г. № 54, ст. 599.

⁴ СУ 1918 г. № 95, ст. 954.

«В целях борьбы со спекуляцией всякого рода аптекарскими товарами и в интересах правильного распределения таковых, вследствие недостатка их, а также в целях борьбы с фальсификацией и суррогатами лечебных средств, незаконным и вредным для здоровья населения отпуском лекарств, широко практикуемым аптекарскими магазинами», постановление Народного комиссариата здравоохранения 27 июля 1918 г. «О регулировании продажи и отпуска аптекарских товаров»¹ устанавливает ограничения купли-продажи аптекарских товаров, а постановлением того же Наркомата, опубликованным 31 декабря 1918 г., ограничены отчуждательные сделки в отношении хирургических инструментов, медицинских оптических аппаратов и пр.²

Постановлением ВСНХ 12 января 1918 г.³ устанавливало с 15 января 1918 г. государственную (постановление употребляет термин «казенную») монополию торговли золотом во всех видах, кроме изделий из золота, а также торговли платиной. Тем самым сделки купли-продажи между гражданами или гражданином с предприятием, в компетенцию которого не входит осуществление государственной монополии на золото и платину, становились не имеющими юридической силы.

Постановлением ВСНХ, опубликованным 17 февраля 1918 г.⁴ и постановлением ВСНХ 22 февраля 1918 г.⁵ была существенно ограничена торговля изделиями из золота и т. п.

Важное постановление было издано 9 октября 1918 г. Народным комиссариатом по финансовым делам «О регулировании сделок в иностранной валюте и вывозе денежных сумм за границу и в оккупированные местности»⁶. Этим постановлением были запрещены все сделки в иностранной валюте, взносы рублей на счета находившихся за границей лиц и учреждений, либо их представителей в России, принятие каких-либо обязательств, которые влекли за собой упомянутые взносы и переводы за границу, помимо согласия Наркомфина. В основании

¹ СУ 1918 г. № 56, ст. 616.

² СУ 1918 г. № 99, ст. 1021.

³ СУ 1918 г. № 16, ст. 232.

⁴ СУ 1918 г. № 24, ст. 340.

⁵ СУ 1918 г. № 29, ст. 376.

⁶ СУ 1918 г. № 72, ст. 781.

этого запрета лежало установление правительственного контроля над всеми сделками, которые влекли за собой денежные переводы и взносы рублей за границу, а следовательно, и над продажей иностранной валюты в России, ибо эта сделка влекла за собой рано или поздно перевод денег за границу. Так как наличная иностранная валюта обращаться в России не может, следовательно, она приобреталась для того или иного употребления за границей.

Валютное дело требует строгой централизации. Поэтому приведенное постановление предписывало всем держателям иностранной валюты, как гражданам, так и организациям, сдать валюту государству. В соответствии с изложенным общим запретом переводов и платежей за границу данное постановление еще раз подтверждало, что вывоз денежных сумм за границу или в оккупированные местности недопустим без особого в каждом отдельном случае разрешения Кредитной канцелярии Наркомфина.

В связи с национализацией производства был издан опубликованный 29 декабря 1917 г. декрет СНК «О прекращении платежей по купонам и дивидендам»¹. Ст. 2 этого декрета воспрещены все сделки с ценными бумагами под страхом предания суду и конфискации всего имущества.

С другой стороны, в соответствии с декретом СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»², опубликованным 26 января 1918 г., воспрещались, под угрозой тюремного заключения на срок до трех лет, всякие сделки и акты по передаче банковских акций.

Декретом СНК 24 ноября 1917 г. «О воспрещении продажи, залога и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений»³ все сделки по передаче русских судов за границу, заключенные после 19 июля 1914 г. (т. е. с начала первой мировой войны), признаны недействительными; такие сделки воспрещались и на будущее время.

Декретом СНК 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и ста-

¹ СУ 1918 г. № 13, ст. 185.

² СУ 1918 г. № 19, ст. 295.

³ СУ 1917 г. № 4, ст. 55.

рины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»¹ «в целях охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины», были взяты на учет находившиеся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение. Согласно п. 3, никакое отчуждение или переход из одного частного или общественного владения в иное (а также перемещение, ремонт, поправка или переделка) принятых на учет монументальных памятников, собраний и отдельных предметов искусства и старины не могли быть произведены без разрешения Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петербурге и Москве. Виновные в неисполнении этого декрета подвергались ответственности по всей строгости революционных законов вплоть до конфискации всего их имущества и лишения свободы. Памятники, собрания и отдельные предметы, взятые на учет и отчужденные в новое частное или общественное владение без надлежащего разрешения, подлежали конфискации. Действие этого декрета не распространялось на предметы искусства, находившиеся у их авторов.

Ограничительная политика в отношении частной торговли получила выражение, в частности, в регламентации перехода торговых и торгово-промышленных предприятий из рук в руки. Опубликованным 20 апреля 1918 г. постановлением Народного комиссариата торговли и промышленности «О правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий»² воспрещались (если не было особого в каждом отдельном случае разрешения Народного комиссариата торговли и промышленности) следующие акты: 1) продажа и покупка, сдача в аренду либо в залог, переход, передача и переуступка, полностью или частично, торговых и торгово-промышленных предприятий; 2) образование и открытие новых предприятий; 3) преобразование существующих единоличных предприятий и товариществ в полное товарищество или товари-

¹ СУ 1918 г. № 73, ст. 794.

² СУ 1918 г. № 32, ст. 425.

щество на вере и обратно, а также преобразование существующих единоличных предприятий и товариществ в акционерные общества; 4) всякие изменения состава членов товарищества и пайщиков. Действие этого постановления распространялось на торговые предприятия I и II разрядов и торгово-промышленные предприятия первых четырех разрядов, согласно расписания для платежа основного промыслового налога. В тех случаях, когда сделки по распоряжению торговыми и промышленными предприятиями разрешались, для них декретом СНК 27 июня 1918 г.¹ была установлена обязательная регистрация в органах Наркомата торговли и промышленности. Без регистрации подобного рода сделки признавались недействительными.

В области регулирования государством самого содержания договора купли-продажи видное место занимают мероприятия советской власти в области ценообразования. Этими мероприятиями в значительной мере определялось положение в гражданском обороте договора купли-продажи.

В числе таких мероприятий следует отметить, с одной стороны, установление на хлеб и другие важнейшие предметы питания², на некоторые другие товары, например, металлы, твердых цен³, а с другой стороны — образование комитетов цен (постановление ВСНХ 30 января 1918 г.⁴), имевших назначением регулировать цены и следить за применением нормальной средней цены. Комитеты цен учреждались по каждой отрасли торговых заведений и должны были осуществлять контроль за установлением цен. Комитеты проверяли издержки торгового заведения на приобретение, хранение и организацию продажи товаров и связанные с ведением дела накладные расходы, определяли нормальную среднюю цену каждого продукта и средний размер прибыли.

Таким образом, в этом наиболее существенном моменте договора купли-продажи для соглашения сторон места не было; оно заменялось административным регулированием.

¹ СУ 1918 г. № 59, ст. 651.

² «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях» 1939, стр. 111.

³ СУ 1917 г. № 10, ст. 155.

⁴ СУ 1918 г. № 23, ст. 326.

Подводя итог изложенным постановлениям первого года советской власти, относящимся к договору купли-продажи, можно свести их, с учетом их хозяйственного и политико-правового значения, к трем группам. Одну из этих групп составляют ограничения купли-продажи, непосредственно вытекавшие из национализации соответствующих имуществ и установления государственных монополий. Другая группа ограничений договора купли-продажи являлась следствием перехода от торговли к социалистическому учету и распределению (значительная часть постановлений из этой второй группы выходит за рамки первого периода, так как относится к концу 1918 г., но упоминаются здесь в интересах целостности изложения). Наконец, в третью группу можно отнести отдельные специальные случаи, не объединенные каким-либо общим принципом.

Далее, юридическая особенность содержания постановлений данного периода, относящихся к купле-продаже, если не считать постановлений о нормировании цен, заключалась в том, что в них, как правило, не давалось каких-либо норм, уточнявших взаимные права и обязанности сторон, определявших сами правоотношения, но устанавливались лишь ограничения сферы применения договора, самой возможности его заключения с юридической силой.

4

Ограничения, изложенные выше в отношении купли-продажи, полностью относятся и к договору мены.

Тем не менее, что касается границ применения этого договора, то на первый взгляд сфера его применения в этот период может показаться очень широкой ввиду применения мены на почве хлебных заготовок. Так, опубликованный ~~2 апреля 1918 г.~~ декрет СНК «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок»¹ возложил на Народный комиссариат продовольствия, в целях усиления государственных заготовок хлеба и других продовольственных продуктов, организацию правильного товарообмена в государственном масштабе. Для такого товарообмена государство давало наиболее необходимые

¹ СУ 1918 г. № 30, ст. 398.

в быту и хозяйстве предметы (ткани, нитки, галантерею, кожу, шорные изделия, обувь, галоши, спички, мыло, свечи, керосин и др.).

Разумеется, этот товарообмен с самого начала был охвачен государственным регулированием. Народному комиссариату продовольствия было поручено путем особой инструкции установить порядок и нормы выдачи указанных товаров в обмен на хлеб и другие продовольственные продукты, заготавливаемые по государственным планам. В основу инструкции предлагалось положить привлечение деревенской бедноты к организации товарообмена путем передачи товаров, выдаваемых для обмена на хлеб, в распоряжение волостных или районных объединений для дальнейшего распределения их между нуждающимся населением; с другой стороны, в инструкцию должны были войти правила, гарантирующие возврат в распоряжение Советской республики всех затрачиваемых на товарообмен государственных средств, а также меры, способствующие извлечению возможно большего количества денежных знаков от деревенской буржуазии. Проведение товарообмена возлагалось на продовольственные органы, без разрешения которых обмен товаров на хлеб не допускался.

Из изложенного видно, что в данном случае хотя и возникали имущественные правоотношения, облакавшиеся в гражданско-правовую форму, но в основе этих отношений лежал административный акт (правительство устанавливало порядок и нормы выдачи различных товаров в обмен на хлеб, для производства товарообмена требовалось каждый раз разрешение продовольственных органов и т. д.).

В развитие изложенного декрета 5 августа 1918 г. был издан декрет СНК «Об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях»¹. Этим вторым декретом было установлено в качестве обязательного порядка для хлебных сельских местностей, что отпуск товаров обрабатывающей промышленности и всех вообще неземледельческих продуктов мог иметь место исключительно в обмен на хлеб и другие продовольственные продукты, а также пеньку, лен, кожи и т. п.

¹ СУ 1918 г. № 58, ст. 638.

Из других договоров, получивших какое-либо отражение в законодательстве первого периода Советского государства, нужно упомянуть прежде всего об имущественном найме (аренде).

Вместе с другими общераспространенными видами договоров эта правовая форма перешла в революционную жизнь из дореволюционного прошлого, но, конечно, подверглась при этом глубоким изменениям в связи с новыми условиями хозяйства и общественного строя.

Запрещение сделок относительно земли, недр, лесов, вод, сопровождавшее национализацию этих имуществ, распространилось, в частности, и на аренду этих имуществ (приложенный к первому декрету о земле Крестьянский наказ, п. 1; декрет 19 февраля 1918 г. о социализации земли, ст. 39, прим. 3). Надо заметить, что это запрещение не сразу вошло в жизнь. Через несколько лет (в 1922 г.) в связи с новыми условиями советский закон признал трудовую аренду земли. Только с окончанием восстановительного периода в развитии нашего хозяйства и в связи с проведением коллективизации аренда земли была вновь и окончательно запрещена.

Аренда строений в городах (а в связи с этим и земельных участков, обслуживающих строения) не может считаться безусловно недопустимой, хотя ст. 16 декрета ВЦИК 20 августа 1918 г.¹ формулирована очень широко: «Сделки с землей и строениями, заключенные после вступления в силу (с 18 декабря 1917 г.) декрета «О запрещении сделок с недвижимостью»², являются действительными и не могут служить основанием для освобождения от действия настоящего декрета». Однако ссылка на декрет 1917 г. показывает, что речь идет об отчуждательных сделках-продаже, купле, залоге и т. п., о которых только и говорит декрет 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью». Во всяком случае аренда строений государственными предприятиями и учреждениями никогда не воспрещалась, как не воспрещается и в настоящее время. Аренда строений (а не жилой пло-

¹ СУ 1918 г. № 62, ст. 674.

² СУ 1917 г. № 10, ст. 154.

щади по норме) отдельными гражданами должна считаться для данного периода неразрешенной.

Из других видов имущественного найма в этот период известна аренда предприятий, которая считалась допустимой, но которая нуждалась в регистрации в отделе Народного комиссариата торговли; аренда предприятия не зарегистрированная признавалась недействительной (декрет СНК 27 июля 1918 г.¹).

Но особое внимание законодательной власти с первых же дней Советского государства стал обращать на себя самый острый вид имущественного найма — жилищный наем.

28 октября 1918 г. было издано постановление Народного комиссариата по внутренним делам «О жилищном моратории»². Этим постановлением регулировались некоторые вопросы квартирной платы. Именно, для нанимателей, имевших доход не свыше 400 руб. в месяц, а также для семейств всех лиц, состоявших на военной службе, был установлен жилищный мораторий — освобождение от квартирной платы за снимаемые ими помещения в течение войны и трех месяцев после ее окончания³. Если наймодавец в этих случаях также имел доход менее 400 руб. в месяц, то после того как к его контрагенту применялся жилищный мораторий, он в свою очередь освобождался от причитающейся с него наемной платы в размере потерянного им дохода; если же размер платы, производившейся наймодавцами, был ниже их потерь от применения жилищного моратория, то разница возмещалась им из средств Государственного казначейства — так, чтобы общий доход не превышал 400 руб. в месяц.

Изданным одновременно постановлением НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса»⁴ городским самоуправлениям предоставлялось право секвестровать все пустующие помещения, пригодные для жилья, а также право, на основании утверждаемых ими правил и норм, вселять в имею-

¹ СУ 1918 г. № 69, ст. 651.

² СУ 1917 г. № 1, ст. 13.

³ По решению примирительно-жилищной камеры, с 1 ноября 1917 г. при условии, если квартирная плата на 1 ноября 1917 г. не превышала 200 руб. в месяц.

⁴ СУ 1917 г. № 1, ст. 14.

щиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах. Тем же постановлением городским самоуправлениям было предоставлено право учреждать жилищную инспекцию, жилищные суды, а также издавать обязательные постановления об учреждении домовых комитетов, об их устройстве и круге ведения и о предоставлении им прав юридического лица.

Из этих постановлений видно, что с первых же дней своего существования Советская власть прилагала заботы об удовлетворении одной из основных потребностей трудящихся — жилищной нужды. На этом первом этапе развития советское законодательство еще только нащупывает пути для разрешения жилищного вопроса. Оно еще не устанавливает твердых норм пользования жилой площадью, но уже принимает меры к использованию пустующих помещений; еще не разрешает вопроса о квартирной плате во всей его широте, но стремится уже облегчить положение малообеспеченных категорий трудящихся.

6

Наряду со всеми распорядительными сделками относительно земли, недр, лесов, вод был запрещен и договор дарения этих категорий имущества¹; этот запрет являлся неизбежным выводом из национализации перечисленных имуществ. То же надо признать и в отношении недвижимостей в городах (декрет СНК 14 декабря 1917 г.²).

Декретом ВЦИК 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» признаются недействительными все сделки с землей и строениями, заключенные после вступления в силу (с 18 декабря 1917 г.) только что названного декрета 14 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью».

Следует признать, что приведенное выше постановление НКЮ 6 сентября 1918 г. «О противозаконности

¹ Крестьянский наказ о земле, ст. ст. 1—2 (СУ 1917 г. № 1, ст. 3); декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 г. о социализации земли, примечание 3 к ст. 39 (СУ 1918 г. № 25, ст. 346).

² СУ 1917 г. № 10, ст. 154.

³ СУ 1918 г. № 62, ст. 674.

сделок купли-продажи строений, находящихся в селениях»¹, хотя в нем ни одним словом не упоминается о дарственной передаче строений, должно быть по самому существу дела полностью распространено и на случаи договоров дарения строений, т. е. такие договоры должны признаваться противозаконными и недействительными.

Помимо этих частных норм, в рассматриваемый отрезок времени издан общий декрет ВЦИК о дарениях 20 мая 1918 г.² Этим декретом договоры дарения (и всякие иные безвозмездные предоставления) были ограничены суммой 10 000 руб.; дарение на сумму свыше 10 000 руб. признавалось недействительным. Эти ограничительные нормы, повидимому, нужно поставить в связь с ограничениями наследования: для того, чтобы дарение не превратилось в средство обхода закона о наследовании, необходимо было ограничить применение дарения. На пожертвования, т. е. на дарение в пользу какой-нибудь организации или на какую-нибудь общепользную цель, действие этого ограничения не распространялось, но пожертвования, превышавшие сумму 10 000 руб., допускались не иначе, как с разрешения Совнаркома.

В связи с отменой наследования (декрет ВЦИК 27 апреля 1918 г.³) было признано недействительным дарение на случай смерти (определяемое декретом, как дарственное или вообще безвозмездное предоставление имущества, «совершаемое под условием или в видах приобретения подаренного одаряемым лицом после смерти дарителя»). Но это последнее ограничение не распространялось на предметы домашнего обихода и на предметы, не имеющие рыночной ценности (фотографические карточки, частную переписку и т. п.). Правила о смертных распоряжениях вкладами в народных сберегательных кассах, противоречащие этому декрету и декрету об отмене наследования, одновременно с этим были отменены. Страхование на случай смерти в народных сберегательных кассах не подвергалось ограничениям независимо от суммы (в пределах, допускаемых уставом сберкасс).

Для дарений на сумму от 1 000 до 10 000 руб. бы-

¹ СУ 1918 г. № 65, ст. 715.

² СУ 1918 г. № 43, ст. 525.

³ СУ 1918 г. № 34, ст. 456.

ла установлена, под страхом недействительности сделки, нотариальная форма.

Дарение на сумму до 1 000 руб. не облагалось пошлиной; при совершении дарения на сумму свыше 1 000 руб. взималась прогрессивная пошлина в размере от 1 до 10 процентов.

Если одно и то же лицо совершало несколько дарственных сделок, то они имели силу лишь при условии, если их общая сумма не превышала 10 000 руб.; в противном случае в той части, в какой этот предел был превышен, дарения признавались недействительными.

Недействительность дарений и других безвозмездных актов, не удовлетворявших условиям, изложенным выше, имела ту своеобразную особенность, что эта недействительность устанавливалась судом как по просьбе тех лиц, чьи права этими актами нарушались, так и по заявлению органов государственной власти. Заявление о признании дарения или вообще безвозмездного акта недействительным подавалось по общим началам подсудности соответственным органам уездной или городской советской власти по месту жительства дарителя или одаренного.

В случае признания дарения или иного безвозмездного акта недействительным по заявлению органов государственной власти, предмет дарения становился государственным достоянием и поступал в местное учреждение, ведавшее соответственными имуществами республики.

Все сделки, направленные в обход изложенных постановлений и под видом возмездных сделок, прикрывавшие дарственные акты, признавались недействительными с только что описанными последствиями, а участники сделок подлежали ответственности, как за растрату государственного имущества.

В первом периоде советская власть, проведя национализацию железных дорог и водного транспорта, дала постановление организационного характера, представляющее известный интерес для структуры обязательственных отношений между перевозчиком и клиентом:

но непосредственной регламентации отношений, возникающих из перевозки, еще не было дано.

Именно 28 апреля 1918 г. было опубликовано постановление Совета народных комиссаров об учреждении Межведомственной комиссии по смешанным железнодорожно-водным перевозкам.¹ На эту комиссию, учрежденную, как сказано в постановлении СНК, для согласования водных перевозок с железнодорожными, возлагалось (п. 4): 1) рассмотрение и утверждение планов смешанных железнодорожно-водных перевозок, 2) выработка мер к улучшению перевалочных способностей пристаней и к усилению перегрузочных операций, 3) обсуждение и утверждение мероприятий по устройству пристанских путей, оборудование складочных помещений, перегрузочных и иных приспособлений и др. Постановления комиссии являлись обязательными для Народного комиссариата путей сообщения и Главного управления водных сообщений при ВСНХ, распоряжениями которых они приводились в немедленное исполнение.

8

Как вывод из принципа национализации банков и промышленных предприятий вытекало аннулирование акций, облигаций и других ценных бумаг, выпущенных предприятиями до их национализации. Законодательство по этому вопросу началось с декрета СНК «О прекращении платежей по купонам и дивидендам»². По этому декрету впредь до издания общего узаконения о дальнейшей национализации производства, а также о порядке и размерах оплаты процентов по фондам и дивидендам, всякая оплата купонов по акциям и паям частных предприятий была временно приостановлена. Тем же декретом все сделки с ценными бумагами запрещались под страхом предания суду и конфискации всего имущества виновных.

Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»³ аннулировал все банковские

¹ СУ 1918 г. № 34, ст. 452.

² СУ 1918 г. № 13, ст. 185.

³ СУ 1918 г. № 19, ст. 295.

акции; всякие сделки и акты по их передаче воспрещались под страхом тюремного заключения сроком до 3 лет.

Декрет ВЦИК¹ аннулировал (с декабря 1917 г.) все государственные займы, заключенные как царским правительством, так и Временным правительством (внутренние и внешние). В связи с этим облигации аннулированных займов утратили значение как ценные бумаги. Оставлены были в силе лишь краткосрочные обязательства и серии государственного казначейства; выплата процентов по ним была прекращена, но сами облигации остались в обороте наравне с кредитными билетами.

На начальном этапе советского государства и права еще не могло сложиться законченной системы законодательства по вопросу о значении банка в жизни хозяйственных органов, о выполнении банком роли расчетной организации для предприятий и хозяйственных объединений, организации, контролирующей выполнение этими предприятиями и объединениями их производственных и финансовых планов и способствующей выполнению этих планов.

В первый год революции законодательство в данной области сводится к регулированию некоторых частных вопросов под знаком борьбы за уменьшение эмиссии и вообще за оздоровление финансов. Так, постановлением Высшего совета народного хозяйства «О порядке ведения расчетов между национализированными предприятиями и советскими учреждениями»² ограничивалась прежде всего кассовая наличность национализированных предприятий и советских учреждений. Какого-нибудь точного лимита данное постановление не установило, но дало общее указание, что в кассах может оставаться денежных знаков «самое ограниченное количество, необходимое лишь для текущей потребности». Все остальные суммы должны были сдаваться в банк на текущий счет. Продукты производства национализированных предприятий подлежали сдаче на учет соответствующим центрам, главным комитетам, отделам, а от них эти предприятия получали необходимые материалы и сырье.

---

¹ СУ 1918 г. № 27, ст. 353.

² СУ 1918 г. № 63, ст. 691.

Расчеты за сданные продукты и полученные материалы и сырье производились безденежно в порядке бухгалтерских записей (за продукты, в силу необходимости сданные или полученные помимо распределительных центров, расчеты производились чеками на банк). В порядке таких же безденежных расчетов должна была производиться и оплата продукции потребителями, советскими организациями и учреждениями.

Одновременно с этим тем же постановлением указывалось, что впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию все предприятия, объявленные согласно декрету 28 июня 1918 г. достоянием Российской республики, признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев. Правления и бывшие собственники финансируют их на прежнем основании. Поэтому валютные обязательства всякого рода, выдаваемые ими при дальнейшей эксплуатации предприятия, а также возникающие из соответственных торговле и промышленности договоров и из сделок учета векселей, подтоварных ссуд и иных обязательств признаются для этих предприятий обязательными и оплачиваются за счет их оборотных средств.

Постановление СНК 3 сентября 1918 г.¹ обязало все правительственные учреждения и национализированные предприятия держать свободные наличные средства исключительно на счетах Народного банка РСФСР.

В этой же связи можно назвать декрет СНК 17 мая 1918 г.², которым было установлено, что под сметы национализированных или секвестрованных предприятий выдаются по постановлениям и распоряжениям Высшего совета народного хозяйства авансы из сумм государственного казначейства. Постановления о выдаче авансов вносятся на основании удостоверений соответственных общегосударственных центров управления и регулирования промышленности (Главсахар, Главбумага и т. п.) о том, что смета ими рассмотрена, одобрена и представляется на утверждение государственной власти (а в тех отраслях хозяйства, где нет общегосударственных центров управления и регулирования, — на основании удостоверений соответственных областных Со-

¹ СУ 1918 г. № 64, ст. 703.

² СУ 1918 г. № 36, ст. 477.

ветов народного хозяйства). Предельный размер аванса определялся декретом 17 мая 1918 г. по двухмесячной потребности предприятия, предусмотренной проектом сметы.

Этот декрет был видоизменен (уточнен) в следующем периоде декретом СНК 4 марта 1919 г. «О финансировании государственных предприятий»¹. Согласно этому последнему декрету, финансирование государственных предприятий (национализированных, секвестрованных, прежних казенных и др.) велось в сметном порядке. При этом утверждающее смету учреждение ВСНХ на основании полученных предварительных соображений имело право отпустить предприятию (один раз в сметный период) авансом сумму, соответствующую приблизительной фактической потребности предприятия на двухмесячный период, включая сезонные заготовки в том размере, в каком они могли быть фактически произведены за эти два месяца.

Изложенным в основном исчерпывается нормативный материал, относящийся к договорным обязательствам первого периода советского права. Но этим материалом, разумеется, не покрывается и не исчерпывается вся система обязательственных отношений, какие имели в то время место в действительности. Жизнь не знает перерывов, и, конечно, в это время складывались всевозможные отношения, какие подсказывались экономикой момента. В судебной практике шла большая работа по приспособлению к требованиям живой действительности нормативного материала, по нащупыванию, на основе судебного революционного правосознания, новых норм. Но эта правотворческая работа за первый период почти не зафиксирована в каких-либо сборниках решений и т. п. Документальный материал этого рода относится главным образом к следующим периодам развития советского государства и права².

¹ СУ 1919 г. № 10/11, ст. 107.

² Издававшиеся НКЮ сборники под заглавием «Материалы НКЮ» также в основном относятся к следующему периоду истории советского государства и права.

II. Договорные обязательства в период иностранной военной интервенции и гражданской войны

I

Характерной особенностью договорных обязательств периода иностранной интервенции и гражданской войны, периода так называемого военного коммунизма, следует признать то обстоятельство, что договор в его гражданско-правовом значении уступает целый ряд своих позиций административно-правовым актам.

Система продовольственных разверсток, являвшаяся одним из основных принципов экономической политики этого периода, поставила отношения между производителями хлеба и других сельскохозяйственных продуктов и государством под действие административных актов (главным образом, органов Народного комиссариата продовольствия) и закрыла пути для развития в этой сфере договорных отношений. Рядом с этим снабжение граждан важнейшими предметами было построено на принципах нормирования и распределения и также оформлялось в порядке административно-правовых мероприятий со стороны государственных и кооперативных распределительных органов.

Аналогичное явление наблюдается и в области промышленности. Национализация промышленности проводится во все более расширяющемся масштабе. Следом за крупной промышленностью, в основном национализированной еще в предыдущем периоде, национализируется и ряд предприятий средней промышленности. Другие предприятия средней промышленности, а также мелкая промышленность ставятся под контроль государственной власти (декрет СНК 7 сентября 1920 г. о регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности¹).

Снабжение предприятий необходимыми материалами и сбыт их продукции проводятся также в административно-правовом порядке. Возникшие «центральные» и «главные» комитеты, управления и т. п. («центры» и «главки»), в которых стали сосредоточиваться национализированные и секвестрованные предприятия, централизованно распределяют (без участия предприятия — систе-

¹ СУ 1920 г. № 78, ст. 366; № 84, ст. 416.

ма «главкизма») в порядке нарядов строго учитываемую продукцию и полностью или в значительной мере исключают применение гражданско-правовых обязательственных договоров.

В конце этого периода постановлением VIII Всероссийского съезда Советов 28 декабря 1920 г. «О местных органах экономического управления»¹ система главкизма была существенно изменена. Согласно этому постановлению VIII съезда, центры и главки ВСНХ реорганизируются в органы руководящие, дающие задания, регулирующие, контролирующие работу губернских советов народного хозяйства на основе единого государственного хозяйственного плана; непосредственное же управление предприятием передается в ведение губернских советов народного хозяйства.

В изъятие из этого правила в ведении главков и центров оставляются лишь предприятия, «явно поддающиеся трестированию (как-то: крупные металлические заводы, электроустановки, горное дело и т. п.)». Так, например, Продрасмет ВСНХ являлся государственным органом, ведавшим распределением металлических изделий между госучреждениями и предприятиями в меру их действительной потребности и сообразно с наличием таковых изделий. В практике арбитражных комиссий выражалась порой та точка зрения, что поскольку отпуск изделий производился в публично-правовом порядке планового (или внепланового) распределения, а не в порядке соглашения гражданско-правового характера между отдельными госорганами, постольку исключалась возможность каких бы то ни было денежных претензий за отпущенные изделия. Эта точка зрения иногда подкреплялась (например, в решении Высшей арбитражной комиссии при Совете труда и обороны²) тем соображением, что в это время все материалы и изделия, находившиеся в распоряжении предприятий, составляли лишь часть единого общегосударственного материального фонда, не выделенную из него и не закрепленную за предприятиями как самостоятельными юридическими лицами в качестве их оборотных средств с правом свободного распоряжения ими. Таким образом, отпуск изделий одним го-

¹ СУ 1921 г. № 1, ст. 3.

² Сборник решений Высшей арбитражной комиссии I(V)1925 г., решение № 437.

государственным предприятием другому без оплаты объясняется по существу не публично-правовым порядком распределения продукции (так как этот порядок сам по себе еще не исключает возмездного характера складывающихся отношений), а отсутствием у отдельных предприятий хозяйственной самостоятельности.

В отношении планирования имела большое значение состоявшая в ведении ВСНХ Комиссия использования, образованная декретом 21 ноября 1918 г.¹ и переданная декретом СНК 17 марта 1921 г.² в ведение Совета труда и обороны. В компетенцию этой комиссии входило составление планов распределения материальных ресурсов страны между наркоматами и главными управлениями.

Продолжалась и политика твердых цен на важнейшие продовольственные и промышленные товары.

Таким образом, круг договорных обязательственных отношений, значительно сузившийся уже в первый год революции, продолжал сжиматься в связи с политическими и социально-экономическими условиями этого периода. Завершение процесса национализации промышленности, серьезные ограничения частной торговли, в особенности в связи с проведением государственной хлебной монополии, и другие мероприятия, вытекавшие из новой экономики и острой классовой борьбы, привели почти к полной ликвидации старых договорных отношений. Новые же отношения в условиях гражданской войны и интервенции оформлялись в порядке административно-правового регулирования (акты по проведению продразверсток, по нормированию снабжения основными продовольственными и промышленными товарами, по централизованному распределению продукции государственной промышленности). Гражданское, в частности обязательственное право отлилось в несложную систему норм почти исключительно императивного характера.

В соответствии с этим наблюдается и с внешней стороны характерное для данной эпохи обстоятельство: при значительном росте общего числа декретов в этот отрезок времени число гражданско-правовых нормативных актов невелико; преобладают акты административно-правового характера. К числу важнейших законодательных актов этого периода нужно отнести: уже упоминав-

¹ СУ 1918 г. № 83, ст. 879.

² СУ 1921 г. № 38, ст. 203.

шиеся выше такие нормативные акты, как декрет СНК 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства»; постановление ВСНХ и Народного комиссариата продовольствия 26 ноября 1918 г. «О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами»; декрет СНК 11 января 1919 г. «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства»; ряд декретов СНК (2 марта, 23 марта, 22 июня, 29 июня 1920 г.) об обязательных поставках некоторых продуктов, о контроле государственной власти в области средней и отчасти мелкой промышленности¹; ряд декретов по вопросам национализации промышленности² и др. Необходимо отдельно упомянуть такие законодательные акты этого периода, как Устав железных дорог 16 августа 1920 г.³ Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 16 сентября 1918 г.⁴ и др.

Из этого краткого перечня важнейших законодательных актов данного периода видно, что договор в гражданско-правовом его значении уступает целый ряд принадлежавших ему ранее позиций административно-правовым актам. Эти последние становятся значительным фактором регулирования гражданского оборота.

Немногочисленные законодательные акты, относящиеся к обязательственному праву, содержали, главным образом, постановления по отдельным конкретным договорам.

Из общих вопросов обязательственного права имеет принципиальное значение декрет СНК 4 марта 1919 г.⁵ В связи с тем, что все государственные (национализированные, секвестрованные, прежние казенные и пр.) предприятия на основании декрета СНК о финансировании предприятий⁶ снабжаются необходимыми средствами исключительно в порядке сметного финанси-

¹ СУ 1920 г. № 78, ст. 366; № 84, ст. 416.

² СУ 1919 г. № 6, ст. 66; № 7, ст. 77; № 35, ст. 344; 1920 г. № 93, ст. 512.

³ СУ 1920 г. № 77, ст. 362.

⁴ СУ 1918 г. № 76/77, ст. 818.

⁵ СУ 1919 г. № 10/11, ст. 108.

⁶ СУ 1919 г. № 10/11, ст. 107.

решения, декрет 4 марта 1919 г. аннулировал акции и паи акционерных обществ и товариществ, предприятия которых национализированы или секвестрованы. При этом прямо указывается, что государственные предприятия освобождаются от уплаты частным предприятиям и лицам всех долгов, возникших до национализации предприятий (исключение составляет задолженность по зарплате рабочих и служащих). Долги государственных предприятий другим государственным предприятиям, банку и т. д. аннулируются.

Можно еще назвать декрет СНК 13 сентября 1919 г. «О взыскании по векселям и другим беспорным обязательствам, находящимся в портфеле Народного банка»¹. Народному банку было предоставлено право самостоятельного (без участия судебных органов) зачета для покрытия долга банку по векселям и другим беспорным обязательствам тех сумм или ценностей должника, которые значатся на его текущем счету, вкладах или на хранении, либо находятся в сейфах и т. п. Должнику, считающему, что такого рода зачет произведен Народным банком неправильно, предоставляется право иска в народном суде.

2

Общая линия развития обязательственного права особенно выявляется на положении договора, наиболее типичного и показательного для гражданско-правового оборота, — на положении купли-продажи.

Только что изложенные мероприятия по переходу от торговли к распределению, наметившемуся еще в первом периоде и широко осуществленному в эти годы тяжелой борьбы за самое существование Советского государства, должны были сильно сократить сферу применения договора купли-продажи.

Так, между госорганами в этот период по существу вовсе не было подлинных договорных отношений. В следующем периоде развития Высшая арбитражная комиссия при СТО², касаясь снабженческих операций государственных организаций в годы гражданской войны,

¹ СУ 1919 г. № 51, ст. 495.

² В дальнейшем именуемая ВАК.

характеризует их так. Сфера применения договора купли-продажи в отношении государственных организаций была сильно ограничена ввиду того, что широко практиковалось плановое снабжение негосударственных потребителей той или иной продукции в порядке нарядов, а операции в таком порядке должны рассматриваться как административные распоряжения по соответствующей отрасли промышленности¹. В дополнение к этой характеристике и изложенному в предыдущем разделе нормативному материалу следует отметить, что в положениях о центральных и главных комитетах, управлениях и т. п. («центрах» и «главках») нередко предусматривается право этих органов запрещать, в случае надобности, продажу продукции этих предприятий, например, постановление ВСНХ 17 октября 1918 г. «О главном комитете крахмало-паточной промышленности при ВСНХ»², постановление ВСНХ 30 января 1919 г., «О главном и губернских комитетах кожевенной промышленности»³ и т. д.

Принцип централизации в деле снабжения и сбыта был распространен также на кустарную промышленность и промысловую кооперацию путем подчинения их не только плановому, но и оперативному руководству Главного управления кустарной промышленности (Главкустпрома).

Большое значение для характеристики сферы применения договора купли-продажи имеют нормы декретов СНК 23 января 1919 г. и 15 июля 1920 г. «О расчетных операциях»⁴, установившие, что все советские и общественные учреждения, предприятия и организации, нуждающиеся в каких бы то ни было предметах, обязаны для получения их обращаться в соответствующие распределительные советские учреждения. Всякая покупка изделий, материалов, продуктов и т. п. непосредственно на вольном рынке воспрещена; в виде исключения разрешается приобретение всяких предметов сырья, изделий, материалов и продуктов у частных производителей толь-

¹ Сборник решений Высшей арбитражной комиссии III 1934 г., решение № 107.

² СУ 1918 г. № 90, ст. 915.

³ СУ 1919 г. № 3, ст. 41.

⁴ СУ 1919 г. № 2, ст. 22 и 1920 г. № 67, ст. 305.

ко тем советским учреждениям и кооперативным организациям, которые входят в состав общегосударственного заготовительного аппарата, и только тех предметов, заготовка которых возложена на данное учреждение. Другими словами, покупка на вольном рынке допускается этим декретом как средство для увеличения фонда для распределения. При этом договоры купли-продажи ставятся под особый контроль (требуется предварительное разрешение Рабоче-крестьянской инспекции). Закупки допускаются только непосредственно у самих производителей или их объединений, и только по ценам, установленным соответствующими советскими органами, а если таких цен нет, то оценочной комиссией, создаваемой Рабоче-крестьянской инспекцией из представителей ВСНХ, РКИ и ведомства, заинтересованного в покупке.

Специальными постановлениями ограничена оборотоспособность ряда предметов: спирта, крепких напитков, спиртосодержащих веществ (не относящихся к напиткам¹), мешков и мешковой ткани (декрет СНК 6 июля 1920 г.²) и др.

В подтверждение и развитие декрета о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г.³ декретом СНК 30 апреля 1919 г.⁴ постановлено, что ни одно советское или общественное учреждение и ни одна частная фирма или лицо не полномочны заключать договоры на предмет ввоза или вывоза товара из иностранных государств без предварительного на то разрешения Комиссариата торговли и промышленности. Заграничные товары, закупленные и вывезенные в РСФСР иностранными фирмами или представителями иностранных государств, а равно частными лицами и организациями без такого разрешения, подлежат конфискации. Все договоры и соглашения на покупку иностранных товаров за границей, заключенные без разрешения Народного комиссариата торговли и промышленности, счи-

¹ Постановление СНК 19 февраля 1919 г. (СУ 1920 г. № 1—2, ст. 2) с дополнительными к нему нормативными актами (СУ 1920 г. № 12, ст. 76; № 34, ст. 161 и др.).

² СУ 1920 г. № 66, ст. 293.

³ СУ 1918 г. № 33, ст. 432.

⁴ СУ 1919 г. № 19, ст. 222.

таются недействительными и необязательными для РСФСР.

Те же принципы подтверждены декретом СНК 1920 г. «Об организации внешней торговли и товарообмена РСФСР»¹. Согласно этому декрету, ни одно ведомство, учреждение и организация РСФСР, никакое предприятие или частное лицо не имеет права осуществлять какие-либо мероприятия, вести переговоры или заключать какие-либо сделки, касающиеся ввоза и вывоза товаров иначе как с предварительного согласия и разрешения Народного комиссариата внешней торговли² или соответствующих его заграничных органов и на устанавливаемых ими основаниях.

Приведенные основные ограничения сферы применения купли-продажи показывают, что договор купли-продажи в период гражданской войны не имеет первостепенного значения. Но это не означает, что он вышел из употребления. Этот договор не только сохранил немалое значение в быту (как и другие основные обязательственные договоры — имущественный наем, подряд и др.), но и со стороны законодательства пользовался в известных рамках признанием в определенных отраслях хозяйственной жизни.

Договор купли-продажи не сошел со сцены и сохранил значение в области снабжения ненормированными товарами, в отношении которых не было административно-планового распределения, но которые приобретались посредством купли-продажи.

Далее, декретом СНК 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности»³ кустарям и их объединениям было разрешено в пределах местного рынка продавать необходимые для повседневного обихода населения изделия своего производства целого ряда отраслей промышленности.

В общем, пределы применения договора купли-продажи являются и пределами близкого к нему договора мены. Как и в предыдущем периоде, нельзя, меж-

---

¹ СУ 1920 г. № 53, ст. 235.

² Так переименован этим декретом бывший Народный комиссариат торговли и промышленности.

³ СУ 1920 г. № 78, ст. 366.

ду прочим, относить к сфере применения этого договора положения, предусмотренные такими постановлениями, как декрет СНК 5 августа 1919 г. «О товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов»¹, являющийся дальнейшим развитием одноименных декретов первого периода². Эти отношения вообще не имеют договорной природы. Вытекает это, во-первых, из обязательности сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промыслов для получения от государства других предметов первой необходимости. Во-вторых, договор мены предполагает определение сторонами, производящими обмен, тех имущественных ценностей, которыми они желают обменяться. В данном же случае Народный комиссариат продовольствия и его органы устанавливают для каждой губернии или района количество продуктов, подлежащее обязательной сдаче населением, и количество товаров, отпускаемых за это для снабжения населения. Декретом регламентирован также порядок производства всей операции. Именно — продукты сельского хозяйства и промыслов сдаются через потребительские общества, при этом каждый заготавливающий или приемочный пункт обязан выдавать каждому сдатчику учетную квитанцию с указанием рода, количества, стоимости продуктов, а также общества, к которому он принадлежит; товары для непосредственного распределения населению передаются соответствующими распределительными органами, потребительскими обществами лишь по представлении учетных квитанций. Контроль за распределением осуществляют губернские продовольственные органы.

Все это доказывает, что данное отношение является не гражданско-правовым, а административно-правовым.

3

В области имущественного найма мы имеем в этот период, во-первых, принципиальное признание аренды промышленных предприятий: в постановлениях о национализации предприятий нередко делается оговорка, что арендные договоры, заключенные до национализации, сохраняют силу, поскольку они не противоречат суще-

¹ СУ 1919 г. № 41, ст. 387.

² СУ 1918 г. № 30, ст. 398; № 58, ст. 638.

ствующим законам (например, опубликованное 5 ноября 1918 г. постановление ВСНХ «О национализации предприятий Т-ва Московского губернского земства и К⁰ по совместной закупке огнестойких материалов»¹).

Ряд конкретных норм издан в эти годы по вопросам жилищного найма: острота вопросов, связанных с этими отношениями, не давала возможности отложить их регламентацию даже в такое тяжелое время, когда все внимание партии и правительства было направлено на отражение опасности, угрожавшей самому существованию молодой республики.

Декретом СНК 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»² делается попытка урегулировать дело выселений из жилых помещений и уплотнения нанимателей. Декрет устанавливает правило, согласно которому выселения граждан могут иметь место лишь в случаях особо острой общественной нужды, притом каждый раз по особому мотивированному постановлению местного исполнительного комитета. Выселяемым гражданам должны быть обеспечены здоровые жилища, соответствующие по размерам (по установленной в данной местности норме), и транспорт для перевозки мебели и домашних вещей, а также предоставляется достаточный для переселения срок. При наличии излишков жилой площади съемщик подвергается уплотнению; однако ему дается при этом двухнедельный срок для подыскания себе сожителей по собственному желанию, и только при неиспользовании этого срока производится принудительное уплотнение. При установлении наличия излишков принимается во внимание и дополнительная площадь, право на которую признается за отдельными категориями граждан.

В целях сохранения жилищного фонда декрет 25 мая 1920 г. устанавливает, что лица, содержащие свои жилища в грязном антисанитарном состоянии, портящие его (равно как своим поведением нарушающие порядок), подвергаются в административном порядке (по определению жилищно-санитарной инспекции и жилищно-зе-

¹ СУ 1918 г. № 81, ст. 852. «Все арендные и прочие договоры, а также и все обязательства третьих лиц и учреждений по отношению товарищества сохраняют свою силу, поскольку они не противоречат законам» (п. 4).

² СУ 1920 г. № 52, ст. 227.

мельного отдела) лишению свободы на срок до 1 месяца или принудительным работам на срок до 3 месяцев.

Были регламентированы некоторые вопросы жилищного найма в ведомственных домах. Согласно декрету СНК 4 мая 1920 г. «О железнодорожных помещениях»¹, всякого рода железнодорожные помещения в полосе отчуждения могли быть предоставлены какому-либо ведомству лишь с согласия управления дороги (а занятые кем-либо подлежали освобождению в месячный срок); вне полосы отчуждения железнодорожные помещения могли быть использованы местными исполнительными комитетами на основании общих постановлений по жилищному вопросу, с обязательным доведением об этом до сведения НКПС. Выселение железнодорожных служащих, занимавших помещения в железнодорожных домах вне полосы отчуждения, в случае их использования местным исполкомом, могли производиться жилищно-земельным отделом лишь по предварительном (за неделю) предупреждении выселяемых железнодорожников, с обязательным предоставлением им, взамен занимавшихся ими помещений, соответствующей жилой площади, по возможности — в районе постоянной работы или службы.

Декрет СНК 13 июля 1920 г.² запрещал вселения в помещения, принадлежавшие к территории завода.

4

Подрядный способ выполнения работ для государственных и общественных организаций встречает в этом периоде отрицательное к себе отношение (поскольку подрядчиками были частные фирмы и отдельные граждане).

Прежде всего был издан декрет СНК 11 декабря 1919 г.³, которым на все организации государственные, общественные, частные, а равно и на частных лиц была возложена обязанность доставить финорганам сведения обо всех заключенных ими подрядах и поставках, в какой бы форме и каким бы порядком они ни были заключены.

¹ СУ 1920 г. № 57, ст. 253.

² СУ 1920 г. № 69, ст. 315.

³ СУ 1919 г. № 62, ст. 571.

Затем, постановление Совета труда и обороны 24 ноября 1920 г.¹ воспрещало всем советским учреждениям и предприятиям и общественным организациям приглашать контрагентов, уполномоченных и подрядчиков для производства каких-либо заготовительных, восстановительных, строительных и иных работ и заданий. Все такие работы должны были производиться обязательно хозяйственным способом. Договоры, заключенные советскими учреждениями, предприятиями, общественными организациями с подрядчиками и всякого рода контрагентами, объявлены были аннулированными (постановление СТО сопровождается инструкцией о порядке перехода от подрядного способа работ к хозяйственному).

В отношении работ по капитальному строительству уже в этом периоде определенно подчеркнуто плановое начало. Так, декретом СНК 28 февраля 1921 г.² определялось, что на каждый год Совнарком (по представлению президиума ВСНХ) утверждает единый строительный план республики. Работы, не вошедшие в основной план, могли быть разрешены только постановлением Совнаркома по предварительном рассмотрении в центральной комиссии общегосударственного плана строительства при Главном комитете государственных сооружений.

В связи с этим договором следует отметить, что декретом СНК 20 апреля 1920 г.³ был регламентирован порядок утверждения проектов по строительству промышленных сооружений.

5

Законодательство этого периода стоит определенно на той точке зрения, что советские организации не должны пользоваться услугами каких-либо посредников при совершении товарных операций. Эта принципиальная установка приводит к серьезному ограничению сферы применения договора комиссии.

Согласно опубликованному 30 октября 1919 г. постановлению Народного комиссариата продовольствия⁴, по-

¹ СУ 1921 г. № 3, ст. 29.

² СУ 1921 г. № 17, ст. 105.

³ СУ 1920 г. № 29, ст. 144.

⁴ СУ 1919 г. № 53, ст. 509.

ручения по получению нарядов, погрузке и отправке грузов, приобретению товаров и вообще по выполнению всяких товарных операций, выполнявшихся по поручению местных продовольственных органов и кооперативных организаций, могли производиться только агентами, являвшимися служащими данного учреждения и снабженными соответствующими мандатами и удостоверениями, или кооперативными организациями, центральными и губержскими, по заключенным с ними договорам. В приведенном перечне поручений названы и услуги фактического характера, не составляющие содержания комиссионного договора, но упоминается и заключение сделок, — деятельность юридического характера. Излагаемое постановление категорически воспрещало советским продовольственным органам и кооперативам передавать перечисленные поручения частным лицам и частным предприятиям на комиссионных началах и уплачивать вознаграждение за выполнение этих поручений путем процентного отчисления или в виде особых премий за отправку товаров. Ответственным руководителям продовольственных органов и кооперативов, а равно и предприятиям, принявшим на себя выполнение вышеуказанных поручений на комиссионных началах, виновным в нарушении настоящего постановления, декрет угрожал привлечением к ответственности как за спекуляцию.

Аналогичное начало выражено в декрете СНК 15 июля 1920 г.¹: допуская в известных случаях приобретение государственными и общественными организациями известных материалов и изделий на так называемом вольном рынке, декрет 15 июля 1920 г. ставил условием, чтобы такого рода закупки производились только непосредственно у самих производителей этих предметов, следовательно, услуги посредников, в том числе комиссионеров, не допускались.

Наконец, недопустимость для государственных организаций пользоваться услугами комиссионеров явствует и из постановления СТО от 24 ноября 1920 г. «О воспрещении советским учреждениям и предприятиям и общественным организациям приглашать контрагентов, уполномоченных и подрядчиков для производства каких-либо работ и заданий»².

¹ СУ 1920 г. № 67, ст. 305.

² СУ 1921 г. № 3, ст. 29.

В годы интервенции и гражданской войны был издан первый советский устав железных дорог, утвержденный СНК РСФСР 16 августа 1920 г.¹ и вступивший в силу с 1 января 1921 г.² Разумеется, этот первый железнодорожный устав еще не отличался такой разработкой и отделкой, как последующие его издания, но все-таки благодаря этому акту основные вопросы железнодорожного права получили определенное разрешение.

В соответствии с тем, что эти годы были самым началом социалистического строительства, когда государство только что вступило на путь планового социалистического хозяйства, устав не содержал такого четкого и детально разработанного планирования деятельности транспорта, но все же ст. 10 в форме «отсылки» упоминает о плане железнодорожных перевозок.

При определении конкретных прав и обязанностей железной дороги, с одной стороны, ее клиентов — с другой, устав 1920 года не дает еще исчерпывающей регламентации, а в известной мере содержит только некоторые общие указания, однако для этого времени этот законодательный акт должен быть отнесен к числу важнейших и принесших несомненно пользу внесением ясности и определенности в такие сложные отношения, как отношения между железными дорогами и их клиентурой.

В основных чертах содержание устава 1920 г. сводится к следующему.

Прежде всего интересно, что в этом первенце железнодорожного законодательства с полной определенностью подчеркнута (§ 2), что перевозка пассажиров, багажа и грузов (на основаниях устава) составляет обязанность каждой открытой для общего пользования железной дороги и производится ею от и до всех остановочных пунктов. Отказать в принятии к перевозке пассажиров, багажа или грузов железная дорога имеет право только в следующих случаях: 1) если пассажир или отправитель груза не соглашается подчиниться условиям перевозки, определенным в данном уставе или в правительственных декретах и постановлениях; 2) если перевозка пассажиров, багажа или грузов приостановлена или воспрещена по распоряжению правительства

¹ СУ 1920 г. № 77, ст. 362.

² СУ 1920 г. № 84, ст. 419.

вследствие либо какого-нибудь чрезвычайного события либо действия непреодолимой силы; 3) если перевозка предъявленного к отправке груза требует особо приспособленных средств, которых дорога не имеет и иметь не обязана; 4) если отправление груза не может быть произведено в силу специальных правил НКПС. В отношении перевозки пассажиров железная дорога освобождается от обязанности перевозки также при отсутствии свободного места в отходящем пассажирском поезде или если пассажир находится в нетрезвом состоянии.

Договор перевозки грузов оформляется посредством специального документа, называемого накладной. К этому документу, по уставу 1920 года, присоединяется еще дубликат (накладная сопровождает груз, а дубликат находится на руках у распорядителя груза). Накладная и дубликат определяют содержание взаимных прав и обязанностей железной дороги и грузоотправителя и служат доказательством этих прав и обязанностей. Для предупреждения спекуляции накладные допускаются только именные, но не на предъявителя (в этом вопросе советское право прошло круг: начав с запрета предъявительских накладных, оно потом их допустило, а теперь вновь вернулось к исходному положению). Получатель груза может им распоряжаться по вручении ему дубликата накладной. На обязанности грузополучателя лежит: своевременно принять груз, его выгрузить (если эта функция не принята на себя железной дорогой), вывезти груз со станции. Устав не содержит определенных сроков выгрузки и вывоза груза, последствий нарушения этих сроков, порядка ликвидации неостребованных или невывезенных грузов, отсылая по всем этим вопросам к специальным правилам.

В случае обнаружения утраты или повреждения груза дорога немедленно приступает к проверке состояния груза и выяснению размеров убыли.

Характерную особенность устава 1920 г. составляет постановка в нем ответственности железной дороги за сохранность груза. Устав определяет, что за порчу и утерю государственных грузов подлежащие государственные органы не получают вознаграждения; по представлении установленных удостоверений стоимость утраченного груза списывается на убытки казны, а соответствующие кредиты восстанавливаются в сверхсмет-

ном порядке. Что касается утраты или повреждения грузов частных лиц и предприятий, то об них устав не упоминает, очевидно ввиду того, что перевозка частных грузов по этому уставу допускалась только в виде исключения на основании особых разрешительных свидетельств. Поэтому устав ограничивается указанием лишь на обязанность железной дороги вознаграждать частных лиц за утраченный при перевозке багаж; в этом случае выдается вознаграждение в размере 1 000 руб. за 1 фунт, но не свыше 100 000 руб. Багаж считается утраченным, если по востребованию не выдается в течение 7 суток (разве только станция назначения имеет сведения, что багаж задержан по распоряжению правительственных органов). В случае порчи или утраты грузов и багажа виновные в этом агенты железной дороги подлежат уголовной ответственности.

Наконец, в качестве отличительной особенности устава 1920 года (гармонирующей с общим направлением этого периода) надо отметить бесплатность перевозки грузов, а в ряде случаев и пассажиров¹.

Из отдельных законодательных актов о железнодорожных перевозках большой интерес представляет прежде всего декрет 19 августа 1918 г. об аннулировании претензий по железнодорожным перевозкам². Этот декрет интересен тем, что его вводная часть дает объяснение особенности изданного потом устава 1920 г., которая заключалась в том, что железная дорога не возмещает убытков от утраты и повреждения грузов: уничтожение права на получение от железных дорог какого бы то ни было вознаграждения в связи с перевозкой грузов, выданных станциями или утерянных дорогами до вступления в силу этого декрета, мотивируется со-

¹ Плата не взималась: а) за перевозку лиц, следовавших по государственным надобностям (перевозка рабочей силы, командированных и переводимых по службе, воинские перевозки, перевозки арестованных и т. п.); б) за перевозку рабочих и служащих, ехавших в отпуск и обратно; в) за перевозку советских служащих и рабочих, ехавших на работу или службу или на съезды и обратно; г) за перевозку учащихся, ехавших в учебные заведения и обратно; д) за перевозку участников экскурсий, организованных государственными учреждениями и профессиональными союзами; е) за перевозку детей в возрасте до 16 лет включительно; ж) за перевозку инвалидов, больных и безработных, состоявших на иждивении НКСО или на попечении здравоохранения и Наркомата труда.

² СУ 1918 г. № 62, ст. 675.

ображениями «борьбы со спекуляцией посредством скупки накладных ввиду сложения железными дорогами ответственности за срочность перевозок» и необходимостью «освобождения дорог от лежащих на них тяжелых бремени на народную казну исков, вызванных утерями грузов под воздействием непреодолимой силы, как-то: военными действиями, стихийной демобилизацией и т. п.».

Претензии, вытекающие из перевозок грузов, выданных станциями или утерянными дорогами до вступления в силу этого декрета, как уже предъявленные к железным дорогам (в рекламационном порядке), но еще не удовлетворенные, так и могущие быть предъявленными, удовлетворению не подлежат; предъявленные к железным дорогам по тем же основаниям судебные иски, находящиеся в производстве как судебных установлений, так и третейских судов, прекращаются навсегда.

Это постановление не распространяется на следующие случаи: 1) если по данной претензии вступило уже в законную силу судебное решение и 2) если претензия касается возврата признанных самой дорогой в рекламационном порядке переборов, уплаты взысканных наложенных платежей или возврата излишне взысканных сумм наложенного платежа, возврата перевырученных сумм за проданные с торгов грузы, уплаты сумм, полученных за реквизируемые грузы и вознаграждения за порчу или недостачу домашних вещей.

В отношении переборов и вознаграждения за домашние вещи декрет, исходя из целевой установки — борьбы со спекуляцией, делает оговорку, что эти суммы также не подлежат уплате, если соответствующая претензия основана на праве требования, приобретенном от другого лица по переуступке.

Претензии и иски, вытекающие из перевозки по железным дорогам пассажирского багажа, действию этого декрета не подлежат. Декретом СНК 14 апреля 1919 г.¹ это исключение распространено и на почтовые отправления. Все остальные претензии и иски по перевозке грузов, если они возникнут по основаниям, имевшим место после издания этого декрета, подлежат разрешению в порядке действующих узаконений и правил.

Постановления декрета СНК 19 августа 1919 г. распространялись на перевозки по всем путям сообщения,

¹ СУ 1919 г. № 18, ст. 201.

в том числе на смешанные железнодорожно-водные, а также международные, в частях, касающихся русских железных дорог.

Декрет СНК 7 июля 1919 г. «Об ответственности железных дорог за утрату или порчу пассажирского багажа»¹ предвосхищает в основном соответствующие нормы по этому вопросу в уставе 1920 г. Согласно этому декрету, в случае утраты или порчи багажа железная дорога обязана заплатить пассажиру: за багаж, ценность которого не была объявлена при его сдаче, по 20 руб. за фунт; за багаж, ценность которого была объявлена при сдаче, в случае утраты багажа — в размере объявленной ценности, а в случае порчи — в размере действительно понесенного ущерба, определяемого по соображению объявленной стоимости всего багажа. Багаж считается утраченным, если по востребованию его не будет выдан пассажиру в течение семи суток, считая этот срок с момента прибытия того поезда, в котором багаж был отправлен, или поезда, согласованного по расписаниям, и если притом багаж не задержан во исполнение распоряжения правительственных органов. Причитающееся за багаж вознаграждение дорога обязана уплатить не позднее трех суток со дня предъявления требования. Народному комиссару путей сообщения, по соглашению с Народными комиссарами финансов и Государственного контроля, предоставляется указанную норму вознаграждения за утраченный багаж изменять (в соответствии с общими колебаниями рыночных цен).

В отношении перевозок по водным путям за рассматриваемый период было издано несколько декретов, распространявших на эту область соответствующие правила железнодорожных перевозок.

Так, декретом СНК, опубликованным 28 ноября 1919 г.², действие декрета СНК 19 августа 1918 г. «Об аннулировании претензий по железнодорожным перевозкам» было распространено также и на претензии по водным перевозкам. Нормы, содержащиеся в декрете от 29 декабря 1919 г.³ по вопросу о претензиях к железным дорогам за недостачу, порчу, утрату и просрочку в доставке грузов, а также о возврате переборов провоз-

¹ СУ 1919 г. № 35, ст. 346.

² СУ 1919 г. № 59, ст. 556.

³ СУ 1920 г. № 1/2, ст. 8; № 8, ст. 47.

ных платежей, также были распространены на перевозки по водным путям декретом СНК 5 июля 1920 г.¹

Правила о бесплатном проезде по железным дорогам повторены в декрете СНК 11 апреля 1921 г. «О транспортных операциях на внутренних водных путях»².

Специально к водным перевозкам относится декрет СНК 29 октября 1920 г. «О производстве расчетов по общей аварии (диспаш)»³. Согласно этому декрету определение и распределение убытков от общей аварии производились в русских портах по заявлению капитана, судовладельца (или его представителя) или других заинтересованных лиц, диспашером (сведущим лицом по определению и распределению аварийных убытков), назначавшимся народным судом. Общей аварией считался ущерб, намеренно причиненный судну или грузу, или тому и другому, по распоряжению капитана, ради спасения судна и груза от грозившей морской опасности, а также повреждения и издержки, явившиеся прямым последствием принятых мер спасения. Убытки от общей аварии распределялись между судном, грузом и фрахтом на основе обычаев торгового мореплавания, поскольку они не противоречили декретам советской власти и не было иного соглашения заинтересованных лиц. Составленный диспашером расчет с заявленными против него возражениями представлялся в народный суд. При отсутствии возражений народный суд утверждал расчет и выдавал заинтересованным лицам выписки из расчета; при наличии возражений назначалось заседание народного суда, в которое для дачи заключения вызывался один или несколько диспашеров. Определения народного суда могли быть обжалованы в установленном порядке.

По вопросу об ответственности почты и телеграфа за корреспонденцию нужно упомянуть декрет СНК 21 апреля 1920 г.⁴, которым все претензии и иски к Народному комиссариату почт и телеграфов за всякого рода корреспонденцию, поступившую на почту в 1916, 1917 и 1918 гг., были аннулированы.

¹ СУ 1920 г. № 66, ст. 294.

² СУ 1921 г. № 32, ст. 178.

³ СУ 1930 г. № 87, ст. 443.

⁴ СУ 1920 г. № 30, ст. 148.

В области страхования в рассматриваемом периоде истории советского права необходимо отметить декрет СНК 28 ноября 1918 г. «Об организации страхового дела в Российской Республике»¹. Этим декретом страхование во всех его видах и формах, как-то: страхование от огня, страхование транспортов, жизни, от несчастных случаев, градобития, падежа скота, неурожая и т. п., объявлялось государственной монополией (на особое положение выделено лишь взаимное страхование движимости и товаров кооперативными организациями). В соответствии с принципом монополии страхового дела были проведены ликвидация всех частных страховых обществ и организаций (акционерных, паевых и взаимных) и национализация бывших земских и взаимно-городских страховых организаций.

В отношении пределов страхования декрет 28 ноября 1918 г. устанавливал, что все советские имущества и предприятия не подлежат застрахованию и что страхование жизни при государственных сберегательных кассах производится на прежних основаниях.

Совнарком декретом 18 ноября 1919 г.² отменил личное страхование во всех видах (жизни, капиталов и доходов). Все договоры, заключенные со страховыми обществами и сберегательными кассами на предмет страхования жизни, капиталов и доходов, были аннулированы.

8

По вопросам, касающимся расчетных отношений, декрет СНК 23 января 1919 г. «О расчетных операциях между советскими учреждениями, советскими и находящимися в ведении или под контролем советских организаций предприятиями и о приобретении ими предметов за наличный расчет»³, в дополнение и развитие декретов 4 апреля и 2 мая 1918 г. о соблюдении единства кассы⁴, устанавливал принцип безналичных взаимных расчетов между советскими учреждениями, а также национализированными, муниципализированными и нахо-

¹ СУ 1918 г. № 86, ст. 904.

² СУ 1919 г. № 56, ст. 542.

³ СУ 1919 г. № 2, ст. 22.

⁴ СУ 1918 г. № 30, ст. 403 и 460.

дьящимися на учетах ВСНХ, Народного комиссариата продовольствия и провинциальных Советов народного хозяйства и продовольственных отделов промышленными и торговыми предприятиями¹. Советские учреждения и предприятия подлежали финансированию в бюджетном порядке, и взаимные расчеты между ними производились, согласно этому декрету, путем перечисления сумм оборотной ассигновкой (по казначейству) или чеками (по Народному банку) из кредита (или текущего счета) учреждения-потребителя в доход казны по соответствующему подразделению сметы учреждения или предприятия-производителя (продавца). При покупке товаров советскими учреждениями и предприятиями у муниципализированных, национализированных или находившихся под контролем (на учете) предприятий расчеты производились путем перечисления сумм из кредитов учреждения-потребителя на текущие счета этих предприятий в Народном банке. Расплата наличными допускалась лишь при мелких покупках из авансов на сумму не свыше 5000 руб. Искусственное дробление (в обход этого закона) крупной закупочной операции на несколько мелких воспрещалось.

На тех же основаниях построен декрет СНК 15 июля 1920 г. «О расчетных операциях»².

Из области кредитных отношений можно назвать следующие постановления.

Декретом СНК 2 декабря 1918 г.³ «О национализации Народного Московского банка и о кредитовании кооперативов» правление Народного банка и его местные отделения были преобразованы в кооперативный отдел Центрального управления Народного банка РСФСР и местные кооперативные отделы того же банка. На кооперативный отдел Центрального управления была возложена разработка вопроса о финансировании кооперативных организаций, производство обычных банковских операций и кредитование исключительно кооперативов для производства закупки и сбыта предметов продовольствия и первой необходимости, сельскохозяйственного сырья и сельскохозяйственных машин, орудий

¹ Декретом СНК 5 января 1920 г. (СУ 1920 г. № 1/2, ст. 9) декрет 23 января 1919 г. был распространен также на кооперативные организации.

² СУ 1920 г. № 67, ст. 305.

³ СУ 1918 г. № 90, ст. 912.

и т. п.; на местные кооперативные отделы Народного банка возлагалось непосредственное кредитование кооперативных организаций.

Для организационной стороны рассматриваемой области имел крупное значение декрет СНК 19 января 1920 г. «Об упразднении Народного банка»¹. Это мероприятие мотивировано в названном декрете следующим образом.

Национализация промышленности объединила в руках государства важнейшие отрасли производства и снабжения. Вместе с тем она подчинила общему сметному порядку всю государственную промышленность и торговлю, что исключает всякую необходимость дальнейшего пользования Народным банком как учреждением государственного кредита в прежнем значении этого слова. Хотя система банковского кредита и сохранила еще силу для мелкой частной промышленной деятельности и потребностей отдельных граждан, помещающих свои сбережения в государственных кассах, но и эти операции в силу постепенной утраты ими значения в народнохозяйственной жизни не требуют уже существования обособленных банковских учреждений. Эти — теперь второстепенные — задачи с успехом могут быть выполнены новыми, центральными и местными, учреждениями Народного комиссариата финансов, реформируемыми на основе создания единого кассового и сметно-расчетного аппарата. Таковы соображения, приведшие к упразднению Народного банка.

Постановление народных комиссариатов земледелия и финансов «О выдаче ссуд и пособий на мероприятия по развитию сельского хозяйства»² предусматривало (в пп.10—14) предоставление ссуд деньгами и натурой без начисления процентов, т. е. оказание кредита на сельское хозяйство. Такое же значение имел декрет СНК от 4 апреля 1919 г. «О порядке выдачи из казны ссуд рабочим и служащим на заготовку ненормированных продуктов»³. Декрет разрешал выдавать всем служащим и рабочим советских учреждений и предприятий (фабрик, заводов, комиссариатов и т. п.) в лице их профессионального, а если его нет — кооперативного

¹ СУ 1920 г. № 4—5 ст. 25.

² СУ 1919 г. № 9, ст. 89.

³ СУ 1919 г. № 14, ст. 149.

объединения ссуды на покупку и заготовку ненормированных продуктов. Ссуды должны были выдаваться из кредитов, ассигнованных по сметам на содержание личного состава или на натурализацию зарплаты. Ссуды разрешалось выдавать по числу служащих данной организации, в размере, не превышавшем в общей сложности суммы месячных окладов содержания всех служащих и рабочих организации, берущей ссуду за ответственностью и самих служащих и организации. Ссуда выдавалась частями, по мере надобности. Приобретенные продукты распределялись между всеми участниками закупки равномерно (независимо от получаемого ими содержания). Выданные ссуды должны были погашаться в срок не более шести месяцев со дня выдачи ссуды или ее части. Способ погашения устанавливался каждый раз соглашением организаций, дававших и бравших ссуды. Наблюдение за погашением ссуды лежало на Народном комиссариате государственного контроля.

Подытожить изложенное можно вкратце следующим образом. В период гражданской войны внешнее и внутреннее положение страны не позволяло сосредоточиться на развитии социалистического строительства; военные операции не давали возможности перейти на хозяйственную работу мирного времени. В связи с этим социалистические договорные обязательства еще не могли развиваться в сколько-нибудь значительных размерах. Этим и объясняется ограниченность пределов, в которых законодательством этого периода определялись обязательственные договоры. Было бы, однако, неправильным утверждать, что для договора в этом периоде не было места. Несмотря на значительные ограничения, все основные типы обязательственных договоров, начиная с купли-продажи, все-таки допускались законом в известных пределах и в жизни, несомненно, применялись — главным образом, между гражданами.

III. Договорные обязательства в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства

1

Новая экономическая политика, естественно, привела к расширению сферы гражданского и, прежде всего, обязательственного права. Это расширение сферы при-

менения гражданского права не означало преобладания в правовой регламентации так называемых частно-правовых начал. Крайние рубежи, до которых было признано возможным допустить «частную стихию», были с достаточной определенностью очерчены в двух важнейших законодательных актах этого периода: в «Декларации основных частных имущественных прав, признаваемых РСФСР» от 22 мая 1922 г. и в Гражданском кодексе. Дальнейшие годы показали, что Гражданский кодекс РСФСР и аналогичные с ним кодексы других союзных республик оказались удачными с точки зрения тех задач, которые стояли перед ними: использовать в необходимых размерах частную инициативу в целях скорейшего восстановления народного хозяйства и вместе с тем обеспечить дальнейшее социалистическое строительство. По мере роста социалистического строительства оказалось возможным, сохраняя в основном постановления Гражданского кодекса, суживать пределы, отведенные для «частной деятельности», ширить и укреплять социалистические отношения. Гражданский кодекс оказался, с одной стороны, пригодным для удовлетворения потребностей момента, а с другой стороны, с успехом регламентировал имущественно-правовые отношения, складывавшиеся при социалистическом наступлении.

Создав все необходимые условия для развития производительных сил и оживления товарообмена, допустив при этом в известных пределах к промышленной и торговой деятельности также частную инициативу, законодательство целиком сохранило за социалистическим государством руководство хозяйственной жизнью.

При разрешении этой задачи руководства со стороны государства процессами хозяйственной жизни основным нормативным материалом служил Гражданский кодекс.

Практика применения Гражданского кодекса с самого начала показала, что несмотря на внешнее сходство некоторых формулировок кодекса с буржуазными законодательными сборниками, постановления советского Гражданского кодекса не только не послужили тормозом в деле преодоления «частной стихии» и перехода к широкому социалистическому наступлению, а напротив, сыграли в этом процессе положительную роль.

Договорное право получило в силу всего этого сложность и большое своеобразие, делавшее явно неправильными и клеветническими высказывания, будто советский Гражданский кодекс есть не больше, как сколок с западно-европейских кодификаций. Постановления Гражданского кодекса позволили судебной и арбитражной практике учесть значение договора и в сфере, отведенной для применения частной инициативы в целях восстановления народного хозяйства, и в новой роли договора на почве применения хозрасчетного метода управления промышленностью. Особенно ценным было то, что оказалось возможным внести единство конечных целей в регулирование договорных отношений и в той и в другой области. Сохраняя за государственной властью руководящую роль в экономической борьбе, в разрешении вопроса «кто — кого», гражданское законодательство оказалось в руках государства отличным оружием в этой борьбе, способствовавшим конечной победе социализма. Все это, естественно, оказало большое влияние на общий характер и содержание договорного права рассматриваемого периода.

С переходом на мирную хозяйственную работу одним из основных начал в построении деятельности советских хозяйственных органов стал хозяйственный расчет, определивший собою в отношении участвующих в гражданско-правовом обороте государственных предприятий характер обязательственного договорного права.

Целесообразность перевода государственных предприятий на хозяйственный расчет выдвинута в наказе Совета народных комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики от 9 августа 1921 г.¹ Этим наказом было признано необходимым, ввиду невозможности за недостатком сырья, топлива, продовольствия рационально поставить всю ту массу предприятий, которая оказалась в руках государства, сосредоточить в непосредственном управлении ВСНХ и его местных органов определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных предприятий, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга, и эти предприятия вести на началах точного хозяйственного расчета, а остальные — или сдать в аренду или закрыть.

¹ СУ 1921 г. № 59, ст. 403.

Необходимость построения государственных предприятий на началах строго хозрасчета подчеркнута была затем в «Основных положениях о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» (постановление СТО 12 августа 1921 г.¹) и в резолюциях IX и X Всероссийских съездов Советов. В этих резолюциях указываются и основные предпосылки хозрасчета и пути для его проведения в жизнь: самостоятельность предприятия в деле управления им, распоряжения материальными, денежными и иными ресурсами, предоставляемыми ему государством, право реализации предоставляемой ему доли продукции и специальных товарообменных фондов; ведение дела с точным учетом всех элементов производства, с сокращением накладных расходов и доведением до минимума всех аппаратов управления, с удешевлением себестоимости продукции без ущерба для ее качества. «Главкистские» приемы хозяйствования признаны IX съездом Советов не отвечающими новой экономической политике. Признано экономически и технически целесообразным организовать управление промышленностью путем объединения однотипных предприятий на основаниях строго хозрасчета.

При этом имелось в виду, что снабжение государственных предприятий будет производиться в централизованном порядке от государства, а сбыт продукции предприятий будет в основном вестись в порядке организованного обмена на продукцию сельского хозяйства. Как указывалось в резолюции XII съезда РКП(б) по промышленности, государство сохраняет за собой плановое руководство промышленностью, но вместе с тем оно обязано «предоставить отдельным предприятиям необходимую свободу хозяйственной деятельности на рынке, не пытаясь заменить ее административным усмотрением»².

Принцип хозрасчетности предприятий и их хозяйственной самостоятельности прямо выражен и в ст. 19 ГК РСФСР (и в соответствующих статьях ГК других союзных республик).

Однако то правовое положение хозрасчетного предприятия, те правовые формы его деятельности, которые

¹ СУ 1921 г. № 63, ст. 462.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях, 1941, ч. I, стр. 478.

имелись в виду указанными актами (централизованное снабжение, организованный товарооборот), не внедрились в жизни в связи с общими социально-экономическими условиями начала восстановительного периода. А в соответствии с этим вскоре изменилось понимание хозяйственного расчета, изменились и правовые формы деятельности хозрасчетных предприятий.

Это новое понимание хозяйственного (или — по новой терминологии — коммерческого) расчета нашло правовое выражение в первом положении о трестах, изданном 10 апреля 1923 г. (декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)»¹). Согласно ст. 1 этого Положения, «государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденного для каждого из них устава, и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. Государственные тресты несут ответственность по своим обязательствам лишь в пределах состоящего в их распоряжении имущества (ст. 17). Государственная казна за долги трестов не отвечает». Со дня регистрации трест приобретает права юридического лица (ст. 2) как единое предприятие (включающее в свой состав одну или несколько производственных единиц: фабрик, заводов, отделений и т. д.).

Таким образом, от «самоокупаемости» предприятия, характеризовавшей хозрасчет в его первоначальном понимании, Положение о трестах 1923 г. переходит к «коммерческому» расчету и к задаче «извлечения прибыли».

Такое изменение в понимании хозрасчета было вызвано необходимостью укрепить государственные предприятия, чтобы они могли успешнее бороться с частным капиталом, чтобы для них были созданы условия, при которых они могли бы постепенно вытеснить капиталистов. Организованный товарообмен также был еще преждевременным, необходимо было государственным предприятиям научиться торговать, необходимо было перевести их «в значительной степени на коммерческие основания»².

¹ СУ 1923 г. № 29, ст. 336.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 148.

В качестве самостоятельного юридического лица трест ведет самостоятельно всю свою оперативную работу. В соответствии с новым пониманием хозяйственного (коммерческого) расчета основной правовой формой реализации продукции предприятий, объединяемых трестами, стал договор, как заключаемый трестом самостоятельно, так и по предложению высших органов. В деятельности трестов в известной мере были элементы административно-правового регулирования: было допущено занаряживание постановлениями СТО через ВСНХ продукции треста по ценам ниже рыночных, но не ниже себестоимости, с начислением средней прибыли. Занаряживание производилось путем обязания трестов заключать соответствующие договоры с государственными органами, в интересах которых даны наряды (при этом в случае невыполнения этими государственными органами денежных обязательств по такому договору, ответственность несет государственная казна в целом). Если тресту, отпускающему продукцию в порядке занаряживания, не будет произведен платеж в один из установленных по договору сроков, то ему предоставляется право отказаться от дальнейшей поставки и взыскать свои убытки на общем основании.

Декрет о трестах 1923 г. еще не отражает осуществлявшегося в это время перехода к государственному планированию хозяйственной жизни. Плановое воздействие государственной власти на оперативную работу трестов все же сказалось в разных отношениях (хотя в первом декрете еще и не выражено). На оперативной работе треста отразилась политика цен, проводившаяся под углом зрения стимулирования отдельных отраслей промышленности и перераспределения государственных средств из одной отрасли в другую в связи с развитием производительных сил и необходимостью смычки города с деревней. Далее, государство обратило внимание на то, чтобы производственные планы промышленных предприятий строились в соответствии с потребностями страны, чтобы в деятельности промышленных предприятий было предусмотрено и обеспечено восстановление основного капитала государственной промышленности, чтобы плановым началом было проникнуто кредитование, снабжение и т. д.

Хозрасчетные предприятия, проводя операции по за-

готовке сырья, по реализации продукции и пр., стали договариваться между собой по этим операциям, кооперироваться. Так сложилась практика синдицирования государственной промышленности, создания длительных и прочных объединений торговой, заготовительной и финансовой деятельности трестов.

Роль государства как хозяйствующего субъекта становилась все более значительной.

В связи с этим все более выдвигается вперед плановое начало. Проведение хозяйственного расчета как основного метода работы государственных предприятий и поставленная в порядок дня задача проведения планового начала, перехода к последовательному социалистическому плановому строительству, укрепляли значение договора, которому предстояло в плановом хозяйстве служить наилучшим средством сочетания хозрасчета и плана и тем самым занять видное место в гражданском праве, но, разумеется, совсем в другом аспекте, чем раньше. С другой стороны, допущение в известных пределах частной инициативы, частной деятельности также усиливало значение договора, как основания возникновения обязательств.

В практике арбитражных комиссий постоянно подчеркивается важность устойчивости договорных отношений между госорганами, строгого соблюдения заключенных договоров. «Договоры между государственными учреждениями, — указывала в одном из своих решений ВАК при СТО, — для того и заключаются, чтобы создать устойчивую почву для их хозяйственной деятельности, и не могут быть расторгнуты только по тому соображению, что исполнение их оказалось невыгодным для другого контрагента при изменившихся условиях, наступление которых он не предусмотрел»¹.

Невыгодность договора, — говорится в другом решении ВАК (от 2 октября 1924 г.), — сама по себе не может служить основанием к освобождению стороны от договорных обязательств. Допущение этого вело бы к ослаблению силы договоров, уничтожая тем самым устойчивость торгового оборота госорганов, строящих свои коммерческие расчеты на том, что заключенные

¹ Сборник решений Высшей арбитражной комиссии III 1924 г., решение № 152 (в дальнейшем эти сборники обозначаются сокращенно — Сб.).

ими договоры будут выполняться контрагентами. Поэтому в интересах государственного хозяйства важнее соблюдать общий принцип охраны договоров между госучреждениями и предприятиями, ведущий к планомерному развитию хозяйства в целом, чем в отдельном случае освободить сторону от исполнения ею невыгодного договора¹:

Арбитражные комиссии много сделали в том направлении, чтобы добиться от госорганов понимания значения договора, систематического оформления договорами их взаимных хозяйственных связей и соблюдения заключенных договоров.

Следует отметить, что Высшая арбитражная комиссия противопоставляла договоры между госорганами договорам между гражданами, в отношении которых она делает в этом вопросе ограничительные оговорки в связи с происходившей в то время классово-борьбой.

«Сила договоров должна быть охраняема, — указывала Высшая арбитражная комиссия в решении по делу Донского облсуда и горнопромышленного треста Донского СНХ от 2 октября 1923 г.², — в чем и заключается основное условие устойчивости оборота. Если известные отступления от этого начала возможны в процессах между частными лицами, где суд рабоче-крестьянского государства может и должен в отдельных случаях в интересах трудящихся ослаблять формальную силу договора, то в области советского хозяйства такие отступления могут иметь место только в исключительных случаях».

Высшая арбитражная комиссия при СТО, в соответствии со ст. 13 «Положения о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями», понимала предоставленное арбитражным комиссиям право входить в рассмотрение имущественных споров между государственными учреждениями с точки зрения хозяйственной целесообразности только в тех пределах, что соображения хозяйственной целесообразности могут служить основанием для смягчения или ослабления последствий, вытекающих из признания формальной ответственности госоргана, но все-таки в основе решения должны лежать нормы права³.

¹ Сб. I(V) 1925 г., решение № 486.

² Сб. III 1923 г., решение № 215.

³ Сб. III 1924 г., решение № 105.

Под углом зрения хозяйственного расчета практика арбитражных комиссий настойчиво добивалась соблюдения договорных сроков платежей.

Интересы прочности, устойчивости договорных связей в известной мере учитывались и при применении постановлений о недействительности договоров. Безусловную недействительность договора (по общепринятой терминологии — ничтожность) Гражданский кодекс связывает с недееспособностью лица, вступающего в договор; недействительны договоры, совершенные с целью, противной закону или в обход закона, договоры, направленные к явному ущербу для государства, наконец, недействительны договоры, заключенные с нарушением предписанной формы, если именно такое последствие предусмотрено в законе, устанавливающем обязательную форму. Исполненное по противозаконному договору или направленному к явному ущербу для государства не возвращается ни той, ни другой стороне, а взыскивается в доход государства (ст. ст. 30, 147 ГК). В случае недействительности договора, как совершенного недееспособным лицом, каждая из сторон обязана возвратить другой стороне все полученное по договору; кроме того, дееспособный контрагент обязан возместить недееспособному понесенный им вследствие договора положительный ущерб в имуществе (ст. ст. 31 и 148 ГК). Наконец, если договор недействителен вследствие нарушения требуемой законом формы, каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по договору (ст. ст. 29 и 151 ГК).

Но соображения «прочности оборота» не ставятся выше государственных интересов. Как подчеркивалось в директивной статье «Новая экономическая политика и советская юстиция»¹, в области хозяйственной жизни существуют только отношения публично-правовые, и с этой точки зрения государство может аннулировать состоявшиеся между частными лицами договоры, если они по той или иной причине невыгодны или вредны для пролетарского государства.

В докладе Народного комиссара юстиции Д. И. Курского на 3-й сессии ВЦИК IX созыва по законопроекту об основных имущественных правах граждан² подчерки-

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 9, стр. 1—2.

² «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 18, стр. 5.

валось, что интересы государства постоянно должны превалировать над интересами личности, личность же пользуется защитой государства в пределах предоставленных законом прав; противоречие этому влечет за собой расторжение договора.

Одновременное существование национализированных промышленных предприятий, частных юридических и физических лиц ставило перед судебной и арбитражной практикой задачу установить надлежащие взаимоотношения между отдельными хозяйствующими субъектами и укрепить плановое начало в деятельности государственных хозяйственных организаций. Когда Ленинградский губернский суд 1 февраля 1924 г. в определении по делу о распределении денег между кредиторами гр. Чудновского пришел к выводу, что преимуществом удовлетворения по ст. 266 ГПК пользуются государственные учреждения, но не предприятия, Верховный суд РСФСР отменил это определение и указал при этом, что оно противоречит всей структуре Советского государства, которое в своих отношениях в области хозяйства, торговли и т. д. мыслится как единое целое против частных лиц и предприятий¹.

Под этим же углом зрения в практике Высшего судебного контроля (определение по делу № 943, 1922 г.²) признается недействительной «покупка предмета, в котором имеет интерес государство по специально объявленному назначению».

Определением Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР по делу № 3247 (1925)³ признан явно убыточным для государства и потому недействительным договор, по которому сдана в аренду мельница, находившаяся под общей крышей с картофельно-терочным заводом, с которым она составляла единый комбинат. Наоборот, незаконный способ определения арендной платы за складское помещение не должен, по мнению ВАК СТО⁴, влечь признания договора имущественного найма недействительным, а вызы-

¹ Цитируется по статье в «Еженедельнике советской юстиции» 1924, № 27, стр. 625.

² «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 2, стр. 44.

³ «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 34, стр. 1150.

⁴ Сб. II 1925 г., решение № 557.

вает лишь необходимость в определении арендной платы на законном основании.

Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР признала недействительным по ст. 30 ГК вексель, выданный одной гражданкой за несколько дней до смерти дальнему родственнику, человеку неимущему, который не мог дать фактически векселедательнице валюты векселя. ГКК усмотрела в данном случае притворную сделку, направленную к той цели, чтобы дать возможность векселедержателю обратить взыскание на принадлежавший векселедательнице дом и таким путем предупредить переход дома к государству в качестве выморочного имущества¹.

Понятие «явного ущерба для государства» поясняется в одном из решений Высшей арбитражной комиссии при Украинском ЭКОСО как поступление в пользу частного лица выгод от сделки; если получает неправильное обогащение госорган, нельзя говорить о явном ущербе для государства². С другой стороны, в практике Верховного суда РСФСР встречаются указания, что недействительны по ст. 30 сделки, направленные к явному ущербу для государства, т. е. в момент заключения явно невыгодные для государства; невыгодность сделки для госучреждения или госпредприятия, как стороны в договоре, происшедшая по тем или иным причинам после заключения договора, не может служить основанием для признания сделки недействительной по ст. 30 ГК (определение по д. № 3519 — 1925 г.).

При суждении о признании внеуставной сделки действительной или недействительной ВАК при ЭКОСО РСФСР³ рекомендует внимательно входить в хозяйственную оценку сделки. Вполне возможны случаи, когда внеуставная сама по себе сделка может для данного предприятия оказаться хозяйственно целесообразной, а часто и совершенно необходимой. В распоряжение государственного учреждения или предприятия определенного рода товары могут поступить не вследствие спекулятивной деятельности учреждений, а, например, в уплату по обязательству, когда получение денежного

¹ «Судебная практика», 1927, № 5, стр. 7. Дело относится к 1924 г.

² Сб. VII 1926 г., решение № 50.

³ Сб. II (VI) 1926 г., решение № 80.

платежа по обязательству затруднительно или совершенно безнадежно. Допустимой является посредническая сделка, совершение которой необходимо для правильной постановки собственного производства. Например, такой товар, как старый кирпич, может быть получен от сломки собственных зданий, песок и гравий могут быть добыты попутно в связи с собственным производством и т. д. Некоторые материалы могут быть добыты только через посредство другого предприятия, имеющего особые хозяйственные отношения с тем, у кого эти материалы находятся. При разнообразии и сложности хозяйственных отношений надлежит вообще избегать чисто формального отношения к внеуставным сделкам и соблюдать особую осторожность при признании недействительности этих сделок, учитывая и дальнейшие хозяйственные последствия прекращения силы их действия.

В вопросе о последствиях сделки, совершенной с нарушением ст. 30 ГК, в судебной практике выражается иногда положение, позднее довольно широко применявшееся арбитражной практикой, а именно, что последствия, предусмотренные ст. 147, не сопутствуют с безусловной неизбежностью ст. 30. Так, по делу о незаконной продаже строения суд, применив ст. 30, не применил ст. 147 ГК, мотивировав это тем, что ответчик — трудящийся. Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР, хотя и отменила это решение, но не потому, что ст. 30 должна непременно сопровождаться последствиями по ст. 147, а потому, что ответчик недобросовестно использовал положение, как члена партии, и т. п. (определение по делу № 31078—1926 г.¹).

Точно так же по другому делу (№ 33986 — 1925 г.) ГКК прямо указала, что не всякий договор, направленный в силу ст. 30 ГК или в нарушение или в обход закона или же к явной невыгоде для государства, должен непременно влечь последствия по ст. 147 ГК, а лишь такой договор, в отношении которого в каждом отдельном случае судом будет установлена сознательность сторон при заключении такого противозаконного договора, злостность, спекулятивность и т. д.

В ряде решений (д. № 3728 — 1924 г. и др.) ГКК провела разграничение между сделками вообще незаконно-

¹ «Судебная практика», 1927, № 9, стр. 5½

мерными и сделками, содержащими в себе признаки ст 30; в первом случае последствия должны наступать не по ст. 147, а по ст. 151 ГК.

При недействительности договора по ст. 29 ГК (нарушение обязательной формы) не допускается осуществление права из договора (и только наступают последствия по ст. 151 ГК); так, Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР признала неправильным взыскание арендной платы по договору, недействительному вследствие несоблюдения законной формы (определение по делу № 33067 — 1925 г.)¹.

Договоры, страдающие пороком воли (заблуждение, обман, принуждение и т. п.), сами по себе сохраняют силу и лишь по просьбе лица, вступившего в договор под влиянием заблуждения, обмана, угроз и т. д., могут быть признаны недействительными полностью или в части (ст. 32 ГК). При этом можно ссылаться не на всякую угрозу, не на всякое заблуждение и т. д.

Заблуждение должно иметь существенное значение. Такого значения не придается заблуждению в мотивах договора, если эти мотивы не введены в договор в качестве условия. Так ГКК Верховного суда УССР по делу Харьковского Окроткомхоза № 58 — 1924 г.² признала, что ошибка в расчете на ожидаемую прибыль не принадлежит к числу обстоятельств, которые на основании ст. 32 ГК дают право стороне в договоре требовать признания договора недействительным целиком или в части. В решении ВАК 21 декабря 1922 г.³ признано не существенным, что договор заключен в виду неопытности в коммерческих делах дирекции треста, причем в решении подчеркивается, что «стороны, вступая в договорные отношения, должны сознавать значение и последствия таковых, что сила договоров должна быть охраняема в целях устойчивости взаимоотношений хозяйственных органов, принимающих участие в развитии производительных сил страны».

В другом решении⁴ ВАК указывает, что «духу советского права не свойственны соображения, имеющие

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 10, стр. 309.

² «Вестник советской юстиции» 1924 г., № 15 (25), стр. 487.

³ Сб. I 1923 г., решение № 12.

⁴ Сб. IV 1925 г., решение № 314.

исключительно формальное значение, безотносительно к внутренней сущности юридического акта. В вопросе о заблуждении советское законодательство нигде и ничем не ограничивает источники и формы заблуждения, что вполне понятно, так как эти источники и формы могут быть на практике бесконечно разнообразны. Решающее влияние на действительность сделки может иметь не только ошибка, произошедшая при непосредственных взаимоотношениях контрагентов, но и искаженная передача инструкции доверителя его поверенному, вследствие чего инструкция доверителя была воспринята без вины доверителя или поверенного, в форме, не соответствующей воле доверителя. Таким заблуждением сделка опирается».

Признание договора недействительным, как совершенного под влиянием обмана, насилия, угроз или вследствие злонамеренного соглашения представителя одной из сторон с другой стороной, или направленного к использованию крайней нужды другой стороны, влечет за собой право потерпевшей стороны потребовать от другой стороны возврата всего исполненного по договору; неосновательное обогащение другой стороны взыскивается в доход государства (ГК 149). Если договор признан недействительным вследствие заблуждения одной стороны, то каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по договору. Сторона, ответственная за обстоятельство, вызвавшее заблуждение, обязана возвратить контрагенту понесенный им вследствие договора положительный ущерб в имуществе (при этом предполагается, что ответственность за заблуждение лежит на заблуждавшемся, ст. 151 ГК).

Интересно толкование, данное отделом законодательных предположений и кодификации НКЮ ст. 34 ГК о недействительности сделки, совершенной по соглашению сторон лишь для вида и без намерения породить юридические последствия. Отдел законодательных предположений разъяснил, что если векселедатель имеет письменное доказательство безденежности выданного им приказу первого векселеприобретателя векселя, то в случае предъявления первым векселеприобретателем векселя ко взысканию с векселедателя этот последний может предъявить расписку истца о безденежности векселя. Установив таким образом, что вексель выдан лишь для учета

в банке, векселедатель может таким образом защититься против иска¹.

За сторонами, вступающими в договоры, не признается право по своему усмотрению создавать новые типы договоров, не известные закону. Так, циркуляр НКЮ № 21 от 3 марта 1922 г.², устанавливая факты, когда нотариальные органы свидетельствуют договоры, содержанием которых являются правоотношения, неизвестные действующему праву, считает эту практику неправильной; НКЮ разъясняет, что свидетельствовать можно только такие договоры, которые соответствуют действующему законодательству.

Расширение сферы договорных отношений и рост удельного веса договора сочетались с применением некоторых административно-правовых мероприятий, посредством которых на государственные предприятия возлагалась обязанность оформлять свои отношения договорами, причем иногда предreshались существенные элементы будущих договоров. Необходимо, в частности, упомянуть о двух моментах. Во-первых, положением о промышленных трестах допускалось, как уже отмечено выше, занаряживание продукции, выражающееся в обязанности трестов заключать договоры с определенными госорганами, в интересах которых даны наряды, т. е. стороны в будущем договоре предуказываются обязательными для них актами. Во-вторых, в целях упорядочения дела заказов государственной промышленности, снятой с государственного бюджета, и для согласования их размеров с кредитами соответствующих ведомств, а также в интересах организации планомерных расчетов по государственным заказам, был учрежден комитет государственных заказов СТО при Народном комиссариате финансов (декрет 13 октября 1923 г.)³. На этот комитет Положением о нем возлагалось установление программы (годовой или квартальной) государственных заказов на основе утвержденных Государственной общеплановой комиссией планов, установление порядка и сроков расчетов, наблюдение за своевременным заключением договоров ведомственных заказчиков с государственными предприятиями и пр. Важное значение имели также по-

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 28, стр. 663.

² «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 12, стр. 15.

³ СУ 1924 г. № 9, ст. 65.

становления по вопросу о ценнообразовании: в договорных отношениях между государственными предприятиями один из существенных элементов договора — цена — тем самым переставал быть предметом соглашения.

Новая экономическая политика с самого начала привела к практике сдачи в аренду крупных государственных предприятий, исполнения значительных работ подрядным способом и т. п. Получилось, что по договорам государственных хозрасчетных предприятий крупные государственные ценности поступали во владение частных лиц. Это обстоятельство сделало актуальным вопрос о форме договоров, привело к требованию нотариального засвидетельствования большинства договоров государственных предприятий и учреждений в целях обеспечения известного контроля государственной власти над этими договорами.

Нужно попутно упомянуть, что в связи с образованием товарных и фондовых бирж появилась особая категория биржевых сделок, заключенных на бирже¹, а внебиржевые торговые сделки государственных учреждений и предприятий, с кем бы они ни заключались, признаны были подлежащими регистрации на биржах, приравненной к нотариальному засвидетельствованию².

В ближайшие после издания Гражданского кодекса годы был издан ряд дополнительных постановлений по вопросам формы договоров.

ВАК при СТО обращала внимание на надлежащее оформление договоров. В сборнике III решений (1924 г.) под № 164 ВАК указывала: «Хотя... документ (представленный по делу) в своем заголовке и назван договором, но ни по своему содержанию, ни по изложению не может быть признан таковым. Изложение рассматриваемого документа в большей своей части состоит из отрывочных слов, не составляющих собой законченных фраз, так что смысл написанного может быть расшиф-

¹ По положению о товарных и фондовых биржах 1 октября 1925 г. (СЗ 1925 г. № 69, ст. 511) биржевой признавалась сделка, удовлетворявшая совокупности следующих условий: а) сделка должна представлять собой оптовую куплю-продажу (в том числе поставку) товаров, оптовый заказ и т. д.; б) участниками сделки должны быть члены или постоянные посетители биржи (при сделках, заключенных в биржевом собрании, также и разовые посетители); в) сделка должна быть своевременно зарегистрирована в биржевом собрании.

² СУ 1922 г. № 57, ст. 719; 1924 г. № 54, ст. 532.

рован только по догадкам и при помощи вспомогательного материала. Затем и по содержанию рассматриваемый документ не заключает в себе необходимых элементов договора, так как в нем не выражено, в чем контрагенты взаимно друг перед другом обязываются, и не имеется указаний, для чего, на каких условиях и на какой срок передаются помещения».

В отношении исполнения договорных обязательств уже в этом периоде на первый план выдвигается принцип исполнения обязательства в натуре, или принцип реального исполнения. В частности, в Гражданский кодекс включена норма (ст. 120) о том, что в случае неисполнения должником обязательства, предметом которого является предоставление в пользование индивидуально-определенной вещи, кредитор вправе потребовать по суду отобрания от должника вещи (если она еще не передана им третьему лицу) и передачи ее кредитору. Только при невозможности реального исполнения наступает возмещение ущерба, понесенного кредитором.

Принцип реального исполнения обязательств проводится судебной практикой и за пределами случая, предусмотренного ст. 129 ГК. Так, определением Высшего судебного контроля (по делу № 986 — 1922 г.¹) было признано, что взятые для обсеменения полей продукты (т. е. не индивидуально определенные вещи, предусмотренные ст. 120, а определенные родовыми признаками), поступившие в собственность получателя, подлежат возмещению в натуре.

В случае неисполнения должником обязательства в натуре на него, в соответствии со ст. 117 ГК, возлагается обязанность возместить кредитору причиненные неисполнением убытки, разумея под ними и положительный ущерб в имуществе и упущенную выгоду, возможную при обычных условиях оборота.

Вначале в практике были случаи слишком широкого применения ст. 117. Так, из определения Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 6 мая 1924 г. (по делу арендатора Луганских трубопрокатных заводов²) видно, что губернский суд по этой

¹ «Еженедельник советской юстиции» 1923, № 2, стр. 4.

² «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 19/20, стр. 473.

статье присудил «по средним биржевым ценам». ГКК признала это решение не соответствующим общим началам советского права, которое борется со спекулятивным характером сделок, а такое решение «открывает двери сделкам просто на разницу».

В судебной и арбитражной практике не раз давались указания, что при применении ст. 117 следует принимать во внимание в каждом отдельном случае и хозяйственные соображения контрагентов и условия рынка и т. д. (дело ГКК Верховного суда РСФСР № 34516 — 1924 г.); что контрагент при заключении договора не принимает на себя ответственности по другим, неизвестным ему договорам, заключенным другой стороной с третьими лицами, а потому подлежащие получению этой другой стороной суммы не могут учитываться при применении ст. 117 (решение ВАК СТО, 1923 г., Сб. II, решение № 34) и т. п.

Общий принцип ответственности должника за неисполнение обязательства состоит в том, что ответственность наступает при условии вины должника. Однако в целях большей договорной дисциплины от кредитора не требуется доказательства вины должника; его вина предполагается, и чтобы освободиться от ответственности, должник должен доказать, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить, либо создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора (ст. 118 ГК). Уже в этом периоде практика судов и арбитражных комиссий усвоила принцип, согласно которому невозможность сама по себе не освобождает от обязательства, если она не вызвана таким обстоятельством, за которое должник не может нести ответственности. Так, в решении 31 января 1924 г. по делу Оренбургского губернского управления промышленностью с Оренбургским губпродкомом ВАК СТО¹ признала, что неисполнение губпродкомом обязательства отпуска муки из-за отсутствия мешков возлагает на него ответственность за убытки, хотя бы мешки не были получены в связи с перерывом железнодорожного движения: заготовлением мешков можно было бы озаботиться своевременно. В другом решении² ВАК не признала достаточным основанием для осво-

¹ Сб. IV 1924 г., решение № 329.

² Сб. II, 1924 г., решение № 47.

бождения от ответственности по договору, если выдать сено по договору оказалось невозможным ввиду того, что заготовленное сено испортилось осенью вследствие дурной погоды. Сборники решений арбитражных комиссий дают ряд примеров подобного рода.

Применяя постановления об ответственности за неисполнение обязательств, арбитражные комиссии разграничивают окончательное заключение желаемого договора и предварительное соглашение о заключении договора. «Предварительное соглашение, — говорится в решении ВАК ЭКОСО РСФСР¹, — отличается от законченного договора тем, что неисполнение предварительного соглашения обязывает виновную в том сторону возместить ущерб, понесенный стороной от незаключения впоследствии основного договора, в то время как неисполнение основного договора влечет ответственность за убытки, последовавшие от этого невыполнения».

Принадлежащее кредитору право требования рассматривается как составная часть имущества, подлежащая свободному переходу от одного лица к другому.

В практике арбитражных комиссий признается большое значение переуступки обязательственного права как одной из форм складывавшегося нового гражданского оборота между госорганами. ВАК СТО в одном из своих решений за 1925 г.² отмечает, что не признать передачу права требования одним госорганом другому значило бы «внести полную неустойчивость и неопределенность в обладании правами, возникшими вследствие законно состоявшейся передачи обязательств, подрывая роль и значение передачи таких в коммерческих отношениях госорганов, чем был бы нанесен весьма серьезный ущерб интересам торгового оборота, одним из необходимейших орудий которого является передача обязательств». Однако в отдельных случаях закон ограничивает переуступку права требования. Некоторые случаи переуступки требований получили особую регламентацию. Так, при действии (изданного в предыдущем периоде) железнодорожного устава 1920 г., не знавшего накладных на предъявителя, переуступка прав по накладным не допускалась. Новый устав 1922 г. (ст. 45)

¹ Сб. I(V) 1925 г., решение № 56.

² Сб. VII 1926 г., решение № 560.

допустил отправку грузов по предъявительской накладной. В соответствии с этим 27 июля 1923 г. было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О переуступке прав по накладным»¹. По вопросу о применении этого постановления были изданы циркуляр НКПС и НКЮ 9 октября 1923 г. № 216² и затем распоряжение НКПС 21 октября 1923 г., которыми дано указание, что переуступочные надписи могут делаться только на самих накладных, но не на дубликатах их. Постановлением СНК СССР 4 ноября 1924 г. «О переуступке прав по накладным»³ признано, что действующими законами не возбраняется передача права распоряжения грузом путем передаточной надписи не только на самой накладной, но и на дубликате именной накладной. Поэтому постановление СНК СССР 4 ноября 1924 г. признало действительными переуступки прав по накладным, совершенные в надлежащем порядке. Со времени введения в действие устава железных дорог РСФСР 1922 г., т. е. с 1 августа 1922 г., переуступки прав по относящимся к выкупленным уже грузополучателями грузам накладным, состоявшиеся после 30 сентября 1923 г., признаются действительными, поскольку они соответствуют требованиям постановления ЦИК и СНК СССР 27 июля 1923 г. Названные выше циркуляры НКПС и НКЮ 9 октября 1923 г. и распоряжение НКПС 21 октября 1923 г. тем же постановлением СНК СССР 4 ноября 1924 г. были отменены. В дальнейшем переуступка прав по накладным была вновь воспрещена в связи с изменениями, внесенными кредитной реформой в положение грузополучателя при акцептной форме расчетов.

Для данного периода, поскольку допускаются предъявительские накладные, допущена и переуступка именных накладных по переуступочной надписи; то же относится и к документу, которым оформляется перевозка водным транспортом — коносаменту (ст. 40 Таможенного устава СССР 12 декабря 1924 г.)⁴.

Один из предусмотренных Гражданским кодексом (ст. 129) способов прекращения обязательств, а именно зачет встречных однородных требований, нашел приме-

¹ СУ 1923 г. № 88, ст. 853.

² «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 41, стр. 954.

³ СЗ 1925 г. № 1, ст. 10.

⁴ СЗ 1925 г. № 5, ст. 53.

нение, в частности, в расчетах между государственными учреждениями, а также государственными, кооперативными и частнохозяйственными предприятиями. Декретом СНК РСФСР 3 июля 1923 г.¹, изданным в отмену Положения 7 августа 1922 г., при правлении и при учреждениях Государственного банка были открыты отделы взаимных расчетов, назначение которых заключалось в том, чтобы облегчить расчеты между государственными учреждениями, государственными, кооперативными и частнохозяйственными предприятиями (две последние группы могут состоять членами таких отделов только с согласия Государственного банка). Каждому члену отдела открывался в лицевых книгах условный текущий счет для взаимных расчетов, с которого никаких выдач наличными денежными знаками не производилось. Каждый из членов отдела получал специальную чековую книжку; этими чеками оформлялись взаимные претензии, возникавшие у членов отдела, причем никто из членов отдела не был вправе отказаться принять выписанный в порядке взаимных расчетов чек; но принимавший чек мог требовать предварительного его акцепта в отделе взаимных расчетов. Таким образом, на счет каждого члена отдела взаимных расчетов поступали, с одной стороны, чеки и приказы, выдававшиеся данному члену другими членами отдела, с другой стороны, чеки и приказы, выдававшиеся данным членом отдела. Зачет взаимных требований и происходил при помощи представленных каждым из членов чеков и приказов, выписанных другими членами.

Метод зачета взаимных претензий применялся также во взаимных расчетах НКПС с государственными учреждениями и предприятиями, возникших до 1 октября 1923 г. (декрет ЦИК и СНК СССР 14 ноября 1923 г.²; декрет СНК РСФСР 26 февраля 1924 г.³).

Следует отметить, как применялся в арбитражной практике институт новации. В основе ряда решений ВАК лежит мысль, что новация по сути дела не прекращает первоначальное обязательство, а только его видоизменяет. Отсюда ВАК приходит к заключению (в

¹ СУ 1923 г. № 64, ст. 629.

² СУ 1923 г. № 12, ст. 103.

³ СУ 1924 г. № 35, ст. 335.

решении 4 декабря 1922 г. по иску Владторга к Хлебопродукту), что для сторон и после новации договора путем заключения другого соглашения имеет силу первоначальный договор с изменениями, внесенными новым соглашением. ВАК не затрудняется признать, что если обязательство из купли-продажи новировано векселем, то при невзыскании по векселю можно искать по договору купли-продажи. Если новировано не существовавшее обязательство, допускается оспаривание нового обязательства в порядке ст. 32 ГК (решение ВАК 13 марта 1923 г. по иску Госторга к Верхневолголесу). Обратное ВАК признает силу за первоначальным обязательством, если заключенное в целях новации новое обязательство недействительно. (Решение ВАК 22 февраля 1923 г. по иску Химпромторга к Горторгу).

Гражданским кодексом предусмотрены в качестве форм обеспечения обязательств: задаток, неустойка, поручительство, залог. Из них получила наиболее широкое применение в жизни, несомненно, неустойка, причем в дальнейшем в отношении государственных предприятий неустойка получила значение даже обязательно включаемого в договор условия,

В практике Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР выражена совершенно определенно та мысль, что пеня за неисполнение арендатором своих обязанностей по договору может взыскиваться независимо от того, предусмотрена ли она данным арендным договором. Так, в определении по делу № 3822 — 1924 г. по иску МУНИ к кожевенному заводу «Ю. Штейнберг и К^о»¹ Гражданская кассационная коллегия признала соображение губсуда о том, что при отсутствии письменного договора арендатор не обязан платить пени, неправильным, отражающим чуждые нашему законодательству «тенденции фритредерского периода буржуазного хозяйства, сводящиеся к выдвиганию на первое место принципа договорной свободы». «Отношения между государством-арендодателем и арендаторами могут устанавливаться отнюдь не на почве свободного взаимного соглашения» (пени в данном случае ГКК правильно признает законной неустойкой на случай просрочки арендной платы). Служа средством понуждения должника к своевременному производству срочных платежей,

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 37, стр. 890.

пеня есть не что иное как неустойка (решение ВАК СТО¹).

Следует, однако, отметить, что практика арбитражных комиссий пошла по другому пути, признавая обязательство платить пеню только при наличии соответствующей оговорки в договоре.

Основной целью включения в договоры условия о неустойке является ограждение интересов контрагента (в случае нарушения договора другим контрагентом) путем фиксирования заранее убытков, причиненных нарушением. Добавочное значение неустойки состоит в том, что она способствует охранению силы заключаемых договоров и лишает сторону, обязавшуюся неустойкой, возможности безнаказанно нарушить договор, путем наложения на нее денежного штрафа в пользу другой стороны². Ст. 142 ГК предусматривает, что если подлежащая уплате неустойка чрезмерно велика по сравнению с действительными убытками кредитора, суд вправе, по просьбе должника, уменьшить неустойку, приняв во внимание степень выполнения обязательства должником, имущественное положение той и другой стороны, наконец, всякий заслуживающий уважения (не только имущественный) интерес кредитора. По истолкованию Гражданской кассационной коллегии Верховного суда УССР (определение по делу Харьковского ГСНХ, № 59 — 1924 г.³) снижение неустойки возможно как путем уменьшения установленной твердой суммы, так и путем изменения способа исчисления пени. Этим правом снижения размера неустойки суды пользовались не только по делам между гражданами, но и по делам между государственными и кооперативными организациями. Так, например, определением ГКК Верховного суда РСФСР по иску царицынского отдела Всероссийского товарищества «Шерсть» к Царицынскому губсоюзу⁴ было отменено решение губсуда о взыскании неустойки в 20% от стоимости непоставленной на сумму около 6 млн. руб. шерсти. В определении указано: истец, не получив платежа в договорный срок, уже на следующий

¹ Сб. III 1924 г., решение № 182.

² Сб. IV 1925 г., решение № 252.

³ «Вестник советской юстиции», 1924, № 18/28, стр. 607.

⁴ «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 22, стр. 516—517.

день продал шерсть в другие руки и получил ее цену еще через день; при таком положении взыскание с ответчика 20% значительной суммы договора означало бы неосновательное обогащение за счет государственного предприятия. ГКК Верховного суда РСФСР в своем определении от 20 декабря 1924 г. (по делу № 32686¹) дала даже специальное указание губсуду в том направлении, что «губсуд, имея в виду, что ответчик — госучреждение, должен был поставить перед собою вопрос, не является ли отыскиваемая истцом неустойка в виде пени чрезмерной и обсудить возможность применения ст. 142 ГК» (вне зависимости от ходатайства должника). В том же направлении шла и практика арбитражных комиссий².

Не очень широка сфера применения поручительства как формы обеспечения обязательства. В практике арбитражных комиссий чаще всего встречается близкая к этой форме форма обеспечения на почве отношений по так называемому договору рабочего кредитования.

Учреждение, подписывающее такой договор, дает гарантию выполнения долгового обязательства по кредиту со стороны коллектива сотрудников или отдельных членов этого последнего. При этом учреждение принимает в большинстве случаев на себя обязанность фактического сбора соответствующих взносов с отдельных должников — своих сотрудников и передачу их кредитующему предприятию. Но указанные обязанности не придают самой сделке характера непосредственного взаимоотношения между учреждением, сотрудники которого получают кредит, с одной стороны, и предприятием-кредитором, — с другой (решение ВАК при ЭКОСО от 3 ноября 1924 г.³).

В другом решении ВАК при СТО⁴ признала за поручительство гарантийное письмо, выданное председателем исполкома по закупке мануфактуры для сотрудников в порядке рабочего кредита и удостоверяющее, что товар должен быть отпущен работникам исполкома, а пред-

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 5, стр. 114.

² Например, в решении Высшей арбитражной комиссии при СТО № 148, опубликованном в сб. III 1924 г.

³ Сб. I(V) 1925 г., решение № 44.

⁴ Сб. VII 1926 г., решение № 568 (состоялось в 1925 г.).

седатель дает гарантию в своевременном погашении долга (контрагентами по договору купли-продажи признаны сотрудники).

2

В эпоху новой экономической политики значительно расширилась сфера применения важнейшего договора — купли-продажи. Этот договор приобрел большое значение в различных областях и в различных направлениях.

С одной стороны, в известных пределах получил признание «вольный рынок». Ст. 5 ГК признала право за каждым гражданином «организовывать промышленные и торговые предприятия с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда».

Крестьянам было предоставлено право свободной торговли продуктами сельского хозяйства, остающимися у них после выполнения натурального налога. Аналогичное право было признано за кустарями и мелкими промышленниками в отношении кустарных изделий.

С другой стороны, «в целях предоставления всем хозяйственным органам возможно большей самостоятельности при переходе на хозяйственный расчет и для предотвращения утечки необходимых для республики ресурсов» (декрет СНК РСФСР 27 октября 1921 г.¹) предоставлено государственным предприятиям, снятым со всех видов государственного снабжения, право (для оплаты труда рабочих и служащих, для заготовки сырья, топлива, для покрытия прочих расходов) реализовать их продукцию по рыночным ценам.

Таким образом, для применения договора купли-продажи открылся широкий простор.

В отношении государственной торговли необходимо назвать, прежде всего, декрет 5 августа 1921 г. о взимании платы за товары, отпускаемые государством для частного хозяйства². Это было первое признание в данной области выводов из новой экономической политики, а именно — принципа платности, который должен применяться при отпуске государственными

¹ СУ 1921 г. № 72, ст. 577.

² СУ 1921 г. № 59, ст. 394.

органами каких бы то ни было предметов как частным лицам и их объединениям, так и кооперативным организациям, причем цены на отпускаемые товары устанавливаются Комитетом цен при Народном комиссариате финансов.

Договор купли-продажи широко вошел в практику государственных предприятий. Государственные предприятия получили по декрету 27 октября 1921 г.¹ право реализации своей продукции или своих товарных фондов. При заключении таких договоров к госпредприятиям предъявляется требование удовлетворять желающих приобрести предметы их продукции не иначе, как с соблюдением следующей очередности: 1) государственные учреждения, 2) кооперативные организации, 3) частные организации и лица.

Право предприятий, целиком снятых с государственного снабжения, реализовать свою продукцию на рынке было подтверждено постановлением ВСНХ 6 февраля 1922 г.² При этом вновь подтверждено, что государство приобретает нужные ему от этих предприятий предметы в порядке преимущественного права покупки или по рыночным ценам или по договоренности.

2 января 1923 г. издан декрет СНК РСФСР «О мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий»³ Этим декретом устанавливалось, что государственные производственные и торговые учреждения и предприятия имеют право производить торговлю лишь предметами своего производства или предметами, торговля коими входит в круг их деятельности согласно уставов и положений о них; и, с другой стороны, названные учреждения и предприятия имеют право приобретать лишь предметы, необходимые для нужд производства, или предметы, производство торговли коими входит в круг их деятельности. Производить торговые операции при участии частных посредников государственные производственные и торговые учреждения и предприятия могли исключительно на следующих основаниях. Государственные учреждения могли обращаться к частному посредничеству только по

¹ СУ 1921 г. № 72, ст. 577.

² СУ 1922 г. № 16, ст. 155.

³ СУ 1923 г. № 14, ст. 173.

делам с частными лицами и учреждениями; сделки между государственными учреждениями при помощи частного посреднического аппарата воспрещались. Посредниками между государственными учреждениями и предприятиями, с одной стороны, и частными лицами и предприятиями, с другой, могли быть исключительно зарегистрированные в установленном порядке комиссионные предприятия. Лица, состоявшие на государственной службе и по своей должности совершавшие торговые сделки от имени государственного учреждения или предприятия, на службе которого состояли, не имели права на получение за это комиссионного вознаграждения. При регистрации внебиржевых сделок товарные биржи обязывались входить в рассмотрение вопроса о том, не противоречит ли регистрируемая сделка изложенным правилам, и при обнаружении нарушений закона сообщать о том немедленно Рабоче-крестьянской инспекции для принятия соответствующих мер.

К этому же кругу постановлений относится также декрет СНК РСФСР 19 июля 1921 года «О порядке приобретения советскими учреждениями и предприятиями продуктов продовольствия и фуража на «вольном рынке»¹: согласно этому декрету, если учреждение или предприятие не удовлетворялось из государственных заготовок, допускалось приобретение необходимых предметов на вольном рынке (под руководством Народного комиссариата продовольствия). В этом же смысле издан декрет СНК РСФСР 4 октября 1921 г.²

Государственные заготовки сырья были регламентированы постановлением ВЦИК и СТО 10 ноября 1921 г. По этому постановлению заготовка в порядке товарообмена и покупки всякого рода сырья для надобности промышленных предприятий возлагалась в первую очередь на Высший совет народного хозяйства (а для целей экспорта — на Народный комиссариат внешней торговли); другим государственным органам и кооперации предоставлялось самим заготавливать сырье для их нужд. Эти заготовки должны были осуществляться преимущественно через потребительскую кооперацию.

Наряду с этим, договоры купли-продажи были разрешены и отдельным гражданам и кооперативным объеди-

¹ СУ 1921 г. № 56, ст. 350.

² СУ 1921 г. № 68, ст. 527.

нениям (потребительским, сельскохозяйственным, кустарным). Эти договоры стали повседневно заключаться на рынках и базарах и в других местах, как с лотков и ларей, так и в закрытых торговых помещениях. Порядок производства торговли на рынках, базарах и других местах регулировался постановлениями и правилами, издававшимися исполнительными комитетами в пределах общих инструкций, издававшихся Народным комиссариатом продовольствия по соглашению с Народным комиссариатом внутренних дел и утверждавшихся Советом народных комиссаров (декрет СНК 24 января 1921 г. «Об обмене»¹).

Декретом СНК РСФСР 17 мая 1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации»² дано было, между прочим, указание — не стеснять крестьян, кустарей и мелких товаропроизводителей в свободном распоряжении производимым ими товаром за исключением товаров, производимых из сырья и материалов, предоставляемых государством на особых договорных условиях.

Таким образом, товарообмен получил значительное расширение как в рамках советской государственной торговли, так и на почве вольного рынка. В связи с этим, в постановлении IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.) по вопросам новой экономической политики, говорилось: «При дальнейшем проведении

¹ СУ 1921 г. № 40, ст. 212.

Декретом СНК РСФСР от 13 февраля 1925 г. «О мерах к облегчению производства мелкой торговли на базарах и рынках» (СУ 1925 г. № 50, ст. 382) было установлено, что участки земли, служившие для городских и сельских базаров и рынков, а также для базаров и рынков при станциях железных дорог или пристанях водных путей сообщения, не имевшие специального оборудования для производства на них торговли, не могли быть сдаваемы в аренду частным лицам и организациями для эксплуатации этих участков путем передачи в субаренду отдельных мест. Такие же земельные участки, но специально оборудованные для производства на них торговли, воспрещалось сдавать (полностью или частью) в аренду частным лицам и организациям для эксплуатации этих участков путем пересдачи в субаренду отдельных помещений и мест. Такая аренда могла быть предоставлена только общественным организациям (например, комитетам взаимопомощи). В договорах на аренду всей площади базара или рынка должны были указываться предельно-максимальные ставки, какие арендатор мог взимать с субарендатора.

² СУ 1921 г. № 47, ст. 230.

этой политики необходимо самым внимательным образом считаться с хозяйственной обстановкой, характерными чертами которой надо считать: 1) образование внутреннего рынка, как результат отказа от продрозверстки; 2) развитие денежного обмена. И то и другое есть непосредственный результат преобладания мелкого крестьянского хозяйства в стране... Рабоче-крестьянская власть путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процессов рынка экономических мероприятий должна взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения».

На основе этого принципиального положения был издан ряд нормативных актов, регулировавших договор купли-продажи в том направлении, чтобы сделки вольного рынка ввести в более ограниченные рамки и обеспечить преимущество за советской торговлей.

Что касается круга имуществ, способных быть предметом купли-продажи, то с этой точки зрения можно вообще разделить различные имущества на несколько категорий: некоторые имущества в полном смысле слова изъяты из оборота и не могут быть предметом купли-продажи; таковы: земля и другие национализированные имущества; другие имущества могут быть отчуждаемы, но только государством, как единственным их собственником (например, продажа леса на сруб); некоторые имущества были изъяты из оборота, но при наличии специального разрешения могли быть предметом купли-продажи; так, например, купля-продажа спирта и спиртных напитков, медикаментов, оружия, платины, благородных металлов, валюты и др. ограничивается специальными постановлениями¹.

Особенно важны специальные акты (некоторые из них были введены в качестве приложения к ст. 24 ГК), изданные по вопросу об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней, иностранной валюты. Декретом СНК РСФСР 4 апреля 1922 г.² отменялась

¹ Постановлением СТО 10 августа 1925 г. (СЗ 1925 г. № 56, ст. 420) государственным учреждениям и предприятиям запрещено производить всякую продажу на вольном рынке цветных металлов, их сплавов, лома и отбросов, а также неликвидных изделий из них и материалов, без разрешения комиссии по созданию специального фонда финансирования металлургии цветных металлов при президиуме ВСНХ СССР.

² СУ 1922, г. № 28, ст. 318.

обязательная сдача государству имеющегося у населения золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках, монете, а равно драгоценных камней и иностранной валюты, допускалось свободное распоряжение драгоценными металлами в изделиях и слитках и драгоценными камнями (за Государственным банком сохранено монопольное право на покупку и продажу золотой, серебряной и платиновой монеты и иностранной валюты).

Декретом ЦИК и СНК Союза ССР 6 июня 1924 г.¹ воспрещались торговля золотом, серебром, платиной и иностранной валютой и хранение их в 50-верстной пограничной полосе.

В отношении иностранной валюты этот запрет был вскоре отменен декретом ЦИК и СНК Союза ССР от 31 октября 1924 года², а затем и в остальной части — постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 11 июня 1926 года³.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 15 февраля 1923 года о валютных операциях⁴ было допущено совершение сделок по покупке и продаже золота и серебра в слитках, иностранной валюты, а равно чеков и векселей, выписанных в иностранной валюте, на следующих основаниях: покупка и продажа иностранной валюты и выписанных в иностранной валюте чеков и векселей совершаются или непосредственно на бирже (в порядке постановления СНК о фондовых биржевых операциях) или через кредитные учреждения (имеющие на то право); в пределах РСФСР и союзных республик все государственные и кооперативные учреждения и предприятия обязаны держать всю имеющуюся в их распоряжении иностранную валюту на текущем счете в Государственном банке или другом кредитном учреждении, имеющем право на производство валютных операций; частные лица и предприятия обязаны держать на текущем счете всю иностранную валюту, получаемую ими от каждой отдельной операции по экспорту товара. Описанный лишь в самых основных чертах порядок производства

¹ СУ 1924 № 74, ст. 743.

² СЗ 1924 г. № 17, ст. 159.

³ СЗ 1926 г. № 41, ст. 299.

⁴ СУ 1923 г. № 15, ст. 189.

валютных операций подробнее определен в постановлении НКФ и НКВТ 20 апреля 1923 г.¹

Специфическое ограничение введено для ограждения туземного населения некоторых окраин от торговой эксплуатации со стороны частного капитала. Так, в отношении северных окраин декрет ВЦИК и СНК 7 октября 1925 г.² постановил, что частный контрагентский аппарат временно может быть допущен только в районах, где центральные и местные организации, имеющие право заготовки продуктов и сырья, не имеют достаточно мощного собственного аппарата и где нельзя использовать для этой цели кооперацию. В отдельных районах частное посредничество вообще может быть воспрещено.

Особое внимание обращает на себя купля-продажа строений.

Общему смыслу новой экономической политики не соответствовало бы, разумеется, запрещение отчуждения строений. Поэтому декретом СНК РСФСР от 8 августа 1921 г.³ в изменение декрета СНК РСФСР 14 декабря 1917 г. о запрещении сделок с недвижимостью⁴ и в развитие декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах»⁵ разрешено возмездное отчуждение немуниципализированных строений их собственниками, с тем чтобы в руках одного лица не сосредоточивалось более одного владения, понимая под владением дом и примыкающие к нему жилые и служебные дворовые постройки (отчуждение строений, находящихся в сельских местностях и непосредственно связанных с земледельческим хозяйством, не разрешается; только в исключительных случаях такое отчуждение допускалось особым постановлением уездного исполнительного комитета по заключению уездного земельного отдела). Сделки по отчуждению немуниципализированных строений должны были совершаться в губернских отделах или уездных бюро юстиции (в за-

¹ СУ 1923 г. № 44, ст. 475.

См. также пост. СТО 27 июля 1922 (СУ 1922 г. № 48, ст. 604); пост. СНК СССР 29 июля 1923 (СУ 1923 г. № 85, ст. 833); пост. Президиума ЦИК и СНК СССР. 17 июля 1925 (СЗ 1925 г. № 45, ст. 330).

² СУ 1925 г. № 61, ст. 498.

³ СУ 1921 г. № 60, ст. 410.

⁴ СУ 1917 г. № 10, ст. 154.

⁵ СУ 1918 г. № 62, ст. 674.

всисимости от места нахождения строения); органы юстиции по совершении сделки направляли документы о сделке в коммунальный отдел соответствующего исполнительного комитета для регистрации сделки и выдачи сторонам акта о регистрации. Сделки, совершенные помимо губернского отдела или уездного бюро юстиции либо не зарегистрированные в коммунальном отделе, признавались недействительными (при выполнении описанного порядка сделка считалась вступившей в силу с момента ее заключения в отделе или бюро юстиции). Отделы и бюро юстиции обязаны были следить за тем, чтобы совершавшиеся сделки не включали условий, противоречащих существующим декретам. При совершении сделки заинтересованные стороны были обязаны представить справки от коммунального отдела: продавец — о том, что отчуждаемое имущество принадлежит ему и что в данной местности от имени его, его супруга и несовершеннолетних детей не совершалось актов отчуждения строений в течение трех предшествовавших лет; покупатель — о том, что он, его супруг и несовершеннолетние дети не владеют в данной местности каким-либо строением. Кроме того, отделы и бюро юстиции должны были при совершении сделки требовать подписки — от покупателя в том, что и ни в какой другой местности он, его супруг и несовершеннолетние дети не владеют ни одним строением, а от продавца — в том, что он, а равно вышеназванные члены его семьи в предшествующие три года не отчуждали строений в какой-либо другой местности. Введением этих ограничительных требований имелось в виду предупредить возможность спекуляции домами и сохранить потребительский характер собственности на дом.

Сделки, не удовлетворявшие этим условиям, признавались в судебном порядке недействительными по требованию как органов власти, так и любого гражданина; лица, виновные в нарушении или обходе изложенных правил, подлежали судебной ответственности.

Правила декрета 8 августа 1921 г. были восприняты Гражданским кодексом РСФСР (ст. 182)¹. Декретом

¹ Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 17 ноября 1924 г. (СУ 1924 г. № 88, ст. 889) коренным жителям Туркменской республики предоставлено право приобретать в городских поселениях и поселках этой республики не более двух домовладений на одну семью (ГК 182, прим.).

ВЦИК и СНК РСФСР 30 марта 1925 г. правила продажи строений были распространены и на zapродажу, т. е. на сделку о заключении в будущем купли-продажи строений¹. ГК УССР (ст. 182) допустил сосредоточение в одной семье до трех строений; продажа строения по ГК УССР допускается при условии, если от имени продавца (его супруга) и несовершеннолетних детей отчуждается не более одного строения в год.

Допущение в связи с переходом к новой экономической политике в известных пределах торговли сопровождалось признанием таких организаций, как биржи. Первоначально были признаны только товарные биржи (постановление СТО 23 августа 1922 г.², по УССР постановление СНК³). Товарные биржи должны были выявлять отношение спроса к предложению, облегчить и упорядочить товарообмен и связанные с ним товарные и торговые операции. Учреждались они комиссией по внутренней торговле при СТО и состояли в ее ведении. Но уже в 1922 г. декретом СНК РСФСР 20 октября 1922 г. «О фондовых биржевых операциях»⁴ Совету труда и обороны было предоставлено образовывать при торговых биржах фондовые отделы для торговли иностранной валютой, банкнотами, акциями и паями, ценными бумагами, драгоценными металлами в слитках. Покупка и продажа этих ценностей производились членами биржи, постоянными посетителями, фондовыми маклерами. С другой стороны, была проведена регламентация порядка производства торговли гражданами (декрет СНК РСФСР 19 июля 1921 г. — инструкция о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней⁵).

Что касается основного вопроса, вернее — цикла вопросов, вытекающих из договора купли-продажи, о правах и обязанностях сторон, то по характеру норм ГК 1922, относящихся к этому вопросу, можно заключить, что они в основном были рассчитаны на такие договоры, в которых сторонами или, по крайней мере, одной из сторон, являются граждане. При переходе

¹ СУ 1925 г. № 21, ст. 151.

² СУ 1922 г. № 54, ст. 684.

³ СУ УССР 1924 г. № 6, ст. 51.

⁴ СУ 1922 г. № 65, ст. 858.

СУ 1921 г. № 57, ст. 356.

предметов государственной собственности от одного госпредприятия к другому не приходится говорить о передаче имущества продавцом в собственность покупателя, ибо ни продавец, ни покупатель не являются собственниками этого имущества, являющегося собственностью всего государства в целом. Такие договоры в настоящее время¹ выделяются в особую группу, характеризующуюся двумя особыми признаками: 1) от одного госоргана к другому переходит управление продаваемым имуществом, а не право собственности на него и 2) продавец передает управление проданным имуществом покупателю на основе и во исполнении плана; покупатель принимает в управление купленное имущество в целях планового его использования. В ГК эти принципы еще не выявлены. Не выделяются в этот период договоры «купи-продажи» от одного госоргана другому и в практике как арбитражных комиссий, так и судов. Например, в решении Высшей арбитражной комиссии при СТО 2 мая 1923 г. по иску Орехово-Зуевского треста к государственной импортно-экспортной конторе Народного комиссариата внешней торговли «Госторг» вопрос об ответственности продавца за качество проданной вещи разрешается применительно к ст. 195 ГК². Точно так же ГКК Верховного суда РСФСР³ аналогичный вопрос разрешает на основании ст. ст. 195—196 ГК («запах керосина в муке мог быть обнаружен при самом принятии муки», недосмотр в этом отношении покупателя приводит к безответственности продавца).

Специфическую разновидность купли-продажи составлял договор поставки, в котором в данном периоде покупателем являлся государственный орган, поставщиком — частное лицо⁴. Поставки частных лиц на государство предусматривались декретом СНК РСФСР от 4 октября 1921 г. «О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлага-

¹ Гражданское право, учебник, 1944, т. II, стр. 4.

² Сб. III 1924 г., решение № 104.

³ «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 47, стр. 1460.

⁴ В разъяснении общеконсультационного подотдела НКЮ («Еженедельник советской юстиции», 1924, № 2, стр. 37) указывается шесть признаков отличия государственной поставки от государственной

емых на них государственными органами»¹. В части договоров поставки условия допустимости заключения советскими органами договоров с частными лицами и организациями о поставке тех или иных предметов определялись декретом (приведенным выше) от 4 октября 1921 г. о порядке приобретения советскими учреждениями и предприятиями необходимых им предметов на вольном рынке². Хозрасчетные предприятия были вправе обращаться к услугам поставщиков в порядке, установленном особыми постановлениями и инструкциями.

Порядок сдачи поставки и возникавшие из договора права и обязанности сторон определялись Положением о государственных подрядах и поставках. В течение рассматриваемого периода это Положение подвергалось неоднократным изменениям: изданное 30 сентября 1921 г.³, оно подвергалось частичным изменениям 23 января 1922 г.⁴, 4 июля 1922 г.⁵, затем полностью отменено и заменено Положением 27 июля 1923 г.⁶, в которое, в свою очередь, были внесены изменения постановлениями ЦИК и СНК СССР 12 сентября и 21 ноября 1924 г.⁷. Государственные подряды и поставки сдавались путем публичных торгов; этот порядок являлся безусловно обязательным только в отношении более крупных договоров (по Положению 1921 г. свыше 100 000 руб. дензнаками образца 1922 г., по Положению 1923 г. — свыше 10 000 руб. твердой валюты). Договоры заключались государственными учреждениями и предприяти-

купле-продажи: 1) способ заключения договора (публичные торги) 2) способ утверждения договора, 3) обязательность обеспечения (не менее 10% цены), 4) обязательная штрафная неустойка, 5) объект (только вещи, определяемые родовыми признаками), 6) более или менее продолжительный промежуток времени между днем заключения и днем исполнения договора. Поэтому примечание к ст. 137 ГК РСФСР, согласно которому регистрация сделок по купле-продаже на бирже приравнивается к нотариальному засвидетельствованию, к поставке не относится (примечание к ст. 137 ГК отменено 6 декабря 1929 г.).

¹ СУ 1921 г. № 68, ст. 529.

² СУ 1921 г. № 68, ст. 528.

³ СУ 1921 г. № 69, ст. 549.

⁴ СУ 1922 г. № 11, ст. 99.

⁵ СУ 1922 г. № 43, ст. 525.

⁶ СУ 1923 г. № 88, ст. 851.

⁷ СЗ 1924 г. № 11, ст. 105; № 26, ст. 221.

ями самостоятельно только до известной суммы (по Положению 1921 г. до 500 000 руб. дензнаками образца 1922 г., по Положению 1923 г. — до 150 000 руб., если соответствующим наркомом не установлена в инструктивном порядке обязательность представления на утверждение и договоров на меньшие суммы); договоры на сумму, превышавшую этот лимит, подлежали утверждению народного комиссара или президиума губернского (областного) исполнительного комитета¹. Отношения между государственным органом, сдававшим поставку, и поставщиком в основном определялись правилами ГК о купле-продаже с некоторыми лишь специфическими особенностями. По договору государственной поставки поставщик (продавец) обязывался доставить государству к определенному сроку известное количество вещей (товаров), определенных родовыми признаками, а государство обязывалось уплатить условленную цену в деньгах или в натуре. С неисправного поставщика орган государства взыскивал одновременно убытки и условленную неустойку. Положение (и 1921 г. и 1923 г.) допускало возможность авансирования поставщика условленными в договоре суммами в соответствии с организационными подготовительными расходами, действительно потребными для выполнения договора, но не свыше 25% цены договора (если поставщиком являлось государственное учреждение или предприятие, смешанное акционерное общество, кооперативная организация), аванс мог быть дан и в сумме, превышавшей 25% цены договора, но с тем, чтобы излишек сверх 25% был полностью обеспечен залогом (постановление ЦИК и СНК СССР 21 ноября 1924 г.²). Авансирование свыше 25% цены договора без обеспечения залогом суммы аванса, превышавшей 25%, допускалось в случае необходимости

---

¹ Порядок заключения договоров подряда и поставки органами НКПС был урегулирован декретом СНК 23 января 1922 г. (СУ 1922 г. № 11, ст. 99). Для всех вообще госорганов — инструкцией РКИ «О порядке публичных торгов на госуд. подряды и поставки» (М а л ь ц м а н, Законодательство о промышленности, т. I, 1923, стр. 250). 7 августа 1923 г. была утверждена СНК СССР инструкция о порядке публичных торгов на государственные подряды и поставки («Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», 1923, № 13, ст. 354).

² СЗ 1924 г. № 26, ст. 221.

проведения операций по заготовке сырья путем заключения договоров поставки с первичными кооперативами и мелкими поставщиками, при условии разрешения Народного комиссариата по внутренней торговле СССР (или союзных республик) и цены договора не свыше 5000 руб.

Сдача-приемка поставленных вещей производилась по Положению 1921 г. органом-заказчиком при участии Рабоче-крестьянской инспекции и сведущих лиц. Положение 1923 г. указывало лишь, что при приемке исполнения государственные учреждения и предприятия обязаны составлять подробный приемочный акт, который датируется днем окончания приемки и немедленно передается в копии поставщику. Наконец, оба положения предусматривали обязательное обеспечение поставки внесением залога в размере не менее 10 процентов цены договора¹; от представления залога могли быть освобождены выступающие в качестве поставщиков государственные учреждения или предприятия, смешанные акционерные общества, кооперативные организации (не ниже губернских). Претензии государства, вытекающие из поставки, удовлетворялись из имущества поставщика преимущественно перед всеми его долгами, за исключением недоимок по государственным налогам и сборам и задолженности по заработной плате рабочим и служащим. Договор должен был быть обеспечен еще и в форме неустойки в размере не менее 10% цены договора. В развитие положения 27 июля 1923 г. была издана 7 августа того же года инструкция СНК СССР о порядке публичных торгов на государственные подряды и поставки². Согласно этой инструкции, публичные торги могли производиться путем объявлений условий изустно, в запечатанных пакетах и по телеграфу (смешанные торги). Государственный орган, сдававший поставку или подряд, был обязан выработать проект предлагавшегося к заклю-

¹ Предметом залога могли быть деньги, благородные металлы (в слитках и изделиях), драгоценные камни, золотая и серебряная монета, облигации займов РСФСР, иностранная валюта и другое имущество (если оно удобно для хранения), строения, принадлежащие залогодателю на праве собственности (постановление НКФ от 13 марта 1922 г. — СУ 1922 г. № 24, ст. 267; постановление РКИ 14 ноября 1922 г. — СУ 1922 г. № 77, ст. 970).

² СУ 1924 г. № 16, ст. 141.

чению договора, заблаговременно объявить о торгах с указанием размера залога, требуемого для участия в торгах. Каждый желающий выступить на торгах должен был до начала их представить удостоверение личности, документы, удостоверяющие представление залога. Если соискатель до утверждения торгов отказывался подписать договор на условиях, предложенных им на торгах, государственный орган, сдававший подряд, был вправе обратить залог в свою пользу или искать возмещения причиненных убытков, оставив представленный залог в качестве обеспечения. Торги производились при объявившем их учреждении или предприятии особой торговой комиссией. Если по окончании торгов торговая комиссия признавала, что состоявшиеся торги невыгодны для государства, она назначала переторжку. На переторжку допускались конкуренты, как участвовавшие, так и не участвовавшие в торгах. Если на переторжку никто не явился или ее результаты оказывались менее выгодными для государства по сравнению с первоначальными торгами, оставались в силе эти первоначальные торги. Если торги вообще не состоялись, допускалась сдача поставки или подряда и без торгов. По утверждении торгов заключался договор с лицом, условия которого были признаны наиболее выгодными.

Согласно дополнительному к Положению постановлению ЦИК и СНК СССР 12 сентября 1924 г.¹, поставки и подряды между государственными органами, находившимися на государственном бюджете и хозяйственном расчете, а равно кооперативными организациями — центральными, областными и районными — заключались без производства торгов.

По общему правилу покупная цена должна уплачиваться сполна, притом одновременно с передачей имущества (ст. 188 ГК). Однако для некоторых специальных случаев, которые признаны заслуживающими особого поощрения был издан специальный закон о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа (декрет ВЦИК и СНК 10 октября 1923 г.)². Этот льготный декрет предусматривал розничную продажу с рассроч-

¹ СЗ 1924 г. № 11, ст. 105.

² СУ 1923 г. № 79, ст. 770.

кой платежа предметов домашнего обихода, ремесла, профессии, оборудования сельского хозяйства, домовладения, кооперативного и мелко-промышленного предприятия, но лишь в тех случаях, когда предмет продажи предназначался для длительного пользования покупателя, а не для иного назначения, например, потребления или перепродажи. Купля-продажа с рассрочкой платежа должна была совершаться под страхом недействительности с соблюдением следующих правил. Независимо от суммы, договор должен был совершаться в письменной форме и содержать в себе точное обозначение продаваемого имущества, его покупной цены, способа пользования имуществом, срока передачи, а также сроков и размеров платежей. До полной уплаты цены покупателю запрещалось перепродавать, закладывать или другим каким-нибудь способом передавать третьим лицам это имущество; не имел покупатель также права пользоваться имуществом такими способами, которые явно несвойственны природе имущества и вели к его бесхозяйственному уничтожению или порче. При невзносе покупателем трех последовательных платежей продавец, не желавший ограничиться взысканием их с прибавлением узаконенных процентов, был вправе потребовать уничтожения договора купли-продажи и возвращения проданного имущества, а также особой платы за пользование имуществом со дня передачи покупателю по день возвращения продавцу (в обычном для найма таких вещей размере). При этом в сумму этой особой платы засчитывались платежи, ранее произведенные покупателем по этому договору; если произведенные платежи превышали сумму, причитающуюся продавцу за пользование вещью, то излишек подлежал возвращению покупателю одновременно с возвращением имущества. Эта нормировка являлась льготной для покупателей, так как продавцу не давалось права взыскивать с неисправного покупателя все понесенные убытки.

Если покупатель не доплатил менее 40% общей стоимости проданного имущества, продавцу не принадлежало право на расторжение договора, — ему давалось только право потребовать единовременной уплаты всей недоплаченной суммы. В случаях уничтожения, утраты или существенной порчи проданного в рассрочку имущества, при обстоятельствах, не заключавших в себе незакон-

ного распоряжения покупателя проданным ему имуществом, продавец был вправе потребовать от покупателя единовременной уплаты всей недоплаченной суммы, за исключением лишь того случая, когда покупатель доказал, что уничтожение или порча имущества произошли вследствие обстоятельства, за которое он не отвечает; в этом последнем случае внесенные платежи остаются в пользу продавца, а покупатель от дальнейших платежей освобождался.

В дополнение к изложенному декрету 11 августа 1924 г. был издан декрет ЦИК и СНК СССР о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа сельскохозяйственных машин и орудий¹. Декрет относился к таким сделкам, когда сельскохозяйственные машины и орудия приобретались крестьянами и коллективными крестьянскими организациями (машинными товариществами, земледельческими артелями, сельскохозяйственными кооперативами производственного, не торгового характера) непосредственно для нужд собственного хозяйства от государственных и кооперативных организаций. Помимо специальных указаний о порядке совершения такого рода сделок, декрет постановлял, что обязательства, выдававшиеся крестьянами и коллективными крестьянскими хозяйствами при покупке с рассрочкой платежа сельскохозяйственных орудий, могли быть передаваемы по передаточным надписям, с тем что все надписатели несут солидарную ответственность наравне с покупателями машин. Взыскание по этим обязательствам производилось в порядке выдачи судебных приказов. В остальном и к этой специальной категории случаев применялись правила декрета 10 октября 1923 г.

В 1924 году III отдел НКЮ РСФСР разъяснил (за № 1150), что примечание к ст. 21 ГК, упразднив деление имущества на движимые и недвижимые, как различные категории имущества, дает формальную возможность распространить на строения нормы закона, относящиеся ко всем другим имуществом или предметам. В частности в названном разъяснении признавалось, что с точки зрения государственной целесообразности нет основания

---

¹ СУ 1924 г. № 70, ст. 693. Аналогично постановление ВУЦИК и СНК УССР 5 января 1925 г. (СУ УССР 1925 г. № 2, ст. 12).

не допускать продажи строений с рассрочкой платежа на продолжительный срок. Наоборот, указывает НКЮ, возможность приобретать жилые строения с выплатой их стоимости путем ежемесячных платежей могло бы только содействовать уменьшению количества бесхозных старых домов и послужило бы лишним фактором строительства новых домов¹. Это разъяснение нужно понимать так, что стороны могут согласиться о рассрочке платежа, но это соглашение не дает все-таки основания применить в этом случае специфические нормы о купле-продаже с рассрочкой платежа: этот закон, как закон специальный, распространительному толкованию не подлежит; буквальным же текстом его купля-продажа строений не охватывается («предметы домовладения», упоминаемые в законе 10 октября 1923 г., никак не могут означать и «строения»). В соответствующем украинском законе (пост. Всеукраинского ЦИК и СНК 3 октября 1924 г.²) даже прямо оговорено, что не подходят под действие закона о купле-продаже с рассрочкой платежа «строения, предприятия, живой инвентарь, ценные бумаги».

Специальные нормы изданы относительно отчуждения местными советами муниципализированных строений. Основным законодательным актом по этому вопросу является декрет ВЦИК и СНК РСФСР 21 августа 1924 г.³. Допускается отчуждение муниципализированных строений только двух категорий: 1) настолько запущенных, что восстановление или капитальный ремонт строения требует затраты не менее 30% стоимости и 2) маломерных строений, жилая площадь которых не превышает определенных норм (от 25 до 100 кв. метр.). Но и отнесенные к этим категориям муниципализированные строения могут быть отчуждаемы только при условии, что сдать эти строения в аренду или на праве застройки, а также использовать их для нужд жилищного рабочего строительства — невозможно. Продажа таких строений производилась на основании соответствующего постановления губернского (областного) исполнительного комитета в порядке публичных торгов.

В развитие этого декрета была издана инструкция

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 7, стр. 168.

² СУ УССР 1924 г. № 40, ст. 261.

³ СУ 1924 г. № 71, ст. 697.

Народных комиссариатов внутренних дел и юстиции 11 сентября 1924 г.¹ В инструкции подчеркивалось, что основной момент заключается в хозяйственной нецелесообразности оставления строения в непосредственной эксплуатации органов местного хозяйства; этот момент в отношении маломерных строений может быть установлен независимо от состояния, в котором строение находится; в отношении строения с жилой площадью, превышающей названные выше нормы, необходимым условием является такое состояние строения, что требуется значительный расход по его восстановлению. На отделы местного хозяйства (коммунальные отделы) возлагалась обязанность развить кампанию по сдаче домов в аренду или на праве застройки, установить при этом особо льготные условия для рабочей строительной кооперации, и только когда вся эта кампания не дает успеха, входить с представлением о продаже строения. Окончательное разрешение продажи муниципализированного строения входило в компетенцию Главного управления коммунального хозяйства НКВД, причем сделанное этим управлением возражение против продажи (если оно последовало в 2-недельный срок по получении сообщения о постановке исполнительным комитетом вопроса о продаже строения) приостанавливало продажу. Впрочем, местный исполнительный комитет мог и не согласиться с мнением НКВД, и тогда вопрос решался Экономическим совещанием РСФСР.

Интересно отметить еще специальное постановление Народного комиссариата просвещения 25 апреля 1924 г.² — Правила аукционной продажи и торговли антикварно-художественными предметами. Правила преследовали двоякую цель: с одной стороны, охрану антикварно-художественных предметов от гибели, порчи и т. д., с другой — устранение излишних стеснений для владельцев таких предметов. В целях обеспечения контроля за распоряжениями антикварно-художественными предметами, постановление 25 апреля 1924 г. обязывало владельцев торговых предприятий, а также администрацию аукционных зал и т. п. учреждений вести книгу поступлений, в которую заносить приоб-

¹ СУ 1924 г. № 77, ст. 780.

² СУ 1924 г. № 51, ст. 480.

ретаемые или поступающие к ним на продажу антикварно-художественные предметы. Помимо этого, владельцы торговых предприятий и администрация аукционных зал должны были иметь книгу контрольных посещений торговых помещений представителями Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины.

Особой регламентации подвергнуты внешнеторговые сделки в связи с государственной монополией в этой области. В частности, постановлением Народного комиссариата внешней торговли 10 ноября 1922 г.¹ установлено, что для производства импортно-экспортных операций нужно иметь лицензию (разрешение) этого Наркомата. Декретом ВЦИК и СНК 12 апреля 1923 г.² предусматривается, что производственные государственные предприятия и их объединения, перешедшие на коммерческий расчет, получающие право совершения торговых операций на внешних рынках на основании декрета 16 октября 1922 г., могут продавать за границей только предметы своего производства и покупать лишь предметы, необходимые для собственного производства. Перепродажа этими предприятиями купленных за границей товаров, а равно продажа ими за границей купленных в России товаров воспрещается. Отдельным производственным государственным предприятиям и их объединениям, являющимся исключительными потребителями определенных импортных товаров, может быть предоставлено монопольное право закупки этих товаров за границей и ввоза их в пределы РСФСР. Совершение в порядке декрета 16 октября 1922 г.³ самостоятельных импортных операций чисто торговыми государственными органами не допускается.

Гражданский кодекс выделяет в самостоятельную категорию договор мены.

Договор мены получил в рассматриваемом периоде признание еще до издания ГК: декретом СНК РСФСР 24 мая 1921 г. «Об обмене»⁴ был разрешен крестьянам и кустарям товарообмен с государством. В отличие от товарообмена предыдущего периода, это — уже настоящая гражданско-правовая сделка мены: отношение

¹ СУ 1922 г. № 76, ст. 945.

² СУ 1923 г. № 31, ст. 343.

³ СУ 1922 г. № 65, ст. 846.

⁴ СУ 1921 г. № 40, ст. 212.

обмена устанавливается по свободному соглашению сторон; если крестьянин предпочитает продать свои хлебные излишки на базаре, он волен поступить именно так, обязательности товарообмена декрет 24 мая 1921 г. не устанавливает.

Для производства непосредственного товарообмена с теми, кто пожелает этого, образуется товарообменный фонд РСФСР из продуктов, изготовляемых хозяйственными органами советской власти (народными комиссариатами, главками, центрами, заводоуправлениями и т. д.) или находящихся в их распоряжении. Этот товарообменный фонд РСФСР находится в ведении Народного комиссариата продовольствия и обращается им в обмен преимущественно через кооперативные организации, а в отдельных случаях и через частных лиц, действующих на комиссионных началах, каждый раз с доведением до сведения Всероссийского Центрального союза потребительских обществ согласно договора с ним, заключенного Народным комиссариатом продовольствия.

Такой же порядок снабжения предусматривается декретом СНК РСФСР 12 апреля 1921 г. «О снабжении РСФСР хлебо-фуражом»¹. По этому декрету обмен должен производиться на товар, закупленный за границей. Декрет СНК РСФСР от 13 декабря 1921 г. «О заготовке сырья в голодающих губерниях»² также предписывает, наряду с закупкой сырья у населения неурожайных губерний, организовать приобретение сырья путем обмена на продовольствие.

Широко применяется в этот период договор мены и в отношениях между госорганами: непосредственный товарообмен между госпредприятиями был запрещен лишь позднее, в связи с кредитной реформой. Примеры таких договоров мены можно нередко встретить в практике арбитражных комиссий; например, решение № 138 — 1924 г. (сб. III): Московское объединение хлопчатобумажных фабрик заключило договор с Всеукраинским правлением селянских будынок о доставке 20 000 пудов ржи и 10 000 пудов овса в обмен на мануфактуру, считая по 10 аршин миткаля за 1 пуд ржи и 7 аршин миткаля за 1 пуд овса; решение № 525 — 1926 г. (сб. II/VI): Лесозаготовительная контора Нижегород-

¹ СУ 1921 г. № 34, ст. 181.

² СУ 1922 г. № 1, ст. 2.

ского губернского СНХ заключила договор с Нефтесиндикатом о покупке мазута с расчетом лесоматериалами; решение № 555—1926 г. (сб. II/VI): договор Северолеса с Наркомпродом об обмене лесных материалов на керосин и мн. др.¹.

Изложенный (далеко не полный) законодательный материал, относящийся к регулированию договоров купли-продажи и мены, позволяет заключить, что, допустив в известных пределах частную торговлю, государство не выпустило от себя зоркого контроля и руководства этой торговлей. В силу экономических условий государство пошло на то, что продавать могут не только советские торговые и другие организации, не только кооперативные объединения, но также граждане и их объединения. Но закон подходит к возникающей на этой почве борьбе советской и частной торговли так, чтобы обеспечить победу за советской торговлей. Проводя ряд ограничений купли-продажи по характеру предметов продажи, закон тем самым изымает из области договорного регулирования такие случаи купли-продажи, которые могли бы оказаться не в соответствии с советской политикой (например, в области валютных сделок); с другой стороны, устанавливая для некоторых категорий отношений специфические нормы, закон имеет целью не дать частнику чрезмерных выгод и каких-либо преимуществ (например, регламентация поставок государству).

3

Ст. 138 ГК (в первоначальной своей редакции) допустила дарение, т. е. договор о безвозмездной уступке имущества, только на сумму до 10 000 руб. золотом; дарение свыше этой суммы признается недействительным. При этом в отношении более крупных дарений (свыше 1000 руб.) установлена нотариальная форма под страхом недействительности договора.

Основанием для ограничения дарений служит то соображение, что дарение, как правило, не принадлежит к числу сделок, которые могут способствовать развитию производительных сил страны (ст. 4 ГК); с другой стороны, в безвозмездной уступке имуще-

¹ В решении № 109—1924 г. (сб. III) признана допустимой оплата перевозки грузов поставкой рыбы.

ства трудно в большинстве случаев усмотреть пользование имуществом (со стороны дарителя), соответствующее социально-хозяйственному назначению имущества (ст. 1 ГК). Безвозмездный переход имущества не только не нужен для хозяйственной жизни, он может даже сбивать все планы, все перспективы. Дарение может привести к дроблению имущества, что не соответствует интересам государства. Мелкие дарения законом допускаются по соображениям практического характера: безусловный запрет всякого, даже ничтожного по сумме дарения неизбежно привел бы к многочисленным нарушениям закона; борьба с этими нарушениями была связана для государства с такими затруднениями, которых не окупило бы положительное значение запрета.

Наряду с наследованием, дарение было обложено специальным налогом на тех же принципиальных основаниях, но в несколько меньших размерах: налог с имущества, переходящих по актам дарения, взимается, если сумма дарения превышает 1000 руб., и берется (в зависимости от суммы) в размере от 1 до 10% (декрет ВЦИК и СНК РСФСР 12 января 1925 г.¹). Налог исчисляется со всей даримой суммы, независимо от числа лиц одаряемых (декрет ВЦИК и СНК РСФСР 4 мая 1925 г.²).

В этой же связи нужно назвать постановление Президиума ЦИК СССР 7 августа 1925 г.³, которым разрешено производство добровольных сборов и пожертвований в пользу некоторых организаций (Союза обществ друзей авиационной и химической промышленности и обороны СССР; Международной организации помощи борцам революции).

4

Очень широкое применение в жизни получил договор имущественного найма. Особенно важны две его разновидности: аренда государственных предприятий и наем жилых помещений. Еще до издания Гражданского кодекса был издан декрет СНК РСФСР

¹ СУ 1925 г. № 7, ст. 47.

² СУ 1925 г. № 28, ст. 202.

³ СЗ 1925 г. № 52, ст. 388.

5 июля 1921 г. о порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ЕСНХ¹. Этим декретом была допущена сдача государственных промышленных предприятий в арендное пользование кооперативам, всякого рода объединениям, отдельным гражданам, причем досрочное прекращение договорных отношений (при отсутствии взаимного на то согласия сторон) было возможно только по суду. Сдавая предприятие, государство не брало на себя никаких обязательств по снабжению самого предприятия или его работников. Какие категории предприятий можно было использовать в порядке сдачи в аренду, кому из претендентов на аренду должно отдаваться предпочтение, а также более подробное определение взаимных прав и обязанностей сторон, было регламентировано инструкцией Высшего совета народного хозяйства².

Характерен изданный ВЦИК 25 августа 1921 г. декрет о воспрещении расторжения договоров об аренде государственных предприятий³. Декрет констатирует тот факт, что на местах не все органы советской власти усвоили основы новой экономической политики и значение договоров, заключаемых органами советской власти в целях скорейшего развития производительных сил. Непонимание новых отношений влечет за собой нередко нарушение договорных обязательств и одностороннее расторжение договора. Президиум ВЦИК, «стремясь положить конец колебаниям и неуверенности в твердости нового курса экономической политики советской власти, имеющей своей задачей возможно большее производство материальных благ всеми средствами», категорически требует неуклонного соблюдения арендных договоров и напоминает, что дальнейшая национализация предприятий возможна только по особому постановлению высших центральных органов и что наблюдаемые на местах факты конфискации и реквизиции предприятий должны быть изжиты.

---

¹ СУ 1921 г. № 53; ст. 313.

² Ее текст дан в сборнике М а л ь ц м а н а «Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте», 1923, стр. 224 — 231. Порядок сдачи предприятий в аренду был затем изменен декретом СНК СССР 18 сентября 1923 г. (СУ 1923 г. № 100, ст. 996).

³ СУ 1921 г. № 62, ст. 455.

Подтверждая таким образом прочность договорных отношений и недопустимость произвольного их расторжения, правительство, с другой стороны, принимает меры к обеспечению аккуратного исполнения арендаторами принятых на себя обязательств. С этой целью была, в частности, издача инструкция ВСНХ «О порядке и формах контроля над выполнением обязательств, принятых арендаторами перед государством»¹.

От арендатора требуется хозяйственное отношение к арендованному предприятию. Судебная практика, например, признала, что установление факта распродажи арендатором оборудования предприятия, вследствие чего производительность предприятия снизилась, служит основанием, в силу ст. ст. 1 и 4 ГК, для расторжения договора (определение ГKK Верховного суда РСФСР, дело № 32471—1928 г.²).

В отношении найма жилых помещений законодательство этого периода, ввиду имевших место в предыдущие годы больших разрушений жилищного фонда и обострения в связи с этим жилищного голода, стремится спасти жилищный фонд от дальнейшего разрушения. С этой целью издаются специальные нормы, требующие от нанимателей жилых помещений заботливого отношения к помещению, принятия необходимых мер, обеспечивающих его сохранность, поощряется активность населения в этом направлении. Так, еще до издания Гражданского кодекса декретом СНК РСФСР 23 января 1923 г. «Об ответственности граждан и администрации учреждений за сохранность занимаемых помещений»³ на съемщика помещения была возложена ответственность за содержание помещения в сохранности. Декрет требовал, чтобы помещение передавалось в пользование (гражданину или учреждению) не иначе, как по составлении акта о состоянии имущества и точно так же при освобождении помещения оно сдавалось опять по акту.

В связи с расстройством коммунального хозяйства, не позволявшим произвести необходимый ремонт жилищного фонда силами коммунальных отделов, был издан декрет СНК РСФСР 18 июля 1921 г. «О привлече-

¹ См. названный сборник Мальцмана, стр. 232—233.

² «Судебная практика», 1928, № 24, стр. 3.

³ СУ 1922 г. № 11, ст. 101.

нии населения к ремонту водопровода, канализации, газового и центрального отопления в муниципализированных домах»¹. Этим декретом съемщикам помещений в муниципализированных домах было предоставлено право собственными силами и средствами производить указанные виды ремонта. Лица, произведшие ремонт, не подлежали в течение трех лет выселению, если только они содержали помещения в исправности.

Забота о сохранении жилищного фонда привела, далее, к изменениям в вопросе о квартирной плате за снимаемые жилые помещения. Регламентация квартирной платы начинает строиться по принципу самоокупаемости сдаваемых помещений. В особенности четко выражен этот принцип в декрете 1 июня 1925 г.². Необходимая для этого средняя квартирная плата варьируется затем по классовому принципу и другим признакам. Наряду с этим (и отчасти в тех же видах) законодательство ставит своей задачей обеспечить спокойное пользование каждым трудящимся его жилым помещением. В этом направлении важное значение имеют попытки точной регламентации тех исключительных случаев, когда приходится выселять граждан в административном порядке из занимаемых ими помещений; при этом законодательство не ограничивается составлением исчерпывающего перечня таких исключительных случаев, но и предусматривает обеспечение выселяемых трудящихся новыми жилищами.

Устойчивость положения съемщика обеспечивается также проведенным в ГК³ общим принципом (ст. 169): договор имущественного найма сохраняет свою силу и в отношении того лица, к которому за время действия договора перейдет от наймодателя право собственности на имущество, составляющее предмет найма. Социальное значение договора приводит в этом случае к отступлению от общего принципа действия обязательственного договора лишь в отношении сторон по этому договору.

¹ СУ 1921 г. № 56, ст. 355.

² СУ 1925 г. № 39, ст. 275.

³ До издания Гражданского кодекса в судебной практике находил применение принцип: если собственник имущества лишается по закону права на это имущество, утрачивает силу и право арендатора (определение Высшего судебного контроля по делу № 238—1922 г. «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 16, стр. 11).

В 1924 г., однако, из принципа ст. 169 было допущено одно исключение в целях создания заинтересованности граждан в приобретении строений, которые местными советами признавалось целесообразным демунципализировать. Именно — гражданину, приобретшему жилое строение по демунципализации, предоставлялось право по истечении 4 месяцев после демунципализации требовать в общеисковом порядке предоставления ему и членам его семьи жилой площади в демунципализированном строении по установленным санитарным нормам.

Для того, чтобы поощрить частную инициативу в жилищном строительстве были введены некоторые исключительные нормы для застройщиков. Во-первых, договоры найма жилых помещений в домах застройщиков, даже если нанимателями являются трудящиеся (в интересах которых советское правительство установило определенные ставки квартирной платы), могут заключаться на условиях, определяемых свободным соглашением застройщика и съемщика (декрет ВЦИК и СНК 8 декабря 1924 г.¹). Во-вторых, на лиц, живущих в домах, вновь возведенных, а равно достроенных и восстановленных застройщиками, не распространяется действовавшее тогда общее правило ст. 155 ГК, по которому в тех случаях, когда нанимателем является трудящийся, право прекратить в любое время действие договора, заключенного на неопределенный срок, принадлежит только нанимателю; наймодатель же может потребовать расторжения договора при наличии определенных в законе оснований для этого (неплатеж квартирной платы и т. п.); застройщики могут по истечении срока договора, а при договоре на неопределенный срок — в любое время, прекратить действие договора, предупредив лишь о том в установленный срок другую сторону (декрет ВЦИК и СНК РСФСР 6 июня 1925 г.²).

Наем нежилых помещений менее привлекает к себе внимание законодателя. В этой области практика арбитражных комиссий нередко выправляла шероховатости, возникавшие в жизни. Так, например, по одному

---

¹ СУ 1924 г. № 90, ст. 914.

² СУ 1925 г. № 42, ст. 305.

делу, рассмотренному Арбитражной комиссией в 1925г.¹, оказалось, что размер арендной платы за снимаемое таможенной складочное помещение был определен в договоре суммой поступающего в таможенную складочного сбора, который должен в начале каждого месяца передаваться сдатчику. ВАК СТО правильно признала такой способ определения арендной платы незаконным, так как складочный сбор, как один из видов общегосударственных доходов, не может в договорном порядке быть направлен по какому-либо назначению, помимо финорганов.

5

К числу довольно распространенных договоров в данном периоде следует отнести договор подряда. Особенностью этого договора в период нэпа является то, что в качестве подрядчиков выступают граждане и их объединения, нередко даже при исполнении работ для государства.

Постановления Гражданского кодекса о подряде были рассчитаны, главным образом, на договоры между гражданами (хотя особая категория бытового подряда не выделена). При этом отношения сторон определяются под знаком характерной особенности подряда — самостоятельного положения подрядчика, выполнения заказа за свой риск и, как правило, своим иждивением. При определении прав и обязанностей сторон учитывается также то обстоятельство, что подрядчик является специалистом этого дела и потому не только должен правильно вести работу, но и предупреждать заказчика о последствиях даваемых последним неправильных указаний; исполнение указаний заказчика без предупреждения последнего о неправильности его указаний возлагает на подрядчика ответственность за результат.

Договоры, в которых заказчиком являлась государственная организация, регламентировались изложенным выше (в связи с договором поставки) Положением о государственных подрядах и поставках. Это Положение имело целью регламентировать, главным образом, договоры между государственной организацией, как заказчиком, и частным подрядчиком. Допустимость та-

¹ Сб. VII 1926 г., решение № 557.

ких договоров видна из декрета СНК РСФСР от 4 октября 1921 г. «О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами»¹. Краткая вводная часть декрета мотивировала его издание необходимостью обеспечить наибольший успех в осуществлении государственных программ и заданий; ст. 1 этого декрета, разрешая подрядный способ выполнения работ, рекомендовала учреждениям, прибегавшим к этому способу, «сообразоваться со всеми ресурсами и выгодностью того или иного способа работ».

В рассматриваемом периоде законодательство еще не содержало подробной регламентации договора подряда в капитальном строительстве. Можно отметить только два законодательных акта, относящихся к этой области: декрет СНК РСФСР 1 августа 1924 г.², преподавший основные положения по составлению договоров для постройки и эксплуатации электрических станций местного значения товариществами по электроснабжению с ограниченной ответственностью, и декрет СНК РСФСР 24 апреля 1924 г.³ — о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, в части, относящейся к охране труда, а также инструкцию ЭКОСО РСФСР 13 июня 1925 г.⁴ по применению этого декрета.

6

В Гражданском кодексе на данном отрезке времени еще не было регламентации комиссионных сделок (регламентирован был только договор поручения; раздел о договоре комиссии был введен лишь в следующем периоде). Но в жизни эти сделки имели место и в первые годы нэпа, хотя и не были даже тогда поощряемы; советское правительство уже тогда стремится организовать непосредственный товарообмен между производителем и потребителем, устраняя всякого рода торговых посредников. На допустимость договора комиссии имеется косвенное указание в упоминавшемся выше декрете СНК от 24 мая 1921 г. «Об обмене». Именно, опреде-

¹ СУ 1921 г. № 68, ст. 529.

² СУ 1924 г. № 80, ст. 799.

³ СУ 1924 г. № 49, ст. 463.

⁴ СУ 1925 г. № 63, ст. 508.

для порядок использования товарообменного фонда, этот декрет постановлял, что товарообменный фонд обращается в обмен в отдельных случаях через частных лиц, действующих на комиссионных началах. Какой-либо регламентации таких комиссионных сделок в этом декрете не содержалось. Имелись также частные указания закона о торговом посредничестве. Законодательное урегулирование торгового посредничества с переходом к новой экономической политике стало действительно необходимым.

Необходимо было, конечно, чтобы сделки, совершаемые через посредников, не приносили убытков государству (приказ по ВСНХ № 52 от 17 февраля 1922 г.¹).

Декрет СНК РСФСР 2 января 1923 г. «Положение о порядке учреждения и регистрации комиссионных предприятий»² устанавливал, что всякого рода комиссионные поручения в виде промысла могут исполнять исключительно зарегистрированные в установленном порядке комиссионные предприятия. Такие предприятия находятся под общим наблюдением Комиссии по внутренней торговле при СТО и ближайшим наблюдением соответствующего губернского экономического совещания. Комиссионные предприятия допускаются в форме акционерных обществ, товариществ полных и на вере, а также единоличных торговых предприятий (с соблюдением установленных правил о порядке возникновения предприятий соответствующих типов).

Одновременно изданным декретом СНК РСФСР 2 января 1923 г. «О мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий»³, ставятся серьезные ограничения для пользования со стороны государственных производственных и торговых учреждений и предприятий услугами частных посредников. Именно государственные учреждения и предприятия могли производить торговые операции при участии частных посредников исключительно на следующих основаниях. Государственные учреждения могли обращаться к частному посредничеству только по делам с частными лицами и учреждениями; сделки между государственными

¹ См. цитир. выше сборник М а л ь ц м а н а, стр. 295.

² СУ 1923 г. № 2, ст. 23.

³ СУ 1923 г. № 14, ст. 173.

ми учреждениями при помощи частного посреднического аппарата воспрещались. Посредниками между государственным учреждением и предприятием, с одной стороны, и частными лицами и предприятиями, с другой, могли быть исключительно зарегистрированные в установленном порядке комиссионные предприятия. Лица состоявшие на государственной службе и по своей должности совершавшие торговые сделки от имени государственного учреждения или предприятия, на службе которого они состояли, не имели права на получение за то комиссионного вознаграждения. Государственным учреждениям и предприятиям разрешалось организовать в случае надобности собственный комиссионный аппарат, а также иметь коммивояжеров на договорных началах согласно особого о них положения.

Упомянутое в этом декрете различие комиссионера-частного лица и комиссионера-госоргана лежит в основании разъяснения общеконсультационного отдела НКЮ РСФСР 17. апреля 1924 г. Так, НКЮ разъяснял, что соглашение, при котором вознаграждение должно определяться разницей сверх установленного лимита, в отношении частного лица незаконно, так как такая сделка была бы направлена к явному ущербу для государства. По тому же соображению, а также для предупреждения усиления позиции частного капитала, названное разъяснение НКЮ не признавало за комиссионером-частным лицом права выступить в качестве самостоятельного контрагента; наоборот, допустимо обязательство комиссионера оставить товар за собой по определенной цене, если цена на товар понижается.

Декрет СНК РСФСР 2 января 1923 г.¹ регламентировал деятельность коммивояжеров государственных торговых и промышленных предприятий, которым было разрешено пользоваться услугами коммивояжеров в целях расширения сбыта своих товаров. Основные положения этой регламентации сводятся к следующему.

Государственное предприятие обязано заключить с коммивояжером специальный договор, по которому коммивояжер обязывается продавать от имени предприятия в определенном в договоре районе товары предприятия и принимать на имя предприятия заказы по данным

---

¹ СУ 1923 г. № I, ст. 19.

коммивояжеру образцам и ассортиментам, по преysкуранным ценам предприятия и согласно полученным указаниям. Выполнение коммивояжерских обязанностей не могут принимать на себя лица, состоящие на государственной службе. Коммивояжер отвечает перед государственным предприятием за все убытки по сделкам, совершенным им вопреки заключенного договора или полученных им инструкций (в обеспечение исправного выполнения возложенных на коммивояжера поручений может быть обусловлено внесение коммивояжером определенного залога). Коммивояжер государственного учреждения или предприятия не вправе производить одновременно торговую деятельность за свой счет и за счет других частных предприятий. Одновременная деятельность коммивояжера за счет нескольких государственных предприятий разрешается исключительно по специальному соглашению этих предприятий. Коммивояжер не имеет права без особого письменного разрешения государственного предприятия оказывать кредит покупателям и заказчикам и инкассировать суммы, причитающиеся от них государственному предприятию по заключенным сделкам. При заключении сделок с государственными учреждениями и предприятиями и кооперативными организациями коммивояжер обязан обращаться непосредственно к покупателю или заказчику, не прибегая к помощи частных посредников. Вознаграждение коммивояжеру должно быть точно указано в договоре и исчислено в процентном отношении к сумме счетов по принятым при его посредстве заказам или по проданному при его посредстве товару (и ни в какой другой форме).

Особо надо упомянуть о биржевом маклере. Это — должностное лицо биржи, обязанности которого заключались в исполнении поручений (приказов) членов и посетителей биржи на совершение биржевых сделок путем подыскания контрагентов, в составлении маклерских записок и представлении совершавшихся им сделок к регистрации в биржевом собрании. Биржевой маклер не имел права производить на бирже или вне ее какие-либо торговые операции от своего имени или за свой счет (как лично, так и через представителя). Биржевой маклер не мог участвовать в торговых и промышленных предприятиях в качестве полного товарища, вкладчика, пайщика, акционера и, состоя на службе у биржи, не

имел права одновременно состоять на службе где бы то ни было. Маклер был обязан хранить тайну операций клиентов; сведения об этих операциях он мог сообщать только по требованию прокурорского надзора, судебных и следственных властей и биржевого комитета. Сделка, заключенная при участии биржевого маклера, излагалась им в виде маклерской записки.

Наконец законодательство данного периода предусматривало еще категорию торговых агентов (постановление ЦИК и СНК СССР 29 октября 1925 г. «О торговых агентах»¹). Торговыми агентами признавались лица (физические или юридические), которые, не состоя на службе в торговом или промышленном предприятии, оказывали ему содействие по заключению торговых сделок или совершали торговые действия от его имени. Торговый агент был вправе заключать сделки от имени обслуживаемого им предприятия в том лишь случае, если у него имелось на то полномочие в письменной форме (в этом разница в его положении по сравнению с коммивояжером).

Между предприятием и торговым агентом заключался договор, который облекался в письменную форму под страхом недействительности. Торговый агент имел право принимать платежи, причитавшиеся обслуживаемому им предприятию, а также рассрочивать их лишь при наличии прямого на то письменного полномочия. Торговый агент считался уполномоченным подавать и принимать заявления о сдаче или приеме товара, о недостатках товара, а равно другие заявления, относившиеся к исполнению сделки, независимо от особой о том оговорки в полномочии. За свой труд торговый агент получал вознаграждение по соглашению, причем допускалось установление вознаграждения в виде известного процента с суммы заключавшейся сделки (в отличие от коммивояжера, торговый агент мог получить и твердое вознаграждение). Торговый агент, желавший оказывать содействие по заключению сделок нескольким предприятиям, а также желавший совершать торговые сделки за свой счет, мог делать это только с согласия всех обслуживаемых предприятий.

---

¹ СЗ 1925 г. ст. 569. № 76.

Действия таких посредников при заключении договоров, как комиссионеры, торговые агенты и т. п., не имеют непосредственных последствий в лице того, для кого эти действия совершались. В этом их отличие от представителей, действия которых порождают последствия непосредственно в лице представляемого (в тех случаях, когда торговый агент уполномочивается на заключение сделок от имени предприятия, он выступает как представитель). По условиям торгового оборота действия представителя, не выходящие за пределы обычной деятельности представляемого им лица, всегда обязывают последнее; ограничивающие же деятельность представителей условия, не соответствующие обычным торговым правилам, не могут ухудшать положения третьих лиц и создавать за их счет какие-либо преимущества для представляемого, поскольку об этих ограничениях третий лица добросовестно не знали и знать в обычных условиях не могли. Нарушения представителем особых условий с представляемым составляют область личных между ними отношений и представляют доверителю лишь право регресса¹.

7

В практике получили применение, между прочим, договоры о хранении имущества (поклажа). Эта категория договоров не упомянута прямо в Гражданском кодексе.

Отношения, складывающиеся между хранителем имущества и отдавшим его на хранение, определяются общими началами договорного права; в тех случаях, когда хранение имущества принимает на себя государственное предприятие, круг взаимных прав и обязанностей сторон определяется уставом этого предприятия или же специальным законом. Так, отдельными законодательными актами (декретами СНК 2 марта 1922 г., 27 апреля 1922 г., 2 августа 1922 г. и заменившим их декретом СНК РСФСР 14 марта 1923 г.², а также Таможенным уставом СССР 12 декабря 1924 г.³) предусматривается хранение грузов, поступающих в ведение та-

¹ Сб. I(V) 1925 г., решение № 454.

² СУ 1922 г. № 22, ст. 235; № 31, ст. 372; № 49, ст. 614 1923 г. № 23, ст. 264.

³ СЗ 1925 г. № 5, ст. 53.

можни, размер вознаграждения за хранение (складочный сбор), срок хранения, пределы ответственности таможен за сохранность грузов и т. д.

Постановление СТО от 9 января 1923 г.¹ на НКПС была возложена обязанность принимать на бесплатное хранение на территории железнодорожных станций, в сторожевых будках и рабочих казармах столбы, материалы и инструменты, предназначенные для постройки, ремонта и обслуживания телеграфных линий и проводов Народного комиссариата почт и телеграфов, проложенных в полосе отчуждения железных дорог.

4 сентября 1925 года было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О документах, выдаваемых товарными складами в приеме товаров на хранение»². Это постановление устанавливало следующие правила.

Товарные склады принимают на хранение товары как с обезличением, так и без обезличения их. При приемке товаров выдается свидетельство (если склад имеет разрешение выдавать такие свидетельства) или квитанция. Свидетельства бывают двойные и простые. Двойное свидетельство состоит из двух частей, которые можно отделить одну от другой, а именно — из складочного свидетельства и залогового, или варранта. Учреждения и предприятия, которые могут выдавать ссуды под товары, могут выдавать их и под залоговые свидетельства. Складочные и залоговые свидетельства могут быть передаваемые и вместе и порознь, по передаточным надписям, именным или банковым, причем в отношении форм передаточных надписей, удостоверения прав держателя свидетельства и перехода прав к приобретателю применяются правила о векселях. Складочное свидетельство в соединении с залоговым дает держателю безусловное право распоряжаться товаром. Держатель залогового свидетельства имеет право на товар в размере выданной по этому свидетельству капитальной ссуды и процентов. Держатель складочного свидетельства (без залогового) вправе распоряжаться товаром, но не вправе брать его из склада до погашения ссуды, выданной по залоговому свидетельству. Товарный склад выдает товар держателю складочного свидетельства только в обмен на

¹ СУ 1923 г. № 3, ст. 49.

² СЗ 1925 г. № 60, ст. 445.

складочное и залоговое свидетельства вместе. Если держатель залогового свидетельства находится в отсутствии или не известен, держатель складочного свидетельства имеет право внести товарному складу, выдавшему залоговое свидетельство, всю сумму, причитающуюся держателю залогового свидетельства. Полученная при этом квитанция равносильна залоговому свидетельству для получения товара.

Если держатель залогового свидетельства, по наступлении срока ссуды предъявив свидетельство лицу, получившему ссуду (первому надписателю), не получит платежа, он должен удостоверить неполучение платежа посредством протеста под страхом потери права регресса (оборота) к последующим надписателям залогового свидетельства (в отношении срока и порядка предъявления залогового свидетельства к платежу и учинению протеста в неполучении платежа применяются правила, установленные для векселей). По истечении 7 дней со дня наступления срока ссуды держатель залогового свидетельства, не получивший платежа по ссуде, вправе представить залоговое свидетельство в управление складом с требованием о продаже товара на удовлетворение долга по ссуде. Такое же право имеет (в порядке обратного требования) и каждый надписатель залогового свидетельства, которым ссуда была погашена.

Вырученная от продажи сумма, по удовлетворении претензий, подлежащих по закону преимущественному, перед претензией залогодержателя, удовлетворению из стоимости заложенного имущества и за вычетом издержек по продаже, а также причитающейся складу платы за хранение и другие связанные с хранением операции, обращается на удовлетворение держателя залогового свидетельства в размере неуплаченной ссуды преимущественно перед другими долгами товарохранителя (хотя бы он был объявлен несостоятельным должником). Остающийся после этого свободный излишек поступает в пользу держателя складочного свидетельства. Суммы, причитающиеся держателю залогового или складочного свидетельства, выдаются складом не иначе, как в обмен на самое свидетельство с платежной на нем распиской. Если продажа товара не дает всей суммы долга по ссуде, держатель залогового свидетельства имеет право требовать от лица, получившего ссуду (первого надписателя), а по

праву регресса (оборота) — и с последующих надписателей залогового свидетельства недовырученную через продажу товара сумму по ссуде (по правилам о векселях). Простое складочное свидетельство выдается на предъявителя. Залог в этом случае совершается посредством передачи заимодавцу этого свидетельства с передаточной на нем надписью. Простое складочное свидетельство как заложенное, так и не заложенное, переходит из рук в руки путем простого вручения.

8

К числу распространенных в практике договоров нужно отнести также договор займа. Как договор, заключаемый нередко при стесненных материальных условиях, заем (чаще, чем какая-либо другая сделка) может вылиться в форму кабальной сделки (ст. 33 ГК). Еще до издания Гражданского кодекса декретом ВЦИК и СНК РСФСР 3 июля 1922 г.¹ были объявлены недействительными сделки 1921—1922 гг., в которых обязанной стороной являлись земледельцы, при условии: а) если должник обязался в погашение займа предоставить не точно определенное количество хлеба или сумму денег, а урожаем с определенного участка, если полученная займы сумма ниже определенной подесятинной ставки, или б) если полученная займы сумма погашается хлебом, стоимость которого в переводе на золото превышает полученную сумму больше, чем на 50%. В этих случаях должнику предоставлено право или вернуть ссуду в нормальном размере, либо требовать расторжения договора или прекращения его действия на будущее время. Обобщение этого постановления и дало норму ст. 33 ГК.

В 1924 г.² постановление ст. 33 ГК было дополнено примечанием, углубляющим классовый характер ГК (объяснительная записка НКЮ) и взятым из § 2 декрета ЦИК и СНК СССР об оказании помощи семьям лиц, призванных к отбыванию обязательной военной службы в Красной Армии: на должностных лиц возложена обязанность предъявлять гражданские иски о признании недействительными явно невыгодных (кабальных) сделок, заклю-

¹ СУ 1922 г. № 43, ст. 515.

² СУ 1294 г. № 79, ст. 785.

ченных семьями лиц, призванных к отбыванию обязательной военной службы в Красной Армии¹.

Ст. 209 ГК дает сторонам право облечь в форму заемного обязательства всякий долг, возникающий из купли-продажи, найма имущества или другого основания (так называемая новация, обновление обязательства). Еще более удобной для этой цели формой явился вексель. Положение о векселях 20 марта 1922 г.² определяет вексель как долговое денежное обязательство, выданное одной стороной (векселедателем) другой стороне (векселедержателю) в письменной форме с соблюдением требований положения и оплаченное установленным гербовым сбором. Различаются векселя простые и переводные, представляющие собой письменное предложение векселедателя, или трассанта, третьему лицу, или трассату, уплатить денежную сумму векселедержателю, причем в случае отказа трассата исполнить предложение трассант обязан сам произвести платеж. Как по простому, так и по переводному векселю устанавливались особая ответственность участников и особый порядок удовлетворения (вексельная сила).

В тех случаях, когда заемные сделки совершаются в кредитных учреждениях, они обычно называются договорами ссуды. К проведению принципа планового банковского кредитования в этом периоде еще не подошли. Тогда допускалось так называемое коммерческое кредитование, выражавшееся в том, что один хозорган, помимо банка, непосредственно кредитовал другой. Одним из правовых средств для этой цели служил вексель. Практиковалось также авансирование одним хозорганом другого: аванс облегчает исполнение договора, — отмечают иногда в своих решениях арбитражные комиссии³.

Но наряду с этим был издан ряд специальных постановлений, имевших назначение упорядочить дело банковского кредитования. Так, постановление СТО 7 февраля 1923 г. «О порядке выдачи учреждениям и предприятиям ссуд из народной казны» устанавливало (для регулирования выдачи и обеспечения правильного поступления платежей в возврат), что ссуды выдаются не иначе, как по предварительном заключении с получаю-

¹ СУ 1923 г. № 100, ст. 989.

² СУ 1922 г. № 25, ст. 285.

³ См., например, решение № 19 ВАК СТО 1923 г. (Сб. 1).

щими ссуду учреждениями и предприятиями договоров на установленных при разрешении ссуды основаниях. Заключение таких договоров и надзор за их выполнением возлагались на Народный комиссариат финансов¹.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 24 января 1922 г. «О кредитной кооперации»² устанавливал кредитование на кооперативных началах. Именно, «в целях улучшения условий для развития сельского хозяйства и кустарной промышленности» гражданам РСФСР было разрешено образовывать кредитные и ссудо-сберегательные кооперативные товарищества для предоставления своим членам льготных ссуд на удовлетворение их хозяйственных нужд, для планомерного и целесообразного объединения денежных средств отдельных членов товарищества в целях удовлетворения более крупных хозяйственных нужд, для приобретения требуемых в промыслах и хозяйствах членов товариществ инвентаря, материала, сырья и предметов оборудования и для посредничества по сбыту продуктов труда членов товариществ.

Декрет ВЦИК и СНК 25 января 1923 г. «О кредитных операциях местных советов»³ предоставлял губернским исполнительным комитетам (и с их разрешения — уездным исполнительным комитетам) право заключать долгосрочные и краткосрочные займы у государственных, кооперативных и частных учреждений (банковских и иных) и у отдельных лиц в РСФСР и за границей. Долгосрочные займы могли заключаться лишь с точным определением их назначения и исключительно на капитальные затраты по устройству, расширению и восстановлению принадлежавших местному совету имуществ, предприятий и сооружений местного хозяйства. Займы на срок свыше трех лет и все облигационные займы могли совершаться лишь с разрешения Народных комиссариатов финансов и внутренних дел.

9

В области расчетных отношений нужно упомянуть о декрете СНК РСФСР 4 октября 1921 г. «О расчетных операциях»⁴. Согласно этому декрету, все рас-

¹ СУ 1923 г. № 11, ст. 137.

² СУ 1922 г. № 12, ст. 110.

³ СУ 1923 г. № 5, ст. 91.

⁴ СУ 1921 г. № 68, ст. 530.

четы между советскими учреждениями и предприятиями финансируемыми по разным сметам, должны были производиться путем оборотных перечислений сумм со счетов кредитов учреждений и предприятий-плательщиков в доход казны по счетам доходных поступлений учреждений и предприятий-получателей. Расчеты советских учреждений и предприятий с кооперативными и другими общественными организациями, а также с частными лицами, производились — по соглашению с получателями — или путем перечисления сумм из кредитов советских учреждений и предприятий на текущие счета получателей в кассах Народного комиссариата финансов или же путем выдачи денег на руки, причем каких-либо ограничений размеров перечисляемых или выдаваемых в каждом отдельном случае сумм не устанавливалось. В зависимости от свойства операции по отпуску предметов, совершения работ и оказания услуг, оборотные перечисления или предшествовали каждой такой операции, если денежная стоимость предметов, работ и услуг установлена и признана обеими сторонами, или, если этого условия не было, следовали за каждой операцией непосредственно или же производились периодически в устанавливавшиеся заинтересованными ведомствами сроки, но во всяком случае не реже одного раза в месяц¹.

Большое внимание в этот период развития обращал на себя вопрос о кассовых операциях государственных предприятий и учреждений. Стремясь к проведению принципа единства кассы и к плановому использованию денежных средств, государство в ряде декретов настаивало, чтобы государственные предприятия и учреждения не хранили в своих кассах суммы, превышающие размеры, необходимые для удовлетворения текущих расходов, а сдавали их в банк; государственные учреждения, состоявшие на государственном бюджете, были обязаны передавать поступающие в их кассы суммы в кассы Наркомфина для зачисления на счет государственных доходов по соответствующим доходным сметам государственной росписи или на иные счета в тех случаях, когда специальное назначение тех или иных доходов или

---

¹ Любопытно, что Высшая арбитражная комиссия при СТО не усмотрела никакого основания взять под сомнение соглашение о том, что расчеты по перевозкам грузов будут производиться сельдями. (Сб 111, 1924 г., решение № 109).

отчисление от них предусмотрено законом (декрет СНК РСФСР 30 марта 1922 г.;¹ декрет СНК РСФСР 19 апреля 1923 г.;² декрет ВЦИК и СНК РСФСР 14 июля 1924 г.;³ постановление СНК СССР от 8 января 1925 г.;⁴ постановление ЦИК и СНК СССР 16 октября 1925 г.⁵).

10

В рассматриваемый период развития советского гражданского права был издан второй по счету устав железных дорог (12 июня 1922 г.⁶), гораздо более подробный нежели устав 1920 года и коренным образом отличающийся от него по своим основным положениям. Созданный в период военного коммунизма устав 1920 г., естественно, оказался не отвечающим потребностям хозяйственной жизни страны с переходом к новой экономической политике. Наиболее существенные изменения, внесенные в регламентацию железнодорожной перевозки уставом 1922 г., сводятся к следующему.

Устав 1922 года отошел от разрешительной системы перевозок, на которой была основана по уставу 1920 года эксплуатационная работа железных дорог.

В соответствии с общим положением о платности всякого рода оказываемых государственными и хозяйственными органами услуг, проводимым в этом периоде, и железнодорожные перевозки (багажа, грузов, пассажиров) были признаны, в отличие от устава 1920 г., платными (ст. 7).

В области перевозки грузов существенным новшеством устава 1922 г. является допустимость отправки не только на имя определенного лица, но также и на предъявителя дубликата (ст. 45). В связи с этим постановлением ЦИК и СНК СССР 27 июля 1923 г.⁷ и постановлением СНК СССР 4 июля 1924 г.⁸ допущена переуступка прав по накладным. (В дальнейшем переуступка прав по накладным была вновь воспрещена).

¹ СУ 1922 г. № 26, ст. 311.

² СУ 1923 г. № 33, ст. 370.

³ СУ 1924 г. № 66, ст. 657.

⁴ СЗ 1925 г. № 3, ст. 36.

⁵ СЗ 1925 г. № 75, ст. 559.

⁶ СУ 1922 г. № 38, ст. 445.

⁷ СУ 1923 г. № 88, ст. 853.

⁸ СУ 1925 г. № 1, ст. 10.

Устав 1922 г. подробно регламентировал порядок хранения грузов, принятых к отправке, и складывавшиеся на этой почве отношения между дорогой и грузохозяевами (ст. ст. 38—42).

Устав 1922 г. впервые предусматривает наложение платежа. За отправление с наложенным платежом взимается известная комиссионная плата; за неправильную выдачу груза без предварительной уплаты наложенного платежа железная дорога отвечает в размере не свыше стоимости груза (ст. 58). При сдаче груза к перевозке отправитель должен объявить ценность груза (ст. 59). Очень существенным нововведением устава 1922 г. является принятый им (ст. ст. 83—87 в противоположность уставу 1920 г., раздел IV) принцип, согласно которому железная дорога, как правило, отвечает за ущерб, причиненный полной или частичной утратой груза или повреждением груза, с момента принятия его к перевозке и до выдачи (этот принцип был провозглашен еще до издания устава 1922 г. в декрете СНК 16 января 1922 г. — о применении на транспорте начал хозяйственного расчета¹; хозяйственная самостоятельность, которую получила дорога с применением начал хозрасчета, естественно, требовала и возложения на нее ответственности за ущерб, причиняемый клиентам при перевозках). Эта ответственность слагается с железной дороги, если она докажет, что убыток произошел по вине лица, имеющего право распоряжения грузом, вследствие его требования, вследствие недостатков, свойственных самому грузу (внутренней порчи, усушки, утечки и пр.) или вследствие непреодолимой силы. Не отвечает железная дорога также за ущерб, если груз согласно тарифным правилам или условиям, заключенным с отправителем и указанным в накладной, перевозился в открытых вагонах, поскольку ущерб произошел именно от такого способа перевозки; или если груз, согласно сделанному в накладной заявлению отправителя или акту станции отправления, был сдан к перевозке без всякой упаковки или в неудовлетворительной упаковке, тогда как по свойству груза упаковка была необходима; если груз был погружен отправителем или выгружен получателем, а ущерб произошел вследствие обстоятельств, связанных

с погрузкой или выгрузкой, и т. д. Вознаграждение за полную или частичную утрату груза, сданного к перевозке с объявленной ценностью, определяется в размере объявленной ценности (но не свыше действительной стоимости); за груз, сданный без объявления ценности, — по действительной стоимости груза, но не свыше установленных предельных сумм (ст. 90).

Требование о вознаграждении за утрату (полную или частичную), порчу груза и т. д. должны предъявляться в претензионном порядке; иск может быть предъявлен не ранее отклонения претензии или истечения трех месяцев со дня заявления претензии по перевозкам местного значения и четырех месяцев по перевозкам прямого сообщения (ст. 97). Исковая давность по искам к дороге — один год; течение этого срока приостанавливается подачей претензионного заявления на все время, пока претензия не разрешена (ст. ст. 101 и 104). Как давность специальная, годичный срок, предусмотренный ст. 101, продлению в порядке ст. 49 ГК не подлежит (определение кассационной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР; дело № 31470—1924 г.¹).

Железная дорога несет ответственность за целостность груза лишь до момента его выдачи (ст. 86 уст.); за дальнейшее повреждение или утрату груза дорога не отвечает. ГKK Верховного суда РСФСР дала следующее толкование этой нормы: при железнодорожном транспортировании грузов обязанности транспортировщика оканчиваются в момент передачи накладной на груз на станции назначения; с этого момента адресат получает груз в свое распоряжение и уже своими средствами и силами может доставить его на свой склад и т. п.; вся ответственность за соблюдение при этой доставке надлежащей осторожности лежит на получателе груза, а не на транспортировщике; требование от последнего обязательной сдачи груза в натуре на складе получателя — неправильно, тем более, если накладная принята без оговорок (определение Верховного суда по кассационной коллегии по д. № 1760—1923 г.²).

Договор водной перевозки в этом периоде получил регламентацию в декрете СНК от 11 апреля

¹ «Еженедельник советской юстиции, 1925, № 4, стр. 87.

² «Рабочий суд», 1924, № 1—2, стр. 75.

1921 г. «О транспортных операциях на внутренних водных путях»¹.

К внутренним водным путям, находившимся в то время в ведении Комиссариата путей сообщения, относились судоходные части рек и озер, открытых для временного или постоянного отправления транспортных операций. Операции эти по декрету 11 апреля 1921 г.: а) перевозка грузов, пассажиров, их клади и багажа; б) сплав и буксировка не принадлежащих к составу речного и озерного флота РСФСР судов, плотов, паромов и т. д.; в) те связанные с перевозкой подсобные операции на пристанях, которые не предусмотрены декретом от 3 августа 1920 г.² о погрузке и разгрузке вагонов и судов, как-то: взвешивание грузов и хранение грузов и багажа; г) передача судов речного и озерного флота РСФСР советским учреждениям и предприятиям в исключительное пользование на определенные сроки для их транспортных нужд. Все эти операции совершаются по особым документам (накладные, багажные и буксирные квитанции, билеты, проездные документы), которые служат доказательством прав и обязанностей сторон, участвующих в совершении этих операций.

Декрет 11 апреля 1921 г. еще не отошел от принципов периода военного коммунизма: бесплатности услуг, оказываемых государственными организациями, непризнания материальной ответственности транспортного предприятия за порчу и утрату государственных грузов, но за утрату и порчу грузов частных лиц ответственность уже признается.

30 мая 1921 г. издан декрет СНК РСФСР о морском транспорте³. Здесь также еще признается право бесплатного проезда на судах морского торгового флота за некоторыми категориями пассажиров. Равным образом в декрете 30 мая 1921 г. еще не воспринят общий принцип ответственности перевозчика, а имеется лишь частная норма (ст. 13), согласно которой за утрату и повреждение грузов, а также багажа, принадлежащих кооперативам, частным российским гражданам, а также иностранным государствам и их подданным, морской транспорт отве-

¹ СУ 1921 г. № 32, ст. 178.

² СУ 1920 г. № 71, ст. 329.

³ СУ 1921 г. № 50, ст. 272.

чает в размере по определению суда, если не будет доказано, что утрата или повреждение груза произошли от действия непреодолимой силы, от свойства самого груза или по вине отправителя.

Большое внимание уделяется законодательством вопросу об ответственности органов связи за внутренние почтовые отправления. По этому вопросу были изданы декреты СНК РСФСР: 17 августа 1921 г.¹, 23 ноября 1921 г.², 28 июня 1922 г.³ и, наконец, 17 июля 1923 г.⁴, заменивший все предыдущие. Согласно этому последнему декрету, почтово-телеграфное ведомство отвечало перед отправителем: а) за утрату писем, почтовых карточек, бандеролей, посылок большой спешности, а также писем и почтовых карточек особой важности; б) за утрату заказных почтовых отправлений, поданных в почтовые учреждения под расписку; в) за утрату, за недостачу вложения и за повреждение страховых почтовых отправлений; г) за суммы, внесенные для перевода по почте и по телеграфу; д) за суммы наложенных платежей по выдаче получателям почтовых отправлений, на которые были наложены платежи. Почтово-телеграфное ведомство отвечало за утрату, недостачу вложения и повреждение почтовых отправлений, происшедшие не только от действий почтово-телеграфных служащих и посторонних лиц, но и случайно, если это не было вызвано действием стихии или военными действиями. Почтово-телеграфное ведомство освобождалось от ответственности, если причина утраты корреспонденции и пр. заключалась в действиях отправителя, в особых свойствах пересылаемого предмета; не отвечало почтово-телеграфное ведомство, если оболочка отправления и печать — в целости, если выдана расписка в приеме и, наконец, если утрата вызвана военными действиями или действием стихии. За почтовые отправления с наложенным платежом почтово-телеграфное ведомство отвечало на основе общих правил, установленных для того рода почтовых отправлений, к которому относилось данное отправление с наложен-

¹ СУ 1921 г. № 61, ст. 327.

² СУ 1921 г. № 76, ст. 635.

³ СУ 1922 г. № 43, ст. 513.

⁴ СУ 1923 г. № 83, ст. 812.

ным платежом. Давностный срок для претензий отяравителя был определен в один год.

В связи с новой экономической политикой стали практиковаться различные формы товарищеских объединений. Гражданским кодексом было предусмотрено пять основных форм товарищеского договора.

Во-первых, договор простого товарищества, т. е. договор по которому два или более лиц обязуются друг перед другом соединить свои вклады и совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели (ст. 276 ГК); участие в прибылях и ответственность каждого товарища определяются соразмерно с долей его участия (ст. ст. 284, 285, 287 ГК).

Во-вторых, полное товарищество, т. е. такое, все участники которого занимаются торговлей или промыслом под общей фирмой и отвечают по обязательствам товарищества всем своим имуществом как солидарные должники (ст. 295 ГК). Со дня регистрации полное товарищество признается юридическим лицом (в незарегистрированном товариществе отношения между членами товарищества регулируются правилами о простом товариществе). Кредиторы полного товарищества могут обращать взыскание на имущество, принадлежащее отдельным товарищам, лишь при установленной фактически или по суду несостоятельности товарищества или по ликвидации его дел.

Третий вид товарищества — товарищество на вере, которое учреждается для ведения, под общей фирмой, торговли или промысла и состоит из одного или нескольких участников, отвечающих перед кредиторами товарищества всем своим имуществом (неограниченно ответственные товарищи), и одного или нескольких участников, ответственность которых ограничивается их вкладами в товарищество (вкладчики; ст. 312 ГК).

Четвертая категория — товарищество с ограниченной ответственностью, т. е. товарищество, все участники которого занимаются торговлей или промыслом под общей фирмой и по обязательствам товарищества отвечают, во-первых, внесенными в товарищество вкладами и, во-вторых, личным имуществом в одинаковом для всех товарищей кратном отношении в сумме вклада (ст. 318 ГК).

Наконец, последняя, предусмотренная Гражданским кодексом форма товарищества — акционерное общество или паевое товарищество, которое учреждается под особым наименованием или фирмой с основным капиталом, разделенным на определенное число равных частей (акций). По обязательствам акционерного общества или паевого товарищества отвечает только имущество общества (ст. 322 ГК)¹. Участниками акционерных обществ могли быть не только граждане, но также и государственные предприятия и государственные учреждения. Относительно участия последних Народными комиссариатами внутренней торговли и финансов было издано 7 августа 1925 г. специальное постановление². Согласно этому постановлению за государственными учреждениями и государственными предприятиями, состоящими на государственном бюджете, признается право учреждать акционерные общества или приобретать их акции лишь при условии, если цели, преследуемые акционерными обществами, в той или иной степени связаны с предметом деятельности данных государственных учреждений и государственных предприятий. Предприятия (как республиканского, так и местного значения), находящиеся на коммерческом расчете, могли учреждать акционерные общества или приобретать акции, но не иначе, как с разрешения наркомата или исполкома, в ведении которого данное предприятие находится.

Поскольку в акционерном обществе состояли (или могли, согласно уставу, состоять), наряду с госорганами, также и частные капиталисты (так называемые смешанные акционерные общества), акционерное общество не являлось госорганом (постановления пленума Верховного суда РСФСР 3 ноября 1923 г., протокол № 18; 18 мая 1925 г., протокол № 7).

Со дня регистрации акционерное общество признавалось юридическим лицом и имело право, в пределах указанной в уставе цели, приобретать и отчуждать всеми законными способами всякого рода имущество, не изъятое из оборота, совершать сделки и акты, заключать договоры, искать и отвечать на суде от своего имени (ст. 338 ГК). До публикации о регистрации общества все необходимые сделки и договоры были вправе совершать учреди-

¹ Ст. ст. 323—366 ГК ныне отменены.

² СУ 1925 г. № 56, ст. 437.

тели общества, которые подлежали по этим сделкам лично солидарной ответственности перед контрагентами, если эти сделки не получали одобрения в течение шести месяцев со стороны общего собрания (ст. 339 ГК). Помимо этого, учредители подлежали солидарной ответственности в течение года со дня регистрации общества как перед обществом, так и перед отдельными акционерами за причиненные убытки (в частности, за убытки, причиненные сообщением неверных сведений в подписных листах, объявлениях о подписке, расчетах вознаграждения их за труд и т. д., ст. 340 ГК). По общему правилу акции выпускались именные; акции на предъявителя допускались лишь тогда, когда это предусматривалось уставом (ст. 342 ГК). Именные акции (и заменяющие их временные свидетельства) могли быть передаваемы по передаточным надписям, если иное не было постановлено в уставе. Приобретший право собственности на акцию по передаточной надписи (или по какому-либо иному основанию) был обязан для осуществления своих прав в отношении общества заявить о своем праве собственности на акцию (или свидетельство) правлению общества для внесения имени приобретателя в акционерную книгу и предъявить самую акцию (свидетельство) с передаточной именной надписью или другими письменными доказательствами перехода права собственности. Акции на предъявителя переходили к новому владельцу путем их передачи (ст. 344 ГК).

Акционер имел право на получение дивиденда из остатка чистой прибыли после вычета различных отчислений; размер дивиденда определялся уставом или общим собранием (порядок распределения прибылей был регламентирован постановлением СТО 30 января 1925 г.¹).

Каждая акция предоставляла ее собственнику право участия в общем собрании и право голоса. Акционеры пользовались правом голоса соразмерно числу принадлежавших им акций (ст. 347 ГК).

12

В рассматриваемый период государство заботится о введении в жизнь идеи страхования как меры, устраняющей или смягчающей катастрофические послед-

¹ СЗ 1925 г. № 8, ст. 79.

ствия того или иного случайного бедствия. Поскольку в некоторых слоях населения, главным образом в крестьянстве, еще не было достаточного понимания всей важности страхования, государство не останавливалось перед введением страхования в качестве обязательного. Декретом 6 октября 1921 г. о государственном имущественном страховании¹ было постановлено организовать обязательное государственное страхование имущества частных хозяйств и предприятий земледельческих, промышленных и промысловых, ремесленных, кустарных (как единоличных, так и коллективных), а также имущества артелей, товариществ, обществ, коммун, государственных имуществ, находившихся в арендном или на иных началах пользования названных лиц, хозяйств коллективов. По этому декрету имелось в виду начать с добровольного страхования и только по мере организации добровольного страхования и укрепления технического аппарата переходить к обязательному страхованию.

При составлении Гражданского кодекса договору страхования был посвящен довольно большой отдел, охватывающий добровольное страхование как имущественное, так и личное (на случай наступления событий, связанных с жизнью самого страхователя или третьего, застрахованного лица).

Постановлением СНК СССР 16 декабря 1924 г.² в круг операций по добровольному государственному страхованию включен договор гарантийного страхования, по которому Госстрах обязывается возместить страхователю убытки в застрахованном имуществе, причиненные преступными или небрежными действиями и упущениями рабочих и служащих страхователя, непосредственно связанными с приемом, выдачей, хранением, охраной и транспортированием вверенного им застрахованного имущества.

Из предыдущего изложения видно, что в первые годы нэпа договор и в законодательстве и в практике приобрел большое значение. Это и понятно: эпоха нэпа характеризуется, с одной стороны, допущением в народно-хозяйственную жизнь частной инициативы в целях ско-

¹ СУ 1921 г. № 69, ст. 554.

² СЗ 1925 г. № 1, ст. 11.

рейшего восстановления производительных сил страны, а с другой стороны, борьбой с «частной стихией» в целях разрешения вопроса «кто — кого» в пользу социалистического хозяйства. Отсюда, с одной стороны, возникает довольно оживленный частный оборот, а с другой — развивается советская торговля. «Торговля в этот период являлась основным звеном в цепи задач, стоявших перед партией. Не разрешив этой задачи, нельзя было развернуть товарооборот между городом и деревней, нельзя было укрепить экономический союз рабочих и крестьян, нельзя было поднять сельское хозяйство, вывести из разрухи промышленность... Вопрос об организации государственной и кооперативной торговли приобретал громадное значение»¹.

Эта установка получила свое выражение в постановлениях IX и X Всероссийских съездов Советов.

В постановлении IX съезда 28 декабря 1921 г.² «по вопросам государственной промышленности» говорится (п. 10): «Поскольку государственным предприятиям приходится для пополнения своих ресурсов обращаться к рынку — предоставить широкое право предприятиям и их объединениям вести торговые операции как между собой, так и с кооперативами и вольным рынком, учитывая при этом декрет о преимущественном праве государственных органов и кооперации».

X Всероссийский съезд Советов в постановлении 27 декабря 1922 г.³ по докладу о состоянии промышленности признал, что «основной задачей в области внутренней торговли является: а) увеличение товарооборота в стране и скорейшее увеличение емкости внутреннего рынка; б) установление возможно более тесной связи между государственной промышленностью и крестьянским рынком и приспособление к потребностям последнего; в) при неизбежном существовании частной торговли — принятие ряда мер для укрепления экономической позиции государственной и кооперативной торговли; г) синдикаты должны исполнять роль крупной оптовой торговли по сбыту и заготовкам...» Одновременно съезд постановил, что в области внешней торговли нужно провести ряд мер с целью увеличения нашего экспорта.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 248.

² СУ 1922 г. № 4, ст. 43.

³ СУ 1923 г. № 28, ст. 327.

Наряду с этим в эпоху нэпа, как уже указывалось выше, приобретает широкое применение метод хозрасчетного управления промышленностью. Это обстоятельство также открывало широкое поле для применения договора. «В основу взаимоотношений между предприятиями, входящими в общегосударственные или областные объединения, и местными губернскими хозяйственными органами... кладется принцип оказания взаимных услуг на договорных началах», — постановил IX Всероссийский съезд Советов (постановление по вопросам государственной промышленности, п. 2).

Все эти мероприятия и все эти запросы хозяйственной жизни должны были увеличить и действительно увеличили удельный вес и распространение купли-продажи, поставки и других меновых договоров. На базе развития товарооборота получили широкое применение и другие договоры.

Напряженная классовая борьба, идущая в течение всего этого периода и переходящая в следующий период, все больше обостряясь и углубляясь, имеет своим последствием перемещение центра тяжести в области договорных отношений. Победа советской государственной и кооперативной торговли над частной торговлей, вытеснение государственными и кооперативными предприятиями частника из области промышленности — должны были сократить поле применения договора в его старом значении. В то же время усиление планового начала в деятельности хозорганов сопровождалось увеличением удельного веса договора в его новом значении как средства претворения плана в жизнь.

Так новый строй социально-экономических отношений породил и новое договорное право. При этом договорное начало комбинировалось с административными актами, порождавшими обязательственные отношения (приведенный выше метод «занаряживания», нормирование цен и т. д.).

IV. Договорные обязательства в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны

1

В течение этого периода развития Советского государства продолжает расти роль договора в отношениях между социалистическими организациями. Из года в год

нарастающее укрепление социалистических форм хозяйства сопровождалось усилением планового начала в хозяйстве и все большим регулированием хозяйства со стороны закона и административных актов. Все более внедряется хозрасчетный метод управления промышленностью, как наиболее соответствующий задачам социалистического строительства. Эти процессы в области экономики не могли остаться без влияния и на договорное право изучаемого периода.

Договор все более и более внедряется в сферу социалистического хозяйства; в форме и на основе договоров складываются взаимные отношения хозорганов, в которые они вступают между собой на почве выполнения своих промфинпланов. Договор проникает в плановое социалистическое хозяйство, но взаимно и принцип планирования отражается на понимании договора; плановое начало пронизывает собой смысл, содержание и выявление в жизни договорных отношений.

Это в особенности можно сказать о государственных предприятиях. На данном этапе развития было издано новое Положение о промышленных трестах 29 июня 1927 г.¹ В ст. 2 этого Положения указывается, что трест действует на началах хозяйственного (коммерческого) расчета в соответствии с плановыми заданиями того государственного учреждения, в ведении которого состоит трест. Объединяемые трестом отдельные предприятия не признаются по Положению 1927 г. самостоятельными юридическими лицами, но они также являются хозрасчетными предприятиями, работающими по плану и оформляющими свои отношения с другими предприятиями посредством договоров.

По мере роста договорных отношений развиваются и формы договорных связей. Входят в практику договоры генеральные, однако не в том значении, в каком генеральные договоры получили применение в следующем периоде развития Советского государства, когда им соответствовали договоры локальные; в рассматриваемый период генеральным договорам соответствуют договоры исполнения.

Образцом этой системы может служить постановление СТО 3.июля 1929 г. о генеральных договорах, заключае-

¹ СЗ 1927 г. № 39, ст. 392.

мых между государственной промышленностью и потребительской кооперацией¹. Зарождение этой новой формы оптовой государственной торговли относится к 1926—1927 гг.² Центросоюз, с одной стороны, синдикаты и тресты несиндицированной промышленности, с другой, заключают между собой генеральные договоры, которые должны полностью обеспечить работу потребительской кооперации, как единой системы, а также плановый сбыт промышленной продукции, усиливая связь промышленности с рынком. На основе этих генеральных договоров заключаются годовые и квартальные договоры исполнения дольщиками — на одной стороне, синдикатами и трестами — на другой стороне. Дольщиками являются Центросоюз и крупнейшие единицы его системы.

Эту форму договорных связей, т. е. генеральный договор и договоры отдельных дольщиков с теми же контрагентами, следует отличать, как уже указано, от позднее вошедшей в практику системы генеральных договоров центральных организаций и локальных договоров, заключаемых низовыми органами.

В системе генеральных договоров, заключавшихся объединением дольщиков, и договоров исполнения, заключавшихся отдельными дольщиками, генеральный договор включает в себя: состав дольщиков, общее количество продукции, распределение ее по кварталам, районам и дольщикам; цены, скидки, накладки поставщика, условия применения сниженных цен; средний срок товарного кредита, предоставляемого промышленностью; порядок и сроки согласования спецификации; отпуск товара транзитом или через отделение синдиката (треста) и минимальная норма отгрузки; тара и упаковка; порядок и сроки выдачи нарядов; ответственность поставщика за качество продукции и другие условия. В договорах исполнения дается: количество товаров, ассортимент, качество, цена, скидки и накладки поставщика, условия применения сниженных цен, сумма сделки, условия расчета для данного дольщика, отпуск товаров транзитом или через отделение синдиката (треста), норма отгрузки, срок отгрузки, тара и упаковка, место

¹ СЗ 1929 г. № 45, ст. 394.

² СЗ 1926 г. № 59, ст. 445; СЗ 1927 г. № 27, ст. 290.

производства расчетов и другие условия. Выдача кооперацией авансов промышленности наличными и векселями воспрещается. В целях обеспечения выполнения генеральных договоров устанавливаются такие правила: допускается удержание причитающейся пени при ближайшем расчете; в случае недовыборки дольщиком обусловленной продукции в срок или Центросоюзом за дольщика в течение пяти дней с момента наступления срока — поставщик имеет право либо предъявить к оплате сохранную расписку на недовыбранный товар, либо реализовать недовыбранную продукцию (как через кооперативные организации, так и через государственные торговые предприятия и собственный розничный аппарат). Недовыборка товаров дольщиком в установленный срок по причинам, от него не зависящим, не дает права на компенсацию в следующем квартале. В случае просрочки в поставке сезонных товаров выборка их дольщиком производится лишь при его согласии, причем поставщик обязан предоставить дольщику дополнительный льготный кредит.

Та же система генеральных договоров выдвигается и в постановлении СТО 30 августа 1929 г. «О снабжении промысловой кооперации и сбыте ее продукции»¹.

Постановлением Совета труда и обороны 13 августа 1929 г.² урегулирован порядок разрешения разногласий по генеральным договорам и соглашениям на заготовку и снабжение сырьем. В этом периоде еще нет арбитражного порядка разрешения преддоговорных споров.

Разногласия, возникавшие при заключении генеральных соглашений и договоров, разрешались Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли Союза ССР. В тех случаях, когда обе спорящие стороны являлись учреждениями или предприятиями одной союзной республики, право разрешения разногласий по генеральным договорам и соглашениям на заготовку и снабжение сырьем принадлежало народному комиссариату торговли этой союзной республики. Таково же содержание постановления ВЦИК и СНК РСФСР 14 января 1929 г.³.

¹ СЗ 1929 г. № 57, ст. 537.

² СЗ 1929 г. № 52, ст. 491.

³ СУ 1929 г. № 11, ст. 123.

Как и в предыдущем периоде, практикуется и теперь применение, наряду с договорами, занаряживание продукции как административно-правовая форма регулирования сбыта. Но основной являлась все-таки договорная форма.

Широкое применение договорной формы вызвало необходимость определения ряда более детальных вопросов общей части обязательственного права, причем эта задача выполнялась отчасти в законодательном порядке, отчасти путем судебной практики.

Так, Верховный суд РСФСР дал некоторые указания относительно применения ст. 121 ГК о последствиях, связанных с просрочкой должника. В докладе о работе Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР за 1926 г. отмечается, что согласно ст. 121 ГК проценты следует присуждать со дня просрочки в том случае, когда имеется налицо просрочка платежа со стороны должника; во всех же остальных случаях, когда в отношении присужденных сумм не возникает вопроса о просрочке платежа, суд вправе присудить узаконенные проценты со дня предъявления иска. Эта точка зрения ГКК была подтверждена постановлением пленума Верховного суда от 19 апреля 1926 г. о присуждении процентов по гражданским делам. Далее, в инструктивном письме ГКК Верховного суда № 1 за 1927 г.¹ указывается, что наиболее типичными нарушениями ст. 121 являются следующие. Суды присуждают, вопреки ясному и точному смыслу части 2 ст. 121, проценты со дня просрочки не только денежной суммы, но вообще всяких иных обязательств, а это неправильно (если, конечно, нет соответствующих указаний в договоре). Затем довольно часто в случаях просрочки денежных сумм суды не устанавливают момента просрочки и не с этого момента начисляют проценты, а выбирают произвольные сроки, например, момент одолжения денег, предъявления иска и т. п. Далее, суды присуждают только узаконенные проценты, хотя бы в договоре был предусмотрен более высокий размер процентов, а иногда присуждают «коммерческие» проценты, например 12—14%, хотя в договоре они не предусмотрены. Верховный суд отмечает эти нарушения для того, чтобы добиться более

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, 1935, стр. 56

правильного применения закона в практике судебных органов.

По вопросу о прекращении обязательств посредством зачета встречных однородных требований Высшая арбитражная комиссия при ЭКОСО РСФСР признала, что ст. 129 ГК не требует обязательного предъявления в суд требования о зачете; зачет может производиться и без предъявления в суд — внесудебным порядком, путем предъявления требования о зачете непосредственно контрагенту (решение 22 декабря 1927 г. по делу № 413¹),

В связи с ростом гражданского оборота, оживлением деловых связей между участниками этого оборота введены некоторые новые формы обеспечения договоров: залог товаров, находящихся в обороте; залог товаров, находящихся в переработке (постановление ВЦИК и СНК РСФСР 25 июля 1927 г.²), вексельное поручительство (постановление ВЦИК и СНК РСФСР 17 сентября 1928 г.³). Уставом Государственного банка СССР от 12 июня 1929 г.⁴ (§ 25) предусмотрено банковское поручительство.

В отношении формы договоров существенное значение имеет преподанная Гражданской кассационной коллегией Верховного суда РСФСР установка, что даже несоблюдение формы, предписанной законом под страхом недействительности сделки, не приводит к такому последствию безусловно: если сделка, совершенная с нарушением предписанной законом формы, не заключает в себе ничего противозаконного или явно убыточного для государства и фактически полностью или в большей части исполнена сторонами, то она может быть признана действительной в интересах участвующих в ней трудящихся, но с возложением на заинтересованную сторону обязанности оформить сделку в определённый срок (инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР № 1 за 1927 г.⁵).

Постановлением ВЦИК и СНК 26 апреля 1926 г.⁶

¹ «Судебная практика», 1928, № 5, стр. 23.

² СУ 1927 г. № 76, ст. 523.

³ СУ 1928 г. № 125, ст. 797.

⁴ СЗ 1929 г. № 38, ст. 333.

⁵ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, 1931, стр. 61.

⁶ СУ 1926 г. № 25, ст. 200.

биржевая регистрация (как биржевых, так и внебиржевых сделок) приравнена к нотариальному удостоверению. Биржевая регистрация внебиржевых сделок, совершенная государственными предприятиями и учреждениями, кооперативными организациями, предприятиями, обязанными публичной отчетностью, и арендаторами государственных промышленных предприятий, введена постановлением СТО 24 февраля 1926 г.¹, замененным в дальнейшем постановлением СТО 25 января 1927 г.². Неоднократно видоизменяющиеся правила о регистрации внебиржевых сделок были подытожены в постановлении СТО 11 июня 1929 г.³.

В связи с этим нужно отметить, что постановлением СНК СССР 17 апреля 1928 г. было утверждено новое Положение о товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах⁴. Этот закон в большей части воспроизводит Положение 1925 г., но несколько его развивает и уточняет. В определении целей деятельности товарных бирж (ст. 1) отмечаются посредническая деятельность по товарам, нуждающимся в посредничестве по выявлению спроса и предложения, котировка товаров, производимая на основании совершенных на бирже сделок, регистрация внебиржевых сделок, для которых установлена обязательность регистрации и т. д. К обязанностям биржевых маклеров отнесено выявление спроса и предложения по товарам, фондовым и валютным ценностям, по фрахтованию или аренде судов, а также по торговой экспедиции и перевозке товаров и пр. Сделка признавалась биржевой, если она удовлетворяла совокупности следующих условий: а) если сделка представляла собой оптовую куплю-продажу (в частности, поставку) товаров, мену товаров, оптовый заказ, данный промышленному предприятию на изготовление товаров, одну из допустимых операций с валютными или фондовыми ценностями, куплю-продажу судов, фрахтование или аренду их, договор торговой экспедиции или перевозки товаров (если только оплата за перевозку или экспедиционные поручения не определена действующими законами и распоряжениями); б) если участниками

¹ СЗ 1926 г. № 18, ст. 117.

² СЗ 1927 г. № 7, ст. 77.

³ СЗ 1929 г. № 38, ст. 835.

⁴ СЗ 1928 г. № 23, ст. ст. 203—204.

сделки являются члены биржи или постоянные и разовые посетители; в) если сделка, совершенная без участия биржевого маклера, предъявлена к записи на бирже не позднее следующего за ее совершением дня или же если сделка совершена при участии биржевого маклера и им подписана.

Из других постановлений, касающихся формы сделок, заслуживает упоминания постановление ВЦИК и СНК РСФСР 6 декабря 1929 г.¹, по которому все сделки, совершаемые государственными и кооперативными предприятиями между собой, освобождались от обязательного нотариального удостоверения.

2

Как и в предыдущие периоды, купля - продажа и поставка принадлежат к числу наиболее распространенных в практике договоров.

Торговля, имевшая в этот период преимущественно государственный характер, регламентировалась в целях ее упорядочения. К числу законодательных актов, имевших в виду такого рода мероприятия, относятся: Положение о государственных торговых предприятиях (торгах) 17 августа 1927 г.², давшее организационное оформление государственным торговым предприятиям (по образцу Положения о промышленных трестах); изданное 27 апреля 1928 г. постановление СТО о рационализации государственной универсальной торговли³ и отменившее его постановление СТО 29 августа 1929 г. «О деятельности торгов»⁴.

Развитие государственной торговли сопровождалось применением системы предварительных заказов. Эта система была установлена в текстильной промышленности постановлением СТО 26 августа 1927 г.⁵, но, как отмечается в постановлении СТО 30 августа 1929 г.⁶, в отношении шерстяных и льняных тканей эта система не была осуществлена полностью, а в отношении хлопчатобумаж-

¹ СУ 1929 г. № 87/88, ст. 853.

² СЗ 1927 г. № 49, ст. 501.

³ СЗ 1928 г. № 29, ст. 265.

⁴ СЗ 1929 г. № 54, ст. 510.

⁵ СУ 1927 г. № 56, ст. 563.

⁶ СЗ 1929 г. № 56, ст. 527.

ных тканей не могла быть применена в достаточной мере вследствие необходимости разрешения специальных задач, связанных с регулированием рынка, а также в связи с положением производства и техники товаропродвижения. Несмотря на неполное проведение в жизнь постановления 26 августа 1927 г., система предварительных заказов дала положительные результаты, а именно — промышленность получила возможность строить свои производственные программы на более прочной базе, улучшить общий товарный ассортимент и его дифференцировать с учетом потребительского спроса по районам. Постановлением СТО 30 августа 1929 г. система предварительных заказов была распространена на торговлю предметами широкого потребления.

В отношении договоров государственных поставок необходимо отметить новое Положение о государственных подрядах и поставках. По сравнению с предыдущим Положением (27 июля 1923 г. с изменениями 12 сентября 1924 г.) закон 1927 г. ввел следующие новые постановления.

На данном этапе развития в роли поставщиков и подрядчиков выступали уже не одни только «частные» лица и их объединения; по мере роста государственной промышленности и торговли договоры поставки и подряда нередко заключали теперь государственные органы, а применять к ним те меры ограждения государственного интереса, какие предусматривались Положением о государственных подрядах и поставках (представление залога, повышенные санкции, специфическая форма заключения и т. д.), оснований не было. В соответствии с этим применение Положения было сужено: из его действия были исключены договоры, в которых подрядчиками или поставщиками являлись государственные органы, а также договоры поставки, в которых условленный срок поставки товара не превyšшал двух недель со дня заключения договора, и, наконец, договоры подряда и поставки на сумму не свыше 5000 руб. Расширен круг договоров, заключение которых возможно было без публичных торгов. Уточнены предельные сроки утверждения договора. Наконец, установлена конкретная санкция за просрочку исполнения договора.

Если Положение о государственных подрядах и поставках было изменено применительно к новым усло-

вним в законодательном порядке то статьи Гражданского кодекса приспособлялись для регулирования отношений между государственными организациями в порядке судебно-арбитражной практики.

В отношении частной торговли в целях ее упорядочения был издан ряд постановлений организационного характера. Таковы: постановление СНК СССР 31 августа 1927 г. о торговой регистрации¹, постановление СНК РСФСР 22 марта 1928 г.², постановление СНК РСФСР 4 марта 1927 г. о рыночных комитетах³.

Установленные в предыдущем периоде ограничения продажи отдельных предметов отчасти развиваются и уточняются (например, в отношении продажи спирта и спиртных напитков⁴, в отношении медикаментов⁵, в отношении охотничьего огнестрельного оружия, огнестрелов и пр.⁶), отчасти дополняются новыми ограничениями: постановление ВЦИК и СНК РСФСР 24 октября 1927 г.⁷ об отчуждении тракторов, Кодекс торгового мореплавания⁸, ст. 37 и сл. (отчуждение судов).

Отдельного упоминания заслуживают постановления, ограничившие сделки купли-продажи и вообще торговую деятельность, исходя из соображений защиты более отсталых и слабых народностей, в отношении которых можно было опасаться эксплуатации со стороны скупщиков предметов их охоты, лова и пр. (сусликовых шкурок, пушнины и т. п.). Такие постановления изданы в отношении области Коми, Якутской АССР и т. д.⁹.

Постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР 22 декабря 1928¹⁰ и 9 мая 1929 г.¹¹ внесены дополнительные нормы

---

¹ СЗ 1927 г. № 57, ст. 578—579.

² СУ 1928 г. № 35, ст. 258.

³ СУ 1927 г. № 24, ст. 157.

⁴ СЗ 1927 г. № 24, ст. 158; СУ 1927 г. № 48, ст. 319; СЗ 1927 г. № 43, ст. 429 и др.

⁵ СУ 1926 г. № 14, ст. 113.

⁶ СУ 1927 г. № 104, ст. 699.

⁷ СУ 1927 г. № 115, ст. 768.

⁸ СЗ 1929 г. № 41, ст. 366.

⁹ СУ 1926 г. № 14, ст. 115; СУ 1927 г. № 45, ст. 295; № 46 ст. 312; № 77, ст. 525; 1928 г. № 35, ст. 256; № 101, ст. 638; 1929 г. № 20, ст. 213.

¹⁰ СУ 1929 г. № 7, ст. 77.

¹¹ СУ 1929 г. № 37, ст. 383.

в постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1923 г.¹ о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа. Дополнение состоит в том, что до уплаты покупателем всей покупной цены продавец имеет залоговое право на проданное имущество, причем требования продавца, вытекающие из договора, удовлетворяются преимущественно перед другими взысканиями, обращающимися на это имущество, кроме отнесенных по ст. 101 ГК к первой очереди. Отчуждение (продажа, мена, дарение), а равно залог купленного в рассрочку имущества, совершенные покупателем до полной уплаты покупной цены, признаются недействительными, когда приобретающий или принимающий в залог от кого-либо имущество знал или по обстоятельствам дела должен был знать, что имущество куплено в рассрочку и полностью не оплачено, и когда отчуждено или отдано в залог имущество, купленное в рассрочку у государственного учреждения либо предприятия или у кооперативной организации.

Постановлением ЦИК и СНК СССР 4 сентября 1929 г.² установлено, что в случае перепродажи без согласия машиноснабжающих организаций купленных в рассрочку сельскохозяйственных машин и орудий до полной уплаты за них покупной цены машиноснабжающие организации и учреждения сельскохозяйственного кредита могут досрочно взыскать все неуплаченные за эти машины и орудия платежи как с перепродавца, так и с покупателя перепроданной машины за совокупной (солидарной) их ответственностью. Помимо этого, перепродавец в подлежащих случаях привлекается к уголовной ответственности³.

Безвозмездное отчуждение — дарение — в этом периоде было регламентировано свободнее. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 15 февраля 1926 г.⁴ «в целях создания более благоприятных условий образования и прилива в страну материальных и денежных средств» первая часть ст. 138 ГК, ограничивавшая дарения суммой 10 000 руб., была отменена. Таким образом, дарения

¹ СУ 1923 г. № 79, ст. 770.

² СЗ 1929 г. № 58, ст. 538.

³ По этому вопросу см. еще специальное постановление ВЦИК и СНК РСФСР 18 февраля 1929 г. (СУ 1929 г. № 18, ст. 188) с дополнением к нему 9 мая 1929 г. (СУ 1929 г. № 38, ст. 400).

⁴ СУ 1926 г. № 10, ст. 73.

стали допускаться на любую сумму (с имуществ, переходящих в порядке дарения, взимается прогрессивный налог на тех же общих основаниях, как с имуществ, переходящих в порядке наследования, и в половинном размере по сравнению с налогом с наследства).

3

Договор имущественного найма и в этот период имеет широкое применение. Внимание законодательства обращено главным образом на специальную разновидность этого договора — договор жилищного найма. Многочисленные постановления, изданные в этой области, окрашены основной идеей: способствовать сохранению жилищного фонда, как источника удовлетворения одной из насущнейших потребностей трудящихся. В этом направлении большое внимание уделяется в этот период прежде всего вопросу о квартирной плате. В законодательстве все с большей последовательностью проводится тот принцип, что, с одной стороны, муниципализированный жилищный фонд не является для государства доходной статьей, с помощью которой оно пополняет свой бюджет, но что, с другой стороны, квартирная плата должна быть достаточна для того, чтобы покрывать расходы по содержанию и восстановительному ремонту домов (принцип самокупаемости). Под этим углом зрения и были изданы главные постановления, относящиеся к вопросу о квартирной плате: постановление ЦИК и СНК СССР 4 июня 1926 г.¹, постановление ВЦИК и СНК РСФСР 23 августа 1926 г.², постановление ЦИК и СНК СССР 4 января 1928 г.³, постановление ВЦИК и СНК РСФСР 14 мая 1928 г.⁴.

Декретами СНК РСФСР 3 февраля и 10 июля 1926 г.⁵ на обязанность предприятий и учреждений, имевших закрепленные за ними муниципализированные дома, возлагалось содержание их в полной исправности, производство капитального и текущего ремонта и т. д.; постановлением СНК РСФСР 29 июля 1927 г.⁶ была усилена ответственность за бесхозяйственное содержание поме-

¹ СЗ 1926 г. № 44, ст. 312.

² СУ 1926 г. № 56, ст. 433.

³ СЗ 1928 г. № 6, ст. 49.

⁴ СУ 1928 г. № 53, ст. 402.

⁵ СУ 1926 г. № 11, ст. 86; № 41, ст. 318.

⁶ СУ 1927 г. № 77, ст. 526.

щений (штрафы, выселение), постановление ВЦИК и СНК РСФСР 4 апреля 1927 г.¹ усилило уголовную и гражданскую ответственность домоуправлений за бесхозяйственное управление домами. Та же мысль нашла отражение и в постановлениях общего характера, каковы: декрет СНК РСФСР 21 мая 1926 г. о мероприятиях по жилищному хозяйству²; декрет ВЦИК и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. о льготах по рабочему жилищному строительству³; декрет ВЦИК и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. о мерах к упорядочению эксплуатации муниципального жилищного фонда⁴ и др.

Для той же цели был издан ряд законов, имевших в виду сделать положение нанимателя более прочным и этим способствовать большей его заинтересованности в поддержании жилища на надлежащем уровне. В частности, много внимания уделялось законодательством вопросу об упорядочении административного выселения нанимателей из занимаемых ими жилых помещений. Не касаясь многочисленных частных постановлений на эту тему, необходимо назвать постановление ВЦИК и СНК РСФСР 14 июня 1926 г., давшее сводку всех ранее изданных постановлений об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений. Далее, декретом ВЦИК и СНК РСФСР 16 августа 1926 г. «Об ограничении принудительного уплотнения и переселения в квартирах»⁵ запрещено принудительное уплотнение при наличии внутрикомнатных излишков (не составляющих излишней изолированной комнаты); в этом случае допускается только самоуплотнение. Если же у съемщика жилого помещения имеется излишняя непроходная комната, домоуправление имеет право требовать ее изъятия, но не иначе, как в судебном порядке. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 1 августа 1927 г.⁶ урегулирован ряд основных вопросов из области жилищного найма; в частности, формулировано понятие самостоятельного права на жилую площадь. Вопросы, связанные с обменом жилой площа-

¹ СУ 1927 г. № 36, ст. 236.

² СУ 1926 г. № 32, ст. 257.

³ СУ 1926 г. № 71, ст. 557.

⁴ СУ 1926 г. № 70, ст. 555.

⁵ СУ 1926 г. № 53, ст. 419.

⁶ СУ 1927 г. № 60, ст. 535.

ди, подробно регламентированы постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 20 августа 1928 г.¹.

Характерная особенность данного периода, как периода усиления борьбы с оставшимися капиталистическими элементами, сказалась, между прочим, в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР 8 апреля 1929 г.², которым было ограничено право проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных и национализированных домах.

Сдача нежилых помещений для торгово-промышленных и складских целей регламентировалась постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 2 сентября 1929 г.³. Согласно этому постановлению, коммунальные органы обязаны были в первую очередь сдавать нежилые помещения в аренду государственным учреждениям и предприятиям, смешанным акционерным обществам, кооперативным организациям, профсоюзным и общественным организациям. Только в том случае, если ни от одной из таких организаций заявок не поступало, назначались публичные торги. Тарифы определялись на началах самокупаемости и утверждались городскими советами.

Борьба за социалистическую индустриализацию сопровождалась прекращением практики сдачи в аренду государственных предприятий.

4

Развитие строительства, наблюдавшееся в данном периоде, отразилось в правовой регламентации договора подряда именно в области капитального строительства. Подчеркивается принципиальное положение, что не должно производиться строительство, на которое нет утвержденного проекта, во всяком случае если стоимость строительства превышает известный установленный лимит (постановление СТО 24 мая 1926 г.⁴); установлен порядок утверждения проектов промышленного строительства (постановление ЦИК и СНК СССР 23 ноября 1927 г.⁵) и непромышленного строительства (поста-

¹ СУ 1928 г. № 113, ст. 698.

² СУ 1929 г. № 33, ст. 339.

³ СУ 1929 г. № 69, ст. 675.

⁴ СЗ 1926 г. № 47, ст. 341.

⁵ СЗ 1927 г. № 66, ст. 672

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 6 сентября 1926 г.³ в Гражданский кодекс в отдел обязательственного права включена новая глава (IXа), посвященная договору комиссии. Под этим названием разумеется договор, по которому одно лицо (комиссионер) обязуется по поручению другого лица (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента. Предмет договора определялся ст. 275-а (в ее первоначальной редакции) как не запрещенные законом сделки по купле-продаже товаров, ценных бумаг и других имуществ, по отправке и страхованию товаров и грузов, а также по получению и производству платежей. При заключении комиссионером договора с третьим лицом он сам приобретает из этого договора права и становится обязанным, хотя бы комитент был назван в договоре или вступил с третьим лицом в непосредственные отношения по исполнению договора, заключенного с этим лицом комиссионером (ст. 275-в). Комиссионер обязан исполнить принятое на себя поручение на наиболее выгодных для комитента условиях. Если комитент дал прямые указания относительно условий договора, то комиссионер обязан их придерживаться и вправе отступить от них только в том случае, если в силу изменившихся обстоятельств отступление необходимо в интересах комитента, а получить от него предварительное разрешение на отступление от его указаний комиссионер не может. На комиссионере во всяком случае лежит обязанность немедленно известить комитента как о заключении сделки с третьим лицом, так и об исполнении этой сделки, исполнить все обязанности и осуществить все права, вытекающие из сделки с третьим лицом, а по окончании поручения представить комитенту отчет и передать ему все причитающееся, а также передать по требованию комитента все обязательства против третьих лиц, вытекающие из договора комиссии (ст. 275-е). Если

¹ СЗ 1928 г. № 5, ст. 43.

² СЗ 1928 г. № 53, ст. 477.

³ СУ 1926 г. № 59, ст. 451.

комиссионеру удастся заключить договор с третьим лицом на более выгодных по сравнению с указанными комитентом условиях, выгода от этого поступает комитенту (ст. 275-ж).

6

В рассматриваемый период имели широкое применение договоры контрактации, по которым колхозы, а также отдельные колхозники и единоличники принимали на себя обязательство сдать государственным органам различные продукты сельского хозяйства (зерновые и технические культуры, скот-молодняк, шерсть и т. д.), а также выполнить мероприятия, имеющие своей целью подъем и техническую реконструкцию сельского хозяйства, его производственное кооперирование и коллективизацию. Контрактующие организации обязывались помогать контрагентам средствами удобрения, семенами, предметами потребления и т. д., а также оказывать содействие в осуществлении установленных договором мероприятий.

В постановлении Совета труда и обороны 14 декабря 1928 г. «О контрактации продуктов сельского хозяйства в 1928/29 г.»¹ отмечаются, в качестве недостатков контрактации, недостаточно тщательный выбор хозяйств, с которыми заключаются контракты, в смысле обеспечения сдачи ими обусловленной по договору товарной продукции, недостаточное привлечение посевщиков к предварительному обсуждению договоров и планов контрактации и др. Постановление СТО признает необходимым дальнейшее расширение практики контрактации, причем работа по контрактации должна быть проникнута началом планирования, именно — увязана с общим планом сельского хозяйства. Для поощрения маломощных хозяйств к увеличению товарной продукции установлен повышенный размер аванса, выдаваемого таким хозяйствам, при условии, если они действительно в состоянии дать товарную продукцию в размере, обусловленном договором. Дальнейшие улучшения постановки дела контрактации намечены в постановлении СНК

¹ СЗ 1929 г. № 3, ст. 29.

СССР 7 октября 1929 г. «О контрактации продуктов сельского хозяйства»¹.

Товарищ Сталин в 1927 г. охарактеризовал значение договора контрактации следующим образом: «...этот путь есть прямой подход к коллективизации сельского хозяйства»².

Система контрактации встретила сопротивление со стороны кулачества, вследствие чего законодательством было обращено внимание на обеспечение выполнения контрактационных договоров. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 30 декабря 1929 г. «О порядке заключения и выполнения договоров о контрактации сельскохозяйственных продуктов земельными обществами»³ введены были следующие правила: постановления земельных обществ о заключении ими договоров о контрактации сельскохозяйственных продуктов выносятся на общих собраниях членов земельного общества, пользующихся правом избирать в советы; для выполнения принятого постановления о заключении договора контрактации общее собрание распределяет взятые на себя по договору обязательства между входящими в его состав дворами, учитывая мощность их хозяйств; раскладка, произведенная земельным обществом, подлежит утверждению сельсовета; в случае невыполнения отдельными хозяйствами раскладки все полученные ими (в качестве поощрения), а также несданные продукты взыскиваются в административном порядке (кроме тех случаев, когда хозяйство не могло выполнить обязательства по стихийным причинам или вследствие иных обстоятельств, которых хозяйство не могло предотвратить). Для злостных нарушителей контрактационных обязательств были установлены уголовные наказания⁴.

7

В рассматриваемый период некоторыми специальными актами регламентируются договоры о хранении имущества (так называемой поклажи). Этот договор предусматривается Примерным уставом комму-

¹ СЗ 1929 г. № 65, ст. 610.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 306.

³ СУ 1929 г. № 89/90, ст. 900.

⁴ СУ 1929 г. № 60, ст. ст. 589—591.

нальных ломбардов, утвержденным постановлением ЭКОСО РСФСР 16 сентября 1926 г.¹. Порядок приема имущества (по описи и оценке), ответственность за его сохранность и пр. определяются в уставе, правда, применительно к займу, обеспеченному ручным залогом, но этот же порядок распространяется и на хранение вещей (прямые нормы о договоре хранения вещей даны в позднейшем «Типовом уставе городского ломбарда» 1939 г.²).

Договоры о хранении имущества предусматриваются также постановлением ЦИК и СНК СССР 1 марта 1927 г.³ — хранение в товарных складах с обезличением товаров или без обезличения; Таможенным кодексом СССР 19 декабря 1928 г.⁴ и др.

8

Обязательство перевозки было регламентировано в рассматриваемый период новым, третьим по счету, советским уставом железных дорог (постановление СНК СССР 24 мая 1927 г.⁵). В 1928 и 1929 гг. в него были внесены некоторые изменения⁶. Потребность в издании нового устава вызывалась тем, что устав 1922 г. не в одинаковой мере ограждал интересы и самого железнодорожного транспорта, с одной стороны, и потребности промышленности и других отраслей народного хозяйства, с другой стороны.

Важнейшие различия по содержанию между уставами 1922 и 1927 гг. можно свести к следующим:

1) Перевозка пассажиров, багажа и грузов между всеми станциями признается обязанностью каждой открытой для общего пользования железной дороги одинаково в обоих уставах. Но устав 1922 г. резко разграничивал прием грузов, отправку которых железная дорога может осуществить в течение 48 часов (в уставе 1927 г. — 24 час.), и других, которые остаются некоторое время на хранении дороги, и это предварительное хранение рассматривается в уставе как самостоятельная, особо опла-

¹ СУ 1926 г. № 67, ст. 527.

² «Финансовый и хозяйственный бюллетень», 1940, № 5/6, стр. 22.

³ СЗ 1927 г. № 14, ст. 141.

⁴ СЗ 1929 г. № 1, ст. 2.

⁵ СЗ 1927 г. № 30, ст. ст. 307—308.

⁶ СЗ 1928 г. № 19, ст. 166; 1929 г. № 18, ст. 151 и др.

чиваемая операция, отделенная от перевозки. Устав 1927 г. объединяет эти обе операции, именуя это перевозкой с предварительным до отправки хранением (ст. 5), производимым бесплатно (ст. 51), и устанавливает одинаковую документацию для этих случаев, как и при приеме грузов к немедленной перевозке (дубликат и накладная, ст. 69).

2) Устав 1922 г. требовал обязательного объявления ценности сдаваемых к перевозке багажа и грузов (ст. ст. 28, 59); устав 1927 г. проводит начало факультативности, предоставляя пассажиру, сдающему багаж, и грузоотправителю только право объявить ценность багажа или груза (ст. ст. 36, 76), с оговоркой, что Центральный комитет по перевозкам определяет, какие грузы не принимаются к перевозке с объявленной ценностью и какие принимаются не иначе, как с объявлением ценности (ст. 76, ч. 2).

3) Уставу 1922 г. неизвестно право грузоотправителя ручаться за показанный им в накладной вес груза со всеми последствиями, связанными с таким ручательством. Наоборот, ст. ст. 66—67 устава 1927 г. специально выделяют этот случай: отправителю предоставляется право указать вес груза, предъявляемого к перевозке, с ручательством за правильность указанного веса, о чем делается обязательная отметка в накладной; только при неуказании веса отправителем вес груза определяется станцией отправления.

4) Устав 1927 г. открывает возможность превращения дубликата накладной из именного документа в предъявительский и обратно, при этом именной дубликат признается подлежащим передаче по именной передаточной надписи, совершенной на самом дубликате получателем груза (ст. 78). Попутно необходимо подчеркнуть, что дубликат, несмотря на такое название, нельзя рассматривать как второй экземпляр накладной, являющийся, как и сама накладная, документом, доказывающим права и обязанности железной дороги и ее клиентов: по ст. 58 устава 1927 г. накладная и ее дубликат (т. е. оба документа вместе) служат доказательством взаимных прав и обязанностей сторон, участвующих в договоре перевозки. Возможность передачи именного дубликата по передаточной надписи сближает его тем самым с предъявительским документом, так как это и придает именному дубликату, по

крайней мере в известной степени, характер товарораспорядительного документа: ст. 78 прямо говорит, что право распоряжаться грузом после выдачи дубликата накладной принадлежит отправителю или получателю груза (адресату) в зависимости от того, кто предъявит дубликат накладной, а также правопреемнику получателя груза по именной передаточной надписи, совершенной на самом дубликате. Закон добавляет, что передача дубликата именной накладной по надписи, сделанной отправителем груза, не допускается, т. е. надпись делается получателем (вследствие этого постановление ЦИК и СНК СССР 28 сентября 1927 г.¹ отменило постановление ЦИК и СНК СССР 27 апреля 1923 г. о переуступке прав по накладным). В других частях устава 1927 г., в частности по важнейшему вопросу об ответственности железной дороги за сохранность груза, принципиальных и сколько-нибудь существенных различий с уставом 1922 года нет.

Несмотря на обширность устава 1927 г. (128 статей), он далеко не исчерпывает всего нормативного материала, относящегося к обязательству железнодорожной перевозки; дополнением к нему служат тарифные правила (регламентирующие взимаемые за услуги железных дорог провозные платы и дополнительные сборы, а равно правила исчисления и взимания этих плат и сборов), а также другие специальные правила, имеющие такую же обязательную силу, как и устав железных дорог.

Договор морской перевозки был регламентирован сначала Положением о морской перевозке 28 мая 1926 г.², а затем Кодексом торгового мореплавания Союза ССР 14 июня 1929 г.³. По договору морской перевозки грузов одна сторона (фрагтовщик, перевозчик) обязуется перевезти груз на судне из одного места в другое морским путем, а другая сторона (фрагтователь, отправитель) обязуется уплатить за это условленное вознаграждение (фрагт). Основным документом, доказывающим и факт заключения договора и его содержание, является коносамент. По кодексу 1929 г., коносамент может быть именной (на имя определенного

¹ СЗ 1927 г. № 57, ст. 573.

² СЗ 1926 г. № 39, ст. ст. 283—284.

³ СЗ 1929 г. № 41, ст. 365—366.

получателя), ордерный (приказу отправителя или получателя), на предъявителя. Именной коносамент может быть передан от одного лица другому только на основаниях, установленных для передачи долгового требования. Ордерный коносамент может передаваться по именным или бланковым передаточным надписям. Коносамент на предъявителя передается простым его вручением (ст. ст. 80—81 Кодекса торгового мореплавания). Перевозчик отвечает за утрату и повреждение груза, а также за задержку в его сдаче, если только утрата, повреждение или задержка не произошли вследствие обстоятельств, которые не могли быть устранены заботами добросовестного перевозчика. К числу таких обстоятельств ст. 116 относит: непреодолимую силу, опасности и случайности на море и других судоходных водах, пожар, действия и распоряжения власти, военные действия и народные волнения, действия или упущения отправителя или получателя, свойства груза и т. д. В некоторых случаях отвечает не перевозчик, а судовладелец, т. е. лицо, эксплуатирующее судно от своего имени, независимо от того, является ли оно собственником судна или эксплуатирует его по договору с собственником или на ином законном основании (ст. ст. 177—178).

9

Отношения по договору займа получают широкое применение на почве кредитования различных отраслей промышленности и других областей народного хозяйства — выдачи целевых и иных ссуд, по общеупотребительной терминологии нашего законодательства (устав Государственного банка 1929 г.¹). Постановлением ЭКОСО 29 апреля 1926 г.² утверждены правила выдачи первичным кредитно-кооперативным организациям ссуд в основные капиталы за счет средств, отпускаемых по государственному бюджету.

Широко применяются договор займа на жилищное строительство (постановление ЦИК и СНК СССР 4 января 1928 г. «О жилищной политике»³), предоставление займов промысловым кредитным товариществам и про-

¹ СЗ 1929 г. № 38, ст. ст. 332—333.

² СУ 1926 г. № 31, ст. 235.

³ СЗ 1928 г. № 6, ст. 49.

мысловым кредитным союзам¹. Договоры займа, обеспеченные ручными залогами, совершаются в коммунальных ломбардах на основании их примерного устава².

В области кредитно-расчетных отношений в качестве мероприятия, связывающего данный период развития гражданского права со следующим, когда была проведена кредитная реформа, следует отметить постановление СНК СССР 18 ноября 1929 г.³, воспретившее авансы в отношениях между государственными и кооперативными организациями. Допущена, однако, выдача авансов наличными деньгами государственным промышленным предприятиям местного значения, сбывающим свою продукцию не по генеральным договорам. Следует отметить также постановление ЦИК и СНК СССР 6 ноября 1929 г., утвердившее Положение о чеках⁴. Этим законом создана новая форма расчета. Поскольку Положение о чеках названным постановлением введено в действие с 15 января 1930 г., эта форма расчетов относится по существу к следующему периоду. Чеком считается письменное, не обусловленное никакими оговорками предложение чекодателя плательщику (кредитному учреждению) произвести платеж определенной суммы денег чекодержателю. Плательщиком по чеку может быть только кредитное учреждение. Чек может быть выдан: а) на предъявителя, б) приказу определенного лица (ордерный чек), в) на имя определенного лица (именной чек). Чек подлежит оплате по предъявлении в течение 10 дней со дня выдачи. Чекодатель несет перед чекодержателем ответственность за оплату чека.

10

17 августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение об акционерных обществах⁵, дополнения и изменения к нему — 13 марта и 23 ноября 1929 г.⁶ В этом союзном законе не только дается более подробная и точная регламентация акционерных обществ по сравнению с соответствующими разделами Граждан-

¹ СЗ 1928 г. № 19, ст. 172—173.

² СУ 1926 г. № 67, ст. 527.

³ СЗ 1929 г. № 72, ст. 694.

⁴ СЗ 1929 г. № 73, ст. ст. 696—697.

⁵ СЗ 1927 г. № 49, ст. 499.

⁶ СЗ 1929 г. № 20, ст. 173 и № 74, ст. 706.

ского кодекса РСФСР и гражданских кодексов других союзных республик, но и вносятся некоторые существующие новшества. Акционерное общество признается государственным, если его уставом предусмотрено, что все акции общества должны принадлежать исключительно государственным учреждениям или предприятиям или что им должно принадлежать не менее $\frac{2}{3}$ всех акций, а остальные акции — смешанным акционерным обществам. Акционерное общество признается смешанным, если его уставом предусмотрено, что государственным учреждениям или предприятиям должно принадлежать не менее половины всех акций либо что определенное число акций должно принадлежать государственным учреждениям или предприятиям, а остальные акции могут принадлежать кооперативным и общественным организациям или другим смешанным акционерным обществам. Акции могут быть только именные.

11

Наконец, в отношении договора страхования постановлением ЦИК и СНК СССР 4 сентября 1929 г. об обязательном страховании имущества обобщественного сектора народного хозяйства¹ даны подробные указания, какие именно имущества подлежат обязательному страхованию, от каких рисков и т. д. Затем Кодексом торгового мореплавания 14 июня 1929 г.² регламентирован договор морского страхования, по которому страховщик принимает на себя за условленное вознаграждение (страховая премия) обязанность возместить убытки, происшедшие вследствие предусмотренных договором опасностей и случайностей, которым подвергается судно или груз.

Таким образом, в период борьбы за социалистическую индустриализацию договорные обязательства занимают видное место в системе советского права. При этом вполне определившийся к концу этого периода результат напряженной экономической и политической борьбы социалистического и частного начал отразился на

¹ СЗ 1929 г. № 55, ст. 514.

² СЗ 1929 г. № 41, ст. 366.

договорных обязательствах в том, что договор в это время находит для себя применение главным образом в практике госорганов, ведущих свою работу хозрасчетным методом на основе плана, проводимого в жизнь посредством договоров; частник все более и более ограничивается в смысле участия в товарообороте. На первый план выступил обобществленный оборот, т. е. имущественные отношения социалистического характера.

Договор — не единственная правовая форма, в которую облакаются и на которой основываются операции хозрасчетных организаций, но договор является основной и важнейшей формой отношений хозрасчетных организаций, приобретающей все большее значение в народнохозяйственной жизни. Это обстоятельство правильно учли и оценили, в частности, арбитражные комиссии, немало поработавшие над укреплением договора, над внедрением его в практику, над воспитанием хозяйственных работников в направлении уважения силы договоров и сознания необходимости неуклонно соблюдать договоры. Борьба за договорную дисциплину, за точное и своевременное исполнение договоров в свою очередь способствовала применению и распространению в жизни договорных отношений.

В следующий период развития договорные отношения входят с широкими перспективами дальнейшего развития и укрепления на базе планирования социалистического хозяйства.

V. Договорные обязательства в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства и за завершение строительства социалистического общества

1

Уже в первые годы Советского государства было признано, что наиболее целесообразным методом хозяйствования является применение в предприятиях хозяйственного расчета. Об этом методе не раз писал В. И. Ленин; упоминание о нем встречается в законодательных и директивных актах предыдущих периодов. Но в настоящем периоде развития Советского государства значение хозрасчета особенно возросло: по мере усиления планового начала в народ-

ном хозяйстве усиливалось и значение хозрасчета.

Еще на грани между предыдущим и настоящим периодом развития Советского государства в постановлении ЦК ВКП(б) 5 декабря 1929 г. говорилось: «До настоящего времени перевод на хозяйственный расчет совершился далеко не на всех предприятиях. Это мероприятие должно быть решительно проведено в кратчайший срок на всех без исключения предприятиях промышленности». Эта директива вытекала из характеристики хозрасчета, дававшейся в том же постановлении: «Перевод предприятий на хозяйственный расчет выявляет лицо предприятия, способствует рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения и вызывает вместе с тем противодействие элементам бюрократизма и волокиты».

Последовательное проведение хозрасчета в социалистическом предприятии есть одно из основных условий выполнения и перевыполнения плана. Директива, данная 5 декабря 1929 г., была проведена в жизнь не сразу. В постановлении СНК СССР 16 августа 1930 г.¹ недостаточно успешное осуществление кредитной реформы объясняется, в частности, медленным исполнением директивы о переводе на хозяйственный расчет предприятий обобщественного сектора. Даже 31 января 1937 г. в речи Г. К. Орджоникидзе на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности вновь отмечается, что хозрасчет на заводах не проводится достаточно последовательно. Но исключительно важное значение, которое придавалось хозрасчету в рассматриваемом периоде, делало необходимым проведение его в жизнь с максимальной настойчивостью. Этого требовало быстрое развитие социалистических начал в народном хозяйстве страны и высокий уровень планирования, достигнутый к этому времени. Необходимость внедрения хозрасчета указывается в числе исторических «шести условий» развития промышленности, выдвинутых товарищем Сталиным в его речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

Значение хозрасчета подчеркивалось в этот период во многих законодательных актах общего характера.

---

¹ СЗ 1930 г. № 48, ст. 504.

Так, в постановлении 2-й сессии ЦИК СССР VI созыва о народнохозяйственном плане СССР на 1932 г. (25 декабря 1931 г.¹) борьба за хозрасчет названа, наряду с некоторыми другими моментами, необходимой предпосылкой, без которой неосуществимо должное использование возможностей социалистического хозяйства и обеспечение большевистских темпов роста. В постановлении СНК СССР 20 марта 1931 г.² хозрасчет признается важнейшим рычагом управления хозяйственными организациями и подчеркивается, что, только оставаясь на почве хозрасчета и опираясь целиком на хозрасчет, кредитная реформа обеспечит контроль рублем за выполнением хозяйственных планов и за ходом накоплений в обобщественном секторе народного хозяйства, усилит хозяйственную заинтересованность каждого предприятия и каждого хозоргана в выполнении планов, в рационализации производства, в снижении себестоимости, в накоплении прибылей.

На важное значение хозрасчета и необходимость борьбы за хозрасчет указывается в постановлении Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР 6 апреля 1931 г.³, в обращении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21 октября 1931 г. о новых мероприятиях по внедрению хозрасчета⁴.

Вместе с этим ростом значения хозрасчета усиливается и значение договора как наилучшей формы сочетания плана и хозрасчета. Необходимо, однако, отметить, что в первый год осуществления кредитной реформы, в связи с неудовлетворительностью ее подготовки, а также вследствие допущенных при проведении кредитной реформы ошибок и даже прямого вредительства, отношения между социалистическими предприятиями стали складываться так, что значение договора пошло было на убыль. Дело в том, что в первый год проведения кредитной реформы стала практиковаться оплата банком счетов поставщика (подрядчика и т. п.) независимо от согласия плательщика на оплату счетов. Следствием этой практики явилось сначала ослабление договорной дисциплины: поставщик, зная, что его счета

¹ СЗ 1931 г. № 75, ст. 500.

² СЗ 1931 г. № 18, ст. 166.

³ «Известия» 7 апреля 1931 г.

⁴ «Известия» 22 октября 1931

будут оплачены, даже если он и не вполне соблюдает договор, утрачивал стимулы к точному исполнению договора. На этой почве стал ослабевать и вообще интерес к договорам: стороны видели, что расчеты ведутся в полном отрыве от договоров, и потому нередко не считали нужным заключать договоры.

Неудовлетворительность и недопустимость такой постановки дела была выявлена очень скоро, и уже в 1931 г. были проведены существенные поправки к кредитной реформе. Вместе с тем стала все более и более признаваться вся важность договора. В постановлении СНК СССР 20 марта 1931 г. в разделе «О мерах, обеспечивающих хозрасчет в организациях обобщественного сектора, и об укреплении кредитной реформы¹» дается четкое предписание: «Государственные, хозяйственные и кооперативные органы и предприятия в пределах плановых заданий устанавливают свои взаимоотношения по поставкам товаров, производству работ и оказанию услуг путем заключения договоров и дачи заказов и несут за их выполнение законом установленную ответственность». В постановлении ЦИК и СНК СССР 18 февраля 1931 г. об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам для обобщественного сектора народного хозяйства² на хозяйственные органы возлагается обязанность оформлять заказы и поставки путем заключения письменных договоров. Неоформление отношений хозорганов договорами приводится в разъяснении 25-го пленума Верховного суда СССР 28 октября 1931 г. в качестве одного из нарушений в области системы хозрасчета, влекущих уголовную ответственность³. Важность договорного оформления отношений подчеркивается также в издающихся ежегодно законах о договорных кампаниях. Из этих законов особенно важны: 1) постановление СНК СССР 3 января 1933 г. о заключении договоров на 1933 год⁴ и 2) постановление СНК СССР 19 декабря 1933 г. о заключении договоров на 1934 год⁵. Эти постановления

¹ СЗ 1931 г. № 18, ст. 166.

² СЗ 1931 г. № 10, ст. 109.

³ «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» (в дальнейшем БФХЗ), 1931, № 32, стр. 67.

⁴ СЗ 1933 г. № 1, ст. 4.

⁵ СЗ 1933 г. № 73, ст. 455.

приобрели значение одного из основных источников договорного права данного периода; в них получили разрешение вопросы и об общих формах договорных связей и о конкретном содержании договоров. В первом из этих законодательных актов отмечается, что задачи дальнейшего развертывания социалистического строительства требуют решительного укрепления договорных отношений между хозяйственными организациями как одного из важнейших условий проведения хозрасчета и выполнения народнохозяйственного плана. Как в этом постановлении, так и в постановлении 19 декабря 1933 г. подчеркивается важное оперативное значение договора как орудия борьбы за план.

В отношении мер борьбы за договорную (и тем самым — за плановую) дисциплину особенно важно названное выше постановление СНК СССР 19 декабря 1933 г. Это постановление (в ст. 19) категорически требует, чтобы в договорах предусматривались последствия нарушения договорных обязательств: пеня, неустойка, штраф, взыскание убытков, причем уплата санкций и возмещение убытков не освобождают сторону, уплатившую их, от выполнения договора. В частности, особо повышенные размеры пени и неустойки должны быть установлены за систематическую неоплату продукции покупателем.

Требование своевременного и точного исполнения социалистическими организациями их договорных обязательств, усиление санкций за нарушение этих обязательств, в особенности систематическое, стоит в неразрывной связи со все усиливающимся ростом значения хозрасчета. Этим, между прочим, объясняется то обстоятельство, что хотя санкции, как и всякие гражданско-правовые претензии, взыскиваются в исковом порядке, т. е. по инициативе заинтересованной организации, однако хозорганам не принадлежит право «амнистировать» неисправных контрагентов, равнодушно относиться к нарушениям договорных обязательств контрагентами. Проведение хозрасчета предполагает, что как достижения, так и недостатки в работе каждого предприятия должны найти отражение в его финансовом состоянии. Эта мысль неоднократно находила выражение и в различных ведомственных актах, издававшихся по вопросу о договорной дисциплине. Так, в при-

казе ВСНХ СССР № 850—1931 г. даются указания в том смысле, что недопустимо включение в договор условия об освобождении контрагентов от ответственности за просрочку или неисполнение договоров, если просрочка или неисполнение обусловлены несвоевременной доставкой или отказом в доставке им заказанного или необходимого оборудования, материалов или товаров. Освобождение от ответственности за нарушение договорного обязательства возможно лишь в тех исключительных случаях, когда для исполнения договоров требуется импортное оборудование или материалы, а они не получены, а также когда договор не исполняется в силу обстоятельств, не зависящих от поставщика (стихийное бедствие и т. п.).

Большую роль в деле укрепления договорной дисциплины сыграла арбитражная практика. Уже в этот период госарбитраж стоит на той позиции, что исполнение договоров должно стоять на уровне выполнения народнохозяйственного плана, и, исходя отсюда, он выносит свои постановления о мерах побуждения неисправного контрагента к исполнению договора. В этом направлении следует упомянуть специальный циркуляр Госарбитража при СНК СССР 8 апреля 1934 г. о повторном взыскании штрафов за недогруз¹. Требованию восполнения недогруза арбитраж придает такое большое значение, что предъявляет неисправному поставщику это требование и скрепляет его санкцией даже по собственной инициативе².

Особое значение придается качественной стороне исполнения. Постановление 19 декабря 1933 г. специально оговаривает, что стороны обязаны установить в договоре последствия поставки недоброкачественной, некомплектной, немаркированной и неассортиментной продукции, не допуская ослабления санкций и изменения сроков предъявления рекламаций, установленных в инструкции Госарбитража при СНК СССР.

В случае систематического нарушения основных договорных обязательств органам государственного и ве-

---

¹ Бюллетень Госарбитража при СНК СССР, 1934, № 9, стр. 32.

² О подобного рода практике см., например, «Бюллетень Госарбитража», 1934, № 18, стр. 25.

домственного арбитража предоставлено право устанавливать повышенные против договора штрафы. Вместе с тем предложено персональных виновников нарушения договоров привлекать к ответственности по постановлению ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г.¹ Относительно порядка взыскания договорных санкций пленум Верховного суда РСФСР постановлением от 16 ноября 1931 г.² разъяснил, что, в целях укрепления договорной дисциплины, требуемой последовательным проведением начал хозрасчета, взыскание как основного долга, так и санкций при неоплате акцептованного или просроченного акцептом счета на отправленный товар или оказанные услуги из-за отсутствия у покупателя кредитов в банке производится в порядке исполнительных надписей. Если же обязанная сторона считает, что подлежащие взысканию пеня и неустойка чрезмерно велики и подлежат уменьшению по ст. 142 ГК или что самое взыскание санкций не имеет достаточных оснований, она вправе предъявить в общем порядке иск об уменьшении определенной в исполнительной надписи пени и неустойки. В практике обнаружилась склонность «углубить» и расширить применение этого упрощенного порядка взыскания; стали допускать списание суммы санкций, даже вообще отрешившись от принципа акцепта. Постановление СНК СССР 19 декабря 1933 г. упорядочивает и эту сторону дела, требуя, чтобы списание со счетов хозяйственных органов пени, неустойки, штрафа и убытков в безакцептном порядке не допускалось.

Придавая взысканию санкций важное значение как средству повлиять на неисправного должника, постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1932 г.³ установило сокращенные давностные сроки для взыскания санкций за неисполнение договоров. Этим имелось в виду способствовать тому, чтобы в случае нарушения договора заинтересованная организация возможно быстрее принимала меры к побуждению неисправной стороны сделать все необходимое для исправления допущенного нарушения договора. Если же организация,

¹ СЗ 1931 г. № 10, ст. 109.

² Протокол № 14, п. 3. БФХЗ, 1932, № 2, стр. 46.

³ СЗ 1932 г. № 26, ст. 161.

несущая ответственность за нарушение договора, не принимает необходимых мер, другая сторона не должна ей потворствовать, а в кратчайший срок обязана обращаться в органы арбитража (циркуляр Госарбитража при СНК СССР 27 марта 1933 г¹). В этом постановлении еще раз выражена мысль, что не должно допускаться безразличное отношение хозорганов к нарушению договора, хотя бы это безразличие выразилось в том, что хозорган, нарушающий договор, не понесет последствий нарушения в течение более или менее продолжительного времени: принцип хозрасчета требует энергичного и быстрого применения санкций.

Ведя борьбу за договорную дисциплину требованием строгой ответственности за нарушение договора, постановления 3 января и 19 декабря 1933 г. и др. категорически воспрещают односторонний отказ от выполнения договора и одностороннее изменение его условий. Расторжение и изменение договоров допущено только в исключительных случаях и притом с надлежащего разрешения.

Важное значение как в вопросе обеспечения договорной дисциплины, так и для характеристики природы двустороннего договора имеет постановление СТО 16 июня 1931 г. «О порядке применения системы кредитования, установленной постановлениями СНК СССР от 14 января и 20 марта 1931 г.»². Постановление СТО можно разделить на несколько частей. Прежде всего, оно регламентирует те случаи, когда поставщик исполнил свое обязательство, товар отгрузил, а обязанность покупателя оплатить товар осталась неисполненной из-за отсутствия у покупателя свободного кредита. На этот случай постановление СТО 16 июня 1931 г. предоставляет поставщику право: 1) приостанавливать исполнение предусмотренных договором обязательств (отгрузка товаров), пока плательщик не представит справки банка о наличии у него свободного кредита; 2) отказаться от сдачи неисправному плательщику того количества товаров, которое ему было отправлено, но им не получено из-за отсутствия свободного кредита; 3) отка-

¹ БХФЗ, 1933, № 13, стр. 43.

² СЗ 1931 г. № 40, ст. 282.

заться от сдачи неаккуратному плательщику того количества товара, отгрузка которого была приостановлена.

Далее постановление 16 июня 1931 г. указывает, что если у покупателя нет кредита для оплаты акцептованных или просроченных акцептом счетов, то поставщик имеет право в исключительных случаях, когда товар может быть использован лишь данным покупателем (предприятием), передать товар покупателю с тем, что Госбанк оплачивает эти счета из средств покупателя в порядке очередности, по мере поступления средств на его контокоррентный счет.

Таким образом, постановление 16 июня 1931 г. можно рассматривать в известной мере как корректив к общему правилу о последовательности исполнения встречных обязательств социалистических организаций по синаллагматическому договору. Из смысла закона о кредитной реформе следует, что организация-поставщик должна первой исполнить обязательство, т. е. отгрузить товар, и лишь после этого предъявить организации-покупателю счет и требовать платы. Постановление 16 июня 1931 г. предоставляет поставщику право, не переходя от акцептной формы расчетов к аккредитивной, ставить сдачу товара покупателю в зависимость от представления им справки банка о наличии свободного кредита для оплаты. Еще важнее специальное указание, что если поставщику пришлось приостановить сдачу товара из-за отсутствия у покупателя средств для оплаты, то поставщик может и вообще отказаться от сдачи неаккуратному плательщику того количества товара, отгрузка которого была приостановлена, или, по выражению хозяйственников, «исключить это количество товара из договора». Следует признать, что такая сильная форма реакции на задержку в оплате товара, ведущая к нарушению плана покупателя, в настоящее время, когда принцип планирования получил максимальное и исключительное значение в народном хозяйстве, недопустима, как противоречащая этому принципу (хотя в целом постановление 16 июня 1931 г. не утратило значения).

Нужно отметить еще постановление СТО 20 января 1932 г.¹, которым поручается Госбанку регистрировать

¹ СЗ 1932 г. № 4, ст. 29.

в особых списках хозорганы, не оплатившие своих обязательств Госбанку или своим контрагентам. Хозорган признается неисправным плательщиком в случае неоплаты им в течение 10 дней акцептованного счета-фактуры ввиду отсутствия достаточных средств на расчетном счете. В случае повторной неоплаты в том же квартале в течение 10 дней акцептованного счета-фактуры хозорган признается неплатежеспособным. Неплатежеспособным признается хозорган также и в случае неоплаты им в срок из-за отсутствия покрытия срочного обязательства по ссуде, полученной от банка, или чека расчетного счета. Правление Госбанка и его филиалы ежедекадно сообщают о неплатежеспособных и неисправных хозорганах вышестоящим органам, которым непосредственно подчинены неплатежеспособные и неисправные хозорганы; кроме того, о таких хозорганах публикуется в центральной и местной прессе. Хозорганы исключаются из списка неплатежеспособных по истечении двух месяцев после внесения в список, если за это время не будет допущена вновь неоплата ими своих обязательств, а также до истечения двух месяцев, если хозорган докажет, что его финансовое положение укрепилось в достаточной степени и что он является вполне платежеспособным. Исключение из списка неплатежеспособных хозорганов производится по специальным постановлениям конторы или правления Госбанка. Из списка неисправных хозорганы исключаются автоматически при условии аккуратной оплаты ими в течение двух месяцев (со дня зачисления в список неисправных плательщиков) всех акцептованных счетов-фактур.

2

Система договорных связей имеет большое практическое значение. В зависимости от того, принимают ли договорные связи более сложный характер или, наоборот, строятся проще, находятся и сроки продвижения товаров, и темпы оборота средств предприятия, и порядок расчетов (более сложный или более простой) за поставляемую продукцию. Упрощение договорных связей вообще приближает производителя к

потребителю. Этим объясняется большое внимание, уделяемое советским правом этой стороне дела.

В рассматриваемый период получила широкое применение вошедшая в практику предыдущего периода система генеральных договоров, но с существенным изменением характера таких договоров. Раньше генеральный договор употреблялся, как уже указывалось выше, для объединения ряда дольщиков и, в соответствии с этим, сопровождался заключением на его основе договоров исполнения, заключаемых на одной стороне — теми же организациями, какие заключали генеральные договоры, а на другой — каждым отдельным дольщиком. Теперь генеральный договор заключается между центрами хозяйственных систем, а на его основе низовые и срединные организации тех же систем должны заключать свои местные, или локальные договоры. В постановлениях о договорных кампаниях (в частности, в постановлениях 3 января 1933 г., 19 декабря 1933 г., 14 декабря 1934 г.) система генеральных и локальных договоров рассматривается как основная, ведущая, а прямые договоры как исключение. Низовое предприятие в эти годы еще не признается (как это будет в следующем периоде) настолько окрепшим, чтобы можно было предоставить ему самому определять свои договорные отношения непосредственно (так называемыми прямыми договорами). Прямые договоры заключаются в случаях, специально предусмотренных законом (например, оформление поставок промартелями, взаимоотношения орсов с колхозами по децентрализованным заготовкам и т. п.), при поставке индивидуального оборудования, при наличии постоянной производственной связи между предприятием-поставщиком и предприятием-потребителем, затем — когда плановые назначения выделены в централизованном порядке не посредственно низовому звену покупателя, и т. п. Инструкцией Госарбитража при СНК СССР от 14 декабря 1934 г. разъяснено, что генеральные и локальные договоры во всяком случае должны быть заключены при наличии одновременно двух условий; а) если центры поставщика и покупателя имеют широко разветвленную сеть низовых организаций, переведенных на хозрасчет, и б) если плановые назначения, спускаемые на места центрами поставщика и потребителя, предварительно со-

гласованы между ними. Локальные договоры не должны заменяться нарядами-заказами, ордерами и т. п. (прямое запрещение такой замены содержится, например, в приказе НКТП 7 января 1933 г.¹).

Наряду с системой генеральных и локальных договоров постановление СНК СССР 19 декабря 1933 г. выделяет так называемые протокольные соглашения, заключаемые главными управлениями наркоматов. Протокольными соглашениями определяются порядок заключения договоров организациями, подчиненными этим главным управлениям, и основные условия этих договоров. Инструкция Госарбитража при СНК СССР 25 февраля 1933 г. (по применению названного постановления) разъясняет, что протокольное соглашение может предшествовать договору (как генеральному, так и прямому), но ни в коем случае не подменять его собою.

В генеральных договорах должны определяться: общее количество поставляемой продукции; разбивка этого количества по предприятиям-поставщикам и потребителям, с указанием точных сроков поставки; порядок и сроки заключения локальных договоров; сроки действия генеральных договоров и заключенных в их развитие локальных договоров; общие для всех локальных договоров гарантии исполнения (пени, неустойки и пр.); цены и общая стоимость поставки по генеральным договорам; всякого рода условия, которые могут быть общими для всех локальных договоров; качество продукции; порядок расчетов и пр.

В прямые и локальные договоры включаются такие условия, как твердое годовое количество поставляемой продукции с указанием частных сроков выполнения договора внутри квартала и срок действия договора; ассортимент и порядок сдачи поставляемой продукции; спецификация и качество поставляемой продукции; твердые цены на поставляемую продукцию; условия и порядок расчетов; условия о комплектности поставляемой продукции; порядок и сроки предъявления претензии при поставке продукции несоответствующего качества; общая стоимость поставляемой продукции; пени, неустойки, штрафы, возмещение убытков на случай невыполнения договора и т. д. Допускается заключение и так

¹ БФХЗ, 1933, № 3, стр. 10.

называемых долевыми договорами, в которых, наряду с основным поставщиком или покупателем (центром соответствующей системы), участвуют в определенных долях нижестоящие звенья той же системы (дольщики) — в отличие от практики предыдущего периода, когда дольщики заключали особые долевыи договоры на основе генерального договора. Инструкцией Госарбитража при СНК СССР 25 декабря 1933 г. рекомендуется пользоваться такой формой договорных связей в том, например, случае, когда поставщик, не имеющий сбытовой периферии, поставляет однородную массовую продукцию организациям, имеющим низовую сеть.

Специфическую категорию представляют собой договоры по экспорту. Приказом народного комиссара внешней торговли от 4 декабря 1932 г. даются следующие общие положения, на основе которых экспортные организации должны заключать договоры со своими контрагентами по экспорту (внутри СССР, т. е. с непосредственными исполнителями заказа по экспорту).

Основной и преимущественной формой договоров признается договор, заключаемый экспортной организацией с хозорганом, являющимся непосредственным исполнителем заказа по экспорту. Тут могут быть прямые договоры между ними, не предусматривающие заключения договоров исполнения и локальных договоров. Далее, возможны генеральные соглашения, заключаемые (между центральной экспортной организацией и предельным объединением, устанавливающие начала, на которых должны быть заключены договоры исполнения (между центральной экспортной организацией и предприятием, выполняющим заказ) или локальные договоры (между филиалами экспортной организации и предприятием, исполняющим заказ). Наконец, допускается система централизованных договоров, заключаемых между экспортным объединением и сбытовыми органами отдельных отраслей промышленности и другими центральными хозорганизациями, причем заключение локальных договоров или договоров исполнения не предполагается.

В договорах с экспедиторами должна быть оговорена материальная ответственность последних за своевременный отгруз товара, за немедленную отправку груза, за направление груза по правильному адресу, за кратчайшее и выгоднейшее направление.

Заключение плановых договоров не может быть поставлено в зависимость от такого случайного факта, как отсутствие разногласий между контрагентами по содержанию заключаемого договора. Поэтому широко применяется преддоговорный арбитраж во всех тех случаях, когда отдельные пункты договоров вызывают между договаривающимися сторонами споры и разногласия.

В рассматриваемый период в практику еще не вошли обязательства, возникающие непосредственно из плана и других административных актов, помимо заключенных договоров (как это стало применяться несколько позже, в следующем периоде). Договор в настоящем периоде является по существу единственным, а не только важнейшим основанием возникновения обязательств хозорганов. Это огромное значение договора особенно выдвинуло на первый план вопрос о контроле исполнения договоров между хозорганами. Еще в постановлении Президиума ВЦИК 25 апреля 1931 г. о работе советов по внедрению хозяйственного расчета и проведению новых форм кредитования обобщественного хозяйства¹ советам было вменено в обязанность развернуть работу в направлении систематического контроля за точным выполнением предприятиями и хозорганами своих взаимных обязательств в установленные сроки.

Вопросу о контроле исполнения договоров посвящено специальное постановление СНК СССР 7 марта 1933 г.² Этим постановлением признается необходимым организовать контроль исполнения договоров между хозорганами через представителей основных заказчиков на предприятиях, выполняющих заказы. Главная задача представителей заказчиков на предприятиях выражается в своевременной сигнализации соответствующему наркомату и Совнаркому об угрозе невыполнения заказов в срок. Для того чтобы этот контроль не отражался вредно на производстве контролируемого предприятия, постановление оговаривает, что представители заказчиков не должны вмешиваться на предприятии в процесс производства или давать какие-либо производственные директивы.

Кроме того, уже приведенным выше постановлением

¹ СУ 1931 г. № 24, ст. 225.

² СЗ 1933 г. № 18, ст. 102.

3 января 1933 г. на хозяйственные наркоматы и кооперативные центры была возложена обязанность обеспечить действительное наблюдение за заключением и выполнением договоров подведомственными им предприятиями.

Придавая большое значение реальному исполнению договорных обязательств и обеспечивая его понудительными мерами, арбитраж, однако, всегда проводил ту точку зрения, что материальными предпосылками реального исполнения договора являются соответствующие показатели в производственной работе предприятия должника, успешное выполнение им плана. Если организация-должник плана не выполняет, никакими мерами воздействия добиться реального исполнения договора в рамках хозяйственной целесообразности невозможно. В этих случаях может идти речь только о возмещении убытков от неисполнения договора. Полное освобождение от ответственности, за невозможностью исполнения, допускается арбитражной практикой лишь в исключительных случаях; простая ссылка на «объективные обстоятельства», не зависящие от должника (из которых особенно часто встречается в практике неполучение поставщиком сырья), арбитражем не принимается во внимание.

3

Выполнение первой сталинской пятилетки в области промышленности и сельского хозяйства, победа колхозной и совхозной системы сельского хозяйства над системой единоличного крестьянского хозяйства, сопровождавшаяся разгромом кулацких элементов в деревне, имели результатом огромное расширение посевных площадей, поднятие урожайности и быстрый рост валовой продукции зерна, а в области промышленности — расширение производства промышленных товаров, давшее возможность, в частности, удовлетворить и производственные нужды колхозов и личные потребности трудящихся деревни.

Эти экономические сдвиги — рост количества промышленных товаров и рост продукции зерна в деревне — имели своим последствием развертывание колхозной торговли. В целях снабжения городского населения, наряду с методом государственных

заготовок, стал применяться метод торговли продуктами сельского хозяйства самими колхозами, колхозниками и единоличными трудящимися крестьянами.

Такая именно установка — сочетание двух методов: метода государственных заготовок и метода колхозной торговли — прямо выражена в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) 6 мая 1932 г. о плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и о развертывании колхозной торговли хлебом и от 10 мая 1932 г. о плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян, а также в постановлении ЦИК и СНК СССР 20 мая 1932 г. о порядке производства колхозной торговли¹. Сочетание двух названных методов проводится в этих постановлениях таким образом, что государственный план заготовок по колхозам и единоличным хозяйствам значительно сокращен, но зато открыты широкие возможности продажи хлеба и мяса непосредственно самими колхозами, колхозниками, а также единоличниками-крестьянами. Все излишки хлеба, остающиеся у колхозов и колхозников по выполнении хлебозаготовительного плана и образования семенных фондов, могут быть совершенно свободно и беспрепятственно реализованы ими в порядке продажи по их усмотрению на базарах, рынках, в колхозных лавках. Такую же возможность беспрепятственной продажи получают колхозы, колхозники и единоличные трудящиеся крестьяне, аккуратно выполняющие план скотозаготовок, в отношении излишков крупного рогатого скота, свиней, овец и мясной продукции их хозяйств.

Разрешение торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличников имело существенное значение для развития договора купли-продажи на данном этапе истории.

Вводя колхозную торговлю хлебом, Совнарком и ЦК руководствовались, как указывал товарищ Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г., «прежде всего тем, чтобы расширить базу товарооборота между городом и деревней и улучшить снабжение рабочих сельскохозяйственными продуктами, а крестьян — городскими изделиями. Не может быть сомнений, что одной лишь государственной и кооператив-

¹ СЗ 1932 г. № 38, ст. 233.

ной торговли для этого недостаточно. Эти каналы товарооборота нужно было дополнить новым каналом — колхозной торговлей. И мы их дополнили, введя колхозную торговлю.

Они руководствовались, далее, тем, чтобы при помощи колхозной торговли хлебом дать колхознику добавочный источник дохода и укрепить его экономическое положение.

Они руководствовались, наконец, тем, чтобы введением колхозной торговли дать крестьянину новый толчок для улучшения работы колхозов как по линии сева, так и по линии уборки¹.

Колхозная торговля поставлена законом в льготные условия (освобождение от налогов и сборов, пониженные ставки арендной платы за помещения для колхозных ларьков, лавок и магазинов; например, постановление СНК СССР 2 августа 1935 г.² Задача развертывания колхозной торговли должна осуществляться наряду с методом государственных заготовок. Колхозы, колхозники и трудящиеся единоличники имеют право продавать продукты «по ценам, складывающимся на рынке».

Разрешение колхозной торговли предполагает вместе с тем борьбу с остатками капиталистических элементов, если бы они попытались проникнуть в торговлю: директивы партии и правительства направлены на искоренение перекупщиков и спекулянтов, на запрещение открытия магазинов и лавок частными торговцами. За соблюдением этих правил прокуратуре было предложено иметь особый надзор (циркуляр прокурора республики 8 июня 1932 г.³).

Договор купли-продажи получил, далее, значительное применение на почве децентрализованных заготовок сельскохозяйственных продуктов. Для руководства этими заготовками при Комитете заготовок при СТО было учреждено центральное конвенционное бюро. Согласно Положению от 15 ноября 1932 г.⁴, конвенционное бюро разрабатывает общие принципы и порядок ведения децентрализованных заготовок, устанавливает максимальные лимитные цены и т. д. Постановле-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 401.

² СЗ 1935 г. № 41, ст. 353.

³ «Советская юстиция», 1932, № 16, стр. 4.

⁴ БФХЗ, 1933, № 1, стр. 16.

нием СНК СССР от 25 декабря 1932 г. «Об организации заготовок незерновых сельскохозяйственных продуктов и работе конвенционных бюро на местах»¹, признано необходимым так организовать заготовки, чтобы при распределении районов между заготовительными организациями устранять нездоровую конкуренцию, ведущую к вздуванию цен; кооперативным заготовительным организациям предложено применять систему заключения длительных договоров с колхозами и сельпо.

Вообще одновременно с успехами социалистического строительства, выразившимися в исторических достижениях социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, развивался товарооборот между городом и деревней. В постановлении ЦИК СССР 15 января 1933 г. о народнохозяйственном плане Союза ССР на 1933 год, первый год второй пятилетки², отмечается, что за период первой пятилетки товарооборот между городом и деревней возрос почти в два раза, но что это ни в какой мере не ослабляет значения дальнейшего развертывания как основной производственной формы смычки, так и торговой формы смычки города с деревней и развития производства товаров широкого потребления для усиления снабжения рабочих и колхозных масс. В условиях преобладания социалистических элементов во всем народном хозяйстве и, в частности, в торговле, говорится далее в том же постановлении, торговая форма смычки подымается на такую ступень советской торговли, когда господствующее положение государственной, кооперативной, а также колхозной торговли дает возможность развернуть борьбу за полное искоренение спекулянтско-капиталистических элементов в товарообороте.

Для характеристики принципов, на которых строится советская торговля, важное значение имеет постановление ЦИК и СНК СССР 26 июля 1934 г. о продаже населению товаров чистым весом и полной мерой³, преследующее и за обман Советского государства и за обкрадывание потребителей (ст. 128-в УК РСФСР).

Договор купли-продажи является основным, самым

¹ СЗ 1933 г. № 84, ст. 520.

² СЗ 1933 г. № 6, ст. 38.

³ СЗ 1934 г. № 41, ст. 325.

распространенным договором, встречающимся в самых разнообразных отношениях и имеющим своим предметом самые различные вещи. Нет надобности останавливаться на договорах купли-продажи всех этих разнообразных объектов.

Заслуживает, однако, отдельного упоминания постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 мая 1935 г.¹ о приобретении государственными учреждениями и предприятиями, кооперативными и общественными организациями строений у частных лиц. Согласно этому постановлению, частновладельческие строения, а равно и строения, возведенные отдельными лицами на праве застройки, могут приобретаться социалистическими организациями только по цене, не превышающей инвентаризационной оценки этих строений, а если инвентаризация не проведена, то по цене, не превышающей страховой оценки. При этом сделка должна быть оформлена в коммунальном отделе местного исполкома или горсовета. Сделки, совершенные с нарушением приведенного постановления, признаются недействительными, а должностные лица государственных органов, кооперативных и общественных организаций, заключившие такие сделки, привлекаются к уголовной ответственности.

Обращаясь к договору поставки, необходимо в первую очередь подчеркнуть, что с победой социалистической системы хозяйства были изжиты те поставки, которые применялись в период новой экономической политики и для регулирования которых было издано Положение о государственных подрядах и поставках. В то время поставщиками и подрядчиками были граждане и их объединения (частные организации); теперь же в качестве поставщиков (равно как и подрядчиков) выступают только государственные, кооперативные и общественные, т. е. социалистические организации. Договор поставки стал одним из плановых договоров, к которому, в первую очередь, применимы изложенные выше положения о плане, хозрасчете и договоре. Плановый характер поставки виден из того, что в основе отдельных договоров, заключаемых сторонами, лежат планы производственного и потребительского снабжения. Особенно наглядно это выражается в отношении так называемой

¹ СУ 1935 г. № 14, ст. 147.

фондируемой продукции (материалов и оборудования, включаемых в особый список, утверждаемый Экономическим советом при СНК СССР), на которую составляются материальные балансы и планы снабжения (постановления СНК СССР 10 июня 1934 г.¹, 8 сентября 1934 г.², 11 октября 1935 г.³; в следующем периоде — постановление СНК СССР 2 декабря 1938 г.⁴). В отношении этих предметов договоры заключаются между теми организациями-потребителями, которым выделены фонды на необходимые им предметы и теми организациями-поставщиками, которые имеют наряды на отпуск своей продукции именно данным потребителям. При поставках других предметов (товаров планируемых, регулируемых) планирование проводится не настолько детально, чтобы обязывать два хозоргана заключить между собой договор на определенное количество, но все-таки планирование осуществляется и здесь и имеет большое значение. Так, в отношении планируемых товаров СНК СССР утверждает распределение товарной продукции на рыночный и внерыночный фонд, распределение рыночного фонда по городу и селу, по целевым назначениям, по торгующим системам, а также планы реализации рыночного фонда по республикам, краям и областям. В отношении регулируемых товаров СНК СССР утверждает план их использования по республикам и дает указания относительно распределения этих товаров по рыночным и внерыночным назначениям. На основе планов использования наркоматы, ведомства, кооперативные центры распределяют выделенные им плановые контингенты по получателям товара либо по республикам, краям, областям. Сбыт других товаров планируется или наркоматами, в системе которых производится продукция, либо Наркомторгом и др. Это позволяет признать договор поставки типичным примером того, как договором конкретизируется и уточняется план. Некоторые существенные элементы (годовое количество поставляемой продукции, цены, нередко даже стороны) предопределяются планом, но в этих пределах именно договор придает

---

¹ СЗ 1934 г. № 33, ст. 259.

² СЗ 1934 г. № 47, ст. 369.

³ СЗ 1935 г. № 61, ст. 488.

⁴ СП 1938 г. № 56, ст. 316.

конкретное содержание отношения между поставщиком и потребителем: уточнение количеств поставки в определенные сроки, развернутый ассортимент, порядок сдачи-приемки товара и т. д. А конкретизация отношений между поставщиками и покупателями делает возможным реальный контроль за соблюдением договорной, а тем самым и плановой дисциплины.

В рассматриваемый период даже в отношении фондируемой продукции заключение договоров является обязательным (например, приказ НКТП 7 января 1933 г. № 26¹). Несколько позднее появляются обязательства поставки, вытекающие непосредственно из административного акта планирования, помимо какого-либо договора. В настоящем периоде все плановые поставки выполняются на основе договоров.

В отношении форм договорных связей, порядка заключения договоров, их содержание, требования соблюдения договорной дисциплины и контроля за выполнением этого требования к договору поставки применяются положения, изложенные выше.

Необходимо, впрочем, упомянуть, что наряду с плановыми договорами и в дополнение к ним входят в практику в известной мере также разовые сделки между хозорганами. В постановлении СНК СССР 19 октября 1933 г. разовые сделки рассматриваются еще как редкое исключение, допускавшееся для мелких сельпо и мелких городских кооперативов. Но постановление 14 декабря 1934 г. уже предоставляет руководителям ведомств СССР и союзных кооперативных центров право разрешать подведомственным хозорганам предусматривать в генеральных договорах возможность для всех низовых предприятий производить закупку товаров не по годовым локальным договорам, а на основе краткосрочных договоров и разовых сделок, с тем что предельный размер разовых сделок должен определяться в генеральном договоре в пределах установленного законом лимита в 10 тысяч рублей.

И в законодательных актах и в инструкционном материале большое внимание уделяется вопросам качества поставляемой продукции. Огромное политическое значение этих вопросов было ярко выражено в специаль-

¹ БФХЗ, 1933, № 3, стр. 14.

но посвященном этой проблеме постановлении ЦИК и СНК СССР 8 декабря 1933 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции»¹. Выпуск недоброкачественной, равно как и некомплектной продукции рассматривается как тяжкое государственное преступление, наносящее ущерб государству. Гражданско-правовые вопросы, относящиеся к качеству поставляемой продукции, заявления претензий (рекламаций), ответственность за ненадлежащее качество поставленной продукции определяются специальными инструкциями, неоднократно подвергавшимися существенной переработке. Таковы: инструкция ВСНХ СССР, Народного комиссариата торговли СССР и Центросоюза СССР 25 октября 1930 г.² с последующими изменениями³, инструкция Госарбитража при СНК СССР 28 июля 1932 г.⁴, а затем инструкция Госарбитража при СНК СССР 7 сентября 1933 г.⁵

Общая линия развития может быть очерчена, как повышение требований, предъявляемых к сторонам, и усиление ответственности в случае несоблюдения этих требований. Инструкция Госарбитража при СНК СССР 25 декабря 1933 г. категорически требует, чтобы в договорах точно устанавливались достаточно высокие санкции за поставку недоброкачественной, неассортиментной и некомплектной продукции. Необходимо также назвать развернутое постановление пленума Верховного суда СССР 9 июня 1934 г., посвященное вопросу о борьбе судебных органов с выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции⁶.

Органы арбитража, не ограничиваясь взысканием санкций с поставщиков недоброкачественной продукции, нередко принимают также меры для предупреждения выпуска товара, плохого по качеству.

Арбитражная практика требует и от организации-заказчика борьбы за надлежащее качество поставляемой продукции; если при заключении договора заказчик не предусмотрел гарантий против сдачи недоброкачествен-

¹ СЗ 1933 г. № 73, ст. 442.

² БФХЗ, 1930, № 36, стр. 21.

³ БФХЗ, 1931, № 6, стр. 13; № 18, стр. 52.

⁴ БФХЗ, 1932, № 38, стр. 45; 1933, № 12, стр. 45.

⁵ БФХЗ, 1933, № 31, стр. 28.

⁶ БФХЗ, 1934, № 20, стр. 35.

ной продукции, возможные убытки возлагаются на обе стороны¹.

В соответствии с тем принципиальным положением, что исполнение договора по советскому праву должно производиться в натуре (реальное исполнение), а не заменяться взысканием денежной суммы, в которой определяются убытки контрагента от неисполнения, поставщик, не поставивший в срок причитающееся количество продукции, остается обязанным восполнить недопоставку в следующем квартале (в дальнейшем в отношении фондируемой продукции установлено аннулирование недогрузов с истечением квартала, так как фонды стали давать не на год, а на квартал).

В связи с проведением кредитной реформы запрещены договоры мены между социалистическими предприятиями.

Факты прямого товарообмена признаются в постановлении 18 октября 1931 г.² ведущими к срыву установленного государством плана товарного и, в частности, промышленного снабжения и к подрыву нашей валюты. Факты прямого товарообмена (между отдельными хозорганами или между хозорганами и кооперацией), говорится в названном постановлении, представляют грубое оппортунистическое извращение установленных партией и государством принципов хозрасчета и наносят вред интересам рабочего класса. Постановление угрожает руководителям организаций, которые допустят продолжение практики прямого товарообмена, привлечением к уголовному суду как за совершение преступления, граничащего со взяточничеством.

4

В области договора и имущественного найма в рассматриваемый период существенных изменений не наблюдается. Можно лишь отметить несколько нормативных актов, устанавливающих некоторые льготы для промыслово-кооперативных предприятий. С развитием социалистического хозяйства увеличился и удельный вес

¹ «Бюллетень Госарбитража при СНК СССР», 1934, № 4, стр. 21.

² СЗ 1931 г. № 63, ст. 414.

промышленной кооперации. В связи с этим в настоящем периоде в законодательстве проводится ряд мер, направленных на укрепление промышленно-кооперативных предприятий и на создание еще более благоприятных условий для их работы.

В этом плане постановлениями СНК СССР 23 октября 1932 г.¹ и СНК РСФСР 10 ноября 1932 г.² облегчены условия найма нежилых помещений не только промышленными артелями, но и кустарями и ремесленниками, как кооперированными, так и некооперированными. Для промышленных артелей этими постановлениями предложено местным исполкомам установить скидку в размере не менее 20% с действующих ставок арендной платы (и, кроме того, принять меры к действительному обеспечению промышленных артелей помещениями).

Что же касается кустарей и ремесленников, то за ними (по этим постановлениям) должны быть закреплены занимаемые помещения на срок не менее года, причем повышение арендной платы против существующих ставок не должно допускаться.

Указание о действительном обеспечении артелей помещениями реализовано в циркуляре Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР 10 декабря 1932 г.³, которым предложено местным органам жилищно-коммунального хозяйства при сдаче помещений предоставлять промышленным артелям (наравне с колхозами) преимущественное право найма нежилых помещений перед прочими организациями обобщественного сектора.

5

Договор подряда прошел аналогичный с договором поставки путь развития. Частные подрядчики сошли со сцены так же, как и частные поставщики. Параллельно с этим договоры подрядных социалистических организаций в области капитального строительства стали плановыми договорами. Для того, чтобы этот плановый характер договора был выдержан, чтобы между народнохозяйственным планом и подрядным до-

¹ СЗ 1932 г. № 75, ст. 461.

² СУ 1932 г. № 84, ст. 364.

³ БФХЗ, 1933, № 18, стр. 34.

говором была установлена связь, заключение договора поставлено в зависимость от соблюдения ряда требований. Эти требования формулированы в издававшихся на каждый год постановлениях СНК СССР о заключении договоров на строительные работы: 27 января 1933 г.¹, 9 января 1934 г.², 11 января 1935 г.³ Согласно этим постановлениям, договоры на строительные работы могут заключаться лишь по тем объектам, которые внесены в утвержденные титульные списки капитального строительства данного года. Титульными списками называется конкретный перечень сооружаемых на данный год объектов с указанием утвержденных для каждого из них ассигнований. Объем работ, предусмотренных договором на данный год, не может превышать по своей стоимости ассигнований (лимитов), установленных по титульным спискам.

Постановлением СНК СССР 1 июня 1933 г.⁴ запрещено использование средств, отпущенных на строительство, для нужд эксплуатационной деятельности. Равным образом запрещено расходовать на строительство средства, отпущенные на эксплуатационную деятельность. Капитальное строительство финансируется особо через специальные банки, и эти средства не должны смешиваться с эксплуатационными.

Договоры на строительные работы заключаются лишь при наличии у заказчика утвержденного в установленном порядке полного технического проекта и сметы всего строительства. Договоры заключаются прямые — между заказчиком и подрядчиком. Заказчик заключает договор на весь объем работы с основным подрядчиком, несущим ответственность за все строительство в целом (система генерального подряда). Специальные работы, не входящие в круг производственной деятельности основного подрядчика, выполняются на основе прямых договоров, заключаемых основным подрядчиком с субподрядчиком. Таким образом, в лимите дается план капиталовложений для заказчика; в техническом проекте и смете — конкретный план данного строительства, входящего в общий строительный план, выраженный в титульных

¹ СЗ 1933 г. № 5, ст. 32

² СЗ 1934 г. № 3, ст. 27.

³ СЗ 1935 г. № 6, ст. 46.

⁴ СЗ 1933 г. № 36, ст. 216.

списках. В связи с тем, что конкретный план данного строительства выражается в техническом проекте и смете, законодательство борется с беспроектным и бессметным строительством как строительством бесплановым (постановление СНК СССР 3 сентября 1934 г. «О прекращении беспроектного и бессметного строительства»¹, постановление СНК СССР 25 мая 1935 г. о дополнении предыдущего постановления²).

Подрядный строительный договор, заключенный при отсутствии названных основных условий (невключение объекта в титульный список, отсутствие утвержденных технического проекта и сметы, отсутствие утвержденных капиталовложений для данного строительства), является недействительным. Типовыми подрядными договорами на производство строительных работ³ на заказчика возлагается обязанность до приступа к работам вручить подрядчику документы о получении от надлежащих органов разрешения на производство работ, предусмотренных договором.

В соответствии с отмеченным укреплением плановости подрядных договоров в области капитального строительства шло все более последовательное проведение того принципа, что выполнение строительных подрядов представляет специальную область промышленности, в которую должны внедряться общие начала механизации, индустриализации и т. п. Поэтому подрядчик обязан при производстве работ руководствоваться директивами правительства об индустриальных методах строительства, снижении его стоимости, тщательной разработке плана ведения строительства, экономии металла, всемерном внедрении новых и местных стройматериалов, максимальной механизации работ и полном использовании механизмов и т. д. На подрядчике лежит снабжение работ необходимыми материалами, транспортными средствами, рабочей силой, инструментами и т. д. Контингенты материалов, отпущенных заказчику по договорным объектам по его заявкам до заключения договора, передаются подрядчику (по заключении договора их вообще получает подрядчик).

---

¹ СЗ 1934 г. № 45, ст. 354.

² СЗ 1935 г. № 30, ст. 239.

³ БФХЗ, 1933, № 14, стр. 6.; 1934, № 6, стр. 16 и др.

Расчеты производятся по так называемым промежуточным актам, составляемым по мере выполнения отдельных этапов работы. По выполнении всей работы производится полная сдача-приемка всех работ по данному объекту, и тогда происходит окончательный расчет между сторонами.

6

Договор комиссии в некоторой мере практикуется в этот период в отношениях между социалистическими организациями. Так, в приказе НКТП 7 января 1933 г. «О договорной кампании на 1933 год»¹, между прочим, предлагается в договорах, заключаемых объединениями или трестами (предприятиями)-производителями со сбытовыми организациями, предусмотреть, передается ли им продукция в комиссионном порядке или таковая продается им за твердый счет.

Таким образом, здесь констатируется практика своеобразных комиссионных отношений между государственными предприятиями: сбытовые организации в известных случаях выступают в качестве комиссионеров, распространяющих продукцию производственных предприятий.

Далее, комиссионные сделки входят в практику благодаря деятельности комиссионных магазинов. Здесь, следовательно, договор комиссии получил применение на почве отношений между социалистическими - предприятиями и гражданами.

7

В быту имеет известное значение договор относительно хранения вещей. В качестве договора, заключаемого между гражданами, этот договорный тип советским законодательством прямо не предусмотрен, а потому к нему применяются общие нормы об обязательстве и о договоре. Специальные формы хранения регламентируются специальными нормативными актами. Так, типовым уставом коммунального ломбарда, утвержденным НКФ РСФСР 30 сентября 1934 г.², предусматриваются договоры хранения имущества граждан в лом-

¹ БФХЗ, 1933, № 3, стр. 10.

² БФХЗ, 1934, № 34/35, стр. 9.

барде. За принятое на хранение имущество ломбард отвечает по оценке имущества, указанной в квитанции, выданной ломбардом, а если действительная стоимость имущества выше этой оценки, то по действительной стоимости. Хранение в ломбарде платное, причем плата взимается вперед за весь срок, на который имущество отдается на хранение. Если имущество, принятое на хранение, не будет истребовано в срок, на который оно отдано, а хранение не будет возобновлено, ломбард обязан хранить это имущество не менее 6 месяцев, по истечении которых невостребованное имущество назначается в продажу.

8

В рассматриваемый период договор контрактации имел неодинаковую судьбу в отношении различных предметов. Так, контрактация скота (молодняка) широко применяется в течение всего этого периода (ее важное значение отмечается, например, в постановлении VII съезда Советов СССР 6 февраля 1935 г.¹). Точно так же расширяется применение контрактации конопли: в постановлении СНК СССР 27 декабря 1933 г. «О мероприятиях по укреплению и развитию коноплеводства в СССР»² предложено, наряду с контрактацией посевов конопли в колхозах, производить контрактацию посевов конопли на приусадебных участках, находящихся в индивидуальном пользовании колхозников. При этом на машинно-тракторные станции и правления колхозов возложена обязанность обеспечить организационную и агротехническую помощь колхозникам при посеве последними конопли на их приусадебных участках. Напротив, зерно, мясо, молоко, картофель признано более целесообразным заготавливать в порядке обязательных поставок. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 11 августа 1933 г. о заготовке льна и пеньки урожая 1933 г.³ прямо делается указанное противопоставление: «Установить, что в отличие от заготовок зерна, мяса, молока, картофеля заготовки льна и конопли, рав-

¹ СЗ 1935 г. № 8, ст. 67.

² СЗ 1934 г. № 1, ст. 11.

³ СЗ 1933 г. № 52, ст. 302.

но и других важнейших видов сырья для промышленности (хлопок, свекла), производятся на основе контракта-ции». Такое ограничение применения контрактационного договора объясняется общими изменениями в деревне, а также в методах заготовки сельскохозяйственных про-дуктов. В свое время контрактационный договор сыграл немалую роль в качестве средства плано-организа-ционного воздействия государства на развитие сельско-го хозяйства и направление его по социалистическому пути. С окончательной победой колхозного строя это значение контрактационного договора отпало. С другой стороны, контрактация в области зерновых культур перестала быть необходимой, поскольку заготовки стали осуществляться в порядке обязательных государствен-ных поставок, децентрализованных заготовок и колхоз-ной торговли.

В отмеченных выше рамках контрактационный до-говор сохраняет значение; в ряде законодательных ак-тов, в частности в только что названном постановлении 11 августа 1933 г., отмечается, что обязательства, пре-дусмотренные в договорах контрактующих организаций с колхозами и единоличными хозяйствами, подлежат безусловному выполнению как той, так и другой сторо-ной; уклоняющиеся от выполнения своих обязательств отвечают по суду. В постановлении ЦИК и СНК СССР 21 сентября 1935 г.¹ контрактационные договоры при-знаны имеющими силу закона; невыполнение обяза-тельств по таким договорам влечет за собой материаль-ную и уголовную ответственность.

Контрактационные договоры пользуются определен-ным поощрением: колхозы и даже единоличные хозяйст-ва, принимающие на себя контрактационные обязатель-ства, получают авансы, им оказывается помощь семена-ми, удобрением или даются льготы по приобретению удобрения, семян и т. д., проводится льготное снабже-ние различными предметами потребления и промтоварами (например, инструкция Комитета по заготовкам о поряд-ке проведения контрактации хлопка в 1934 г.² преду-сматривает снабжение хлопкоробов хлебом, молоком, маслом, жмыхом, ватой, чаем, сахаром, промтоварами);

¹ СЗ 1935 г. № 51, ст. 422.

² СЗ 1934 г. № 8, ст. 536.

за перевыполнение договора также премируют продуктами и промтоварами¹.

Постановлением СНК СССР 10 февраля 1935 г.² утвержден новый устав железных дорог СССР, вступивший в действие с 15 марта 1935 г. Планомёрное социалистическое хозяйство потребовало более последовательного проведения планового начала в области транспорта. Еще до принятия нового устава железных дорог договоры железнодорожной перевозки грузов рассматриваются в качестве плановых договоров и, в дополнение к постановлениям о заключении договоров вообще, издаются специальные постановления о заключении договоров перевозки грузов, — например, постановление СНК СССР 25 декабря 1933 г. о заключении договоров перевозки грузов на 1934 г.³, — причем по общему правилу рекомендуются прямые договоры, а центральным органам договаривающихся сторон предоставлено право заключать протокольные соглашения, определяющие порядок и основные условия прямых договоров; для морских перевозок экспортных и импортных грузов предлагаются договоры генеральные и локальные (аналогичный закон издается затем и в следующем году⁴).

В уставе железных дорог 1935 г. принцип плановости выдвинут в первой же статье: основной обязанностью железных дорог является выполнение государственного плана грузовых и пассажирских перевозок.

Поскольку транспорт, как и другие отрасли народного хозяйства, переведен на хозрасчет, плановые перевозки должны быть организованы с наименьшей затратой материальных средств с единовременным обеспечением сохранности грузов (ст. 2).

На основании месячного плана перевозок каждому отправителю предоставляется месячная плановая норма перевозок (ст. 12), причем увеличение или уменьшение предусмотренной месячным планом нормы погрузок воспрещается (ст. 22). За невыполнение установленных месячным планом перевозок норм погрузки как отправитель,

¹ СЗ 1933 г. № 52, ст. 302.

² СЗ 1935 г. № 9, ст. 73.

³ СЗ 1934 г. № 1, ст. 9.

⁴ СЗ 1935 г. № 2, ст. 14.

так и железная дорога несут денежную ответственность в форме штрафов (помимо дисциплинарной и уголовной ответственности, которой подвергаются лица, виновные в невыполнении плана, ст. ст. 62—65). Основным документом, по которому производится железнодорожная перевозка, является накладная; дубликата накладной новый устав не знает (поскольку накладная не является товарораспределительным документом). Устав допускает лишь выдачу квитанции к накладной (которая также не является товарораспорядительным документом, а только распиской в получении груза). Равным образом устав 1935 года не допускает и предъявительских накладных: накладная должна быть составлена на имя определенного получателя груза — адресата (ст. ст. 29—30).

Это объясняется плановым характером товарооборота в Советском государстве и является единственно соответствующим основным формам расчетов между хозорганами (напомним, что по уставу 1927 года накладная на предъявителя допускалась и была товарораспорядительным документом). На железную дорогу возлагается полная ответственность за сохранность принятого к перевозке груза с момента принятия груза к перевозке до выдачи его получателю (или до передачи другому предприятию или учреждению, ст. 67). Железная дорога не несет ответственности, если утрата или повреждение принятого к перевозке груза произошли по одной из следующих причин: вследствие явлений стихийного характера; вследствие особых естественных свойств перевозимого груза (вызвавших его поломку, ржавчину, внутреннюю порчу и т. п.); по вине (хотя бы по неосторожности) отправителя или получателя; по причинам, связанным с погрузкой или выгрузкой груза, если погрузка или выгрузка производились средствами отправителя или получателя; вследствие перевозки на открытом подвижном составе, если утрата или повреждение произошли по причинам, связанным с этим способом перевозки; вследствие того, что проводник отправителя, сопровождающий груз, не принял необходимых для сохранения груза мер; вследствие недостатков тары (отмеченных в накладной); вследствие естественной убыли веса груза (ст. 68).

Претензионный порядок предъявления требований к железной дороге сохранен и в уставе 1935 г. Характерную особенность этого устава составляет ст. 94, по ко-

торой передача права на предъявление претензий и исков другим организациям или лицам не допускается. Этим предупреждается всякая возможность каких-либо спекулятивных (или, поскольку запрет распространяется и на социалистические организации, спекулятивно-подобных) целей скупки претензий. Исключения составляют случаи передачи такого права отправителем получателю или получателем отправителю, а также случаи передачи права на предъявление претензий и исков учреждениям, предприятиям и организациям, входящим в систему того же ведомства, к которому принадлежит получатель или отправитель груза.

Договор водной перевозки по уставу внутреннего водного транспорта 24 октября 1930 г.¹ строится в общем на основаниях, близких к тем, какие заложены в регламентации железнодорожных перевозок (морская перевозка регулируется Кодексом торгового мореплавания 1929 г.). В частности, перевозка грузов производится в первую очередь в плановом порядке на основе особых договоров, а затем уже принимаются к перевозке неплановые грузы. Оформляется договор, как и при железнодорожной перевозке, именной накладной, не имеющей значения товарораспорядительного документа (в отличие от коносамента при договоре морской перевозки). Речной транспорт отвечает за утрату и повреждение груза, а также за просрочку в доставке и за задержку в сдаче. Он освобождается от ответственности, если будет доказано, что утрата, повреждение, просрочка или задержка произошли вследствие обстоятельств, которых он не мог предотвратить.

Кроме того, речной транспорт не отвечает за повреждение или утрату груза, который с согласия отправителя перевозился на палубе (если повреждение груза произошло от такого способа перевозки) или если повреждение груза или его утрата произошли вследствие недоброкачества упаковки. Речной транспорт не отвечает за ущерб, если груз по своим свойствам подвержен полной или частичной утрате или повреждению (поломке, ржавчине, внутренней порче и т. д.), если ущерб наступил, несмотря на соблюдение правил перевозки таких грузов. Не отвечает речной транспорт также за вред, причинен-

¹ СЗ 1930 г. № 55, ст. ст. 581—582.

ный перевозимому животному, если вред был следствием опасности, с которой для таких животных сопряжена перевозка по водным путям.

Если, несмотря на требования получателя, груз не был выдан в течение срока, установленного для его хранения, то получатель имеет право на возмещение, как за утраченный груз.

Квитанции выдаются только именные, причем не допускается передача квитанции отправителем другому лицу. Получатель груза может передать квитанцию по переуступочной надписи как по прибытии груза на пристань назначения, так и до этого.

На водном транспорте применяется, как и на железнодорожном, претензионный порядок. Срок на предъявление претензии и исков — 6 месяцев. В случае подачи письменного заявления в претензионном порядке, давностный срок приостанавливается; течение срока продолжается со дня сообщения заявителю письменного ответа и возврата представленных при заявлении документов (если остающийся до 6 месяцев срок менее трех месяцев, он удлиняется до трех месяцев).

Заслуживают также упоминания некоторые изменения, внесенные постановлением СНК СССР 1 сентября 1932 г.¹ в устав внутреннего водного транспорта. Этим постановлением изменены некоторые детали регламентации договора речной перевозки. Так, установлено, что багаж, не истребованный в течение 10 дней (считая с 24 часов дня прибытия), продается по правилам, установленным для продажи грузов. Далее, уточнены взаимоотношения сторон: отправитель, не предъявивший груза к перевозке в сроки, установленные договором, или предъявивший груз в меньшем количестве, чем обусловлено в договоре, обязан уплатить управлению речного транспорта (пароходству) провозную плату за все не предъявленное в срок количество груза. Это постановление — прямой вывод из планового принципа, пронизывающего отношения между транспортом и его клиентами: пароходство включило в план определенную заявку, на основании которой оно обеспечило для данного клиента необходимое количество тоннажа, а между тем клиент представляет для перевозки меньшее количество груза и этим срывает план тран-

¹ СЗ 1932 г. № 66, ст. 393

спортной организации. Естественно поэтому, что обязанность уплатить провозную плату в этом случае ни в какой мере с клиента не слагается. Но и обратно, если пароходство не подает в установленный договором срок перевозочных средств, оно обязано уплатить клиенту штраф в размере провозной платы за подготовленный к отправке груз.

В рассматриваемый период изменена регламентация наложенных платежей. До 1932 г. обязанность взыскивать наложенные платежи лежала на НКПС и НКВод на станциях и пристанях назначения грузов. Взыскав платежи, органы транспорта были обязаны немедленно сдавать их органам Народного комиссариата связи в порядке почтовых переводов для перечисления хозяйственным органам — отправителям грузов. Постановлением СТО 21 сентября 1932 г.¹ и опубликованными 30 ноября 1933 г. правилами НКПС, НКВод и правления Госбанка² был установлен с 1 января 1934 г. новый порядок, по которому наложенный платеж должен отправляться грузоотправителю не транспортом, а грузополучателем. Именно, грузополучатель не позднее 48 часов по получении счета-фактуры должен перевести наложенный платеж грузоотправителю - поставщику. По прибытии груза с наложенным платежом на станцию (пристань) назначения грузополучатель получает груз по предъявлении почтовой квитанции, удостоверяющей перевод наложенного платежа грузоотправителю. Претензии о неполучении наложенного платежа заявляются грузоотправителем попрежнему дороге или пароходству назначения, однако органы транспорта по получении такой претензии не отвечают непосредственно сами, а только обязаны выслать заявителю почтовую квитанцию, по которой претендующий заявляет претензию об утрате суммы перевода перед любым учреждением связи (не позднее 6 месяцев со дня подачи перевода). По ст. 75 Устава железных дорог 1935 года перед отправителем, не получившим наложенного платежа, дорога несет ответственность в случае выдачи груза получателю, не внесшему наложенного платежа (а также в случае утраты груза в пути).

¹ СЗ 1932 г. № 70, ст. 433.

² БФХЗ, 1934, № 7, стр. 20.

Пленум Верховного суда СССР 17 марта 1934 г.¹ разъяснил, что в случае ликвидации груза (как неостребованного) грузоотправителю возмещается из ликвидационной суммы наложенный платеж, причем начало срока исковой давности для претензий грузоотправителя исчисляется по истечении 20 суток со дня доставки груза на станцию назначения (в соответствии с правилами ликвидации неостребованных грузов). В случае утраты груза с наложенным платежом органы транспорта отвечают либо в размере стоимости груза, установленной по существующим правилам, либо в размере наложенного платежа.

Договор воздушной перевозки регламентирован был сначала Воздушным кодексом СССР 27 апреля 1932 г.², а затем сменившим его Воздушным кодексом 7 августа 1935 г.³ Воздушно-транспортное предприятие несет имущественную ответственность за сохранность груза и багажа и освобождается от такой ответственности, если докажет, что утрата или повреждение произошли вследствие умысла или неосторожности (по Кодексу 1932 года — грубой неосторожности) отправителя или получателя, вследствие стихийного бедствия (по Кодексу 1932 года — непреодолимой силы), если утрата или повреждение произошли не во время полета, если они произошли вследствие особых естественных свойств перевозимых предметов, вызвавших поломку, ржавчину, внутреннюю порчу и т. п., вследствие перевозки груза или багажа без необходимой упаковки или в неудовлетворительной упаковке, вследствие естественной убыли груза в пределах установленных норм. Если имеет место вина и той и другой стороны, если имеет место умысел либо грубая неосторожность потерпевшего, а с другой стороны, учреждение или предприятие, эксплуатирующее воздушное судно, не приняло мер к предотвращению вреда, может быть применена в зависимости от обстоятельств дела уменьшенная ответственность.

Подлинным центром изменений в области договорных отношений за рассматриваемый период является сфера

¹ БФХЗ, 1934, № 10/11, стр. 60.

² СЗ 1932 г. № 32, ст. ст. 194а и 194б.

³ СЗ 1935 г. № 43, ст. ст. 359а и 359б.

кредитно-расчетных отношений. Проведенная в начале этого периода кредитная реформа оказала существенное влияние на развитие ряда институтов обязательственного права.

В постановлении ЦИК и СНК СССР 30 января 1930 г.¹, на основании которого проводилась эта реформа, ее необходимость мотивировалась следующим образом: «Быстрое развитие социалистических начал в народном хозяйстве Союза ССР и достигнутый уровень его планирования делают необходимой коренную реформу кредита».

Достигнутый уровень экономики потребовал сосредоточения всего дела кредитования полностью в руках банка, допустив исключительно банковское кредитование. «Существовавшая до сих пор система отпуска товаров в кредит в обобщественном секторе, приводившая к усложнению путей прохождения кредита и к затруднениям при его планировании, должна быть ликвидирована и заменена исключительно банковским кредитованием».

Одна из основных задач, имевшихся в виду при проведении кредитной реформы, заключалась во внедрении установленных партией и правительством принципов хозрасчета. Принцип хозрасчета привел к кредитной реформе, а кредитная реформа исключила всякую возможность непосредственного кредитования одним хозорганом другого и сосредоточила все кредитование в Госбанке; банковское кредитование стало единственной формой кредитования. Госорган не вправе отпускать другому госоргану товары в кредит, не вправе, следовательно, равнодушно относиться к неоплате его счетов; с другой стороны, оплата счетов до отгрузки товаров также представляет собой недопустимое явление с точки зрения кредитной реформы.

Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам без участия иностранного капитала воспрещено отпускать друг другу товары или оказывать услуги в кредит. Такое непосредственное (так называемое коммерческое) кредитование признано недопустимым. Цель перехода исключительно к банковскому кредитованию заключалась в том, чтобы поставить кредитование в непосредственную связь с вы-

¹ СЗ 1930 г. № 8, ст. 98.

полнением общенародного хозяйственного плана и таким образом сделать кредитование орудием, способствующим выполнению народнохозяйственного плана.

В качестве вывода из недопустимости непосредственного кредитования одним социалистическим предприятием другого являлось воспрещение государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам выдавать друг другу авансы и задатки. Такой вывод был сделан постановлением ЦИК и СНК СССР 25 июня 1930 г.¹ Вводя такой общий запрет, постановление 25 июня 1930 г. все же предусматривает возможность случаев, когда нельзя обойтись без отступления от этого общего правила. Наряду с оговоркой, что установленное запрещение вовсе не распространяется на авансы, выдаваемые согласно законам о кассовом исполнении бюджета, в постановлении 25 июня 1930 г. дано еще другое изъятие: в необходимых случаях допускаются исключения из правила о воспрещении выдачи авансов с разрешения Госбанка по соглашению с заинтересованными ведомствами (порядок разрешения в дальнейшем менялся).

Однако из правила о воспрещении предоставления авансов одной организацией другой были допущены еще (кроме приведенных выше) изъятия для отдельных специальных случаев. Так, недостаточность средств строительно-ремонтных организаций выдвинула вопрос о необходимости авансирования этих организаций со стороны их заказчиков. В этом направлении нужно назвать следующие постановления правительства: постановление СНК РСФСР 3 мая 1932 г. «Об организации ремонта в обобществленном жилищном хозяйстве городов и рабочих поселков»², постановление СНК СССР 20 июля 1933 г. «Об оборотных средствах строительных организаций»³ и др.

В последующие годы твердо установилось, что и при общем строительно-ремонтном подряде допускается выдача авансов при заключении договоров на строительство. Так, в приказе НКТП 20 апреля 1934 г. о порядке выдачи и погашения авансов на строительстве первым пунктом

¹ СЗ 1930 г. № 8, ст. 98.

² СУ 1932 г. № 28, ст. 175.

СЗ 1933 г. № 48, ст. 283.

предлагается размер аванса под завоз материалов подрядчиком исчислять в проценте, не превышающем норматива запасов материалов, установленного планом на 1934 г. для строительства (заказчика), не превышающего, однако, 10 процентов стоимости годовой строительной программы, предусмотренной соглашением между заказчиком и подрядчиком¹. Позднее, типовым подрядным договором на строительство установлен 15% аванс в пользу строительной организации от суммы договора.

Необходимо упомянуть еще об авансах в промышленной кооперации. Именно, в постановлении ЦИК и СНК СССР 23 июля 1932 г. «О перестройке работы и организационных форм промкооперации»² в разделе IV имеется пункт «д» следующего содержания: «Допустить авансирование промкооперативов со стороны заказчика (госпромышленности, госторгов и кооперации), проводимое под контролем банка».

Однако за первый год проведения кредитной реформы, в результате отчасти неудовлетворительной подготовки к этому делу, а отчасти даже прямого вредительства, как это констатируется в постановлении СНК СССР 20 марта 1931 г.³, допущены такие извращения основных задач кредитной реформы, что не только не достигнуто усиление контроля рублем за ходом выполнения производственных планов и накоплений всеми организациями социалистического хозяйства, а, наоборот, произошло нарушение принципов хозрасчета, ослабление внимания к финансовой работе и финансовой дисциплине в хозяйственных организациях. В постановлении СНК отмечаются конкретные недостатки в проведении кредитной реформы. В качестве крупнейших недостатков здесь названы следующие: 1) установление прямого огульного кредитования под план вместо единственно правильной системы кредитования отдельных хозяйственных сделок предприятий и организаций, и получившийся отсюда автоматизм кредитования, исключавший возможность контроля со стороны банка и хозорганов за ходом выполнения планов; 2) непроведение в жизнь принципов договорных отношений между предприятиями и объеди-

¹ БФХЗ, 1934, № 13, стр. 4.

² СЗ 1932 г. № 57, ст. 340.

³ СЗ 1931 г. № 18, ст. 166.

нениями, выступающими в качестве поставщиков и покупателей, и получившееся отсюда ослабление контроля потребителей над поставщиками в вопросах качества и ассортимента продукции, сроков поставки, условий расчета и т. д.; 3) нарушение хозрасчета в предприятиях и объединениях, а это, наряду с обезличиванием их прибылей и оборотных средств, привело к ослаблению заинтересованности хозорганов в финансовых результатах своей деятельности (снижение себестоимости, накопление прибылей и т. п.); наконец, 4) ввиду технической неподготовленности Государственного банка к освоению новой системы, ввиду крайней, не вызванной необходимостью, сложности техники расчетов, создалась невозможность для Государственного банка обеспечить действительный контроль рублем за ходом производства и обращения.

Совет народных комиссаров в постановлении 20 марта 1931 г. подчеркивает, что Государственный банк, проявивший стремление присвоить себе непосильные функции планирования и регулирования хозяйственных процессов, обнаружил этим непонимание своих задач; а между тем, тот факт, что банк взялся осуществлять эти функции планирования и регулирования хозяйственной жизни, привел к подрыву ответственности хозяйственных наркоматов и хозяйственных организаций. Подлинные задачи Государственного банка в деле развития социалистического хозяйства определены постановлением 20 марта 1931 г. следующим образом: 1) стать расчетной организацией для обобщественного хозяйства, общегосударственным аппаратом учета производства и распределения продуктов; 2) обеспечить действительный повседневный контроль рублем за ходом выполнения планов производства и обращения товаров, за выполнением финансовых планов и ходом накопления в обобщественном секторе народного хозяйства; 3) обеспечить укрепление хозрасчета предприятий и хозобъединений, как основного рычага в выполнении планов (количественных и качественных заданий) во всем обобщественном хозяйстве.

Система автоматических расчетов, отмеченная в постановлении 20 марта 1931 г. в числе основных недостатков при проведении кредитной реформы, состояла в том, что по представлении поставщиком в обслуживающий его филиал банка счета-фактуры банк оплачивал этот счет и затем посылал его в филиал банка, обслуживаю-

щий покупателя, для списания с его счета соответствующей суммы. Таким образом, расчеты производились вне зависимости от согласия плательщика, узнававшего об оплате счета только тогда, когда деньги оказывались списанными с его расчетного счета. С другой стороны, оплата счета поставщика производилась независимо от того, имеются ли средства на расчетном счете плательщика: получалось, что банк оказывал, внеплановый кредит. Такая система была связана с рядом отрицательных последствий: ослабление стимулов для поставщика точно и доброкачественно исполнять обязательство, поскольку платежное требование поставщика оплачивалось независимо от того, правильно ли исполнен договор, качественная ли дана продукция и т. д., подрыв плановой дисциплины, так как поставщик кредитовался без проверки выполнения его плана. Не стало даже особого желания заключать договоры, и практика договорного оформления отношений между хозорганами стала сокращаться. А так как с помощью договора наилучшим образом осуществляется и проверяется хозрасчет, то ослабление договорных связей имело результатом и ослабление в проведении хозрасчета. По той же причине хозорган, получавший средства автоматически, терял стимулы к принятию мер по обеспечению своего финансового положения.

Таким образом, оказалась недостигнутой основная цель кредитной реформы. По этому поводу в постановлении СНК СССР от 20 марта 1931 г.¹ говорится, что кредитная реформа, оставаясь на почве хозрасчета и опираясь на хозрасчет, должна обеспечить усиление хозяйственной заинтересованности каждого предприятия и каждого хозоргана в выполнении заданных им планов, в рационализации производства, в снижении себестоимости, в накоплении прибылей. Поскольку в действительности на первых порах положение складывалось совершенно иначе, в течение 1931 г. проводится несколько поправок в кредитной реформе (постановления 14 января 1931 г.², 2 марта 1931 г.).

Кредитование хозорганов возложено на банк. Для обеспечения укрепления принципа хозрасчета как основного метода управления предприятиями и объединениями

¹ СЗ 1931 г. № 18, ст. 166.

² СЗ 1931 г. № 4, ст. 52.

социалистического хозяйства, для создания действительной заинтересованности и ответственности каждого предприятия и каждой организации за выполнение плана, проведение рационализации производства, снижение себестоимости, накопление и прибылей — постановление 20 марта 1931 г. «Об изменении в системе кредитования, укреплении кредитной реформы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах» требует, чтобы в основании кредитования лежали договоры. Тем же постановлением предусматривается, что кредитование сезонных потребностей хозяйственных органов в оборотных средствах, связанное с авансированием процесса производства, должно производиться в целевом порядке и на определенные сроки с обеспечением срочности погашения кредитов специальными обязательствами, выдаваемыми заемщиками Государственного банка. Эти обязательства гарантируются фактическим выпуском продукции.

В пределах установленных лимитов Государственный банк открывает кредиты соответствующим предприятиям и организациям в размерах, вытекающих из договоров, заключенных отдельными предприятиями и хозорганами. По мере фактического выполнения договоров банк выполняет затем поручения хозорганов в пределах открытых кредитов. Формы банковского кредитования специально определены постановлением СТО 23 июля 1931 г. «Об оборотных средствах государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций»¹ и изданными на его базе «Основными положениями о кредитной работе Госбанка».

Постановление СТО 23 июля 1931 г. относит к числу крупнейших недостатков практики кредитной реформы обезличение собственных оборотных средств хозяйственных органов и уничтожение различия в условиях пользования собственными и заемными оборотными средствами, в результате чего получилось ослабление хозяйственной и маневренной способности хозорганов, а также ослабление заинтересованности в финансовых результатах работы.

Постановление СТО 23 июля 1931 г. строго разграничивает собственные оборотные средства и заемные средства. Собственные средства находятся в полном

---

¹ СЗ 1931 г. № 46, ст. 316.

распоряжении хозоргана; заемные средства выдаются по целевому назначению на определенный срок с обязательством возврата. Сообразно с этим, взамен единого контокоррента, на котором все средства хозорганов обезличиваются, введены отдельные счета: расчетный счет и счет срочных целевых ссуд. На расчетном счете отражаются все находящиеся в распоряжении хозоргана средства и все расчеты хозорганов с его контрагентами и самим банком. Как и при контокоррентном счете (применявшемся в первый год проведения кредитной реформы) расчеты между банком и клиентом производятся по сальдо расчетного счета; в этом отношении на расчетный счет прямо распространяется закон о договоре контокоррента (о нем ниже). Но наряду с этим между контокоррентом и расчетным счетом большая разница в том, что по расчетному счету не проводится кредитования хозоргана; с расчетного счета хозоргана какие бы то ни было выплаты производятся только в пределах свободного остатка (сальдо всегда кредитовое); только в пределах этого остатка возможно наложение ареста и обращение взысканий по претензиям третьих лиц.

На счете срочных целевых ссуд отражается задолженность хозоргана по ссудам. Этот счет не сальдируется (в том смысле, как расчетный счет). Итоги задолженности по ссудам вообще выводятся, но только эти итоги не являются основанием для расчетов между хозорганом и банком. Каждая ссуда имеет значение самостоятельного договора, и расчет производится по ней отдельно от других ссуд.

Кредитование производится в рамках лимита, предусмотренного в плане хозоргана. Но установление лимита еще не означает выдачи ссуды: средства поступают на счет хозоргана лишь на основе договора займа, который заключается в данном случае путем заявления-обязательства хозоргана, принятого банком к исполнению. Так как в заявлении хозорган обязуется подчиняться банковским правилам, то содержание договора определяется, между прочим, и этими правилами.

Ссуды делятся на плановые и неплановые. Плановые ссуды — это срочные целевые ссуды на прирост материальных ценностей, предусмотренных планом данного хозоргана, на сезонную потребность в средствах, например, на сельскохозяйственные заготовки, на заброску товаров

в отдаленные местности, на авансирование промышленных предприятий с длительным сроком производства (т. е. авансируются сезонные процессы производства, выдаются ссуды в связи с накоплением сезонных запасов сырья, топлива, производственных и вспомогательных материалов). Специальную разновидность плановых ссуд представляют ссуды на суммы в пути. Эти ссуды выдаются на разрыв между отсылкой товарных счетов поставщиком и оплатой их покупателем. К числу внеплановых ссуд относятся ссуды, выдаваемые в связи с невозможностью отгрузки товаров, вызванной транспортными затруднениями или конвенционными запрещениями; ссуды, выдаваемые поставщикам в связи с неоплатой грузов покупателями (так называемый подтоварный кредит); ссуды ввиду неравномерного поступления сырья, ввиду роста незавершенного производства.

Все эти ссуды имеют целевой характер, и это приводит к тому, что банк имеет право досрочно их истребовать в случае использования хозорганом полученных от банка средств не по назначению или в случае другого нарушения условий кредита.

Со всякого рода незаконными действиями хозорганов, преследующими цель получения ссуды в нарушение изложенных правил, ведется борьба¹.

Исправное исполнение хозорганами их обязательств перед Государственным банком по полученному кредиту обеспечивается предоставлением банку права и обязанности применять меры кредитного воздействия: ограничение или полное прекращение выдач с контокоррента хозоргана, продажа в принудительном порядке товаров или материальных ценностей, принадлежащих хозоргану (так как выдаваемые банком ссуды обеспечиваются залогом товара в обороте или твердым залогом). Обе эти меры воздействия могут применяться только после предварительного предупреждения хозоргана (постановление СНК СССР 20 марта 1931 г.).

Таким образом, по постановлению СТО 23 июля 1931 г. банковский кредит, помимо планового характера, должен быть срочным, возвратным и целевым. Этим и достигалась основная цель — контроль рублем со сто-

¹ Приказ прокуратуры СССР 26 августа 1934 г. о незаконном получении предприятиями ссуд в Госбанке (БФХЗ, 1934, № 31, стр. 21).

роны Госбанка, контроль за расходованием средств хозяйственными органами в меру выполнения производственного и финансового планов.

Те же принципы кредитования применяются и в области товарооборота. Постановление СНК СССР 16 августа 1933 г. «О порядке кредитования торговых организаций»¹ отмечает, что «дальнейшее развертывание советской торговли требует укрепления финансового хозяйства товаропроводящей системы, усиления накопления собственных оборотных средств, более гибких методов кредитования товарооборота и лучшего приспособления банковского кредита к удовлетворению нужд растущего товарооборота». В этих условиях банковский кредит, по мысли постановления 16 августа 1933 г., должен обеспечить решительное усиление контроля рублем за деятельностью товаропроводящих организаций, содействовать ускорению продвижения товаров к потребителю и укреплению финансового хозяйства торгующих организаций. В связи с этими особенностями в деятельности торгующих организаций для них, кроме кредитования на сезонные потребности и под документы в пути, открыта также возможность кредитования по товарообороту. Это кредитование производится в пределах недостатка в оборотных средствах для выполнения плана товарооборота. Именно, превышение завоза товаров над суммой, покрываемой минимальными собственными оборотными средствами (нормативом), кредитуются по мере поступления товаров и на средний срок их оборачиваемости, установленный планом; часть оборотных ценностей (активов), не покрытая еще собственными средствами в пределах норматива, кредитуются на срок пополнения этих оборотных средств до норматива из предстоящих накоплений. Кредит оказывается только таким торгующим организациям, у которых торговля, а также вся прочая деятельность в целом, безусловно рентабельна; неторговая деятельность выделена в хозрасчетные единицы с самостоятельным балансом, имеется налаженный учет, периодическая отчетность представляется в установленные сроки, нет просрочки по обязательствам перед Госбанком по оплате товаров. При этом пользующаяся кредитом организация обязана иметь к началу кредитования не

¹ СЗ 1933 г. № 55, ст. 326.

менее 10 проц. собственных средств в остатках товаров на складах, в пути и в магазинах. В случае нарушения торгующей организацией условий кредитования Госбанк вправе немедленно прекратить кредитование и взыскать необеспеченные и просроченные ссуды путем продажи любой части товаров, принадлежащих заемщику¹.

Отделением собственных оборотных средств хозорганов от заемных средств имелось в виду возложить на хозорганы прямую ответственность за наиболее плодотворное использование переданных им оборотных средств, за сохранение и пополнение этих средств. Таким путем повышалась заинтересованность хозорганов в расширении внутренних накоплений, усиливалось значение хозрасчета.

В связи с основной мыслью кредитной реформы были построены и расчеты между хозорганами за поставляемые товары и оказываемые услуги.

Необходимо при этом иметь в виду, что всякий хозорган должен все свои денежные средства сосредоточивать в Государственном банке (капиталовложения по капитальному строительству сосредоточиваются в специальных банках — Промбанке, Торгбанке, Сельхозбанке, Цекомбанке). Банк открывает хозоргану счет: до постановления СТО 23 июля 1931 г. — контокоррентный, после этого постановления — расчетный². Контокоррентный счет был единым, сосредоточивавшим все средства — и собственные оборотные средства хозоргана и заемные, вследствие чего картина деятельности хозоргана, степень проведения им хозрасчета затуманивалась.

На основе постановления СТО 23 июля 1931 г. об оборотных средствах был установлен разный режим для собственных средств предприятия и его заемных средств.

Для собственных средств хозоргана был введен расчетный счет. Использование заемных средств по большей части также проводится через расчетный счет хозоргана. Но этим средствам во всяком случае ведется специаль-

---

¹ В развитие изложенного постановления СНК СССР 16 августа 1933 г. правлением Госбанка СССР издана 25 августа 1933 г. инструкция (БФХЗ, 1933, № 30, стр. 3).

² Государственным учреждениям, состоящим на бюджете, общественным организациям, колхозам открываются не расчетные, а текущие счета, по своей юридической природе представляющие бессрочный денежный вклад.

ный учет, для чего открывается специальный ссудный счет (циркуляр Госбанка СССР 15 октября 1931 г.¹).

Расчетный счет по своей юридической природе должен быть признан договором, заключаемым между хозорганом и банком (путем подписания заявления об открытии расчетного счета). Содержанием этого договора является расчетное обслуживание банком хозоргана: инкассирование сумм на расчетном счете и производство с этого счета платежей по поручению хозоргана, хранение средств хозоргана. В свою очередь хозорган принимает обязательство свои денежные средства сдавать в банк и все расчеты с третьими лицами проводить через расчетный счет. Таким образом, на расчетном счете хозоргана сосредоточиваются все проводимые Госбанком операции по приему и хранению средств хозоргана, по всем видам расчетов данного хозоргана с другими (по счетам-фактурам, расчетным чекам, платежным поручениям, по сальдо взаимных зачетов и внутренних расчетов), по оплате обязательств хозоргана и производству расходов. Для того чтобы расчетный счет полностью отображал финансовое положение хозоргана, не разрешается открытие второго расчетного счета (однородного; допустимо лишь наряду с расчетным счетом в Госбанке по эксплуатационной деятельности иметь в спецбанке расчетный счет по капитальному строительству).

Договор о расчетном счете между банком и хозорганом представляет собой сочетание элементов нескольких договоров. Прежде всего в договоре о расчетном счете есть элементы специфического договора *контоскоррента*, регламентированного постановлением ЦИК и СНК СССР 23 июля 1930 г. № 40/53². Этим именем называется договор, по которому стороны взаимно заносят на единый (контоскоррентный) счет свои требования друг к другу, с тем что сторона, оказавшаяся должником при заключении счета, обязана уплатить другой стороне образовавшуюся разницу (сальдо). Какие именно требования заносятся на контоскоррентный счет, определяется договором (но не могут заносятся на контоскоррентный счет требования, по которым истекла давность). Также договором определяются и сроки, в которые про-

¹ БФХЗ, 1932, № 2, стр. 13.

² СЗ, 1930 г. № 38, ст. 409.

изводится заключение контокоррентного счета и выяснение сальдо. Сальдо, признанное другой стороной или не оспоренное ею в срок, указанный в договоре, в течение 15 дней со дня вручения выписки из счета погашает требования, занесенные на контокоррентный счет. Таким образом, вместо расчетов по каждому отдельному долгу с той или другой стороны здесь (в результате зачета взаимных требований и признания на этой почве нового единого долга на сумму сальдо) производится однократный расчет по сальдо. Отдельные требования в этом случае теряют свое индивидуальное значение: ни одна из сторон не может распорядиться отдельным требованием произвести по нему взыскание и пр., равно как на отдельное требование не может быть обращено взыскание со стороны третьих лиц. В этом выражается нераздельность контокоррента. Все эти действия могут распространяться только на сальдо.

Ошибки при определении сальдо (пропуски, повторения и т. п.) могут быть исправляемы путем исков, предъявляемых не позже двух месяцев со дня вручения выписки из счета, независимо от того, были эти ошибки своевременно опротестованы или нет. Другие иски, вытекающие из своевременно заявленных споров по выпискам из контокоррентного счета, должны быть предъявляемы не позднее 6 месяцев по вручении выписки.

Сальдо заносится на новый счет и на него начисляются проценты. Если какое-нибудь требование, занесенное на контокоррентный счет, обеспечено залогом, то этот залог обеспечивает (в пределах залоговой суммы и срока договора о залоге) также и сальдо, определенное в пользу залогодержателя; такое же правило применяется и в отношении поручительства. Третье лицо может обращать взыскание лишь на сальдо, определенное по контокоррентному счету в пользу должника третьего лица.

Договоры контокоррента могут заключаться кредитными учреждениями как между собой, так и с клиентами, а в указанных в законе случаях также и с другими социалистическими организациями — с разрешения Госбанка.

Договор контокоррента прекращается с наступлением срока, установленного договором, а также в случае признания одной из сторон несостоятельным должником. Если договор заключен без указания срока, он может

быть прекращен каждой из сторон в любое время, с предупреждением другой стороны не менее чем за пять дней. Договор может быть срочно прекращен одной стороной в случае обращения третьим лицом взыскания на требования, принадлежащие другой стороне.

Надо заметить, что в том виде, как договор контокоррента был регламентирован в постановлении 23 июля 1930 г., он на практике не привился.

Расчетный счет представляет по своему существу разновидность контокоррента: подобно контокорренту, расчеты между банком и клиентом производятся по сальдо расчетного счета. Поэтому закон о договоре контокоррента распространяется и на расчетный счет (постановление 23 июля 1930 г.¹).

Однако договор о расчетном счете между банком и клиентом (хозорганом) не является лишь разновидностью контокоррента. Правоотношения, складывающиеся на почве расчетного счета, представляются более сложными, так как по сути дела в них имеются и элементы чекового договора и бессрочного денежного вклада.

Вместе с тем экономический характер расчетного счета значительно отличается от контокоррента, применявшегося в первое время после кредитной реформы: расчетный счет имеет ту характерную черту, что по нему не проводится кредитование хозоргана; все выплаты с расчетного счета возможны только при условии кредитового сальдо, т. е. когда на расчетном счете есть свободный остаток; только в пределах этого свободного остатка возможны выплаты; в тех же пределах только и допускается наложение ареста и обращение взыскания по претензиям третьих лиц к владельцу расчетного счета. Основанием для списания каких-либо сумм с расчетного счета или, наоборот, для зачисления на расчетный счет служат объявления по взносам, чеки, платежные поручения, приказы-реестры, счета-фактуры с акцептами плательщика и другие документы. Приказы на списание или выдачу наличными с расчетного счета могут быть только именные.

Постановлением СНК СССР 14 января 1931 г. «О мерах улучшения практики кредитной реформы»² устанав-

¹ БФХЗ, 1930, № 25, стр. 43.

² СЗ 1931 г. № 4, ст. 52.

ливаются положение, по которому для оплаты счета поставщика необходимо согласие покупателя. Основной формой расчетов (при иногороднем обороте) стала акцептная, заключающаяся в том, что счета за поставленные товары или оказанные услуги оплачиваются по платежному требованию кредитора банком, обслуживающим должника, при наличии согласия на то должника и лишь в пределах средств, имеющихся на его расчетном счете. Согласие должника может быть выражено хотя бы тем, что покупатель (или иной плательщик) в течение установленного срока не заявляет в банк об отказе в акцепте счета (отрицательный акцепт). В этом случае банк списывает требуемую сумму с расчетного счета плательщика, а при отсутствии свободного кредита сообщает о том поставщику, который может распорядиться о переадресовании товара. Плательщик несет ответственность перед поставщиком в случае неосновательного отказа в акцепте или несвоевременной оплаты счета-фактуры. С другой стороны, и банк, при неоплате плательщиком счета-фактуры за отсутствием свободного кредита, применяет к плательщику меры кредитного воздействия: принимает неоплаченные грузы в свое распоряжение, запрещает транспортной организации выдачу груза без разрешения банка и пр. (в известных случаях неоплаченный груз может быть сдан на ответственное хранение плательщику). Отказать в акцепте счета-фактуры плательщик имеет право при ошибочном адресовании ему товара или счета, а также в других случаях, предусмотренных законом или договором между плательщиком и поставщиком. Среди оснований для отказа нередко упоминается (и по существу должно быть признано необходимым) то обстоятельство, что товар отгружен досрочно¹. Арбитражная практика держится той точки зрения, что и независимо от специального упоминания об этом в договоре получатель товара не обязан оплачивать партии товара, сданного ранее срока (хотя бы он и не возражал против досрочной поставки).

Для того чтобы по возможности сократить случаи не-

---

¹ Распоряжением президиума Центросоюза 16 января 1933 г. всем организациям системы потребительской кооперации даже предложено положительно включать соответствующие указания во все генеральные, локальные и прямые договоры (БФХЗ, 1933, № 18, стр. 31).

основательных отказов от акцепта, Государственный банк ввел требование, объявленное 24 января 1932 г.¹ чтобы при отказе плательщиков в акцепте счетов-фактур, присланных для оплаты иногородними поставщиками, делалась ссылка на тот пункт договора, невыполнение которого дает плательщику основание отказаться от акцепта. При невыполнении этого требования банк применяет автоматическое списание суммы счета. По правилам 1931 г. счета-фактуры акцептуются плательщиком в полном размере; частичный акцепт допускался только по распоряжению поставщика, а также при обнаружении явной арифметической ошибки (в последнем случае плательщик акцептует счет в правильной сумме). В дальнейшем был допущен частичный акцепт счета и в ряде других случаев². При отказе от акцепта неоплаченные грузы поступают на ответственное хранение покупателей. Постановлением СНК СССР 17 августа 1931 г.³ урегулирован вопрос об ответственном хранении покупателями неоплаченных грузов. Юридические отношения в этом случае принимают следующий характер.

При акцептной форме расчетов груз может быть передан на ответственное хранение покупателя, если груз не оплачен ввиду отказа в акцепте или ввиду отсутствия средств у покупателя, причем груз не принят на хранение транспортной организацией или Госбанком вследствие отсутствия у них складов или невозможности использовать имеющиеся склады (по первоначальным правилам ответственное хранение допускалось лишь при отсутствии филиалов банка в месте назначения груза, а также если груз требует хранения в специальных складах — нефть, топливо — или если грузы направлены на подъездные пути). Покупатель, принявший груз на ответственное хранение, обязан хранить его, имея в виду, что груз находится в распоряжении поставщика. Покупатель несет ответственность за целостность и сохранность груза, не имеет права использовать или израсходовать груз до его оплаты и обязан выполнять приказы поставщика о передаче и переотправке груза в другой адрес. С другой стороны,

¹ БФХЗ, 1932, № 11, стр. 8—9.

² Постановление СНК СССР 11 сентября 1934 г. (СЗ 1934 г., № 48, ст. 376); правила Госбанка 17 января 1935 г., согласованные с Госарбитражем при СНК СССР (БФХЗ, 1935, № 12, стр. 1).

³ СЗ 1931 г. № 53, ст. 343.

поставщик обязан распорядиться принятым на ответственное хранение грузом в течение трех суток по получении уведомления о принятии груза на хранение. Если поставщик такого распоряжения не сделает, он возмещает покупателю расходы по хранению груза за время до получения распоряжения. Расходы по перевозке, хранению, разгрузке и переотправке груза производит покупатель. Если он имел право не оплатить груз, то поставщик обязан немедленно возместить покупателю эти расходы; если же груз не оплачен из-за отсутствия средств у покупателя или ввиду неосновательного отказа в акцепте, упомянутые расходы остаются на покупателе. Как поставщику, так и банку предоставлено право контролировать выполнение покупателем его обязанностей по ответственному хранению и для этой цели знакомиться со счетоводством и обследовать склады, изменить порядок хранения грузов, вовсе изъять груз у покупателя. Если покупатель не выдает груза по требованию поставщика или использует груз раньше его оплаты, покупатель уплачивает поставщику стоимость груза, штраф в размере 5% суммы счета и возмещает понесенные поставщиком убытки.

В дополнение к этому постановлению издано постановление СНК СССР 3 мая 1933 г.¹: если по указанию покупателя груз направлен поставщиком не в адрес покупателя, а в адрес другой организации, то он считается во всех случаях поступившим на ответственное хранение грузополучателя. Грузополучатель обязан о получении груза уведомить по телеграфу (не позднее одних суток) поставщика под страхом штрафа. Далее, об оплате счета-фактуры на груз, направленный в адрес другой организации, покупатель обязан не позднее одних суток по телеграфу уведомить грузополучателя, также под страхом штрафа. В случае неоплаты покупателем счета-фактуры на груз, направленный в адрес другой организации, поставщик обязан не позднее трех суток после получения об этом уведомления покупателя или банка распорядиться грузом по телеграфу. В случае непосылки в срок уведомления поставщик возмещает грузополучателю расходы по хранению груза.

Вопрос о несении расходов по перевозке, хранению, разгрузке и переотправке грузов, а также об основных

---

¹ СЗ 1933 г. № 29, ст. 175.

правоотношения между поставщиком, банком и покупателем разрешается и после этого постановления на изложенных выше началах.

Попутно необходимо отметить, что на почве банковских расчетов выступают также специальные товароскладские операции самого банка, являющиеся разновидностью договора хранения. На основе постановления СНК СССР 20 марта 1931 г. товароскладские операции производятся Госбанком в отношении следующих товаров, поступающих в распоряжение банка: а) товаров, не выкупленных плательщиком; эти товары Госбанк принимает по поручению поставщика или без такого поручения; они предназначаются для переправки или продажи; б) товаров неплатежеспособных клиентов, на которые банком обращаются взыскания в порядке применения к таким клиентам мер кредитного воздействия. Меры, необходимые для обеспечения целости и сохранности товаров, принятых филиалом банка, принимаются за счет клиента; равным образом и все вообще расходы, связанные с хранением товаров, а также тариф (фрахт) и другие удержания в пользу банка относятся на счет клиента. В данном случае имеется не чистого типа хранение, а хранение, комбинированное с договором комиссии. За хранение товаров банк взимает определенное вознаграждение применительно к местным условиям; за товароскладские операции и за реализацию товаров банк исчисляет комиссионное вознаграждение по ставкам, установленным правлением банка.

Переотправка и продажа товаров, поступивших в распоряжение банка вследствие неоплаты их плательщиком, могут производиться филиалом банка лишь по распоряжению поставщика, причем продажа товаров допускается только социалистическим организациям.

Операции по хранению товаров на складах общего пользования с выдачей специальных свидетельств, warrants и тому подобных документов более не производятся.

Акцептованный счет приобретает силу исполнительного документа. Следовательно, для взыскания по этому счету нет надобности обращаться в суд или арбитраж. Отсюда Госарбитраж при СНК СССР сделал вывод, что иски о неоплате счетов-фактур могут приниматься органами Госарбитража к рассмотрению только при пред-

ставлении справки банка об отказе плательщика от акцепта или о том, что исполнительная надпись на счете не учинена (циркуляр Госарбитража при СНК СССР 29 мая 1935 г.¹).

Поскольку акцепт счета-фактуры не гарантирует оплаты счета, так как последняя зависит от наличия свободного кредита у плательщика, была предусмотрена еще другая форма расчетов, при которой поставщик, отгружая товар, может не сомневаться в немедленной оплате его счетов. Эта вторая форма, именуемая а к к р е д и т и в о м², состоит в том, что плательщик еще до отгрузки товара, поручает своему банку, так сказать, заготовить в банке поставщика сумму, необходимую для оплаты счетов поставщика (это и называется «выставить аккредитив»). Оплата платежного требования поставщика производится по представлении им банку отгрузочных документов, а также других документов, по указанию плательщика.

Основной формой расчетов признается акцептная; на аккредитивную форму переходят обычно в случае неисправности плательщика в оплате счетов. Однако эта форма расчетов имеет ту отрицательную сторону, что если поставщик задерживает отгрузку, то средства, вложенные в аккредитив, как бы замораживаются. Поэтому в договорах нередко предусматривается³ ответственность поставщика за полное или частичное неиспользование выставленных аккредитивов. Эта ответственность может выражаться в замене, по требованию плательщика, аккредитивной формой акцептной формы, во взимании с поставщика процентов с неиспользованной суммы аккредитива и т. п.

Некоторое сходство с аккредитивной формой расчетов имеют так называемые особые счета. По правилам кредитной реформы признается возможным, что покупатель, имеющий постоянные взаимоотношения с определенным поставщиком, производит с ним расчеты за товар по месту нахождения поставщика. Для этой

¹ «Бюллетень Госарбитража», 1935, № 13, стр. 29.

² Положение об аккредитиве, первоначально изданное в 1931 г., переработано в 1935 г. (БФХЗ, 1935, № 24, стр. 3).

³ См. распоряжение президиума Центросоюза 16 января 1933 г. (БФХЗ, 1933, г., № 18, стр. 31).

цели покупатель открывает особый счет по месту нахождения поставщика именно для производства с ним расчетов. С этого счета выплаты производятся таким же порядком, как и при аккредитиве. С точки зрения юридической природы отношений, в этих случаях имеется договор между плательщиком и банком о выплате с особого счета сумм с соблюдением определенных условий по указанию лиц, уполномоченных распоряжаться особым счетом.

От аккредитива особый счет, как форма расчетов, отличается тем, что с особого счета оплачиваются лишь те счета-фактуры, которые акцептованы представителем должника, находящимся в месте нахождения поставщика. Поэтому, если при аккредитивной форме банк не имеет права оплачивать счет, не убедившись из представления отгрузочного документа в факте отгрузки товара, то при оплате с особого счета этот контроль банка уже не имеет такого значения.

Расчеты могут производиться также посредством перевода денег через банк.

Пленум Верховного суда СССР постановлением 15 марта 1934 г. разъяснил природу переводной банковской операции. Обязанность банка оплатить перевод возникает из непосредственного договорного отношения между ним и перевододателем или между ним и другим банком, давшим платежное поручение.

Договор о переводе между отправителем денег и банком не является договором в пользу третьего лица в смысле ст. 140 ГК РСФСР, а составляет договор поручения (ст. 251 и сл.). Поэтому лицо, на имя которого сделан перевод, не приобретает права требования платежа от кредитного учреждения, и переводная сумма до выдачи получателю принадлежит отправителю перевода, который может его отменить, отозвать, переадресовать и т. д., т. е. распорядиться им как собственник по своему усмотрению. В тех случаях, когда перевод произведен в форме переводного билета, акцепт переводного билета банком, т. е. принятие его банком к платежу, следует рассматривать как учинение платежа (юридический платеж), почему с момента акцепта отправитель перевода лишается права на распоряжение переведенной суммой, а переводополучатель с момента акцепта приобретает право непосредственного требования к банку-платель-

щику. Предметом иска при этом может быть претензия переводополучателя о непроизводстве платежа банком после акцепта по истечении законного срока с требованием возмещения за происшедшие в связи с этим убытки. Во всех остальных случаях переводополучатель не обладает правом иска к банку-плательщику по поводу платежа переводной суммы¹.

Для всех применяющихся форм расчетов между организациями характерно, что платежи производятся не иначе, как с согласия (прямого или молчаливого) плательщика; только в отдельных, прямо предусмотренных в законе случаях оплата платежных требований допускается без согласия плательщика (безакцептный порядок списания применяется, например, к взысканию штрафов, взимаемых железными дорогами, коммунальными органами и пр.).

Особенностью расчетов посредством перевода является то, что выплата денег по переводу не обусловлена выполнением каких-либо обязанностей со стороны получателя банка (более подробная регламентация этой формы отношений относится к следующему периоду — постановление СНК СССР 11 марта 1941 г.²).

При расчетах на мелкие суммы применяется также наложение платежа.

Формы расчетов видоизменяются в случаях однородных расчетов. Прежде всего в этих случаях вовсе не применяется аккредитивная форма. Акцептная форма по существу проявляется в форме инкассо платежных требований через банк; в данном случае применяются правила об акцепте платежных требований с незначительными лишь видоизменениями (например, с сокращением срока на отказ от акцепта).

При внутригородских расчетах широко применяются платежные поручения банку, расчетные чеки (которые следует отличать от платежных чеков, по которым производятся выплаты наличными деньгами). С юридической стороны расчеты посредством чеков предполагают чековый договор между банком и хозорганом, выдающим чек. По этому договору банк принимает на себя обязательство оплачивать чеки своего клиента.

¹ Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР, действующих на 1 января 1936 г., 1936, стр. 39.

² СП 1941 г. № 9, ст. 154.

На почве применения законов о кредитной реформе 35-й пленум Верховного суда СССР 26—28 октября 1931 г. дал разъяснение об уголовной ответственности за действия, направленные к нарушению кредитной работы и системы хозрасчета¹. Это разъяснение было дополнено постановлением пленума Верховного суда СССР 26 февраля 1933 г.² В числе нарушений системы хозрасчета выделены: неоформление отношений договорами, нереальность и недоброкачество договоров, использование покупателями неоплаченных товаров, находящихся у них на хранении, выдача авансов между хозорганами, прямой товарообмен и пр.; в области документооборота — выписывание счетов-фактур, не соответствующих реальной отправке или реально оказанным услугам (бестоварные счета), акцепты заведомо бестоварных счетов и др. Пленум Верховного суда разъясняет, что выписка бестоварных счетов и другие названные нарушения являются должностными преступлениями.

11

В области страхового договора внесено изменение постановлением ЦИК и СНК СССР 3 февраля 1931 г.³, отменившим обязательное и добровольное страхование имущества, принадлежащих государственным предприятиям и учреждениям. В виде исключения постановление 3 февраля 1931 г. устанавливает возмещение убытков (без внесения страховых платежей) от стихийных бедствий в имуществе государственных промышленных предприятий районного и сельского значения, коммунальных предприятий, социально-культурных учреждений, состоящих на местном бюджете, смешанных акционерных обществ, кооперативных организаций всех видов, кроме жилищно-строительной и жилищно-арендной кооперации, для которых сохранилось обязательное страхование с внесением страховых платежей, и имущества колхозов, которые страхуются в обязательном порядке.

¹ «Судебная практика», 1931, № 17/18, стр. 1.

² Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда, 1936, стр. 37.

³ СЗ 1931 г.: № 8, ст. 88.

Из предыдущего изложения видно, что в период борьбы за завершение строительства социалистического общества сфера применения гражданско-правового договора расширилась и удельный вес договора возрос. Конечно, особенности социально-экономического базиса сказались, и сказались они в том, что на первое место выдвинулись договоры, необходимые для оформления важнейших отношений между социалистическими предприятиями. Таковы плановые договоры поставки одними социалистическими предприятиями другим, плановые договоры подряда в капитальном строительстве, договоры, посредством которых оформляются расчетно-кредитные отношения.

Но нельзя сказать, что и договоры, заключаемые гражданами, утратили всякое жизненное значение. Поскольку социалистическая собственность дополняется личной собственностью граждан, постольку и социалистический оборот в тесном смысле не только не исключает, но положительно предполагает существование, наряду с договорами между социалистическими организациями, также договоров, заключаемых гражданами как с отдельными социалистическими организациями, так и между собой. И, действительно, такие договоры, как купля-продажа, имущественный наем, ссуда, договоры о хранении вещей и т. п., имеют в практике советских граждан самое широкое применение.

Разумеется, значительные сдвиги в хозяйстве и во всем социалистическом строе, какие произошли в этот период, не могли не привести к тому, что среди законов, формально не отмененных, оказалось немало настолько устаревших, что они перестали применяться; в качестве примера можно назвать законодательные нормы о различных формах договоров товарищества (кроме простого).

Надо, впрочем, заметить, что ряд устаревших законов приводился в соответствие с запросами жизни судебной и арбитражной практикой. Одним из ярких примеров такой работы по приспособлению устаревших законов к новым условиям является признание судебной и арбитражной практикой за трестированным предприятием прав самостоятельного юридического лица вопреки Положению о промышленных трестах 1927 г., устаревшему в этой части.

Гражданское право последнего предвоенного периода (1936—1941 гг.) развивается на основе ведущего законодательного акта нашей эпохи — великой Сталинской Конституции, являющейся четким выражением достигнутых грандиозных изменений во всем народном хозяйстве и социальном строе нашей страны. Советское государство стало подлинной страной социализма. Народное хозяйство ведется на основе общегосударственного плана; основной метод хозяйствования — последовательный, проводимый, в соответствии с народнохозяйственным планом, хозяйственный расчет; оформление отношений между хозорганами путем договоров как средств сочетания плана и хозрасчета; широкое поле деятельности для кооперативных организаций, также работающих на началах плановости и хозрасчета; строжайшая защита социалистической собственности в обеих ее формах — государственной и кооперативно-колхозной; укрепление и охрана личной собственности граждан, дополняющей систему социалистической собственности и производной от нее, — такова общая картина гражданского права периода проведения в жизнь Сталинской Конституции, завершеного строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму.

Как указывалось выше, в предыдущем периоде основным методом организации договорных отношений была система генеральных договоров, заключавшихся центральными хозорганами, и локальных договоров, заключавшихся на основе генеральных нижестоящими звеньями отдельных хозяйственных систем. При этом значение генеральных договоров не ограничивалось лишь организацией и руководством делом заключения договоров на местах. Генеральный договор определял также хозяйственные взаимоотношения, направленные на обеспечение выполнения самого генерального договора. Такое положение было в течение первого пятилетия тридцатых годов основным, система генеральных и локальных договоров была ведущей формой. В новом, рассматриваемом в настоящем разделе периоде меняется принципиальная установка в отношении форм договор-

ных связей. Бурный рост народного хозяйства имел своим следствием то, что система генеральных и локальных договоров, оправдывавшая себя в предыдущем периоде, на данном этапе развития оказалась не совсем подходящей, так как слишком связывала инициативу низовых хозорганов и их оперативную самостоятельность при определении договорных отношений. Хозорганы, не исключая и низовых, теперь значительно окрепли, хозяйственно поднялись на более высокую ступень, и стеснять их генеральными договорами из центра не стало оснований. Усиление низового звена в цепи хозорганов можно вообще считать одной из основных линий развития хозяйственной жизни этого времени. Предприятию предоставляется большая инициатива в организации его работы, направленной на исполнение плана. Одной из характерных иллюстраций расширения инициативы предприятия является, например, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья»¹. Предприятие должно искать наиболее выгодные способы использования своих возможностей в целях наилучшего исполнения плана.

Отсюда естественно было отойти от системы генеральных договоров. Указание в этом направлении содержалось еще в постановлении СНК СССР 14 декабря 1934 г. о заключении договоров на 1935 г.² В этом постановлении было предложено расширить применение прямых договоров.

В постановлении СНК СССР от 15 января 1936 г. «О заключении договоров на 1936 год»³ отмечается в числе важнейших недочетов в заключении и выполнении договоров в 1935 г. тот факт, что центры хозяйственных систем заключали детальные генеральные договоры без учета конкретных особенностей и запросов подчиненных им низовых организаций и таким образом подменяли собой в ряде случаев низовые и срединные хозяйственные организации. Признавая, что в условиях огромного роста товарооборота и широко развертывающейся борь-

¹ СП СССР 1941 г. № 3, ст. 40.

² СЗ 1934 г. № 63, ст. 456.

³ СЗ 1936 г. № 3, ст. 27.

бы за рентабельность возрастает значение договора для дальнейшего укрепления плано-хозяйственной дисциплины и хозяйственного расчета во всех отраслях народного хозяйства, СНК СССР в постановлении 15 января 1936 г. признает уже основной формой договоров — прямые договоры, заключаемые по преимуществу низовыми и срединными звеньями хозяйственных систем, т. е. хозорганами, непосредственно исполняющими договоры.

Таким образом, причины перехода на прямые договоры заключаются в углублении и укреплении хозяйственного расчета, в росте и укреплении низового звена, а также в переходе в ряде отраслей промышленности на двухзвенную систему управления. Переход от системы генеральных договоров к системе прямых договоров не означал, однако, отказа от руководства со стороны центра заключением договоров на местах. Для этой цели отчасти были использованы протокольные соглашения, совместные циркуляры соответствующих центральных органов, типовые договоры, рассылавшиеся центральными органами на места, и т. п. Но наибольшее значение приобрели основные, или общие, условия поставки, (как важнейшего в хозяйственной жизни договора) тех или иных товаров, издаваемые соответствующими наркоматами или главными управлениями-производителями по соглашению с наркоматами-потребителями.

Как показывает само название, «основные условия поставки» должны содержать в себе определение лишь важнейших моментов отношения между поставщиком и заказчиком, а не предусматривать ответы на все вопросы, какие могут встретиться в связи с поставкой.

«Основные условия» определяют порядок заключения и важнейшие обязательные условия договоров поставки, которые предстоит заключать подведомственным данному наркомату предприятиям, но сами не являются договором. С другой стороны, «основные условия» отличаются от протокольных соглашений тем, что они устанавливают ряд условий будущих договоров, тогда как при протокольных соглашениях (применявшихся очень редко) стороны сами определяют условия поставки (хотя и в соответствии с преподанной им директивой). Инструкция Госарбитража при СНК СССР от 9 декабря 1940 г. «О порядке согласования основных условий поставки,

заклучения договоров и рассмотрения преддоговорных споров» дает по вопросу о том, что такое «основные условия», с одной стороны, общее руководящее указание, а с другой — примерный перечень.

Общее указание инструкции 9 декабря 1940 г. сводится к тому, что в «основных условиях» регулируются важнейшие вопросы поставки соответствующей продукции, требующие единообразного разрешения для всех поставщиков и потребителей. Это общее указание иллюстрируется перечнем: а) порядок согласования количества и ассортимента поставки; б) сроки представления спецификаций и разнарядок; в) условия, обеспечивающие поставку высококачественной комплектной продукции, полностью соответствующей обязательным стандартам; г) порядок качественной приемки и сдачи товаров; д) порядок количественной приемки товаров; е) цены и порядок их применения; ж) условия расчета; з) случаи применения договорных санкций и их размеры; и) в необходимых случаях — важнейшие условия о таре и упаковке.

Из этого перечня видно, что в «основных условиях» действительно должны быть предусмотрены все пункты, которые одинаково необходимо предусмотреть, будет ли завязано отношение между одной парой (поставщиком и потребителем) или между другой. Наоборот, все те условия поставки товаров, которые отражают особенности (индивидуальные) отношений между конкретным поставщиком и конкретным покупателем, инструкция предлагает согласовывать при заключении договоров на базе «основных условий». Таким образом, инструкция исходит из предпосылки, что за «основными условиями» последует заключение договоров.

«Основные условия» — не договор, а только обязательные для нижестоящих организаций данных ведомств правила заключения договоров и указания относительно важнейших моментов содержания договоров¹.

---

¹ Поэтому прав З. И. Шкундин, который в статье «О правовом значении основных условий поставки» («Арбитраж», 1940, № 2, стр. 23) признает неправильным одно арбитражное решение (в порядке надзора), по которому взыскана неустойка с неисправной стороны при наличии только планового задания и основных условий поставки, но при отсутствии договора.

Если между наркоматами или ведомствами возникают разногласия по содержанию «основных условий», эти разногласия устраняются (на основании инструкции Госарбитража при СНК СССР 9 декабря 1940 г.) в том же порядке, как и преддоговорные споры, т. е. разногласия отображаются в особом протоколе, который передается на разрешение Госарбитража. Впрочем, полного тождества с преддоговорными спорами нет: Госарбитраж рассматривает разногласия, возникшие при согласовании «основных условий», но не понуждает к их согласованию. Поскольку, порядок разрешения споров по содержанию «основных условий» тот же, какой существует для преддоговорных споров, следует признать, что и в отношении «основных условий» сохраняют значение ограничения установленные инструкцией Госарбитража при СНК СССР 29 октября 1938 г. По этой инструкции не подлежат рассмотрению в порядке Госарбитража преддоговорные споры об установлении объема договорных обязательств, сроков их выполнения, об установлении цен, наценок, штрафов, скидок и накидок, ассортимента или спецификации поставляемой продукции или выполняемых работ и прочие преддоговорные споры по вопросам, относящимся по закону к компетенции административных или плановых органов, а также преддоговорные споры, решения по которым могут быть осуществлены лишь путем распоряжения соответствующих административных органов.

Таким образом, основные принципы, на которых должны строиться договорные отношения между социалистическими организациями, можно свести к следующим: 1) как правило, применяются прямые договоры, т. е. заключаемые непосредственно предприятиями (низовыми звеньями, иногда серединными звеньями), 2) регулирующее и руководящее влияние центров соответствующих систем осуществляется посредством «основных условий», обязательных для низовых и серединных звеньев. Широкое применение «основных условий» не означает, однако, полного прекращения практики генеральных договоров; эта форма договорных связей перестала быть ведущей, но некоторое значение сохранила.

В этот период стали применяться также краткосрочные договоры и разовые сделки. Самый факт сильного увеличения числа хозяйственных организаций спо-

собствовал этому; потребность в разовых сделках вызвана была также и большим разнообразием хозяйственных связей между отдельными хозорганами.

Упомянутый выше закон 15 января 1936 г. требует заключения годовых договоров только на ту продукцию, по которой правительство СССР утверждает годовые планы распределения между потребителями. По всем остальным товарам предоставляется право заключать также краткосрочные договоры и разовые сделки. Надо, впрочем, отметить, что в практике хозорганов разовые сделки не получили сколько-нибудь широкого применения¹; с одной стороны, покупатели, опасаясь остаться без товара, избегают заключать разовые сделки, с другой стороны, и поставщики стараются обеспечить договорами план сбыта на весь хозяйственный год.

Как и в предыдущем периоде, большое внимание уделяется договорной дисциплине: проводятся меры контроля над соблюдением договорной дисциплины, а также над своевременным применением санкций в случаях нарушения договоров².

Наряду с все увеличивавшимся значением договора в социалистическом хозяйстве необходимо отметить, что в данном периоде развивается практика установления обязательственных отношений между социалистическими организациями путем административных актов без заключения договоров. Еще на грани предыдущего и настоящего периодов издано постановление СТО от 7 апреля 1935 г.³, по которому заводы, производящие автомашины, обязаны сдавать автомашины социалистическим организациям согласно утвержденному правительством плану распределения без оформления договорами отношений с покупателями (по выражению постановления, производить непосредственную реализацию нарядов). Наряд обязателен для всех организаций данного главка, независимо от их согласия; это — акт вполне односторонний. В рассматриваемый период такое бездоговорное возникновение обязательств между социалистическими организациями непосредственно из административного

¹ «Арбитраж», 1937, № 1, стр. 20.

² Например, приказ НКВнуторга СССР 5 июля 1936 г. «Финансовое и хозяйственное законодательство» (в дальнейшем ФХЗ), 1936, № 30, стр. 24.

³ СЗ 1935 г. № 21, ст. 167.

акта планирования получило более широкое применение. На таких началах строится, например, сдача совхозами своей продукции государству; планом сдачи сельскохозяйственной продукции предусматривается, что такой-то совхоз должен сдать такой-то заготовительной организации определенное количество своей продукции, а Народный комиссариат заготовок своими приказами определяет условия и порядок сдачи этой продукции.

Из сочетания указаний плана и ведомственных приказов между сторонами возникают обязательства без заключения договоров. К той же категории явлений надо отнести замену договора контракта обязательной поставкой в отношении целого ряда сельскохозяйственных продуктов. Другой важный пример возникновения обязательств между социалистическими организациями без заключения договоров представляет постановление Экономсовета при СНК СССР от 29 ноября 1938 г. об утверждении «Общих условий поставки металлопродукции». Согласно этим «Общим условиям» обязательства по поставке черных металлов также возникают без заключения договоров между поставщиком и покупателем. В этих случаях взаимные права и обязанности сторон регламентируются «Основными условиями» поставки.

Отпала договорная форма также в некоторой сфере отношений между экспортными объединениями и наркоматами-поставщиками относительно поставки товаров для экспорта. В предыдущем периоде эти пути отношения определялись заключавшимися между этими организациями договорами. Утвержденными в 1940 г. условиями поставки на экспорт¹ установлено, что фондируемые и регулируемые товары выделяются для экспорта наркоматами-поставщиками по постановлениям и распоряжениям Экономического совета при СНК СССР с одновременным указанием источников покрытия выделяемой для экспорта продукции. Экспортные объединения выдают наркоматам-поставщикам заказы-наряды; товар должен сдаваться по этим заказам-нарядам в указанные в них сроки (для поставки на экспорт других товаров осталась практика договоров между Наркомвнешторгом и наркоматами-поставщиками).

---

¹ СП 1940 г. № 27, ст. 636.

С другой стороны, более широкое и глубокое планирование приводит к тому, что бывают случаи, когда для хозоргана заключение договора с другим определенным хозорганом является обязательным, хотя бы дело шло и не относительно поставки фондируемой продукции (по которой обязательство заключить договор признавалось и в предыдущем периоде). Приведем для иллюстрации один случай из арбитражной практики. Наркомлес прикрепил для поставки Центромясоптице яичной стружки Пролетарский лесокомбинат. Ввиду того, что Пролетарский лесокомбинат не мог гарантировать поставку стружки, требуемой стандартом, он уклонился от заключения договора. Центромясоптица возбудила преддоговорный спор, но Московский областной госарбитраж освободил Пролетарский лесокомбинат от обязанности заключить договор и предложил Центромясоптице обратиться в Наркомлес для выделения другого поставщика. Наркомлес подтвердил сделанное прикрепление. Дело поступило на рассмотрение Госарбитража при СНК СССР, который решение областного госарбитража отменил и в своем решении привел следующие соображения. Распоряжения Наркомлеса безусловно обязательны к выполнению всеми подчиненными ему организациями. Если Пролетарский лесокомбинат считал задание Наркомлеса невыполнимым, он должен был непосредственно и заблаговременно добиться отмены этого распоряжения. Поскольку распоряжение не только не отменено, но и подтверждено, Пролетарский лесокомбинат обязан заключить договор с Центромясоптицей¹.

В отношении договора строительного подряда Госарбитраж СНК СССР признал, что если работа на данной стройке предусмотрена утвержденным планом подрядной строительной организации, последняя не вправе отказываться от заключения договора².

В разработке договорного права немалую роль сыграла практика — судебная и арбитражная, способствовавшая выяснению и правильному применению законодательства.

Так, в 1939 г. сначала Госарбитраж при СНК СССР, а затем пленум Верховного суда СССР установили прин-

¹ «Арбитраж», 1937, № 13, стр. 16.

² «Арбитраж», 1940, № 2, стр. 29.

ципально важное положение, что ст. ст. 30 и 147 ГК РСФСР (и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик) применимы не только в сфере отношений между гражданами (как истолкованы эти статьи в 1927 г. пленум Верховного суда РСФСР) но и к сделкам (и прежде всего договорам), заключаемым социалистическими организациями. Арбитражная практика признала подпадающими под действие ст. ст. 30 и 147, в частности, договоры, нарушающие принципы государственного планирования, например, договоры поставки фондируемых материалов не фондодержателям, продажу целевых фондов с нарушением целевого назначения, другие договоры, заключенные в нарушение планов снабжения и планового использования фондов; далее — договоры, нарушающие кредитную реформу и систему финансирования, как-то: договоры, допускающие коммерческое кредитование, незаконную выдачу авансов, товарообменные операции, нарушающие установленный законом порядок расчетов между хозорганами, порядок финансирования капитального строительства и т. д.¹

Арбитражной практикой установлены некоторые положения, уточняющие последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения стороной обязательства.

Необходимо вообще особо выделить плановые договоры между социалистическими предприятиями. В этих случаях как предприятие-должник, так и предприятие-кредитор, заключая договоры, имеют целью выполнение своих планов, составляющих части единого народнохозяйственного плана. Отношение, следовательно, осложняется тем, что, наряду с взаимными правами и обязанностями сторон, имеются еще обязанности их перед государством. Это обстоятельство ставит оба предприятия в такое положение, что они оба должны активно содействовать достижению известной хозяйственной цели. Кредитор не только имеет право принять исполнение, но и обязан к этому. Если бы одна из сторон, поскольку она является кредитором, осталась безучастной к исполнению договора, она этим прежде всего затруднила бы

---

¹ Конкретные дела по применению к социалистическим организациям ст. ст. 30 и 147 ГК см. в статье И. Новицкого, «Недействительные сделки», «Вопросы советского гражданского права», изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 43 и сл.

себе исполнение плана, т. е. нарушила бы свою прямую обязанность в отношении государства. Больше того, обязанность кредитора принять исполнение сопровождается обязанностью (уже исключительно в отношении государства) и воспользоваться исполнением: Кредитор по советскому праву обязан оказывать должнику, желающему исполнить обязательство, положительное содействие; кредитор обязан принять все зависящие от него меры, чтобы обеспечить должнику исполнение обязательства, должен совершить действия, необходимые для того, чтобы должник мог исполнить обязательство, создать для должника такие условия, при которых исполнение могло бы протекать нормально, проходить с наименьшими затратами со стороны должника, с наименьшим напряжением его сил, и, во всяком случае, не создавать для должника положения, при котором ему пришлось бы затрачивать на исполнение обязательства больше энергии и средств, чем это необходимо по сути дела.

Когда убытки по договору вызваны обстоятельством, за которое можно возложить ответственность на обе стороны, Госарбитраж удовлетворяет иск об убытках в половинном размере. Так, в одном деле выяснилось, что в результате неправильного испытания был забракован годный аппарат и нецелесообразно израсходованы государственные средства на изготовление такого же второго аппарата. Госарбитраж признал, что за производство неправильного испытания в равной степени отвечают обе стороны, и потому отнес понесенные убытки в равных частях на обе стороны¹.

На специальном совещании, происходившем в 1938 г. по различным вопросам арбитражной практики, между прочим, отмечено следующее: «Анализ причин возникновения арбитражных споров в 1937 г. показывает, что споры, связанные с отказом от приемки заказанной продукции или от оплаты счетов на отгруженный по договору товар, по своему удельному весу занимают почти такое же место, как и споры, возникшие вследствие недопоставки продукции. Такие действия сторон задерживают товарооборот, нарушают финансовую дисциплину, приводят к бесцельной загрузке транспорта, зачастую к порче или гибели товара, а следовательно, наносят вред

¹ «Арбитраж», 1938, № 6, стр. 24.

государству и ущерб советскому потребителю. В большинстве случаев вина за это падает на покупателей-грозополучателей. Выдвигаемые ими причины отказа от забора продукции или оплаты счетов — отсутствие заказа, пропуск поставщиком частного срока исполнения, засылка товара не в заказанном ассортименте или ненадлежащего качества, превышение поставщиком цен и т. п. — чаще всего оказываются несостоятельными, надуманными, продиктованными желанием оттянуть срок платежа. Поэтому требуется самое внимательное рассмотрение подобных споров и жесткая борьба с этим видом нарушения договорной дисциплины путем обяания покупателей забрать и оплатить товар и применения к ним договорных санкций»¹.

Большое внимание уделено арбитражной практикой тому, чтобы добиваться реального исполнения обязательств. В некоторых положениях о ведомственном арбитраже, — например, в положении об арбитраже Наркомата тяжелой промышленности, утвержденном приказом НКТП от 10 марта 1937 г.² — предусмотрено право как центрального, так и местных арбитражей НКТП, в целях воздействия на неисправных контрагентов, устанавливать не предусмотренные договором штрафы, а также повышать, по сравнению с договором, размеры пени и неустойки. В отношении государственного арбитра обосновать применение такой нормы прямым указанием закона нельзя, тем не менее эта мера применяется в данном периоде довольно широко³, но с тщательным учетом конкретных обстоятельств, чтобы не создать для предприятия-должника серьезных финансовых затруднений и не привести к срыву промфинплана этого предприятия. Но ни в коем случае не допускается повторное взыскание убытков. Например, взыскав с поставщика убытки, вызванные недопоставкой продукции, и все-таки не получив продукции, заказчик вторично предъявляет иск об убытках от недопоставки; госарбитраж признал иск не подлежащим удовлетворению⁴.

Постановлением СНК СССР 21 июня 1938 г. урегу-

¹ «Арбитраж», 1938, № 9/10, стр. 15.

² ФХЗ, 1937, № 8/9, стр. 11.

³ «Арбитраж», 1936, № 3, стр. 21.

⁴ «Арбитраж», 1940, № 1, стр. 32.

лированы сроки хранения сумм, не полученных кредиторами и внесенных в депозит¹. Согласно этому постановлению, депозитные суммы, подлежащие передаче гражданам, хранятся в течение трех лет; суммы, причитающиеся государственным предприятиям и организациям, состоящим на хозяйственном расчете, а также кооперативным и общественным организациям, — в течение полутора лет; наконец, суммы, подлежащие уплате учреждениям, состоящим на государственном и местном бюджете, — до 31 декабря того года, в котором были внесены. Невостребованные в указанные сроки депозитные суммы подлежат перечислению по распоряжению органа, на текущем счете которого эти суммы хранятся, в доход соответствующего бюджета. Тем самым обязательство должника следует признать окончательно прекратившимся.

В отношении последствий неисполнения договорного обязательства арбитражная практика установила, что неисправный должник-поставщик, с которого покупатель взыскал штрафные санкции, не вправе автоматически переложить уплаченную сумму санкций на своих контрагентов в качестве убытков, причиненных их неисправностью. Такое переложение санкций означало бы обезличение ответственности по договорам². Если собственные контрагенты поставщика не исполняют договорных обязательств, он имеет право взыскивать с них штрафные санкции и убытки на основании своих договоров с ними.

Даже если размер санкций, взыскиваемых с поставщика продукции, превышает сумму санкций, какая причитается поставщику с его собственных неаккуратных контрагентов, не допускается взыскание разницы (хотя бы в форме иска об убытках) с контрагентов поставщика, которые ненадлежащим исполнением своих договорных обязательств обусловили недопоставку и взыскание санкций.

Такое разрешение вопроса соответствует принципу хозрасчета. Оформляя свои отношения с заказчиками договором поставки, поставщик принимает на себя определенное обязательство, за которое может отвечать только он, а никак не организация, в этом договоре не участво-

¹ СП 1938 г. № 30, ст. 185.

² «Арбитраж», 1940, № 1, стр.32.

вавшая. Пользуясь оперативной самостоятельностью, поставщик должен затем предусмотреть в договорах с теми организациями, от которых в той или иной мере зависит исправное исполнение поставки, соответствующие санкции. Если сумма такого вспомогательного договора недостаточна для того, чтобы поставщику покрыть возможную ответственность перед заказчиком санкциями со своего контрагента, поставщик должен принять меры к предупреждению убытков положительными средствами, т. е. постараться получить все необходимое для изготовления поставляемой продукции в другом месте (за счет неисправного контрагента).

С другой стороны, в арбитражной практике проводится принцип, устанавливающий, что неисправность одной стороны, влекущая для нее обязанность возмещения ущерба другой стороне, не может служить для этой второй стороны оправданием бесхозяйственных или неразумных действий, увеличивающих без необходимости в том размер убытков, вызываемых неисправностью первой стороны.

В качестве иллюстрации может служить следующее дело из практики Госарбитража при СНК СССР. Трест Жилстрой НКТП при выполнении постройки жилого дома для Госплана СССР заключил договор с центральной конторой земляных работ Моссовета о выемке экскаваторами 16 000 кубометров грунта по 1 р. 74 к. с кубометра. Контора, исполнив часть этой работы, увезла с территории строительства экскаваторы и прекратила работы. Жилстрой произвел тогда выемку земли ручным способом и предъявил к конторе иск на переплату (выразившуюся в очень большой сумме). Арбитраж не только отказал в иске, но и возбудил вопрос об уголовной ответственности лиц, распоряжением которых было вызвано это увеличение суммы убытков¹.

Точно так же арбитражная практика признала, что неаккуратность заказчика по договору строительного подряда не является основанием для освобождения подрядчика от уплаты санкций за просрочку сдачи работ, вызванную не зависящими от заказчика причинами².

Арбитражная практика энергично добивается комплектности поставки, взыскивая 100% штраф за некомп-

¹ «Арбитраж», 1937, № 1, стр. 37.

² «Арбитраж», 1940, № 4, стр. 26.

лектную поставку даже в тех случаях, когда на поставку оборудования договора заключено не было¹.

Добиваясь точного соблюдения условий договора относительно ассортимента поставляемого товара, арбитражная практика не раз признавала, что перегруз одного товара не может идти в покрытие недогруза другого, хотя бы и однородного, если покупатель не дал на то согласия². Однако незначительное отступление от обусловленного ассортимента не может служить основанием для отказа покупателя от приемки всего отправленного товара³.

Если поставщик дает товар сверх плана и договора, то просрочка в оплате покупателем счета за такой товар не влечет для него обязанности платить санкции за просрочку⁴.

Положением Госбанка СССР 21 февраля 1938 г. «О разовых зачетах встречных требований хозорганов»⁵ урегулирован специальный случай применения зачета как способа прекращения обязательств. Именно — в целях упрощения и ускорения расчетов между хозорганами и уменьшения взаимной дебиторско-кредиторской задолженности филиалы банка, согласно этому положению, должны содействовать хозяйственным организациям в погашении предъявленных к ним платежных документов путем зачета встречных претензий. Так как тем же днем (21 февраля 1938 г.) датируется другое положение Госбанка — «О периодических расчетах по сальдо между хозорганами» (о котором будет речь ниже), то излагаемое здесь положение содержит оговорку, что его действие распространяется на те случаи, когда встречные расчеты не носят систематического характера. Особенность этого зачета заключается в том, что к зачету принимаются только бесспорные встречные претензии, но, с другой стороны, платежное требование может быть погашено в порядке зачета и до наступления срока платежа. В качестве бесспорных претензий принимаются к зачету: приказы арбитража и другие исполнительные

¹ «Арбитраж», 1940. 1 8, стр. 25.

² «Арбитраж», 1938, 2, стр. 26.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ «Финансово-хозяйственный бюллетень» (в дальнейшем — ФХБ); 1938, № 10, стр. 5.

документы; платежные требования по иногородним и внутригородским расчетам, акцептованные или получившие силу исполнительных документов; платежные требования, подлежащие оплате в безакцептном порядке; прочие бесспорные претензии (платежные поручения и расчетные чеки). Зачет производится филиалом Госбанка обслуживающим хозорган, подавший заявление о зачете. Порядок оформления зачета определен особой инструкцией Госбанка¹.

2

Общая линия развития в области договоров поставки и купли-продажи в рассматриваемый период может быть обозначена следующими штрихами: дальнейший рост планового договора поставки, заключаемого социалистическими предприятиями; борьба за договорную дисциплину, как одно из условий надлежащего проведения хозрасчета; в частности, борьба за качество поставляемой продукции, за комплектность поставляемого оборудования, за точный ассортимент поставляемых товаров.

Купля-продажа попрежнему остается очень распространенным договором и правовая регламентация ее, в основном, остается на прежних основаниях.

Интересы растущего социалистического хозяйства потребовали точного учета и планового перераспределения всего имеющегося на различных предприятиях оборудования и материалов, которые для данного предприятия являются излишними и им не используются. Было обращено внимание на то, что такого рода оборудование и материалы, полученные предприятием с определенным целевым назначением, нередко продаются или обмениваются этим предприятием без всякого на то разрешения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г.² продажа так называемого демонтированного и излишнего оборудования охарактеризована как замаскированное расхищение социалистической собственности и запрещена под страхом уголовной ответственности. Изданным на основе этого Указа постановлением СНК СССР от 21 марта 1941 г. предоставлено народным комиссарам союзных, союзно-республиканских и республи-

¹ ФХБ, 1938, № 10, стр. 5.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1941, № 8.

канских наркоматов право передавать излишки материалов и оборудования (кроме входящих в определенный перечень) с одного предприятия на другое в системе данного наркомата, если передаваемые предметы предназначаются для обеспечения установленной данному предприятию производственной программы, а также передавать отходы производства предприятий союзной и республиканской промышленности предприятиям местной промышленности и промкооперации для производства изделий широкого потребления. Стоимость оборудования, передаваемого с одного предприятия на другое в системе того же наркомата, списывается с баланса одного предприятия на баланс другого. Расчеты за передаваемые материалы с одного предприятия на другое производятся по действующим ценам.

Постановлением СНК СССР 29 августа 1939 г.¹ утверждена новая инструкция Госарбитража при СНК СССР о порядке и сроках предъявления претензий при поставке товаров ненадлежащего качества одними государственными, хозяйственными, кооперативными и общественными организациями другим. По содержанию эта инструкция шире, чем можно было бы судить по названию, а именно, она регламентирует не только поставки некачественного товара, но также и товара некомплектного, неассортиментного, немаркированного.

С поставками некомплектного оборудования ведется энергичная борьба ввиду значительности вреда, причиняемого такими поставками социалистическому хозяйству. Инструкция 29 августа 1939 г. устанавливает на этот случай штрафные санкции в размере 100% стоимости недоставленных частей. Госарбитраж при СНК СССР взыскивает этот штраф, хотя бы оборудование сдавалось и без договора².

Маркирование товара имеет целью усиление ответственности производственных предприятий за качество выпускаемых ими изделий и обеспечение покупателю возможности выбора продукции хорошо зарекомендовавших себя предприятий.

Инструкция 29 августа 1939 г. дает подробные указания о приемке и активировании недостатков поставлен-

¹ СП 1939 г. № 51, ст. 428.

² «Арбитраж», 1940, № 8, стр. 25.

ного товара, о последствиях сдачи такой продукции (ответственность поставщика), о порядке предъявления претензий, вытекающих из поставки товара, не соответствующего по качеству условиям договора, некомплектного и немаркированного.

Борьба за качество продукции все время остается в центре внимания советского правительства. В числе мероприятий, преследующих цель поднятия качества продукции, важное значение имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР 10 июля 1940 г. об ответственности за поставку недоброкачественной продукции, которым установлено, что выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству (директор, главный инженер, начальник отдела технического контроля промышленного предприятия по приговору суда подвергаются за это преступление тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет).

Устанавливая вообще строгие требования к производителям продукции в отношении ее качества, советский закон смягчает эти требования в отношении продукции, вырабатываемой из отходов производства, утиля и некондиционного сырья: на эту продукцию не распространяются действующие общесоюзные стандарты, продукция выпускается по утвержденным техническим условиям или образцам (постановление СНК СССР 11 сентября 1940 г.¹).

Постановлением ЦИК и СНК СССР 7 января 1937 г.² совершение на территории Союза ССР сделок с золотом, серебром, платиной и металлами платиновой группы в монете, слитках в сыром виде, с иностранной валютой и т. п. признано исключительным правом Госбанка СССР.

Постановлением СНК СССР 15 февраля 1936 г.³ был установлен порядок предварительных заказов на товары широкого потребления, не укоренившийся в дальнейшей практике.

Постановлением СНК СССР 13 октября 1936 г.

¹ СП 1940 г. № 25, ст. 614

² СЗ 1937 г. № 8, ст. 25.

³ СЗ 1936 г. № 8, ст. 68.

«О порядке скупки новых и подержанных вещей у населения и их продаже»¹ установлено, что скупленные у населения или принятые на комиссию вещи, не бывшие в употреблении, должны продаваться по установленным для них государственным розничным ценам. Эти вещи не могут приобретаться скупочными магазинами, палатками, комиссионными магазинами дешевле, чем на 5—6% против установленных на них государственных розничных цен. Подержанные вещи не могут приобретаться дешевле, чем на 5—10% по сравнению с розничными ценами, по которым эти вещи будут проданы.

Распространенный товарообмен — встречная продажа колхозам, колхозникам и единоличникам товаров широкого потребления при закупках у них молока, масла, пушнины — отменен постановлением Экономсовета при СНК СССР 10 июля 1938 г.²; встречная продажа товаров широкого потребления сохранена при закупках шерсти.

3

Жилищный вопрос был и остается в центре внимания советской власти с первых дней революции. В праве эта социальная проблема нашла выражение сначала в конфискации домов (национализация и муниципализация) у крупных собственников, в уплотнениях широко живущих граждан для размещения тех, кто не имеет жилой площади, в переселениях рабочих из сырых подвалов в гигиенические и благоустроенные квартиры. Далее, началось строительство новых домов, породившее, между прочим, такие правовые формы, как жилищно-строительные кооперативы, право застройки, договор надстройки. Параллельно с этим шли мероприятия, направленные на сохранение жилищной площади и на организацию управления государственным жилым фондом.

В рассматриваемом периоде подведены итоги практики этих мероприятий, и на основе этих итогов издано большое и очень важное по содержанию постановление ЦИК и СНК СССР 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства»³.

¹ СЗ 1936 г. № 55, ст. 435.

² СП 1938 г. № 33, ст. 204.

³ СЗ 1937 г. № 69, ст. 314.

В регламентацию договора имущественного найма (в его разновидности — жилищного найма) закон 1937 г., проникнутый заботой о сохранении жилищного фонда, о прекращении спекуляции жилой площадью, о правильном распределении и использовании жилищ, внес следующие основные изменения. В домах, принадлежащих советам депутатов трудящихся, право распоряжаться свободными жилыми помещениями предоставлено жилищным управлениям. Из этого следует, что не может быть судебного иска гражданина, нуждающегося в жилой площади, о выдаче жилищным управлением ордера на предоставление жилого помещения; если заинтересованное лицо считает отказ в выдаче ордера необоснованным, возможно обжалование в административном порядке, но никак не в судебном. Иное дело, если жилищный орган заселяет по ордеру помещение, законно принадлежащее другому лицу: тогда заинтересованное лицо вправе предъявить иск о признании ордера недействительным.

Распоряжение жилой площадью в так называемых ведомственных домах принадлежит администрации соответствующих учреждений и предприятий. Жилищно-строительные кооперативы сохранены лишь при условии, если в установленный законом срок их члены погасят всю задолженность по банковским ссудам, полученным на строительство; в противном случае жилищно-строительный кооператив ликвидируется, а дом поступает в распоряжение местного совета. Право пользования жилыми помещениями оформляется письменным договором, заключаемым съемщиком с управляющим домом или с арендатором дома, причем в договоре точно определяются права и обязанности сторон и последствия их нарушения. На договор жилищного найма переведено и пользование пайщиков жилищно-строительных кооперативов, живущих в домах бывших жилищно-строительных кооперативов, ликвидированных вследствие того, что эти дома построены или строятся в основном за счет государственных средств. Договор найма жилых помещений заключается на срок не свыше 5 лет. Существовавший по Гражданскому кодексу (ст. 156) порядок автоматического возобновления (продолжения) договора в тех случаях, когда нанимателем помещения является трудящийся, отменен. За гражданами, проживающими в до-

мах местных советов, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций, в том числе и в бывших кооперативных домах, а также в домах, принадлежащих отдельным гражданам, признается преимущественное право на заключение договора на занимаемое ими жилое помещение. Равным образом предоставляется преимущественное право возобновления договора по истечении срока его действия гражданам, выполняющим все обязательства по договору и добросовестно относящимся к содержанию предоставленного в их пользование жилища. Как одностороннее расторжение договора, так и одностороннее изменение условий договора в течение действия арендного договора запрещено. Если за время действия договора у съемщика образуется излишек площади сверх установленных жилищных норм в виде изолированной комнаты, съемщику дается право в течение трех месяцев после предупреждения со стороны жилищного управления заселить образовавшийся излишек по своему усмотрению (право самоуплотнения), и только если съемщик не использует этого права, излишняя изолированная (а проходная — только при условии возможностей превращения ее в изолированную, — разъяснение пленума Верховного суда СССР 12 декабря 1940 г.) комната может быть заселена местным советом (или администрацией государственного учреждения или предприятия в так называемых ведомственных домах). Если съемщик использует свое право самоуплотнения, то, как разъяснил пленум Верховного суда СССР 12 декабря 1940 г., вселенное в этом порядке лицо становится самостоятельным съемщиком и имеет право требовать заключения с ним самостоятельного договора и открытия отдельного лицевого счета.

Право обмена занимаемой площади с другими съемщиками со взаимной передачей прав и обязанностей по договорам аренды предоставлено съемщикам лишь с разрешения жилищного управления местного совета (или государственного учреждения, либо предприятия, владеющего домом или арендующего дом).

Пленум Верховного суда СССР 28 ноября 1940 г.¹ разъяснил, что если жилая площадь в доме государст-

---

¹ Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940, стр. 102.

венного учреждения, предприятия или общественной организации была предоставлена съемщику не в связи с трудовым договором, а в порядке обмена, то в случае отказа съемщику в разрешении на обмен, он может обжаловать отказ в судебном порядке.

Помимо этих двух случаев — самоуплотнения и обмена жилыми площадями — съемщик помещения под страхом уголовной ответственности распоряжаться своей площадью не имеет права. Лица, осужденные за покупку жилой площади, подлежат выселению совместно с членами семьи и иждивенцами.

Расторжение договора найма без предоставления другого жилого помещения допускается по общему правилу только в судебном порядке и только в следующих случаях: если съемщик или члены его семьи систематически разрушают или портят жилое помещение и места общего пользования; если съемщик или члены его семьи своим поведением делают невозможным для других жильцов совместное проживание в той же квартире или комнате; если съемщик не внес квартирной платы в течение трех месяцев со дня истечения срока платежа. Выселение в административном порядке без предоставления жилой площади допускается только в следующих случаях: если съемщик, которому предоставлено помещение в доме государственного предприятия в связи с его работой, уволен с работы (за исключением случаев увольнения в связи с инвалидностью или увечьем, а также призывом на действительную службу в Советскую Армию); если съемщик, которому предоставлено жилое помещение в доме государственного учреждения или общественной организации, уволен по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины, либо за совершение преступления. При увольнении из учреждения по причинам, не зависящим от трудящегося, административное выселение не может иметь места. Если жилая площадь в доме государственного учреждения или предприятия была предоставлена съемщику не в связи с трудовым договором, а в порядке обмена, съемщик может быть выселен только в судебном порядке с предоставлением ему другой площади¹. Более того, такой

---

¹ «Советская юстиция», 1940, № 12, стр. 39.

съемщик¹ имеет даже, как указано выше, право обменять свое помещение.

Административное выселение без предоставления жилой площади допускается также при применении постановления ЦИК и СНК СССР от 21 июля 1936 г. «О порядке выселения в городах Москве, Ленинграде и Киеве из жилых домов, предназначенных к сломке и к капитальной перестройке», а также выселение посторонних лиц из помещений, принадлежащих органам транспорта, а равно из домов, принадлежащих органам Народного комиссариата обороны. Во всех остальных случаях выселение жильцов из занимаемых ими помещений может быть допущено только в судебном порядке и притом с возложением на органы, производящие выселение, обязанности предоставить выселяемому другое, годное для жилья помещение. Это правило (ст. 32 закона 17 октября 1937 г.) имеет в виду съемщиков (притом самостоятельных), проживающих в домах, перечисленных в ст. 31 того же закона, и не может быть применяемо к лицам, арендующим жилую площадь в домах, принадлежащих отдельным гражданам¹.

За съемщиками, временно выехавшими (без брони) с семьей, жилые помещения сохраняются на срок 6 месяцев (а за лицами, выехавшими на работу за границу, на Дальний Восток и в Арктику, на срок до двух лет). Если выбывает на срок более 6 месяцев (без брони) один из членов семьи (хотя бы и тот, на чье имя открыт лицевой счет), право на площадь теряет только он, но не другие члены семьи.

Законом 1937 г. отменены льготы и преимущества, предоставленные в области договора имущественного найма застройщикам, а именно: право взимания квартирной платы, не ограниченной нормами; право взимания так называемых «въездных»; право сдачи жилой площади без ограничения нормами площади; право выселения жильцов по истечении договора о сдаче в наем жилого помещения. Вместе с тем закон 1937 г. разрешил в домах, принадлежащих отдельным гражданам на праве застройки и праве личной собственности, или домах, арендованных ими у местных советов, взимать надбавки

---

¹ «Советская юстиция», 1940, № 2, стр. 44—45.

к установленным законом ставкам квартирной платы в размере не свыше 20 процентов.

В отношении домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, разъяснено, что если собственник дома не эксплуатирует его в целях спекуляции, он вправе требовать выселения нанимателя (по окончании договора, а при бессрочном договоре — в порядке ст. 155 ГК), если помещение необходимо собственнику для личного пользования или пользования семьи¹.

На основе практики первых лет по издании жилищного закона 17 октября 1937 г. дается ряд разъяснений, развивающих основные положения этого закона в названном выше развернутом постановлении по данному вопросу пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г.²

До этого, 16 июля 1939 г., пленум Верховного суда разъяснил, что ни в законе, ни в инструкциях, ни в типовом договоре нет запрещения сдавать жилую площадь в поднаем. Очень нередко в качестве поднанимателей (временных жильцов) вселяются нуждающиеся в жилой площади родственники, близкие знакомые и пр., и предоставление им жилой площади вызвано не желанием съемщика получить средства в виде квартирной платы за помещение, а желанием помочь за счет стеснения себя и своей семьи. При таких условиях факт сдачи помещения в поднаем не дает жилищному органу права отказаться от заключения договора с основным съемщиком³.

29 августа 1940 г. пленум Верховного суда СССР разъяснил⁴, что вопрос о том, является ли данное лицо самостоятельным съемщиком или временным жильцом, нельзя решать только по внешнему признаку открытия лицевого счета; необходимо исходить из фактических отношений между сторонами.

4

Договор подряда регламентировался в рассматриваемый период на следующих началах.

¹ «Советская юстиция», 1940, № 15, стр. 44.

² Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам, 1941, № 2, стр. 27.

³ Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 2-е полугодие 1939 г., № 54.

⁴ Тот же сборник за 1940 г., стр. 100.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) 11 февраля 1936 г. «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства»¹ установлены принципиальные положения, на которых должно вестись капитальное строительство. Этим постановлением еще более решительно, чем прежде, санкционирован переход к подрядному способу выполнения работ. Этот способ признан наиболее целесообразным потому, что основой упорядочения строительного дела и удешевления строительства является, как сказано в постановлении, переход от кустарщины и партизанщины в строительном деле на путь крупной строительной индустрии, а для этого необходимо перейти к выполнению строительных работ подрядным способом. Только при сосредоточении строительства в руках постоянно действующих подрядных строительных организаций возможны развитие индустриальных методов строительства, овладение новой строительной техникой, всестороннее освоение строительных машин и механизмов, рационализация строительного дела, создание постоянных кадров строителей, быстрый подъем производительности труда, удешевление строительства.

Лишь в единичных случаях, в отношении более мелких строителств, осталось возможным производство их хозяйственным способом. Арбитражная практика знает даже такие случаи, когда строительство, производившееся хозяйственным способом, было затем переведено на подрядный способ и после того вновь переведено на хозяйственный способ работы: расчеты между подрядчиком и заказчиком производятся в этих случаях так, что ценности, переданные подрядчику в оборотные средства, не подлежат возврату заказчику; заказчик должен получить причитающееся ему финансирование по смете, так как стройка восстанавливается на соответствующую сумму сметный лимит².

В капитальном строительстве установлена система генерального подрядчика. По ст. 3 названного постановления 11 февраля 1936 г. на каждой строительной площадке должен быть один генеральный подрядчик, ведущий общестроительные работы; специальные работы он осуществляет через субподрядчиков, т. е. специализи-

¹ СЗ 1936 г. № 9, ст. 70.

² «Арбитраж», 1940, № 7, стр. 27.

рованные строительные и монтажные организации (санитарно-технические, электро-монтажные и т. п.). Заказчик заключает договор подряда с генеральным подрядчиком на всю работу в целом; генеральный подрядчик отвечает перед заказчиком за выполнение всего объема работ как общестроительных, так и специальных и строительно-монтажных.

На этих принципиальных основаниях построены правила о подрядных договорах по строительству, утвержденные постановлением СНК СССР 26 февраля 1938 г. «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства»¹. При заключении договора заказчик авансирует подрядчика в размере 15% годовой договорной стоимости подрядных работ. Произведенные работы оплачиваются по промежуточным счетам; окончательный расчет производится по исполнению и сдаче всех работ.

Течение исковой давности по претензиям подрядчика к заказчику об оплате выполненных строительных работ исчисляется со дня окончания 15-дневного срока по приемке заказчиком каждого отдельного законченного объекта (ст. 32 Правил о подрядных договорах²). По претензиям, возникающим на почве расчетов у заказчика к подрядчику, давность исчисляется с того дня, когда оказаны услуги подрядчиком и переданы ценности заказчиком (ст. 16 тех же Правил³).

Подрядный договор может быть заключен лишь при наличии технического проекта и генеральной сметы к нему. Поэтому подрядчик не имеет права на получение санкций с заказчика за отсутствие технического проекта по одному из объектов строительства: проект должен быть приложен к генеральному договору, без проекта нельзя было подписывать договора⁴. Более того, несвоевременная передача заказчиком подрядчику технической документации по договору строительного подряда по общему правилу не освобождает подрядчика от уплаты санкций за просрочку в сдаче работ; только в том случае, если эта просрочка произошла исключительно из-за

¹ СП 1938 г. № 9, ст. 58.

² СП 1938 г. № 9, ст. 58.

³ «Арбитраж», 1941, № 3, стр. 29.

⁴ «Арбитраж», 1940, № 9/10, стр. 39.

неисправности заказчика, ответственность с подрядчика может быть сложена¹.

Но если заказчик не передает подрядчику производственного оборудования для монтажа на строительстве, с него взыскиваются санкции со стоимости задержанных работ (ст. 36 Правил о подрядных договорах по строительству)².

Проведение планового начала в договорах подряда в области капитального строительства гарантируется посредством финансового контроля банков за расходованием средств, отпущенных на капитальное строительство. Предъявленные через банк платежные требования проверяются банком с точки зрения соблюдения сметно-финансовой дисциплины, соблюдения специальных требований закона, предъявляемых к подрядным договорам на капитальное строительство, и пр.; при обнаружении нарушения этих требований платеж банком не производится.

На тех же принципиальных основах, на каких регламентируется договор строительного подряда, выработаны правила о подрядных договорах на проектные и изыскательские работы, утвержденные постановлением Комитета по делам строительства при СНК СССР 31 марта 1939 г.³ Как и договоры на строительство, договоры о проектировании и изыскательских работах заключаются с ведущей проектной организацией как генеральным подрядчиком, выполняющим работы полностью — самостоятельно или с привлечением на договорных началах специализированных проектных организаций (субподрядчиков). Перед заказчиком несет ответственность за выполнение всех работ только генеральный подрядчик.

Заключение договоров по проектированию капитального строительства с частными лицами неоднократно запрещалось еще в предыдущем периоде (в частности, постановлением СТО от 10 апреля 1931 г.⁴). Циркуляром НКЮ СССР 4 февраля 1937 г.⁵ вновь подтверждено, что сдача работ по составлению проектов отдельным лицам возможна только в порядке конкурса или непосредствен-

¹ «Арбитраж», 1940, № 4, стр. 26.

² СП 1938 г. № 9, ст. 58; «Арбитраж», 1940, № 9/10, стр. 40.

³ ФХБ, 1939, № 27/28, стр. 15.

⁴ БФХЗ, 1931, № 18, стр. 46.

ФХЗ, 1937, № 13, стр. 28.

но изобретателям. В остальных случаях такие договоры должны считаться недействительными по ст. 30 ГК с последствиями по ст. 147 (т. е. исполненное по договору изымается, как неосновательное обогащение, в доход государства).

5

Для деятельности так называемых комиссионеров (т. е. особой категории посредников при заключении договоров), если в этом качестве выступает гражданин, в настоящем периоде нет сколько-нибудь широкой арены. Социалистические организации пользоваться услугами такого рода посредников не имеют права; гражданам же, при недопустимости частной торговли, также не приходится по общему правилу прибегать к договору комиссии. Этот договор сохранился, главным образом, в деятельности государственных комиссионных магазинов. Согласно постановлению Народного комиссариата внутренней торговли СССР от 26 сентября 1935 г.¹, комиссионные магазины принимают на комиссию для продажи только от отдельных лиц предметы широкого потребления и домашнего обихода. В виде исключения они принимают на комиссию для продажи от начальников железнодорожных станций и пристаней невостребованные и бездокументные домашние вещи, бывшие в употреблении. Комиссионным магазинам запрещен прием на комиссию для продажи вещей, изъятых из гражданского оборота, вещей, запрещенных к продаже специальными узаконениями, прием от кустарей предметов их производства, вещей от работников данного комиссионного магазина и членов их семей, материалов производственно-строительного значения, станков и оборудования.

Постановлением СНК СССР 3 февраля 1936 г. о дополнении к постановлению СНК СССР «О комиссионных магазинах»² комиссионным магазинам разрешены прием на комиссию и покупка у ломбардов, таможенных, финансовых и других государственных органов невыкупленных и конфискованных товаров на основе специальных договоров и соглашений, заключае-

¹ ФХЗ, 1936, № 7, стр. 20.

² СЗ 1935 г. № 40, ст. 332; СЗ 1936 г. № 10, ст. 79.

мых комиссионными магазинами с указанными государственными органами. Следует еще упомянуть, что постановлением СНК СССР 4 мая 1936 г. разрешена организация государственных контор по торговому посредничеству. На эти конторы возлагается обслуживание всех торговых и промышленных организаций (выявление спроса и предложения товаров, посредничество по купле и продаже товаров между хозяйственными организациями и пр.).

Таким образом, функции по торговому посредничеству могут выполняться только государственными органами — государственными конторами по торговому посредничеству в системе Народного комиссариата внутренней торговли. Частные лица заниматься торговым посредничеством не могут; этот род деятельности запрещен (§ 3 утвержденных СНК СССР 26 марта 1936 г. правил НКФ СССР о регистрации кустарных и ремесленных промыслов).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала договор между промысловой артелью и гражданами о распространении этими гражданами продукции артели с процентным вознаграждением с суммы оплаченных заказов противозаконной сделкой по ст. 30 с последствиями по ст. 147 ГК (определение судебной коллегии по гражданским делам № 771—1940 г.²).

6

Применение контрактационного метода заготовок в данном периоде значительно суживается. ЦК ВКП(б) и СНК СССР в постановлении 8 апреля 1940 г.³ признают, что контрактация, как средство государственных заготовок ряда сельскохозяйственных культур (овощей, масличных семян, семян трав, сена), потеряла свое значение, что этот метод, не обеспечивает достаточного роста производства названных сельскохозяйственных продуктов в колхозах. Постановление отменяет контрактацию этих продуктов и заменяет ее обязательными поставками. Аналогичные постановления были

¹ СЗ 1936 г. № 24, ст. 231.

² Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1940 г., М., 1941, стр. 220.

³ СП 1940 г. № 9, ст. 235.

изданы в отношении заготовок капусты, моркови, репчатого лука, огурцов, помидоров (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 9 мая 1940 г.¹), семян масличных культур, сои, клещевины, горчицы, льна-жудрыша, рапса, кунжута (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 мая 1940 г.²). В тех отраслях сельского хозяйства, в которых сохранился контрактационный метод заготовок, сохраняются и даже расширяются меры поощрения контрактантов. Например, постановлением СНК СССР 29 апреля 1936 г. о коноплеводстве³ установлено, что колхозник, засеявший в порядке контрактации не менее $\frac{1}{4}$ приусадебной земли коноплей, освобождается полностью от обязательной поставки картофеля государству и от сдачи государству овощей по обязательству контрактации с остальных $\frac{3}{4}$ приусадебного участка.

7

Расчетно-кредитные отношения между социалистическими организациями и в этот период строятся на основе принципиальных положений кредитной реформы.

Постановлениями СНК СССР от 4 июня 1936 г. и 5 августа 1936 г.⁴, а также инструкцией Госбанка СССР, утвержденной СНК СССР 11 июля 1936 г., внесены существенные изменения в действовавший порядок расчетов и кредитования отгруженных товаров. В основном эти изменения сводятся к следующим. Упрощен порядок акцепта плательщиком платежных требований (по иногороднему обороту): счета-фактуры Госбанку не представляются, а отсылаются поставщиком непосредственно плательщикам (в день представления банку платежных требований на инкассо). Срок платежа по акцептованным счетам иногородних поставщиков удлинен до 10 дней (чтобы дать больше возможностей хозорганам маневрировать своими средствами и этим повысить их платежеспособность).

Вновь подтверждена так называемая отрицательная форма акцепта, т. е. заявление банку необходимо от покупателя лишь в том случае, если он отказывается от

¹ СП 1940 г. № 14, ст. 322.

² СП 1940 г. № 14, ст. 324.

³ СЗ 1936 г. № 24, ст. 229.

⁴ СЗ 1936 г. № 31, ст. 278 и № 44, ст. 380.

акцепта платежного требования или акцептует его частично; если в установленный срок покупатель не заявляет банку об отказе или о частичном акцепте, платежное требование считается акцептованным. Право частичного акцепта платежного требования признано за плательщиком в тех случаях, когда в платежном требовании допущена арифметическая ошибка, либо превышены цены, наценки или наложения, предусмотренные договорами и прейскурантами или установленные другим законным способом, либо поставщик отгрузил товары в количествах, превышающих определенные по плану или договору на данный квартал или месяц, либо отгрузил в одной партии, наряду с заказанными товарами, товар в ассортименте и артикулах, не заказанных покупателем. Если в установленный 10-дневный срок платежное требование не оплачено за отсутствием средств у покупателя, банк в тот же день посылает об этом извещение банку, обслуживающему поставщика; одновременно с этим платежное требование приобретает силу исполнительного документа. С момента акцепта платежного требования товар поступает в распоряжение покупателя; при отказе покупателя от акцепта товар поступает на ответственное хранение покупателя — впрямь до оплаты товара или до получения распоряжения поставщика о дальнейшем направлении товара (при частичном акцепте товар остается на ответственном хранении покупателя в той части, от акцепта которой покупатель отказался). По внутригородскому обороту предельный срок для оплаты товаров установлен в 4 дня. Порядок оформления внутригородских расчетов определен циркуляром Госбанка СССР 16 августа 1936 г.¹, положением и инструкцией Госбанка СССР 19 сентября 1937 г.²

Для систематических неплательщиков постановление СНК СССР 4 июня 1936 г. предоставляет Госбанку устанавливать особый режим ответственного хранения такими неисправными плательщиками поступивших к ним товаров. Такие плательщики лишаются права распоряжаться неоплаченными товарами. Возложив на покупателя ответственное хранение неоплаченных товаров, Госбанк осуществляет контроль за соблюдением покупа-

¹ ФХЗ, 1936, № 28/29, стр. 19.

² ФХЗ, 1937, № 29/30, стр. 8.

телем возложенного на него режима. В связи с этим покупатель обязан по требованию банка представлять ему счета-фактуры и другие товарные документы, необходимые для осуществления контроля над ответственным хранением.

Постановление СНК СССР 5 августа 1936 г. внесло в изложенное постановление дополнение в том смысле, что в отношении товаров, находящихся на ответственном хранении покупателей, поставщики могут давать банку поручения о передаче товаров другому определенному хозоргану или о продаже товара банком. Постановлением 5 августа 1936 г. установлена пеня за просрочку оплаты акцептованного платежного требования в размере 0,1% суммы просроченного платежа за день (постановлением СНК СССР 14 сентября 1937 г.¹ размер пени снижен вдвое). С другой стороны, надо отметить, что согласно положению НКФ СССР 3 мая 1936 г.² за выписку платежного требования при отсутствии реальной отгрузки товаров или реально оказанных услуг, а по капитальному строительству — за выписку платежных требований при отсутствии фактически выполненных работ (бестоварные счета) хозорган-поставщик платит штраф в пользу банка в размере пяти процентов суммы платежного требования.

Постановление СНК СССР 31 августа 1937 г.³ упростило и улучшило порядок внутригородских расчетов между социалистическими организациями. Расчеты на мелкие суммы могут производиться наличными, путем выдачи расчетных чеков, а также в порядке платежных поручений. Расчеты (внутригородские) на сумму свыше 1000 руб. могут производиться посредством платежных поручений, расчетных чеков, платежных требований через банк (в порядке инкассо и акцепта платежных требований). Акцепт платежных требований в основном подчиняется таким же правилам, как и при иногородних расчетах (в частности, правилам отрицательного акцепта), с некоторыми лишь особенностями формального характера (срок на акцепт, документооборот и пр.).

В числе новшеств, введенных постановлением СНК СССР 31 августа 1937 г., необходимо отметить расчеты

¹ СЗ 1937 г. № 60, ст. 260.

² ФХЗ, 1936, № 14, стр. 8.

³ СЗ 1937 г. № 58, ст. 247.

в порядке плановых платежей. Смысл этой формы расчетов заключается в том, что покупатели, находясь с определенными поставщиками в постоянных хозяйственных взаимоотношениях, могут, при наличии согласия поставщиков, рассчитываться с ними не по каждому отдельному счету, а в определенные сроки в известной сумме, устанавливаемой договором (на основе договорного объема закупок). Между очередными плановыми платежами промежутки не должны быть более пяти дней, причем раз в 10—15 дней стороны уточняют свои расчеты на основании фактического отпуска товаров и производят окончательный расчет за истекший период времени.

Ту или иную из названных форм расчетов стороны выбирают по своему соглашению. Возникающие споры между сторонами о форме расчетов и относительно рекламаций, вытекающих из этих расчетов, решаются органами арбитража; банк не рассматривает претензий, связанных с этими спорами, и формы расчетов не устанавливает. Если соглашение о форме расчетов между сторонами не заключено, то поставщики, отгрузившие товар, имеют право выставлять на плательщика платежные требования.

При внутригородских расчетах в некоторых случаях допускается отступление от общего принципа, вытекающего из кредитной реформы, в силу которого не допускается коммерческое кредитование и, в частности, оплата неотгруженного товара: постановление 31 августа 1937 г. допускает расчеты платежными поручениями разных видов, в том числе поручениями, выписываемыми до получения товара. Поставщику предоставляется согласиться или не согласиться на отпуск товара без предварительной его оплаты покупателем. Если поставщик требует предварительной оплаты товара, в этом и получается отступление от кредитной реформы: поставщик может потребовать от покупателя справки банка, подтверждающей перечисление соответствующей суммы на счет поставщика в качестве цены товара.

Если платежное поручение дается банку в оплату товара, уже отпущенного поставщиком, то оно должно содержать точное указание, когда и по какому счету сдан товар поставщиком. Эта форма расчетов представляет то удобство, что банк принимает подобного рода

платежные поручения независимо от того, имеются ли средства на расчетном счете организации, выписывающей это поручение. Если средств на этом счете нет, платежное поручение принимается банком на очередь и оплачивается наравне с исполнительными документами и просроченными платежными требованиями (которые получают силу исполнительного документа). Расчеты в форме платежных поручений не могут, однако, рассматриваться, как нормальная общая система. Они уместны при разовых сделках; с удобством можно их использовать в отношении неисправных плательщиков. Нормальной является система акцепта платежных требований.

Положением Госбанка СССР 20 июня 1938 г. регламентирована заново акцептная форма иногородних расчетов¹. Положение систематизирует, детализирует и уточняет правила, относящиеся к акцептной форме расчетов, изложенные выше. Такая же систематизация и уточнение правил произведены в отношении аккредитивной формы расчетов между социалистическими организациями Положением, принятым правлением Госбанка 7 марта 1938 г.

Нужно отметить еще Положение Госбанка 26 марта 1938 г.², урегулировавшее порядок расчетов с особых счетов. Особый счет открывается по месту нахождения хозорганов-поставщиков в тех случаях, когда хозорган-покупатель производит систематические расчеты за товары и услуги, основанные на хозяйственно-договорных отношениях с одним или несколькими основными его поставщиками. На основании заявления покупателя банк списывает с его расчетного счета указанную в заявлении сумму и переводит ее в филиал по месту нахождения поставщиков. При оплате с особого счета счетов-фактур банк обязан проверить соответствие характера операции условиям особого счета и соответствие указанных в счете-фактуре номеров и дат транспортных документов предъявленным подлинным транспортным документам.

Своеобразную форму расчетов (применимую как при иногороднем, так и при одногороднем обороте) представляют периодические расчеты между

¹ ФХБ, 1938, № 28/29, стр. 15.

² ФХБ, 1938, № 14, стр. 14.

хозорганами по сальдо (положение Госбанка 21 февраля 1938 г.¹). Эта система расчетов может быть применена только в отношениях между хозорганами, связанными постоянными взаимоотношениями по поставке товаров и оказанию услуг. Для ее применения два таких хозоргана заключают между собой договор, который должен быть согласован с Госбанком. Установление расчетов по сальдо вообще дает хозорганам значительные удобства; этим упрощаются и облегчаются взаимные расчеты, так как хозорган освобождается от необходимости вести расчеты по каждому отдельному счету. Благодаря этой системе покупатель получает право немедленно использовать товар, независимо от оплаты именно данного счета. Для того, чтобы не получилось одностороннего ограждения интересов покупателя, интересы поставщика обеспечиваются установлением преимущественной оплаты сальдо по сравнению с другими счетами. Кроме того, само заключение договора о расчетах по сальдо имеет место только с теми контрагентами, которые зарекомендовали себя аккуратным отношением к расчетам и точным выполнением правил документооборота.

Юридическая природа отношений между хозорганами, заключившими договор о расчетах по сальдо, определяется такими элементами: между сторонами производится зачет встречных обязательств; обновление обязательственных отношений (замена их обязательством одной из сторон уплатить сальдо). Порядок и сроки расчетов, равно как и взаимная ответственность сторон за выполнение условий расчетов, определяются их договором. Однако во всяком случае не реже одного раза в 15 дней сальдо должно выводиться и немедленно сообщаться другой стороне (по договору можно этот срок сократить, но нельзя увеличить); равным образом и оплата должна производиться не реже одного раза в 15 дней. Если сальдо в пользу не той стороны, на которую договором возложено ведение расчетов, а другой, то одновременно с отсылкой сальдо сторона, ведущая расчеты, должна дать распоряжение банку о перечислении с ее расчетного счета суммы сальдо. А если сальдо в ее пользу, она составляет тре-

---

¹ ФХБ, 1938, № 10, стр. 4.

бование (счет) на оплату суммы сальдо и направляя это требование в банк на основании общих правил документооборота при акцепте; оплата производится предпочтительно перед оплатой других счетов-фактур и требований.

В промежутках между сроками расчеты по отдельным счетам платежей не производятся. Но если сторона отказывается от акцепта какого-нибудь счета или от принятия отгруженного товара, она должна немедленно уведомлять об этом контрагента. Все счета-фактуры при наличии договора о расчетах по сальдо посылаются только плательщику, но не в Госбанк; Госбанк в этих случаях не ведет наблюдения за движением грузов; товары сразу поступают в полное распоряжение покупателя. В договоре должна быть предусмотрена материальная ответственность каждой из сторон за задержку в уплате следуемых другой стороне сумм, за нарушение правил документооборота, а для той стороны, на которую возложено производство расчетов, также за несвоевременное и неправильное составление и несвоевременную отсылку выписки по счету взаимных расчетов.

Инструкцией Госбанка СССР 1941 г.¹ урегулирована переводная операция, а тем самым урегулированы и расчеты между социалистическими организациями в порядке перевода.

Постановлением СНК СССР 4 июня 1936 г.² изменена система кредитования товарооборота. Основные изменения свелись к тому, что: 1) вместо кредитования торговых организаций на обезличенный средний срок оборачиваемости всех товаров установлено, что кредитование Госбанком торговых организаций должно производиться под акцептованные счета на дифференцированные сроки в зависимости от установленной планом оборачиваемости для различных групп товаров в различных районах; 2) вместо установления твердых лимитов кредитования для каждой отдельной торговой организации устанавливается общий размер кредитования торговых организаций на квартал, а уже банк определяет размер кредитования каждой отдельной организации.

¹ Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам, 1941, № 8, стр. 22.

² СЗ 1936 г. № 31, ст. 278.

Для получения кредита необходимо соблюдение следующих условий: а) рентабельность торговой работы; б) соблюдение устанавливаемого на каждый квартал долевого участия собственных средств в оплате товаров; в) аккуратность платежей по обязательствам перед Госбанком.

8

В рассматриваемый период издан (в отмену ежегодно издававшихся до этого постановлений СНК СССР) сводный закон об обязательном окладном страховании и 4 апреля 1940 г.¹ Этот закон подробно определяет, какое имущество подлежит страхованию, в каких случаях возмещаются убытки, в каких суммах выплачивается страховое возмещение, ставки страховых платежей, льготы, обязанности страхователей, порядок составления актов об убытках. Подробно регламентировано также добровольное страхование домашнего имущества правилами НКФ СССР от 14 апреля 1939 г.² и 9 октября 1940 г.³, добровольное индивидуальное страхование на случай смерти, инвалидности и дожития⁴, добровольное коллективное страхование жизни трудящихся (правила НКФ СССР 30 декабря 1937 г., 14 января 1938 г.⁵).

Согласно постановлению СНК СССР 3 февраля 1938 г.⁶ страхование государственного жилого фонда, а также имущества, принадлежащего государственным предприятиям и учреждениям, сданного в аренду или пользование на иных началах отдельным лицам или частным организациям, проводится в обязательном порядке. Одновременно Госстраху разрешено проводить добровольное страхование имущества учреждений, состоящих на местном бюджете и находящихся в их ведении предприятий и организаций, имущества кооперативных, профессиональных и общественных организаций, экспортных и импортных грузов во время их перевозки и хранения на складах, судов в заграничном и каботажном плавании

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 12.

² ФХБ, 1939, № 19/20, стр. 87.

³ Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам, 1940, № 23/24, стр. 23.

⁴ ФХБ, 1939, № 13/14, стр. 9.

⁵ ФХЗ, 1938, № 1/2, стр. 10.

⁶ СЗ 1938 г. № 7, ст. 46.

и перевозимых на них грузов, а также имущества государственных учреждений СССР за границей и принадлежащего гражданам домашнего имущества и средств транспорта.

Из предыдущего изложения видно, что продолжающаяся в течение рассматриваемого периода укреплена и развитие социалистической системы хозяйства привело в области договорного права к дальнейшему увеличению значения договора, главным образом в области отношений между социалистическими предприятиями. Из числа этих договоров особенно важное значение получили плановые договоры поставки и подрядные договоры о капитальном строительстве. При этом, в связи с наступившим значительным укреплением низового звена — предприятия, в практику вошло широкое применение непосредственных, или прямых, договоров между отдельными предприятиями. Наряду с увеличением самостоятельности предприятия в оформлении договорных отношений еще более усиливается значение планового начала в договорах, особенно ярко сказавшееся в договорах на доставку так называемой фондируемой продукции. Таким образом, и в сфере договорных обязательств получил осуществление принцип демократического централизма, характерный для всей советской системы.

Все более важное значение стала приобретать в развитии принципов договорного права судебная и арбитражная практика, установившая ряд существенно важных положений, развивающих законодательство о договорах. В числе крупных заслуг практики в этой области нужно еще раз подчеркнуть энергично проводимую борьбу за последовательное проведение хозрасчета и, в качестве одного из условий для этого, — за договорную, плановую, финансовую дисциплину.

На развитии договора строительного подряда сказался осуществленный в этот период последовательный перевод строительного дела на путь крупной строительной индустрии. Этот основной факт привел к усилению удельного веса подрядного договора и к построению договорных отношений подрядчика и заказчика под углом зрения планового характера договора.

Из числа договоров, имеющих особо актуальное значение в быту, в этот период получил подробную регламентацию договор жилищного найма.

VII. Договорные обязательства в период Великой Отечественной войны

1

Изменения, внесенные под влиянием Отечественной войны в советское гражданское право, в частности в регламентацию обязательственных договоров, не имели характера радикальной ломки или переработки предвоенного гражданского законодательства. При этом право военного периода, в частности практика Верховного суда СССР характеризуется еще более строгим соблюдением социалистической законности, так как социалистическая законность является чрезвычайно важным моментом для укрепления морально-политического состояния армии и для организации тыла в деле борьбы с врагом. Принцип социалистической законности строго проводится в этом периоде и в отношениях между социалистическими организациями и в отношениях граждан: и социалистическая и личная собственность получают энергичную защиту, а в связи с этим еще более поднимается и значение договорной дисциплины.

В отношении районов, временно находившихся под властью фашистских захватчиков и затем освобожденных Советской Армией, судебная практика Верховного суда СССР твердо и последовательно проводит принцип, что оккупация той или иной территории врагом есть акт насилия, который не должен приниматься во внимание при решении вопроса о применении гражданского законодательства в таких районах. Поэтому действие советских законов на территории, находившейся временно в руках фашистов, нужно считать непрекращавшимся и в период оккупации.

Из этого принципиального положения должен быть затем сделан вывод (который последовательно и делается судебной практикой), что всякого рода сделки, совершенные на известной территории за время ее оккупации врагом, если эти сделки не соответствуют советским законам или нарушают интересы Советского государства, недействительны и потому не порождают для сто-

рон никаких прав (постановление пленума Верховного суда СССР 1 декабря 1944 г., № 17/11/9 и др.).

В основном в военные годы предвоенное обязательственное право сохранило свое содержание без существенных изменений. В частности, оформление отношений между хозорганами в порядке договоров признается необходимым и в условиях военной обстановки не дается льгота в том смысле, что разрешается «основные условия поставки» и хозяйственные договоры одного года продолжать, по истечении его, также и на следующий (например, постановление СНК СССР 17 декабря 1942 г. «О хозяйственных договорах на 1943 год»¹).

Отмеченная в предыдущем периоде практика установления обязательственных отношений между социалистическими предприятиями непосредственно из административных актов (без оформления договорами) продолжается и в эти годы. На этой почве в некоторых отраслях промышленности особенно возрастает значение «основных условий поставки». Так, отношения Главснабугля при СНК СССР и Главнефтеснаба при СНК СССР с потребителями их продукции регулируются основными условиями поставки и нарядами-заказами без заключения договоров (постановление СНК СССР 17 декабря 1942 г.²).

В вопросе о влиянии войны на ответственность за неисполнение договорных обязательств судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР стала на ту правильную точку зрения, что один факт войны сам по себе не является основанием для освобождения должника от принятых им на себя по договору обязательств. Только в том случае, когда вызванные войной обстоятельства сделали невозможным исполнение договора, они могли служить основанием для освобождения должника от ответственности по договору (определение по иску Шальского рыбозавода к колхозу «Прибой»³).

Военная обстановка диктовала необходимость особенно строгой договорной дисциплины. В отдельных категориях отношений, когда причины неисполнения договорных обязательств, вызванные военными событиями,

¹ СП 1942 г. № 11, ст. 191.

² Там же.

³ Судебная практика Верховного суда СССР 1942 г., в. 11 стр. 33.

признавались уважительными, ответственность неисправного контрагента или вовсе исключалась или, по крайней мере, ослаблялась, но не иначе, как в порядке издания особых постановлений правительства. Так, например, Главнефтеснаб был освобожден от уплаты штрафов за недопоставку нефтепродуктов потребителям в сентябре—ноябре 1942 г.

Если освобождающих обстоятельств не имелось, договор должен был быть исполнен в натуре, в точном соответствии с его содержанием. Так, определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Бийской конторы «Скотоимпорт» к колхозу им. Ворошилова отменено, как неправильное, решение суда о взыскании с колхоза, не сдавшего сена, альтернативно: сена или его денежного эквивалента; то же положение подтверждено постановлением пленума Верховного суда СССР от 14 августа 1942 г.¹

Применяя штрафные санкции, органы государственного арбитража нередко добивались реального исполнения договора (например, дело Московского областного госарбитража, № 10/1881/7234 — 1943 г.; дело № 5/871 — 1943 г. Госарбитража при СНК СССР и др). Разумеется, реальное исполнение предприятием своих договорных обязательств было возможно только при условии выполнения этим предприятием своего производственного плана; иначе не помогли бы никакие меры воздействия.

Практика Госарбитража показывает, что, признавая в принципе необходимость реального исполнения обязательства, арбитраж учитывал фактические обстоятельства каждого конкретного случая, чтобы решение, обязывающее к реальному исполнению, само не оказалось нереальным (например, дело Госарбитража при СНК СССР № 5/3307 — 1942 г., дело Госарбитража при СНК РСФСР № 1165—1943 г. и др.).

Следует отметить еще разъяснение НКФ СССР от 2 октября 1943 г. Это разъяснение дано в связи с тем, что при восстановлении на освобожденной от врага территории предприятий им нередко оказывается поддержка посредством передачи оборудования и материалов. НКФин СССР названным разъяснением указал, что сто-

---

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1942, в. I, стр. 6—9.

имость отгружаемых оборудования и материалов восстанавливаемым предприятиям подлежит возмещению по балансовой оценке, включая транспортные расходы. Оплата этих ценностей производится получателями в обычном порядке по счетам-фактурам. Этот порядок расчетов не распространяется на ценности, принадлежавшие восстанавливаемым предприятиям до эвакуации и теперь возвращаемые им, а также на оборудование, передаваемое с одного предприятия на другое в системе того же наркомата в порядке, установленном постановлением СНК СССР 21 марта 1941 г.

2

Среди отдельных договоров, регулирование которых нашло то или иное отражение в законодательстве и судебной практике военного времени, необходимо назвать прежде всего куплю-продажу в связи с многочисленными сделками отчуждения погонщиками эвакуируемого скота. Постановлением пленума Верховного суда СССР от 22 апреля 1942 г. даны руководящие указания судам по вопросу о возвращении совхозам и колхозам принадлежащего им скота, незаконно отчужденного во время эвакуации погонщиками или другими лицами, не уполномоченными на отчуждение имущества совхоза или колхоза. Такие сделки признаются Верховным судом как расхищение социалистической собственности продавцами и как недобросовестное приобретение покупателями, которые по самой обстановке продажи не могли находиться в добросовестном заблуждении относительно права продавцов на отчуждение скота. Поэтому постановление 22 апреля 1942 г. разъясняет судам, что иски об изъятии у приобретателей отчужденного скота совхозов и колхозов должны (в силу ст. ст. 59 и 60 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик) удовлетворяться, а расчеты с ответчиками по извлеченным ими доходам и необходимым затратам на содержание скота должны производиться как с недобросовестными приобретателями.

Только в исключительных случаях продажа эвакуируемого скота в пути может быть признана правомерной (например, продажа скота, неспособного следовать к месту назначения, или вообще вызванная необходимостью в целях охраны интересов собственника скота).

В этих случаях скот не подлежит изъятию у приобретателей.

В отступление от изложенного выше запрета прямого товарообмена между хозорганами, допущены так называемые лесообменные операции, совершаемые Главснаблесом при СНК СССР. Для того, чтобы каждый хозорган получил нужные ему лесоматериалы в районе, ближе расположенном к месту их потребления, и чтобы не производить излишних перевозок, был допущен обмен между хозорганами лесоматериалами, находящимися в разных районах.

3

В области договора имущественного найма первая забота государственной власти была обращена, разумеется, на создание наиболее благоприятных жилищных условий для защитников страны и членов их семей. В первые же дни войны (23 июня 1941 г.) пленум Верховного суда СССР дал указание судам о приостановлении производством всех незаконченных дел по искам о выселении из жилых помещений лиц, состоящих по призыву и мобилизации в рядах армии и флота, а также членов их семей. Затем 5 августа 1941 г. состоялось постановление СНК СССР¹, которым установлено, что на время войны за всеми лицами, состоящими в рядах Красной Армии, в Военно-Морском Флоте и войсках НКВД, сохраняется их жилая площадь, причем площадь, падающая на долю самого военнослужащего, освобождается от квартирной платы. С семей военнослужащих указанных выше категорий квартирная плата во время войны взималась на льготных основаниях. Временные жильцы, поселившиеся на площади военнослужащего, обязаны по его возвращении немедленно ее освободить; в противном случае они подлежат выселению в административном порядке, без предоставления жилой площади.

Ряд постановлений издан по вопросу о жилищных правах граждан, возвращающихся из эвакуации. В общем, вопрос разрешен (постановление пленума Верховного суда СССР 12 ноября 1942 г.) в том смысле, что граждане, возвращающиеся из эвакуации и застающие

¹ СП 1941 г. № 17, ст. 342.

свою площадь заселенной другими лицами, имеют право требовать в судебном порядке ее освобождения при условии, если их эвакуация была в свое время оформлена: квартирная плата ими аккуратно вносилась, а лица, поселившиеся на их площади, получили ее, хотя и в установленном порядке, но не в виду разрушения того дома, где они жили ранее, и т. п.

В особых условиях находятся рабочие и служащие предприятий, эвакуированных на восток; эти рабочие и служащие получают жилую площадь на новом месте постоянного жительства, а квартиры (в домах предприятий и местных советов), в которых они проживали до переезда на новое жительство, поступают в распоряжение исполкомов местных советов и предоставляются в первую очередь рабочим и служащим оборонных предприятий, оставшимся в данном городе.

4

В области договора подряда первостепенное значение получило то обстоятельство, что грандиозная задача по восстановлению пострадавших от военных действий районов и, в первую очередь, предприятий промышленности, транспорта и связи, потребовала известного ускорения проектирования восстановительных работ. Ввиду этого проектирование восстановительных работ по предприятиям промышленности, транспорта и связи ограничивается сокращенным проектным заданием (причем, если предприятие восстанавливается в том же объеме, в каком предприятие существовало до разрушения, составление проектного задания вообще не требуется), рабочими чертежами или описями работ на отдельные восстанавливаемые объекты или конструктивные элементы сооружения и, наконец, едиными расценками на отдельные виды работ. Финансирование капитальных работ по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и связи производится за фактически выполненные работы по единичным расценкам, согласованным с Промбанком.

5

В области договора о хранении имущества (поклажи) определены основания ответственности ломбардов. Ломбарды не несут ответственности за цен-

ности, сданные им гражданами на хранение или в залог, в следующих случаях: а) если данная местность впоследствии была оккупирована врагом и ценности, находившиеся в ломбарде, не были эвакуированы, б) если будет установлено, что истребуемые ценности погибли (повреждены) вследствие бомбардировки или вызванного ею пожара. С другой стороны, этим постановлением определена граница ответственности ломбарда в случаях, когда ценности были реализованы в силу необходимости, вызванной военными обстоятельствами; в этих случаях ответственность ломбарда перед владельцами ценностей ограничивается суммой, вырученной от реализации, за вычетом выданной ссуды с процентами и платы за хранение и страхование.

Далее, большое практическое значение имеет постановление пленума Верховного суда СССР 15 апреля 1943 г., регламентировавшее оставшийся ранее неясным вопрос о порядке возмещения ущерба учреждениями, предприятиями и организациями (в том числе театрами, гостиницами, банями, прачечными, пошивочными и починочными мастерскими, красильнями и т. п.) за похищение, утрату или повреждение сданных им вещей¹. При определении сумм, подлежащих взысканию с названных учреждений, предприятий и организаций в возмещение ущерба, понесенного гражданами вследствие хищения, утраты или повреждения по вине ответчика вещей, сданных на хранение или для выполнения заказа, или оставленных без охраны по вине ответчика, — суды должны исходить из повышенных (коммерческих) цен государственной торговли с учетом износа (если иной порядок возмещения ущерба не установлен специальными законами и постановлениями правительства).

Необходимо далее отметить, что в связи с обстоятельствами военного времени значительно расширилась практика, так сказать, бытового договора хранения между гражданами: вызванные войной многочисленные переезды граждан сопровождались учащенными соглашениями о хранении чужих вещей. К этим соглашениям применялись, поскольку договор о хранении вещей между гражданами специально не регламентирован в ГК, об-

---

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1943, вып. V, стр. 2.

щие положения об обязательствах вообще и о договорах — в частности.

6

В области договора поручения и складывающегося на его основе представительства следует отметить специальное постановление военного времени в отношении порядка совершения доверенности. Постановлением СНК СССР, 15 сентября 1942 г.¹ допущено удостоверение доверенностей (равно как и завещаний) лиц, состоящих в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота, помимо нотариальных органов, командованием отдельных воинских частей, а доверенностей (и завещаний) военнослужащих, находящихся на излечении в госпиталях, — начальниками госпиталей.

7

Что касается обязательств перевозки, то заслуживает внимания освобождение железных дорог от возмещения клиентуре стоимости не прибывших по назначению грузов, принятых к перевозке железнодорожными станциями, которые были впоследствии оккупированы врагом, или грузов, следовавших транзитом через эти станции, если розыском установлено, что груз не поступал на прифронтовую или другие железные дороги по пути следования груза. Этот порядок был затем распространен на морские, речные пароходства и пр.

В области железнодорожной и водной перевозки важное значение имеет подробное постановление пленума Верховного суда СССР от 29 января 1942 г., в котором даются руководящие указания по ряду процессуальных вопросов, важных и с точки зрения материального гражданского права.

8

Относительно кредитно-расчетных отношений нужно отметить, что правлением Госбанка СССР обращено внимание на участвовавшие случаи отказа покупателей от акцепта платежных требований. Письмом правления Госбанка 6 ноября 1942 г. предложено всем филиалам банка при кредитовании хозорганов под расчет-

¹ СП 1942 г. № 8, ст. 133.

ные документы в пути следить за соблюдением правил расчетов и оказывать воздействие на хозорганы в направлении строгого соблюдения ими расчетной и договорной дисциплины.

Отсрочено (до особого распоряжения) взыскание с государственных и кооперативных организаций, возобновляющих свою хозяйственную деятельность в районах, освобожденных от немецкой оккупации, необеспеченной задолженности в отношении спецбанков (Промбанка, Сельхозбанка, Торгбанка, Цекомбанка, местных коммунальных банков) и кредиторов по задолженности, возникшей до оккупации. Этим имелось в виду облегчить организациям, возобновляющим деятельность после освобождения от оккупации, на первых порах их тяжелое финансовое положение. Так как это постановление объясняется именно такой целью, то отсюда Госарбитраж С/К СССР делает вывод: если какая-либо из упомянутых организаций добровольно погасит свою задолженность, следовательно, окажется в состоянии изыскать необходимые для этого средства, то уплаченная сумма обратному взысканию не подлежит.

9

В условиях военного времени, сказавшихся, между прочим, в массовом перемещении граждан, а также в фактах длительного, а порой и безвестного отсутствия, возник вопрос о порядке взимания страховых платежей за строения, принадлежащие владельцам, адреса которых неизвестны. По этому вопросу Наркомфином СССР даны 28 апреля 1942 г. следующие указания. Если строения, включенные при учете объектов по обязательному окладному страхованию в список необитаемых и неохраняемых строений, адреса владельцев коих неизвестны, в настоящее время заселены жильцами, то с этих жильцов как с лиц, пользующихся строениями, необходимо взимать страховые платежи по обязательному окладному страхованию. Если такие строения заняты предприятиями и учреждениями под жилье их рабочих и служащих, то обязательное страхование следует проводить по правилам страхования государственного жилищного фонда за счет этих предприятий или учреждений. В случае убытка в названных выше строениях страховое возмеще-

ние может быть выплачено только владельцам строений, а не лицам или учреждениям, пользующимся строениями.

Специфическими обстоятельствами военного времени объясняются также постановления СНК СССР 8 июля 1941 г.¹, ограничивающие страховую ответственность органов госстраха. Именно — этим постановлением Госстрах освобождается от ответственности за смерть застрахованного или утрату им трудоспособности либо за гибель и повреждение имущества, происшедшие в результате военных действий.

Можно еще отметить два постановления СНК СССР, не имеющие непосредственной связи с войной. Именно, 4 июля 1942 г.² издано постановление о добровольном страховании сельскохозяйственных культур, животных и средств транспорта. Другим постановлением СНК СССР 13 декабря 1942 г.³ прекращено заключение новых договоров по добровольному коллективному страхованию жизни. Вместе с тем, Наркомфину СССР разрешено ввести следующие основные виды индивидуального страхования жизни: смешанное страхование, т. е. страхование на случай смерти, постоянной полной и частичной утраты трудоспособности, последовавшей в результате несчастного случая, и дожития до определенного возраста; такое же смешанное страхование с дополнительной выплатой пенсий в случае смерти застрахованного; упрощенное смешанное страхование (без врачебного освидетельствования на ограниченные страховые суммы на сроки 15—20 лет); страхование на случай смерти от любой причины и инвалидности от несчастных случаев, страхование от несчастных случаев.

Советский Союз победоносно закончил войну и снова вступил в период мирного социалистического строительства. «Успешно начав еще в ходе Отечественной войны восстановление разрушенного хозяйства районов, подвергавшихся оккупации, Советский Союз в послевоенный период продолжает восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства на основе государственных пер-

---

¹ СП 1941 г. № 16, ст. 320.

² СП 1942 г. № 6, ст. 102.

³ СП 1942 г. № 11, ст. 189.

спективных планов, определяющих и направляющих хозяйственную жизнь СССР»¹.

Колоссальная программа восстановления и развития народного хозяйства, заключающаяся в послевоенном пятилетнем плане, открывает широчайшие перспективы для развития договорного права.

* *
*

Подытоживая наш обзор, отметим, что в истории советского договорного права отчетливо намечаются две основных линии. С одной стороны, наблюдается внутреннее преобразование самого понятия договора, на котором отразились все основные этапы развития советской экономики: национализация основных средств и орудий производства, выкорчевывание корней старого эксплуататорского строя, восстановление народного хозяйства как подготовка к социалистическому строительству, социалистическая реконструкция всего народного хозяйства, широкое социалистическое строительство, имевшее результатом достижение первой фазы коммунизма — социалистического строя и, наконец, напряженная и успешная работа, направленная на переход к высшей фазе — к полному коммунизму. С другой стороны, выступает рост применения договоров. Преобразование значения и социальной ценности договора сопровождалось широким внедрением в жизнь практики договоров как в отношениях между социалистическими организациями, так и в тех отношениях, где на одной или на обеих сторонах стоят граждане.

Первая из указанных линий развития — преобразование самой социальной природы договора — имеет огромное принципиальное значение.

Плановые договоры социалистических предприятий представляют собой оформление плановых заданий, полученных каждым из контрагентов. Советский договор есть форма связи между отдельными звеньями единого социалистического хозяйства, направленная на наилучшее выполнение общего социалистического плана.

Наряду с самостоятельными задачами, самостоятель-

---

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.

ной заинтересованностью в наилучших результатах, в наибольшей доходности предприятия, как внешнего показателя его хозрасчетности, — оба контрагента в плановом договоре имеют общую задачу выполнения народнохозяйственного плана. Каждый из контрагентов, в первую очередь, стремится к выполнению своего плана, но так как его план есть часть единого народнохозяйственного плана, тем самым каждый стремится к выполнению общего плана. Стороны в социалистическом плановом договоре имеют не только взаимные права и обязанности, но и обязанности перед государством. Не исполняя своей обязанности, каждая из сторон не только срывает план контрагента, но и свой собственный, а, следовательно, нарушает свою прямую обязанность в отношении государства.

Особенности всего социалистического уклада сказываются и в отношении договоров, заключаемых между гражданами. Социалистическое общество, устранив понятие конкуренции частных интересов, противоположность интересов государства и личности, сделало вместе с тем невозможным резкое противопоставление интересов сторон.

В свое время Энгельс, характеризуя капиталистическую торговлю, писал: «При всякой купле и продаже выступают, следовательно, два человека с абсолютно противоположными интересами; конфликт этот носит решительно враждебный характер, потому что каждый знает намерения другого, знает, что намерения эти противоположны его собственным. Первым следствием этого является, с одной стороны, взаимное недоверие, с другой — оправдание этого недоверия, применение безнравственных средств для достижения безнравственных целей»¹. В советских условиях картина резко изменилась. Социалистическая собственность на орудия и средства производства, ликвидация эксплуатации человека человеком, все вообще социально-экономические условия, характеризующие социалистический строй, преобразили все понятие договора, превратили его в некоторое единство, в котором каждая сторона, хотя и имеет свой отдельный интерес в договоре, не может не считаться с интересом другой стороны, не может ее игнорировать.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 297.

Наряду с таким развитием природы договора необходимо отметить количественный рост договорных отношений. Практика договоров в советской жизни огромна. Достаточно назвать хотя бы договор купли-продажи, ежедневно и ежечасно заключаемый в советской торговле, внешней и внутренней, причем в связи с ростом из года в год товарооборота растет и количество сделок, заключаемых в этой сфере. К этому множеству сделок надо добавить многочисленные сделки на почве колхозной торговли, сделки граждан и т. д. Огромное значение купли-продажи в советском праве понятно, поскольку в условиях первой фазы коммунизма — социалистического строя — распределение общественного продукта производится в товарно-денежной форме. Большую и своеобразную систему представляют собой ежегодно заключаемые плановые договоры поставки между социалистическими предприятиями. Широко применяется плановый договор строительного подряда и т. д.

Грандиозные перспективы, открывающиеся на основе сталинского послевоенного пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, позволяют предсказать и укрепление и развитие договорных связей, усиление значения обязательственного права в ближайшем будущем. Поставленные в четвертом пятилетнем плане такие задачи, как: развернуть массовое производство предметов широкого потребления, увеличить товарооборот, поднять значение прибыли и хозяйственного расчета в народном хозяйстве как дополнительного стимула роста производства и ряд других — неизбежно вызовут при своем осуществлении увеличение удельного веса договора как наиболее испытанного средства правового оформления отношений, которые будут складываться и развиваться при проведении в жизнь в ближайшие годы четвертого пятилетнего плана. Денежная реформа и отмена продовольственных и промтоварных карточек 14 декабря 1947 г. еще более поднимают значение договора. Все более расширяющиеся и укрепляющиеся хозяйственные связи с другими странами безусловно приведут к дальнейшему усилению значения договора и в области внешней торговли. Социалистическое обязательственное право вступает в период роста и развития в связи с ростом и развитием хозяйственной жизни.

СОВЕТСКОЕ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Семейное право, регулирующее личные и имущественные права и обязанности супругов, родителей, детей и других родственников, играет огромную роль в вопросах устройства личной жизни граждан. В то же время оно имеет важнейшее значение для общества и для государства.

В социалистическом обществе значение семьи особенно велико: Советское государство, неуклонно и последовательно проявляющее чуткую заботу об интересах личности, об удовлетворении ее потребностей и запросов, всемерно озабочено закреплением семейных отношений в таких формах, которые наиболее соответствуют желаниям и потребностям советских граждан. Семья в социалистическом обществе должна основываться на тех принципах, которые определяют отношения между членами этого общества, — на равноправии, свободе, взаимном доверии, взаимной помощи и поддержке. Наконец, в социалистическом обществе семья играет большую роль в воспитании детей, в привитии им привычек и навыков, воззрений и убеждений, на которых должна основываться и которыми должна определяться вся будущая их деятельность в качестве строителей бесклассового общества, в качестве верных и преданных сыновей и дочерей своей социалистической Родины.

Дореволюционное семейное право, отражая бесправие женщины, зависимость жены и детей от главы семьи, не могло быть терпимо ни одного лишнего дня при новой власти, власти рабочих и крестьян. Требовалась незамедлительная коренная ломка, провозглашение новых принципов, новых начал, которые соответствовали бы интересам пролетарского государства, отражали бы новую, пролетарскую мораль. Эти интересы, эта мораль, вопреки вредительским утверждениям об отмирании семьи, тре-

бовали укрепления семьи. Они требовали борьбы с пережитками старых воззрений, защиты прав женщины и ребенка, перестройки взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми в духе взаимной любви, доверия и помощи. Только пролетариат, придя к власти, в первые же недели после свержения власти помещиков и капиталистов оказался в силах произвести эту коренную ломку, придав правовое значение лишь гражданскому браку, провозгласив свободу развода, устранив вопиющее неравноправие так называемых «незаконнорожденных» детей¹.

С момента издания первых декретов о гражданском браке, о положении детей и о разводе прошло 30 лет. За этот длительный период в истории развития нашего государства семейное право во всех своих разделах подверглось многочисленным изменениям и поправкам — до издания Указа 8 июля 1944 г. Этот Указ поставил на место приравнения фактических брачных отношений к зарегистрированному браку — признание правовой силы только за браком зарегистрированным; на место развода по заявлению хотя бы только одного из супругов — прекращение брака исключительно по решению суда; на место установления отцовства и взыскания алиментов по признаку одного лишь фактического происхождения — государственную помощь одинокой матери. Но и этот Указ, вносящий столь значительные изменения в порядок разрешения важнейших вопросов семейного права, представляет собой не что иное, как последовательное развитие тех начал, которые уже были заложены в первых декретах революционной власти — в декабрьских декретах 1917 г. Так же, как и эти декреты, Указ от 8 июля 1944 г. имеет своей задачей укрепление советской, социалистической семьи. Но он достигает этой цели иными средствами, нежели декреты периода проведения Октябрьской революции — средствами, соответствующими современному этапу развития социалистического государства — так же, как провозглашенные в первых постановлениях о советской семье принципы со-

---

¹ «Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца и во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права» (из программы ВКП(б)).

ответствовали потребностям и запросам той эпохи. Последовательный, поступательный ход развития законодательства по линии дальнейшего укрепления социалистической семьи может быть установлен на протяжении всей истории советского семейного права.

I. Советское семейное право в период проведения Октябрьской социалистической революции

На первой фазе развития социалистического государства основной задачей в области регулирования семейно-брачных отношений являлось уничтожение существовавшего ранее строя семьи, установление и укрепление основ новой, социалистической семьи и подавление сопротивления свергнутых классов новому семейному строю. На первой фазе развития социалистического государства, в соответствии с третьей функцией данной фазы, — функцией, которая «не получила в этот период серьезного развития» и которая определяется как «хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства, имевшая своей целью развитие ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма»¹, — семейно-брачное право, далее, призвано было содействовать перевоспитанию людей в духе тех принципов социалистической морали, на которых должны основываться в социалистической семье отношения между мужем и женой, между родителями и детьми.

Соответственно изложенному первые декреты советской власти в области семейно-брачного права, принятые в тот период, когда нужно было не только «разрушить, сломать старый, буржуазный государственный аппарат и на его месте создать новый аппарат Советского государства», но и «разрушить остатки сословного строя и режим национального гнета, отменить привилегии церкви...»², были направлены не на ускорение отмирания семьи вообще, как пытались вредительно истолковать эти декреты отдельные их «комментаторы», а на уничтожение буржуазной семьи, ибо «обе основы современного (буржуазного. — Н. Р.) брака уничтожаются, а

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 605.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 204.

именно зависимость жены от мужа и детей от родителей, возникающие вследствие частной собственности» (Энгельс)¹.

Первый из этих декретов был принят 18 декабря 1917 г.². Это — декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния». Он со всей решительностью ломал существовавший до того порядок заключения браков и провозглашал, что Российская Республика признает впредь лишь гражданский брак. Наряду с обязательным гражданским браком церковный брак является частным делом брачующихся. Соответственно этому декрет возлагает ведение книг актов гражданского состояния на советские органы, тогда как в царской России главным доказательством брачного союза являлись приходские (метрические) книги³.

Несколькими краткими, лаконичными фразами был положен конец порядку, существовавшему до того в течение многих веков, когда все дело заключения браков было сосредоточено в руках церкви. В дореволюционной России, как и в ряде других стран, законным признавался только церковный брак. Вступление в брак было возможно только при помощи и через посредство церкви, с соблюдением порядка, правил и обрядов той религии, к которой принадлежали брачующиеся⁴. Это не только обеспечивало влияние духовенства на личную жизнь прихожан, но и приводило к чрезвычайным стеснениям⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 479.

² СУ 1917 г. № 11, ст. 160.

³ Законы гражданские, т. X, ст. 34.

⁴ Притом обязательно церкви православной, если хотя бы один из будущих супругов был православным (Законы гражданские, т. X, ст. 67). Исключение допускалось только для старообрядцев и сектантов, которым разрешалось вступать в брак без церковного венчания — лишь путем записи о браке в особые, установленные для этого метрические книги в полицейском управлении (Законы гражданские, т. X, ст. 78).

⁵ Так, например, православным запрещалось вступать в брак с нехристианами (Законы гражданские, т. X, ст. 85). С лицами других христианских вероисповеданий им разрешалось вступать в брак, если последние давали подписку, что они не будут поносить своих супругов за православие либо склонять их к принятию своей веры и что будущие дети будут крещены и воспитаны в правилах православного вероисповедания (Законы гражданские, т. X, ст. 67).

Устранение обязательного церковного брака, допущение последнего только в качестве частного дела брачующихся, признание брака гражданского (то-есть регистрируемого в органах записи актов гражданского состояния) единственно законной формой брака — все это находилось в полном соответствии с принципом, принятым молодым советским государством — принципом отделения церкви от государства¹. Вместе с тем отстранение духовенства от обязательного участия в бракосочетании освобождало брачующихся от всех тех трудностей и препятствий, которые ставила церковь на пути желавших вступить в брак. Таким путем декрет 18 декабря 1917 г. раскрепостил советских граждан в важнейшем вопросе личной жизни — в вопросе брака. Указанной цели декрет достигал устранением церковного брака, последовательным осуществлением начала отделения церкви от государства.

Все значение отмены церковного брака как обязательной формы бракосочетания становится особенно ясным, если иметь в виду, что с устранением церковного брака неизбежно должен был, хотя бы в силу одного этого, отойти в вечность и церковный порядок развода, мешавший освободиться от тех оков, которые налагались на супругов церковным браком.

Декрет 18 декабря 1917 г. не содержит никаких дальнейших указаний на природу советского брака; в частности, он не упоминает о том, что брак есть личное дело супругов, что супруги должны вступать в брак добровольно, исключительно по личному своему желанию и согласию, без чьего-либо влияния и воздействия. Эти моменты, не вызывающие и не вызывавшие никаких сомнений, находят отражение не в самом декрете, а в инструкции Наркомюста РСФСР, опубликованной 4 января 1918 г.² которая предписывает, чтобы отделы записи браков спрашивали брачующихся, вступают ли они в брак добровольно, без принуждения и угроз.

¹ Отделение церкви от государства и школы от церкви провозглашено несколько позднее декретом, который был опубликован 23 января 1918 г. (СУ 1918 г. № 18, ст. 263), но принципиальные установки в этом вопросе декларировались пролетариатом уже раньше и потому, естественно, они должны были найти отражение и в декрете о гражданском браке.

² СУ 1918 г. № 14, ст. 200.

Советский брак, брак в социалистическом обществе, союз свободных граждан, всегда может быть только добровольным. Это — брак, свободный в полном смысле слова, свободный так, как толкует свободу любви Ленин, который в письме к Инессе Арманд, давая пролетарское толкование свободы любви, писал, что под этим можно понимать: 1) свободу от материальных (финансовых) расчетов в деле любви, 2) тоже от материальных работ, 3) от предрассудков религиозных, 4) от запрета папаша etc. 5) от предрассудков «общества», 6) от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды, 7) от уз закона, суда и полиции¹. Это брак свободный потому, что он заключается в социалистическом обществе, где нет места материальным расчетам, всякого рода предрассудкам и иным посторонним соображениям. Уничтожив в корне старое буржуазное общество, сломав аппарат старой царской власти, Октябрьская революция уже тем самым обеспечила свободу брака. Специальному законодательству о браке к этому осталось добавить немного, и оно это сделало, отменив церковный брак.

Социалистический брак основан на равенстве супругов. Это — неперемное условие брачного союза в Советском государстве. Оно обеспечивается полным равноправием женщины, являющимся одним из основных принципов социалистического общества, государственного устройства советских республик. Декрет о гражданском браке к этому, по существу, уже ничего добавить не мог. И действительно, он ограничивается в этом отношении только тем, что разрешает супругам при выборе общей фамилии (символа единения супругов, единства семьи) принимать либо фамилию мужа, либо фамилию жены, либо соединенную фамилию. Если вспомнить, что в царской России (как, впрочем, почти повсеместно) семейной фамилией являлась всегда фамилия мужа — символ власти и прав мужа над женой, символ «принадлежности» жены мужу, символ того, что в правовом отношении фигура мужа заслоняет собой фигуру жены, — то становится очевидным, что это незначительное на первый взгляд

---

¹ См.: «Большевик», 1939, № 13, стр. 59.

указание декрета 18 декабря 1917 г. означает окончательный разрыв со старой традицией главенства мужа.

Внося коренную ломку в старое брачное право, декрет 18 декабря 1917 г. затрагивал буквально все круги населения — как в городе, так и в деревне. Необходимо было, чтобы он вошел в сознание, в уклад жизни широчайших масс советских граждан. А между тем среди последних было немало людей, особенно из числа сельского населения, несвободных от предрассудков. Для них отказ от обязательного церковного брака, признание законной силы только за тем браком, который регистрировался в Совете, были действительно переворотом в их мировоззрении, таким переворотом, который надо было осознать, с которым надо было свыкнуться, освоиться, который должен был внедряться в быт. Неудивительно при таких условиях, что закон еще ничего не говорит о фактических брачных отношениях. Вопрос о них еще не мог быть поставлен; надо было прежде всего преодолеть те предрассудки, которые выдвигались против гражданского брака, против регистрации браков.

Второй вопрос семейного права, который затрагивался декретом 18 декабря, — это вопрос о положении детей, рожденных вне брака, признаваемого по закону. В буржуазном обществе проблема так называемых «незаконнорожденных» детей является одной из самых больших. Под предлогом защиты святости брака и неприкосновенности семейного очага закон обрушивается всей своей тяжестью на тех, кто меньше всего повинен в нарушении этой «святости» и «неприкосновенности», — на детей. Эти пасынки общества с самых первых дней своего существования обречены вместе с родившей их матерью на презрение со стороны буржуазного общества и, вместе с тем, на резкое неравенство в правах по сравнению с детьми, рожденными в «законном» браке.

В частности, в царской России так называемые «незаконнорожденные» вплоть до 1902 г. не признавались родственниками ни своей матери, ни своего отца. Только по закону 1902 г., заменившему презрительный термин «незаконнорожденные» наименованием детей «внебрачными», они стали пользоваться наследственными правами в благоприобретенном (но не в родовом) имуществе матери.

могли именоваться ее фамилией и пользоваться родственными правами по отношению к ней, причем все эти последствия могли наступать только в том случае, если происхождение от матери доказывалось метрической записью, а при ее отсутствии — письменным удостоверением, исходившим от самой матери, т. е., по существу говоря, только по желанию самой матери. По отношению же к отцу внебрачные дети попрежнему оставались бесправными, чужими. Правда, с отца можно было требовать содержания; но размер этого содержания определялся не только средствами отца, но и общественным положением матери¹; последняя же обычно принадлежала к беднейшим слоям населения, что и приводило ко взысканию средств с отца в незначительных суммах, как правило, далеко недостаточных для обеспечения безбедного существования и надлежащего воспитания и обучения внебрачного ребенка.

С этим вопиющим безобразием надо было покончить сразу же и окончательно. Соответственно этому декрет 18 декабря постановил, что внебрачные дети уравниваются с брачными в отношении прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям. Как правило, отец и мать записывались по их о том заявлению. На случай же, если отец ребенка, рожденного внезарегистрированного брака, уклонялся от подачи подобного заявления, матери либо опекуну, либо, наконец, самому ребенку, предоставлялось право доказывать отцовство по суду.

Таким путем «особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью»².

19 декабря 1917 г. был опубликован декрет «О расторжении брака»³. Этот декрет раз и навсегда положил конец участию церковной власти в деле прекращения брачных отношений и объявлял расторжение брака свободным от подчас непреодолимых препятствий, которые ставила церковь на пути тех, кто хотел оформить

¹ Законы гражданские, т. X, ст. ст. 132/1—132/15.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 193.

³ СУ 1917 г. № 10, ст. 152.

прекращение брачного сожителства. «Нельзя быть, — говорил Ленин, — демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины, — хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание свободы ухода от мужей не есть приглашение всем женам уходить!»¹.

В дореволюционной России развод целиком относился к компетенции церкви, и допустимость расторжения брака определялась исключительно канонами церкви, правилами соответствующих вероисповеданий. Государство признавало за церковью исключительное право регулировать порядок расторжения брака, поскольку церковь (независимо от вероисповедания) помогала укреплять буржуазно-помещичий строй и самодержавную власть в царской России. Условия и порядок развода определялись по-разному, в зависимости от вероисповедания супругов. Так, например, католическая церковь, руководствуясь своим каноническим правом, не допускала вообще развода; православная церковь считала возможным разрешать разводы, но только при прелюбодеянии, неспособности к брачному сожителству, осуждении к тягчайшим наказаниям и безвестном отсутствии.

Церковь не только определяла условия, при которых допускался развод, но и являлась единственной судебной инстанцией для рассмотрения бракоразводных дел. Государство целиком передавало в руки духовного суда важнейший в жизни многих людей вопрос, такой вопрос, в правильном разрешении которого бывают заинтересованы не только сами супруги, но и государство. Крайне ограниченные рамки допустимости развода вообще, крайний формализм духовных судов, рассматривавших эти дела, приводили к невозможности добиться развода даже тогда, когда дальнейшее сожителство являлось невыносимым и никому ненужным мучением. Это заставляло прибегать к таким возмутительным средствам, как оплата «достоверных лжесвидетелей», подтверждавших факт «поимки на месте преступления» нарушителей супружеской верности. При всех условиях развод был связан с большими трудностями и крупными расходами; поэтому для малоимущих слоев населения он был просто не-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 232.

доступен, а для женщины, зависимой и связанной по рукам и по ногам супружеской властью, явно неосуществим, тем более, что «общественное мнение» относилось резко отрицательно к «разведенным женам». Как указывал Ленин, даже там, где для женщин право развода допускается, оно «в большинстве случаев останется нереализуемым при капитализме, ибо угнетенный пол подавлен экономически»¹.

Всему этому декрет 19 декабря 1917 г. положил конец одним ударом, объявив, что брак расторгается местным судом по просьбе обоих супругов или одного из них, причем при обоюдном согласии допускается подача заявления непосредственно в отдел записей браков. Все дела в духовных судах подлежали немедленному прекращению.

Таким образом, исходя из основного начала — отделения церкви от государства — в полном соответствии с секуляризацией брака была одновременно проведена и секуляризация развода. Супруги приобретали свободу не только в вопросе заключения брака, но и в вопросе прекращения такового. Это лишало церковь возможности влиять на личную жизнь граждан, оказывать давление на прихожан не только при «завязывании» брака, но и при «развязывании» тех брачных уз, которые супруги не в силах были нести дальше.

Церковь чрезвычайно ценила свои правомочия в области семейно-брачных дел, она крайне неохотно расставалась с ними. Это видно из того, что и после издания декретов 18 и 19 декабря 1917 г. церковные организации, противодействуя осуществлению вновь принятого порядка, продолжали оказывать давление на верующих, принуждая их под угрозой всяких церковных наказаний заключать церковные браки и разводиться в духовных судах. Это явление приняло настолько распространенный характер, что понадобилось вмешательство государственной власти.

27 мая 1920 г. было опубликовано особое постановление Наркомюста РСФСР о прекращении деятельности консисторий². Это постановление констатирует, что определения священного собора, синода, высшего

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 232.

² СУ 1920 г. № 45, ст. 205.

церковного совета российской церкви (например, от 4 марта 1918 г.) объявляют поруганием религии акт прекращения гражданами своего брачного союза, санкционированный государственной властью по законам Республики, объявляют таких граждан преступниками, именуют их позорным названием прелюбодеев, подвергают их церковному проклятию, т. е. моральному насилию. Временными правилами делопроизводства о расторжении брачного союза, освященного церковью, принятыми синодом 26 февраля 1919 г., были установлены поборы в пользу церковной иерархии, допущены старые ходатаи по бракоразводным делам, свидетели, медицинские осмотры. Усматривая в этом восстановление старых царских порядков, при которых церкви поручались дела чисто уголовного или гражданского порядка, ничего общего с религиозными таинствами и обрядами не имеющие, Наркомюст предложил повсеместно прекратить деятельность бывших консисторий всех религий там, где эти организации присваивают себе в качестве юридических лиц функции судебные, розыскные, карательные, налоговые, финансовые, хозяйственно-административные.

Декрет 19 декабря 1917 г. не только изъясил бракоразводные дела из ведения церкви, — он отменил также всякие стеснения права на развод. По этому декрету развод при обоюдном согласии мог быть, как уже сказано, оформлен на основании заявления супругов посредством соответствующей отметки в книгах записи актов гражданского состояния. Там, где заявление о разводе подавалось только одним из супругов, для такой отметки требовалось предварительное определение суда¹, который должен был убедиться в том, что просьба о расторжении брака исходит от одного из супругов или от обоих супругов. Одновременно суд, заседавший, кстати, единолично, должен был разрешать вопрос о судьбе детей, о присуждении на содержание детей алиментов и о том, должен ли муж помогать своей жене. При отсутствии соглашения эти вопросы передавались на разрешение суда в общейсковом порядке.

Таким образом, развод был максимально упрощен. Все же и здесь, в первом декрете о разводе, с совер-

¹ Супруги могли обращаться в суд также и при подаче совместного заявления о разводе.

шенной очевидностью проводилось то положение, что развод не является частным делом, что это — акт, имеющий значение не только для супругов, прекращающих свое брачное сожителство, но и для их детей, для третьих лиц, для общества, для государства. «На деле свобода развода, — говорит по этому поводу Ленин, — означает не «распад» семейных связей, а напротив укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях»¹.

Именно поэтому дела о разводе (за исключением сравнительно редких случаев непосредственного обращения в органы записи актов гражданского состояния при взаимном согласии обоих супругов на развод) передавались в ведение местного суда, который, опрашивая разводящихся, выявлял их истинные мотивы, цели, намерения. Суд не просто штамповал просьбу о разводе, он обязан был вызывать обоих супругов или их поверенных. Если местожительство ответчика было неизвестно, ему должен был быть послан вызов по последнему месту его жительства, причем он вызывался не только повесткой, но и публикацией в газете, и дело могло быть назначено к слушанию не ранее двух месяцев. Только при условии принятия всех этих мер, направленных на обеспечение явки ответчика и личного его участия в деле, признавалось возможным слушать дело в отсутствие ответчика.

Оба цитированных декрета имущественных отношений супругов не охватывают. Для этого к тому моменту еще не настало время. Только некоторый беглый намек на необходимость защиты женщины, как экономически более слабой стороны, чаще всего зависимой материально от мужа, можно найти в декрете о расторжении брака, который предписывает суду при рассмотрении дел о прекращении брака разрешать вопрос о том, должен ли муж помогать жене, должен ли муж участвовать в пропитании и содержании жены при неимении или недостаточности у нее средств и неспособности ее к труду. Обязанность жены содержать мужа в поле зрения законодателя очевидно не находилась.

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVII, стр. 448.

II. Советское семейное право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны

Приведенные два декрета радикальнейшим образом разрешали основные вопросы семейного права. «Иго капитала, — говорил по этому поводу Ленин, — гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы. Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия»¹. «Мы, — говорил Ленин в другом месте, — не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма»².

Но уничтожив, сломав старое, приведенные декреты создавали потребность в исчерпывающей, всесторонней, подробной регламентации того нового порядка, который должен был заменить собой отошедшие в вечность законы бывшей Российской империи. Эта потребность привела к принятию опубликованного в «Собрании узаконений» 22 октября 1918 г. «Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»³, по существу исчерпывающего все вопросы семейного права, всю область семейных отношений.

Этот кодекс, опубликованный в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, целиком воспроизводит те основные положения, с которыми мы уже встречались в декабрьских декретах 1917 года, развивая и уточняя последние и таким образом закрепляя произведенное ими разрушение старых порядков в семье, установленную ими отмену привилегий церкви. Вместе с тем новый кодекс затрагивает ряд моментов, до тех пор остававшихся нерегламентированными.

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 518—519.

² Там же, стр. 343.

³ СУ 1918 г. № 76/77, ст. 818. Для краткости называем этот кодекс в дальнейшем КЗАГС.

Вопросам брачного права посвящен особый раздел кодекса — второй. Здесь прежде всего подробнейшим образом описан порядок заключения браков. Наряду с принципиальным положением, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записи актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» и что «брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших» (ст. 52), — кодекс содержит детальные правила, определяющие самую процедуру заключения брака (ст. ст. 53—61). Устанавливаются органы, на которые возлагается заключение браков (местные отделы записи актов гражданского состояния — ЗАГС — или заменяющие их нотариальные отделы), должностные лица, участвующие в оформлении бракосочетания, место, время и порядок совершения брака и т. д. Особо подчеркивается, что брак считается заключенным с момента занесения о нем записи, причем запись приостанавливается в случае, если до ее окончания поступит заявление о наличии законных препятствий для вступления в брак, с передачей таких протестов на рассмотрение местного суда (ст. ст. 62—63).

Особое внимание уделяется «материальным условиям вступления в брак» (ст. ст. 66—69), впервые перечисляемым в этом законодательном акте. От вступающих в брак требуется, чтобы они достигли брачного возраста (16 лет для женщин и 18 лет для мужчин), чтобы они находились в здравом уме, не состояли в другом зарегистрированном браке или браке, имеющем силу зарегистрированного, чтобы они не состояли между собой в родстве (в том числе и внебрачном) по прямой восходящей или нисходящей линии, или в качестве братьев и сестер, полнородных и неполнородных. Особо подчеркивается при этом, что заключение брака возможно только при наличии взаимного согласия вступающих в брак (ст. 70). О добровольном вступлении в брак, равно как и об отсутствии перечисленных препятствий, от брачующихся отбиралась подписка при заключении брака. (ст. 59).

Весь этот порядок, все эти условия в основном продолжают существовать до сих пор, — понятно, с теми изменениями и дополнениями, которые вытекают с необ-

ходимостью из развития общественных отношений, происшедшего за истекшие 30 лет. В основном ныне действующий Кодекс законов о браке, семье и опеке в значительной степени воспроизводит приведенные правила. Однако в КЗАГС имеется добавление, которое в кодексе 1926 г. не фигурирует, ибо к этому моменту оно уже представляло бы собой совершенно недопустимый архаизм. Мы имеем в виду указание КЗАГС на то, что не служат препятствием для вступления в брак разное верие супругов, монашество, состояние в иерейском и диако́нском сане, а также ранее данный обет безбрачия (ст. ст. 70—73). Это добавление, совершенно ненужное в 1926 г., имело определенное значение в 1918 г., так как оно не только подчеркивало гражданско-правовой характер светского брака, но и подтверждало полное освобождение последнего от тех ограничений, которые церковь налагала на брачующихся вплоть до Великой Октябрьской революции.

Таким образом, КЗАГС так же, как и декрет 18 декабря 1917 г., признавал один только зарегистрированный брак и совершенно не касался фактических брачных отношений. Соответственно этому он признавал, что препятствием для вступления в брак служит состояние только в зарегистрированном браке или в браке, имеющем силу зарегистрированного, понимая под последним церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 г. (т. е. до издания декрета о гражданском браке), за которыми КЗАГС, согласно примечанию к ст. 52, признавал силу браков зарегистрированных¹.

В особой главе (ст. ст. 74—84) рассматривался вопрос о недействительности брака, т. е. о признании по суду недействительными браков, которые были заключены при отсутствии перечисленных выше условий, обязательных для вступления в брак. В частности, признавался

---

¹ Согласно циркуляру Наркомюста РСФСР от 21 июня 1924 г. № 64 («Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1922—1925 гг.», стр. 467) признавалась одинаковая сила с зарегистрированными браками также за теми браками, которые были совершены церковным порядком после 20 декабря 1917 г. в местностях, в которых советская власть установилась позднее этого срока, и в местностях где органы ЗАГС временно прекращали свою деятельность по случаю занятия этих местностей белыми.

недействительным брак, совершенный до достижения супругами или одним из них брачного возраста, за исключением, однако, случаев, когда дело было возбуждено после наступления брачного возраста или когда брак имел последствием рождение ребенка или беременность жены (ст. 77). Первое исключение объясняется отпадением причины для признания брака недействительным, второе — не только явной нецелесообразностью принудительного прекращения брака при наличии ребенка, но и тем, что рождение ребенка и беременность жены свидетельствуют о достаточной физиологической зрелости супруга.

Поскольку КЗАГС придавал юридическую силу только бракам зарегистрированным, аннулирование произведенной записи о браке, признание брака недействительным лишали всякого правового значения те отношения, которые фактически существовали между лицами, ранее объявленными супругами¹. Впоследствии, при признании по Кодексу законов о браке, семье и опеке юридической силы и за браками фактическими, объявление регистрации брака недействительной такого значения иметь не могло: брак, недействительный в качестве брака зарегистрированного, продолжал бы существовать и оказывать свое действие в качестве брака фактического. Соответственно этому, как известно, Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года не упоминает вовсе о недействительности брака и предусматривает только оспаривание записи².

Весьма тщательно и подробно КЗАГС определял в особой главе права и обязанности супругов (ст. ст. 100—132). Все включенные в эту главу постановления проникнуты стремлением гарантировать абсолютное равенство супругов в браке, полную их самостоятельность, обеспечивая в то же время необходимую поддержку тому из супругов, который нуждается в помощи другого. Соответственно этому супругам разрешалось сохранять разное гражданство; перемена места жительства одним из супругов не создавала для другого обязан-

---

¹ В соответствии со ст. 83 в подлежащих случаях браки считались недействительными со времени их совершения.

² Об этом см. подробнее в дальнейшем.

ности следовать за ним (стоит только вспомнить о дореволюционном праве, которое давало мужу возможность затребовать через полицию непокорную жену, не желавшую жить вместе с ним), каждый из супругов сохранял свое самостоятельное имущество, ибо «брак не создает общности имущества» (ст. 105), причем всякие сделки, направленные к умалению имущественных прав мужа или жены, объявлялись недействительными и необязательными как для третьих лиц, так и для самих супругов (ст. 106). Супруги, сохраняя полную имущественную независимость друг от друга, вправе были вступать между собой во все дозволенные законом имущественно-договорные отношения (там же).

Единство семьи, правовая связь между мужем и женой проявлялись вовне, как и по декрету 18 декабря 1917 г., в обязательном ношении общей фамилии мужа или жены или соединенной фамилии мужа и жены (ст. 100). Но этот чисто внешний признак вскоре исчез. На II сессии ВЦИК X созыва было выдвинуто требование перередактировать ст. 100 КЗАГС, так как нельзя обязывать супругов носить одну общую фамилию. После этого было установлено, что каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию, если при заключении брака брачующиеся не заявляли о желании носить общую фамилию¹.

В УССР был принят несколько иной порядок. Согласно инструкции Наркомвнудела по Центрозагсу УССР от 13 августа 1920 г. допускалось, чтобы муж именовался своей фамилией, а жена — своей. Но в дальнейшем, в соответствии с требованиями жизни и установившимся порядком, было разъяснено, что муж может именоваться своей фамилией, а жена — объединенной фамилией мужа и жены.

КЗАГС тщательно охранял права и интересы нуждающихся с супругов, понимая под последними лиц, не имеющих прожиточного минимума и нетрудоспособных. Такой нуждающийся супруг имел право на получение содержания от другого супруга, если последний был в состоянии оказывать ему поддержку (ст. 107). Уклоняющиеся обязывались к выполнению своих обязательств отделами социального обеспечения, которые могли выно-

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 16 октября 1924 г. (СУ 1924 г. № 79, ст. 791).

сить специальные постановления о выдаче содержания его размере и форме. За этими постановлениями, подлежащими обжалованию в местный суд, признавалась сила судебных решений. При прекращении брака смертью или объявлением одного из супругов умершим, содержание выплачивалось, опять-таки по постановлению отдела социального обеспечения, из оставшегося имущества. Кроме того, пережившие супруги имели право на получение в непосредственное управление и распоряжение оставшегося имущества, не превышавшего 10 000 руб.

В вопросе о разводе КЗАГС сохранял положения, установленные в декрете 19 декабря 1917 г. (ст. ст. 85—99). Как уже указывалось выше, по этому декрету одностороннее заявление о разводе должно было быть подано в местный суд (сюда же могли при желании направлять свои заявления и те супруги, которые разводились по обоюдному соглашению). В отличие от декрета 19 декабря 1917 г. КЗАГС не ограничивал сферы деятельности суда установлением одного единственного обстоятельства — действительного желания сторон добиться развода. Это давало возможность суду выявлять истинные причины развода и, возможно, содействовать таким путем примирению сторон. Определения суда о расторжении брака подлежали кассационному обжалованию и до истечения кассационного срока или рассмотрения кассационной жалобы не могли считаться вступившими в законную силу (ст. 98).

Если при указанных условиях и можно утверждать, что определение суда не являлось механической регистрацией просьбы разводящихся, то в другом отношении КЗАГС подчеркивал, что развод имеет чисто формальный характер. В отличие от декрета 19 декабря 1917 г. КЗАГС не упоминал об обязательной явке сторон или о мерах, обеспечивающих уведомление ответчика о возбуждении его супругом дела о разводе. В примечании к ст. 90 устанавливалось единственное правило, гласившее, что при неизвестности местожительства супруга, а также в случае подачи истцом заявления по своему местожительству, вызов ответчика должен производиться в порядке, установленном для случаев неизвестности местожительства ответчика. Таким образом, при неизвестности местожительства ответчика (вернее, при неуказании этого местожительства истцом), а также при подаче

заявления по месту жительства истца (что уже целиком зависело от усмотрения последнего) ответчик мог ничего не знать о намерениях своего супруга. Тем самым он мог оказаться поставленным лицом к лицу с уже совершившимся фактом¹.

Третий раздел КЗАГС посвящен «Семейному праву» (ст. ст. 133—183). Здесь снова, и притом в столь же категорической форме, как и по декрету 18 декабря 1917 г., декларировалось, что «основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается» (ст. 133). Далее примечание 1 к этой же статье подтверждало, что дети, родители которых не состоят в браке между собой, во всем уравниваются в правах с детьми, родившимися от лиц, состоящих между собой в зарегистрированном браке.

Если сопоставить эти правила с тем порядком, который был установлен декретом 18 декабря 1917 г., то можно установить, что КЗАГС пошел значительно дальше декрета. Он отверг различие между детьми, рожденными в зарегистрированном браке, и детьми, рожденными вне брака, не только в отношениях детей с родителями, но и в отношениях их со всеми прочими родственниками. Всякое родство определялось только происхождением, одно только происхождение служило основанием для признания родства. «Никакого различия между родством брачным и внебрачным не делается», — гласит примечание к ст. 172, определяющее право на получение содержания от состоятельных родственников нуждающимися и нетрудоспособными родственниками по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородными и неполнородными братьями и сестрами.

Отцовство и материнство определялись записью в книге записей рождений, а при отсутствии такой записи, неправильности или неполноте ее — доказыванием в судебном порядке (ст. ст. 134—135). Последнее могло иметь место и тогда, когда родителями ребенка были записаны лица, состоявшие между собой в зарегистрированном браке (ст. 136). Правильность и достоверность

---

¹ Точный порядок вызова ответчиков был установлен лишь позднее по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1921 г. (СУ 1921 г. № 67, ст. 512), о чем речь будет в дальнейшем.

залиси обеспечивались не только возможностью подобного обращения в суд, но и уголовной ответственностью лиц, ложно выдававших себя за родителей (ст. 137). Одновременно КЗАГС парализовал попытки отца уклониться от признания ребенка: он предоставлял матери, забеременевшей, не состоя в браке, право не позднее, как за три месяца до разрешения от бремени, подавать заявление в местный отдел ЗАГС с указанием имени и местожительства отца (ст. 140). Особо оговаривалось, что подобное заявление могло быть подано также и женщиной, состоявшей в зарегистрированном браке, если зачатый ею ребенок происходил не от зарегистрированного ее супруга (примечание к ст. 140). Лицо, названное в качестве отца в заявлении, вправе было в течение двух недель возбудить судебный спор против матери о правильности ее заявления. Невозбуждение спора в указанный срок приравнивалось к признанию ребенка (ст. 141)

В этих правилах (ст. ст. 140—141) мы встречаем полностью тот порядок, который в дальнейшем нашел признание в Кодексе законов о браке, семье и опеке.

Последующие главы этого же раздела КЗАГС (вторая и третья), посвященные правам и обязанностям родителей и детей, целиком проникнуты теми основными началами, на которых должна строиться советская семья. Эти начала — полное равноправие родителей во всех вопросах, касающихся детей, разрешение всех этих вопросов исключительно с точки зрения интересов самих детей, исчерпывающая охрана (при помощи родителей) личных и имущественных прав детей против возможных посягательств со стороны третьих лиц, обеспечение детей против возможных злоупотреблений родителей своими правами.

Вопросы, касавшиеся личности детей — о гражданстве, о религии¹, о фамилии (при отсутствии зарегистрированного брака, а также после того, как супругам было разрешено носить разные фамилии, сохраняя свои добрачные фамилии) — должны были разрешаться по соглашению родителей, а при отсутствии соглашения — по реше-

---

¹ Обращает на себя внимание, что КЗАГС еще находил нужным останавливаться на порядке определения религии ребенка.

нию суда, с тем что окончательное разрешение вопроса оставлялось за детьми — в отношении гражданства при достижении ими совершеннолетия, а в отношении религии — при достижении ими 14-летнего возраста.

Не удовлетворяясь приведенными конкретными указаниями (ст. ст. 145—148), КЗАГС устанавливал в виде общего правила, что родительские права осуществляются родителями совместно (ст. 150), что все мероприятия, касающиеся детей, принимаются родителями по взаимному их согласию, с тем чтобы при разногласии родителей вопрос разрешался судом (ст. ст. 151—152):

КЗАГС особо подчеркивал, что родительские права осуществляются исключительно в интересах детей, причем при неправомерном их осуществлении суду предоставляется право лишать родителей этих прав (ст. 153)¹:

КЗАГС подробно перечислял обязанности, лежащие на родителях по отношению к детям (ст. ст. 154—156), указывая, что родители обязаны заботиться о личности своих детей, об их воспитании и подготовке их к полезной деятельности; что они обязаны защищать личные и имущественные интересы детей в качестве их представителей как на суде, так и вне суда; что они обязаны держать детей при себе. В то же время КЗАГС упоминал и о правах родителей, вытекающих из осуществления ими перечисленных обязанностей, подчеркивая, что родители вправе требовать возвращения детей от любого лица, удерживающего их у себя не на основании постановления суда или закона, что они вправе отдавать детей на воспитание и обучение и что даже при лишении их родительских прав они имеют право на свидание с детьми, разве бы было признано, что такие свидания отражаются вредно и пагубно на детях (ст. ст. 156—159).

Переходя к имущественным правам и обязанностям детей и родителей, КЗАГС возлагал на родителей обязанность доставлять пропитание и содержание своим детям — несовершеннолетним, нетрудоспособным и нуждающимся (ст. 161). Отмечая, что обязанность содержания детей лежит на обоих родителях в равной мере (это

---

¹ Ст. 153 была в дальнейшем значительно изменена и дополнена по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 17 мая 1926 г. (СУ 1926 г. № 30, ст. 232). Об этом постановлении см. ниже.

с неизбежностью вытекает из равенства прав и обязанностей отца и матери), КЗАГС учитывал реальные условия быта и неравенство имущественного положения родителей, особенно в тех семьях, где мать не работала, и предписывал определять размер выдаваемого родителями содержания в зависимости от их материального положения, с тем чтобы родители, не имеющие возможности уплатить свою долю полностью, уплачивали ее часть (ст. ст. 161—162). Особенно подчеркивалось при этом, что суд, разбирая дела о содержании детей, обязан принимать во внимание как средства и трудоспособность обоих родителей, так и невозможность для трудоспособной матери иметь заработок по причине необходимости ухода за детьми или беременности (ст. 168).

В той же мере, в какой обязанность алиментирования возлагались на родителей в пользу детей, она возлагалась и на детей в пользу родителей, лишившихся трудоспособности или нуждающихся, если последние не получали содержания от государства (ст. 163).

Право родителей и детей на содержание могло быть осуществлено и в принудительном порядке — через отделы социального обеспечения и местные суды (ст. 164); оно сохранялось и в случае прекращения брака посредством развода или вследствие смерти одного из супругов, а также при признании брака недействительным (ст. ст. 165—167). Лишение родительских прав и передача детей органам опеки и попечительства также не освобождали родителей от обязанности содержать детей (ст. 169).

Таким способом КЗАГС обеспечивал имущественные интересы родителей и детей. Но он шел по этому пути и дальше. На случай, если нуждавшиеся в содержании лица не могли получать его от супруга, детей или родителей ввиду их отсутствия или несостоятельности, закон возлагал обязанность доставления содержания нуждающимся и нетрудоспособным лицам на родственников по прямой восходящей или нисходящей линии, а также на братьев и сестер, полнородных или неполнородных (ст. ст. 172—173). Эти родственники, в случае их состоятельности, признавались, в порядке указанной постепенности, совместно обязанными доставлять содержание, отвечая за это в равных долях, с правом суда устанавливать их участие в иных размерах ввиду различного их

имущественного положения, отсутствия кого-либо из них или иных уважительных причин (ст. 175).

Право на получение содержания и от перечисленных более отдаленных родственников также могло быть осуществлено принудительным порядком, через отделы социального обеспечения, либо через суд (ст. 174)¹.

Таким порядком КЗАГС закреплял семейные связи за пределами семьи в наиболее тесном смысле слова, охватывая обязанностью доставлять содержание не только супругов, родителей и детей, но и родственников более отдаленных — тех самых, кстати, которые имели право на получение содержания из имущества, оставшегося после умершего, либо на получение в свое непосредственное управление и распоряжение этого посмертного имущества стоимостью не свыше десяти тысяч рублей (ст. ст. 179 и 181).

КЗАГС упоминает и об усыновлении, устанавливая, что усыновленные, приемыши и приймаки и их потомство по отношению к усыновителям и усыновители по отношению к усыновленным, приемышам и приймакам и к их потомству приравниваются к родственникам по происхождению (ст. 182). Благодаря этому КЗАГС обставлял твердыми правовыми гарантиями положение лиц, уже усыновленных или усыновивших. Вместе с тем, однако, он запрещал на будущее время всякое усыновление как своих, так и чужих детей (ст. 183).

В отношении собственных детей запрет усыновления может быть объяснен тем, что их усыновление не могло вызываться необходимостью, поскольку родственные права и обязанности определялись действительным происхождением и оформлялись посредством записи в книгах записей рождения, а потому ни в каком ином оформлении не нуждались. В отношении же чужих причина запрета иная. Усыновление, особенно приймачество в деревне, порою прикрывало собой эксплуатацию несовершеннолетних. Под видом принятия в семью усыновлен-

---

¹ Обращает на себя внимание та ведущая роль, которая уделяется отделам социального обеспечения в деле взыскания алиментов во всех без исключения случаях (то-есть при взыскании алиментов не только в пользу более отдаленных родственников, но и в пользу супругов, родителей и детей). Это может быть объяснено тем, что алименты рассматривались, как «суррогат социального обеспечения».

ных или приемков усыновители, особенно из числа кулаков, приобретали бесплатную и притом весьма покорную рабочую силу, которой можно было пользоваться, не стесняясь никакими нормами трудового законодательства, не опасаясь никаких претензий или требований, не испытывая страха перед инспекцией труда. Возможность эксплуатации труда несовершеннолетних под видом усыновления и заставляла отказаться на многие годы от института усыновления¹.

Четвертый раздел КЗАГС посвящен «опекунскому праву»². Здесь опека построена целиком как институт государственного значения, в отличие от буржуазного права, где опека носит частно-семейный характер.

В силу государственно-правового значения опеки органами опеки и попечительства признавались опекунские учреждения. В период издания КЗАГС это были отделы социального обеспечения; вскоре, по постановлению СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г.³, опека была изъята из ведения Народного комиссариата социального обеспечения и передана в ведение органов народного образования и органов здравоохранения.

Наряду с опекунскими учреждениями, отдельные опекуны и попечители привлекались к участию в опеке только для того, чтобы опекунские учреждения имели возможность осуществлять через их посредство свои задачи, так же как они вправе были осуществлять эти задачи непосредственно (ст. ст. 184—185). Соответственно этому в обязанности органов опеки входило как учреждение и снятие опеки, так и осуществление последней, назначение и увольнение опекунов и попечителей и общий надзор за их деятельностью (ст. ст. 186—190).

Следует оговорить, что в КЗАГС нет такого разграничения опеки и попечительства, какое существует в настоящее время. Опекунами признавались те, кто охранял в себе личные и имущественные интересы подопечных (несовершеннолетних и душевнобольных), являясь их законными представителями (ст. 188); попечителями — те, кто

¹ См. инструктивное письмо Наркомпроса РСФСР «Об усыновлении» от 12 июня 1926 г. (В а в и н, Кодекс законов о браке, семье и опеке, 1927, стр. 47 сл.).

² В дальнейшем будут рассмотрены только те постановления об опеке, которые относятся к семейно-брачному праву, т. е. к опеке над несовершеннолетними.

³ СУ 1920 г. № 93, ст. 506.

назначался для совершения отдельных сделок или уполномочивался на управление имуществом вообще (ст. 189), причем попечительство над совершеннолетним лицом назначалось по его о том просьбе при наличии старческой дряхлости или других недугов или неопытности (ст. 198). Разграничение же, подобное тому, которое принято в настоящее время (опека над несовершеннолетними до 14 лет и попечительство — над несовершеннолетними от 14 до 18 лет), не могло иметь место уже в силу того, что КЗАГС, в отличие от Кодекса законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО), не подразделял несовершеннолетних на возрастные группы и устанавливал опеку одинаково над всеми несовершеннолетними, вплоть до достижения ими возраста совершеннолетия.

Публичный характер и значение опеки подчеркивались также тем, что опека рассматривалась как почетная обязанность, от которой можно было отказываться только при наличии определенных условий (достижение 60-летнего возраста, телесные недостатки, заведывание индивидуальной или коллективной опекой и т. д. — ст. 214). Самая опека определялась при этом как должность, на которую не могут быть назначаемы лица, сами состоящие под опекой, лишенные по суду гражданских прав и т. д. (ст. 208). Наконец, о назначении опеки производилась публикация (ст. 199), причем назначение опеки могло быть обжаловано в местный суд (ст. 200). Осуществляя контроль над деятельностью опекуна, органы опеки могли увольнять опекунов от должности при нерадении или злоупотреблении полномочиями, а также при неудовлетворительном исполнении опекунских обязанностей — по ходатайству самого подопечного, либо всякого третьего лица (ст. ст. 219—220).

Пределы обязанностей, прав и полномочий опекунов по попечению о личности подопечных и управлению их имуществом были определены КЗАГС весьма четко (ст. ст. 223—246), вполне удовлетворительно обеспечивая интересы подопечных. Наилучшей оценкой принятого в КЗАГС порядка является тот факт, что, будучи проверен на практике, он мог быть воспринят без каких-либо существенных изменений в КЗоБСО, что даже еще и сейчас, продолжая в основном существовать попрежнему, этот порядок никаких нареканий не вызывает, хотя с момента опубликования КЗАГС прошло 30 лет и за

это время в нашей стране произошли сдвиги всемирно-исторического значения.

КЗАГС содержит раздел (раздел 1), посвященный «Актам гражданского состояния» (ст. ст. 1—51).

Этот раздел относится к семейному праву лишь косвенно, так как он не содержит материально-правовых норм, а только устанавливает порядок ведения тех записей, которые фиксируют события, определяющие семейно-брачные отношения граждан, их семейное положение и состояние. Тем не менее, этот раздел поставлен в законе на первое место и именно он дал наименование кодексу.

Как уже указывалось, в декрете 18 декабря 1917 г. подчеркивалось, что отныне ведение записей актов гражданского состояния поручается исключительно органам советской власти. Такое же указание содержится и в декрете СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованном 23 января 1918 г.¹ Устраняя церковь от обязательного участия в заключении браков и в разводах, лишая обряды, связанные с рождением, смертью, вступлением в брак и прекращением брака юридической силы, советская власть, естественно, должна была прекратить ведение так называемых метрических книг духовенством и передать книги записей актов гражданского состояния в руки одной только гражданской власти. Таким образом, с первых же постановлений, относящихся к вопросу о ведении записей браков и рождений, этот вопрос разрешался в связи с основным вопросом — о самом содержании семейно-брачных отношений. Эта связь сохраняется и в дальнейшем. Не только в КЗАГС, но и в КЗоБСО, иначе говоря, в обоих кодексах, посвященных вопросам брака и семьи, особый раздел отводится порядку ведения указанных записей.

КЗАГС содержал самые подробные указания относительно органов, ведущих книги записей актов гражданского состояния, перечисляя самые эти книги и излагая детальные правила их ведения. Порядок, принятый в этих постановлениях, сохранился в основном до сих пор с теми или иными чисто техническими исправлениями. Но значительная часть изложенных в КЗАГС правил пе-

¹ СУ 1918 г. № 18, ст. 263.

ренесена из кодекса в специальные инструкции НКВД; это должно быть признано правильным, учитывая их характер — не столько материально-правовой, сколько организационно-технический.

Подводя итог сказанному, следует установить, что опубликование КЗАГС имело огромное политическое значение. Этот кодекс, принятый в период, который характеризуется невероятными трудностями и отчаянной борьбой с ними¹, в развернутой форме окончательно уничтожил следы прошлого в устройстве семьи и положил основу новой социалистической системе семейно-брачных отношений.

Этот кодекс охватывал основные моменты, определяющие личную, семейную жизнь советских граждан; поэтому он затрагивал интересы всего без исключения населения. Но его значение не только в этом, но и в том, что он по-новому поставил вопросы семьи и брака, как вопросы, интересующие все общество в целом, государство, как таковое. Этот кодекс целиком построен на том, что «Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках»².

Будучи принят в первый же год после Октябрьской революции, КЗАГС должен был уделять особое, первоочередное внимание устранению наиболее вопиющих безобразий дореволюционного семейного строя. Он должен был окончательно устранить церковный брак, как оплот угнетения и сверхугнетения женщины. Он должен был уничтожить все проявления и признаки неравенства мужа и жены, обеспечить подлинную свободу супругов, в первую очередь жены, во время брака. Он должен был покончить со стеснением свободы человеческой личности в области развода, ранее целиком находив-

¹ См. История ВКП(б), Краткий курс, стр. 218.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXV, стр. 40.

шегося в руках церкви. Он должен был охранить интересы детей, оградить их от родительского произвола, обеспечить им надлежащее воспитание и образование, достаточную защиту их имущественных прав, необходимое содержание со стороны родителей, осуществление попечения о них в случае отсутствия родителей. Он должен был устранить возмутительное неравенство «внебрачных» детей. КЗАГС удовлетворил все эти потребности и удовлетворил их наилучшим для той эпохи образом.

Но КЗАГС был первым кодексом молодого государства, проводившего коренную ломку установившегося веками порядка. Это был кодекс, изданный тогда, когда законодатель, вводя гражданский брак, признание родства только в силу происхождения, свободу развода и обязанность родителей при всех условиях и во всех случаях заботиться о своих детях и содержать их, являлся смелым революционером в таких жизненных вопросах, которые затрагивали буквально все население. Это был кодекс, который вносил новые принципы и начала в той именно области, где эти начала еще должны были привиться, где они должны были войти в плоть и кровь населения, где они должны были быть не только одобрены, но и испытаны на практике.

Кодекс законов об актах гражданского состояния 1918 года действовал в пределах РСФСР. Но и остальные советские республики основывали свое законодательство на законах РСФСР¹. В частности, БССР руководствовалась кодексом РСФСР; циркуляры Наркомвнудела БССР прямо на него ссылались. В УССР в феврале 1919 г. было издано три кратких декрета об актах гражданского состояния, о браке и разводе, но на практике вплоть до 1926 г. применялся кодекс РСФСР; циркуляры Наркомвнудела УССР содержат прямые ссылки на него.

III. Советское семейное право в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства

Окончание периода иностранной военной интервенции и гражданской войны, вступление социалистического государства в следующий этап развития — перехода на

¹ Ср., например, декрет Горской республики о браке.

мирную работу по восстановлению народного хозяйства, все это не поколебало силы КЗАГС. Только к концу этого периода ставится вопрос о разработке нового кодекса.

За эти годы происходят сдвиги огромнейшей важности; развитие страны идет гигантски быстрыми темпами, устраняются последствия гражданской войны, изживается разруха, восстанавливается народное хозяйство. Со времени изгнания иностранных интервентов и окончания гражданской войны идет напряженная работа по кодификации нового социалистического права; в частности, разрабатывается Гражданский кодекс. Но вся эта работа, все эти сдвиги не затрагивают КЗАГС. Он оказался настолько приспособленным к потребностям трудящихся масс, что пересмотр его в законодательном порядке не понадобился.

В области семейно-брачного права идет работа иного порядка. Это — работа по внедрению новых начал в толщу населения, работа по приучению трудящихся масс города и деревни к новому порядку. Это — работа, имеющая огромное значение по тем целям, которые она преследует, по тем результатам, которые она призвана осуществить. Работа эта весьма нелегкая. Переход к новой, социалистической этике труден, «ибо,— говорит Ленин,— дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскоружных, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили»¹.

Эта работа проводилась весьма успешно. С первых же дней действия нового семейно-брачного права было очевидно, что население быстро привыкает к оформлению своих брачных отношений в местном совете, несмотря на то, что введение книг записей актов гражданского состояния повсеместно задерживалось. Точно так же количество желавших воспользоваться свободой разводов оказалось весьма значительным не только в городе, но и в деревне.

Так, по официальным данным Наркомата юстиции РСФСР, количество бракоразводных дел, возникших во

---

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVI, стр. 194.

второй половине 1918 г., достигло по одной только Москве 2703¹. За первые 7 месяцев действия декрета о разводе в Москве было подано 5000 заявлений о разводе, а в волостях 16 губерний за три месяца — более 10 000 заявлений. После этого, начиная примерно с июня-июля 1918 г., количество заявлений о разводах идет постепенно на убыль. Супруги, давно уже разошедшиеся или мечтавшие разойтись, поспешили использовать предоставленную им возможность расторгнуть брак. В дальнейшем же заявления о разводе подаются только в случаях потребности прекращения брака, назревавшей вновь.

Следует отметить, что устранение церкви от обязательного оформления брака и от провозглашения развода происходило далеко не безболезненно, особенно в первые годы действия КЗАГС, когда еще не были ликвидированы иностранная интервенция и гражданская война, в период, когда советская власть еще не могла перейти на рельсы мирного хозяйственного строительства, будучи вынуждена вести жестокую борьбу против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины.

Руководствуясь принципами, положенными в основу декрета об отделении церкви от государства, советская власть никогда никому не препятствовала венчаться в церкви как после, так даже и до регистрации брака в местном совете. Никому не возбранялось обращаться к церкви и за «благословением» прекращения брака. Но советская власть, исходя из того же порядка отделения церкви от государства, должна была решительно бороться с проявлявшимися время от времени тенденциями придавать церковным обрядам юридическое значение. Эти тенденции, как уже указывалось, всячески поддерживались контрреволюционными элементами, группировавшимися вокруг деятелей церкви, не желавших лишиться того привилегированного положения, которым они пользовались при власти помещиков и капиталистов, являясь одним из оплотов последней в течение многих веков.

---

¹ Материалы НКЮ РСФСР, вып. VI, Отчет НКЮ за 1918 г.

Этому вопросу было, в частности, посвящено постановление Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) от 21 октября 1918 г., которое объявляло, что пометки в паспортах о церковном венчании, присвоение, на основании церковного венчания, женщине фамилии лица, с которым она венчалась, отметка милицией таких лиц, как состоящих в браке, и выдача венчавшейся паспорта на фамилию гражданина, с которым она венчалась, являются саботажем декрета о гражданском браке, присвоением чужой фамилии и звания (мужа или жены), т. е. срывом декретов рабоче-крестьянского правительства, а для служащих милиции — преступлением по должности. Равным образом постановление Совета народных комиссаров Союза коммун Северной области от 2 декабря 1918 г. «О расторжении браков» воспрещало под страхом наказания делать в официальных документах отметки о совершении религиозных обрядов (в частности, о браке, погребении, разводе).

Последовательно проводя основные принципы семейно-брачного законодательства 1917—1918 гг., советский закон все время вводил дополнения и уточнения в установленный порядок.

В первую очередь следует упомянуть в этом отношении декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1921 г.¹, принятый после перехода на рельсы мирного строительства. Этот декрет установил точный порядок вызова ответчиков по делам о разводе. Если адрес ответчика истцу был неизвестен, суд должен был сам посредством опроса свидетелей устанавливать его местожительство или безвестное его отсутствие, а затем принимать меры к его вызову — вывешивать в суде объявления о поступившем заявлении, отсылать их в отделы записи актов гражданского состояния по месту нахождения суда, по месту хранения записи о браке и по месту последнего жительства ответчика. Дело должно было назначаться к слушанию не раньше, чем через два месяца; о состоявшемся определении о разводе должны были вывешиваться объявления в упомянутых выше местах. Таким порядком закон пытался обеспечить хотя бы уве-

---

¹ СУ 1921 г. № 67, ст. 512:

домление ответчика о возбужденном его супругом деле о разводе¹.

Этим же декретом предписывалось вывешивать объявления о назначении опеки в учреждениях, ведавших таковой (отделы народного образования, отделы здравоохранения). Назначение опеки разрешалось обжаловать в месячный срок в суд. Приведенные правила снова подчеркивали публичный характер опеки.

В течение всего периода времени между 1918 и 1926 г. закон неуклонно проявлял заботу об интересах матери и ребенка, расширяя и углубляя эту работу по мере восстановления народного хозяйства. Улучшаются условия работы детучреждений, обеспечивается усиленное питание детей, облегчаются условия труда женщин и подростков, устанавливается особое дополнительное пособие роженицам², упрощается порядок ведения алиментных дел путем допущения предъявления исков по месту жительства истицы и т. д.

Непосредственно перед принятием КЗоБСО было внесено изменение в ст. 153 КЗАГС³: лишение родительских прав могло иметь место не только при неправомерном их осуществлении, но и при жестоком обращении с детьми, причем суду разрешалось в эти случаях лишать родительских прав на любой срок, полностью или частично, и передавать детей на попечение органов опеки. Ходатайства о восстановлении родительских прав не могли быть возбуждаемы ранее одного года.

Следует отметить то чрезвычайно большое значение, которое имела судебная практика в течение периода

---

¹ Правда, практика не придавала особого значения соблюдению порядка вызова ответчиков. Так, например, по делу № 648—1921 г. («Еженедельник советской юстиции», 1922 г. № 33, стр. 21), по которому повестка ответчице не была вручена, а ее расписка в получении повестки на корешке была подделана, Высший судебный контроль признал отмену определения о расторжении брака бесцельной, так как для расторжения брака достаточно волеизъявления заявителя, а возражения другой стороны не могут иметь значения, почему вызов в суд имеет скорее значение осведомления о расторжении брака, чем вызова для ответа по иску.

² Постановление СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. (СУ 1921 г. № 79, ст. 668).

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 17 мая 1926 г. (СУ 1926 г. № 30, ст. 232).

1918—1926 гг. Эта практика отражает жизненные запросы трудящихся, она чутко отзывается на все их потребности, показывает общую линию развития общественных отношений, намечает пути преобразования законодательства, выявляет недостатки законодательства действующего.

Судебная практика Высшего судебного контроля Наркомюста РСФСР, а затем Верховного суда РСФСР за период времени, предшествовавший изданию КЗоБСО, показывает, что суды были заняты главным образом внедрением новых начал в правосознание масс, в первую очередь — путем защиты прав детей, в том числе детей, родившихся вне зарегистрированного брака. Именно здесь новое законодательство оказывало свое огромное влияние, именно здесь пришлось суду проделать наиболее напряженную работу, защищая право ребенка на получение содержания от отца. Если закон был особенно озабочен всемерным улучшением положения детей, всемерной защитой их от беспризорности и нужды, то суды, применяя действующее законодательство, неуклонно напоминали родителям об их обязанности содержать и воспитывать своих детей (безотносительно к тому, были ли отношения между родителями оформлены браком или же нет), ибо в тот момент уклонение отца от содержания ребенка, как правило, оставляло ребенка совершенно беспомощным, так как мать одна не в силах была его содержать, а государство не могло притти ей на помощь.

Соответственно этому многочисленные руководящие постановления высших судебных органов посвящены вопросу об установлении отцовства, а также о взыскании алиментов в пользу детей, как рожденных вне брака, так и оставленных отцом в связи с уходом от жены — матери ребенка. При этом суды обращали особое внимание на то, чтобы бороться с теми представителями остатков эксплуататорских классов, которые пытались использовать свое имущественное положение, чтобы обмануть женщину, а затем бросить ее, уклоняясь от оказания помощи как ей, так и ребенку.

Так, например, пленум Верховного суда РСФСР разъяснил, что размер взысканий на содержание ребенка определяется исключительно материальным положением родителей, почему суд вправе возложить содержание

ребенка целиком на одного из родителей с полным освобождением от этой обязанности второго родителя¹. Это разъяснение представляет собой последовательное развитие мысли, уже высказывавшейся несколько ранее Верховным судом РСФСР в определении от 18 января 1924 г., признавшем, что недопустимо распределять расходы по содержанию детей в равной мере между отцом и матерью, так как необходимо учитывать то обстоятельство, что мать должна нести труд по уходу за детьми². И в том и в другом случае Верховный суд устранял попытку отца снять с себя ответственность за содержание детей, переложить часть соответствующих расходов на плечи матери, по своему имущественному положению неспособной нести эти расходы. То же стремление отводить неосновательные попытки отца избавиться от содержания ребенка усматривается в определении Отдела высшего судебного контроля НКЮ РСФСР от 14 октября 1922 г., коим было признано, что отец не освобождается от уплаты алиментов с выходом матери в новое замужество³. Не допускал Верховный суд также и того, чтобы отцы избегали уплаты алиментов, отбирая ребенка у матери без достаточных к тому оснований. Так, в частности, Верховный суд провозгласил, что чисто буржуазным взглядом является предположение, будто нежелание жить с мужем и продолжающаяся связь с другим мужчиной не могут не отозваться на воспитании детей и их психике; нельзя, считал Верховный суд, ссылаться на то, что у отца дети будут материально лучше обеспечены, так как надо смотреть на интересы детей с точки зрения их воспитания и окружающей обстановки, но не одного физического питания, тем более, что отец должен давать средства на содержание детей⁴.

Обращало на себя внимание уже и в тот период, что взыскание присужденных алиментов часто бывало сопря-

¹ Разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 10 августа 1925 г. (Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховного суда РСФСР, январь 1925 — май 1926 г., стр. 120).

² «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 16, стр. 383.

³ «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 42.

⁴ Определения ГКК Верховного суда РСФСР за 1924 г., № 161 стр. 186.

жено с огромными трудностями, что вынесенные по делам об алиментах решения нередко оказывались неприведенными в исполнение. В борьбе за реальное исполнение решений о присуждении алиментов был установлен ряд льгот и изъятий из общего порядка для истцов и взыскателей по делам об алиментах. Так, подсудность дел об алиментах определялась по месту жительства истца¹; для решений о взыскании алиментов было установлено немедленное исполнение². Наряду с этим допускалась капитализация платежей по алиментам в случае смерти плательщика³, и предусматривалось право на предъявление нового иска об изменении размера алиментов при изменившихся обстоятельствах⁴. В то же время Верховный суд, исходя из тех целей, которые преследуются взысканием алиментов (удовлетворение потребностей ребенка, а не накопление средств), признавал возможным производить взыскание алиментов за прошлое время только при наличии задолженности, и притом только в части необходимых расходов, однако не свыше расходов, действительно понесенных⁵.

Верховный суд обращал внимание также и на отношения между супругами и особенно на отношения между лицами, не оформившими своих фактических брачных отношений.

Хотя по КЗАГС имущество супругов признавалось раздельным, практика, еще до вступления в силу КЗоБСО, утверждала общность имущества, нажитого

---

¹ Примечание к ст. 25 ГПК в редакции постановления ВЦИК и СНК от 3 марта 1924 г. (СУ, 1924 г. № 24, ст. 240).

² Ст. 187 ГПК в редакции постановления ВЦИК и СНК от 16 февраля 1925 г. (СУ 1925 г. № 12, ст. 83).

³ Разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 10 марта 1925 г. («Еженедельник советской юстиции» 1925 г. № 11, стр. 286).

⁴ Разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 16 февраля 1924 г. (Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховного суда РСФСР за 1924 г., стр. 43).

⁵ Разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 18 января 1926 г., протокол № 1 (Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховного суда РСФСР, январь 1925 г.— май 1926 г., стр. 155).

супругами совместно за время их сожительства¹. При этом судам приходилось, выходя за пределы закона, в ряде случаев защищать имущественные интересы женщины, состоявшей в незарегистрированном браке, и при-суждать ей определенную долю того имущества, кото-рое было нажито во время существования фактических брачных отношений. Это имущество рассматривалось как общее имущество, нажитое совместным трудом, причем труд женщины в домашнем хозяйстве приравнивался к производительному труду мужчины, как обеспечиваю-щий в одинаковой степени благосостояние семьи². Пред-писывая считать общей собственностью имущество, на-житое за время фактических брачных отношений, исхо-дя из нормальной хозяйственно-трудовой обстановки жиз-ни семьи³, Верховный суд отмечал, что народные суды и при действии КЗАГС придавали факту регистрации бра-ка только процессуальное значение, рассматривая этот факт только как процессуальный момент, устраняющий необходимость подтверждать наличие брака другими до-казательствами⁴.

Таким образом суды еще до издания КЗоБСО отхо-дили от признания юридического значения только за зарегистрированным браком и брали под свою защиту также и фактические брачные отношения, устанавли-вая в то же время права женщины (как состоявшей в за-регистрированном браке, так и находившейся в отноше-ниях фактического сожительства) на имущество, нажитое

¹ Ср. определение ГКК Верховного суда РСФСР № 31549 («Су-дебная практика», 1927, № 11, стр. 14 и определение ГКК Верхов-ного суда РСФСР № 3372 («Судебная практика», 1927, № 7, стр. 4). Еще до того пленум Верховного суда РСФСР дал директивное разъяснение, согласно которому в трудовой семье оба супруга имеют равные права на все нажитое во время брака имущество (разъясне-ние пленума Верховного суда РСФСР от 23 февраля 1925 г., прот. № 3 — Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховного суда РСФСР, январь 1925 г. — май 1926 г., стр. 93).

² Определение Верховного суда РСФСР по делу № 31419—1925. («Еженедельник советской юстиции» 1925, № 50/51, стр. 1550). См. также определение Верховного суда РСФСР по делу № 31139—1925 г. («Еженедельник советской юстиции», 1925, № 37, стр. 1220), где суд, хотя и именует стороны «супругами», производит раздел на основании ст. ст. 61—65 ГК, а не на основании КЗАГС.

³ Определение ГКК Верховного суда РСФСР № 33419 («Судеб-ная практика», 1927, № 1, стр. 12).

⁴ Определение ГКК Верховного суда РСФСР по делу № 36188—1927 г. («Судебная практика», 1927, № 5, стр. 16).

во время брака, — даже в тех случаях, когда добытчим средств был один только муж, но жена ему помогала, принимая на себя все бремя забот о домашнем хозяйстве и детях.

В 1923 г., в связи с решительными сдвигами в народно-хозяйственной и политической жизни страны, когда «первые же годы борьбы за восстановление народного хозяйства привели к значительным успехам»¹, выявилась необходимость коренного пересмотра всего кодекса 1918 г.

В порядке выполнения подготовительной работы Наркомюст РСФСР приступил к разработке нового кодекса. Первая редакция этого проекта относится к 1923 г. После обсуждения проекта он был переделан заново в 1924 г. и в таком виде внесен на рассмотрение СНК РСФСР. Особая комиссия при СНК РСФСР подвергла обсуждению как этот проект, так и другой проект, разработанный Народным комиссариатом внутренних дел, и постановила принять за основу проект Наркомюста. Этот проект с учетом замечаний и указаний СНК был внесен на рассмотрение 2-й сессии ВЦИК XII созыва в октябре 1925 г. ВЦИК одобрил основные положения проекта, но отложил его утверждение до следующей сессии, так как ряд членов ВЦИК требовал дополнительного обсуждения проекта, как затрагивающего интересы широких масс.

Это решение послужило основанием для широчайшего, подлинно всенародного обсуждения проекта в центре и на местах, в официальных учреждениях и на открытых собраниях, в докладах и в печати. Обсуждался проект также и судебно-прокурорскими работниками. В частности, он обсуждался на VI Всероссийском съезде работников юстиции, который широко использовал практику и учел опыт судов, предварительно обобщенный местными совещаниями судебных работников².

В одних только сельских местностях было зарегистрировано свыше 6 000 собраний, обсуждавших проект,

---

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 252.

² См. циркуляр Наркомюста РСФСР от 14 ноября 1925 г. № 221 («Еженедельник советской юстиции», 1925, № 44/45, стр. 1406).

количество же крестьянских собраний, не включенных в подсчет, равно как и количество собраний в рабочей среде, было несравненно больше. Высказанные замечания и соображения были учтены Наркомюстом, который, придав проекту окончательную редакцию, внес его на утверждение 3-ей сессии ВЦИК XII созыва в 1926 г. Вдесь проект, после продолжительных и горячих дебатов, 19 ноября 1926 г. был принят в том виде, в каком он существовал до 8 июля 1944 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР были внесены решительные изменения в законодательство о браке и семье.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг проекта, сосредоточилась главным образом вокруг трех вопросов, наиболее важных в принципиальном отношении и наиболее существенных с точки зрения интересов широких трудящихся масс. Это вопросы 1) об обязательности регистрации браков, 2) о свободе развода и 3) об ответственности двора по алиментным обязательствам членов двора.

По первому вопросу первоначальный проект Наркомюста (1923 г.) требовал для действительности брака регистрацию его в установленном законом порядке. Но уже во второй редакции проекта (1924 г.) Наркомат юстиции стал выдвигать предложение о признании регистрации брака факультативной, вернее, о признании определенной правовой силы и за фактическими (незарегистрированными) брачными отношениями. Отмечалось, что подобные фактические (незарегистрированные) браки встречаются довольно часто¹, что количество их обнаруживает тенденцию к росту², что, судя по материалам судебной практики, непризнание правового значения за фактическими брачными отношениями больно ударяло по интересам женщины, остававшейся еще материально зависимой от мужчины.

По данным Наркомюста, количество незарегистрированных брачных отношений составляло приблизительно 7% от общего количества браков³. Это были брачные отношения женщин, находившихся в наиболее тяжелых

¹ См. «Еженедельник советской юстиции», 1925, № 46, стр. 1412; 1925 г. № 50/51, стр. 1542.

² См. «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 6, стр. 165; 1927 г. № 4, стр. 81.

³ «Революция права», 1927, № 1, стр. 229.

условиях, и Наркомюст полагал, что закон должен равняться именно по этим женщинам, а не по тем, которые, будучи достаточно развитыми и материально обеспеченными, могли прокормить не только себя, но и ребенка, а потому не нуждались в защите закона, в помощи суда. Как уже указывалось, судам неоднократно приходилось и при действии КЗАГС, защищая интересы женщины, признавать за ней право на определенную долю имущества, нажитого во время фактических брачных отношений, не считаясь с отсутствием регистрации брака.

Обсуждая вопрос о признании правового значения за фактическими брачными отношениями, трудящиеся деревни в большинстве (около 60%) высказывались за сохранение обязательной регистрации брака. Отмечали, что приравнение фактических брачных отношений к зарегистрированному браку может привести к распущенности в вопросах брака и семьи и, кроме того, к разорительным для крестьянского хозяйства последствиям, если бы случайные и более или менее кратковременные связи давали право требовать раздела крестьянского двора наравне с длительным, крепко спаянным браком. Наоборот, остальные 40% крестьянских собраний, равно как и подавляющее большинство городских собраний — собраний рабочих, настаивали на устранении обязательной регистрации брака, усматривая в этом наилучшую защиту имущественных интересов женщины¹. Приблизительно такую же картину показало как в первый, так и во второй раз обсуждение проекта во ВЦИК. Отдельные крестьянские депутаты выступали против «фактических браков», большинство же высказывалось за отмену обязательной регистрации.

В результате окончательная редакция проекта, относящаяся к 1926 г., т. е. к периоду борьбы за социалистическую индустриализацию страны, в данном вопросе значительно отличалась от первоначальной. Наркомюст, приступая к разработке семейно-брачного кодекса, несколько робко и неуверенно оговаривал права лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, — только в виде примечания к тем статьям нового кодекса, которые были посвящены вопросу об имущественных правах супругов

---

¹ «Революция права», 1927, № 2, стр. 115.

и о праве их на алименты¹. В последующей же редакции проекта это действительно весьма существенное правило излагалось уже не в виде примечания, а в виде самостоятельных статей, специально посвященных правам незарегистрированных супругов на имущество, нажитое во время совместной жизни, равно как и праву их на получение алиментов. Наконец, в последней редакции, в результате пожеланий, высказывавшихся при обсуждении проекта на местах, в текст проекта было включено подробное определение понятия фактических брачных отношений, противопоставляемых случайной связи.

Итак, на этом этапе развития семейно-брачного права одержало верх то течение, которое считало более правильным придавать правовое значение не регистрации брака, как таковой, а тем фактическим отношениям, которые могли иметь место независимо от какой бы то ни было регистрации.

Второй вопрос — вопрос о свободе развода — столь горячих дискуссий не вызывал, хотя и раздавались отдельные голоса против сохранения уже принятого в этом отношении порядка. Оно и понятно; о свободе развода говорили меньше не потому, что это — вопрос сам по себе не дискуссионный, а потому, что действовавшее в то время законодательство уже придерживалось свободы развода, что новый проект никаких изменений в этом отношении не вносил. Вместе с тем желательность большего упорядочения разводов к тому периоду еще не могла выявиться.

Наконец, третий вопрос — об ответственности двора по алиментным обязательствам члена двора — стоял в центре обсуждения потому, что он затрагивал наиболее непосредственным образом интересы крестьянства, а вместе с тем и потому, что необходимо было согласовать две довольно часто противоречившие друг другу позиции: стремление реально и полно обеспечить интересы ребенка и необходимость оградить крестьянские хозяйства от обременительных для них платежей по сугубо личному обязательству одного из членов двора, стремление приобщить ребенка, хотя бы и рожденного вне брака, к благосостоянию двора, членом которого являл-

---

Речь идет о проекте 1924 г. Самый первый из составленных Наркомюстом проектов, проект 1923 г., как уже указывалось, придерживался принципа обязательной регистрации брака.

ся его отец, и необходимость оградить двор от вынужденного раздела по требованию матери ребенка — в целях обеспечения реальной возможности взыскания приружденных судом алиментов.

До издания КЗоБСО этот вопрос регулировался циркуляром Наркомюста и Наркомзема РСФСР 28 июля 1923 г. и постановлением пленума Верховного суда РСФСР 12 апреля 1926 г., прот. № 6¹, которые разрешали обращать взыскание на все имущество двора. Крестьянство же при обсуждении проекта КЗоБСО настаивало на обеспечении устойчивости и возможной нераздельности крестьянского двора; это привело к тому, что второй переработанный проект КЗоБСО и в этом вопросе в значительной степени отличался от первоначального.

Вначале Наркомюст считал правильным установить особую ответственность крестьянского двора за содержание ребенка в том случае, если отец ребенка сам, из своих заработков, не мог давать необходимое содержание. В дальнейшем же было признано возможным допускать взыскание алиментов при недостаточности личных средств ответчика — члена двора при условии, если он вел общее хозяйство со двором, только из причитающейся ему доли в имуществе двора; взыскание могло быть обращено лишь на денежные суммы и на продукты хозяйства.

Таким образом, по окончательной редакции проекта КЗоБСО отпада ответственность всего двора в целом по алиментным обязательствам одного из членов двора. Ответственным признавалось только само обязанное лицо, но с тем, что эта ответственность распространялась помимо его личного имущества также и на его долю в крестьянском хозяйстве. Однако из опасения дробления крестьянских хозяйств, из опасения чрезмерно частых и чрезмерно обременительных разделов основной производственной базы крестьянского хозяйства проект вводил существенное ограничение, не допуская обращения взыскания на основные средства хозяйства. Наконец, учитывая высказывавшиеся опасения, что при выделе ребенку или матери ребенка причитающейся им доли они будут претендовать на равную с прочими членами двора

¹ Сборник циркуляров и разъяснений Верховного суда РСФСР, 1927 г., стр. 165—166.

часть, проект устанавливал, что эта часть должна определяться пропорционально количеству вложенного в хозяйство труда и средств.

IV. Советское семейное право в период социалистической реконструкции народного хозяйства

1

После двукратного обсуждения проекта на 2-й и 3-й сессиях ВЦИК XII созыва, после длительного обсуждения на местах основных принципов нового кодекса, последний, четвертый по счету, проект Наркомюста со всеми внесенными в него поправками, изменениями и дополнениями был, как сказано, принят 19 ноября 1926 г. и получил силу закона с 1 января 1927 г.

В других союзных республиках кодексы законов о браке, семье и опеке, соответствующие КЗоБСО РСФСР, были приняты несколько позднее: в БССР — 27 января 1927 г., в Армянской ССР — 8 сентября 1927 г., в Узбекской ССР — 7 марта 1928 г. (этот же кодекс действует в Таджикской ССР), в Азербайджанской ССР — 29 мая 1928 г., в Грузинской ССР — 21 января 1930 г., в Туркменской ССР — 4 декабря 1935 г. В Киргизской и Казахской ССР действует кодекс РСФСР. В УССР КЗоБСО был принят раньше, чем в РСФСР, а именно 31 мая 1926 г. Эти кодексы в основном совпадают с кодексом РСФСР, но в отдельных вопросах, иногда даже в достаточной степени серьезных, имеются отклонения и расхождения. Это обуславливается тем, что кодексы союзных республик учитывают местные и национальные особенности жизни и быта населения.

В республиках Эстонской, Латвийской, Литовской и Карело-Финской действует кодекс РСФСР, в Молдавской ССР — кодекс УССР.

Если сопоставить КЗоБСО РСФСР с КЗАГС, действовавшим на территории РСФСР до 1 января 1927 г., необходимо отметить ряд существенных нововведений, которые отличают новый кодекс от ранее действовавшего.

Эти изменения являются необходимым результатом коренных сдвигов во всей общественно-политической обстановке страны. То, что было правильно, желательно

и даже необходимо сразу же после уничтожения аппарата царской власти, после окончательного и полного разрыва с прежним режимом неравенства и порабощения женщины, то восемь лет спустя уже нуждается в соответствующих изменениях и дополнениях. Новый этап развития социалистического общества, переход к социалистической индустриализации народного хозяйства, к коллективизации сельского хозяйства, к решительному искоренению пережитков старого не только в политике и экономике страны, но и в сознании масс, — все это ставит перед законодателем совершенно новые, очень сложные задачи, в частности и в области семейно-брачного права.

Прежде всего и раньше всего надо было подойти по-иному к разрешению вопроса о фактических брачных отношениях. Отделение церкви от государства было фактически уже полностью осуществлено. Отошли в прошлое те времена, когда церковь выполняла те или иные государственные функции. Народные массы свыклись с тем, что религия — личное дело каждого и что совершение официальных, государственно-значимых актов может исходить только от органов государственной власти. Население не только города, но и деревни свыклось с правовым значением гражданского брака в отличие от брака церковного, являющегося личным делом отдельных граждан. Поэтому уже не было оснований противопоставлять гражданский брак церковному, не было надобности даже упоминать о церковном браке. Соответственно этому КЗоБСО отвергает юридическое значение не самого церковного брака (об этом и говорить нечего было), а документов, удостоверяющих факт совершения брака по религиозным обрядам (ст. ст. 1 и 2).

В то же время можно и должно было упоминать о правовом значении фактических (незарегистрированных) брачных отношений, не опасаясь того, что это будет ложно истолковано как полная неупорядоченность брачных отношений, как брачная анархия, что это приведет к увеличению числа церковных браков как единственной якобы форме подлинного брака. Можно и должно было в этом вопросе руководствоваться другими соображениями. А эти другие соображения выдвигались самой жизнью, на них указывала практика.

Мы уже видели, что практика судов сигнализировала об очень реальной в то время опасности. Признание правовой силы только за зарегистрированным браком приводило к злоупотреблению материальной зависимостью женщины, с которой сходились, чтобы затем безнаказанно ее бросить. Обращало на себя внимание, что слабейшая сторона, женщина, оказывалась нередко покинутой тем лицом, с которым она состояла в фактических брачных отношениях и от которого она ничего добиться не могла — ни доли в имуществе, нажитом совместно, ни алиментов, даже в случае нетрудоспособности или болезни. Нэпманы, кулаки и кулацкие сынки особенно были склонны отрицать существование каких-либо обязательств по отношению к женщине и к ребенку при отсутствии регистрации брака. Поэтому признание фактических брачных отношений в тот период представляло собой не что иное как защиту имущественных интересов женщины, особенно если иметь в виду незначительное (по сравнению с настоящей эпохой) количество женщин, имевших самостоятельный источник заработка.

Признание правовой силы за фактическими брачными отношениями пресекало возможность злоупотребления материальной зависимостью женщины тем классово-чуждым элементом, которые с успехами социалистической индустриализации страны быстро вытеснялись из народного хозяйства, а также тем несознательным личностям из числа трудящихся, которые еще не отрешились от узко мещанских, мелкобуржуазных взглядов на отношение к женщине. Поэтому в то время, в ту эпоху распространение имущественных отношений, установленных по КЗоБСО для супругов, на лиц, состоявших в фактических брачных отношениях (ст. ст. 11 и 16), имело под собой серьезное основание.

Однако далеко не все союзные республики пошли по пути, избранному в РСФСР. Так, КЗоБСО Узбекской ССР (ст. 1), Азербайджанской ССР (ст. 1), Таджикской ССР (ст. 1) и Туркменской ССР (ст. 1) указывали, что только брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, порождает предусмотренные кодексом права и обязанности супругов; лишь в виде исключения КЗоБСО Туркменской ССР предоставляет суду право приравнивать фактические брачные отношения между лицами корен-

ного населения к зарегистрированному браку, если эти отношения возникли до 1 января 1935 г., т. е. до введения в действие КЗоБСО. В УССР только регистрация брака признавалась беспорным доказательством брака (ст. 105). Однако при невозможности оформить фактический брак посредством регистрации судам предоставлялась возможность в каждом отдельном случае определять права незарегистрированных супругов на содержание и на нажитое во время брака имущество (ст. 140).

Необходимо оговорить, что и в РСФСР никогда, ни в какое время, ни в каком законодательном акте советская власть не относилась одинаково к зарегистрированному браку и к фактическим брачным отношениям. КЗоБСО очень далек от тех высказывавшихся иногда утверждений, будто регистрация вообще не нужна, так как она — ничего не значащая формальность. Наоборот, сам кодекс подчеркивает государственное значение регистрации брака, отмечая, что эта регистрация устанавливается как в государственных и общественных интересах, так и с целью облегчить охрану личных и имущественных прав и интересов супругов и детей.

Таким образом, по КЗоБСО регистрация брака имела значение отнюдь не только как условие, облегчающее доказывание брака, как обстоятельство, создающее презумпцию брака; она имела большое самостоятельное значение и рассматривалась далеко не только как техническое средство доказывания наличия брачных отношений.

Никогда советская власть не стояла на точке зрения полного уравнивания супругов зарегистрированных и лиц, состоявших в фактических брачных отношениях. Действительно, подобное уравнивание проводилось в области имущественных отношений, но и то не во всех. КЗоБСО упоминает о равенстве прав только при определении права на совместно нажитое имущество и права на получение содержания. И только лишь практика, идя дальше по этому пути, уравнивала фактических супругов также и в наследственных правах¹.

Но брак определяется далеко не только имуществен-

¹ Ср. определение Верховного суда РСФСР по делу № 36481 1927 г. («Судебная практика», 1927, № 9, стр. 12), инструкции о Госнотариате 1928 г., 1930 г., 1939 г. и др.

ными отношениями супругов. В личных же отношениях разница между зарегистрированным браком и фактическими брачными отношениями была очень значительна. Только зарегистрированные супруги могли именоваться общей фамилией, претендовать на изменение гражданства в упрощенном порядке и т. д.

Наличие фактических брачных отношений должно было устанавливаться судом. Хотя закон и определял те критерии, которыми должен был руководствоваться при этом суд (факт совместного сожительства, наличие при этом общего хозяйства, выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, взаимная материальная поддержка и совместное воспитание детей — ст. 12), однако эти признаки фактических брачных отношений, отличавшие последние от случайной связи, были не всегда вполне четки и бесспорны. Поэтому лица, состоявшие в незарегистрированном браке, в ряде случаев не могли быть полностью уверены в том, как будут расценены их отношения в случае спора. Они тем самым в значительной степени находились в зависимости от оценки этих отношений как судом, так и второй стороной, а это не могло не создавать известной неуверенности, которая должна была отражаться (и фактически отражалась) и на оценке этих отношений со стороны третьих лиц.

Таким образом, различие между зарегистрированным браком и фактическими брачными отношениями по КЗоБСО было гораздо более значительным, нежели это казалось на первый взгляд.

В то время как КЗАГС говорил о «материальных условиях вступления в брак», КЗоБСО предусматривает лишь «условия регистрации брака». Соответственно этому он и не содержит, в отличие от КЗАГС, раздела о признании брака недействительным, ограничиваясь лишь общим указанием на возможность оспаривания в судебном порядке всякой записи, занесенной в книгу записей актов гражданского состояния (ст. 116), вкупе с уголовной ответственностью за сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, а равно за сообщение ложных по этому вопросу сведений (ст. 88 УК).

На самом деле, если отсутствие другого брака, достижение брачного возраста и т. д. являются предпо-

сылками для регистрации брака, то нарушение этих условий, выявившееся после регистрации брака, может служить основанием только для аннулирования регистрации, но не больше. Препятствовать продолжению брачных отношений, как отношений фактических, представлялось невозможным, а эти отношения, продолжаясь, должны были влечь за собой все те последствия, которые признавал за ними закон. Аннулирование записи влекло за собой прекращение зарегистрированного брака, но не аннулирование брачных отношений, как таковых.

Перечисляя условия регистрации брака, КЗоБСО РСФСР придерживается в общем тех же условий, которые уже были восприняты в КЗАГС (достижение брачного возраста, согласие брачующихся, отсутствие другого брака, отсутствие душевной болезни, отсутствие родства в ближайших степенях).

КЗоБСО БССР (ст. 8) и Грузинской ССР (ст. 6) упоминают наряду с этим о запрете заключения браков между усыновителями (усыновительницами) и усыновленными, а также между опекунами и опекаемыми, впредь до прекращения отношений усыновления или опеки.

Руководствуясь желаниями женщин, высказывавшимися ими при обсуждении проекта кодекса, КЗоБСО РСФСР определяет брачный возраст для лиц обоего пола в 18 лет (ст. 5), тем самым повышая его для женщин по сравнению с КЗАГС. При обсуждении проекта указывалось на недостаточное физическое развитие женщины ранее достижения 18 лет. Однако скоро постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1928 г.¹ было разрешено президиумам местных советов в исключительных случаях по отдельным ходатайствам понижать брачный возраст для женщин, но не более чем на один год.

Перечисляя документы, которые должны быть приложены к заявлению о желании вступить в брак, КЗоБСО внес требование представления подписки не только об отсутствии препятствий ко вступлению в брак, но и о взаимном уведомлении о состоянии здоровья, в частности, в отношении венерических и туберкулезных

---

¹ СУ 1928 г. № 47, ст. 355.

болезней¹. Кроме того, брачущиеся должны указать, в который по счету брак, зарегистрированный или незарегистрированный, вступает каждый из супругов и сколько он имеет детей².

КЗоБСО Азербайджанской ССР разрешает вступающим в брак требовать друг от друга представления медицинского свидетельства об отсутствии венерических болезней, проказы и туберкулеза.

Трудно, понятно, сказать, насколько принятая в КЗоБСО РСФСР (и в КЗоБСО других союзных республик) мера оказалась эффективной, но надо полагать, что угроза наказания по ст. 150 УК (заражение венерической болезнью или поставление в опасность заражения) более действенна, нежели отобрание подписки, по существу ни к чему не обязывающей.

Наряду с правом каждого из супругов сохранять свою добрачную фамилию (правом, установленным в порядке изменения КЗАГС еще по постановлению ВЦИК и СНК от 16 сентября 1924 г.³) КЗоБСО еще энергичнее подчеркивает полную самостоятельность супругов.

Учитывая фактически сложившиеся к тому времени условия семейной жизни, КЗоБСО особо оговаривает, что супруги пользуются полной свободой выбора профессии и занятий (ст. 9). Этот вопрос имеет принципиальное значение с точки зрения утверждения равноправия и самостоятельности женщин (в ряде буржуазных стран женщина с выходом замуж лишается права определять свои занятия и свою профессию помимо мужа).

В связи с тем, что женщина приобретала у нас все большую самостоятельность, что вовлечение женщины в работу вне дома все чаще заставляло ставить вопрос об укладе домашней жизни, оказалось необходимым обратить внимание и на эту сторону семейной жизни. Жен-

---

¹ Еще до издания Кодекса на ЗАГС была возложена обязанность отбирать от брачущихся подписку о взаимном осведомлении о состоянии здоровья (циркуляр НКВД и НКЗ № 328/00301—13 июня 1925 г.).

² Соккрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, а равно сообщение ложных сведений органам ЗАГС влекут за собой, как уже указывалось, уголовную ответственность по ст. 88 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

³ СУ 1924 г. № 79, ст. 791.

щина, раскрепощенная от тягот кухонного очага, могла ставить вопрос о такой организации домашнего хозяйства, которая освобождала бы ее от забот о питании семьи, уходе за детьми и пр. Она имела возможность претендовать на это, имея в виду, что сеть учреждений общественного питания неуклонно возрастала, что количество детских учреждений неуклонно увеличивалось. Общее хозяйство могло быть налажено по-разному, а потому КЗоБСО должен был подчеркнуть, как он это сделал в ст. 9, что порядок ведения этого общего хозяйства определяется по взаимному соглашению супругов.

Далее КЗоБСО буквально воспроизводит статью КЗАГС о том, что перемена местожительства одним супругом не создает обязанности для другого супруга следовать за ним (ст. 9).

Наряду с этим он определяет по-новому права супругов на имущество. Признавая, что имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, остается раздельным их имуществом, КЗоБСО, в отличие от КЗАГС, отказывается от принципа раздельности имущества, нажитого супругами во время брака, и объявляет это имущество общим имуществом супругов (ст. 10) с определением через суд, в случае спора, размера принадлежащей каждому супругу доли.

Это правило изложено несколько иначе в КЗоБСО УССР (ст. 125), Грузинской ССР (ст. 17), и БССР (ст. 21), которые предусматривают получение каждым из супругов равной доли.

Чем объясняется введение такого порядка, который на первый взгляд как будто противоречит началу полной самостоятельности супругов? На самом деле это меньше всего может быть истолковано, как отказ от имущественной независимости супругов, поскольку КЗоБСО повторяет снова (ст. 13), что соглашения между супругами, направленные на умаление их имущественных прав, недействительны и необязательны и что супругам предоставляется право в любой момент отказаться от их исполнения.

Муж и жена имеют совершенно одинаковые права на совместно нажитое имущество. В советском обществе не может быть и речи о каких-либо преимуществах мужа в области управления, пользования или распоряжения этим имуществом. Введение общности имущества, нажитого

во время брака, не может рассматриваться как стеснение прав супругов — в частности, жены, — на управление и распоряжение своими заработками и доходами, ибо, в отличие от общепринятого в буржуазном обществе порядка, где общее имущество, как правило, находится в бесконтрольном распоряжении мужа с полным отстранением жены от какого-либо участия в управлении этим имуществом, советское право исходит из того, что общее имущество супругов находится в их совместном пользовании, управлении и распоряжении. Новый порядок, принятый в КЗобСО, объясняется исключительно стремлением оградить интересы женщины. Практика показала, что проведение принципа раздельности имущества, нажитого во время брака, приводило к резкому ущемлению прав женщины. Работая в домашнем хозяйстве, женщина ничего не зарабатывала. И если приходилось в дальнейшем делить имущество, ей ничего не доставалось. Суды, как уже указывалось, устраняли наиболее вопиющие последствия такого порядка: исходя из того, что труд в домашнем хозяйстве — такой же производительный труд, как и труд мужчины, являющийся источником добывания средств, суды выносили решения о разделе между мужем и женой того имущества, которое формально было нажито только мужем, однако фактически оно было им нажито лишь благодаря тому, что его жена в то же время вела домашнее хозяйство. Такая практика, твердо установившаяся ко времени составления КЗобСО, естественно, была воспринята в законе и нашла отражение в ст. 10.

Такой же порядок был установлен и в кодексах других союзных республик, но при этом КЗобСО Азербайджанской ССР (ст. 24, прим.), БССР (ст. 21, прим.), Грузинской ССР (ст. 17, прим.) и УССР (ст. 125, прим.) содержат прямое указание на то, что труд женщины по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей приравнивается к труду по добыванию средств на жизнь.

Совершенно ясно, что признание имущества, нажитого во время брака, совместным имуществом супругов, в полной мере соответствует общности хозяйства супругов, общности их имущественных интересов во время брака.

Практика считает при этом общим имуществом супругов то имущество, которое было нажито совместным трудом, но не досталось одному из супругов иным по-

рядком — например, в виде награды за личные заслуги в виде премии, по наследству и т. п.¹ КЗоБСО УССР (ст. 125), БССР (ст. 21) и Грузинской ССР (ст. 17) прямо исключают возможность поступления подобного рода имущества в общую собственность супругов, поскольку они говорят об имуществе, нажитом во время брака совместным трудом.

КЗоБСО внес решительные изменения в порядок алиментирования супругов. Устранив всякое участие отдела социального обеспечения в деле назначения содержания супругам, КЗоБСО РСФСР предоставил разрешение всех спорных вопросов суду. В то же время он ограничил право на получение алиментов: для нуждающегося нетрудоспособного супруга одним годом, а для нуждающегося безработного супруга шестью месяцами с момента прекращения брака. Это срок — гораздо более краткий, чем в ряде других союзных республик. Так, по КЗоБСО Грузинской ССР (ст. 23), Узбекской ССР (ст. 12) и Таджикской ССР (ст. 12) предельный срок выплаты алиментов определен в три года. По КЗоБСО УССР (ст. 129) обязанность выплаты алиментов никаким сроком не ограничена. Принятие столь краткого срока в КЗоБСО РСФСР объясняется желанием устранить возможность паразитирования одного супруга за счет другого. Законодатель исходит из того, что алименты ни в коем случае не являются благотворительностью, что они ни в какой мере не должны содействовать тунеядству, праздному проживанию разведенного за счет труда и средств бывшего супруга². Высказывалась мысль, что нельзя возлагать на разведенного супруга пожизненную обязанность содержать лицо, ставшее ему чужим. Признавалось правильным взыскивать алименты только в течение краткого срока, необходимого для исхлопотания пенсии либо пособия по безработице.

Самое право на получение алиментов после прекращения брака определяется по-разному в различных союзных республиках. Так, по КЗоБСО РСФСР супругу предоставляется право на алименты независимо от того, ког-

¹ См. определение Верховного суда РСФСР, опубликованное в «Советской юстиции» за 1939 г., № 17/18.

² Ср. инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР от 11 июня 1929 г. («Судебная практика», 1929, № 14).

да возникла нетрудоспособность. Наоборот, по КЗоБСО Узбекской ССР (прим. к ст. 12), Таджикской ССР (прим. к ст. 12) и Туркменской ССР (прим. к ст. 16) требуется, чтобы нетрудоспособность возникла до прекращения брака; по КЗоБСО Грузинской ССР (ст. 23) — чтобы она возникла до брака, во время брака или в связи с браком; по КЗоБСО УССР (ст. 129) и Азербайджанской ССР (ст. 30) — до брака, во время брака или не позднее одного года после прекращения брака.

В области развода КЗоБСО не вносил ничего принципиально нового по сравнению с ранее действовавшим порядком, сохраняя прежнюю позицию ничем не ограниченной свободы развода. Но он подчеркивал трактовку развода, как формальную регистрацию прекращения брака. В отличие от КЗАГС, он определял развод не как способ прекращения брака при жизни супругов (ст. 86 КЗАГС), а как факультативную регистрацию в органах ЗАГС прекращения брака, как зарегистрированного, так и незарегистрированного (ст. 19 КЗоБСО). Вместе с тем, КЗоБСО отказывался от судебного порядка развода, принятого в КЗАГС и являвшегося обязательным в случае подачи заявления только одним из супругов.

Таким образом, заявление о разводе уже не подлежало никакой проверке, и подача заявления в ЗАГС автоматически должна была приводить к учинению соответствующей записи. Не требовалось даже представления документа о регистрации прекращаемого брака — этот документ мог быть заменен подпиской заявителя. Не требовалось и вызова другого супруга. Ему просто сообщалась копия записи об уже состоявшемся прекращении брака притом по адресу, указанному заявителем¹. Совершенно очевидно, что заявитель имел полную возможность ссылаться на незнание адреса либо указывать адрес неточный, так как угроза уголовной ответственности по ст. 88 УК была явно нереальна. И в том и в другом случае супруг мог даже не быть извещен о перемене в его семейном положении.

КЗоБСО допускал удостоверение факта прекращения брака и по суду в случае отсутствия регистрации прекращения брака (ст. 20). Но обращение в суд предполага-

¹ При неизвестности местожительства или места работы супруга и несообщении о них заявителем не посылалось такого извещения.

лось только тогда, когда обращение в ЗАГС не могло достигнуть той цели, которую ставил перед собой заявитель — например, в случае смерти одного из супругов ранее регистрации прекращения брака, когда необходимо было установить точную дату прекращения брачных отношений, в случае вступления во второй брак после прекращения первого брака, но без оформления развода посредством регистрации и т. д. На практике обращение в суд на предмет установления факта уже состоявшегося прекращения брака могло являться только редчайшим исключением, ибо незачем было прибегать к более сложной и длительной судебной процедуре, когда можно было без забот и без хлопот «забросить» по дороге заявление о регистрации уже состоявшегося прекращения брака.

Регулируя взаимные права и обязанности родителей и детей, КЗоБСО также, как и КЗАГС, определял, что эти права и обязанности основываются на кровном происхождении, подчеркивая, что дети, родители которых не состоят в браке, пользуются одинаковыми правами с детьми, родившимися от лиц, состоящих в браке (ст. 25). Правда, в отличие от КЗАГС, КЗоБСО говорит только о взаимоотношениях родителей и детей, не упоминая о прочих родственниках. Однако надо полагать, что и он имел в виду уравнивание в правах всех детей в их отношениях не только с родителями, но и с прочими родственниками.

КЗоБСО предусматривал порядок записи отца и матери в книгу записей рождений (ст. 26), допускал право доказывать и отрицать отцовство и материнство в судебном порядке при отсутствии записи о родителях, неправильности или неполноте ее (ст. 27) и сохранял систему заявления об отцовстве (ст. 28).

Так же, как и КЗАГС, КЗоБСО предоставлял матери возможность подавать заявление об отце ребенка, однако не только в период беременности, но и после рождения ребенка. Отцу предоставлялся срок для направления возражений, причем срок этот определялся уже не в две недели, а в месяц (ст. 29). По КЗАГС это был срок для возбуждения судебного спора о неправильности поданного матерью заявления, по КЗоБСО — срок для направления возражений. Срок же для возбуждения судебного спора против матери ребенка о неправильности ее заявления был определен в один год. В случае непосту-

пления возражений в течение месячного срока указанное в заявлении лицо записывалось отцом ребенка. О поступившем возражении органы ЗАГС были обязаны уведомить мать ребенка, разъяснив ей ее право на возбуждение судебного спора о признании отца ребенка¹. Мать со своей стороны имела право обращаться в суд непосредственно без предварительной подачи упомянутого только что заявления в ЗАГС (ст. 30). И тогда решение суда являлось основанием для учинения соответствующей записи, а также для возложения на отца обязанности участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов (ст. 31).

Такой порядок оказался неудобным с точки зрения интересов детей, так как при возражении ответчика вопрос об отцовстве оставался неразрешенным чрезмерно долго. Поэтому он был заменен иными правилами², которые предписывали ЗАГСам учинять запись об отцовстве независимо от возражений указанного в заявлении лица, оставляя открытой возможность последующего исправления записи в случае вынесения судом положительного решения по спору, возбуждаемому предполагаемым отцом.

КЗоБСО отверг возможность взыскания алиментов с нескольких лиц одновременно. Даже тогда, когда судом устанавливался факт сожителства матери в период зачатия не с одним, а с несколькими лицами, суд мог признать только одно из этих лиц отцом ребенка и возложить только на него все расходы, связанные с беременностью, родами, рождением, и содержанием ребенка (ст. 32).

КЗоБСО УССР стоял в этом вопросе на другой точке зрения. Он считал возможным, чтобы суд признавал то или иное лицо отцом ребенка, но в то же время возлагал солидарную ответственность по алиментам на других лиц, близких с матерью в период зачатия (отменено 2 декабря 1937 г.)

¹ Циркуляр НКВД № 77 от 24 февраля 1927 г. («Бюллетень НКВД», 1927, № 6).

² См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1933 г. (СУ 1933 г. № 42, ст. 159).

КЗоБСО продолжает до сих пор твердо и последовательно проводить начало равенства отца и матери в их отношениях с детьми и допускает разрешение всех вопросов, связанных с воспитанием и содержанием детей, исключительно по согласию обоих родителей¹. Однако в случае разногласия КЗоБСО, в отличие от прежнего порядка, предоставляет разрешение всех спорных вопросов не суду, а органам опеки, оставляя за судом только один вопрос — о проживании детей при том или другом из родителей в случае раздельного проживания последних (ст. ст. 38—40).

Подтверждая право родителей на истребование детей от любых лиц, незаконно их удерживающих, КЗоБСО нашел нужным особо подчеркнуть, что суд не связан формальными правами родителей и разрешает дело каждый раз исключительно исходя из интересов детей (ст. 44). Столь категорическое утверждение представляет собой проявление господствовавшей в то время точки зрения, будто у родителей имеются по отношению к детям только обязанности, будто с чувствами родителей считаться незачем, будто все вопросы, относящиеся ко взаимоотношениям детей и родителей, должны разрешаться, игнорируя взгляды и желания родителей.

На родителей возлагается обязанность содержать своих несовершеннолетних детей (ст. 42). Соответствующее указание изложено несколько иначе в КЗоБСО УССР, который устанавливает обязанность содержать несовершеннолетних детей только в том случае, если они являются нуждающимися (ст. 30).

Родители обязаны также содержать взрослых нуждающихся нетрудоспособных детей (ст. 42). В отличие от КЗоБСО РСФСР кодексы УССР (ст. 30, прим.) и Азербайджанской ССР (ст. 49, прим.) предоставляют суду право в исключительных случаях, в зависимости от особых отношений родителей и детей, освобождать родителей от уплаты алиментов взрослым нетрудоспособным детям. КЗоБСО БССР (ст. 63) и Грузинской ССР (ст. 47) ставят соответствующую обязан-

---

¹ КЗоБСО разрешает несколько иначе вопрос об определении религии детей, нежели прежде. Он подчеркивает лишь, что соглашение родителей о религии никакого значения не имеет, и больше ничего по этому поводу не говорит.

ность родителей в зависимость от их материального положения.

Далее, родительские обязанности заключаются в том, что родители обязаны заботиться о детях, об их воспитании и подготовке к общественно-полезной деятельности (ст. 41). Заведомое оставление в опасном состоянии ребенка, лишенного возможности принять меры самосохранения по малолетству, влечет за собой уголовную ответственность (ст. 156 УК)¹. Равным образом родители обязаны обучать своих детей. За отказ посылать детей в школу в тех случаях, когда этим нарушается закон о всеобщем обязательном обучении, они подлежат административной ответственности².

Вопросу об обязанностях детей по отношению к родителям посвящена только одна статья (ст. 49), в которой предусматривается обязанность детей доставлять содержание своим нуждающимся нетрудоспособным родителям. Обязанность эта формулирована как абсолютная и безоговорочная, — безотносительно к тому, каковы отношения между родителями и детьми, как выполняли свои родительские обязанности сами родители и т. д. Оно и понятно — общественные воззрения социалистического общества требуют при всех условиях уважения к родителям и проявления заботы об их старости. Тем не менее КЗоБСО УССР (ст. 32, прим.) разрешает суду в исключительных случаях освобождать детей от обязанности содержать родителей в зависимости от особых отношений между родителями и детьми. Это правило, так же как и изложенное выше правило о возможности в исключительных случаях освобождать родителей от обязанности содержать своих взрослых нетрудоспособных детей, объясняется, главным образом, тем, что на Украине, в связи с длительной и прошедшей много фазисов гражданской войной, родители и дети оказывались нередко во враждебных друг другу лагерях, ввиду чего они и

---

¹ По этой статье карается, в частности, подкидывание детей. (Разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 16 мая 1927 г. — УК изд. 1938 г., стр. 193; циркуляр Наркомюста и Наркомздрава РСФСР № 39/5 от 10 февраля 1927 г. — «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 7 и постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 28 мая 1933 г. № 29 — УК изд. 1947 г., стр. 172).

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 г. (СУ 1930 г. № 39, ст. 479).

после укрепления советской власти продолжали видеть друг в друге своих прежних противников и классовых врагов. При наличии таких действительно исключительных условий возможность освобождения от уплаты алиментов является на самом деле вполне справедливой и правильной.

Далее КЗоБСО предусматривает право дедов и внуков, братьев и сестер на взаимное алиментирование (ст. 55). В отличие от этого, КЗоБСО УССР не предусматривает совершенно взаимной обязанности дедов и внуков, братьев и сестер по доставлению алиментов, а КЗоБСО Грузинской ССР обязывает дедов и бабок содержать своих внуков только в том случае, если последние не могут получать содержание от родителей, либо братьев и сестер (ст. 61)¹.

Наконец, КЗоБСО подробно регламентирует усыновление. Усыновление, запрещенное КЗАГС на будущее время, было введено вновь еще до принятия КЗоБСО постановлением ВЦИК и СНК от 1 марта 1926 г.². Потребность в допущении вновь усыновления была настолько настоятельна что еще до издания указанного постановления Верховный суд РСФСР должен был принять постановление (от 1 февраля 1926 г., прот. № 2³), коим разрешалось применять закон об усыновлении (сохранивший, как известно, силу для всех актов усыновления, которые были совершены до принятия КЗАГС) к тем случаям, когда отношения между лицами, принявшими ребенка на воспитание, и приемышем фактически подходили под материальные признаки закона об усыновлении. В дальнейшем снова пришлось вернуться к этому вопросу и, несмотря на существование закона об усыновлении, принять специальное постановление о порядке признания факта усыновления после смерти усыновителя — военнослужащего⁴.

¹ Небезынтересно отметить, что комиссия Совнаркома, обсуждавшая в 1925 г. проект КЗоБСО, единогласно отвергла ответственность родственников по алиментам, исходя из того, что в условиях нового быта якобы сложилось узкое понятие семьи (только родители и нисходящие).

² СУ 1926 г., № 13, ст. 101.

³ Сборник постановлений Верховного суда РСФСР, 1935, стр. 136.

⁴ Постановление 35-го пленума Верховного суда СССР от 27 октября 1931 г.

Усыновление по КЗоБСО строится целиком как мероприятие, направленное на обеспечение интересов усыновляемых.

Дети нуждаются в воспитании не только в коллективе, но и в домашней среде, в обычных семейных условиях. Даже тогда, когда закон (КЗАГС) запрещал усыновление, оно непрерывно наблюдалось не только в крестьянской среде в форме приемчества, но и в городе, где постоянно встречались случаи воспитания чужих детей наравне со своими собственными или вместо родных детей, если их не было. С решительным вытеснением капиталистических элементов как в городе, так и в деревне, отпала опасность использования усыновления в качестве ширмы для удобнейшей эксплуатации детей; тем самым отпало единственно возможное возражение против допущения усыновления, в котором ощущалась явная потребность и которое является целесообразным в интересах детей — в первую очередь сирот.

Допуская усыновление только в отношении малолетних и несовершеннолетних (ст. 57), КЗоБСО ставит усыновление под контроль органов опеки (ст. 59). Усыновление не должно идти в разрез с правами родителей, опекунов и попечителей, и потому оно может иметь место только с их согласия (ст. 61). Оно не должно совершаться против воли усыновляемых, если последние способны сознательно относиться к вопросу о принятии их в чужую семью. Поэтому требуется и их согласие после достижения ими 10-летнего возраста (ст. 63). Целесообразно считаться с их желаниями при разрешении вопроса об усыновлении и ранее достижения ими 10 лет.

Усыновление должно действительно заменять детям родную семью, а усыновителям — обеспечить по отношению к усыновляемому то положение, которое закон признает за родителями.

Поэтому, в целях устранения с самого начала возможных трений и враждебной для усыновляемого обстановки, требуется согласие другого супруга при усыновлении лицом, состоящим в браке (ст. 62). Это последнее указание было внесено при обсуждении проекта КЗоБСО в комиссии СНК.

Допускается при согласии усыновляемого присвоение ему фамилии усыновителя, а также отчества последнего (ст. 60). Особо декларируется, что усыновленные и их по-

томство по отношению к усыновителям и усыновители по отношению к усыновляемым и их потомству приравниваются полностью к родственникам по происхождению (ст. 64).

Усыновление, допускаемое в интересах детей, в их же интересах может быть отменено — органом опеки по просьбе родителей, если усыновление было произведено без их согласия (ст. 65), и судом, по просьбе любого лица или учреждения (ст. 66).

Особый раздел КЗоБСО посвящен вопросам опеки и попечительства. Все относящиеся к этому разделу постановления, повторяя в основном положения, уже ранее принятые КЗАГС, категорически подчеркивают публичный характер опеки. Соответственно этому, все виды опеки и попечительства (как над несовершеннолетними, так и над душевнобольными и над имуществом безвестно отсутствующих) переданы в ведение президиумов исполкомов местных советов (ст. 72), с возложением президиумами функций по опеке и попечительству на соответствующие отделы исполкомов, в частности в отношении несовершеннолетних — на отделы народного образования (прим. к ст. 72), действующие под надзором и руководством исполкомов (ст. 73). И только для непосредственного осуществления опеки и попечительства КЗоБСО предписывает назначать опекунов или попечителей из числа лиц, близких подопечному, или из числа лиц, выделяемых общественной организацией, или из иных лиц (ст. 74).

При обсуждении проекта КЗоБСО РСФСР не предполагалось лишить опеку и попечительство их публично-правового характера. Возбуждал спор только вопрос о том органе, на который надлежало возложить соответствующие функции. По проекту КЗоБСО, разработанному Наркомвнуделом и отвергнутому уже при рассмотрении в комиссии Совнаркома, в качестве органа опеки выдвигалась милиция, по первоначальному проекту Наркомюста — комиссия по делам о несовершеннолетних, а затем общие отделы исполкомов, по проекту, выдвигавшемуся Наркомпросом, — органы народного образования; наконец, сама комиссия при Совнаркоме защищала мысль о создании особого органа при исполкомах. Как мы видим, в конечном счете органами опеки и попечительства были признаны президиумы исполкомов, осу-

ществляющие связанные с этим функции через соответствующие отделы.

Сохраняя принятые уже в КЗАГС термины «опека» и «попечительство», КЗоБСО разграничивает соответствующие понятия по-новому. Разницу между опекой и попечительством он видит в том, что опека учреждается над несовершеннолетними до 14 лет, соответственно чему опекуны от имени и в интересах подопечных осуществляют права и выполняют обязанности последних (ст. 69), тогда как попечительство учреждается над несовершеннолетними от 14 до 18 лет и заключается в оказании попечителями содействия несовершеннолетним при осуществлении им их прав или выполнении ими их обязанностей, а равно и в охране их от злоупотреблений со стороны третьих лиц (ст. 70). Таким образом, КЗоБСО различает возраст полной недееспособности и возраст ограниченной дееспособности, устанавливая возраст полной дееспособности, начиная с 18 лет, тогда как КЗАГС признавал женщин дееспособными начиная с 16 лет, т. е. начиная с того возраста, когда они считались достигшими также и брачного совершеннолетия. Вместе с тем КЗАГС допускал признание совершеннолетия и ранее достижения установленного в законе возраста по специальным постановлениям отделов социального обеспечения (прим. к ст. 191 КЗАГС), чего в КЗоБСО уже не имеется. При этом по КЗАГС все несовершеннолетние подлежали опеке, попечительство же могло устанавливаться только для ведения отдельных дел и для управления имуществом, а также над совершеннолетними при дряхлости и других недугах по их о том просьбе.

Не внося никаких принципиальных изменений в порядок назначения опекунов и попечителей и в условия выполнения ими своих обязанностей, КЗоБСО все же отличается от КЗАГС более тщательным определением прав и обязанностей опекунов и попечителей, в особенности в отношении имущества подопечного. В частности, КЗоБСО впервые подробно перечисляет те сделки, которые опекуны вправе совершать только с согласия органов опеки, равно как и те сделки, совершение которых от имени подопечного вообще не разрешается (ст. 88). Эти перечни в дальнейшем устарели: в них упоминается, например, о выдаче векселей, прекращении деятельности

предприятия, договорах товарищества¹. Они показывают, что закон был озабочен тем, чтобы не допускать совершения опекунами таких сделок, которые могли бы иметь решающее значение для имущественного положения подопечного, без предварительного на то согласия органов опеки.

Чисто инструктивное, а не материально-правовое значение имеет последний раздел КЗоБСО, посвященный записи актов гражданского состояния. К вопросам семейно-брачного права соответствующий раздел, как уже указывалось, имеет лишь косвенное отношение; он не столько регулирует те или иные правовые институты, сколько определяет порядок ведения записи тех актов, в которых эти институты находят свое отражение. Во всяком случае КЗоБСО поступил правильно, поместив его на последнее место, тогда как по КЗАГС он представлял собой первый, как бы ведущий раздел.

2

Кодекс 1926 г. в определении природы советского брака и советской семьи построен целиком на основаниях, общих с кодексом 1918 г., на принципах, проведенных еще в декабрьских декретах 1917 года. М. И. Калинин на 3-й сессии ВЦИК XII созыва подчеркнул: «Новый закон не является всецело новым, отрицающим наше старое законодательство; он только делает незначительный шаг вперед»².

Тем не менее, в связи с изменившейся обстановкой и новыми задачами, в условиях борьбы за социалистическую индустриализацию страны, а в дальнейшем и в условиях борьбы за коллективизацию сельского хозяйства, КЗоБСО внес, как мы видим, большие изменения в ранее принятый порядок. Ближайшие годы должны были быть посвящены тому, чтобы этот новый порядок действительно осуществлялся на практике, чтобы суды обеспечивали принудительное его исполнение там, где наблюдались попытки его нарушения.

Изучение судебной практики, относящейся к периоду, непосредственно примыкающему к 1927 г., показы-

¹ Они изменены по инструкции об опеке, утвержденной постановлением СНК РСФСР 8 апреля 1943 г. (СП 1943 г., № 3, ст. 24).

² «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 47, стр. 1321.

вает, что наибольшие трудности представляли собой дела об установлении отцовства. В большом количестве случаев судам приходилось помогать матерям в деле отыскания отцов своих детей, принуждения последних к уплате алиментов и участию в содержании детей. Не только классово-чуждые элементы всячески уклонялись от выполнения советских законов, но и недостаточно сознательные граждане из числа трудящихся проявляли иногда большую изобретательность, отрицая свое отцовство, когда оно в действительности имело место, или избегая уплаты присужденных с них алиментов. В результате дел об отцовстве и о взыскании алиментов было очень много.

Обращает на себя внимание, что матери редко обращались с заявлениями об отцовстве в ЗАГС, предпочитая ставить этот вопрос на суде, при взыскании алиментов, ибо для них установление отцовства приобретало значение только как необходимая предпосылка для получения алиментов. И действительно, установление отцовства каких-либо иных результатов, — в частности, в смысле привлечения отца к воспитанию ребенка и заботе о нем, — как правило, не достигало.

В инструктивном письме по алиментным делам от 11 июня 1929 г.¹ Верховного суда РСФСР высказывалась мысль, будто значение семьи (стало быть, и отцовства. — *Н. Р.*) сводится главным образом к функции социального обеспечения членов семьи (стало быть, и детей. — *Н. Р.*), причем эта функция сохраняется только временно, пока еще не вытеснена роль индивидуальной помощи в пределах отдельной семьи. Такая точка зрения, усматривавшая в алиментах вид социального обеспечения, перенесенного в плоскость семейных отношений, развивалась последовательно практикой и приводила к тому, что Верховный суд, с одной стороны, не придавал должного значения личным отношениям между отцом и ребенком, а с другой — полагал необходимым взыскивать алименты во что бы то ни стало, исходя из того, что более опасно оставить ребенка без содержания, чем даже ошибочно присудить обеспечение не с надлежащего лица².

¹ «Судебная практика», 1929, № 14.

² «Революция права», 1929, № 2, стр. 140 сл.

Такая точка зрения в тот период находила не только объяснение, но и оправдание в том, что надо было обеспечить детям содержание, которое не могла доставлять им мать и которое не могло давать им в то время государство, в том, что надо было перебороть сопротивление отцов, уклонявшихся от помощи в деле содержания детей.

Не случайным при приведенных выше исходных позициях было то, что Верховный суд обязывал суды проявлять в поисках отца собственную инициативу. Судам запрещалось прекращать дела примирением сторон, если это могло повлечь за собой умаление прав слабой стороны¹.

Судам вменялось в обязанность заканчивать дела об отцовстве не иначе, как посредством установления отца и взыскания с него алиментов. Это заставляло суды исходить из презумпции истинности заявления матери, презумпции, которая в то время фактически могла быть опровергнута ответчиком только посредством активных розысков действительного отца. Нельзя не согласиться с тем, что в то время, в тех условиях, подобная практика имела до известной степени положительное значение, так как она содействовала достижению цели, которая по тому времени продолжала оставаться основной, — цели обеспечения матери средствами, необходимыми для содержания ребенка.

Чрезвычайная затруднительность для суда разрешать вопрос об отцовстве приводила к допущению таких доказательств, как «наружное сходство», к определению отцовства «по внешнему обозрению»². Несомненная потребность опираться в этом вопросе на объективные данные заставляла пользоваться такими способами доказывания, как экспертиза сходства и экспертиза крови. Если первоначально эти доказательства категорически отвергались и даже запрещались ввиду недостаточной

---

¹ Циркуляр Верховного суда РСФСР от 7 декабря 1923 г. № 70 (Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, 1935 г., стр. 151), «Судебная практика», 1927, №№ 9 и 11; 1928, № 22; инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР от 11 июня 1929 г. («Судебная практика», 1929, № 14).

² Ср. определение Верховного суда РСФСР по д. 35435 («Судебная практика» 1927, № 3, стр. 15).

их научной обоснованности¹, то в дальнейшем они признаются допустимыми в качестве одного из доказательств по делу². На практике же, за неимением лучшего, они часто играли роль важнейшего, а иногда даже определяющего доказательства, несмотря на то, что они продолжали оставаться весьма шаткими, имея более или менее реальное значение только как доказательство, о про-вергающее возможность отцовства, но не как доказательство, удостоверяющее происхождение ребенка.

Если полагать, что действительно установление отцовства нужно только для того, чтобы взыскивать алименты, если считать, что надо взыскивать алименты потому, что иначе ребенок, не получая содержания от государства, обречен на полную необеспеченность, тогда, действительно, приведенные определения Верховного суда должны быть признаны последовательными. Но изложенные предпосылки, обоснованные для условий того периода, когда был издан КЗоБСО, а также для первых лет его применения, не могут быть признаны достаточными для последующего времени. Отец нужен ребенку не только для получения ежемесячно определенной суммы денег. Самое доставление алиментов должно представлять собой одно из проявлений личных отношений между отцом и ребенком. Обязанность содержания ребенка возлагается на отца не потому, что государство не может или не хочет содержать ребенка, а потому, что в этом общественная обязанность гражданина, как отца, что вместе с тем отец, что родители, в силу своей привязанности к ребенку, обязаны и хотят окружить ребенка заботой, удовлетворять всесторонние его потребности, в частности, давая ему содержание, обеспечивая его всем необходимым. Поэтому при постепенном увеличении возможности обеспечивать содержание ребенка без

---

¹ Циркуляр НКЮ и НКЗ № 120—24 июня 1925 г. («Еженедельник советской юстиции», 1925, № 25); циркуляр НКЮ РСФСР № 34 от 20 февраля 1926 г. («Еженедельник советской юстиции», 1926, № 9).

² Инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР от 11 июня 1929 г. («Судебная практика», 1929, № 14); подтверждено постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 28 февраля 1930 г. Ср. также циркуляр НКЮ № 81 28 апреля 1926 г., относящийся к несколько более раннему периоду («Еженедельник советской юстиции», 1926, № 19, стр. 607).

помощи предполагаемого отца практика судов должна была неуклонно меняться и суды должны были все больше и больше обращать внимание на тщательную проверку заявления матери о предполагаемом отцовстве ответчика, стремясь всячески не допускать ошибок в этом вопросе.

Приведенные данные, почерпнутые из практики Верховного суда в течение времени, непосредственно следовавшего за изданием КЗоБСО, когда вопрос об установлении отцовства привлекал к себе наибольшее внимание, свидетельствуют весьма красноречиво о том, насколько правилен порядок, принятый в настоящее время, когда можно обходиться без помощи «отца». Установление отцовства могло быть основано только на предположениях, более или менее случайных; оно иногда было связано с оскорбительными для женщины расследованиями ее интимной жизни, создавало почву для шантажа и злоупотреблений, возможно, приводило к разрушению той семьи, в которой ответчик действительно являлся отцом и мужем, и, главное, в ряде случаев не достигало желательных результатов. Отца ребенку это не давало, семьи это не создавало, а лишь открывало многолетнюю эпопею всяческих ухищрений и увиливаний от уплаты присужденных судом алиментов.

В последовавший за изданием КЗоБСО период, несмотря на изложенное, все же было вполне правильно и необходимо не только допускать установление отцовства, но и со всей энергией помогать женщине в защите ее прав и прав ее ребенка на получение содержания от отца, хотя бы и более или менее случайного, ибо иначе ребенок в ряде случаев оставался бы без средств. В современных же условиях, как только представилось возможным разрешить вопрос о поддержке и воспитании ребенка, рожденного вне зарегистрированного брака, по-иному, это сделал Указ от 8 июля 1944 г., принявший на счет государства заботу о детях одинокой матери, установивший всемерную помощь последней и соответственно этому отказавшийся от взыскания алиментов с лиц, которые не могут или не хотят вступить в оформленные установленным порядком брачные отношения с матерью ребенка.

В период принятия КЗоБСО, так же как и при действии КЗАГС, необходимо было всячески подчеркивать

значение обязанностей родителей по отношению к детям, значение охраны прав и интересов детей. Это должно было приводить к тому, что права и интересы родителей в их отношениях с детьми отодвигались на задний план. Поэтому из этих отношений в первую очередь выключали все то, что присуще только родителям, что стоит в неразрывной связи с чувствами родителей к своим детям. На родителей смотрели исключительно как на воспитателей, как на опекунов детей, которые в силу закона призывались к исполнению этих обязанностей впредь до того момента, пока их не находили нужным заменить другими лицами. Это сказывалось в неоднократных указаниях Верховного суда на то, что вопрос о судьбе детей должен решаться исключительно в интересах последних, не считаясь с чувствами родителей¹, что на родителей распространяются все те ограничения в праве распоряжения имуществом детей, которые установлены для опекунов, — поскольку родители считаются теми же опекунами, но только без особого утверждения².

При рассмотрении дел о взыскании алиментов с детей в пользу родителей Верховный суд неуклонно находил правильным обеспечивать старость родителей за счет помощи, которую всегда обязаны оказывать им дети. Иногда суды обосновывали такую точку зрения, бесспорно справедливую, неправильной ссылкой на то, что в делах подобного рода нельзя применять гражданский принцип эквивалента, а надлежит расценивать помощь родителям как суррогат социального обеспечения, поскольку государство не может брать на себя функцию содержания всех нуждающихся граждан³. Подобного рода рассуждения вытекают из отмеченной выше тенденции исключать всякий личный элемент из отношений между родителями и детьми.

---

¹ См., например, постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 17 декабря 1928 г. («Судебная практика», 1928, № 24); определение Верховного суда РСФСР («Судебная практика», 1927, № 19; 1928, № 6, и др.);

² Ср. постановление пленума Верховного суда РСФСР от 20 июня 1927 г. («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 33, стр. 1040); постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 4 июля 1927 г. («Еженедельник советской юстиции», 1927, № 34, стр. 1134).

³ Инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР от 11 июня 1929 г. («Судебная практика», 1929, № 14).

В точном соответствии с действующим Уголовным кодексом Верховный суд признавал, что за уклонение от содержания родителей нельзя привлекать к ответственности по ст. 158, предусматривающей уголовную ответственность за злостный неплатеж алиментов детям¹, но допускал применение, при соответствующих условиях, статьи 156 УК в случае оставления родителей в беспомощном состоянии². В то же время Верховный суд придерживался той точки зрения, что обязанность содержания родителей лежит на всех детях, вне всякой зависимости от фактического участия родителей в воспитании и содержании детей³. Вместе с тем Верховный суд подчеркивал, что получение родителями небольшой пенсии или наличие у них кое-какого имущества личного пользования не служат основанием для освобождения детей от содержания родителей.

В КЗоБСО Азербайджанской ССР, в отличие от КЗоБСО РСФСР, содержится прямое указание по этому поводу, гласящее, что получение пенсии не лишает родителей права на получение содержания от детей (ст. 56, прим.).

В практике Верховного суда встречаются и такие дела, которые относятся к отношениям супругов друг с другом. Прежде всего, Верховному суду приходилось высказываться по вопросу о значении ранее заключенного зарегистрированного брака в случае вступления в дальнейшем одного из супругов в фактические брачные отношения с другим лицом. Верховный суд признавал, что отсутствие регистрации прекращения прежнего, зарегистрированного брака не должно служить препятствием для признания фактических брачных отношений с другим лицом со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, ибо формальное существование еще нерасторгнутого зарегистрированного брака не может иметь значения, поскольку стороны могли бы оформить свои фактические отношения во всякое время, за-

---

¹ Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 17 января 1927 г. («Судебная практика», 1927, № 2).

² Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 11 марта 1929 г. («Судебная практика», 1929, № 6).

³ Определение Верховного суда РСФСР («Судебная практика», 1929, № 6 и 1930 г. № 14/15)

регистрация прекращение первого брака¹. Но в то же время, отводя возможные упреки в допущении двоеженства или двумужества, Верховный суд указывал, что суды не вправе допускать одновременное существование двух браков, что они не вправе признавать правовое значение за фактическими брачными отношениями при одновременном существовании зарегистрированного брака². В этих случаях первый брак должен был быть расторгнут, и органам ЗАГС предписывалось регистрировать его прекращение.

В тех случаях, когда Верховному суду приходилось сталкиваться с этим вопросом, он всегда энергично подчеркивал полную самостоятельность супругов. В частности ему неоднократно приходилось указывать, что супруги могут проживать там, где они пожелают, что совместное проживание их отнюдь не обязательно³.

В то же время Верховный суд должен был неоднократно становиться на защиту интересов разведенных супругов, провозглашая, что право нетрудоспособных разведенных супругов на получение алиментов существует независимо от того, чем обусловлена нетрудоспособность и когда она наступила — хотя бы до заключения брака или после его прекращения⁴. Наоборот, в тех случаях, когда супруг терял трудоспособность в связи с брачными отношениями, например, вследствие нанесения ему увечья или заражения его другим супругом, или вследствие принуждения к аборту, Верховный суд признавал, что супруг имеет право на возмещение причиненного ему ущерба на общих основаниях, т. е. в соответствии с гл. XIII Гражданского кодекса⁵. Соответствующее указание прямо включено в КЗоБСО Туркменской ССР (ст. 18, прим.). Такое положение дает возможность получать содержание в течение всего пе-

---

¹ Определение Верховного суда РСФСР № 32927 («Судебная практика», 1927, № 19); № 31325 («Судебная практика», 1929, № 20).

² Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 16/17 сентября 1935 г. («Советская юстиция», 1935, № 20/21).

³ Определение ГКК Верховного суда РСФСР («Судебная практика», 1930, № 11; 1931 г. № 2; («Советская юстиция», 1936, № 32).

⁴ Ср. инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР от 11 июня 1929 г. («Судебная практика» 1929 г., № 14).

⁵ Определения ГКК Верховного суда РСФСР («Судебная практика», 1929, №№ 1, 5, 16).

риода нетрудоспособности, без ограничения годовым сроком, установленным в ст. 15 КЗоБСО:

Вместе с тем, развивая идею общности имущества супругов, Верховный суд должен был устанавливать, что супруги не только владеют совместно имуществом, нажитым во время брака, но и отвечают сообща за общие долги по обязательствам, принятым в интересах семьи¹, в частности, по налоговым недоимкам². На этом последнем моменте Верховному суду приходилось настаивать весьма энергично, особенно в тот период, когда еще сохранялись остатки эксплуататорских классов, ибо практика показала, что супруги неоднократно пытались спасти имущество, подлежащее конфискации или продаже с торгов на покрытие задолженности одного из супругов, ссылаясь на ст. 10 КЗоБСО и требуя раздела общего имущества³.

Наконец, практике приходилось снова и снова обращаться к вопросу о том, как наилучшим образом обеспечить достаточно быстрое прохождение дел об установлении отцовства и взыскании алиментов, равно как и неуклонное взыскание присужденного содержания.

Этому вопросу посвящен, прежде всего, циркуляр Наркомюста от 3 мая 1927 г.⁴, который предписывает учреждениям и предприятиям по месту работы должника непосредственно пересылать взысканные суммы взыскателю, а в случае увольнения плательщика алиментов передавать исполнительный лист по новому месту его работы. Но непрерывный поток жалоб на волокиту по алиментным делам, на трудности добиться реального взыскания алиментов продолжается. На это обращает особое внимание инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР от 11 июня 1929 г.⁵, предлагая судам принять реальные меры к устранению тех недостатков в работе судебных органов, которые обуславливают медленность рассмотрения дел и приводят к неудовлетво-

¹ Ср. определения Верховного суда РСФСР № 31368 («Судебная практика», 1927, № 12); № 35549 («Судебная практика», 1928, № 2).

² Ср. определения Верховного суда РСФСР № 32653 («Судебная практика», 1928, № 19); № 32309 («Судебная практика», 1928, № 21); № 32644 («Судебная практика», 1928, № 22).

³ По этому вопросу пришлось издать специальное постановление СНК РСФСР от 3 ноября 1934 г., о котором см. ниже;

⁴ «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 18.

⁵ «Судебная практика», 1929, № 14.

рительному исполнению решений. Тем не менее почти пять лет спустя постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 3 февраля 1934 г. снова отмечает, что в одном из судов обнаружено большое накопление дел, в результате чего колхозницы вынуждены были прекратить хождение в суд, а кулак разъяснил, что «теперь алиментный закон отменен»¹. Почти одновременно прокуратура СССР тоже оказывается вынужденной издать циркуляр «О волоките по алиментным делам»². Через год Президиум Верховного суда РСФСР снова возвращается к вопросу о борьбе с волокитой и нереальностью взысканий³, предписывая широко применять ст. 295 ГПК (наложение штрафа за уклонение от дачи отзыва судебному исполнителю), а в необходимых случаях привлекать виновных должностных лиц к уголовной ответственности. И все же в 1935 г. устанавливается, что решения о взыскании алиментов исполняются только в 20% случаев⁴.

Дела об установлении отцовства и о взыскании алиментов были весьма многочисленны, удельный вес их в общем количестве гражданских дел был очень значителен; и уже по одному этому, не говоря о принципиальной важности данной группы дел, к ним обращаются неоднократно как в письмах с мест, так и в циркулярах НКЮ и постановлениях пленума Верховного суда СССР⁵, в приказах прокуратуры СССР и РСФСР, в постановлениях Президиума Верховного суда РСФСР⁶ и т. д. И тем не менее, положение было настолько неблагоприятно, что в 1936 г. приходилось снова отмечать: «Особенно плохо обстоит дело с исполнением решений по алиментным делам»⁷.

¹ Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 3 февраля 1934 г. № 4 («Советская юстиция», 1934, № 5).

² Циркуляр прокуратуры СССР № 700 от 31 мая 1934 г. («Советская юстиция», 1934, № 17).

³ Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 5 апреля 1935 г. («Советская юстиция», 1935, № 12).

⁴ «Советская юстиция», 1935, № 23, стр. 1.

⁵ В частности, 50-й Пленум Верховного суда СССР специально занимался вопросом об алиментах («Советская юстиция», 1935, № 17).

⁶ В частности, см. постановление Верховного суда РСФСР от 8 марта 1936 г. («Советская юстиция», 1936, № 13).

⁷ «Социалистическая законность», 1936, № 7, стр. 97.

Законодательство в области семейного права в течение нескольких ближайших лет сводится только к устранению отдельных недостатков КЗоБСО, выявившихся в практике его применения, а также к восполнению отдельных пробелов.

Не претендуя на исчерпывающий перечень всех новелл, все же необходимо остановиться на некоторых из них.

Так, в целях обеспечения реального взыскания алиментов на плательщика возлагается обязанность сообщать о всех изменениях своего материального положения, местожительства и места работы под угрозой уголовной ответственности за неплатеж алиментов, если бы они оказались невзысканными вследствие перемены местожительства без уведомления о том судебного исполнителя¹.

Почти одновременно было издано другое постановление², коим, как уже указывалось, допускалось понижение брачного возраста для женщин, но не более, чем на один год. В РСФСР такое понижение допускалось только по особым разрешениям и только в виде исключения, в то время как ряд республик с самого начала устанавливал для женщин более низкий брачный возраст. Так, в КЗоБСО УССР (ст. 109), Грузинской ССР (ст. 5), Узбекской ССР (ст. 4), Туркменской ССР (ст. 6) и Азербайджанской ССР (ст. 6) брачный возраст для женщин определен в 16 лет.

Огромное значение, придаваемое опеке и попечительству, постоянное внимание, уделяемое вопросу о наилучшей организации опеки как государственного попечения о детях и недееспособных вообще; заставляют неоднократно в первые же годы действия КЗоБСО возвращаться к этому вопросу. Издаётся особое Положение об органах опеки и попечительства³, вносятся изменения в статьи Кодекса, относящиеся к опеке и попечитель-

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1928 г. (СУ 1928 г. № 68, ст. 487).

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1928 г. (СУ 1928 г. № 47, ст. 355).

³ Утверждено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июня 1928 г. (СУ 1928 г. № 75, ст. 524 и № 129, ст. 828).

ству (ст. ст. 72, 74, 99)¹. Эти изменения, согласовывая указанные статьи с законодательными актами о районировании РСФСР и организации местных органов власти, в то же время вносят необходимые уточнения в порядок деятельности органов опеки и попечительства². Значение, придаваемое опеке, проявляется также и в предоставлении особых льгот крестьянам, принявшим на себя опекунские обязанности над несовершеннолетними³.

Вместе с тем в эти первые годы действия КЗоБСО весьма значительна была деятельность и по изданию ведомственных инструкций, направленных на разрешение организационно-технических вопросов, — главным образом, на установление порядка ведения книг записей актов гражданского состояния.

Законодатель был также весьма озабочен недопущением безнадзорности детей. Во избежание этой безнадзорности в результате лишения свободы единственного родителя либо обоих родителей он обязывал прокуроров — при заключении под стражу в качестве меры пресечения и суд — при вынесении приговора к лишению свободы определять совместно с органами опеки подлежащие применению меры⁴.

Придавая исключительное значение обеспечению детей при помощи взыскания в их пользу алиментов, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 ноября 1929 г.⁵ ввело в КЗоБСО новые статьи: 42¹, 42², 42³. Эти статьи устанавливают, что при наличии определенных условий несовершеннолетние и нуждающиеся нетрудоспособные дети должны получать содержание от наследников плательщика алиментов, от лиц, принявших к себе детей на постоянное воспитание, от отчима и мачехи. Такая же

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 сентября 1927 г. (СУ 1927 г. № 105, ст. 705) и от 24 сентября 1928 г. (СУ 1928 г. № 124, ст. 789).

² Дальнейшие изменения, в соответствии с изменениями территориального деления, принятого в РСФСР, внесены постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. (СУ 1930 г. № 12, ст. 146).

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 7 мая 1928 г. (СУ 1928 г. № 48, ст. 366).

⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1934 г. (СУ 1934 г. № 40, ст. 252); см. также постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1934 г. («Советская юстиция», 1935, № 2) и циркуляр НКЮ СССР и прокуратуры СССР от 3 сентября 1936 г. № 4/56 («Советская юстиция», 1936, № 29, стр. 24)

⁵ СУ 1929 г. № 22, ст. 233.

обязанность возлагается на пасынков и падчериц в отношении нуждающихся и нетрудоспособных отчимов и мачех, у которых они находились на иждивении не менее 10 лет.

По тем же соображениям охраны интересов детей было внесено дополнение в ст. 45 КЗоБСО¹, запретившее передачу детей на воспитание и обучение лицам, лишенным права быть опекунами. Наконец, вводится институт патронирования, предусматривающий передачу воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящихся в городах и рабочих поселках для обеспечения и воспитания по договорам с местными отделами народного образования².

Установленный в КЗоБСО порядок выдачи содержания детям членов крестьянского двора был изменен. Обеспечение детей алиментами за счет личных средств родителей, равно как и за счет их доли в доходах крестьянского двора, оказалось явно недостаточным, ибо это оставляло открытым вопрос о правовом положении ребенка, о праве его на членство в дворе. Соответственно этому постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 января 1930 г.³ поставило во главу угла вопрос о зачислении ребенка членом крестьянского двора и установило, что дети должны признаваться членами того двора, к составу которых принадлежат отец или мать, независимо от того, состоят ли родители в зарегистрированном браке или в незарегистрированных фактических брачных отношениях, причем выбор двора (отца или матери) может быть произведен по соглашению родителей, а в случае спора — по решению суда. Дети независимо от прав, признаваемых за ними в качестве членов двора, сохраняют право на содержание из личных средств отца и матери на общих основаниях. При установлении же отцовства суд должен был определять количество продуктов, кото-

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. (СУ 1930 г. № 19, ст. 241).

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. (СУ 1928 г. № 64, ст. 462) и инструкция 1929 г. НКП, НКВД, НКФ, НКЗ и НКТ по применению указанного постановления (см. «Бюллетень НКВД», 1929, № 5); постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1936 г. о том же (СУ 1936 г. № 9, ст. 49), и инструкция от 2 июня 1936 г. НКП, НКЗ, НКССО и НКЮ РСФСР о порядке применения указанного постановления КЗоБСО, изд. 1937 г., стр. 74.

³ СУ 1930 г. № 5, ст. 53.

рые обязан был выдавать двор отца на содержание ребенка (ст. ст. 56 и 56¹).

Эти правила резко порывают с порядком, установленным первоначально. Ребенок признается полноправным членом двора отца или матери, хотя бы он был рожден вне зарегистрированного брака. Там, где отцовство устанавливалось по суду, обязанность содержания ребенка возлагается уже не на одного только отца, в пределах его доли, но на двор, как таковой. Подобное значительное изменение могло быть осуществлено только благодаря тому, что деревня привыкла к новому порядку, что она прониклась обязательностью содержания ребенка и тогда, когда отцовство устанавливалось по постановлению суда.

В других советских союзных республиках был принят иной порядок. Так, КЗоБСО Украинской ССР (ст. 33) допускает обращение взыскания на все имущество крестьянского двора; КЗоБСО Грузинской ССР (ст. 62) и Азербайджанской ССР (ст. 27) соответствуют первоначальной редакции КЗоБСО РСФСР; КЗоБСО БССР (ст. ст. 70—71) также допускает обращение взыскания только на долю ответчика в общем хозяйстве двора, но без каких-либо в этом отношении ограничений; КЗоБСО Туркменской ССР (ст. 55) указывает на обращение взыскания с члена колхоза на необобщественное имущество ответчика, а при отсутствии такового или его недостаточности — на причитающуюся ему долю доходов с колхоза.

Наряду с редакционными и техническими в основном изменениями отдельных статей раздела о регистрации актов гражданского состояния (ст. ст. 111, 112, 117, 118, 122, 123, 124, 125, 143)¹ последующие годы приносят только одно существенное изменение порядка записи рождений. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1933 г.² о порядке регистрации рождений была изменена ст. 29 КЗоБСО³. Согласно

¹ См. постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 сентября 1927 г. (СУ 1927 г. № 105, ст. 705); от 27 мая 1929 г. (СУ 1929 г. № 40, ст. 422); от 30 декабря 1929 г. (СУ 1930 г. № 5, ст. 54); от 20 июля 1933 г. (СУ 1933 г. № 42, ст. 159); от 20 сентября 1936 г. (СУ 1936 г. № 20, ст. 132) и др.

² СУ 1933 г. № 22, ст. 74.

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1933 г. (СУ 1933 г. № 42, ст. 159).

этой новой редакции статьи 29, запись об отце ребенка по заявлению матери вносилась независимо от получения возражений против отцовства со стороны лица, указанного матерью.

В отличие от этого, по КЗоБСО Украинской ССР, (ст. 5) и БССР (ст. 42) регистрационный порядок удостоверения отцовства допускался только в течение одного месяца после рождения ребенка, по КЗоБСО Туркменской ССР (ст. 27), Узбекской ССР (ст. 24), Таджикской ССР (ст. 24) — лишь до рождения ребенка; в дальнейшем же отцовство могло быть установлено только по суду. По КЗоБСО УССР (ст. 7) и Туркменской ССР (ст. 30) запись приостанавливалась в случае предъявления предполагаемым отцом судебного спора в течение одного месяца; после учинения записи такие иски могли быть предъявлены еще в течение одного года. По КЗоБСО Грузинской ССР (ст. 37) наличие возражений приводило к необходимости устанавливать отцовство по суду; точно так же по КЗоБСО Таджикской ССР (ст. 23), Узбекской ССР (ст. 23) и Азербайджанской ССР (ст. 35) запись производилась только при отсутствии возражений.

Таким образом, по КЗоБСО РСФСР заявлению матери об отце ребенка придавалась обязательная сила. Лишение этого заявления силы могло иметь место только по судебному решению, причем заявление о вынесении подобного решения могло быть подаваемо предполагаемым отцом только в течение одного года.

Придание такого правового значения одностороннему заявлению матери в ряде случаев ставило в очень затруднительное положение мужчину, который должен был доказывать отрицательный факт — то, что не он является отцом ребенка.

Верховному суду пришлось отступить в одном отношении от текста закона, ограничивавшего возражения против отцовства годовым сроком. На практике суды рассматривали такие споры без ограничения сроком в тех случаях, когда они исходили не от лица, записанного отцом ребенка, а от других лиц, в частности от матери, от действительного отца, от самого ребенка. В этих случаях признавали возможным отдавать дань началу истинности, полагая, что это соответствует интересам ребенка. В остальных случаях считали необходимым

мириться с тем, что отцом ребенка числится гражданин, упорно отрицавший свое отцовство, но лишенный возможности доказать свою непричастность потому, что он пропустил установленный для этого годовой срок, так как иначе это открывало бы путь для бесконечных тяжб и споров, приводило бы к неустойчивости положения ребенка.

В заключение следует еще упомянуть о том, что постоянные попытки спасти имущество супругов от конфискации или описи за долги, обусловленные совершением преступления одним из супругов, посредством ссылки на ст. 10 КЗоБСО и просьбы о разделе имущества потребовали вмешательства законодателя. По этому вопросу были приняты специальные постановления¹, допускающие обращение взыскания на общее имущество супругов для возмещения ущерба, причиненного хищениями, растратами или присвоением имущества государственных учреждений и госпредприятий, колхозов, кооперативных и общественных организаций, однако лишь в том случае, если это общее имущество увеличилось за счет средств, полученных посредством преступления.

V. Семейное право предвоенного периода

1

Во второй фазе развития социалистического государства культурно-воспитательные задачи приобретают особое значение. В связи с этим особое значение приобретают и вопросы семьи и брака.

Задачей законодателя являлось дальнейшее укрепление советской семьи, построенной на прочности супружеских отношений; огромное значение придается семье в деле воспитания детей, заботы о детях.

В начале второй фазы развития социалистического государства законодательная деятельность в области семейного права, как мы видели, не была значительной, но начиная с 1935 г. наблюдается повышенное внимание к

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1927 г. (СЗ 1927 г. № 51, ст. 507) и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 ноября 1934 г. (СУ 1934 г. № 39, ст. 243).

воспитанию детей, а тем самым и к вопросам, связанным с семьей и с браком.

Соответствующие законы издаются в общесоюзном масштабе. Начало положил закон 7 апреля 1935 г. об усилении уголовной ответственности несовершеннолетних и об усилении в то же время уголовной ответственности взрослых за вовлечение детей в преступную деятельность¹.

Обращало на себя внимание, что преступность среди несовершеннолетних носила особый характер. Несовершеннолетние, совершая такие преступления, как кражи, насилия, преступления против личности, действовали под влиянием или под руководством взрослых. Это привело в первую очередь к установлению уголовной ответственности, начиная с 12 лет, по ряду преступлений, характерных для несовершеннолетних, а вместе с тем к усилению уголовной ответственности за подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к участию в преступлениях, за понуждение к занятию проституцией, спекуляцией, нищенством и т. п. (соответственно этому изменена ст. 12 УК, отменена ст. 50 УК и включена новая статья — 73²)².

Изучение данных о преступности несовершеннолетних показало, что в огромном большинстве случаев преступления несовершеннолетних вызываются и беспризорностью и безнадзорностью. Это подтверждало, что борьбу с детской преступностью нельзя вести одними только мерами уголовного воздействия, что необходимы также и предупредительные меры, направленные непосредственно на то, чтобы родители или лица, их заменяющие, помнили о своей огромной ответственности за вверенное им юношество. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г.³ устанавливает ответственность родителей и лиц, их заменяющих, не за преступления против детей, не за преступления самих детей, а за недостаточную заботу о детях, за недостаточное к ним внимание. Это — ответственность родителей в административном порядке за озорство и хулиганство

¹ СЗ 1935 г. № 19, ст. 155.

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 ноября 1935 г. (СУ 1936 г. № 1, ст. 1). Такие же изменения были внесены в уголовные кодексы других союзных республик.

³ СЗ 1935 г. № 32, ст. 252.

детей, ответственность, которая прямо направлена на обеспечение надлежащего воспитания детей; это вместе с тем — материальная ответственность их за действия детей, причинившие материальный ущерб. В то же время в целях предупреждения детской беспризорности упомянутое постановление возлагает ответственность за своевременное устройство и обеспечение детей-сирот на председателей местных советов и устанавливает уголовную ответственность опекунов, использующих опеку в корыстных целях и оставляющих опекаемых детей без надзора и необходимой материальной поддержки; постановление также предусматривает особую ответственность председателей сельсоветов и назначенных последними опекунов, не принимающих мер охраны и заботы о воспитании детей, оставшихся сиротами, и допускающих вступление их на путь бродяжничества.

Постановление от 31 мая 1935 г. нашло отражение и в республиканских кодексах. В частности в УК РСФСР введена новая статья — 158¹, предусматривающая уголовную ответственность за использование опеки в корыстных целях, а также за неприятие мер охраны и заботы о воспитании детей-сирот председателями сельских советов и назначенными сельсоветами опекунами¹; в ГК РСФСР перередактирована ст. 405, ныне предусматривающая ответственность родителей и попечителей наряду с несовершеннолетними старше 14 лет, за вред, причиненный последними (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 ноября 1935 г.²). Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. и от 1 апреля 1936 г.³, предусматривавшие передачу детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся, также были направлены на устранение беспризорности детей.

Борьба с беспризорностью детей, изучение условий, приводящих к беспризорности и безнадзорности, заставили притти к заключению, что необходимой предпосылкой для надлежащего воспитания детей является нормальная семейная обстановка, является такая семья, где родители связаны друг с другом прочными узами и совместно направляют свои усилия на воспитание детей. Наоборот, легкомысленное отношение к браку влечет за

¹ СУ 1936 г. № 1, ст. 1.

² Там же.

³ СУ 1928 г. № 64, ст. 462 и 1936 г. № 9, ст. 49.

собой также и отсутствие надлежащей заботы о ребенке, уклонение отца от выполнения своих обязанностей перед детьми, в частности от уплаты алиментов. Это — наилучшая почва для того, чтобы такой ребенок, лишенный заботы и ухода, очутился на улице и начал сам борьбу за существование, получая поддержку в компании таких же бездомных ребят, отыскивая себе средства для существования в кражах, в насильственных посягательствах на личность и на имущество.

Социалистическая мораль, основные принципы социалистического общества требовали всемерного укрепления семьи. Действительность показывала, что необходимо усилить ответственность за судьбу детей, чтобы добиться того развития семейных начал, которого требовал ход развития социалистического общества. Все это приводило к тому, что семейно-брачные дела, особенно споры об алиментах, привлекали к себе все большее внимание. Растет самое количество этих дел. Число их определялось в 1935 г. по сравнению с 1932 г., как 177 : 100¹. Растет и количество руководящих материалов, посвященных вопросу о взыскании алиментов, об ответственности за неплатеж таковых, и т. д.

В то же время в этот период особенно укрепляется положение трудящейся женщины, положение женщины в колхозе. Роль женщины становится все более значительной. Это отметил, применительно к колхозам, товарищ Сталин в своей речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г., подчеркнув, что «женский вопрос в колхозах — большой вопрос», причем — «дело тут не только в том, что женщины составляют половину населения. Дело прежде всего в том, что колхозное движение выдвинуло на руководящие должности целый ряд замечательных и способных женщин»².

Такое выдвижение замечательных и способных женщин имеет место не только в области колхозного строительства, но и в других, самых разнообразных областях государственной, общественной и хозяйственной жизни нашей страны. Это не могло не отразиться на положении женщины в семье, не могло не вызывать необходи-

¹ «Социалистическая законность», 1936, № 7, стр. 97.

² И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 419—420.

мости окружить женщину вниманием и заботой в ее личной и семейной жизни.

Прежде всего надо было прекратить аборт, которые ежегодно сокращали рождаемость. Несмотря на то, что Октябрьская революция полностью и окончательно раскрепостила женщину, что женщине было обеспечено полное равноправие как в политической жизни, так и в быту, что ни в одной стране в мире женщина как мать и как гражданка не пользуется таким уважением и защитой закона, как в СССР, женщина не могла сразу и полностью использовать предоставленные ей законом права и без опасения за будущее исполнять свои обязанности гражданки и матери, ответственной за рождение и первоначальное воспитание детей. Этого не допускала экономическая разруха в стране в первые годы после гражданской войны и вооруженной интервенции, не допускала унаследованная от дореволюционной эпохи недостаточность культурного уровня женщины. В связи с этим особый циркуляр НКЮ и НКЗ РСФСР от 18 ноября 1920 г. разрешал производство абортов, пока «моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию»¹. Запрещалось лишь производство абортов лицами, не имевшими на то права, или не в надлежащих условиях, т. е. вне больничной обстановки. Но, разрешая аборт, советская власть уже и в то время относилась к ним отрицательно. Ленин еще в 1913 г. писал, что сознательные рабочие «безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно»².

Однако, отвергая аборт, как социальное зло, Ленин считал, что борьба с ними посредством законодательных запретов недостаточна. Он указывал, что в условиях капитализма эти законы только отражают «лицемерие господствующих классов», так как они «не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс»³.

¹ СУ 1920 г. № 90, ст. 471.

² Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 498

³ Там же.

Для реальной, эффективной борьбы с абортами нужны определенные экономические и политические предпосылки. В условиях социализма, где отсутствует эксплуатация человека человеком и где женщина — полноправный член общества, а прогрессирующее повышение материального благосостояния трудящихся является законом общественного развития, эти условия налицо. В период, непосредственно предшествовавший принятию Сталинской Конституции, рост материального благосостояния и гигантский рост политического и культурного уровня трудящихся позволили поставить вопрос о полном запрещении аборт. Вопрос этот находит свое разрешение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских сад, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»¹. Это постановление на многие годы определило и определяет до сих пор развитие и укрепление советской семьи.

Это постановление запрещает аборт «в связи с установленной вредностью аборт», запрещает производство их не только на дому у врачей и на частных квартирах у беременных, но и в больницах и специальных лечебных заведениях. Отныне аборт разрешаются только в обстановке больниц и родильных домов — исключительно по медицинским показателям.

Запрещение аборт подкрепляется уголовной ответственностью за незаконное производство таковых. Постановление от 27 июня 1936 г. не только усиливает ответственность за производство аборт в антисанитарной обстановке или лицами, не имеющими специального медицинского образования, но и устанавливает впервые наказуемость врачей за производство аборт вне больницы, либо в больнице, но с нарушением указанных в законе условий. Точно так же вводится впервые уголовное наказание за понуждение женщины к производству аборт, равно как и самой женщины, производящей аборт. В УК РСФСР это нашло отражение в изменении

---

¹ СЗ 1936 г. № 34, ст. 302.

редакции ст. 140 и во включении новых статей — 140-а и 140-б¹.

Но, в отличие от буржуазного закона, всей тяжестью обрушивающегося на женщину, вынуждаемую к умерщвлению плода экономическими и социальными условиями, наш советский закон, устанавливая суровые наказания для лиц, производящих аборт или понуждающих к производству абортов, назначает самой женщине легкую кару (максимум — 300 руб. штрафа), главным образом, как выражение резко отрицательной оценки женщины, уклоняющейся от выполнения почетной обязанности матери.

Для того чтобы женщина не прибегала к абортам, ей не только угрожают уголовными наказаниями, но и создают необходимые условия, при которых она без опасения за будущее может выполнять свои материнские обязанности. Закон увеличивает размер пособия из средств государственного социального страхования на обзаведение предметами ухода за новорожденными, увеличивает размер пособий на кормление, предоставляет одинаковой длительности отпуска для женщин-работниц и для женщин-служащих², устанавливает уголовное наказание за отказ от приема на работу женщин по мотивам беременности, а также за снижение ей зарплаты по тем же мотивам³, сохраняет за беременной женщиной ее прежнюю зарплату при переводе на более легкую работу, устанавливает государственное пособие многодетным матерям, имеющим семь и более детей, и т. д. В то же время закон предусматривает значительное расширение сети родильных домов, детских яслей, детских садов и прочих учреждений, обслуживающих матерей и детей.

---

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 г. (СУ 1937 г. № 6, ст. 40).

² Впоследствии по постановлению СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. (СЗ 1939 г. № 1, ст. 1) продолжительность этих отпусков несколько изменяется в сторону сокращения, а сейчас, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., они вновь удлинены.

³ Это привело к включению в УК РСФСР особой статьи 133-а (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 г.—СУ 1937 г. № 6, ст. 40). Аналогичные статьи включены в уголовные кодексы других союзных республик.

Все эти мероприятия, требовавшие огромных ассигнований со стороны государства, обеспечивали реальную помощь матери при рождении и воспитании ребенка и создавали действительно те предпосылки, при которых можно было требовать от женщины, чтобы она не прибегала к абортam. Но увеличение помощи государства, расширение сети учреждений, обслуживающих мать и ребенка, выплата миллиардных пособий матерям и детям отнюдь не имели целью заменить помощь отца, отнюдь не были рассчитаны на то, чтобы освободить отца от материальной помощи матери, от содержания своих детей. Наоборот, выявившаяся еще до издания постановления от 27 июня 1936 г. тенденция жесткой борьбы с лицами, уклоняющимися от уплаты алиментов и от исполнения родительских обязанностей, получила дальнейшее подкрепление в указанном постановлении.

Вопрос о необходимости применения серьезных наказаний к отцам, уклоняющимся от обязанности содержать детей, оказался в центре внимания и стал предметом живого обсуждения еще до принятия постановления от 27 июня 1936 г., в частности в связи с проведением в Верховном суде РСФСР показательного процесса по делу инженера Каштанова, приговоренного по ст. 158 УК к лишению свободы без замены исправительно-трудовыми работами. Это привело к тому, что Президиум Верховного суда РСФСР дал общее руководящее указание, коим признавал возможным по делам данной категории назначать лишение свободы в 6 месяцев без замены исправительно-трудовыми работами¹. Суровая борьба с неплательщиками алиментов стала особенно необходимой потому, что подавляющее большинство матерей не имело еще материальной возможности самостоятельно, без посторонней помощи содержать своих детей².

Со своей стороны постановление 27 июня 1936 г. резко повышает уголовное наказание за неплатеж али-

---

¹ Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 11 июля 1935 г., протокол № 52 («Советская юстиция», 1935, № 23, стр. 7).

² Например, по данным Московского городского суда, 71% истцов по алиментным делам не имели заработка или имели заработок ниже 100 руб., тогда как заработок ответчиков был вполне достаточным (см. «Советская юстиция», 1936, № 18; стр. 5):

ментов (до 2 лет лишения свободы)¹. Вместе с тем, оно меняет и порядок определения алиментов. Отныне суд не вправе устанавливать размер ежемесячных платежей по своему усмотрению: он обязан взыскивать алименты в размере, установленном самим законом, — в процентах от заработной платы. Этим устранялось возможное, неоднократно наблюдавшееся отставание алиментов от заработка ответчиков при увеличении благосостояния последних, а также присуждение алиментов в безобразно заниженном размере, нередко встречавшееся на практике. Отныне всякий отец знает, что он обязан выделять определенную, точно установленную и заранее известную часть заработка на содержание своих детей. Отныне рост заработков трудящегося, являющийся законом развития социалистического общества, немедленно, автоматически приводит к увеличению удержаний на содержание детей.

Но закон 27 июня 1936 г. не останавливается на перечисленных вопросах. Он обращает также внимание на чрезмерную легкость разводов. Еще не настало время устранить возможность разводов исключительно по произволу хотя бы одного из супругов, но уже проявлялась несомненная потребность в проведении борьбы с легкомысленным отношением к семье и к семейным обязанностям, памятуя, что «почти всякое бракорасторжение есть расторжение семьи»². Эта потребность удовлетворялась пока только установлением обязательного личного вызова в ЗАГС обоих разводящихся супругов и отметки в паспорте о разводе, а также повышением оплаты регистрации разводов, с увеличением размера этой оплаты с каждым последующим разводом (50 руб. в первый раз, 150 руб. во второй, 300 руб. в третий и последующий разы).

Эти нововведения, понятно, еще очень незначительны, они еще только намечают путь дальнейшего развития законодательства. Но большего в то время нельзя было и требовать, хотя бы потому, что закон сохранял приравнение фактических брачных отношений к зареги-

¹ В УК РСФСР была соответственно изменена ст. 158 (см. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 г.—СУ 1937 г.; № 6, ст. 40).

² Маркс, Проект закона о разводе. Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 266.

стрированному браку, приравнение, при котором вопрос о разводе не имел столь большого значения. Поэтому гораздо важнее этих нововведений тот факт, что закон впервые обратил внимание на необходимость «борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям»¹.

Постановление 27 июня 1936 г., так же как в свое время КЗоБСО, до принятия было подвергнуто всенародному обсуждению как на собраниях трудящихся, так и в прессе. Оно встретило полное одобрение широчайших масс советского народа. И это позволяет утверждать, что внесенные им изменения действительно соответствовали назревшей потребности.

2

Постановление столь огромной принципиальной важности, как постановление 27 июня 1936 г., требовало дальнейшей напряженной работы. Эта работа, осуществлявшаяся в основном уже после принятия Сталинской Конституции, шла по разным направлениям.

Прежде всего понадобилось дальнейшее законодательство союзного масштаба. Так, СНК СССР утверждает 22 мая 1937 г. инструкцию Наркомздрава СССР о порядке назначения и выплаты государственного пособия многодетным матерям². Другим актом серьезного значения является инструкция НКВД СССР от 27 июля 1937 г. о порядке ведения записей актов гражданского состояния, а несколько позднее — инструкция НКВД СССР, утвержденная СНК СССР 7 апреля 1940 г., «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен»³. Союзное правительство приняло также постановление, уточняющее вопрос о привлечении к уголовной ответственности за непринятие на работу беременных женщин, определив размер полагающегося за это наказания и разъяснив, что уголовная ответственность не распространяется на случаи, когда у беременной женщины нет необходимого стажа непрерывной работы минимум в один год

¹ Из постановления 27 июня 1936 г.

² СЗ 1937 г. № 35, ст. 145.

³ СП 1940 г. № 8, ст. 234.

или когда последний перерыв в ее работе был свыше одного месяца¹.

Наряду с этим потребовалось внести изменения в республиканское законодательство для согласования его с нормами новых общесоюзных законов. В первую очередь соответствующие изменения были внесены в КЗоБСО как РСФСР, так и других союзных республик².

В КЗоБСО РСФСР была введена новая статья 51-а, которая устанавливает порядок определения размеров алиментов — соответственно принципам, изложенным в Указе 27 июня 1936 г. — в размере $\frac{1}{4}$ заработной платы на одного ребенка, $\frac{1}{3}$ на двух детей и половины на трех и более детей, с исчислением по тем же нормам алиментов с колхозников, но в трудоводнях.

Далее меняется ст. 50. В нее включается особое дополнение, согласно которому суд, в случаях, когда брак был зарегистрирован или ответчик записан отцом ребенка, должен был одновременно с принятием искового заявления о взыскании алиментов выносить определение о том, в какой мере ответчик обязан, впредь до вынесения решения, нести расходы по содержанию ребенка.

В связи с изменениями в законодательстве о разводе меняется и установленный в КЗоБСО порядок регистрации прекращения брака (ст. ст. 20 и 138 и след.). Регистрация прекращения брака стала производиться только в присутствии обоих супругов, почему при одностороннем заявлении о прекращении брака другому супругу должен был быть послан вызов в ЗАГС для регистрации развода. Без данных, подтверждающих получение этого извещения, развод в отсутствие другого супруга не мог быть зарегистрирован. Если же местожительство последнего не устанавливалось, развод мог быть зарегистрирован только по прошествии 6 месяцев. При разводе требовалось предъявление паспорта для учинения в нем отметки о разводе. В случае, если развод производился в отсутствие одного из супругов, ему посылалось извеще-

---

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 51, ст. 419) и от 9 апреля 1937 г. (СЗ 1937 г. № 25, ст. 99).

² См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 г. (СУ 1937 г. № 6, ст. 40). Несколько раньше постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 сентября 1936 г. внесло ряд изменений в раздел записи актов гражданского состояния (СУ 1936 г. № 20, ст. 132).

ние о состоявшемся разводе, и отметка о разводе производилась в его паспорте по месту его жительства одновременно с вручением этого извещения. Таким образом, новый порядок обеспечивал уведомление супруга о предстоящем разводе, обеспечивал, как правило, явку обоих супругов. Все это подчеркивало государственное значение развода.

Новая редакция ст. ст. 21—24 КЗоБСО РСФСР уточняла порядок оформления соглашения о судьбе детей в случае развода, предписывала заносить такое соглашение в книгу записей регистрации прекращения брака. За выписью из этой книги признавалась сила исполнительного документа, по которому взыскание алиментов могло производиться как по исполнительным листам. При недостижении соглашения об этом должен был составляться акт, который затем передавался ЗАГС в суд для разрешения спора в общеисковом порядке. Это освобождало мать от необходимости оформлять свои требования и в то же время служило основанием для рассмотрения дела о судьбе детей и о взыскании на них алиментов даже помимо воли родителей, которые иногда, в ущерб интересам детей, по тем или иным основаниям затягивали передачу спора на рассмотрение суда¹.

Изменения республиканского законодательства коснулись и других кодексов союзных республик. Наряду с изменениями, внесенными в соответствующие статьи Уголовного кодекса (об этом см. выше), было проведено согласование Гражданского процессуального кодекса с постановлением 27 июня 1936 г. Так, в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР² была введена вновь ст. 2-а, допускавшая принятие к производству в судах дел о взыскании алиментов и об установлении отцовства не только по заявлениям родителей и опекунов, но и по сообщению ЗАГС, а также по инициативе суда, по иску

---

¹ Верховный суд предлагал судам возможно шире пользоваться этой статьей, вынося определения о том, у кого должны оставаться дети временно, до рассмотрения дела по существу, и кто из родителей и в какой мере обязан пока нести расходы по содержанию детей (см. постановление Всесоюзного совещания по гражданским делам — «Советская юстиция», 1937, № 4; постановление 58-го пленума Верховного суда СССР («Советская юстиция», 1937, № 22).

² По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 г. (СУ 1937 г. № 6, ст. 40).

прокурора, органа охраны материнства и младенчества, опеки или профсоюза. Этим подчеркивалось общественное значение подобного рода дел, возбуждение которых не могло быть поставлено в зависимость от одного только усмотрения родителей или опекунов.

Далее в ГПК вводятся новые статьи: ст. 53-б, которая устанавливает жесткие сроки для прохождения дел об алиментах и установлении отцовства; ст. 83-а, которая предписывает обязательное обеспечение иска об алиментах в виде наложения ареста на долю заработка ответчика, а также описи и ареста его имущества; ст. 101-а, которая обеспечивает явку ответчика посредством привода его через милицию в случае неявки, наложения штрафа за неявку без уважительных причин и отобрания подписки о невыезде впредь до разрешения дела. Соответственно этому ст. 26 ГПК была дополнена указанием на обязанность прокуратуры по постановлению суда делать распоряжение о производстве розыска ответчика через органы НКВД, со взысканием расходов по розыску с ответчика одновременно с вынесением против него судебного решения¹. Наконец, особое дополнение к ст. 291 ГПК допускает наложение штрафа на должностных лиц, виновных в неудержании из заработной платы причитающихся с работника сумм по иску об алиментах, а равно за несообщение исполнительным органам требуемых по закону сведений о перемене адреса ответчика или его заработке.

Другим источником правотворчества в области семейно-брачного права является деятельность судебно-прокурорских органов. Самое издание нового, обширного законодательства потребовало многочисленных разъяснений, и такие разъяснения давались как по линии прокуратуры, так и по линии Верховного суда. В частности пришлось издать ряд дополнительных к закону указаний по вопросу о порядке определения размера присужденных алиментов². Приходилось также неоднократно возвращаться все к тому же вопросу об обеспечении реаль-

¹ См. инструкцию НКВД СССР и НКЮ СССР от 3 февраля 1938 г. № 70/2 («Советская юстиция», 1938, № 5).

² Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 8 июля 1936 г. («Советская юстиция», 1936, № 23); циркуляр Наркомюста РСФСР № 103 от 17—21 декабря 1936 г. («Советская юстиция», 1937, № 3); циркуляр НКЮ СССР № 3 от 28 августа 1936 г. («Советская юстиция», 1936, № 28); циркуляр НКЮ СССР

ного взыскания алиментов¹. Наконец, ввиду особого значения, придаваемого борьбе с абортами, было издано специальное положение Наркомздрава СССР, определяющее порядок разрешения аборт по медицинским показателям². Со своей стороны прокуратура посвящает вопросу о борьбе с абортами особый циркуляр³.

Большое значение имеет постановление пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г.⁴, которое широко охватывает важнейшие моменты семейно-брачного права и притом часто трактует соответствующие вопросы по-новому, тем самым указывая путь дальнейшего развития семейно-брачных отношений.

Указанное постановление пленума Верховного суда предписывает обеспечение максимальной защиты интересов детей, быстрое и правильное разрешение дел об отцовстве и взыскании алиментов, соблюдение установленных в Гражданском процессуальном кодексе процессуальных гарантий, тщательную досудебную подготовку дела, использование возможности розыска ответчика. Оно предписывает осуществлять предусматриваемую ст. 50 КЗоБСО возможность временного, впредь до разрешения спора, возложения на ответчиков расходов по содержанию детей, обеспечивать в случае надобности

№ 94 от 4 сентября 1937 г. («Советская юстиция», 1937, № 20); инструкция НКЮ СССР о порядке исполнения решений от 28 сентября 1939 г.; постановление пленума Верховного суда СССР от 9 марта 1939 г. («Советская юстиция», 1939, № 6); постановление пленума Верховного суда СССР от 26 декабря 1939 г. («Советская юстиция», 1940, № 3); постановление пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г. («Советская юстиция», 1939, № 19/20 и др.).

¹ Этому уделяют особое внимание постановление первого совещания судебно-прокурорских работников по гражданским делам от 13 января 1937 г. («Советская юстиция», 1937, № 4) и постановление пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г. («Советская юстиция», 1939, № 19/20); приказ НКЮ СССР и прокуратуры СССР № 12/24 от 10 февраля 1940 г.; приказ НКЮ СССР № 10 от 2 февраля 1940 г. — КЗоБСО, изд. 1947 г., стр. 96; упоминает об этом и инструкция НКЮ СССР от 28 сентября 1939 г. об исполнении решений и постановлений 58-го пленума Верховного суда СССР от 19—23 сентября 1937 г. («Советская юстиция», 1937, № 22).

² Положение НКЗ СССР № 2012, утвержденное СНК СССР 22 ноября 1936 г. («Советская юстиция», 1937, № 8).

³ Циркуляр прокуратуры РСФСР № 21 1936 г. («Советская юстиция», 1937, № 1).

⁴ «Советская юстиция», 1939, № 19/20.

предъявленные иски и т. д. Но в то же время это постановление отражает и иные моменты. Так, оно признает недопустимым удовлетворение иска на основании одних только голословных, не подтвержденных доказательствами указаний истицы на ответчика как на отца ребенка по одному лишь мотиву, что матери лучше знать отца ребенка¹. А мы знаем, что такие решения выносились судами. Оно предписывает придавать регистрации отцовства решающее значение², однако только в том случае, если установлено, что ответчик был извещен о регистрации и не оспорил ее в установленный срок без уважительных причин³.

Требование тщательного рассмотрения дел об отцовстве и взыскании алиментов отражается также и в предписании обязательного приобщения к делу свидетельства о рождении ребенка. Известно, что суды часто игнорировали это важнейшее доказательство по делу, удостоверяющее точную дату рождения ребенка, первоначально сделанные о нем заявления и пр., все из тех же соображений, что «матери лучше знать», что «матери нельзя не верить», что «должен же кто-то быть отцом ребенка».

Наконец, постановление пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г. допускает экспертизу крови — но только при недостаточности других данных, в качестве одного из доказательств, и в то же время категорически требует исключения из практики судебных органов экспертизы сходства, как недостаточно научно обоснованной. И это является проявлением той же тенденции более осторожного подхода к вопросу об установлении отцовства.

В то же время практика начинает признавать возможность рассмотрения споров об отцовстве, заявленных предполагаемым отцом и после годового срока, однако лишь в том случае, если срок пропущен по уважитель-

¹ См. также постановление 58-го пленума Верховного суда СССР («Советская юстиция», 1937, № 22) и определение Верховного суда РСФСР («Социалистическая законность», 1940, № 11).

² См. также циркуляр НКЮ РСФСР № 45 от 7 июля 1937 г. («Советская юстиция», 1937, № 16).

³ См. определение Верховного суда СССР («Советская юстиция», 1940, №№ 8 и 10).

ным причинам, а также если спор имеет своей целью установление действительного отца, а не только освобождение от обязанности платить алименты¹. Точно так же неоднократно подтверждалось право на предъявление иска по истечении годового срока матерью², самим ребенком³ или лицом, желавшим установить свое отцовство⁴.

Верховный суд в своих определениях обращает внимание на необходимость при решении споров родителей о детях обращать внимание не только на вопросы материального характера, но и на вопросы привязанности детей к тому или другому из родителей, на ту моральную обстановку, которая будет окружать ребенка⁵.

Все время практика возвращается к вопросу о последствиях неплатежа алиментов, требуя особо внимательного отношения судов к делам об установлении отцовства и взыскании алиментов⁶ и в то же время настаивая на усиленной репрессии при злостном неплатеже алиментов⁷.

Та же тенденция всемерной защиты интересов несовершеннолетних проявляется в решительном отказе от прежней практики, допускавшей прекращение взыскания алиментов или снижение их размеров в случае наличия у несовершеннолетних самостоятельного заработка⁸. Наоборот, сейчас провозглашается, что не существует закона, освобождающего родителей от обязанности доставлять содержание своим детям в случае, когда несовершеннолетний работает и получает зарплату. Поэтому

---

¹ Постановление пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г. («Советская юстиция», 1939, № 19/20).

² Определения Верховного суда РСФСР («Советская юстиция», 1937, № 10/11; «Советская юстиция», 1938, № 23/24); определение Верховного суда СССР («Советская юстиция», 1940, № 13).

³ Определение Верховного суда РСФСР («Советская юстиция» 1937, № 4).

⁴ «Социалистическая законность», 1939, № 1, стр. 89.

⁵ Определение Верховного суда СССР («Советская юстиция», 1939, № 1).

⁶ Постановление пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г. («Советская юстиция»; 1939, № 19/20).

⁷ То же постановление; приказ НКЮ СССР и прокуратуры СССР № 67/110 от 11 июня 1940 г.

⁸ Пленум Верховного суда РСФСР от 2 июля 1928 г. («Судебная практика», 1928, № 14.).

взыскание алиментов должно производиться до 18 лет без каких бы то ни было в этом отношении исключений¹.

Требую неуклонного взыскания присужденных алиментов, судебная практика все же ограждает плательщиков от чрезмерно обременительных для них требований. Так, практика стоит на точке зрения последовательного проведения установленного ранее порядка, в силу которого алименты присуждаются только с момента предъявления иска, за прошлое же время — лишь при наличии задолженности, образовавшейся из-за неполучения алиментов, с применением этих правил не только к присуждению алиментов, но и ко взысканию по исполнительному листу уже присужденных алиментов². Верховный суд находит нужным снова вернуться к этому вопросу и подтверждает опять в совершенно категорической форме, что «алименты подлежат присуждению с момента предъявления иска»³. Вместе с тем, постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1939 г., допуская взыскание ранее присужденных алиментов за прошлое время в пределах трех лет, не разрешает взыскивать алименты за время нахождения в армии, за время болезни или содержания под стражей, а также в других случаях нахождения ответчика без работы, иначе как только при условии наличия у ответчика имущества, на которое может быть обращено взыскание. При этом исчисление подлежащих взысканию сумм производилось, исходя из общей суммы зарплаты, без всяких вычетов⁴.

В заключение следует отметить, что к данному, предвоенному периоду относятся также те постановления, которые определяют порядок регистрации перемены фамилий и имен. Это — закон Верховного Совета РСФСР

¹ Определение ГНК Верховного суда РСФСР («Социалистическая законность», 1937, № 11; «Советская юстиция», 1937, № 22).

² Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 18 января 1926 г. («Еженедельник советской юстиции», 1926, № 28); инструктивное письмо ГНК Верховного суда РСФСР по алиментным делам от 11 июня 1929 г. («Судебная практика», 1929, № 14).

³ Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 8 июля 1936 г. («Советская юстиция», 1936, № 23).

⁴ Этот порядок специально предусматривается в отношении ответчиков, отбывавших исправительно-трудовые работы. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 декабря 1939 г. («Советская юстиция», 1940, № 3).

от 2 июня 1940 г.¹, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1940 г.² и инструкция НКВД СССР, утвержденная СНК СССР 7 апреля 1940 г.³.

VI. Советское семейное право в период Великой Отечественной войны и послевоенного социалистического строительства

1

Годы войны выдвинули новые запросы, новые потребности. Обстановка военного времени создавала непредвиденные до того положения, которые требовали разрешения — если не законом, то судебной практикой.

В области семейного права оказалось необходимым в первую очередь разрешить вопрос о производстве по делам, где ответчиками являлись лица, призванные в Советскую Армию. Верховный суд СССР постановил приостановить подобные дела производством, так же как и исполнение по делам; но специально в отношении взыскания алиментов Верховный суд предписал производить таковое с лиц начальствующего состава и сверхсрочной службы путем высылки денежного аттестата⁴.

Особые затруднения вызывала, далее, невозможность вручения взысканных алиментов из-за неизвестности местопребывания взыскателя или проживания его в местности, временно занятой неприятелем. В этих случаях судам предлагалось разрешать вопрос о приостановлении исполнения решения, с тем чтобы до восстановления возможности выплаты алиментов взыскателю народный суд выносил определение о возобновлении исполнения решения, со взысканием с должника неудержанных сумм, но не более, чем за 3 месяца. Взысканные, но не врученные суммы было предложено возвращать должнику⁵.

К этому же периоду относятся постановления пленума Верховного суда СССР, не имеющие прямой связи с

¹ «Известия», 1940, № 127.

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 11.

³ СП СССР, 1940, № 8, ст. 224.

⁴ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 30 августа 1941 г. с изменением от 29 июня 1945 г.

⁵ Постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 февраля 1942 г., от 26 июня 1942 г. и от 22 октября 1942 г.

условиями военного времени. Так, постановление пленума Верховного суда СССР от 29 января 1942 г. разъяснило, что супруг не вправе требовать обращения взыскания на вклад в сберкассе или раздела этого вклада иначе, как по вступившему в законную силу приговору суда по уголовному делу¹. В силу этого постановления на вклады в сберкассах, в соответствии с Положением о последних, не может быть обращено взыскание по долгам вкладчика, хотя бы эти долги образовались из-за неплатежа алиментов. В то же время эти вклады объявлены отдельным имуществом супруга, на имя которого они внесены, и, стало быть, не включаются в состав совместного имущества супругов, хотя бы взносы и были произведены во время брака.

Некоторое изменение в действовавший ранее порядок взыскания алиментов было внесено постановлением пленума Верховного суда СССР от 22 января 1942 г., разъяснившим, что определение доли заработной платы, причитающейся в порядке взыскания алиментов, должно производиться не по общей сумме заработной платы, а только после удержания всех налогов, причитающихся с ответчика².

В военное время колоссально возросло количество детей, лишившихся крова, родной семьи, родителей. Временная оккупация советских земель, передвижение огромных человеческих масс в связи с эвакуацией населения в глубь страны, вывоз детей из районов, подвергавшихся угрозе бомбежки и обстрелов, смерть советских граждан как от прямых военных действий, так и от бедствий, связанных с войной, — все это приводило к тому, что многие тысячи и сотни тысяч детей лишились родителей, оказались бездомными. Опыт первой мировой войны, так же как и опыт гражданской войны, показывал, что в военное время детская беспризорность особенно интенсивно порождает детскую преступность. И советское правительство уделило много внимания вопросу о борьбе с детской беспризорностью, о защите детей от тлетворного влияния улицы, заброшенности, отсутствия родительской заботы. Вопросу о

¹ См. КЗоБ^О изд. 1947 г., стр. 76—77.

² См. там же, стр. 103.

борьбе с детской беспризорностью специально посвящено постановление СНК СССР от 23 января 1942 г.¹ которое установило порядок направления в приемники-распределители детей, оставшихся без родителей, с последующим направлением их через отделы народного образования в соответствующие детские учреждения или определением на патронирование или с устройством их на работу в промышленности или сельском хозяйстве (в возрасте старше 14 лет).

Параллельно с этим другое постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г.², имея в виду борьбу не только с бездзорностью и беспризорностью, но и с преступностью детей, предусматривает организацию трудовых воспитательных колоний НКВД, куда могут быть направлены подростки от 11 до 16 лет, как беспризорные, т. е. вовсе не имеющие родителей или длительное время живущие без родителей и не имеющие определенного местожительства, так и задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие преступления, если возбуждение против них уголовного преследования будет признано нецелесообразным, и, наконец, воспитанники детдомов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормально поставленную учебную и воспитательную работу в детдоме.

Это постановление, таким образом, усиливает воспитательный момент в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних, разрешая в необходимых случаях органам милиции и прокуратуры отказываться от преследования, а судам — прекращать дела. Установление вместе с тем твердого воспитательно-трудового режима в трудовых воспитательных колониях, так же как и неуклонное устройство детей, не имеющих родителей, — либо в детских учреждениях, либо в семьях трудящихся на условиях патронирования или опеки, — явились весьма эффективными средствами для недопущения и пресечения пре-

¹ СП 1942, № 2.

² См. учебник уголовного права, Общая часть, 1943. стр. 137.

См. также приказ НКЮ СССР от 19 июня 1943 г. «Об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних» и инструкцию НКВД СССР, НКЮ СССР и прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г. «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних» (там же).

ступности несовершеннолетних и для спасения от угрожавшего им морального падения.

Уже задолго до войны был организован институт патронирования, т. е. отдачи детей в семьи трудящихся для воспитания в семейной обстановке под наблюдением отделов народного образования и здравоохранения¹. Но в то время, особенно в 1928 г., патронирование мыслилось, главным образом, как мероприятие, рекомендуемое в целях облегчения деятельности государства по воспитанию детей-сирот, как неизбежная необходимость из-за недостаточности государственных детских учреждений. Теперь, во время войны, когда потребность в патронировании значительно возросла, издается новая инструкция². В ней подход к патронированию уже иной.

Инструкция определяет патронат как одну из форм общественной помощи в деле осуществления государственной системы охраны детства и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Она детальнейшим образом разрешает вопросы, связанные с организацией патроната, особенно подчеркивая при этом необходимость вдумчивого, осторожного подхода к заключению договора о патронировании путем тщательного предварительного ознакомления с условиями жизни семьи, изъявившей согласие взять ребенка к себе. Предписывается последующее систематическое наблюдение за выполнением условий договора о патронате и за воспитанием патронируемых, содействие патронирующей семье в деле воспитания и обучения патронируемого, обследование жизни детей, переданных в патронат. Патронирование рассматривается как замена, по возможности, родной семьи; оно допускается только в отношении детей, оставшихся без родителей, детей, лишившихся родителей или потерявших связь с ними; договор о патронировании прекращается по требованию о том нашедшихся либо явив-

¹ См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. (СУ 1928 г. № 64, ст. 462); постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1936 г. (СУ 1936 г. № 9, ст. 49); инструкция НКП, НКВД, НКФ, НКЗ и НКТ РСФСР № 64/18 от 11—19 января 1929 г. по применению постан. от 28 мая 1928 г. («Бюллетень НКВД», 1929, № 5); инструкция НКП, НКЗ, НКСО и НКЮ РСФСР от 2 июня 1936 г. по применению постановления от 1 апреля 1936 г.

² Инструкция НКП, НКЗ и НКЮ РСФСР, утвержденная СНК РСФСР 8 апреля 1943 г. (СП 1943 г. № 3, ст. 24).

щихся из неизвестного отсутствия родителей или близких родственников.

Патронат, при котором расходы по содержанию ребенка несет государство, а не патронирующая семья, мыслится как некая предварительная ступень к усыновлению: специально оговаривается, что в случае изъявления кем-либо из членов патронирующей семьи желаний усыновить ребенка органы опеки разрешают усыновление, причем с момента усыновления договор о патронировании теряет силу.

Понадобилось проявить заботу о многочисленных сиротах военного времени также и путем уточнения целого ряда вопросов, связанных с опекой над личностью и имуществом несовершеннолетних, в первую очередь — оставшихся без родителей. Эта потребность удовлетворяется также упомянутой выше инструкцией. Последняя подчеркивает, что опека назначается для выполнения обязанностей, которые лежат на родителях, особенно по воспитанию подопечного. Ввиду того, что опекун должен заботиться в первую очередь о личности подопечного, инструкция запрещает раздельное проживание опекуна и подопечного. Уделяя внимание также и защите имущественных интересов подопечного, инструкция обязывает органы опеки осуществлять тщательный контроль за деятельностью опекуна. Она определяет по-новому круг тех действий, которые опекун не вправе совершать без разрешения органов опеки, и запрещает ему всякое расходование имущества подопечного, либо совершение сделок по распоряжению имуществом, а равно и действия, выходящие за пределы обычных сделок по домашнему хозяйству и управлению имуществом. В частности опекуну запрещается заключать договоры, требующие нотариального засвидетельствования или регистрации в сельском совете, отказываться от принадлежащих подопечному имущественных прав, производить добровольный раздел имущества, выдавать письменные обязательства и прочее, — иначе, как по разрешению на то органов опеки.

Опека в том виде, в каком она определена в инструкции, рассчитана на существование между опекуном и подопечным отношений, приближающихся к родственным и заменяющих таковые, и в основном отличается от патроната тем, что расходы на содержание подопечного

должны покрываться за счет имущества самого подопечного, а не за счет государства.

Серьезные изменения внесены в военное время также и в институт усыновления. Та же инструкция, посвящая особый раздел усыновлению, разрешает его, как правило, только в отношении детей, не имеющих родителей, ибо именно сиротам нужно создать новую семью, которой они лишены.

Усыновление допускается исключительно в интересах детей и разрешается только в тех случаях, когда государство убеждается в том, что ребенку будут действительно предоставлены надлежащие условия. Поэтому усыновлению должно предшествовать обследование социально-бытовых условий усыновляемого и будущего усыновителя.

Жизнь показала, что многие советские граждане, не имеющие детей или потерявшие собственных детей, охотно усыновляют сирот, особенно детей, оставшихся после воинов-фронтовиков. Но, усыновляя ребенка, усыновители желают стать для него подлинными родителями. Это желание, вполне законное и понятное, совпадает с интересами ребенка, который также по возможности должен чувствовать в усыновителях родителей, не сознавая, а лучше всего, даже не зная, что это не его родители по происхождению. Для этого важно, чтобы было устранено внешнее напоминание о факте усыновления. Поэтому Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г. «Об усыновлении»¹ совершенно правильно и обоснованно допускает присвоение усыновляемому по просьбе усыновителя фамилии и отчества по имени усыновителя с записью усыновителей в актовых книгах о рождении в качестве родителей усыновленного (если усыновляемый уже достиг 10 лет, для этого требуется его согласие). Отныне, таким образом, усыновляемый может стать действительно «собственным» ребенком. Внешние препятствия к этому, постоянные напоминания о факте усыновления в свидетельстве о рождении, обнаружение этого факта перед третьими лицами, — все это отпадает.

Поскольку Указ 8 сентября 1943 г. полностью ставит усыновленных в то положение, в котором находятся

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1943, № 34.

родные дети, должно было бы отпасть действие разъяснений, которые этому противоречат; в частности: разъяснение НКЮ РСФСР 1928 г.¹, согласно которому усыновленный не обязан выдачей средств на содержание детей усыновителя, а дети и родители усыновителя, после смерти последнего, усыновленному; разъяснение НКЮ РСФСР от 8 марта 1927 г.² и определение Гражданской коллегии Верховного суда РСФСР³ о том, что усыновленный не лишается права наследовать в имуществе родственников по происхождению; разъяснение НКЮ РСФСР от 28 сентября 1926 г.⁴ и определение Верховного суда СССР 1940 г.⁵ о том, что усыновление ребенка не освобождает отца последнего от оплаты средств на его содержание, если усыновитель не в состоянии оказывать помощь усыновленному. В настоящее время положение усыновленного, записанного в книгах записи рождений в качестве родного ребенка усыновителей, ничем не должно отличаться от положения родного ребенка также и в его отношениях с родственниками усыновителя; соответственно этому усыновленный с полным безоговорочным вхождением в семью усыновителя уже не может рассматриваться как член той семьи, к которой он принадлежал до усыновления в силу своего происхождения, со всеми вытекающими отсюда последствиями как в отношении права на содержание, так и в отношении права на наследование.

Отдельные кодексы союзных республик уже с самого начала стали на такую точку зрения. Так, КЗоБСО УССР (ст. 43), Азербайджанской ССР (ст. 70), БССР (ст. 81) и Грузинской ССР (ст. 73) прямо указывают, что усыновленный утрачивает в отношении своих родителей все права и освобождается от всех обязанностей.

2

Военное время показало, что существует настоятельная необходимость допускать замену родной семьи там

¹ КЗоБСО, 1938, стр. 74.

² КЗоБСО, 1938, стр. 72.

³ «Советская юстиция», 1937, № 4.

⁴ «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 7.

⁵ Сборник постановлений и определений Верховного суда СССР 1940 г.

где эта родная семья уничтожена смертью родителей или их безвестным отсутствием. Оно с очевидностью подтвердило также, что молодое поколение — сила и надежда нашей страны — может развиваться надлежащим образом только в нормальной, здоровой, крепко спаянной семье, в такой семье, где родители связаны друг с другом надолго, где брак между ними заключен обдуманно, «всерьез и надолго», где брак является прочной связью, установленной с учетом и общегосударственных интересов, а потому не могущей быть расторгнутой по одной только прихоти, преходящему капризу легкомысленных супругов или одного из них. Эта потребность привела к коренному изменению нашего законодательства о браке и семье в вопросах заключения брака, возможности его прекращения, взаимоотношений родителей и детей.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.¹ ставит во главу угла усиление государственной помощи женщинам-матерям и детям. Подчеркивая, что забота о матерях всегда являлась одной из важнейших задач Советского государства, Указ констатирует, что во время войны и после войны, когда для многих семей могут создаться материальные затруднения, требуется дальнейшее расширение мероприятий государственной помощи. Поэтому, в целях увеличения материальной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, поощрения многодетности и усиления охраны материнства и детства Указ устанавливает ряд мер, направленных на увеличение государственной помощи матерям и детям.

Прежде всего увеличивается государственная помощь многодетным матерям путем увеличения выдаваемого последним государственного пособия, назначения его при рождении уже третьего и каждого последующего ребенка, определения пособия в форме не только единовременной выдачи, но и ежемесячных платежей (начиная с четвертого ребенка) взамен прежних ежегодных платежей. Независимо от этого, устанавливается государственное пособие одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей, родившихся после Указа 8 июля 1944 г. вне зарегистрированного брака,

¹ «Ведомости Верховного Совета», 1944, № 37.

а также увеличивается размер пособия на новорожденного ребенка (с 45 до 120 руб.).

Далее Указ 8 июля 1944 г. увеличивает льготы для беременных матерей, удлинив отпуск по беременности и родам с 63 до 77 дней (а при определенных условиях — еще на 2 недели), запретив привлечение беременных женщин, начиная с четвертого месяца беременности, к сверхурочным работам, а женщин, имеющих грудных детей, к работам в ночное время в период кормления ребенка. Одновременно установлен ряд льгот в области продовольственного снабжения матери, предусмотрено расширение сети учреждений охраны материнства и детства (со льготной оплатой за детей для многодетных родителей в зависимости от их заработка). Наконец, учреждены медаль «Медаль материнства» и ордена «Материнская слава» и установлено почетное звание «Мать-Героиня» — для матерей, родивших и воспитавших 10 детей. Этим отдается дань тому чувству уважения, которым социалистическое общество окружает женщин-матерей.

Все эти положения, направленные на повышение рождаемости, подчеркивают огромное значение, которое придает государство заботе о детях. Но, естественно, нельзя было ограничиться только увеличением ассигнований на помощь матери и ребенку, только предоставлением тех или иных льгот матери, только установлением почетного звания и знаков отличия. Надо было укрепить основу семьи, устранить те моменты, которые способны подтачивать существование семьи. Указ 8 июля выполняет и эту задачу.

Как мы видели, в Советском Союзе брак никогда не рассматривался как случайная связь между двумя лицами разного пола, которые могли по своему произволу сходиться и расходиться. Даже в тот период, когда фактические брачные отношения в отдельных советских республиках приравнивались в ряде моментов к зарегистрированному браку, закон подчеркивал значение брака для общества, значение регистрации брака для государства. Закон никогда не приравнивал незарегистрированный брак к зарегистрированному до полного совпадения правовых последствий того и другого. Указ 8 июля исходит из тех же основных положений, сугубо подчеркивая государственное значение брака, при этом он уста-

навливает, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов».

В 1926 г. признание за фактическими брачными отношениями правового значения было обусловлено в основном тем, что незащищенность женщины при неоформленных брачных отношениях приводила тогда к тяжелому урону для ее интересов. Теперь, когда женщина заняла во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни почетное место,— зависимость ее от мужчины отошла в область предания. Не только на работе, но и в быту советская женщина стала действительно равноправной с мужчиной. Уже нечего было опасаться, что мужчина сумеет «завлечь» женщину, а затем бросить ее беспомощную и беззащитную. Женщина сама защитит как себя, так и своего ребенка. Отпала поэтому необходимость охранять интересы женщины признанием за ней определенных имущественных прав при фактических брачных отношениях. Вместе с тем в интересах семьи, в интересах будущего подрастающего поколения надо было обеспечить устойчивый, стабильный брак. А таковым является брак зарегистрированный, ибо фактические брачные отношения лишены того характера постоянства и устойчивости, который присущ бракам зарегистрированным.

Признавая правовую силу только за зарегистрированными браками, Указ 8 июля 1944 г., естественно, не мог предоставить вопрос о разводе исключительно только свободному усмотрению супругов (или одного из них). Надо было притти к установлению такого порядка развода, когда желание супругов прекратить брак подвергается проверке государственной власти в лице советского суда. От прекращения брака по усмотрению супругов, порою вызванному случайными моментами, страдают интересы детей, интересы общества, интересы государства. И если мы должны заботиться о крепости семейных основ, мы должны по возможности устранять все то, что без серьезных к тому оснований разрушает семью. Поэтому следует безоговорочно допускать развод только тогда, когда семья, в силу внутреннего разлада между супругами или по другим причинам, действительно перестала уже существовать. В этих случаях, когда сохранение видимости, оболочки семьи, уже потерявшей свое содержание, становится бесцельным, а часто даже вред-

ным, супруги должны быть разведены. Иначе говоря, развод необходим, когда он не есть разрушение брака, а «есть только констатирование: данный брак есть мертвый брак, его бытие есть только видимость и обман»¹. Но потребность в разводе может быть устранена, если расхождение между супругами не является окончательным, если разлад между ними может быть ликвидирован при доброй воле с обеих сторон.

Соответственно этому, Указ 8 июля допустил развод только на основании судебного решения, установив для этого определенную процедуру.

Супруг, желающий развестись (или оба супруга вместе), должен подать об этом заявление в народный суд с указанием мотивов развода. Народный суд вызывает другого супруга для ознакомления с заявлением о разводе, предварительного выяснения мотивов развода. Затем производится публикация в местной газете и только после этого дело может быть заслушано народным судом. Последний обязан установить мотивы подачи заявления о разводе и принять меры для примирения супругов, для чего они оба подлежат обязательному вызову. Только в том случае, если примирение в народном суде не состоялось, допускается подача заявления о расторжении брака в вышестоящий суд, который один только уполномочен выносить об этом решение. Выписывая на основании судебного решения свидетельство о разводе, орган ЗАГС делает об этом отметку в паспорте и берет с одного или с обоих супругов, по определению суда, от 500 до 2000 руб.

Таким образом, развод, как и регистрация брака, перестает иметь только доказательственную силу. Оба они представляют собой конститутивные элементы — как при возникновении, так и при прекращении брака. Там, где нет регистрации брака, нет и самого брака, каковы бы ни были отношения между сторонами. Там, где нет решения о разводе, брак признается существующим, хотя бы даже фактические брачные отношения давно уже прекратились.

Указ 8 июля запрещает установление отцовства по суду, отменяет право матери взыскивать алименты на содержание ребенка, родившегося вне зарегистрированно-

¹ М а р к с, Проект закона о разводе, М а р к с и Э н г е л ь с. Соч., т. I, стр. 267.

го брака. Это не ущемляет интересов ребенка. Последний при признании отцовства по суду (фактически против воли отца), как правило, приобретал только материальную поддержку, но отца он не приобретал. Если же отец желает заботиться о своем ребенке, быть ему действительным отцом, он всегда может это осуществлять сейчас, как и прежде, предварительно зарегистрировав свой брак с матерью.

Теперь ребенок в материальной помощи отца и не нуждается, ибо мать, как правило, в состоянии полностью содержать ребенка сама. В то же время государство широко идет ей в этом отношении навстречу всеми теми мероприятиями, которые направлены на помощь матери. Одинокой матери выдается специальное ежемесячное пособие на воспитание ребенка; при желании она имеет возможность поместить ребенка в детский дом для воспитания полностью за счет государства, причем и в этом случае она не теряет ребенка, так как последний воспитывается в детском доме только до того момента, пока мать не пожелает взять его обратно на свое воспитание. Не страдают при этом и моральные чувства матери и ребенка, ибо, в отличие от буржуазного общества, наша советская общественность окружает одинаковой любовью и одинаковым вниманием ребенка и мать, безотносительно к тому, рождается ли ребенок в зарегистрированном браке или в результате фактических брачных отношений.

Приведенные сдвиги огромны. Но, продолжая общую линию развития советского семейного права, они не знаменуют собой ломки, а представляют собой лишь поднятие социалистического семейного права на новую, более высокую ступень в соответствии с изменившимися за последние годы социально-экономическими и культурно-бытовыми условиями нашего государства.

3

Указ 8 июля 1944 г. знаменует собой определенную решающую ступень в области развития советского семейного права. Однако он не только завершает известный этап, но и кладет начало новой, дальнейшей работе. Эта работа выражается в настоящее время во внедрении в жизнь тех новых начал и положений, которые нашли свое отражение в Указе 8 июля.

Прежде всего понадобилось издать постановление, необходимость которого вытекает непосредственно из содержания Указа 8 июля. Поскольку Указ устанавливает особые льготы и пособия матерям, ближайшей задачей законодателя явилось издание положения «О порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставлении льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям»¹.

Это положение, заменяя собой ранее действовавшее положение от 22 мая 1937 г.², целиком основано на тех предпосылках, которые содержатся в Указе 8 июля. В соответствии с последним оно устанавливает порядок определения государственных пособий матерям, многодетным и одиноким, порядок назначения этих пособий и их выплаты, и, наконец, порядок предоставления льгот беременным женщинам и матерям.

Установление по Указу 8 июля почетного звания «Мать героиня», орденов «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» потребовало издания положений об этих званиях, орденах и медалях³, инструкции о порядке представления к присвоению почетного звания «Мать-Героиня» и инструкции о порядке представления к награждению упомянутыми орденами и медалями, о порядке их вручения⁴.

Установление льгот и увеличение денежной помощи матерям привели к изданию постановления СНК СССР от 1 августа 1945 г. «Об увеличении размера пособий на кормление ребенка»⁵, а возвращение в СССР большого количества многодетных и одиноких матерей потребовало издания особого постановления Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. «О порядке назначения и выплаты, государственных пособий многодетным и оди-

---

¹ Утверждено постановлением СНК СССР от 18 августа 1944 г. № 1122 (СП 1944 г. № 11, ст. 162).

² Инструкция НКЗ СССР, утвержденная СНК СССР 22 мая 1937 г. (СЗ 1937 г. № 35, ст. 145).

³ Утверждены Указом Президиума Верховного Совета СССР 18 августа 1944 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1944 № 45)

⁴ Утверждена постановлением Секретариата Президиума Верховного Совета СССР 20 ноября 1944 г. (Сборник указов, постановлений, рецензий, распоряжений и приказов военного времени, Лениздат, 1945, стр. 155 и 158).

⁵ СП 1945 г. № 7, ст. 38.

ноким матерям, репатрируемым в СССР»¹. Наконец, особое значение, придаваемое по Указу 8 июля 1944 г. моменту регистрации брака, вызвало потребность в упорядочении работы ЗАГС и установлении определенной торжественности оформления брака. Этому вопросу посвящено постановление СНК РСФСР от 2 января 1946 г. «Об улучшении работы Бюро ЗАГС»².

Определенные трудности вызвал в первое время вопрос о тех фактических брачных отношениях, которые, возникнув до 8 июля 1944 г., продолжали существовать и после издания Указа. Самый Указ с совершенной ясностью определял, что фактические брачные отношения, возникшие после 8 июля 1944 г., никакого правового значения иметь не могут. Применительно к отношениям, возникшим до 8 июля 1944 г., Указ имел в виду их оформление посредством последующей регистрации, с допущением в этих случаях указания срока фактической совместной жизни. Из этих правил вытекает с очевидностью, что фактические брачные отношения, возникшие хотя бы до 8 июля 1944 г., могут влечь за собой правовые последствия только при условии последующей их регистрации. Никаким иным путем, в частности, по суду, устанавливать наличие фактических брачных отношений нельзя. Но запрещение доказывать по суду существование фактических брачных отношений могло влечь за собой весьма тяжкие последствия для тех лиц, которые, вступив в фактические брачные отношения в то время, когда таковые приравнивались к зарегистрированному браку, в дальнейшем были лишены возможности достигнуть надлежащего оформления из-за смерти или факта пропажи без вести на фронте лица, состоявшего с ним, в таких отношениях. Президиум Верховного Совета СССР признал правильным идти в этих случаях навстречу интересам пережившего лица и установил за ним право обратиться в народный суд с заявлением о признании его супругом умершего или пропавшего без вести на фронте лица³.

Такие же трудности возникали перед практикой в вопросе о правах детей, родители которых не состояли

¹ Сборник законов, указов, постановлений, решений и распоряжений. Лениздат, 1947, стр. 413.

² СП РСФСР 1946 г. № 3, ст. 8.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, № 60); инструкция НКЮ СССР от 16 ноября 1944 г. о том же.

между собой в зарегистрированном браке. По точному тексту Указа 8 июля 1944 г., не могут быть предъявлены иски об установлении отцовства, если дети родились после издания Указа. Столь же очевидно право матери на получение государственного пособия на детей, родившихся после этого срока. В виде особо предусмотренного Указом исключения разрешается получение пособия также и на детей, родившихся до издания Указа, но не ранее 1 января 1944 г., если мать не получает на них алиментов. Вместе с тем за матерью сохраняется право на дальнейшее получение алиментов на детей, родившихся до Указа 8 июля. Эти правила оставляли открытым вопросом о возможности установления отцовства и взыскания алиментов в отношении родившихся до Указа детей, на которых, однако, мать к моменту издания Указа алиментов не получала. Вопрос этот представлялся настолько сложным, что он не мог быть разрешен в порядке истолкования Указа. Пленум Верховного суда СССР соответствующие дела в судах приостановил, пока не был издан специальный Указ Президиума Верховного Совета. Этот Указ установил, что иски матерей о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося до издания Указа от 8 июля 1944 г. от лица, с которым мать не состоит в зарегистрированном браке, могут рассматриваться судами при условии, если ответчик записан в качестве отца ребенка в книгах записи актов гражданского состояния¹.

Одновременно этот же Указ признал за детьми, родившимися до 8 июля 1944 г. вне зарегистрированного брака, в случае смерти отца, записанного в книгах ЗАГС, право на наследование, а равно на обеспечение пенсиями и установленными для семей военнослужащих государственными пособиями, наравне с детьми, родившимися в зарегистрированном браке. Наконец, Указ установил, что в случае вступления матери в зарегистрированный брак с лицом, от которого она ранее родила ребенка и который признает себя отцом последнего, — ребенок приравнивается во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке, с присвоением ему отчества

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1945, № 15); инструкция НКЮ СССР от 20 марта 1945 г. № Д—10 о том же.

по имени отца, а с обоюдного согласия родителей — также и фамилии отца.

Изложенное постановление направлено не только на защиту интересов ребенка, родившегося до Указа 8 июля 1944 г. и потому не имеющего права на получение пособия от государства, но и на создание дополнительного стимула к оформлению брачных отношений, хотя бы после рождения ребенка, независимо от момента рождения (до или после 8 июля 1944 г.), в целях установления отношений отцовства с ребенком посредством брака с матерью.

Нововведение, каким представляется рассмотрение дел о расторжении брака судами, равно как и самая процедура, предусмотренная Указом 8 июля 1944 г., потребовали детализации и уточнения всех процессуальных вопросов, связанных с подобного рода делами. Этому посвящена инструкция НКЮ СССР¹. 29 августа 1946 г. принято постановление Совета Министров СССР, специально посвященное вопросу о рассмотрении дел о разводе при наличии условий, исключающих возможность явки ответчика и устраняющих возможность возражений против требования истца о прекращении брака². Для соответствующих случаев (удостоверенное в установленном порядке безвестное отсутствие, пропажа без вести на фронте, осуждение к лишению свободы на срок не менее 3 лет или душевная болезнь одного из супругов) допущены подача заявления о разводе непосредственно в областной, краевой, окружной, городской или верховный суд союзной или автономной республики без предварительного рассмотрения дела в народном суде, рассмотрение дела без вызова ответчика и без публикации в газете (только для лиц, содержащихся под стражей, требуется обязательное письменное уведомление ответчика и публикация в местной газете), причем сумма от 500 до 2000 руб. при выдаче свидетельства о разводе взиманию не подлежит, а государственная пошлина при подаче заявления о расторжении брака взыскивается в размерах, установленных для исковых заявлений неимущественного характера³.

¹ Инструкция НКЮ СССР, утвержденная постановлением СНК СССР 27 ноября 1944 г. (см. КЗоБСО изд. 1947 г., стр. 81).

² Сборник законов, указов, постановлений, решений и распоряжений, Лениздат, 1947, стр. 412.

³ См. КЗоБСО. изд. 1947 г., стр. 84—85.

Вопрос о надлежащем применении порядка, установленного Указом 8 июля и прочими связанными с ним законодательными материалами, требует пристального к себе внимания, и неудивительно, что при обследовании работы судов Министерству юстиции приходилось неоднократно издавать соответствующие приказы, отмечающие дефекты в работе судов и указывающие пути устранения этих дефектов.

Понадобилось также разрешить вопрос о неоформленном усыновлении. Практика военного времени особенно часто заставляла сталкиваться с таким положением, встречавшимся и раньше, когда усыновление своевременно не было оформлено, а между тем уточнение отношений между воспитанником и лицом, его воспитавшим, представлялось настоятельно необходимым в связи со смертью того или другого.

Прежде практика находила выход в том, что допускала применение правил об усыновлении, со всеми вытекающими отсюда последствиями, к тем случаям, когда по обстоятельствам дела отношения между лицом, принявшим ребенка на воспитание, и приемным фактически подходили под закон об усыновлении¹. В данное время такой выход, — использованный кстати в тот период, когда усыновление формально еще не допускалось законом, — является явно недостаточным и неудовлетворительным. Поэтому Верховный суд СССР допустил установление по суду факта усыновления после смерти или пропажи без вести на фронте усыновителя — военнослужащего или усыновленного — военнослужащего². Это — особый порядок, принятый специально для военнослужащих — усыновителей или усыновленных. Наряду с этим другое постановление пленума Верховного суда от того же 29 июня 1945 г. «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан» относит к компетенции суда рассмотре-

¹ Разъяснение Президиума Верховного суда РСФСР от 1 февраля 1926 г., прот. № 2 («Еженедельник советской юстиции», 1926, № 7).

² Постановление пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/7/У. Одновременно объявлено утратившим силу действовавшее ранее постановление 35-го пленума Верховного суда СССР от 27 октября 1931 г. о том же.

ние дел об установлении факта усыновления после смерти усыновленного или усыновителя, если при их жизни усыновление не было оформлено надлежащим порядком. В дополнение к этому следует обратить внимание на указание, которое содержится в определении Верховного суда СССР¹ по иску Михайловского и Гариной о признании их фактически усыновленными умершим Спириным — их отчимом, на том основании, что с 1940 г., т. е. с 14 до 15 лет, они воспитывались в семье Спирина. По этому делу Верховный суд указал, что усыновление допускается только в отношении несовершеннолетних и малолетних.

Наконец, в последнее время запрещены браки между гражданами СССР и иностранцами².

В заключение следует упомянуть еще о новейшем республиканском законодательстве. Оно заключается в изменении ряда статей республиканских кодексов применительно к новому порядку, установленному Указом 8 июля 1944 г. В частности, в РСФСР такие изменения внесены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 апреля 1945 г., как в КЗоБСО, так и в ГК³.

В основном это — чисто редакционная работа, направленная на отмену либо на изменение отдельных статей кодексов. Она затронула очень большое количество статей КЗоБСО. В то же время она в отдельных случаях выходит за пределы Указа от 8 июля 1944 г. Так, в частности, отменены те части ст. ст. 14 и 15 КЗоБСО, которые упоминают о помощи нуждающемуся безработному супругу и которые уже давно не применялись ввиду ликвидации безработицы в Советском государстве.

---

¹ «Судебная практика», 1945, № 8/14.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 апреля 1947 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, №№ 10 и 13).

³ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1945, № 26.

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

I

Наследственное право, как и право вообще, определяется экономическими отношениями, организацией гражданского общества на той или иной ступени развития производительных сил людей¹. Наследственное право, обусловливаемое развитием производственных отношений, развитием классовых отношений², в то же время находится в тесной неразрывной связи как с развитием семейных отношений, в свою очередь обусловливаемых развитием производственных отношений, так и с собственностью отдельных лиц. «Институт наследства,— говорит Ленин,— предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена»³.

Таким образом, наследование появляется лишь на определенной ступени общественного развития, когда место старого общества, покоящегося на родовых союзах, заступает новое общество, «в котором семейные отношения полностью подчинены отношениям собственности»⁴.

¹ «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму общения (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, общения и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов,— словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является всего лишь официальным выражением гражданского общества» (из письма Маркса Анненкову от 28 декабря 1846 г.— Маркс и Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 22).

² Наследственное право,— говорят Маркс и Энгельс,— яснее всего показывает зависимость права от производственных отношений (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 347).

³ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. I, стр. 136.

⁴ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Предисловие к I-му изданию. Маркс и Энгельс Соч., т. XVI, ч. I, стр. 8.

Вместе с собственностью наследование приобретает особый характер, особое значение и особые формы в разные исторические эпохи, находясь в тесной зависимости от изменения производственных отношений в различных общественно-экономических формациях.

Будучи обусловлено в эксплуататорских обществах развитием частной собственности, наследование отражает в дальнейшей своей истории все изменения в развитии производительных сил, в структуре классового общества, в соотношении классовых сил.

Поражение капитализма, победа социалистического строя отнюдь не означают отмирания института наследования. Такое толкование было бы сугубо ошибочным.

Действительно, в социалистическом обществе нет места для частной собственности, — стало быть, нет здесь места и для наследования собственности капиталистического типа, собственности эксплуататорской. Поэтому пришедший к власти пролетариат должен был с самого начала порвать с прежними нормами дореволюционного наследственного права, целиком направленного на укрепление и развитие частной собственности. Но Октябрьская революция, поставившая перед социалистическим обществом задачу всемерного повышения благосостояния трудящихся, тем самым выдвинула и вопрос о значении наследования для развития и укрепления личной собственности.

На почве Сталинской Конституции пышно расцветает личная собственность трудящихся; с мощным ростом социалистической собственности увеличивается благосостояние рабочих, служащих, крестьян-колхозников. Зажиточный колхозник, состоятельный рабочий приобретают все большее количество предметов потребления для удовлетворения неуклонно развивающихся материальных и культурных потребностей.

И судьба этих вещей после смерти собственника не может не интересоваться его, не может не иметь значения для его близких, а тем самым не может не иметь значения для всего социалистического общества.

Все это заставляет не снимать вопрос о наследовании, а, наоборот, ставить его во всю ширину, совершен-

но по-новому, разрешать его в соответствии с потребностями социалистического общества и членов этого общества.

Советское наследственное право, наследование личной собственности, должно было развиваться после того, как были отменены старые нормы, регулировавшие наследование частной собственности. Советское наследственное право, оставаясь наследованием личной собственности, должно было за годы своего существования подыматься с одной ступени на другую, по мере развития социалистического общества, развития и укрепления социалистического способа производства, превращения социалистического способа производства в единственно господствующий.

Соответственно этому наследственное право СССР, основывающееся в данное время на Сталинской Конституции, должно отражать на себе решительную победу социалистического строя.

В годы Отечественной войны вопросы наследования не теряли своего значения. По мере изгнания захватчиков, по мере возвращения в родные места советских людей, угнанных в рабство или оторванных от своего очага условиями эвакуации или необходимостью защищать свою Родину с оружием в руках, восстанавливались и народное хозяйство, и личная собственность рабочих, крестьян, интеллигенции. И именно в этот период советский закон о наследовании подвергся значительным изменениям, направленным на дальнейшее укрепление семейных начал, на обеспечение охраны личной собственности, на возможное удовлетворение желаний, стремлений, привязанностей и склонностей советских граждан.

В настоящее время, после победы над Германией на Западе и Японией на Востоке, перед трудящимися Советского Союза стоит задача не только восстановить уничтоженное, но и добиться создания еще более прекрасных, еще более совершенных общенародных ценностей. В условиях невиданного расцвета всей жизни трудящиеся нашей страны и в своем личном обиходе будут приобретать вещи все более красивые, все более ценные, будут приобретать благосостояние, несравнимое с тем, что они потеряли за время войны.

Сейчас, в послевоенный период, когда наследственное право поднято на новую высоту, судебная практика

в области наследования должна последовательно и правильно применять те начала, которые заложены в советском законодательстве. И изучение истории наследственного права должно осветить тот путь, по которому надлежит идти, помочь определить те задачи, которые надлежит поставить и разрешить.

II

Сразу же после Октябрьской революции советская власть принимает постановления, направленные на уничтожение крупной капиталистической частной собственности.

26 октября (8 ноября) 1917 г. был принят декрет о земле, воспроизводивший основные положения, которые уже в мае—июне 1917 г. были разработаны Лениным в качестве требования большевистской партии, в качестве проекта резолюции первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов¹. Этим декретом отменялась без всякого выкупа помещичья собственность на землю и передавались в распоряжение местных земельных комитетов все помещичьи имения, а равно все земли монастырские, удельные, церковные.

Вскоре после этого, 14 декабря 1917 г., были национализированы банки; в течение ноября—декабря 1917 г. и в течение первых месяцев 1918 г. были приняты декреты о конфискации акционерных обществ, что было завершено общим декретом от 28 июня 1918 г. о национализации крупных предприятий различных отраслей промышленности, предприятий по благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта.

28 января 1918 г. были аннулированы государственные займы. 30 июня 1918 г. произведена национализация нефтяной промышленности. 20 августа 1918 г. издан декрет об отмене частной собственности на недвижимость в городах.

Этим «сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г. (8 ноября 1917 г.), отменена частная собственность на

---

¹ См. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 308 и 401.

землю, без вознаграждения крупных собственников, экспроприированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспроприированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и так далее»¹.

Таким путем была ликвидирована в основном крупная частная собственность. За ее отсутствием вопрос о наследовании этой частной собственности в значительной степени потерял свою остроту. Но все же частная собственность не была тогда ликвидирована полностью. Существовало товарное производство как в городе, так и в деревне. Существовала собственность трудящихся города и деревни, собственность на предметы личного потребления, причем иногда эти предметы могли представлять собой более или менее значительную ценность.

Судьба этого имущества на случай смерти его собственника требовала регулирования. И 4 мая (21 апреля) 1918 г. был издан декрет «Об отмене наследования»².

Обычно при анализе указанного декрета основное внимание обращается на одну сторону вопроса, — на то, что этим декретом было отменено наследование.

Действительно, в полном соответствии с учением Маркса—Энгельса, в полном соответствии с принципами, изложенными в «Манифесте Коммунистической партии»³, в полном соответствии с общей политикой Советской власти, — декрет от 4 мая (21 апреля) 1918 г. начинается со слов: «Наследование, как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как движимое, так и недвижимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики».

Решительный характер этого положения подкрепляется еще тем, что декрету была придана обратная сила по отношению ко всем наследствам, открывшимся до его

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 508—509.

² СУ 1918 г. № 34, ст. 456.

³ «В наиболее передовых странах, — сказано там, — могут быть почти повсеместно применены следующие меры:...3. Отмена права наследования» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1948, стр. 79).

издания, но еще не приобретенным наследниками, или, хотя и приобретенным, но еще не поступившим в их владение, с прекращением всех находившихся в производстве судов наследственных дел и немедленной передачей всех наследственных имуществ в ведение подлежащих учреждений¹.

Но наряду с этим правилом, вполне соответствовавшим политике победившего пролетариата, декрет 27 апреля 1918 г. содержит и другие указания, которые были использованы для того, чтобы утверждать, будто этот декрет установил суррогат социального обеспечения, будто в советском праве наследование является частноправовой формой обеспечения.

Ст. 2 декрета 27 апреля 1918 г. допускала — впредь до издания декрета о всеобщем социальном обеспечении — получение нуждающимися нетрудоспособными² родственниками по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также супругом умершего содержанием из оставшегося после умершего имущества, в размерах, которые определялись учреждениями, ведавшими делами социального обеспечения, а в случае спора — общеисковым порядком³.

В этой статье, действительно, устанавливается обеспечение за счет средств, оставшихся после умершего.

---

¹ Соответственно этому, согласно инструкции к декрету от 27 апреля 1918 г., все производства по наследственным делам были переданы в ведение местных советов, с прекращением соответствующих производств в народных судах (Постановление НКЮ РСФСР от 11 июня 1918 г. — СУ 1918 г. № 46, ст. 549).

² Согласно постановлению НКЮ РСФСР от 11 июня 1918 г. нетрудоспособными признавались: больные, увечные, не достигшие 18 лет, мужчины, достигшие 55-летнего, и женщины, достигшие 50-летнего возраста.

³ В соответствии с этим постановление НКЮ РСФСР от 11 июня 1918 г. и предусматривало подачу заявления лицами, имевшими право на получение содержания, в Отдел социального обеспечения в течение годового срока, с обязательным урегулированием вопроса в течение 3 месяцев и передачей дела в суд при недостижении соглашения. При этом постановление НКЮ предписывало устанавливать размер и форму содержания, руководствуясь степенью нуждаемости и нетрудоспособности заявителя, а также размером установленного прожиточного минимума, категорически запрещая капитализацию периодических платежей.

и притом обеспечение всех нетрудоспособных и неимущих лиц, какова бы ни была природа собственности, оставшейся после умершего¹.

Но вслед за этой статьей в декрет включена другая статья, истинный смысл и значение которой усиленно затушевывается, вольно или невольно. Это — ст. 9 декрета, которая уже не трактует об отмене наследования, которая уже не имеет в виду обеспечения нетрудоспособных и неимущих родственников путем предоставления им содержания за счет имущества умершего, кто бы он ни был и в чем бы его имущество ни состояло.

Эта последняя статья устанавливает уже новые начала наследования, наследования в социалистическом праве. Она предусматривает переход не превышающего по стоимости 10 000 руб. имущества умершего, в частности состоящего из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе и деревне, в непосредственное управление и распоряжение имеющихся налицо упомянутых в ст. 2 лиц (супруга, нисходящих, восходящих, полнородных и неполнородных братьев и сестер).

Это постановление точно так же пытались иногда истолковать, как проникнутое началами социального обеспечения, как чуждое началам наследственного права.

При этом игнорируются противоположность частнокапиталистической собственности и собственности трудовой, различие между собственностью эксплуататорской, направленной на порабощение человека человеком, и собственностью трудящихся, имеющей назначением возможно более широкое, всестороннее удовлетворение потребностей человека.

Несмотря на то, что декрет 27 апреля 1918 г. отменяет наследование частной собственности, утверждали, будто произведена отмена наследования вообще, отмена наследования всякой собственности.

На самом деле ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г., в отличие от ст. ст. 1 и 2 декрета, регламентирует наследование трудовой собствен-

---

¹ Декрет СНК РСФСР от 17 июня 1918 г. (СУ 1918 г. № 56, ст. 624) распространяет этот порядок и на лиц, оставшихся после безвестно отсутствующих.

ности, регламентирует такой правовой институт, который представляет собой не что иное, как именно наследование.

Значение ст. 9 декрета, как закона о новом порядке наследования, обычно освещается весьма слабо и, вместо этого, усиленно подчеркиваются присущие декрету моменты обеспечения родственников умершего, моменты, отраженные в ст. 2 декрета. В частности, даже в непредоставлении гражданам права завещания усматривалось «доказательство» того, что законодатель придавал особо большое значение той стороне советского наследственного права, которая якобы заключается в разрешении задачи социального обеспечения.

Такая точка зрения неправильна потому, что природа функции, задачи, цели, порядок осуществления социального обеспечения, с одной стороны, и наследственного права, с другой стороны, отличны друг от друга.

Социальное обеспечение (самое слово говорит об этом) имеет в виду обеспечение социальное — то есть обществом, государством. Наследование же регулирует всегда переход индивидуальной собственности.

Если ст. 2 декрета 27 апреля 1918 г. упоминает о содержании родственников умершего из оставшегося имущества впредь до издания декрета о всеобщем социальном обеспечении, то и это отнюдь не означает, что даже для предусмотренных в этой статье случаев законодатель имел в виду заменить социальное обеспечение наследованием. Он оставлял лишь выдачу содержания из наследственного имущества ввиду неприменения социального обеспечения.

Еще меньше можно говорить об установлении в ст. 9 декрета начал социального обеспечения и даже обеспечения вообще¹.

Здесь отсутствует один момент, существенно необходимый для установления обеспечения, хотя бы в фор-

---

¹ Если утверждать, как это делает, например, проф. Серебровский («Наследственное право», 1925 г., стр. 5), что установленный ст. 9 порядок не имеет ничего общего с наследованием или что по декрету 27 апреля 1918 г. наследование было сохранено как временная, частно-правовая форма социального обеспечения (ср. возражения т. Орловского в «Советской юстиции», 1937, № 13), то, спрашивается, какое при таком толковании различие между ст. 9 и ст. 2 декрета 27 апреля 1918 г.?

ме содержания за счет личных средств, — момент нетрудоспособности и нуждаемости.

К лицам, получавшим наследственное имущество в порядке ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г., реквизит нуждаемости и нетрудоспособности не относился. А без этих предпосылок советское право вообще не признает обеспечения.

Фактически дело тут не в обеспечении, а в общности хозяйственной (при сохранении индивидуальной собственности), в общности семейной, которая и приводила к оставлению имущества умершего лицам, составившим вместе с умершим семью (по крайней мере, предположительно, в подавляющем большинстве случаев, поскольку перечисленные в законе родственники должны были находиться «налицо»).

Только игнорирование семейных связей, семейных начал, семейных отношений, новой, социалистической семьи приводит к подчеркиванию значения элементов социального обеспечения в наследовании по декрету об отмене наследования.

Сугубо неправильно говорить при этом не о функции обеспечения вообще, а о социальном обеспечении, ибо наследственное право, даже в том понимании, которое изложено выше, могло бы заменять разве только алиментирование, содержание за счет имущества умершего, но никак не социальное обеспечение. Ведь и алименты не должны рассматриваться как суррогат, как замена социального обеспечения. Они представляют собой особую обязанность граждан, вытекающую из семейных отношений, а никак не подмену помощи государства в случаях, когда последнее находит ненужным или невозможным оказывать такую помощь. Тем паче не может быть таким суррогатом, такой заменой наследование. Последнее не может быть суррогатом, заменой и алиментов, ибо право на алименты и право на наследование — это институты, отличные друг от друга.

Наше толкование ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г., как устанавливающей основы нового наследственного права, а не особого вида обеспечения, противоречит как будто законодательной норме, содержащейся в постановлении НКЮ и НКФ РСФСР от 31 декабря 1918 г.¹

¹ СУ 1918 г. № 100, ст. 1031.

Постановление это, освобождая от налогов и сборов выдачи, предусмотренные декретом об отмене наследования, определяет порядок, установленный ст. 2 декрета, как временный — до обеспечения социальной помощью всех граждан, как один из видов социальной помощи, тем более, что соответствующее право предоставляется только тем из перечисленных в ст. 2 лицам, которые, будучи необеспеченными, являются в то же время и нетрудоспособными. С этими указаниями, если оставить в стороне вопрос о «социальном» характере оказываемой помощи, нельзя не согласиться.

Но дальше постановление НКЮ и НКФ утверждало, что к социальному обеспечению должна быть отнесена также и передача имущества в порядке ст. 9 декрета.

Казалось бы, что подобное категорическое утверждение упомянутого выше постановления прямо опровергает высказанную выше мысль о наличии подлинных начал наследования, в этой статье декрета. Однако такое предположение исключается аргументацией самих НКЮ и НКФ в пользу своей точки зрения.

НКЮ и НКФ считают, что передача имущества в порядке ст. 9 декрета является видом социального обеспечения, ибо это вытекает, с одной стороны, из общей мысли декрета, а, с другой стороны, из того, что за силой ст. 9 декрета передается имущество малоценное, могущее приносить доход никак не больший, чем прожиточный минимум, и притом состоящее из объектов трудового хозяйства.

Утверждение, будто содержание ст. 9 декрета вытекает из задачи последнего обеспечить нуждающихся родственников, исходит из заранее принятого предположения, будто декрет преследует только одну цель — цель обеспечения нуждающихся родственников. Такая предпосылка неправильна: она суживает подлинное содержание декрета, сводит его к единственной мысли об отмене наследования, о создании на этом месте какого-то суррогата социального обеспечения, оставляя в стороне всю полноту содержания декрета.

Такое толкование оставляет по существу без разъяснения ст. 9, не определяя различия между этой статьей и статьей 2.

Можно смело утверждать, что не такова была мысль законодателя, что не таково подлинное содержание

ст. 9 декрета и что постановление НКЮ и НКФ не передает истинного смысла ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г.

А дальше идет вторая часть аргументации, заключающаяся в указании на то, что ст. 9 предусматривает переход имущества малоценного, состоящего из объектов трудового хозяйства.

Действительно, таковы, как правило, свойства имущества, переходившего к родственникам в порядке ст. 9 декрета. Оно действительно было малоценным, если не абсолютно, то относительно, оно действительно состояло, главным образом, из объектов трудового хозяйства. Но в этом-то именно смысл и значение этой статьи. Регулируя в первую очередь переход по наследству трудовой собственности, эта статья должна была быть направлена прежде всего на преемство именно такого имущества, которое составляет объект трудовой собственности.

Таким образом, переход в порядке ст. 9 декрета сравнительно малоценного имущества потребительского назначения отнюдь не означает перехода этого имущества в ином порядке, чем в порядке наследования. Это отнюдь не является доказательством того, что тут отсутствует наследование вообще, а только подтверждает ту мысль, что статья 9 содержит начала нового, социалистического наследственного права, регулирующего в принципе переход по наследству трудовой собственности.

Аргументация постановления НКЮ и НКФ от 31 декабря 1918 г. неправильна еще и потому, что она приводит к выводу об установлении статьей 9 декрета особой формы социального обеспечения на том основании, что в соответствующем порядке перехода имущества она не усматривает наследования. Между тем, в этой статье, несомненно, нет элементов социального обеспечения и даже обеспечения вообще, поскольку переход имущества не ставится в зависимость от наличия тех признаков, которые одни только могут оправдать потребность в обеспечении — нуждаемости, нетрудоспособности, иждивенчества, существования за счет умершего¹.

¹ В 1922 г. последовало прямое разъяснение Верховного суда, согласно которому в основу права на трудовое хозяйство законодатель не мог положить такой признак, как нетрудоспособность и нуж-

Стало быть, при всех условиях, даже если бы это было не наследование, — обеспечения здесь не могло бы быть.

На самом деле, декрет 27 апреля 1918 г. отнюдь не отрицает наследования вообще. Говоря словами самого постановления НКЮ и НКФ, тут нет только «права наследования в том смысле, как это понимают законы гражданские»¹.

Действительно, тут нет права наследования в смысле старого дореволюционного наследования — наследования частной собственности. Поэтому правильно поступило постановление 31 декабря 1918 г., разъяснив неприменимость к соответствующим случаям правил о пошлинах с имуществ, переходящих по наследству. Это и есть тот вывод, ради которого в конечном счете издано постановление 31 декабря 1918 г.; это и есть, собственно, единственный вывод, который можно и должно делать из этого постановления².

Но тут есть новое наследование — наследование трудовой собственности³, качественно отличное от прежнего права наследования, потому что оно осуществлялось в совершенно иной обстановке, при совершенно новых условиях, при совершенно ином строе — государственном, политическом, экономическом, при диктатуре пролетариата, при власти Советов⁴.

Это — наследование новое — социалистическое наследование, а не какой-либо другой институт, и, в частности, не форма социального обеспечения, не форма обеспечения таких близких умершему

даемость, ибо это привело бы к тому, что трудовое хозяйство передавалось бы лицам, неспособным продолжать его (см. Разъяснения Высшего судебного контроля Верховного суда — «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 13).

¹ То есть т. X Свода Законов и Устав о пошлинах.

² Одновременно того же 31 декабря 1918 г. издано еще одно постановление тех же наркоматов юстиции и финансов (СУ 1918 г. № 100, ст. 1030), согласно которому с имущества, поступившего во владение наследников до издания декрета 27 апреля 1918 г., пошлины взимаются на общих основаниях.

³ К такому выводу пришел и проф. Серебровский (см. его статью «История развития советского наследственного права», Сборник «Вопросы советского гражданского права», 1945, стр. 161).

⁴ Следует оповорить, что в очень узких пределах постановление 27 апреля 1918 г. допускало наследование не одной только трудо-

лиц, которые, может быть, ни в какой помощи не нуждались и даже, возможно, содержали сами не одного иждивенца.

Это — подлинное наследование. И если декрет 27 апреля 1918 г. этого наименования нового института и не содержит, то мы встречаем подобное в других законодательных постановлениях, — в частности, в постановлении от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», которое в ст. 3 устанавливает, что «владения... могут передаваться по наследству лишь согласно декрету об отмене наследования».

«Личная собственность на предметы потребления и на орудия, — она нами не прерывалась по отношению к крестьянам никогда», — говорил Ленин¹. И точно так же, как не прерывалась никогда личная собственность, не могла прерываться и возможность преемства этой личной собственности, не мог исключаться ее переход от одного собственника — трудящегося к другому в порядке наследования.

Это — наследование в принципе трудовой собственности. Эта мысль в достаточной степени ясно выражена в самом декрете 27 апреля 1918 г. Она находит полное подтверждение и в практике применения этого декрета, в частности, в постановлении НКЮ от 21 мая 1919 г. «О применении ст. 9 декрета об отмене наследования»².

Это последнее постановление признало неприменимым предел стоимости наследственного имущества в 10 000 руб. к трудовым хозяйствам, которые должны переходить в непосредственное управление и распоряжение родственников умершего независимо от того, превышает стоимость этих хозяйств 10 000 руб. или нет.

вой собственности, поскольку возможен был переход в с я к о г о имущества стоимостью ниже 10 000 руб. в управление и распоряжение перечисленных в законе лиц. Но это не меняет природы наследования по советскому праву — не только потому, что это касалось частной собственности лишь в самых ограниченных пределах; но и потому, — и в этом именно весь центр тяжести, — что это происходило после ломки прежних отношений, в условиях диктатуры пролетариата.

¹ Ленин, Соч., изд., 3-е, т. XXVII, стр. 44;

² СУ 1919 г. № 20, ст. 242.

Такое толкование ст. 9 декрета обосновывалось тем, что трудовое хозяйство, значительное по своим размерам, представляет собой фактически семейную или трудовую коммуну; следовательно, речь могла идти только о части трудового хозяйства, приходящейся на долю умершего, о части, стоимость которой, применительно к ценам, существовавшим в момент издания декрета 27 апреля 1918 г., могла лишь в редких случаях превышать 10 000 руб. Точно так же хозяйство одиноких могло только в порядке исключения выходить за пределы стоимости 10 000 руб.

Мысль тут ясна. Важен не формальный предел в 10 000 руб., важно принципиальное ограничение права наследования. В виде общего правила максимум в 10 000 руб. обеспечивал наследование одной только личной собственности. А для тех исключительных случаев, когда трудовой характер имущества стоимостью свыше 10 000 руб. представлялся бесспорным, применение десятитысячного лимита представлялось неосновательным стеснением прав трудящихся, и потому предельная стоимость в 10 000 руб. к трудовым хозяйствам не подлежала применению.

В то же время в тех редких случаях, когда нетрудовое хозяйство, имущество нетрудовых элементов по своей стоимости не превышало 10 000 руб., оно все равно подпадало под действие ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г. Это не означает, понятно, что закон идет в этом отношении на принципиальные уступки. Это обусловливается только тем, что такие случаи, по самому характеру частнокапиталистической собственности, могли представлять собой лишь исключения. Для подобных исключений, ввиду мелкого характера имущества, составлявшего объект собственности, не было оснований проводить в то время те мероприятия, которые Советская власть осуществляла последовательно в отношении крупной частнокапиталистической собственности.

На VIII съезде партии Ленин отмечал: «Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьян-

ства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация»¹.

Это было сказано в 1919 г., а в 1918 г. полной экспроприации тем более еще не было. И потому допущение, в крайне ограниченных пределах, наследования тех остатков частной собственности, которые не экспроприровались, — это не принципиальная уступка, а лишь последовательное осуществление политики Советской власти на данном этапе ее развития. Это не принципиальное отступление от начал социалистического наследования трудовой собственности, а лишь применение этих же начал к тем остаткам частной собственности, которые к тому времени еще сохранились.

Это — наследование, определяемое по закону, наследование, не допускавшее завещательных распоряжений и ограничиваемое пределами семьи в тесном смысле слова.

Никаких завещательных распоряжений декрет 27 апреля 1918 г., ломавший старые традиции, не разрешает никакого перехода имущества за пределы круга ближайших родственников он не предполагает.

Имущество могло поступать только к супругу или к родственникам по прямой нисходящей или восходящей линиям, полнородным или неполнородным братьям или сестрам, если они находились налицо.

Это «нахождение налицо» не означает непременно совместного проживания². Оно сводится лишь к требованию, чтобы наследники находились в том же месте, где проживал и умерший, так как представлялось неправильным передавать имущество лицам постоянно, а не только временно, проживавшим вдали от умершего и тем самым порвавшим с ним связь.

Вместе с тем, это — наследование, установленное в интересах семьи. Такой точки зрения придерживался и Верховный суд, подчеркивая, что участие в приобретении имущества, переходящего в порядке ст. 9 де-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIV, стр. 163.

² Согласно определению по делу Шишкиной, прокуратура Союза ССР признала, что для применения ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г. не требовалось совместного проживания с умершим («Социалистическая законность», 1938, № 10).

крета 27 апреля 1918 г., личным трудом наличных членов семьи не есть единственный мотив, по которому законодатель допускает такой переход. Закон имеет в виду, отмечает Верховный суд, что смерть одного из членов семьи не должна, по возможности, разрушать благосостояние оставшейся семьи¹.

Это — наследование, как преемство собственности. Правда, декрет 27 апреля 1918 г. говорит о переходе имущества «в непосредственное управление и распоряжение», а не в собственность. Но уже в 1922 г. последовало разъяснение, хотя и неофициальное, согласно которому трудовое хозяйство, полученное после смерти домохозяина в порядке ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г., может быть отчуждено беспрепятственно². Впоследствии пленум Верховного суда РСФСР разъяснил совершенно точно и четко, что в порядке ст. 9 декрета об отмене наследования имущество поступало к супругу и родственникам в общем порядке и что нет оснований для этих случаев создавать искусственное право пожизненного владения³.

Иными словами, лица, получившие то или иное имущество в соответствии со ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г., владели и владеют им на праве собственности.

III

Декрет об отмене наследования просуществовал весь период гражданской войны без каких-либо изменений. С переходом же к нэпу понадобилось определить наследственное право по-иному.

Общая декларация о праве наследования была включена в постановление III Сессии ВЦИК XI созыва «Об основных имущественных правах граждан» от 22 мая 1922 г.⁴, провозгласившее в п. 6 право наследования по завещанию и по закону супруга и прямых нисходящих потомков в пределах общей стоимости наследства в 10 000

¹ См. определение Высшего судебного контроля по д. № 1964 1922 г. (Гражданский кодекс РСФСР, сост. Н. Г. Рябчинским, 1923, стр. 228.

² См. «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 29.

³ Постановление пленума Верховного суда РСФСР 16 февраля 1924 г. («Еженедельник советской юстиции», 1924, № 14).

⁴ СУ 1922 г. № 36, ст. 423.

золотых рублей, с допущением отсюда исключений лишь в случаях, предусмотренных особым законом.

Эта общая декларация послужила основанием для разработки проекта особого закона о наследовании, составленного Наркомюстом и переданного им в СНК РСФСР на утверждение. Указанный проект, в значительной степени отличный от включенных впоследствии в Гражданский кодекс норм, регулирующих наследование, допускал смешение начал наследования, с одной стороны, обеспечения — с другой, владения общей собственностью — с третьей.

Так, проект разрешал переход по наследству дома и домашней обстановки к супругу и несовершеннолетним детям, которые иначе оставались бы на попечении государства. В то же время проект предусматривал переход этого имущества к прочим родственникам (восходящим, братьям и сестрам) только при условии их нетрудоспособности и нахождения на иждивении умершего, и то не в собственность, а лишь в пожизненное пользование. Вместе с тем проект санкционировал переход по наследству мелких промышленных и торговых предприятий как к супругу и несовершеннолетним детям, так и к прочим родственникам, если последние участвовали личным трудом в производстве. Наоборот, переход денег по наследству мог иметь место только в пользу супруга или несовершеннолетних детей и то только в пределах 10 000 р.¹ Проект сохранял предельный максимум в 10 000 р. только для денежных капиталов. Этим создавалось определенное неравенство в положении наследников в зависимости от состава наследственного имущества.

Приведенному проекту не было суждено получить силу закона. Вместо него были приняты статьи Гражданского кодекса, регулирующие право наследования.

Предусмотренный этими статьями новый порядок наследования вступил в действие с 1 января 1923 г. по отношению к наследствам, открывшимся после этого срока, т. е. после того, как вступил в действие Гражданский кодекс в целом. Постановление же 22 мая 1922 г. не повлекло за собой немедленного и непосредственного изменения порядка, принятого по декрету 27 апреля

---

¹ «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 10.

1918 г., в силу чисто декларативного характера этого постановления¹.

В отличие от декрета об отмене наследования, ни постановление 22 мая 1922 г., ни тем более Гражданский кодекс не упоминали об отмене наследования. Этого и не требовалось, поскольку к этому времени ломка старого уже была завершена и наследование старой частнокапиталистической собственности уже представлялось невозможным. Вопрос мог идти только о собственности трудящихся, а также о поставленной в крайне узкие рамки частной собственности, пользовавшейся правовыми гарантиями, тех лиц, которые «принимают участие в развитии производительных сил страны»².

Ни в постановлении 22 мая 1922 г., ни в ГК РСФСР нет правила, которое было бы аналогично ст. 2 декрета 27 апреля 1918 г. Ни о каком обеспечении взамен наследования, ни о каком обеспечении посредством наследства здесь уже не упоминается.

Наследование четко отделяется от «социального обеспечения», не рассматривается и как форма «частного обеспечения». Оно применяется в определенных границах ко всем имуществам, и поэтому смерть лица, оставившего имущество любой ценности, не может влечь за собой необходимости ставить вопрос о содержании иждивенцев умершего, оставшихся без средств из-за полного недопущения наследования. В пределах установленного законом максимума в 10 000 р. золотом имущество всегда переходило к наследникам в натуре и не заменялось какими-либо выдачами за счет наследственной массы.

Поэтому характер наследования по ГК как формы преемства собственности обычно не вызывает сомнений. Все же вплоть до недавнего времени продолжают встречаться определенные отклонения в этом вопросе.

Так, например, т. Орловский³ высказывает мысль, будто переход к новой экономической политике и принятие Гражданского кодекса по существу не изменили советского наследственного права и что «только в настоящее время уже неправильно сводить, как раньше,

---

¹ Ср. разъяснение III Отд. НКЮ № 781 от 7 августа 1923 г. (Комментированный Гражданский кодекс, 1926, стр. 790).

² Из постановления 22 мая 1922 г.

³ См. его статью в «Советской юстиции», 1937, № 13.

право наследования к временной частно-правовой форме социального обеспечения».

На самом деле не в Гражданском кодексе, а еще в декрете об отмене наследования были заложены те начала советского наследственного права, которые получили дальнейшее развитие в Гражданском кодексе и которые продолжают действовать до сих пор. Но уже на этом первом этапе советского наследственного права, в период действия декрета «Об отмене наследования», последнее, как уже указывалось выше, не являлось «частно-правовой формой социального обеспечения». Тем более такое определение неприменимо к ГК, где отсутствуют даже те элементы, которые давали хотя бы некоторый повод усматривать в статье 9 декрета 27 апреля 1918 г. особый институт, проникнутый началами обеспечения, а не преемства личной собственности.

По первоначальной редакции ст. 416 ГК имущество, оставшееся после умершего, какова бы ни была природа этого имущества, переходило к наследникам только в пределах 10 000 р. золотом. Та часть наследственного имущества, которая превышала этот максимум, переходила к государству. Соответственно этому ст. 417 ГК предусматривала особо распределение имущества между наследниками и государством, допуская такое распределение либо в форме раздела в натуре, либо, при хозяйственной невыгодности или неудобстве раздела, в форме установления совместного владения или же в форме выкупа соответствующей части государством или даже частными лицами, если это соответствовало интересам государства.

Таким образом, закон допускал переход по наследству всякого имущества в пределах максимума до 10 000 руб. золотом. Отсюда следует, что по наследству могла переходить не только трудовая собственность, но и собственность частная — в тех пределах, в которых она пользовалась защитой закона вообще. Именно поэтому закон допускал в виде изъятия из общего правила переход по наследству имущества, превышавшего стоимости 10 000 руб. золотом, если это имущество состояло из прав, вытекавших из заключенных органами государства с частными лицами договоров (арендных, концессионных, застроечных и пр.).

В докладе на 4-й сессии ВЦИК IX созыва о новом

Гражданском кодексе в пользу подобного изъятия выдвигался тот аргумент, что соответствующее имущество передается в концессию или в аренду или для застройки тогда, когда государство не может само справиться с этим имуществом. Поэтому нельзя из-за случайной смерти контрагента обременять государственные органы теми тяготами, от которых они стремятся освободиться.

Это рассуждение в настоящее время кажется совершенно непонятным, ибо меньше всего можно говорить об обязанностях по управлению государственным имуществом, как о каких-то тяготах, от которых госорганы стремятся избавиться, о государственном имуществе, как об имуществе, с которым государство не может справиться. И в то время, в период издания Гражданского кодекса, центр тяжести также лежал не в этих моментах, а в том простом соображении, что закон устанавливал особую льготу для контрагентов государства по концессионным, арендным и застроечным договорам, точно так же, как он устанавливал для них особые льготы и в других отношениях в течение ряда лет после 1922 г. Это делалось, понятно, не в их интересах, а в интересах восстановления народного хозяйства. В частности, гарантия многолетнего существования договорных отношений, устранение угрозы досрочного прекращения действия этих договоров из-за смерти контрагентов должны были стимулировать вложение возможно более крупных средств в работы, производившиеся на основе подобных договоров.

В остальном установление 10-тысячного максимума было направлено на то, чтобы предотвратить сохранение в ряде поколений крупной частнокапиталистической собственности. В то же время установление максимума наследственного имущества, вместе с ограничением круга наследников по закону, а тем самым и по завещанию, узкими пределами было направлено на то, чтобы предотвратить образование крупной частно-капиталистической собственности путем сосредоточения в одних руках не одного, а нескольких наследственных имуществ значительной ценности. Частная собственность вводилась таким порядком в рамки, соответствовавшие экономической политике Советского государства в данный период его развития.

Другой значительной особенностью постановления от 22 мая 1922 г. и Гражданского кодекса являлось то, что оба этих законодательных акта, в отличие от декрета 27 апреля 1918 г., допускали наследование не только по закону, но и по завещанию, однако в очень узких пределах, ограниченных кругом возможных наследников по закону. Тем самым наследование по завещанию не представляло собой по существу свободного распоряжения имуществом на случай смерти, а являлось лишь посмертным указанием на желательный для наследодателя порядок распределения и перераспределения наследственного имущества между наследниками по закону, т. е. в пределах семьи.

Круг наследников по закону был очерчен и в постановлении 22 мая 1922 г. и в Гражданском кодексе по-иному, чем в декрете об отмене наследования. Так, по постановлению 22 мая 1922 г. в качестве возможных наследников признавались только супруг и нисходящие, причем здесь уже не фигурирует требование нахождения наследников налицо. Гражданский кодекс добавляет к этому перечню еще и иждивенцев умершего, но этим ограничивается и он, замыкая, таким образом, круг наследников небольшим числом лиц, теснейшим образом связанных с умершим. В отличие от ст. 9 декрета 27 апреля 1918 г., восходящие, братья и сестры в число наследников не включены.

На базе постановления 22 мая 1922 г. Гражданский кодекс содержит в области наследования нормы, находящиеся в полном соответствии с теми особыми условиями, которые были связаны с новой экономической политикой. Отменив наследование частно-капиталистической собственности, Гражданский кодекс развивает начала наследования трудовой собственности, допуская в то же время в условиях диктатуры пролетариата наследование частной собственности в меру того, как в период новой экономической политики допускалась вообще частная собственность. Соответственно этому ГК содержал такие ограничения наследственного права, какие представлялись необходимыми для ограничения частной собственности рамками, установленными для нее политикой советской власти при нэпе — путем недопущения перехода по наследству крупных имуществ и установления возможности наследования исключительно в преде-

лах семьи в тесном смысле этого слова, т. е. в пределах круга ближайших родственников и иждивенцев.

Поэтому искажением сущности советского социалистического гражданского права являлись утверждения, будто советское гражданское право, отрицая в принципе необходимость наследственного права, пошло в этом отношении на «уступки» частным интересам, и что Гражданский кодекс допустил наследование лишь временно, не желая обременять государственный аппарат трудом по собиранию мелких наследств, которые не окупали бы связанных с этим расходов.

Недопустимо трактовать наследственное право нашего Гражданского кодекса как уступку, да еще уступку «частным интересам». Подавляющее большинство случаев (а в настоящее время все без исключения случаи) перехода имущества по наследству относится к трудовой, а не к частной собственности. Наследование же трудовой собственности, вопреки упомянутым выше неправильным утверждениям, не отрицалось и не может рассматриваться, как уступка, как временная мера. Наследование сохранено в Гражданском кодексе ввиду принципиального значения трудовой собственности, а вовсе не потому, что законодатель «не желал» возиться с такой «мелочью».

Что же касается допущения наследования в ограниченных размерах капиталистической частной собственности, то такое наследование предусматривалось Гражданским кодексом лишь постольку, поскольку вообще в этот период допускалось существование капиталистических элементов, притом, повторяем, не в интересах этих элементов, а в интересах восстановления народного хозяйства.

Одновременно с допущением наследования был введен налог с наследства. Постановление от 11 ноября 1922 г.¹ установило взимание налога с наследств, открывавшихся после января 1923 г. Освобождая от налога имущества стоимостью до 1 000 руб., оно определяло размер налога в зависимости от размера долей отдельных наследников, в пределах от 1% (для долей стоимостью от одной до трех тысяч рублей) до 4% (при наследовании долей стоимостью от шести до десяти тысяч рублей золотом), с дальнейшим прогрес-

¹ СУ 1922 г. № 71, ст. 905.

сивным повышением до 50% (при стоимости наследственной доли в 239 200 р. и выше).

Порядок взимания наследственного налога определялся специально посвященной этому вопросу инструкцией СНК РСФСР от 18 мая 1923 г.¹. По этой инструкции, между прочим, исключались из обложения предметы домашней обстановки и обихода, переходившие к наследникам, которые проживали совместно с умершими, а также имущество, принадлежавшее всем членам двора в полном составе.

Та же инструкция возлагала общее заведывание наследственным имуществом на НКФ и его местные органы, определяла момент открытия наследства (момент смерти или объявления умершим), а также место открытия наследства (место постоянного жительства умершего или, если оно было неизвестно, место объявления умершим, а для умерших за границей — место нахождения имущества).

В дальнейшем инструкция дает указание по вопросу о порядке определения стоимости наследственного имущества в зависимости от его видов; устанавливает порядок уведомления финансовых органов об открывшемся наследстве; запрещает судам, ведавшим в то время выдачей удостоверений о праве наследования, выдавать такие удостоверения иначе, как после представления справки об оплате налога или об отсрочке этой оплаты; определяет взаимоотношения между финансовыми органами и судами; предписывает судам, при обращении к ним финансовых органов, принимать меры охранения во всех случаях, когда нет законных наследников либо когда последние отсутствуют, или же тогда, когда имеются доказательства расхищения имущества; обязывает финансовые органы принимать участие в действиях по охранению наследственных имуществ.

Наряду с правилами технического порядка инструкция 18 мая 1923 г. содержит и общие указания.

В частности, определяя начальный момент для исчисления тех сроков, которые установлены по ГК для отказа от наследства, для принятия наследства или для подачи заявления кредиторами о своих претензиях

---

¹ Инструкция о наследственных пошлинах и о наследственных имуществах, переходящих к государству (СУ 1923 г. № 59, ст. 565).

(таким начальным моментом признавалось время принятия мер охраны), инструкция объявляла равнозначными с принятием мер охранения — принятием финансовыми органами к производству наследственного дела, а также вынесение ими постановления об оштрафовании за несообщение сведений об открывшемся наследстве. Это указание имело большое практическое значение, определяя порядок исчисления установленных по ГК преклюзивных сроков.

Первоначально принятый способ установления и взимания налога с наследственных имуществ был сравнительно быстро изменен Положением о налогах с наследственных имуществ и имуществ, переходящих по актам дарения от 12 января 1925 г.¹, измененным постановлениями от 4 мая 1925 г.² и от 30 июля 1925 г.³.

Основное изменение, внесенное этим Положением в первоначально принятый порядок, заключалось в том, что оно предусматривало определение размера наследственного налога, исходя из стоимости всей наследственной массы, а не отдельных ее долей. Соответственно этому оно освобождало от налога с наследства имущество, а не доли имущества, не достигавшие 1 000 руб.

В то же время новое Положение значительно повысило самый размер наследственных налогов, определяя таковые в размере от 5% (при стоимости всего наследственного имущества от двух до шести тысяч рублей) до 10% (с суммы, превышавшей 10 000 руб.), с доведением налога, благодаря возрастающей прогрессии до 50% с суммы, превышавшей 200 000 руб. (со взиманием 58 540 руб. с первых 200 000 руб.).

IV

В 1926 г. вводится изменение в общий порядок налогообложения.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 января 1926 г. было предложено правительствам союзных республик отменить, начиная с 1 марта 1926 г., ограни-

¹ СУ 1925 г. № 7, ст. 47.

² СУ 1925 г. № 28, ст. 202.

³ СУ 1925 г. № 55, ст. 423.

чение размера имущества, могущего переходить в порядке наследования и дарения¹.

Во исполнение этого ВЦИК и СНК РСФСР (постановлением от 15 февраля 1926 г.²), а также центральные исполнительные комитеты всех остальных союзных республик внесли соответствующие изменения в гражданские кодексы республик.

В ГК РСФСР перередактированы ст. ст. 418 и 419 путем исключения из них указания на предельную сумму наследственных имуществ; отменено примечание к ст. 416 и ст. 417, поскольку одновременный переход наследства к государству и к наследникам уже не предполагался; соответственно изменено примечание 1 к ст. 422 путем исключения из него ссылки на ст. 417; изменена ст. 421 — вычеркнуто указание на исключение предметов домашнего обихода и обстановки из предельной суммы наследства и добавлена взамен этого ссылка на то, что указанное имущество не включается в наследственную долю отдельных наследников по закону.

В соответствии с отменой максимума наследования и одновременно с этой отменой был изменен также и порядок обложения наследства налогом. На основе специального о том постановления ЦИК и СНК СССР³ в отдельных союзных республиках были изданы новые правила исчисления и взимания налога с имуществ, переходящих по наследству и по дарению. В частности, в РСФСР такие правила были утверждены постановлением СНК РСФСР от 20 января 1927 г.⁴, впоследствии измененным постановлением от 28 мая 1927 г.⁵ и дополненным постановлением от 19 мая 1928 г.⁶.

Все эти постановления не только уточняют порядок определения стоимости наследственного имущества, перечень сумм, подлежащих исключению из общей стоимости наследственного имущества, перечень имущества, не подлежащего обложению наследственными

¹ СЗ 1926 г. № 6, ст. 37.

² СУ 1926 г. № 10, ст. 73.

³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 января 1926 г. (СЗ 1926 г. № 6, ст. ст. 38—39)

⁴ СУ 1927 г. № 12, ст. 86.

⁵ СУ 1927 г. № 53, ст. 355.

⁶ СУ 1928 г. № 54, ст. 411.

налогами, а также порядок исчисления налогов, — но и устанавливают новую шкалу обложения.

Последняя отличалась от существовавшей ранее тем, что ставки налога доводились в ней до 60 процентов стоимости наследственного имущества, если эта стоимость превышала 200 000 руб., и даже до 90 процентов суммы, превышавшей 500 000 руб. При этом налог так же, как и прежде, исчислялся пропорционально стоимости всего наследства¹.

Отмена максимума наследования обуславливалась общими успехами социалистического строительства, решающими успехами политики социалистической индустриализации страны, когда в области промышленности вопрос «кто — кого» уже был предрешен в пользу социализма, когда быстро вытеснялся частник из торговли².

При таких условиях значение остатков частной собственности падало, и в отчетном докладе XV съезду партии товарищ Сталин поставил перед партией задачу «расширять и укреплять наши социалистические командные высоты во всех отраслях народного хозяйства как в городе, так и в деревне, держа курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве»³.

Такое развитие социалистического строительства, такое направление политики на ликвидацию капиталистических элементов, такое быстрое вытеснение капиталистических элементов в городе, а затем и в деревне, делали ненужным дальнейшее сохранение в законе максимума наследования.

С одной стороны, исчезали те остатки капиталистических элементов, которые могли быть затронуты миниму-

---

¹ Надо указать также на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 ноября 1926 г. (СУ 1926 г. № 83, ст. 621), которым был установлен особый штраф в размере до 300 руб. за неподачу заявления об открытии наследства или несвоевременное представление требуемых по закону сведений. Первоначально, по инструкции 18 мая 1923 г., за неподачу заявления, или умолчание в заявлении о наследственном имуществе полагалась уголовная ответственность по ст. ст. 79 и 79-а УК в редакции 1922 г., так же как за сокрытие наследственного имущества или искусственное уменьшение его стоимости.

² См.: История ВКП(б), Краткий курс, стр. 273.

³ XV съезд ВКП(б), Стенографический отчет, 1935, стр. 52.

мом в 10 000 руб. С другой стороны, по мере роста благосостояния народных масс, благосостояния, неразрывно связанного с ростом и развитием социалистической собственности, возможность накопления трудовых сбережений, превышавших 10 000 руб., становилась вполне реальной; а для этих сбережений, для трудовой собственности рабочих, крестьян и интеллигенции возможность передачи имущества по наследству не нуждалась в ограничениях теми или иными пределами.

Наконец, установление, одновременно с отменой максимума наследования, высоких ставок налога с наследства давало возможность изымать большую часть частнокапиталистических имуществ при переходе их по наследству, почти не затрагивая вместе с тем передаваемых по наследству сбережений трудового характера — благодаря тому, что в соответствии с особым перечнем большая часть накоплений трудящихся (займы, вклады в сберкассу, авторское вознаграждение, вознаграждение изобретателей и т. п.) освобождалась от обложения наследственным налогом.

Таким образом, отмена максимума наследования вытекала из общего положения, из того, что капиталисты вытеснялись, что оставалось все меньше торговых и промышленных предприятий, принадлежавших частным лицам, что единственно решающим в области наследования становился вопрос о трудовой собственности. И отмена максимума наследования в полной мере содействовала развитию именно этой трудовой собственности.

Вопросам налога с наследства посвящены постановления ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1929 г. о налоге с наследства¹ и изданное на основе его постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г.² Эти постановления придерживаются в общем указанной выше шкалы с той только разницей, что оба они³ применяют еще вторую таблицу обложения — для наследников, облагавшихся подоходным налогом по расписанию № 3, а

¹ СЗ 1929 г. № 8, ст. 78.

² СУ 1929 г. № 81, ст. 793.

³ Они введены в действие с 1 ноября 1929 г. (постановление ЦИК и СНК СССР от 26 декабря 1929 г. — СЗ 1930 г. № 3, ст. 34; постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. — СУ 1930, № 12, ст. 159).

Также для наследников, облагавшихся сельхозналогом в индивидуальном порядке, т. е. для лиц, относившихся к нетрудовым категориям, — с гораздо более высокими ставками налога.

Осуществляя политику ликвидации кулачества как класса, политику наступления по всему фронту против капиталистических элементов, законодатель руководствовался при введении этой второй шкалы тем соображением, что наследственное имущество, переходящее к частным собственникам, должно подлежать высоким ставкам обложения независимо от своей стоимости, в то время как для прочих наследников изъятие в форме налога большей части наследственного имущества оправдывается только особо высокой стоимостью этого имущества.

С ликвидацией нетрудовых элементов налог с наследства должен был расцениваться, главным образом, с точки зрения взимания его с трудящихся. Интересы же последних могли затрагиваться взиманием налога с наследства только в самых исключительных случаях.

Даже при максимальном развитии благосостояния трудящихся последние лишь в виде исключения могли оставлять облагаемые налогом наследства в 200 000 руб. и выше — имея в виду, что в состав наследственной массы, облагаемой налогом, не включались предметы домашней обстановки и обихода (при наличии наследников, проживающих совместно с умершим), а также имущество крестьянского двора, страховые суммы по договорам личного страхования, страховое вознаграждение от иностранных страховых обществ, стоимость авторских прав и патентов на изобретения, наконец, вклады в сберкассы¹, а равным образом и облигации госзаймов, независимо от того, находились ли они на хранении в кредитных учреждениях или же на дому у наследодателя².

Трудно себе представить, в чем еще могла состоять трудовая собственность на крупную сумму. Стало быть,

¹ Ст. 25 постановления СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. в ред. постановления от 20 апреля 1930 г. — СУ 1930 г. № 20, ст. 263.

² Циркуляр НКФ СССР от 13 апреля 1935 г. № 304 («Бюллетень финансового законодательства», 1935, № 31).

можно прийти к выводу, что к трудящимся высокие ставки налога с наследств в основном не относились. Поэтому для советских граждан отмена максимума наследования с одновременным введением высоких прогрессивных ставок налога с наследства не представляла собой превращения формы прямого перехода части наследственного имущества к государству в форму косвенного достижения того же результата посредством налогового обложения. Для них отмена максимума наследования представляла собой подлинную возможность оставлять трудовую собственность своим наследникам в полном объеме.

Дальнейшие изменения законодательства о наследовании коснулись ст. ст. 431 и 432 ГК РСФСР.

В связи с передачей дела охранения наследственных имуществ в руки финорганов по Правилам исчисления и взимания налогов с имуществ, переходящих по наследству и дарению от 29 января 1927 г.¹ в ст. ст. 431 и 432 ГК также было включено указание на финансовые органы (взамен прежнего указания на народный суд), как на органы, обязанные принимать меры охранения².

Затем была изменена ст. 435 ГК РСФСР³ — обязанность выдачи наследственных свидетельств была возложена на нотариальные конторы (а не на суд, как прежде) в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 18 января 1928 г., внесшим различные изменения в положение о нотариате⁴.

Таким образом, указанными постановлениями было произведено перераспределение обязанностей по оформлению прав на наследство с возложением отдельных мероприятий на финансовые органы и на нотариальные конторы и с оставлением за народным судом только рассмотрения спорных исковых дел (по спорам между наследниками), а также установления фактического брака, факта нахождения на иждивении и т. п.

Далее следует упомянуть о постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1928 г.⁵, расширившем круг

¹ СУ 1927 г. № 12, ст. 86.

² См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1927 г. (СУ 1927 г. № 59, ст. 411).

³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 января 1928 г. (СУ 1928 г. № 10, ст. 91).

⁴ СУ 1928 г. № 14, ст. 111.

⁵ СУ 1928 г. № 47, ст. 355.

наследников по закону, а тем самым и круг возможных наследников по завещанию; в их число были включены также и усыновленные с их нисходящими.

Это же постановление допустило расширение завещательных распоряжений, разрешив завещать имущество государству и отдельным его органам, государственным учреждениям и предприятиям, партийным и профессиональным организациям, зарегистрированным в установленном порядке общественным организациям, а также организациям кооперативным, при условии вхождения последних в союзную систему соответствующего вида кооперации (ст. 418 ГК РСФСР).

Это постановление имело большое значение, принципиальное и практическое, поскольку оно давало возможность наследодателю обеспечить переход имущества именно к той государственной, кооперативной или общественной организации, в преуспевании которой он был особенно заинтересован.

14 мая 1928 г. ст. 425 ГК РСФСР была дополнена особым примечанием, разрешающим завещать паевые взносы в низовых кооперативных организациях не посредством нотариального завещания, а посредством соответствующей надписи в членской книжке без нотариального удостоверения этой надписи¹.

28 мая 1928 г. было внесено новое дополнение в раздел о наследовании — примечание 2 к ст. 422 ГК². Это дополнение имело глубоко принципиальное значение, ибо оно устанавливало не существовавшую до того обязательную долю в пользу несовершеннолетних наследников по закону; оно запрещало лишать их права законного наследования и объявляло недопустимыми завещательные распоряжения, которыми им оставалось бы меньше трех четвертей той доли, которую они должны были бы получить при наследовании по закону.

В связи с изданием 20 февраля 1929 г. Положения о гострудсберкассах необходимо остановиться на тех

---

¹ Ср. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. (СУ 1928 г. № 53, ст. 403).

² СУ 1928 г. № 65, ст. 468.

правилах, которые регулируют порядок перехода вкладов в сберкассах в случае смерти вкладчика.

По первоначальному положению о гострудсберкассах от 26 декабря 1922 г.¹ допускалась, наряду с выдачей вкладов правопреемникам с соблюдением действующего законодательства о наследовании, также и выдача вкладов всякому иному лицу на основании особой о том надписи вкладчика. Таким образом, устанавливалась возможность перехода вклада в случае смерти вкладчика не только в порядке наследования к наследникам по закону или к наследникам, указанным в завещании, но и в порядке выдачи вклада лицам, указанным в распоряжении сберкассе, в порядке выдачи его выгодоприобретателям по указанию первоначального вкладчика. Такая возможность приводила по существу к установлению особого упрощенного порядка распоряжения вкладом на случай смерти без надобности совершать нотариальное завещание, причем в таком порядке вклад мог переходить к любым лицам, а не только к наследникам по закону, и притом без ограничения максимумом наследования.

Новое Положение о гострудсберкассах от 27 ноября 1925 г.² сохраняло возможность соответствующих надписей, определявших судьбу вклада на случай смерти вкладчика, но только при условии соблюдения установленных правил в отношении размера наследственного имущества, а также круга возможных наследников. Тут, стало быть, льготы для вкладчиков заключались только в освобождении от пошлин и в облегчении способа документации посмертного распоряжения.

11 мая 1927 г.³ ст. 36 Положения о гострудсберкассах изменяется, и она снова формулируется как постановление, допускающее совершение надписи на вкладах в пользу любых лиц, хотя бы и не входящих в круг законных наследников, на случай смерти вкладчика. Если иметь в виду, что к этому времени максимум стоимости наследственного имущества в 10 000 р. уже был отменен, то оказывается, что новая редакция ст. 36 воспроизводит тот самый порядок, который предусматривал-

¹ СУ 1923 г. № 4, ст. 13.

² СЗ 1925 г. № 81, ст. 612.

³ СЗ 1927 г. № 25, ст. 267.

ся первоначально Положением о гострудсберкассах от 26 декабря 1922 г.

Наконец, по последнему, действующему до сих пор Положению о гострудсберкассах от 20 февраля 1929 г.¹ вкладчику предоставляется право оставлять распоряжение о выдаче вкладов, денежных и в ценных бумагах, как юридическим лицам, так и любым гражданам, независимо от того, являются ли они наследниками вкладчика (ст. 13), причем и в этих случаях, равно как и в случаях выдачи вкладов наследникам по закону, эти вклады не подлежат обложению налогом с наследств².

Таким образом, это Положение о гострудсберкассах, действующее до сих пор завершает круг льгот в пользу вкладчиков гострудсберкасс в смысле утверждения за ними права давать распоряжения на случай своей смерти в пользу третьих лиц, создавая тем самым возможность, в изъятие из общего порядка, передавать эти вклады любым лицам по своему усмотрению.

Эти правила, изложенные в Положении о гострудсберкассах, равно как и постановление ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г.³, допускающее возможность вносить на хранение в кредитные учреждения госзаймы, с применением в этих случаях всех правил, установленных ст. ст. 13 и 14 Положения о гострудсберкассах, и, наконец, постановление СНК СССР от 16 января 1935 г.⁴, разрешающее вкладчикам в Госбанк и Внешторгбанк указывать банку лиц, которым вклад в банке должен быть выдан в случае смерти вкладчика (причем это могут быть и юридические лица, и отдельные граждане, независимо от того, являются ли они наследниками вкладчика или нет), — все эти постановления включены в одном виде в ГК РСФСР в форме новой статьи — 436⁵.

¹ СЗ 1929 г. № 17, ст. 140.

² Наследникам по закону вклады на сумму до 300 руб. выдают-ся сберкассой без представления установленного свидетельства на право наследования, при условии выдачи обязательства выплаты соответствующей части другим наследникам, в случае если они обьявятся.

³ СЗ 1930, № 7, ст. 80.

⁴ СЗ 1935 г. № 5, ст. 43.

⁵ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 апреля 1935 г. (СУ 1935 г. № 11, ст. 111).

Эта статья, допуская особый порядок перехода перечисленных выше вкладов в случае смерти вкладчиков, подчеркивает, что вклады эти не входят в состав наследства и что правила соответствующих статей на них не распространяются. Лицам, получающим указанные вклады, если они относятся к числу наследников вкладчика, эти вклады не засчитываются при определении размера их наследственной доли¹.

Таким образом, с момента издания указанных постановлений и введения в Гражданский кодекс ст. 436 в ныне действующей редакции природа распоряжений вкладчиков своими вкладами на случай смерти не должна вызывать сомнений. Это — не завещательные распоряжения, а договорные или распоряжения в пользу третьих лиц, совершаемые под отлагательным условием. Если соответствующие правила и включены в раздел Гражданского кодекса, посвященный наследованию, то это сделано не потому, что соответствующие распоряжения носят характер распоряжений завещательных, а потому, что имущество, переходящее в порядке указанных распоряжений, не являясь имуществом наследственным, должно быть исключено из состава наследства.

В соответствии с принятыми ранее изменениями законодательства о наследовании внесены изменения и в ряд других статей Гражданского кодекса РСФСР.

Так, по постановлению от 10 февраля 1930 г.² изменены:

а) примечание 1 к ст. 422 ГК — о последствиях лишения кого-либо из наследников права наследования, — посредством согласования этого примечания с постановлением от 15 февраля 1926 г., отменившим ст. 417 ГК, и с постановлением от 6 апреля 1928 г., включившим в

---

¹ Точно так же при определении размера госпошлины за выдачу свидетельства, подтверждающего право наследования, облигации госзаймов, вклады в гострудсберкассы, в Госбанк и в Банк для внешней торговли в расчет не принимаются и в стоимость переходящего по наследству имущества не включаются. За выдачу свидетельств, подтверждающих право наследования облигаций госзаймов и вкладов в гострудсберкассе, в Госбанке и в Банке для внешней торговли, при отсутствии другого имущества, переходящего в порядке наследования, пошлина взимается в размере 10 р. за свидетельство, независимо от суммы наследства.

² СУ 1930 г. № 8, ст. 93.

число возможных наследников по завещанию различного рода учреждения и организации;

б) ст. 431 ГК — о порядке принятия мер охранения наследственного имущества — путем возложения соответствующих функций уже не на финансовые органы и не на суд, а на нотариальные органы, с одновременным указанием на принятие мер охранения в случае признания этого целесообразным в интересах государства или наследников;

в) та же ст. 431 ГК, путем отмены обоих примечаний к ней — о порядке уведомления ЗАГСами о смерти наследодателя и об определении места открытия наследства, — поскольку оба эти вопроса по существу не материально-правового характера были отнесены к правилам взимания налога с имущества, переходящих по наследованию;

г) ст. 432 — о назначении ответственного попечителя к наследственному имуществу — путем передачи соответствующих функций нотариальной конторе и обязанности последней назначать такого ответственного попечителя к имуществу, требующему управления (предприятия, строения и пр.), — в то время как по первоначальной редакции ст. 432 ГК указывалось на предприятия, находящиеся на ходу (торговые и промышленные предприятия и ремесленные заведения).

Не только сейчас, но уже в 1930 г. в результате «великого перелома на всех фронтах социалистического строительства»¹, такие предприятия и заведения в основном прекратили свое существование, поэтому было гораздо правильнее говорить об имуществе, требующем управления, выделяя среди последнего строения (о которых ГК в первоначальной редакции не упоминал вовсе), так как для них чаще всего, если не исключительно, может потребоваться назначение ответственного попечителя.

В такой редакции ГК существовал в РСФСР вплоть до Великой Отечественной войны. В остальных советских республиках соответствующие разделы о праве наследования, как правило, отличались лишь в незначительных подробностях, отчасти даже только в чисто

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 264.

редакционном отношении, от ГК РСФСР. Основные же принципы, само собой разумеется, во всех союзных республиках были одинаковы¹.

наследственное

Ст. 10 Сталинской Конституции провозглашает, что право наследования личной собственности граждан охраняется законом. Тем самым наследование объявлено конституционным правом.

Как видно из изложенного выше, советское право всегда развивалось как право наследования трудовой собственности. Остатки частно-капиталистической собственности, сокрушенной победным ходом революции, всегда имели значение для советского наследственного права лишь в том отношении, что правила о наследовании либо не допускали, либо максимально ограничивали наследование всякой иной собственности, кроме трудовой. Теперь же, при полной ликвидации всех капиталистических элементов, может идти речь о наследовании одной только личной собственности.

Отсюда — ненужность ряда ограничений, которые имели в виду возможность перехода по наследству не только личной, но и капиталистической собственности. Отсюда — необходимость такой регламентации права наследования, которая обеспечивала бы дальнейшее развитие и укрепление личной собственности, которая обеспечивала бы гражданам возможность наилучшего использования своей личной собственности в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет гармоническое развитие личности, расцвет зажиточности и культуры, характеризующие жизнь в социалистическом обществе.

Приобретая имущество, реализуя трудовые накопления на удовлетворение своих потребностей — трудовые накопления, достигнутые благодаря своей работе, благо-

¹ Как известно, Таджикская, Туркменская, Узбекская республики при национальном размежевании сохранили у себя ГК РСФСР, но впоследствии вносили в него самостоятельные изменения. В Казахской и Киргизской республиках, начиная с 1936 г., также действует ГК РСФСР. Наконец, ГК РСФСР принят в республиках Латвийской, Литовской, Эстонской, Карело-Финской; в Молдавской ССР действует ГК УССР.

даря стахановскому труду, благодаря наградам и поощрениям за достижения на трудовом фронте, на фронте науки, искусства и техники, — советский гражданин имеет право требовать внимания к своим желаниям, своей воле, своим привязанностям, своим семейным связям при разрешении вопроса о судьбе принадлежащего ему имущества на случай смерти.

В то же время уверенность в надлежащем направлении и использовании личной собственности не только при жизни, но и после смерти должна служить новым стимулом к повышению качества и количества труда, а тем самым к улучшению качества и увеличению количества продуктов труда. А это в свою очередь приводит к дальнейшему развитию социалистического народного хозяйства, к дальнейшему укреплению социалистической собственности.

Эти принципы указывают тот путь, по которому должно идти развитие нашего наследственного права. Это — путь укрепления начал наследования личной собственности. Это — путь развития наследственного права в соответствии с интересами дружной, здоровой семьи в социалистическом обществе.

Советское законодательство и во время войны продолжало откликаться на выявившиеся потребности в области регулирования наследования.

15 сентября 1942 г. СНК СССР принял постановление «О порядке удостоверения доверенностей и завещаний военнослужащих в военное время»¹.

Это постановление разрешало в военное время удостоверить завещания лиц, состоявших в рядах армии и флота, командованию отдельных воинских частей (полков, эскадрилий, кораблей 1, 2 и 3 рангов, соединений кораблей 4 ранга, отдельных батальонов, дивизионов, рот, батарей, отрядов и других соответствующих им воинских частей). Завещания военнослужащих, находившихся на излечении в госпиталях, допускалось свидетелем начальникам госпиталей.

Этот упрощенный порядок оформления завещательных распоряжений был продиктован самой жизнью. В условиях военной обстановки, на фронте перед боем, в лечебном учреждении, разумеется, не могла быть обес-

---

¹ СП СССР 1942 г. № 8, ст. 133.

печена воинам нашей армии возможность участия нотариальных органов в засвидетельствовании их завещательных распоряжений. Участие командования или начальника госпиталя в засвидетельствовании завещания являлось в этих случаях вполне достаточной гарантией достоверности и правильности последнего.

Одновременно опыт военного времени поставил перед судебной практикой вопрос, который настоятельно требовал скорейшего разрешения, — это вопрос об обеспечении возможности принятия наследства в случаях, когда установленные для того сроки оказывались пропущенными в связи с обстоятельствами военного времени. Соответствующие указания были даны пленумом Верховного суда СССР¹.

До войны судебная практика, в точном соответствии с текстом закона, придерживалась неуклонно той точки зрения, что срок, предусмотренный ст. ст. 430 и 433 ГК РСФСР (шестимесячный срок для принятия наследства), как срок специальный, не допускает продления либо приостановления. Обстоятельства военного времени заставили отойти от этой позиции, — и пленум Верховного суда СССР дал судам указание, согласно которому течение сроков, установленных для принятия наследства, в случае невозможности явки наследников в пределах этого срока вследствие призыва в армию или вследствие проживания их на территории, временно занятой неприятелем, или вследствие эвакуации в связи с обстоятельствами военного времени, или вследствие того, что наследодатель находился в рядах армии или проживал на территории, временно занятой неприятелем, или был эвакуирован в связи с обстоятельствами военного времени, — приостанавливается впредь до прекращения соответствующих обстоятельств. Ограждая таким порядком интересы отсутствующих наследников, пленум Верховного суда предписывал в то же время выдавать личным наследникам причитающиеся им наследственные доли с обязательным принятием мер к охранению доли отсутствующих наследников.

Следующее постановление военного времени, относящееся к вопросам наследственного права, — Указ Прези-

---

¹ Постановление пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г.

диума Верховного Совета СССР от 9 января 1943 г. «Об отмене налога с имущества, переходящих в порядке наследования и дарения, и предоставлении льгот по государственной пошлине наследникам лиц, погибших при защите Родины»¹. Указ, освобождая наследников лиц, погибших при защите Родины, от налога с переходившего к ним в порядке наследования имущества, освобождал их также от государственной пошлины за выдачу свидетельств, подтверждающих права наследования.

Следует отметить, что в период Отечественной войны установлены новые ставки пошлины, взимаемой при выдаче нотариальными конторами свидетельств, подтверждающих право наследования². В данное время эта государственная пошлина, определяемая в размере 10 руб. при стоимости имущества, переходящего по наследству, до 300 р., повышается в дальнейшем в соответствии с особой шкалой и достигает суммы в 100 руб. при стоимости имущества от 3 до 5 тысяч рублей; при стоимости имущества свыше 5 тысяч рублей пошлина взимается не в твердых рублях, а в процентном отношении: в размере 5% при стоимости наследственного имущества от 5 до 10 тысяч рублей и в размере 10% при наследстве стоимостью свыше 10 тысяч рублей.

В то же время, в изъятие из общего порядка, установлены особые льготы при взимании указанной пошлины. Как уже отмечалось, от взимания госпошлины освобождаются полностью наследники лиц, погибших при защите Родины. Далее, при определении размера государственной пошлины не учитываются вовсе облигации госзаймов, вклады в гострудсберкассы, в Госбанк и в Банк для внешней торговли, а если указанные ценности являются единственным имуществом, переходящим в порядке наследования, размер пошлины определяется всегда в 10 руб. независимо от суммы облигаций или вкладов³.

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1943, № 3.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственной пошлине» от 10 апреля 1942 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1942, № 13). Постановление СНК СССР «О ставках государственной пошлины» от 29 апреля 1942 г. (СП СССР 1942 г. № 4, ст. 71). Инструкция НКФ СССР от 8 мая 1942 г. № 278.

³ Приказ НКФ РСФСР от 2 августа 1943 г. № 492.

Параллельно с урегулированием вопроса о порядке перехода наследственного имущества к наследникам законодатель озаботился установлением твердых правил перехода наследственного имущества к государству¹.

Эти правила, целиком оставаясь на почве действовавшего в то время законодательства, лишь вносили необходимые уточнения в вопрос о том, при каких условиях наследственное имущество переходит к государству, как должен быть оформлен этот переход, как определяется место открытия наследства, как должны выявляться и учитываться выморочные имущества и какие выплаты производятся из общей стоимости этого имущества. Наконец, здесь же устанавливается порядок перехода выморочного имущества к государству с уточнением вопросов, относящихся к расчетам с наследниками, оценке выморочного имущества и его реализации.

Все упомянутые постановления носят лишь частный характер, не затрагивая общей системы наследования.

Иное значение имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследовании по закону и по завещанию»². Несмотря на свою краткость, этот Указ существенным образом изменяет порядок наследования.

В области наследования по закону Указ 14 марта 1945 г. расширяет прежде всего круг наследников, включая в их число родителей, братьев и сестер. При этом впервые устанавливается очередность призвания к наследованию: в первую очередь призываются дети, супруг и нетрудоспособные родители умершего, а также другие нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти³; во вторую очередь — трудоспособные родители, а при их отсутствии — в третью очередь — братья и сестры умершего. Вместе с тем для нисходящих наследников устанавливается наследование по праву представления, в

¹ «Правила перехода к государству наследственных имуществ, утвержденные постановлением СНК РСФСР от 28 декабря 1943 г. (СП 1944 г. № 3, ст. 21).

² «Ведомости Верховного Совета СССР», 1945, № 15.

³ Таким образом, иждивенцы наследуют тогда, когда они являются нетрудоспособными, в то время как до того они должны были еще быть иждивенцами.

силу чего, в отличие от ранее действовавшего порядка, внуки наследуют не в равных долях с прочими наследниками и не одновременно с ними, а только при условии, если их родитель умер раньше, чем наследодатель, причем они в этом случае получают все вместе долю своего родителя и делят ее между собой на равные доли¹.

В области наследования по завещанию Указ 14 марта 1945 г. устанавливает право каждого гражданина оставить все свое имущество или часть его одному или нескольким лицам из числа возможных наследников по закону, а также государственным органам и общественным организациям. Посторонним лицам, не включенным в круг наследников по закону, завещатель вправе оставлять свое имущество только при отсутствии лиц, перечисленных в Указе в качестве наследников по закону.

В то же время укрепляется принцип, положенный в основу так называемой обязательной доли, т. е. доли, которой не может быть лишен тот или иной наследник по закону. Ныне обязательная доля устанавливается в размере полной законной доли, тогда как прежде она была равна трем четвертям этой законной доли. Далее, — и это самое главное, — она закрепляется не только за несовершеннолетними наследниками, но также и за прочими нетрудоспособными наследниками по закону. Это — последовательное проведение того начала, которое приводит к установлению обязательной доли вообще, — начала, направленного на ограждение интересов наследников, зависящих от наследодателя не только в силу факта нахождения на его иждивении, но и в силу невозможности снискивать себе иным путем средства на жизнь — вследствие несовершеннолетия или вследствие состояния здоровья.

Принципиальное значение Указа, назревшая потребность в его издании, подчеркиваются тем, что действие его распространено на наследства, открывшиеся до его издания, но не принятые наследниками и не перешедшие еще к государству в качестве выморочных.

---

¹ Точно так же правнуки наследуют только в случае смерти внука, предшествующей открытию наследства — на указанных условиях и в указанном порядке.

Указ 14 марта 1945 г. поручил президиумам Верховных Советов союзных республик внести соответствующие изменения в Гражданские кодексы республик.

Во исполнение этого Президиум Верховного Совета РСФСР издал 12 июня 1945 г. Указ, коим изменен ряд статей ГК РСФСР (ст. ст. 418, 420, 421, 422, 423, 424, 429, 430, 433). Это — основные, наиболее существенные статьи в разделе, посвященном наследованию.

Указанные изменения сводятся в первую очередь к тому, что они вводят новую редакцию текста закона, воспроизводящую текст Указа 14 марта 1945 г., либо согласованную с последним. Однако, наряду с этим, измененный текст ГК РСФСР содержит еще и самостоятельное, новое положение. Последнее заключается в том, что при отказе от наследства, непринятии наследства и лишении наследства завещательным распоряжением соответствующая доля переходит к другим наследникам по закону, между которыми она делится в установленном порядке, — вместо того, чтобы быть объявленной выморочной и переходить, как прежде, к государству. Возможность объявления имущества выморочным наступает, таким образом, только тогда, когда после смерти наследодателя не осталось вовсе наследников, либо когда все наследники не явились в срок, отказались принять наследство или были лишены права наследования.

Таковы те существенные изменения, которые внес закон в порядок наследования на пороге окончания войны.

Проведение этого закона в жизнь вызвало потребность регулирования отдельных моментов в области наследования.

Прежде всего оказалось необходимым дать руководящие указания для наилучшего обеспечения интересов воинов Советской Армии и их семей, а затем — изменить и уточнить отдельные положения в целях приведения их в соответствии с порядком, установленным Указом 14 марта 1945 г.

Уже в первые недели после окончания войны с Германией, 26 июня 1945 г., было издано постановление СНК СССР, сохранявшее в силе и на мирное время действие постановления СНК от 15 сентября 1942 г. «О порядке засвидетельствования завещаний военнослужа-

щих»¹. Засвидетельствование посмертных распоряжений военнослужащих командованием при всех условиях обеспечивает в полной мере достоверность записи последней воли умершего; это устраняет необходимость в нотариальном удостоверении завещаний военнослужащих, для которых обращение в нотариальную контору, по роду и характеру военной службы, может представлять значительные затруднения не только в военное, но и в мирное время.

Необходимость определить судьбу вкладов, внесенных в полевые учреждения Госбанка, привела к изданию особого постановления СНК СССР (от 15 декабря 1945 г.) «О выплате наследникам вкладов умерших и погибших военнослужащих, внесенных ими в полевые учреждения Госбанка»². Это постановление не только подтверждает обязательность выплаты в порядке действующего законодательства о наследовании указанных вкладов наследникам умерших и погибших военнослужащих с обязательным оформлением прав на наследство до 1 января 1947 г., но в целях охраны интересов наследников разрешает выплату вкладов наследникам на сумму до 300 руб. в порядке, установленном для вкладов в гострудсберкассах. Вместе с тем оно возлагает на военные комиссариаты обязанность оповещать наследников по извещениям полевых учреждений Госбанка о вкладах, оставшихся после смерти военнослужащих. В этом проявляется забота о семьях погибших воинов, забота о том, чтобы имущество, оставшееся после погибшего, действительно было вручено его наследникам, а не оставалось в Госбанке в качестве невостребованного вклада.

Издание Указа 14 марта 1945 г. и внесение изменений в Гражданский кодекс РСФСР по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г. потребовали внесения соответствующих изменений и в правила перехода к государству наследственных имуществ. Эти изменения произведены постановлением СНК РСФСР от 7 марта 1946 г.³

Указанное постановление определяет по-новому состав выморочного имущества. Имея в виду, что доля

¹ СП СССР 1945 г. № 5, ст. 67.

² СП СССР 1946 г. № 1, ст. 31.

³ СП РСФСР 1946 г. № 4, ст. 16.

наследника, отказавшегося от наследства либо лишенного наследства, переходит в настоящее время не к государству, а к прочим наследникам по закону, наследственное имущество признается выморочным только в том случае, если все наследники не приняли наследства, либо если все наследники по закону лишены права наследования, либо если у наследодателя совершенно нет наследников по закону либо по завещанию.

Соответственно тому, что в настоящее время переход наследственного имущества к наследникам и одновременно в той или иной части к государству, в качестве выморочного, места иметь не может, правила перехода к государству наследственного имущества предусматривают выдел выморочного имущества уже не из состава наследственного имущества, а только из состава имущества, находившегося в общей собственности наследодателя и других лиц, устанавливая правила выкупа, раздела имущества в натуре и продажи его только для случаев раздела имущества с участниками общей собственности, но не с наследниками умершего.

Обобщая практику работы народных судов и нотариальных контор, Министерство юстиции СССР опубликовало директивное разъяснение от 20 февраля 1947 г., которым разрешило ряд спорных и сомнительных вопросов, возникших в практике применения закона. В этом разъяснении, в частности, указано, что лица, являющиеся наследниками по ранее существовавшему закону и фактически принявшие наследство своевременно, но не оформившие своих наследственных прав, могут в любое время получить свидетельство о праве наследования; что пасынки и падчерицы не наследуют после отчима и мачехи, так же как отчим и мачеха не наследуют после пасынков; что право представления неприменимо к родственникам в боковых линиях; что отказ от наследства может быть только безусловным и не может совершаться в пользу других определенных наследников; что отсутствие лиц, входящих в круг наследников по закону, определяются не на день составления завещания, а на день открытия наследства; что при лишении права наследования сына завещателя не могут наследовать по праву представления и его дети (внуки завещателя), даже если они являются несовершеннолетними.

Этим же вопросам посвящено постановление пленума

Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования».

Это постановление определяет порядок получения свидетельства о наследовании, устанавливает условия, при которых допускается признание уважительными причин для приостановления сроков принятия наследства. уточняет вопрос о переходе по наследству обычной домашней обстановки и предметов обихода. Постановление пленума Верховного суда останавливается, далее, на порядке осуществления наследственных прав наследниками второй и третьей очереди, на отказе от наследства, на наследственных правах пасынков и падчериц, внуков и правнуков; оно предусматривает переход наследства в порядке наследственной трансмиссии, наследственные права детей сына или дочери, лишенных права наследования по завещанию, регулирует порядок наследования жилых строений и т. д.

Поскольку это постановление пленума Верховного суда охватывает в основном тот же круг вопросов, что и директивное разъяснение Министерства юстиции СССР от 20 февраля 1947 г., Министерство юстиции СССР сообщило директивным письмом от 11 августа 1947 г., что директивное письмо от 20 февраля 1947 г. должно считаться утратившим силу.

Путь дальнейшего развития наследственного права — это путь обеспечения трудящимся широкой возможности распоряжаться своей личной собственностью как при жизни, так и на случай смерти. Это путь укрепления советской семьи, а тем самым и связанных с семьей начал наследования. Этот путь указан советскому наследственному праву всей историей его развития.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От авторов	5
<i>Глава первая</i> — Основные этапы развития советского социалистического гражданского права	7
<i>Глава вторая</i> — Законодательство о собственности	67
<i>Глава третья</i> — Договорные обязательства	140
<i>Глава четвертая</i> — Советское семейное право	390
<i>Глава пятая</i> — Советское наследственное право	500

Редактор *М. И. Эйшишкин*. Техн. редактор *А. Н. Макарова*
Художник *П. Ф. Белов*

Подписано к печати 21/1 1949 г. Печ. л. 34. Уч.-изд. л. 29
В печ. л. 35200 зн.   Формат бум. 84×108^{1/32}   Л. 79142
Заказ № 141.   Тираж 10000.   Цена 16 р. 50 к

5-я типография треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете
Министров СССР, Свердловск, ул. Ленина 47.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует	По чьей вине
86	9—8 снизу	собственн ~~н~~ тью	собственности	корректуры
236	24 сверху	155	156	корректуры
452	10 снизу	экспертизма	экспертиза	корректуры
»	»	экспертизма	экспертиза	корректуры
511	13 снизу	Верховного суда	Народного комиссариата юстиции	Автора